Geneal. 208 K/3

Vasil'čikov

<36635249820011

<36635249820011

Bayer. Staatsbibliothek

Vasilčikov

СЕМЕЙСТВО РАЗУМОВСКИХЪ.

А. А. Васильчикова.

III

S. n. 5176

СВѢТ. КНЯЗЬ АНДРЕЙ КИРИЛОВИЧЪ
РАЗУМОВСКІЙ

Д. Т. С. 1-го КЛАССА. ПОСОЛЪ ВЪ ВѢНѢ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Декабря 1879 г. Геліогр. въ Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ.

СЕМЕЙСТВО

РАЗУМОВСКИХЪ

А. А. Васильчикова.

> Люблю отъ бабушки Московской
> Я толки слушать о роднѣ,
> О толстобрюхой старинѣ.
>
> Пушкинъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Свѣтлѣйшій князь Андрей Кириловичъ.

ЧАСТЬ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1882

E. n. 5176

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 ЛИН. 7.

(652)

СОДЕРЖАНІЕ III ТОМА.

ГЛАВА I. СТРАН.

Введеніе.—Отрочество.—Юность.—Служба на флотѣ.—Дружба съ Цесаревичемъ.—Переписка съ нимъ 1

ГЛАВА II.

Служба при дворѣ.—Успѣхи.—Честолюбивые замыслы.—Ссылка 22

ГЛАВА III.

Жизнь въ Ревелѣ.—Переѣздъ въ Батуринъ.—Назначеніе въ Неаполь.—Жизнь въ Вѣнѣ . 40

ГЛАВА IV.

Служба въ Неаполѣ . 60

ГЛАВА V.

Путешествіе.—Жизнь въ Вѣнѣ.—Копенгагенъ.—Стокгольмъ. 76

ГЛАВА VI.

Женитьба.—Путешествіе въ Россію.—Жизнь въ Петербургѣ.—Назначеніе въ Вѣну.—Соперничество съ княземъ Голицынымъ 111

ГЛАВА VII.

Дѣла польскія. — Соглашеніе съ Пруссіею. — Отставка князя Кауница. — Тугутъ.—Характеристика графа Андрея Кириловича.—Смерть князя Голицына . 126

ГЛАВА VIII.

Брачныя предложенія Неаполитанскаго двора.—Несогласія между союзниками.—Безпорядки въ Польшѣ. — Пререкательства съ Вѣнскимъ дворомъ . 151

ГЛАВА IX.

Партія за войну. — Взятіе Варшавы.—Конференція въ Петербургѣ.—Послѣдній раздѣлъ Польши.—Базельскій миръ. 175

ГЛАВА X.

Сближеніе съ Англіей. — Интриги Пруссіи. — Постановленіе Регенсбургскаго сейма.—Окончательный раздѣлъ Польши.—Событія на Рейнѣ.—Переговоры между Англіею и Франціею.—Смерть графа И. Г. Чернышева . 192

ГЛАВА XI. СТРАН.

Успѣхи Бонапарта въ Италіи. — Лудовикъ XVIII.—Рѣшеніе Россіи принять дѣятельное участіе въ коалиціи.—Кончина Екатерины . . . 215

ГЛАВА XII.

Перемѣна въ политикѣ. — Положеніе Разумовскаго въ Вѣнѣ.—Просьбы о пособіи.—Предлагаемая Россіею медіація.—Кампоформійскій миръ 228

ГЛАВА XIII.

Временное удаленіе Тугута. — Новая коалиція. — Посольство князя Репнина.—Походъ генерала Розенберга 251

ГЛАВА XIV.

Нерѣшительность вѣнскаго двора.—Новый планъ кампаніи.—Назначеніе Суворова главнокомандующимъ.—Пріѣздъ его въ Вѣну 272

ГЛАВА XV.

Назначеніе Колычева.—Переписка съ Суворовымъ.—Побѣды Суворова. . 293

ГЛАВА XVI.

Сближеніе съ Англіею.—Недоразумѣнія съ Австріею.—Разрывъ.—Ссылка Разумовскаго. — Жизнь въ Батуринѣ. — Назначеніе сенаторомъ. — Смерть Павла I-го 317

ГЛАВА XVII.

Новое царствованіе. — Мирная политика. — Назначеніе Разумовскаго въ Вѣну. — Вопросъ о секуляризаціяхъ.—Конвенція съ Франціею.— Д'Антрегъ. — Столкновеніе съ Шампаньи.—Свиданіе въ Мемелѣ.— Дуэль Зубова 381

ГЛАВА XVIII.

Новое столкновеніе съ Шампаньи. — Смерть графа Кирилы Григорьевича.—Путешествіе въ Россію. — Перемѣна политики. — Постройка дома.—Жизнь въ Вѣнѣ.—Общество.—Музыка.—Квартетъ Разумовскаго. — Гайденъ, Моцартъ, Бетховенъ. — Анти-французская партія.—Генцъ.—Поццо ди-Борго.—Начало новой коалиціи.—Переговоры.—Миссіи Новосильцева въ Лондонѣ и Парижѣ 434

ГЛАВА XIX.

Переписка съ Петербургомъ. — Убіеніе герцога Энгіенскаго.—Разрывъ съ Франціею.—Переговоры съ Вѣною и Берлиномъ. 470

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

ГЛАВА I.

Введеніе.—Отрочество.—Юность.—Служба на флотѣ.—Дружба съ Цесаревичемъ.—Переписка съ нимъ.

Приступая къ біографіи свѣтлѣйшаго князя Андрея Кириловича Разумовскаго, игравшаго, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, немаловажную роль въ Европѣ, мы должны извиниться передъ читателемъ. Текстъ нашъ будетъ изобиловать нескончаемыми французскими цитатами, которые придадутъ всей книгѣ не совсѣмъ привлекательную пестроту. Недостатокъ этотъ ощущался уже во второй части труда нашего, хотя далеко не въ той мѣрѣ, какъ теперь.

Пестрота эта, такъ-сказать, историческая и она невольно налагаетъ отпечатокъ свой на каждый добросовѣстный трудъ, относящійся до новой, а пожалуй даже и до новѣйшей исторіи нашей. Задача наша, какъ мы объяснили въ предисловіи къ первому тому настоящаго сочиненія, возсоздать бытъ русскихъ баръ прошлаго времени и какъ можно чаще говорить если не устами, то перомъ нашихъ героевъ. Но въ эпоху, до которой мы теперь дошли, перо это умѣло строчить однѣ французскія фразы. Изъ всѣхъ Разумовскихъ никто такъ много въ жизнь свою не исписалъ бумаги, какъ настоящій герой нашъ—и дѣлалъ это онъ постоянно по-французски. На другихъ иностранныхъ языкахъ онъ не умѣлъ такъ свободно изъясняться; къ своему же, едва знакомому родному нарѣчію, прибѣгалъ онъ только въ крайнихъ случаяхъ. Самую простую дѣловую бумагу съ трудомъ могъ онъ сочинить по-русски и на письма отца постоянно отвѣчалъ по-французски, хотя старику-фельдмаршалу, особенно же въ послѣдніе годы, когда его зрѣніе ослабло, это было подъ-часъ довольно тягостно. Всѣ товарищи и сверстники князя Андрея Кириловича думали, говорили и писали по-французски. Надобно еще радоваться, когда подъ вліяніемъ иностранныхъ элементовъ, задушившихъ въ русскихъ лю-

дяхъ все русское, оставалась на послѣднихъ хотя нѣкоторая пестрота. Весьма часто они вполнѣ и всецѣло погрязали въ чуждую ихъ народности стихію, которая окончательно смывала съ нихъ послѣднія черты отечественнаго типа. Не въ однихъ только дипломатическихъ кругахъ, не въ однихъ великосвѣтскихъ гостиныхъ молодого и моднаго Петербурга, но и въ старой Москвѣ, сердцѣ Россіи, и въ губерніяхъ, однимъ словомъ вездѣ, куда только проникло иностранное образованіе.

На съѣздахъ, на балахъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшеніе языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ.

Употребленное Грибоѣдовымъ настоящее время едва ли анахронизмъ и въ наши дни.

Итакъ, пестрота—это отпечатокъ цѣлой эпохи. Французскія цитаты можно было перевести, но это значило лишить ихъ первобытной свѣжести. Не даромъ сказалъ Бюффонъ: „le style c'est l'homme"— а въ переводахъ слогъ обезличивается. Оставалось переводы печатать вслѣдъ за подлинниками, но тогда уже и такъ довольно объемистая книга приняла бы совершенно невозможные размѣры.

Князь Андрей Кириловичъ Разумовскій представляетъ полнѣйшее олицетвореніе того космополитизма, до котораго были доведены, процвѣтающимъ у насъ иностраннымъ воспитаніемъ, цѣлыя поколѣнія. Но на князя Разумовскаго повліяло не одно только воспитаніе. Къ полному отреченію его отъ всего русскаго много способствовала еще дипломатическая его карьера. Русскій человѣкъ, какъ бы тверды въ немъ ни были задатки народности, не можетъ безнаказанно вынести слишкомъ долгаго удаленія отъ родины. Или онъ зачахнетъ съ тоски по ней, или же, по слабости славянской природы, мало-по-малу отрѣшается отъ обычаевъ, взглядовъ и даже весьма часто вѣрованій своей отчизны, чтобы вполнѣ и всецѣло слиться съ тою средою, въ которой проводитъ долгіе годы. Разительный тому примѣръ представляютъ намъ духовныя особы, отправляемыя въ былое время къ разнымъ миссіямъ нашимъ за границею. Молодой, вполнѣ русскій семинаристъ, являясь въ Англію и проживъ тамъ лѣтъ двадцать, принималъ всю важность и всю сановитость англійскаго right reverend'a. Товарищъ его, поселившійся среди степенныхъ нѣмцевъ, мало-по-малу выцвѣталъ въ холоднаго протестантскаго пастора; наконецъ, среди шумнаго и суетливаго Парижа русскій духовный невольно заражался ухватками латинскихъ монсиньоровъ. Разумѣется, все это относилось до одной только внѣшности. Даже лучшихъ нашихъ поэтовъ и писате-

лей завлекала прелесть жизни на Западѣ — стоитъ только вспомнить Жуковскаго, который до конца жизни не могъ рѣшиться переѣхать въ Россію, или Гоголя, такъ любившаго мечтать о Россіи „изъ прелестнаго далека". И это все были люди, внутренній духъ которыхъ съ младенчества сильно закаленъ былъ народнымъ элементомъ. Чего же послѣ этого ожидать отъ тѣхъ, которые еще въ пеленахъ оторваны были отъ родной среды, которые воспитались и возросли въ космополитизмѣ.

Таковы были почти всѣ наши, такъ-называемые, русскіе дипломаты. Они всецѣло подчинялись вліянію той страны, въ которой приходилось имъ отстаивать честь и права своей родины. Къ тому же, нигдѣ, какъ у насъ, дипломаты не оставались такъ долго внѣ отчизны и притомъ почти постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Понятно, что съ теченіемъ времени, незамѣтно для нихъ самихъ, всѣ усилія офранцуженныхъ, обнѣмечившихся, или же англизированныхъ русскихъ дипломатовъ стали стремиться не столько къ охраненію чести и блага родины, сколько къ сохраненію тѣхъ мѣстъ, гдѣ успѣли пустить они глубокіе корни. Часто ради этого все прочее терялось изъ виду. Эта характеристическая черта представителей Россіи за границей, обратила на себя въ началѣ столѣтія, какъ мы увидимъ далѣе изъ разсказа нашего, вниманіе иностранныхъ дипломатовъ, умѣвшихъ сохранить вполнѣ свою національность и свои коренныя убѣжденія. Самые русскіе изъ нашихъ пословъ стараго времени, тѣ, которые умѣли вполнѣ отрѣшать любовь къ родинѣ отъ личныхъ эгоистическихъ видовъ, которые стойко защищали честь отчизны отъ людей, съ которыми были иногда связаны узами дружбы, даже и они, говоримъ мы, невольно подпадали подъ обаяніе чуждой имъ народности, но крайне имъ любезной среды. Такой примѣръ видимъ мы въ вполнѣ русскомъ, глубокочестномъ и совѣстливомъ графѣ Семенѣ Романовичѣ Воронцовѣ. Въ недавно напечатанныхъ письмахъ его къ сыну излилась вся любящая, правдивая душа этого отличнаго, симпатичнаго человѣка. Нельзя не быть тронутымъ глубокою искреннею привязанностію къ родинѣ, которая на каждомъ шагу истекала изъ-подъ пера его. При чтеніи его писемъ иногда невольно себя спрашиваешь, не выдержки ли это изъ сочиненій Хомякова, Самарина или Аксакова. И что же? этотъ вѣрный сынъ Россіи съ ужасомъ думалъ о необходимости вернуться на родину и то на самый короткій срокъ, и отказывался отъ блестящихъ мѣстъ, лишь бы не покидать дорогой ему Англіи.

Особою горячею любовью къ родинѣ не отличался новый герой нашъ, къ біографіи котораго мы теперь приступаемъ.

Третій и любимый сынъ гетмана графа Кирилы Григорьевича Ра-

зумовскаго — Андрей родился въ Глуховѣ 22-го октября 1752 года. Онъ узрѣлъ свѣтъ Божій шесть мѣсяцевъ послѣ пожалованія отцу его „блакитной“ кавалеріи и въ честь этого нареченъ былъ Андреемъ. Въ Петербургъ съ извѣщеніемъ о приращеніи гетманскаго семейства поскакалъ сынъ подскарбія генеральнаго Скоропадскаго. Крестины съ большою торжественностію отправлены были въ Глуховѣ. Воспріемниками были старшій братъ новорожденнаго графъ Алексѣй Кириловичъ, и бабка его, графиня Наталья Демьяновна. При Глуховскомъ дворикѣ по сему случаю состоялись торжественные пріемы, старшины и всѣ служащіе являлись въ гетманскій дворецъ съ поздравленіями и подносили гетманшѣ „обычайный презентъ“.

Десяти лѣтъ, 28 іюля 1762 года, принятъ былъ графъ Андрей Кириловичъ на службу во флотъ мичманомъ, но, разумѣется, оставался въ отцовскомъ домѣ, а потомъ, какъ мы видѣли въ началѣ второго тома, вмѣстѣ съ братьями воспитывался въ извѣстной академіи X-й линіи. Съ раннихъ лѣтъ поражалъ молодой Андрей преподавателей своими способностями. Особенно полюбилъ остраго мальчика знаменитый впослѣдствіи историкъ Шлёцеръ. Съ своей стороны и Андрей Кириловичъ привязался къ умному и симпатичному учителю. Болѣе другихъ братьевъ любилъ онъ уроки исторіи и часто по вечерамъ, когда наступало время общаго отдыха, забирался въ комнату Шлёцера, занимая его не по лѣтамъ умными разговорами объ исторіи и статистикѣ.

Въ это же время Андрей Кириловичъ сблизился съ Наслѣдникомъ престола, который изъ всѣхъ трехъ братьевъ Разумовскихъ, составлявшихъ обыкновенное его общество, болѣе всѣхъ полюбилъ младшаго. Между дѣтьми установилась тѣсная дружба, которую уже не могла пошатнуть долгая разлука. Въ декабрѣ 1764 года Андрей Кириловичъ отъ службы, на которую онъ еще не поступалъ, отпущенъ былъ за границу съ родителемъ. Онъ вмѣстѣ съ братьями отправился доканчивать воспитаніе свое въ Страсбургѣ, подъ руководствомъ своего гувернера де-Мариніяна, надъ которымъ подсмѣивается въ своей автобіографіи Шлёцеръ, но который умѣлъ привязать къ себѣ своихъ воспитанниковъ и даже заслужить полное довѣріе и уваженіе фельдмаршала графа Кирилы Григорьевича.

Изъ всѣхъ братьевъ графъ Андрей особенно любилъ своего наставника. „Nous ne sommes pas dans le cas“, писалъ онъ къ нему, гораздо позднѣе, уже будучи министромъ въ Неаполѣ, „de suivre une correspondance réglée, mais il m'est bien doux, je vous l'assure, de vous dire de temps en temps que je me souviens de mon enfance, des soins que vous m'avez donnés, des obligations que je vous ai. Le temps, l'âge, ni les évènements n'effacent point dans une âme sensible

ces impressions agréables, je me les retrace bien souvent et ce tribut tacite de ma reconnaissance n'en est pas moins vif pour être renfermé!... Traitez moi en ami, souvenez-vous que je vous ai des obligations et que ce sera me procurer une satisfaction bien douce que de me permettre d'en acquitter une partie [1]).

О пребыванiи своемъ въ Страсбургѣ, гдѣ ученiемъ его руководилъ, извѣстный въ то время, ученый профессоръ Шёнфлинъ, графъ Андрей сохранилъ на всю жизнь самое отрадное впечатлѣнiе. Онъ любилъ впослѣдствiи вспоминать о своемъ тамъ пребыванiи, о своихъ знакомыхъ и занятiяхъ. „Vous me mandez", писалъ онъ много лѣтъ спустя тому же Маринiяну, „que vous irez à Strasbourg. Que j'aimerais revoir ce beau pays, auquel je m'interesserai toute ma vie. Ne m'y oubliez pas auprès de nos anciens amis. Dites mille et mille amitiés à notre digne et aimable hôte, les Franck et tout ce qui se rappellerait encore de moi. Je ne passerai jamais à cent lieux à la ronde sans aller rendre hommage, à ce berceau de mon enfance dont le souvenir m'est si agréable [2]).

Окончивъ курсъ ученiя въ Страсбургѣ, Андрей Разумовскiй вмѣстѣ съ братьями отправился въ Англiю и здѣсь поступилъ во флотъ на службу. 23 iюня 1769 года онъ произведенъ былъ въ лейтенанты и въ слѣдующемъ же году возвратился въ Россiю, представивъ въ адмиралтействъ-коллегiю журналъ своихъ морскихъ путешествiй, писанный на англiйскомъ языкѣ [3]). Черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего возвращенiя онъ посланъ былъ въ Архипелагъ къ адмиралу Спиридову. Несомнѣнно, что онъ принялъ участiе въ знаменитомъ Чесменскомъ походѣ, но какое—намъ, къ сожалѣнiю, неизвѣстно. Объ этомъ не сохранилось никакихъ данныхъ ни между бумагами самого Разумовскаго, ни въ архивахъ морского министерства [4]). Мы знаемъ только, что онъ вернулся въ Петербургъ изъ Архипелага въ сентябрѣ 1772 года, на эскадрѣ контръ-адмирала Спиридова, пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры къ высочайшему двору и причисленъ былъ къ гребному флоту. 31 декабря того же года произведенъ онъ былъ въ капитанъ-лейтенанты. Кромѣ того, имѣемъ мы смутное понятiе о путешествiяхъ Разумовскаго въ Архангельскъ, коихъ трудно разбираемые и спецiальные морскiе журналы сохранились въ государственномъ архивѣ.

Павелъ Петровичъ съ открытыми объятiями принялъ, при его возвращенiи на родину, своего стараго товарища и друга. Служба на

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[2]) Тамъ же

[3]) Бантышъ-Каменскiй, Словарь достопамятныхъ людей земли Русской (1847) III. 1.

[4]) Извѣстный историкъ нашего флота, Ѳ. Ѳ. Веселаго, обязательно взялся сдѣлать справки по этому въ морскихъ архивахъ. Къ сожалѣнiю, справки эти ни къ чему не привели.

флотѣ еще болѣе ихъ сблизила, такъ какъ Цесаревичъ былъ генералъ-адмираломъ. Кромѣ того, по придворному званію Андрею Кириловичу часто приходилось дежурить при дворѣ и проводить вечера въ долгихъ дружескихъ бесѣдахъ съ Наслѣдникомъ престола. Но этими бесѣдами Цесаревичъ не довольствовался и, кромѣ того, велъ еще дѣятельную переписку съ Разумовскимъ. Въ богатомъ архивѣ князя Андрея Кириловича сохранился цѣлый рядъ записокъ его августѣйшаго друга. Записки эти дышатъ какою-то институтскою наивностію и нѣжностью. Мы ихъ помѣщаемъ здѣсь, придерживаясь, сколько возможно, хронологическаго порядка.

1.

Faites-moi le plaisir, mon ami, de venir s'il est possible demain dîner chez moi, car il me sera impossible de vous parler ce soir à mon aise, devant souper ce soir chez le comte de Panine. Je me fais une fête de vous entretenir et de vous parler à coeur ouvert et je pourrai en avoir tout le temps si vous passez chez moi à midi et de plus il y a conseil demain. J'ai le coeur un peu gros et vide. Votre présence me soulagera et c'est pour moi un grand contentement. Adieu, mon cher ami, je vous aime de tout mon coeur. Faites-moi réponse s'il est possible.

P.

Mercredi, 6 de Mars 1773.

2.

Je me suis ennuyé hier d'importance et au milieu de quinze personnes j'ai été pour ainsi dire tout seul. J'ai toujours encore le coeur plein de sentiments et la tête pleine d'idées, qu'il me serait bien doux de vous confier, mais il m'arrive précisément comme à vous que j'ai mille choses à vous communiquer et qu'au moment où je le dois faire, je ne sais par où commencer et rien ne m'est présent. Vous avez déjà opéré un miracle d'amitié sur moi, puisque je commence à me défier de mes anciennes défiances; mais, mon ami, il faut que vous persévériez avec moi, car vous allez contre une habitude de dix années et vous combattez ce que la crainte et la gêne habituelle ont enraciné en moi. Portez-vous bien, mon ami. J'irai dans une heure au manége. Je vous laisse à penser à vous même si j'ai envie de vous voir, mais vous fe-

rez ce que la prudence vous dictera pour ne point donner d'ombrage. Adieu, je vous embrasse.

P.

Ecrivez moi un mot, s'il se peut, cela me réjouira.

Vendredi, 8 Mars 1773.

3.

J'attends avec impatience le moment où je pourrai vous voir surtout après les trois jours que j'ai passé sans vous et par conséquent dans l'ennui. J'espère que vous vous portez bien et que vous vous êtes mieux amusé que moi, du moins sont-ce mes souhaits. Le billet que vous m'avez laissé en partant m'a rassuré d'un côté, mais aussi de l'autre il a renouvelé les reproches que je me faisais d'avoir poussé les choses trop loin. Au reste mon ami je me porte bien et tout est tranquille et nous avons même sujet de nous réjouir en quelque façon. Le comte de Panine a parlé hier à notre commun ami à notre sujet et loin d'en être alarmé ou fâché, il a fait apercevoir qu'il en était content. M-r de Sal(dern) ne s'est point expliqué d'avantage à ce sujet ce matin car nous allions nous mettre à table et m'a dit qu'il m'en parlerait plus amplement une autre fois. Je n'ai plus rien à vous dire pour le moment si non que je vous aime bien et que je voudrais vous parler. Portez-vous bien et soyez gai. Adieu, je vous embrasse.

P.

4.

Mon ami, je suis bien impatient de vous voir et je ne sais par quel mésentendu entre moi et mon valet de chambre, je n'ai appris que ce matin votre arrivée. Venez chez moi l'après-midi, avant quatre heures. J'ai à vous dire un mot encore de ce qui est arrivé hier au soir entre la Efimowsky [1]) et moi. Je m'informai de sa soeur, elle me dit qu'elle était à Gostilitzi avec vous, à quoi je lui dis que je croyais qu'elle reviendrait aujourdhui. Les choses roulèrent un peu là-dessus et je ne sais de quelle manière nous tombâmes sur votre chapitre et entre autres elle m'a demandé: „вы его жалуете?“ ce qui me fit dire, que es cér émonies de côté, je me comptais être de vos amis et depuis fort

[1]) Фрейлины графини Ефимовскія были дочерьми двоюроднаго брата императрицы Елизаветы Петровны — генералъ-аншефа графа Андрея Михайловича, женатаго на Ягужинской. Изъ нихъ: графиня Анна Андреевна вышла за графа Миниха и † 1824, а графиня Екатерина Андреевна умерла въ молодыхъ лѣтахъ 1780 г.

longtemps, mais que nous ne nous sommes rapprochés, que depuis quelques semaines, sur quoi elle se tût et je m'éloignais d'elle. Pardonnez moi que je vous entretiens de pareilles minuties. Adieu, je brûle d'envie de vous voir. Ne manquez point donc de venir si vous le pouvez.

P.

5.

Je n'ai rien à vous apprendre de nouveau si non une petite tracasserie domestique qui ne veut rien dire et que je compte vous dire tantôt, lorsque vous passerez chez moi. Dites-moi un mot par Dufour (?) sur l'étât de votre santé, c'est le principal, car sans elle nous n'irons pas loin. J'attendrai avec impatience la fin de ce conseil éternel pour pouvoir vous voir plustôt. Adieu, mon cher ami, j'attends maintenant m-r de Saldern.

P.

6.

Eh bien, mon ami, comment vous trouvez-vous ce matin et vous portez-vous mieux? C'est mon premier souci car au reste tout ira bien. J'ai joué hier au soir à l'hombre, cela vous paraitra singulier, mais l'étant quelquefois moi-même, cela ne doit point vous étonner. Adieu, venez le matin chez moi. Nous parlerons un peu affaires.

P.

7.

Je suis fâché de ne vous avoir point écrit ce matin, j'ai crû que vous viendrez chez moi à midi, comme vous me l'aviez dit hier, cependant j'ai envoyé tantôt des fleurs chez vous. J'espère en même temps que vous vous portez bien, car mon homme aux fleurs ne vous a point trouvé à la maison. Quant à moi je me porte fort bien et suis assez gai, mais très impatient de vous voir, ce pourquoi je vous prie bien instamment de passer chez moi demain à dix heures du matin. De plus je ne sais pourquoi j'ai des espèces d'inquiétudes qui je tâche de dompter et qui me viennent à ce que je crois de mon estomac. Au reste tout est tranquille, j'ai attendu en vain ce matin l'homme en question et je m'armai déjà de résolution, je me baricadai de mon innocence et je me bourrai de fermeté car je me préparai à lui répondre sèchement en conformité de mon instruction (termes à la vérité très pompeux et même trop, mais au reste nécessaires à une narration

aussi éloquente que l'est celle-ci et pour rendre la chose plus touchante en un mot pour émouvoir vos entrailles). Eh bien, mon ami, pour ne pas rester de votre côté en arrière faites en autant de ce qui vous êtes arrivé. Adieu, mon ami, le comte de Panine m'a dit de passer chez lui à son réveil. Je vous embrasse.

P.

8.

Je suis bien fâché mon ami de vous avoir fait de la peine comme il me l'avait paru par les mots de: „*sans la Prudence*“, par lesquels commençait votre billet. Ce sont toujours de ces restes qui percent en moi de temps à autre, mais j'espère que ma conduite future réparera toutes ces petites sottises. Mais pour le présent dites-moi qu'avez-vous fait hier et vous êtes-vous bien amusé et si vous avez bien dormi la nuit. Je vous dirai encore que je vous laisse entièrement le maître de venir le matin, ou bien d'abord après le diner, je laisse cela à votre prudence à digérer, la mienne commençant à ce que j'aperçois à être diablement en défaut. Faites ce qui vous plaira pourvu que je puisse du moins avoir une demi-heure d'entretien particulier avec vous. Je ne me suis répenti que trop hier l'après-diner et le soir d'avoir différé notre entrevue et j'ai été bien puni par un ennui extrême. Vous connaissez déjà les êtres et le cérémonial assez bien vous-même pour que l'on ait besoin d'une plus ample instruction. Adieu, другъ мой, je vous embrasse; venez me consoler et me morigéner.

P.

9.

Je ne sais pas moi-même quand je pourrai vous voir, mais cependant je vous conseille de ne point venir avant demain de peur d'ombrage. Adieu, je n'ai pas le temps de vous en dire d'avantage.

P.

10.

Comment avez-vous passé la journée d'hier? Vous êtes-vous amusé le soir et avez-vous bien dormi la nuit? Je veux savoir tout cela, car vous contribuerez par là de beaucoup à la disposition de mon humeur. Au reste ne craignez rien quand même vous apprendrez quelque chose qui ne me sera pas tout à fait agréable. Le premier moment passé, je me ferai toujours un devoir bien cher pour moi de partager au fond de mon âme, ne le pouvant faire autrement, vos peines et vos chagrins;

c'est ma consolation. Quant à moi je me porte de jour en jour mieux; je ne sais à quoi l'attribuer, je crois cependant, que la fermeté que vous me commencez à inspirer ensemble avec m. de Saldern, me donnant plus de sécurité et plus d'assurance sur tous les évènements, me rend beaucoup plus tranquille et me laisse faire sans souci ma digestion de même que dormir, seuls soucis de la santé. Il me parait que je commence à radoter un peu à force de syllogismes. Je suis destiné aujourd'hui au manége et porte sur le corps un habit orange. Pardonnez-moi, mon cher ami, toutes ces petites bagatelles et le galimatias que je vous dis. Ils viennent de l'envie extrême que j'ai de vous dire quelque chose. Adieu, portez vous bien et que Dieu vous aie en sa sainte et digne garde.

P.

11.

Ne soyez pas étonné, mon cher ami, du sujet de cette lettre. C'est le désir ardent que nous avons à nous ouvrir mutuellement, qui m'y a porté. Nous ne savons malheureusement tous les deux que trop que nous n'avons et n'aurons jamais occasion de parler librement, de la manière dont nous nous prenons. Eh bien, j'ai trouvé un moyen qui est de venir chez moi dans mon cabinet où je suis toujours seul par le chemin où les provisions féminines passent chez moi et le porteur de ce billet vous le montrera, si vous voulez même aujourd'hui à quatre heures. Vous n'avez qu'à le suivre et même, pour que personne ne s'en aperçoive, à pied, s'il est possible, car toute précaution est bien nécessaire dans notre pays, vrai pays de chicane. J'attends ce moment avec la dernière impatience. Adieu, mon cher ami.

P.

12.

Ne soyez point surpris si j'ai manqué à ce que je vous ai promis, mon ami, en ne vous écrivant point, cela m'a été impossible, ayant été depuis onze heures jusqu'à neuf heures du soir absent d'ici. J'ai été à Gatchina, où j'ai pris quantité de lièvres. Je suis bien fâché de ne pouvoir avoir la satisfaction de vous assurer aujourd'hui moi même de mon amitié pour vous. Je ne viendrai point à la ville; j'en suis mortifié. Pour me consoler un peu vous me direz un peu de vos nouvelles; comment vous vous portez et ce que vous avez fait en attendant. Pour moi je ne fais que me promener. *Vous voyez que je ne m'épargne point dans ce que je dis* [1]. Je fais mes réflexions et lis les

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

dépêches. Je ne sais en vérité quand nous nous verrons, mais si je sais quelque chose c'est que j'en suis extrémement impatient. Adieu. Je m'en vais au déjeuner.

P.

13.

Je n'ai point voulu laisser passer cette occasion de vous écrire. Toujours très empressé de savoir de vos nouvelles et en même temps de vous en donner, je serai bien charmé d'avoir une réponse par le porteur et quant à ce qui se passe ici il y a un grand évènement d'abord après votre départ. Le chien de l'Impératrice a pensé être écrasé sur les glissoires et a couté bien des larmes à sa maîtresse. Revenons au sérieux. Je vous ferai savoir mardi au soir si je viendrai en ville ou non et le lendemain je vous confirmerai les nouvelles et vous marquerai les mesures et les moyens qu'il faudra employer pour nous voir et en même temps tout ce qui pourrait se passer d'extraordinaire. Maintenant je suis à attendre l'arrivée de Sal(dern) et le commencement de la messe en me préparant toujours à répondre sèchement et sans entrer dans aucun détail en conformité de mes instructions. Nous aurons aussi aujourd'hui à diner le prince Adam Czartoryski. Il pleut chez nous et en même temps le temps est très doux. Adieu, mon cher ami, portez vous bien et soyez je vous en prie gai. Comptez toujours sur moi comme sur votre fidèle ami.

Paul.

14.

J'ai été content comme on ne le peut point plus d'avoir reçu votre billet d'hier et hier au soir j'ai eu encore de vos nouvelles par m. Vasilchi(koff) [1]) qui m'a dit que vous commenciez à faire la cour à m-me de Neledin(ski) [2]). Je n'y ai pas ajouté grande foi et je vous en croirai toujours plus que les autres à moins que vous ne soyez emporté par ces mouvements furieux de la jeunesse dont on peut rarement se garantir à votre âge. Je vous parle un peu d'après moi-même et je ne vous en crois pas tout à fait exempt. Au reste, mon ami, s'il y a quel-

[1]) Камергеръ и Александровскій кавалеръ Александръ Семеновичъ Васильчиковъ род. 7-го апрѣля 1740, † 23-го декабря 1804. Онъ въ это время былъ въ случаѣ. Братъ его Василій Семеновичъ въ началѣ 70-хъ годовъ женился на сестрѣ Разумовскаго, графинѣ Аннѣ Кириловнѣ.

[2]) Анастасія Николаевна Нелединская-Мелецкая, рожденная графиня Головина, вторая жена камергера Александра Юрьевича.

que chose, je suis plus que persuadé que vous ne me cacherez rien, sans cependant prétendre à rien d'impossible. Mais changeons de ton. Il y a je ne sais quelle tristesse qui règne ici depuis quelques jours et je ne suis pas le seul à m'en apercevoir. Dieu sait ce que c'est, mais c'est que [1]) veut être toujours amusée, veut tout conduire à sa guise, et voilà le malheur ordinaire des souverains dans leur vie privée; car sortis de la sphère, où l'on est obligé de se plier au reste des hommes, ils croient pouvoir s'amuser et faire tout, en suivant leur volonté et caprices et y plier tout le reste, mais ce reste n'étant point tout à fait sans yeux et volonté lui-même ne peut point s'aveugler par obéissance jusqu'au point de voir, que les volontés sont des volontés et que les caprices sont toujours caprices; au reste ce qui accomode l'un, déplait souvent à l'autre. Mais c'est assez, trève au galimatias et pour le coup j'ai pensé faire avec vous ce que j'ai dit plus haut des souverains. Mais vous êtes mon ami et je ne crains point de vous dire ce que je pense. Adieu, mon cher ami. Ce sont ces diables de déjeuners qui m'empêchent de vous écrire amplement. Le butor d'Orloff [2]) a été hier à diner ici.

P.

15.

Je suis chargé de vous dire, mon ami, de la part de notre commun ami m. de Saldern de passer chez moi demain à midi précises. Il a à vous parler, mais ne vous inquiétez point, ce n'est rien de fâcheux, au contraire il veut vous donner quelques conseils. J'ai été hier au manége où j'ai furieusement trotté et au soir chez Sa Majesté, mais il ne s'est rien passé durant toute la journée de particulier. L'Impératrice m'a demandé cependant si j'avais lu ce qu'elle m'avait donné et si j'en avais déjà usé, à quoi j'ai répondu que j'étais pénétré de ce bienfait, mais que je ne m'étais point encore servi de son ordre et que je comptais le faire un de ces jours pour aider ma grande caisse, en prenant les vignt mille roubles. J'ai pris hier au soir à purger et m'en trouve très bien. Ne venez point ce soir chez moi, car moins on nous verra ensemble et mieux nous nous en trouverons; cela m'ennuyera fort, mais que faire; il vaut mieux sacrifier de notre satisfaction présente, pour nous en assurer une plus durable par là à l'avenir. Il m'est cruel d'être séparé à chaque instant de vous et de ne pouvoir vous décharger mon coeur. Adieu, je vous envoie un chapeau à la place

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Князь Григорій Григорьевичъ.

de celui que vous avez eu, je l'ai gardé et il m'est cher, car il vous a appartenu. Portez vous bien, mon ami.

P.

Предметомъ разговоровъ между великимъ княземъ и Разумовскимъ была предстоящая свадьба перваго. Уже давно думала Екатерина, какъ бы пристроить сына и обезпечить престолонаслѣдіе. Она вела дѣятельную переписку съ барономъ Ассебургомъ, которому поручено было негласно подыскать между нѣмецкими принцессами подходящую невѣсту для Цесаревича. Выборъ Ассебурга палъ на одну изъ Гессенъ-Дармштадтскихъ принцессъ, мать которыхъ, Генріетта-Каролина, славилась по всей Германіи своимъ умомъ. Екатерина требовала, чтобы всѣхъ трехъ Дармштадтскихъ принцессъ привезли въ Петербургъ и весною 1773, послѣ долгихъ переговоровъ, ландграфиня наконецъ пустилась въ путь съ дочерьми своими. Къ ней на встрѣчу въ Любекъ отправлена была эскадра подъ командою капитана (впослѣдствіи адмирала) Крузе. Эскадра состояла изъ фрегата «Св. Маркъ» и двухъ пакеботовъ «Соколъ» и «Быстрый». Первымъ командовалъ самъ Крузе, вторымъ лейтенантъ Шубинъ, а третьимъ флота капитанъ-лейтенантъ графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій.

Je ne vous cacherai point, cher ami, писалъ Цесаревичъ къ послѣднему за два дня до его отплытія, que j'ai été bien sensible à l'espèce de reproche que vous m'avez fait de ne vous avoir rien écrit et que cela a aggravé de beaucoup la peine que je ressens de notre séparation. C'est comme si vous aviez des doutes, mais enfin je laisserai cela là, car je commence à devenir moins soupçonneux et je vous dirai tout uniment ce qui m'a empêché de vous écrire hier. En premier lieu je vous croyais, selon ce que vous m'en avez dit vous même, déjà à Cronstadt et sur la rade. Mais me direz vous là-dessus: une lettre peut plus facilement parvenir qu'un carton avec un chapeau. J'en conviens, mais aussi d'un autre côté je n'ai sû que dans le moment même où j'allai me mettre à table que vous aviez laissé ce chapeau ici. Qu'avais-je donc de plus pressé, vous croyant déjà prêt à mettre la voile que de vous l'envoyer, ne pouvant écrire dans ce moment-là et tout assuré, que si je tardais de quelques instants seulement, pour en avoir un de vous écrire, mon postillon ne vous aurait plus trouvé même à Cronstadt. Allons, mon ami, sans rancune; de plus il ne faut pas se séparer le coeur gros d'aigreur, nous n'en avons eu que trop de raison pour l'avoir souvent de ce qui se passait autour de nous. Il est temps de prendre d'autres coutumes à cet égard. Voilà donc le cruel moment où je dois vous dire mes adieux et en même temps me recommander à votre amitié. Les six semaines me se-

ront cruelles, mais mon unique consolation consiste que nous seront comme récompensés de notre mutuelle souffrance par votre prompt et heureux retour. Vous allez, mon cher ami, m'ammener de quoi faire le fondement de mon bien-être futur et par conséquent aussi du vôtre, car nous irons toujours ensemble dans tout ce que nous ferons, tant dans notre vie publique, que privée. Avant que de finir, ce qui me coute beaucoup, je vous dirai que je me porte parfaitement bien, que j'ai des larmes aux yeux, que je vous recommande à Dieu, que je fais mille souhaits pour vous et que je suis

votre fidèle et sincère ami P.

Ce 5 Mai à 11 heures du matin.

Vous vous étonnerez assurément de voir encore un billet de ma part. Mais pour le coup c'est seulement un pretexte pour renvoyer d'ici le porteur qui s'est attiré la jalousie des autres en me servant toujours et moi je ne veux choquer personne, ni faire de la peine à qui que ce soit et c'est pour cela que sous pretexte de ce billet je le renvoie en ville jusqu'à réponse, et en attendant dites toujours que vous ferez la réponse un autre jour, ou que vous n'avez pas de réponse à faire. Il m'a toujours été bien agréable de pouvoir vous écrire et de vous assurer de ma tendre amitié pour vous et cet accident quoique désagréable par soi-même est compensé par le plaisir de vous écrire. J'ai reçu votre billet hier au soir qui m'a fait bien du plaisir surtout par le bravo. Il n'y a rien de nouveau [1]) que je fais mes refléxions sur la cour. Je me dépêche d'aller au déjeuner. Adieu, mon cher ami, peut-être êtes vous déjà à Cronstadt.

P.

7-го мая эскадра капитана Крузе снялась съ якоря съ Кронштадскаго рейда и «Св. Маркъ» съ «Соколомъ» прибыли въ Травемюндскую гавань 17-го мая, «Быстрый» же подъ командою графа Андрея Кириловича нагналъ ихъ только черезъ два дня. Между тѣмъ великій князь отправлялъ письмо за письмомъ вслѣдъ за отплывшимъ другомъ, адрессуя посланія свои въ Ревель, куда эскадра должна была доставить Гессенскихъ принцессъ, и куда на встрѣчу имъ отправленъ былъ довѣренный камергеръ государыни баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ.

Вотъ эти письма:

[1]) Точки въ подлинникѣ.

C'est 24 heures après avoir reçu la nouvelle de votre départ que je vous écrit cette lettre. Elle m'est d'un véritable soulagement dans les circonstances présentes que je suis éloigné de vous, parceque je puis du moins vous épancher mon coeur et m'entretenir pour ainsi dire avec vous. J'ai reçu la nouvelle de ce que vous avez levé l'ancre par le comte Czernycheff [1]) et le premier moment désagréable passé, j'ai ressenti un mouvement de joie de vous savoir plus éloigné d'ici, et par conséquent plus près en quelque façon du but pour lequel vous êtes envoyé et en même temps du moment qui nous rejoindra. Je compte que le tout ensemble ne durera guère plus de trois semaines, selon ce que j'ai entendu dire hier à Sa Majesté. Je souhaite que cette lettre puisse arriver avant vous, car je sais que c'est vous faire plaisir que de vous donner de mes nouvelles. Au reste je serai stérile nouvelliste, tout étant sur l'ancien pied. Cependant je pourrai vous dire entre autres choses que Sa Majesté part aujourd'hui pour Gatshina et que je suis dans l'incertitude si je la suivrais ou non, bien résolu en moi-même pourtant de tâcher de rester ici. J'omets les compliments et les assurances, nous nous les avons faits jadis, mais heureusement ce temps est passé et à leur place je dis les choses comme elles me viennent dans la tête. C'est en quelque façon faute de se connaitre qu'on se fait des compliments. Je ne le dis pas pour les supprimer tout à fait, car cela serait détruire la civilité et la politesse; mais à les considérer de plus près ils ne sont qu'assurances soit d'amitié ou d'autre chose et c'est de trop je crois entre des personnes qui se connaissent véritablement et qui ont autre chose à se dire, car cela serait assurer de ce qu'on ne doute nullement. Mais ma lettre devient trop longue. Je n'ai rien de plus à vous dire pour le moment si non que je suis votre

fidèle ami Paul.

Sarskoe Selo,
Ce 7 Mai 1773.

Je suis incertain, mon ami, si ma lettre vous est parvenue exactement. Je le souhaite toujours pour ma propre satisfaction. J'envoie celle-ci afin, qu'elle vous reçoive à Réval et que vous appreniez les inquiétudes qu'on a eu ici à cause des grands vents qui ont régné pendant dix jours consécutifs. Je doute que qui ce soit aie pris autant d'intérêt que moi à cette navigation, ayant une promise et un ami à bord. J'espère que la bonne fortune, qui m'accompagne ordinairement dans les choses d'une certaine conséquence, ne m'abandonnera point non

[1]) Гр. Иванъ Григорьевичъ.

plus à présent et que vous arriverez sains et saufs. Qu'il m'a été dur, mon cher ami, d'avoir été privé de vous pendant ce temps. Il est encore bien heureux, je vous le jure, que tout va bien au reste chez nous et qu'il ne se soit absolument rien passé de désagréable tant à l'égard du physique que du moral. J'ai passé mon temps dans l'accord le plus parfait avec tout ce qui m'environne, marque que je me suis conduit avec égalité et modération. Je me suis toujours très bien porté, beaucoup promené et lû, la tête toujours remplie de ce que vous m'avez tant recommandé; je n'ai fait que des reflexions sur moi-même et par là [*du moins le pensais-je*] [1]) je suis parvenu à chasser ces inquiétudes et ces soupçons qui me rendaient la vie bien dûre. C'est assurément sans me vanter que je le dis et vous me retrouverez assurément mieux de ce côté là. Je vous citerai un petit exemple de tout cela. Vous vous souvenez avec quelle espèce de peur ou bien d'embarras j'envisageais le moment de l'arrivée des princesses [2]). Eh bien, c'est avec la plus grande impatience que je les attends présentement. Je compte même les heures. Dans ce moment le comte de Panine vient d'avoir lû ma lettre et est allé au conseil. Je reprends le fil de ma narration. Je me suis fait un plan de conduite pour l'avenir, que j'ai exposé hier au comte de Panine et qu'il a approuvé—c'est de chercher le plus qu'il sera possible à me lier avec la mère en gagnant sa confiance, tant pour la garantir le plus possible des insinuations et des intrigues qu'on pourrait faire vis-à-vis d'elle, que pour avoir une espèce de rempart et de soutien en cas qu'on voulut contre-carrer mes intentions. Ce sont mes vues, vous les approuverez assurément. Nous les attendons d'aujourd'hui en huit. Tâchez, mon ami, de les suivre le plutôt que vous pourrez. Je vous attends bien impatiemment et comme le Messie. Adieu, mon cher ami, croyez que vous retrouverez toujours un fidèle ami en

Paul.

Sarskoe Sélo,
Ce 27 Mai 1773.

J'ai reçu à mon contentement inexprimable samedi au soir votre lettre dâtée du 17′ passé. Nous étions bien inquiets sur votre sort je vous l'avoue, car nous avons eu de vrais ouragans qui nous ont emporté des toits entiers, mais nous voilà rassurés, mon ami, des vaisseaux marchands vous ont vu et nous ont réjouis de cette nouvelle. Maintenant vous me permetterez que je vous dise un mot sur les choses

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Дармштадтскихъ.

qui se passent ici. Elles n'ont rien de saillant, je vous préviens, tout s'est passé heureusement et tranquillement, tant au dedans qu'au dehors, prenant une fois pour principe de tâcher de vivre le plus cordialement possible avec tout le monde. Je l'ai fait et j'ai aperçu que fort souvent c'était notre propre faute qui était la cause première du contraire, par les inquiétudes que nous laissions agir en nous mêmes et qui nous font prendre si ce n'est du blanc du moins du gris pour du noir. Point de chimères, point d'inquiétudes, une conduite égale et affectée seulement aux circonstances qui pourraient se rencontrer, c'est mon plan, heureux si je réussis dans mon projet ou plustôt dans notre commun (sic). Je dompte ma vivacité tant que je puis, je me fournis journellement de sujets pour faire travailler mon esprit et exploiter mes idées, je puise un peu dans un livre, que je lis actuellement et qui est: „le système social". Sans tomber dans des tracasseries j'instruis le comte de Panine de tous ce qui me parait équivoque ou douteux. Voilà en peu de mots tout ce qui se passe en moi et tout ce que je fais du côté moral, quant au physique c'est à peu près le même train de vie, que vous avez laissé en partant, assez uniforme c. à. d. Au reste je me reserve le plaisir de vous communiquer de bouche tout ce qui est trop minutieux pour être inséré dans une lettre ou ce dont je pourrais ne point me souvenir. Je finis par vous dire que je suis si impatient de vous revoir et de considérer la belle marchandise que vous avez apportée que j'avais compté pendant près d'une semaine les heures, mais me voyant trompé par ce calcul, j'ai pris mon mal en patience et je vous attends de pied ferme. Adieu, portez vous bien, mon ami, et revenez le plus tôt que vous pourrez. Mon coeur a besoin de s'épancher.

Paul.

Zarskoe Sélo
Ce 3 de Juin 1773.

Въ то время, какъ Разумовскій беззаботно плавалъ изъ Травемюнде въ Ревель съ багажемъ принцессъ Гессенъ-Дармштадтскихъ, въ руки Екатерины попало частное письмо Ассебурга къ Панину. Въ письмѣ этомъ лицо, которому Государыня довѣрила выборъ невѣсты для своего сына и на котораго вполнѣ полагалась, извѣщало графа Никиту Ивановича, что ландграфиня научена слѣдовать только его совѣтамъ и во всемъ слѣпо ему повиноваться. Екатерина была крайне этимъ раздражена и подозрительно стала озираться на всѣхъ тѣхъ, кому пришлось первымъ находиться при ландграфинѣ Дармштадтской. Между прочими стала она пристально слѣдить и за Андреемъ Разумовскимъ. „Всѣ хотятъ руководить этою женщиною", пи-

сала къ Черкасову недовольная Государыня. „Но если дѣло пойдетъ такъ, то будетъ плохо. Полагаю, что имѣю болѣе правъ чѣмъ другіе. Ради Бога, скажите ландграфинѣ меня одной слушаться". — „Удивляюсь, какъ графъ Панинъ осмѣливается скрывать отъ васъ письма", отвѣчалъ изъ Ревеля, отъ 25-го мая, Черкасовъ, „умалчиваю однако, до болѣе удобнаго времени...., но позвольте испросить вашего повелѣнія касательно камеръ-юнкера графа Андрея Разумовскаго. Я узналъ отъ отставного генералъ-поручика князя Трубецкаго, что онъ привезъ ему отъ графа Ивана Чернышева разрѣшеніе сложить съ себя, по пріѣздѣ сюда, командованіе кораблемъ и отправиться въ Петербургъ сухимъ путемъ. Могу ли я дозволить ему ѣхать въ свитѣ принцессъ, если бы онъ объ этомъ сталъ просить, или же ландграфиня того пожелала?" Екатерина на запросъ этотъ приказала слѣдующее: „если графъ Разумовскій будетъ просить вашего дозволенія прибыть сюда въ свитѣ ландграфини, отвѣчайте, что не имѣете на это отъ меня приказаній, что я сама составила списки лицамъ и лошадямъ, которыхъ измѣнить не имѣете вы права; и все, что можете сдѣлать, это дозволить ему, послѣ отъѣзда ландграфини, воспользоваться парою лошадей, назначенныхъ подъ свиту ея. Если ландграфиня съ вами будетъ объ этомъ говорить или лично, или черезъ посредство когонибудь другого, вы скажете, что я сама назначила лицъ свиты и составила списки и что вы ей совѣтуете оставить это".

Этимъ приказаніемъ Черкасовъ неудовольствовался, и безпрестанно предлагалъ Императрицѣ изъ Ревеля, то перлюстровать письма, которыя могли быть адресованы на имя ландграфини изъ Петербурга, то назначить при принцессахъ въ видѣ шпіона какую нибудь испытанную камеръ-юнгферу, то обращать особенное вниманіе въ сохранности ли до Государыни доходятъ печати на его донесеніяхъ. „Точно исполню приказанія В. И. В. касательно графа Андрея", писалъ онъ. „Дабы графъ Разумовскій не причинилъ намъ какого неожиданнаго безпокойства, повелите графу Ивану Чернышеву выслать ему изъ Адмиралтействъ-Коллегіи приказаніе, немедля по прибытіи его сюда, отправиться прямо въ Царское Село. Можно будетъ потомъ объяснить ему, что желаніе поскорѣе имѣть извѣстія о принцессахъ и о ихъ рейсѣ, было причиною такого приказанія". Екатерина не приняла ни одного изъ предложеній хлопотливаго своего камергера и открыто подсмѣивалась въ письмахъ своихъ надъ желаніемъ Черкасова разыгрывать „un personage d'importance".

Между тѣмъ, $\frac{5}{16}$ іюня фрегатъ св. Маркъ прибылъ въ Ревель, ранѣе пакетботовъ. Пришлось поневолѣ ожидать ихъ, впрочемъ „Соколъ" запоздалъ только нѣсколькими часами, но „Быстраго" все еще не было. „И такъ", доносилъ Черкасовъ, „графъ Разумовскій еще не прибылъ и не

знаю когда онъ будетъ. Надо же ему вѣчно причинять мнѣ безпокойство!“

Чтобы окончательно насолить Разумовскому, а тѣмъ и Панину, баронъ Черкасовъ рѣшился пуститься въ путь не дождавшись прихода „Быстраго“. На этотъ разъ онъ угадалъ желаніе Екатерины; Государыня даже похвалила его: „Очень рада“, писала она къ нему отъ 14 іюня, „что вы пустились въ путь недождавшись пакетбота, который можетъ отправиться прямо въ Кронштадтъ, какъ я вамъ уже писала вчера утромъ, буде однако ландграфиня того пожелаетъ; отпишите объ этомъ Крузе, который, я надѣюсь, не сдѣлаетъ затрудненій“ [1]).

Тѣмъ временемъ Павелъ Петровичъ страшно безпокоился объ участи своего друга:

„Mon Dieu, mon ami“, писалъ онъ ему въ Ревель, „dans quelles horribles inquiétudes ne suis-je plongé à votre sujet maintenant. Je n'ose seulement y penser. Point de nouvelles de vous et voilà huit jours passés que vos compagnons de voyage sont déjà heureusement arrivés, mais j'ai recours pour le moment à cette main qui ma toujours été propice. Dieu est trop bon pour me punir aussi terriblement en m'ôtant mon ami et celui qui a eu le temps déjà de me sauver une fois. Mes inquiétudes sont si fortes que j'ai mal passé cette nuit et que je sens toujours un secret chagrin, qui m'empêche de sentir la joie qui devrait régner en moi à l'occasion de l'arrivée des princesses. Mon Dieu, qu'ai-je donc fait pour que vous vouliez me punir aussi cruellement? Mais banissons ces idées noires et affreuses. Les princesses vont arriver dans quatre heures d'ici et je dois les aller rencontrer à quelques verstes d'ici en voiture ouverte. Je m'y prépare sans aucune inquiétude excepté un petit mouvement. secret d'embarras mêlé de honte. Tout cela est bel et bon, mais je n'ai aucune nouvelle de mon ami et cela suffit pour troubler ma joie. L'Impératrice a donné ordre que vous veniez sans vous arrêter à Réval. Faites-le donc, mon cher ami, pour me consoler de votre absence et de mes appréhensions avec toute la promptitude imaginable. Adieu, je vous recommande à Dieu et en le faisant c'est comme si je m'y recommandais moi-même.

Paul.

Zarskoé Sélo, ce 15 Juin 1773.

Наконецъ доплылъ Андрей Кириловичъ до Петербурга. Жалоба Черкасова ему не повредила. Государыня благосклонно приняла за-

[1]) Подробности эти заимствованы нами изъ статьи барона Ѳ. Бюлера: Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. «Русскій Вѣстникъ» №№ 1, 2, 3, 9 и 10 1870 г. и №№ 1, 2, 3, 9 и 10 1871 г.

поздавшаго камеръ-юнкера, что же касается до Великаго Князя, то онъ былъ въ восторгѣ отъ пріѣзда своего друга. Первое появленіе принцессы Вильгельмины произвело въ Царскомъ Селѣ самое благопріятное впечатлѣніе. Она была почтительна и внимательна къ Государынѣ и въ то же время съумѣла привязать къ себѣ сердце Великаго Князя. Какъ казалось, новая Великая Княгиня являлась въ императорской семьѣ ангеломъ примирителемъ. „Государыня", доносилъ отъ 29-го апрѣля англійскій повѣренный въ дѣлахъ, „вполнѣ довольна Великимъ Княземъ. Недавно она сказала: „я обязана Великой Княгинѣ возвращеніемъ мнѣ сына и отнынѣ всю жизнь свою употреблю на то, чтобы отплатить ей за услугу эту". И въ самомъ дѣлѣ, при каждомъ случаѣ Императрица ласкаетъ принцессу, которая, хотя по умственнымъ способностямъ стоитъ даже ниже своего мужа, однако, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ большое на него вліяніе и съ большимъ успѣхомъ пользуется мудрыми совѣтами, данными ей матерью ея — ландграфинею..." [1]). Подъ вліяніемъ такихъ благопріятныхъ впечатлѣній, Государыня стала не такъ подозрительно относиться къ пріятелю своего сына. Въ сношеніяхъ съ Разумовскимъ уже не было нужды въ той осторожности, о которой безпрестанно твердилъ графъ Андрей Кириловичъ. Къ тому же онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по камеръ-юнкерству, княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, назначенъ былъ ко двору Великаго Князя.

J'ai été très fâché mon cher ami, de ne vous avoir point vu de toute la journée", писалъ къ Разумовскому Павелъ Петровичъ, „et encore de ne vous avoir pû écrire jusqu'à ce moment. Tout va bien et on est venu me dire à deux reprises que le public a été très content de moi quant à ma façon de me conduire tant avec ma promise, qu'en général. Mon rhume va mieux et je serai obligé de sortir demain pour aller voir l'exercice de l'artillerie. Adieu, portez vous bien. Votre fidèle ami à jamais.

Бракосочетаніе Наслѣдника престола совершено было съ большимъ торжествомъ въ Казанскомъ соборѣ 29 сентября. Въ числѣ камеръ-юнкеровъ, гарцовавшихъ верхомъ передъ золотою каретою Императрицы, находился и графъ Андрей Кириловичъ. Брачныя торжества продолжались до 11-го октября. Довольная Императрица ни въ чемъ не хотѣла отказать сыну и вслѣдствіе просьбы Великаго Князя, Разумовскому разрѣшено было жить во дворцѣ.

„Mon ami", спѣшилъ письменно его о томъ увѣдомить Павелъ Петровичъ, „vous avez déjà appris par Tarchoff (?) que l'Impératrice a permis que vous vinssiez chez moi, il ne me reste donc qu'à vous dire

[1]) Raumer: Europa 1763—83. III. 43.

la façon dont ceci s'est passé. C'était à table où j'ai demandé la permission en disant que j'esperais qu'elle ne trouverait point mauvais si vous viendrez chez moi; elle m'a répondu gracieusement et a ajouté à cela qu'elle le faisait avec d'autant plus de plaisir, qu'elle ne savait rien de mauvais sur votre compte et qu'au contraire elle avait toujours entendu du bien de vous. Vous pouvez vous représenter la sensation que j'en ai eue. J'ai déjà arrangé et ma femme a participé à cet arrangement que vous demeuriez dans une chambre qu'occupe la Wurmser (?) tout à côté de mon beau-frère [1]) qui en est charmé et qui se dit, qu'il voudrait que vous fussiez le plus près que possible de lui. Venez donc demain matin m'embrasser. Ma femme vous fait souvenir de la queue, la belle queue (sic) qu'elle chantait à la Santé.

„Je compte avoir le plaisir de vous voir dans quelques heures d'ici", писалъ на другой день Великій Князь, „j'en suis déjà tout joyeux. J'espère que vous vous portez bien comme moi. N'ayant pas le temps de vous dire grande chose, je vous dirai tout simplement que votre demeure est toute prête, que je suis très impatient de vous voir et que je vous aime bien. Adieu, il n'est arrivé aucun changement à la disposition de la journée car tout se fera comme je vous l'ai marqué et le lancement sera à ce que je crois après diner.

Не одному принцу Гессенскому пришелся Разумовскій по сердцу, Великая Княгиня всячески его отличала и вообще вся дармштадтская свита была отъ него въ восторгѣ. „Mr. de Razoumowsky, commandant du Rapide", доносилъ Ассебургу одинъ изъ гессенскихъ придворныхъ, „est un jeune homme fort aimable, belle physionomie, beau maintien, façon d'un homme de qualité, propos agréables, sensé, mesuré [2]).

[1]) Наслѣдный принцъ Людвигъ Гессенскій, впослѣдствіи первый великій герцогъ Гессенъ-Дармштадтскій, род. 1753 † 1830.

[2]) Баронъ Бюлеръ, Два эпизода царствованія Екатерины. «Русск. Вѣстникъ» 1872, 489.

ГЛАВА II.

Служба при дворѣ.—Успѣхи.—Честолюбивые замыслы.— Ссылка.

Поселившись во дворцѣ, графъ Андрей Кириловичъ совершенно посвятилъ себя придворной жизни, не забывая однако, въ свободныя минуты, и свѣтскихъ удовольствій. Отъ братьевъ своихъ въ это время онъ отдалился. „Положеніе мое въ Петербургѣ, писалъ онъ нѣсколько лѣтъ позднѣе, и обязанности при дворѣ едва дозволяли мнѣ видѣться съ родными и особенно съ братьями, имѣвшими въ то время совершенно иныя занятія, обязанности и удовольствія“ [1]). Хотя Разумовскій и жилъ теперь во дворцѣ, въ двухъ шагахъ отъ Великаго Князя, однако послѣдній всё-таки находилъ случай съ нимъ переписываться.

Je vous souhaite bien le bonjour mon ami. Ma femme vous fait bien des compliments. Elle se porte assez bien, mais elle sent toujours des lassitudes et des douleurs dans les jambes. Sa fluxion à la joue n'est pas passée. A propos, il y a d'assez bonnes nouvelles d'un certain endroit que vous devinez à ce que je pense. Je n'ai rien d'autre à vous dire de plus, si ce n'est que je ne me lasserai jamais de vous dire que je vous aime et que je serai toujours votre fidèle ami

P.

M. Allamand (?) vous fait ses compliments.

Bonjour, mon ami. Votre billet de tantôt est venu dans un moment où je ne pouvais vous répondre. Je suis charmé que vous vous portiez mieux. J'ai à vous annoncer un grand malheur. Cette charmante, cette caressante, cette vive Obida par grande gaieté et voulant mieux regarder par la fenêtre vient sur le balcon, prend le coussin qui couvre la grille pour un canapé, saute dessus, perd l'équilibre, tombe au bas, se fracasse poitrine et jambes et meurt au bout de deux heures de temps. Plaignez la avec nous. Je passerai d'un sujet si triste à une bonne nouvelle que Kruse nous a annoncée. Mon beau-frère est arrivé heureusement à Novgorod. Ils ont diné ensemble. La succession d'Obida ou plutôt sa place est échue à Mousourka que vous connaissez et qui ne plait pas trop à ma femme. Adieu, mon ami. Votre fidèle ami.

Paul.

Ma femme vient de chanter le Stabat Mater de Pergolèse pour se consoler de la mort d'Obida.

[1]) Письмо графа Андрея Кириловича къ Маринiану 1782 г., Архивъ кн. Разумовскаго.

По службѣ Разумовскій быстро шелъ впередъ. Назначенный командовать въ концѣ 1773 года фрегатомъ „Екатериною", онъ въ 1774 году произведенъ былъ въ бригадиры, и въ 1775 оставилъ службу по флоту. Онъ опредѣленъ былъ присутствовать въ главномъ коммиссаріатѣ и ему ввѣрено было снабженіе корпуса легкихъ войскъ, находившихся въ то время подъ командою Потемкина. Въ томъ же году въ Москвѣ, по случаю празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, онъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Но успѣхи молодого Разумовскаго не ограничивались службою и дворомъ. Красивый, статный, вкрадчивый и самоувѣренный, Андрей Кириловичъ съумѣлъ вскружить головы всѣмъ петербургскимъ красавицамъ. Первыя львицы того времени: Анастасія Николаевна Нелединская-Мелецкая, рожденная графиня Головкина, княгиня Марія Васильевна Борятинская, рожденная княжна Хованская и много другихъ красавицъ сходили по немъ съ ума. Любезностью и щегольствомъ онъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Не разъ приходилось отцу, дѣла котораго, въ описываемое нами время, были нѣсколько запутаны, уплачивать долги молодого щеголя. Однажды къ графу Кирилѣ Григорьевичу, и такъ уже недовольному поведеніемъ сына, явился портной со счетомъ въ 20,000 рублей. Оказалось, что у графа Андрея Кириловича однихъ жилетовъ было нѣсколько сотенъ. Это была та „знаменитая гардероба", о которой, какъ мы видѣли въ первомъ томѣ труда нашего, графъ Кирилъ Григорьевичъ не разъ упоминалъ въ письмахъ своихъ къ старшему сыну. Разгнѣванный отецъ повелъ графа Андрея въ кабинетъ и, раскрывая шкафъ, показалъ ему кобенякъ и мерлушечью шапку, которыя носилъ въ дѣтствѣ. „Вотъ что носилъ я когда былъ молодъ, не стыдно ли тебѣ безумно тратить деньги на платье", сказалъ Кирилъ Григорьевичъ. „Вы другого платья и носить не могли", хладнокровно отвѣчалъ графъ Андрей Кириловичъ, „вспомните, что между нами огромная разница—вы, сынъ простого казака, а я сынъ россійскаго генералъ-фельдмаршала" [1]). Старшій Разумовскій, любившій и самъ отпустить острое слово, былъ обезоруженъ отвѣтомъ сына.

Графъ Андрей въ это время наслаждался жизнію въ полномъ смыслѣ слова. Не однѣ первостатейныя петербургскія красавицы останавливали на себѣ вниманіе молодого ловеласа. Онъ не прочь былъ покутить въ веселомъ обществѣ и въ привязанностяхъ своихъ былъ далеко не постояненъ. Онъ былъ очень близокъ съ молодыми дипломатами того времени и особенно подружился съ чле-

[1]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. III, 2, семейныя преданія.

нами французскаго посольства. Маркизъ де-Жюнные (Juigné), Дюранъ, шевалье де-Ланжакъ (Langeac) и шевалье де-Корберонъ (Corberon) были его ежедневными собесѣдниками и съ ними вмѣстѣ кутилъ онъ подъ часъ на пропалую. Весь Петербургъ занятъ былъ любовными его похожденіями и старики покачивали головами при слухѣ о проказахъ Андрея Кириловича. „Вчера по пріѣздѣ моемъ", писалъ къ Потемкину старый пріятель дома Разумовскихъ—Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, отъ 12-го мая 1774 года, „странное произошло здѣсь приключеніе, которое за нужное почелъ я сообщить вамъ, любезнѣйшій другъ, и для вашего свѣдѣнія, и для пресѣченія клеветы, если бы ее произносить стали. Вы знаете, что комедьянка была подъ карауломъ за оскорбленіе публики. Хотѣлъ я къ ночи вчера ее выпустить, не взирая на всѣ ея дерзости и непризнаніе. Но часу въ шестомъ пополудни пріѣхалъ ко мнѣ графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій съ жалостнымъ повѣствованіемъ, что Дорсеваль изъ подъ караула въ окно выбросилась, разбилась, окровлена и конечно съ ума сошла; что ее съ грубостью опять поймавъ, потащили въ контору; что онъ, ѣдучи мимо, былъ самъ тому свидѣтель и не сомнѣвается, что по человѣчеству я ее выпущу и дамъ ей всякую помощь. Услышавъ сіе, при немъ же послалъ я, чтобы ее на квартиру ея отвезли и дали бы ей лекаря. Я всему повѣрилъ, зная жестокій ея характеръ. Но черезъ минуту потомъ получилъ отъ команды совсѣмъ противный тому рапортъ и отъ постороннихъ свидѣтельство. Дѣло такъ происходило: графъ Разумовскій самъ съ шевалье Ланжакомъ и съ другими французами сговорились насильно увезти ее изъ подъ караула. Подъѣхавъ они въ каретѣ подъ окно, которое отъ земли не высоко, вышли изъ кареты. Графъ подошелъ къ окну, разговаривалъ съ нею и присовѣтовалъ ей спуститься. Она спустилась, а они, на руки къ себѣ ее принявъ, посадили въ карету и увезти хотѣли. Караульные то увидя, съ помощью полицейскихъ часовыхъ, карету ихъ остановили, убѣгшую взяли, отвели опять подъ караулъ, а господа похитители между тѣмъ раздѣляли пощечины и солдатамъ, и кому ни попало. Можетъ быть досталось бы имъ, но караульный и сержантъ узнали графа Разумовскаго и для того, не тронувъ ихъ никого, снесли получаемые удары. Вотъ каково отъ молодыхъ людей житье становится! Ни благонравіе, ни законъ, ни покой публичный на улицѣ не соблюдаются. Чтеніе романовъ, сообщающее юному умишкѣ похищеніе женщины, преодолѣваетъ и честь, и воспитаніе. Недоволенъ бывъ, что сдѣлалъ такую публичную шалость, да еще, пріѣхавъ, вымышленною исторіею и сплетенною ложью, обманулъ человѣка, который отцу его другъ и его самого въ младенчествѣ на рукахъ носилъ. Вотъ до чего необузданность и надежда доводитъ. Сверхъ этого всего онъ былъ довольнымъ слушате-

лемъ всѣхъ сквернословій бѣшеной комедьянки, которая на меня, яко на глупаго командира, и на Россію, яко на непросвѣщенное государство, отрыгала купно съ французиками, его въ похищеніи товарищами. Теперь она въ ея домѣ и я притронуться къ ней за всѣ сіи дерзости не смѣю, боясь, чтобъ не быть обнесену ихъ высочествамъ и всемилостивѣйшей отъ нихъ Государынѣ. Впрочемъ таковой поступокъ во всякомъ благоустроенномъ государствѣ заслуживаетъ городовую тюрьму, и я конечно послалъ бы ее на нѣсколько дней въ полицейскую тюрьму, но боюсь. Защищай меня, любезнѣйшій другъ, защищай истину во мнѣ, инаковаго я защищенія не требую, но чинъ и достоинство власти требуетъ обороны. Отецъ сего молодаго человѣка будетъ у васъ. Вы, не сказывая, что я къ вамъ писалъ, скажите ему, что я, изъ уваженія къ нему, не прошу Е. В. о защищеніи меня отъ дерзостей его сына“ [1]).

Такое поведеніе не поколебало однако значенія Разумовскаго при дворѣ великокняжескомъ. Напротивъ, положеніе его съ каждымъ днемъ тамъ укрѣплялось. Не только Великій Князь довѣрялъ ему всѣ свои тайны, но и Великая Княгиня стала съ удовольствіемъ прислушиваться къ любезнымъ рѣчамъ молодого царедворца. „Андрей Кириловичъ находился безпрестанно при Его Императорскомъ Высочествѣ и по силѣ его милости, Великая Княгиня его также жаловала“, повѣствуетъ въ запискахъ своихъ князь Ѳ. Н. Голицынъ [2]). О дружбѣ графа Андрея съ Наслѣдникомъ престола доносили дворамъ своимъ всѣ дипломаты, находившіеся въ то время въ Петербургѣ.

„La seule personne qui ait la confiance du Grand Duc“, сообщалъ отъ 22-го Іюня 1775 года Фридриху Великому графъ Сольмсъ, „c'est un comte André Rasoumovsky, un des fils du hetman et après lui un jeune prince Kourakine [3]). Ce sont les seuls qui soient admis aux diners et aux soupers en partie carrée, mais le premier l'emporte pour la confiance. Ce jeune homme qui n'a pas le caractère mauvais n'est pas soupçonné de lui donner de mauvais conseils ou de l'animer contre sa mère, mais aussi n'est-il pas en état pour en donner de bons qui puissent diriger la conduite d'un successeur au trône et l'empêcher de se laisser aller au penchant de faire quelquefois un peu le frondeur dans ses propos. Il n'est pas probable que S. M. I. les ignore tout à fait, mais elle n'en fait rien remarquer apparament parcequ'elle ne craint pas qu'ils puissent tirer à conséquence et elle continue à avoir les mêmes procédés envers la jeune cour“ [4]). „Великій Князь“, доносилъ своему правитель-

[1]) Библіографическія записки. III, 549.

[2]) Русскій Архивъ, 1874, I, 1278.

[3]) Князь Александръ Борисовичъ.

[4]) Изъ бумагъ Берлинскаго архива.

ству англійскій посланникъ сэръ Робертъ Гунингъ отъ 18 апрѣля 1774 года, „не видится ни съ кѣмъ кромѣ молодого графа Разумовскаго“ [1]). Нѣсколько строже Сольмса судилъ графа Андрея Кириловича преемникъ Гунинга, Джемсъ Гаррисъ, впослѣдствіи лордъ Мальмсбюри. „Вскорѣ“, говоритъ онъ, „послѣ бракосочетанія Великаго Князя, ясно стало всѣмъ, что Великая Княгиня знаетъ какъ имъ управлять. Она въ свою очередь подчинилась руководству графа Андрея Разумовскаго, который пользовался особою ея милостью. Послѣдній между тѣмъ получалъ всѣ свои наставленія, вмѣстѣ съ большею частью своего дохода, отъ министровъ Бурбонскаго дома“ [2]). Заявленіе это вѣроятно не мало бы удивило графа Кирилу Григорьевича, которому, скрѣпя сердце, приходилось безпрестанно платить долги расточительнаго сына, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что между графомъ Андреемъ и французскимъ посольствомъ существовала близкая связь, основанная не на однихъ только общихъ кутежахъ. Отношенія Наслѣдника къ Разумовскому носили, какъ мы замѣтили выше, какой-то наивно-ребяческій оттѣнокъ. Совсѣмъ другое видимъ мы со стороны его друга. Въ головѣ молодого, честолюбиваго царедворца зародились планы касательно будущаго и онъ исподоволь себѣ готовилъ къ тому почву. Онъ постоянно напоминалъ Великому Князю объ осторожности, совѣтовалъ ему въ обществѣ держать себя посдержаннѣе и не обращать вниманія постороннихъ на близкія ихъ отношенія. Въ то же самое время онъ старался возбудить въ молодомъ своемъ другѣ самостоятельность и мечталъ даже освободить его изъ-подъ опеки графа Никиты Ивановича Панина, сильно симпатизировавшаго прусскому королю. Въ этомъ за-одно съ Разумовскимъ сталъ дѣйствовать Сальдернъ или вѣрнѣе Саллернъ (такъ какъ первую фамилію, принадлежавшую къ стариннымъ германскимъ родамъ, принялъ онъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ для благозвучія), весьма приближенная къ Цесаревичу особа. Сальдернъ этотъ игралъ довольно важную роль въ нашей дипломатіи, ему поручались разныя дѣла заграницею и онъ занималъ даже мѣсто посланника въ Варшавѣ. Впослѣдствіи онъ состоялъ при Великомъ Князѣ по Голштинскимъ дѣламъ и имѣлъ всегда свободный къ нему доступъ. Онъ пользовался покровительствомъ графа Панина, но въ послѣднее время между ними произошла какая-то размолвка. Указанія Цесаревича Разумовскому о томъ, какимъ образомъ и Сальдернъ и онъ могутъ пройти къ нему тайкомъ, прямо указываютъ на какія-то интриги, но еще болѣе ясное доказательство тому находимъ

1) Сборникъ Императорскаго историческаго Общества, XIX, 410.

2) Diaries and correspondance of James Harris, first earl of Malmesbury. I, 212 и Русскій Архивъ 1874, I, 1503.

мы въ депешѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Дюрана къ герцогу д'Эгильону отъ 22 марта 1774 года.

„Il y a quelqu'un", доносилъ Дюранъ, „avec lequel le Grand Duc est très intime et nous avons profité de cette voie tant pour désabuser le prince des préjugés qu'on lui a inspirés en faveur du roi de Prusse que de ceux qui lui ont été inspirés contre la France et en même temps pour sonder les affections et les secrets de la jeune cour. C'est par ce canal que je me trouve éclairci sur la nature de l'éloignement qui paraissait s'établir entre le Grand Duc et m. Panine. Cet éloignement n'est que simulé. M. Panine a pensé qu'il devait affecter le maintien de reserve pour détourner le coup dont il est menacé [1]). Le Grand Duc de son côté, entrainé par les charmes d'un genre de liberté dont il jouit depuis son mariage, goute le plaisir d'être débarassé entièrement d'un mentor; il regarde cependant m. Panine comme son ami et compte sur son parti comme sur la ressource la plus assurée pour lui en cas d'événement" [2]). Какъ кажется, довѣрчивый и нерѣшительный Цесаревичъ сначала охотно повиновался своимъ пріятелямъ, не вполнѣ сознавая куда клонились ихъ усилія. Но когда онъ понялъ въ чемъ дѣло, то отказался дѣйствовать противъ графа Панина, который былъ ему дорогъ силою привязанности и долгой привычки. Однако онъ не выдалъ своего друга, а Андрей Кириловичъ, съ разу понявъ, что онъ мѣтилъ слишкомъ далеко, осторожно измѣнилъ свою тактику. Къ тому же значеніе Панина во время бракосочетанія Павла Петровича было сильнѣе чѣмъ когда либо, поэтому затѣвать противъ него интригу въ подобную минуту было крайне опасно. Хотя Екатерина не любила и недовѣрчиво слѣдила за дѣйствіями графа Никиты Ивановича, однако она въ немъ нуждалась и поэтому не только пользовалась полезными его совѣтами, но еще ввѣрила ему иностранную коллегію и оставила при своемъ Наслѣдникѣ. Съ паденіемъ князя Григорія Григорьевича Орлова, отправленнаго на конгрессъ въ Фокшаны, акціи Панина сильно поднялись. Преемникомъ фаворита, десять лѣтъ почти безгранично управлявшаго дворомъ, избранъ былъ юноша, нуждавшійся въ руководителѣ. Возвышеніе Васильчикова произвело сильное впечатлѣніе при дворѣ. То была первая перемѣна подобнаго рода. Царедворцы находились въ недоумѣніи. Всякій спрашивалъ себя, что̀ станетъ съ падшимъ любимцемъ и невольно вспоминались дворцовые перевороты временъ Петра II и правительницы Анны. Сама Государыня находилась въ затруднительномъ положеніи и, какъ видно, нѣсколько опасалась лихой удали братьевъ Орловыхъ. Князь Григорій Григорьевичъ, узнавъ о томъ, что̀ проис-

[1]) Въ то время по Петербургу ходили слухи объ отставкѣ графа Панина.

[2]) Изъ архива Парижской національной библіотеки.

ходило въ Петербургѣ, прервалъ переговоры съ Турціею и безъ спроса полетѣлъ въ столицу. Несмотря на нежданное и неугодное возвращеніе, несмотря на неудавшійся конгрессъ, мирный исходъ котораго всѣ ожидали и желали, Орловъ явился въ Петербургъ почти какъ власть имущій и вступилъ съ Екатериною въ переговоры. Совѣты Панина были въ это время неоцѣненны и для Императрицы и для новаго фаворита. Александръ Семеновичъ Васильчиковъ, породнившійся черезъ сватьбу брата своего Василія Семеновича съ семействомъ Разумовскихъ [1]), находился въ лучшихъ отношеніяхъ къ Великому Князю и послушно слѣдовалъ указаніямъ графа Никиты Ивановича, много способствовавшаго къ его возвышенію. Нѣтъ сомнѣнія, что положеніемъ своимъ при великокняжескомъ дворѣ Андрей Кириловичъ отчасти обязанъ былъ Васильчикову, который старался облегчить свободное обращеніе между свойкомъ своимъ и высокопоставленнымъ его другомъ. Но благодушный и скромный Александръ Семеновичъ не былъ созданъ для той роли, которую приходилось ему разыгрывать при дворѣ. Онъ самъ о ней говорилъ съ нѣкоторою горечью и стыдомъ. Екатеринѣ же нужны были люди съ сильною волею, широкими взглядами, обширнымъ и блестящимъ умомъ. Всего этого она въ Васильчиковѣ не нашла. Неудивительно, что уже въ 1774 году она отвѣчала Гримму, въ шутку попрекавшему ее въ измѣнчивости: „Je sais d'où vous vient ce petit *scripile;* c'est que, je veux parier, parcequ'en votre présence je me suis éloignée d'un certain excellent, mais très ennuyeux citoyen, qui a été tout de suite remplacé, je ne sais trop comment, par un des plus drôles et des plus amusants originaux de ce siècle de fer“ [2]).

На этотъ разъ перемѣна гораздо менѣе удивила царедворцевъ. Ко всему со временемъ привыкаешь, и на возвышеніе Потемкина сначала не обратили при дворѣ особаго вниманія. Но на великокняжеской половинѣ удаленіемъ Васильчикова были очень недовольны. Особенно раздраженъ былъ Панинъ, который понялъ, что акціи его снова падаютъ. По городу стали ходить слухи, будто Государыня недовольна дружбою сына ея съ Разумовскимъ и даже прямо намекнула объ этомъ Великому Князю. Вслѣдствіе этого графъ Андрей, чувствуя, что въ Васильчиковѣ онъ лишился сильной подпоры, поспѣшилъ сблизиться съ восходящимъ свѣтиломъ, противъ котораго съ самаго начала его возвышенія возбужденъ былъ Павелъ Петровичъ. Усилія Разумовскаго сблизить Потемкина съ Цесаревичемъ не увѣнчались успѣхомъ. „Il y a quelque temps“, доносилъ герцогу д'Эгильону Дюранъ

[1]) Дѣйствительный камергеръ Василій Семеновичъ Васильчиковъ женился около 1773 г. на третьей дочери гетмана, графинѣ Аннѣ Кириловнѣ.

[2]) Сборникъ Императорскаго историческаго Общества. XXIII, 4.

отъ 22-го Іюля 1774 года, „que le Grand Duc entendit un sermon, vraisemblablement de commande, sur la nécessité pour les princes de ne point avoir de favoris. Le jeune comte Rasoumovsky entra et le Grand Duc lui dit en riant avec éclat: „Monsieur ne veut pas que je vous aime“. Le sieur Epinus, instituteur du prince, s'enfuit et en est malade de frayeur. La faveur du comte cause, comme on voit, de l'ombrage. Quoiqu'il se comporte avec sagesse, l'Impératrice a déjà fait des efforts pour l'écarter. Le Grand Duc s'est récrié et a déclaré qu'il ne se laisserait point enlever un ami. Quelque confiance qu'il accorde à celui à qui il donne ce nom celui-ci n'a pû encore procurer à m. Potemkine un accueil supportable de la part du Prince et Potemkine est homme à s'en venger tôt ou tard. „Si ce n'est pas sur le Grand Duc“, ai-je dit au comte Rasoumovsky, „ce sera sur vous. Songez-y“ [1]).

Государыня послѣ чумы и Пугачевскаго бунта рѣшила утѣшить присутствіемъ своимъ обезлюдѣвшую и едва успокоившуюся отъ страха Москву. Несмотря на затрудненія всякаго рода, на перестройку дворцовъ и большіе расходы для подготовленія приличнаго помѣщенія, Екатерина переѣхала со всѣмъ дворомъ въ древнюю свою столицу на цѣлый годъ и помѣстилась въ каменныхъ палатахъ князя Михаила Михаиловича Голицына на Пречистенкѣ, противъ несуществующаго уже въ наши дни Алексѣевскаго монастыря [2]). Къ Голицынскому дому пристроена была со всѣхъ сторонъ масса деревянныхъ зданій. „Я велѣла“, писала Екатерина къ Гримму, „выстроить большую залу, двѣ огромныя галереи и полдюжину парадныхъ гостинныхъ. Такимъ образомъ мнѣ удалось соединить въ одно три очень большихъ каменныхъ дома. Сама живу въ одномъ, который мнѣ уступилъ на время братъ вице-канцлера; мой сынъ живетъ въ другомъ, купленномъ мною домѣ, а въ третьемъ, который мною пріобрѣтенъ, также помѣщаются лица, которыя необходимо должны жить при дворѣ“ [3]). Въ Москвѣ пошли пиры горой. Здѣсь праздновалось торжество Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Великолѣпные костюмированные балы, торжественный въѣздъ побѣдителя Румянцева, народные праздники на Ходынскомъ полѣ, парадные спектакли слѣдовали другъ за другомъ, и долгіе годы поминали впослѣдствіи московскіе старожилы о блестящихъ торжествахъ Турецкаго замиренія. Екатерина, помнившая холодный пріемъ, сдѣлан-

[1]) Изъ архива парижской національной библіотеки.

[2]) Палаты эти принадлежали отцу почтеннаго и памятнаго Москвѣ князя Сергѣя Михайловича Голицина. Нынѣ онѣ принадлежатъ его внуку. Алексѣевскій монастырь былъ переведенъ въ Сокольники, а на его мѣстѣ выстроенъ храмъ Спасителя.

[3]) Сборникъ Императорскаго историч. общества, XXIII, 7. Въ одномъ изъ этихъ домовъ помѣщается нынѣ 1-я Московская гимназія; другой былъ подаренъ Екатериною матери Потемкина; нынѣ принадлежитъ г-жѣ Бахметевой.

ный ей Москвою, когда она посѣтила ее впервые послѣ своего воцаренія, не безъ нѣкотораго опасенія рѣшилась туда возвратиться. Но на сей разъ встрѣча была самая блестящая и радушная. Своею ласковою, чисто русскою рѣчью окончательно обворожила она старыхъ московскихъ тузовъ, которыхъ каждаго умѣла назвать по имени и отчеству. Строгимъ исполненіемъ церковныхъ правилъ, частымъ посѣщеніемъ церквей и монастырей и наконецъ походомъ къ Троицѣ стала она любезна народу, который глядя на нее поминалъ матушку Елизавету Петровну и провожалъ ее оглушительными криками. Екатерина пустила въ ходъ всѣ дары обаянія, которыми такъ щедро наградило ее Провидѣніе и была въ восторгѣ отъ успѣха. „Знайте“, писала она изъ Москвы къ Гримму, „что я въ восторгѣ отъ моего здѣсь пребыванія и что всѣ здѣсь отъ мала до велика въ восторгѣ отъ меня“ [1]). Но въ то время, какъ всѣ были довольны Государынею, Великій Князь своею сдержанностію, о которой упоминаетъ англійскій посланникъ Гунингъ, а Великая Княгиня несочувствіемъ къ Москвѣ, москвичамъ и вообще всему чисто-русскому и кромѣ того неумѣніемъ изъясняться на народномъ языкѣ, произвели на старинную столицу совершенно противоположное впечатлѣніе. „Въ Москвѣ мало любили Великую Княгиню“, доносилъ отъ 15-го Апрѣля двору своему саксонскій министръ Сакенъ, „потому что она сама терпѣть не могла Москвы и москвичей“ [2]). „La noblesse de Moscou“, доносилъ отъ 13 Марта 1775 г. графу де-Верженъ повѣренный въ дѣлахъ Дюранъ, „est peu contente de la naïveté avec laquelle le Grand Duc et la Grande Duchesse expriment leur dégout pour une ville immense mais où tout est épars, où rien ne tient ensemble, dépourvue d'eau à boire, n'ayant que trois petite rivières, souvent à sec, renferment plusieurs marais et fourmillant de visages inconnus pour LL. AA. qui ne peuvent se faire à leurs façons“ [3]).

Неудовольствія въ императорской семьѣ начались еще до отъѣзда двора въ Москву. Екатерина отдыхала отъ трудовъ своихъ, переписы-

[1]) Сборн. Имп. Истор. Общ. XXIII. Свѣдѣнія помѣщенныя у Кастеры (Vie de Catherine II, II, 351) и другихъ подобныхъ ему памфлетистовъ о холодности, съ которою принята была въ Москвѣ Екатерина и о восторгѣ, который возбуждалъ тамъ Великій Князь—чистѣйшая выдумка. Точно также ложны разсказы о намекахъ, которые будто бы дѣлалъ послѣднему Андрей Разумовскій касательно того, что подобнымъ народнымъ настроеніемъ слѣдовало бы Цесаревичу воспользоваться. Депеши иностранныхъ дипломатовъ, аккредитованныхъ въ то время при петербургскомъ дворѣ, единогласно свидѣтельствуютъ о противномъ. То же явствуетъ изъ показаній современниковъ. Автору между прочимъ извѣстно о восторгѣ, который возбуждала въ то время Екатерина среди Москвичей изъ разсказовъ его бабки Е. А. Архаровой.

[2]) Сборникъ Имп. Ист. Общ. XIX, 415.

[3]) Изъ архива парижской національной библіотеки.

ваясь съ Гриммомъ и изъ-подъ пера ея съ необъяснимымъ чистосердечіемъ изливались порой самыя потаенныя ея мысли. Видно много горечи набралось у нея на сердцѣ, когда, 21 Декабря 1774 года, сѣла она за свой письменный столъ, чтобы писать къ Гримму. Писала она о своей невѣсткѣ и слѣдующими словами ее описывала: „она постоянно больна, но какъ же ей и не быть больной? Во всемъ у нея крайности. Если соберется гулять пѣшкомъ, то за 20 верстъ, если начнетъ танцовать, то сразу танцуетъ 20 контраданцовъ и столько же менуетовъ, не считая аллемандовъ. Чтобы въ комнатахъ не было слишкомъ жарко, ихъ вовсе перестали топить. Иные натираютъ себѣ льдомъ лицо, мы все тѣло обратили въ лицо. Однимъ словомъ, золотая середина весьма отъ насъ далека. Опасаясь людей злыхъ, мы питаемъ недовѣріе ко всѣмъ вообще и не принимаемъ никакихъ совѣтовъ—ни добрыхъ, ни дурныхъ. Словомъ, до сихъ поръ не видать ни добродушія, ни осторожности, ни благоразумія. Богъ знаетъ къ чему все это приведетъ, такъ какъ слушать мы никого не хотимъ, и имѣемъ собственную волюшку. Вообразите, вотъ уже полтора года какъ мы здѣсь, а еще ни слова не знаемъ по русски. Мы требуемъ, чтобы насъ учили, а вмѣстѣ съ тѣмъ не хотимъ посвятить на это минуту прилежанія. Во всемъ одно вертопрахство, то то, то другое намъ не понутру. Долговъ у насъ вдвое чѣмъ достоянія, а кажется едва-ли кто въ Европѣ столько получаетъ. Но ни слова болѣе— въ молодыхъ людяхъ никогда не слѣдуетъ отчаяваться". Характеристика эта такъ и дышетъ правдою. Въ ней слышится не зависть, на которую такъ усердно указываютъ иностранные памфлетисты, а вполнѣ понятное недовольство разумной свекрови при видѣ легкомыслія невѣстки, которая не умѣла, да и не хотѣла, подобно Екатеринѣ, переродить себя, которая гнушалась всѣмъ русскимъ, на каждомъ шагу оскорбляла народное чувство и пользовалась всѣми выгодами своего положенія, забывая объ обязанностяхъ имъ налагаемыхъ. Понятно, что Екатерина косо посматривала на приближенныхъ малаго двора, которые, какъ она думала, неблаготворно вліяли на Великую Княгиню. Разумѣется, весь малый дворъ съ своей стороны горько жаловался на Государыню, а въ числѣ другихъ и графъ Андрей, не разъ приходившій изливать накипѣвшую желчь къ друзьямъ своимъ въ французскомъ посольствѣ.

„L'Impératrice cherche à rendre son fils défiant et ombrageux", доносилъ въ Парижъ отъ 4-го Октября 1774 года Дюранъ, „pour l'isoler, persuadée que de lui-même il est incapable de s'élever contre elle ou de lui resister. Il a un favori et il a en même temps l'amour le plus vif pour la Grande Duchesse. La mère a crû devoir l'avertir que le comte André Rasoumovsky profiterait de sa familiarité pour porter ses

désirs jusque sur la Princesse. Cette odieuse confidence a causé au Grand Duc un chagrin qu'il s'est efforcé en vain de dissimuler. La Princesse l'a forcé à la fin de lui en dire le sujet et elle ne l'a appris que pour en verser des larmes pendant plusieurs jours et pour faire voir au Prince la malignité d'un rapport qui ne tendait qu'à mettre la division entre eux" [1]). Впрочемъ до открытой вражды между Государыней и ея невѣсткой не доходило. Установились холодныя, натянутыя отношенія. Если вѣрить свидѣтельству дипломатовъ, даже въ великокняжеской семьѣ согласіе продолжалось недолго; Дюранъ лѣтомъ 1775 года писалъ, что Великая Княгиня стала сильно ревновать мужа [2]).

Мы упомянули выше, что Екатерина жаловалась Гримму на долги своей невѣстки. Въ самомъ дѣлѣ, Великая Княгиня Наталья Алексѣевна вѣчно нуждалась въ деньгахъ и нерѣдко занимала ихъ у короткихъ знакомыхъ. Между прочимъ часто обращалась она къ Натальѣ Кириловнѣ Загряжской, съ которой близко сошлась черезъ графа Андрея Кириловича.

Слухи объ этихъ финансовыхъ затрудненіяхъ ходили по Москвѣ въ то время, когда тамъ находился дворъ. Послѣ возвращенія послѣдняго въ Петербургъ, молва о долгахъ Великой Княгини усилилась и приняла нѣсколько иной характеръ. Подъ секретомъ придворные сообщали другъ другу, что для поправленія обстоятельства малаго двора задуманъ заемъ, который долженъ былъ состояться тайнымъ отъ Государыни образомъ черезъ посредство одного изъ иностранныхъ посольствъ. Ко всему этому примѣшаны были имена Великой Княгини, Андрея Разумовскаго и секретаря французскаго посольства шевалье де-Корберона. Близкая связь Разумовскаго съ французскими дипломатами породила много разнородныхъ толковъ при дворѣ. Старый пріятель гетмана, графъ И. Г. Чернышевъ счелъ долгомъ, во время пребыванія двора въ Москвѣ, предупредить о томъ графа Андрея и совѣтовалъ ему вести себя по-осторожнѣе, дабы все это не дошло какими-нибудь путями до слуха Государыни. Графъ Андрей Кириловичъ совершенно успокоилъ своего бывшаго начальника и, вѣроятно, сталъ вести себя осторожнѣе, по крайней мѣрѣ Екатерина ничего о городскихъ толкахъ не знала. Между тѣмъ здоровье Великой Княгини стало тревожить Государыню. Невѣстка ея безпрестанно хворала, не берегла себя, была худа, блѣдна; ее стали считать чахоточною. Оказалось, что она беременна, и съ этихъ поръ здоровье ея стало какъ-будто поправляться. Екатерина съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала утвержденія престолонаслѣдія въ своемъ родѣ.

[1]) Изъ архива парижской національной библіотеки.

[2]) Тамъ же.

10 Апрѣля 1776 года Цесаревна, наконецъ, почувствовала приближеніе родовъ. Государыня поспѣшила къ изголовью невѣстки и день и ночь ходила за больной. Положеніе оказывалось крайне опаснымъ, страданія сильны. Созванъ былъ консиліумъ, призванъ былъ врачъ, гостившаго въ то время въ Петербургѣ, принца Генриха прусскаго. Среди страданій Великая Княгиня призвала къ себѣ графа Андрея Кириловича, написала записку и, вручивъ ему ее вмѣстѣ съ букетомъ, отправила его въ Смольный монастырь къ любимицѣ своей Алымовой [1]). „Вы отличная сидѣлка“, говорила не разъ больная свекрови [2]). Помощь докторская оказалась безсильною, 16 Апрѣля 1776 года не стало Натальи Алексѣевны. Великій Князь былъ внѣ себя отъ горя; Екатерина просила принца Генриха не отходить отъ сына и занялась приготовленіями къ немедленному переѣзду въ Царское Село. Комнаты покойной въ Зимнемъ дворцѣ приказано было сейчасъ же передѣлать, вся мебель подарена была преосвященному Платону [3]); бумаги были запечатаны и переданы Государынѣ. Екатерина, по словамъ князя Ѳ. Н. Голицына, рѣшилась отдалить сына отъ „грустнаго позорища“. За Государынею поспѣшили въ Царское всѣ придворные, а между ними и Андрей Разумовскій. На другое утро послѣ прибытія въ Царское Село, графъ Андрей поспѣшилъ по обыкновенію явиться къ Наслѣднику въ опочивальню, но ему сказали, что Е. В. занятъ. Павелъ Петровичъ вышелъ къ нему однако, обнялъ его и, переговоривъ слова два, удалился. Изъ опочивальни вышла тогда Государыня, въ рукѣ ея былъ запечатанный пакетъ, она дала его Разумовскому, повелѣвъ собственноручно доставить его въ Петербургъ къ фельдмаршалу князю Александру Михайловичу Голицыну. Онъ былъ въ то время главнокомандующимъ въ столицѣ и ему поручила Екатерина всѣ распоряженія касательно похоронъ невѣстки. Ничего не подозрѣвая, Разумовскій съ пакетомъ поскакалъ въ Петербургъ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ пріятеля своего отца, графа Ивана Григорьевича Чернышева, спѣшившаго въ Царское. Послѣдній просилъ Андрея Кириловича зайти къ нему, когда онъ вернется изъ города, такъ какъ имѣлъ нѣчто сообщить ему. Весьма вѣроятно, что Чернышевъ хотѣлъ предупредить сына своего друга о томъ, что бумаги Великой Княгини въ рукахъ Государыни, но не рѣшался этого сдѣлать на большой дорогѣ въ присутствіи кучеровъ и лакеевъ. Разумовскій отправился далѣе и, пріѣхавъ въ Петербургъ, прямо явился къ князю Голицыну, которому и передалъ пакетъ отъ Императрицы.

[1]) Русскій Архивъ, 1871, 35.

[2]) Сборникъ Имп. Истор. Общества XXIII.

[3]) Русскій Архивъ 1878 г., стр. 279. Часть этой мебели до сихъ поръ хранится въ Виѳаніи, въ покояхъ митрополита Платона.

Фельдмаршалъ распечаталъ его при Андреѣ Кириловичѣ и прочитавъ содержаніе, объявилъ послѣднему, что Государыня повелѣла ему принять участіе въ распоряженіяхъ по погребенію Великой Княгини и оставаться для этого въ Петербургѣ. Какъ громомъ пораженный, Разумовскій схватился за перо и набросалъ письмо къ Цесаревичу. Онъ не подозрѣвалъ, что Екатерина, не зная какъ положить конецъ горькому отчаянію сына, рѣшилась употребить сильное, но вѣрное средство—она передала ему бумаги покойной.

„Je m'adresse à vous Monseigneur", писалъ къ Великому Князю графъ Андрей Кириловичъ, „avec cette confiance, cette sécurité que vos bontés et j'ose dire votre amitié m'ont inspirée depuis que j'ai eu le bonheur de vous approcher. Je ne sais si c'est avec votre consentement, Monseigneur, que j'ai été envoyé ici ce matin et si vous savez quel est le but de mon voyage? Je ne le crois pas parcequ'il me semble en le croyant que je ferai tort à votre sensibilité et à la franchise de votre caractère. Voici, Monseigneur, tout ce qui s'est passé. Vous vous rappelez que vous m'avez trouvé ce matin dans la chambre à côté de celle où vous dormez et où on ne m'a pas laissé entrer parceque vous étiez occupé. Vous avez bien voulu m'embrasser à votre ordinaire et mes yeux se sont mouillés de larmes, parceque, depuis le malheur que nous avons essuyé, je ne puis encore vous voir sans la plus vive émotion. Je n'ai pas besoin de vous en dire les motifs; j'avais consacré mes jours à vous le prouver. Je n'eu que le temps de vous dire que j'avais à vous faire part de quelque petite chose relativement à votre respectable épouse qui est le seul objet dont mon coeur et mon imagination sont remplis, vous me quittâtes et au même instant l'Impératrice sortit de votre chambre où elle venait d'entrer, m'apella et me remettant une lettre me dit: „portez cela au maréchal Galitzine et dites lui d'exécuter au plustôt ce que cela contient". Je pars sur le champ et ayant rempli mon message, le maréchal m'annonce que S. M. voulait que je reste auprès de lui pour participer aux arrangements des funérailles de notre vertueuse Grande Duchesse. Jugez, Monseigneur, de ma surprise et de ma douleur! Je ne puis m'empêcher de vous témoigner la révolution que j'éprouvais! Est-ce pour me déchirer le coeur? Est-ce pour me mettre à l'epreuve de tous les tourments, qu'on me condamne à aggraver à chaque instant une douleur, dont la violence n'a déjà plus de bornes? Que deviendrai-je, Monseigneur? Tirez moi de l'embarras affreux où je me trouve! On m'éloigne de votre personne, tandis que je n'avais d'espoir qu'en vous et que je voulais confondre dans mon attachement pour vous, l'attachement que je portais à votre respectable épouse. J'espérais, Monseigneur, vous être de quelque utilité en mêlant mes larmes avec les vôtres et en redoublant les efforts

de mon zèle pour alléger le poids de la situation accablante où vous vous trouvez. Pourquoi me vois-je frustré de cette douce et unique consolation, que je pouvais attendre dans un chagrin aussi légitime et aussi vif que le mien? Je le demande, Monseigneur, avec la sincérité, dont je me suis toujours piqué vis-à-vis de vous et à laquelle je me crois autorisé par la pûreté de ma conduite et de mes sentiments à votre égard. Jugez ces sentiments, Monseigneur, et jugez en même temps combien est affreux le coup que j'essuie, que vous seul pouvez parer, mais dont je ne cherche pas à démêler la source, parceque je la crois trop audessous des perquisitions. Je compte sur vous avec confiance. Daignez, Monseigneur, m'éclairer par un mot. Je l'attenderai avec la plus grande impatience et serai éternellement au delà de toute expression etc.“ [1]).

Тревожно ожидалъ графъ Андрей отвѣта и отвѣтъ не заставилъ себя ждать — но отвѣчалъ не Цесаревичъ, а состоявшій при немъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

„Великій Князь“, писалъ онъ, „былъ сегодня въ лихорадкѣ и въ постелѣ не въ состояніи самъ вамъ отвѣчать на письмо ваше, приказалъ мнѣ вамъ отвѣтствовать, что касательно до сдѣланнаго вамъ приказанія, каково оное точно отъ Государыни произошло и сегодня опять подтверждено, то Его Высочество никакъ и ничего въ томъ перемѣнить не можетъ“ [2]).

Салтыковъ въ другомъ письмѣ, которое, вѣроятно, было написано ранѣе перваго, сообщалъ еще Разумовскому:

„Для людей вашихъ лошадей я велѣлъ дать, чтобъ сегодня къ вамъ отправить ихъ, а о приказаніи вамъ свѣдалъ я сегодня въ обѣдъ, которое мнѣ показалось мудрено, потому что, кажется, вчерась мы разстались поздно и объ васъ я ничего не слыхалъ, а сегодня какъ я вышелъ, то уже вы уѣхали, а это было очень рано и такъ я не понимаю когда вы это приказаніе получить могли. Великій Князь знаетъ, думаю, не больше какъ только, что вамъ отъ Государыни нѣкакое (sic) приказаніе къ князю Александру Михайловичу было, а въ чемъ оно состояло не думаю, чтобъ зналъ, по крайней мѣрѣ я такъ понимаю. Въ положеніе твое я очень вхожу и чувствую каково оно тебѣ быть можетъ“ [3]).

„Вслѣдствіе вашего мнѣ уясненія“, писалъ далѣе въ третьемъ письмѣ тотъ же Салтыковъ, „о чувствительности вашей, съ каковою вы должны себя употребить въ комиссію вами отъ Государыни полученной, и прежде на другой спросъ вашъ не могъ вамъ прежде иного

[1]) Списокъ съ черновой, сохранившейся въ архивѣ князя Разумовскаго.

[2]) Архивъ князя Разумовскаго.

[3]) Тамъ же.

сказать какъ то, что къ вамъ писалъ, не знавъ ничего самъ больше, а вчерась, слышавъ отъ самой Государыни ея волю, чтобъ вы отнюдь въ Царское Село не пріѣзжали, для чего думаю и употребили васъ въ сію комиссію, то считаю за долгъ вамъ это сказать и при семъ дружескій совѣтъ сдѣлать, чтобы вы, хотя весьма и согласенъ, что сіи обстоятельства васъ оскорбляютъ много, но какъ положеніе твое (sic) въ теперешнемъ случаѣ весьма нѣжно, то лучшее, что вы можете сдѣлать, повиноваться волѣ Государыни и подъ видомъ ли болѣзни, или какъ сами разсудите, сюда отнюдь не казаться, чтобъ не навести на себя прямо гнѣвъ отъ Государыни и черезъ то не сдѣлать себя навсегда несчастнымъ“ [1]).

„J'ai été informé hier par le maréchal“ [2]), писалъ Разумовскій въ отвѣтъ на послѣднее письмо, „de tout ce que vous me faites l'honneur de m'écrire, mon général, je suis cependant très sensible à votre honnêteté et l'avis que vous voulez bien me donner. Si jamais ma conduite et mes moeurs ont pu fixer un instant votre attention, vous devez me connaitre assez de franchise et de probité pour pouvoir juger du parti que je prendrai dans les circonstances présentes; c'est parce que je vous crois et l'un et l'autre que je me fais une vraie satisfaction de vous dire à vous seul que mon coeur ne démentira jamais les sentiments, le zêle, l'attachement qu'il a toujours renfermé pour Mgr. le Grand Duc. Je me conformerai avec une soumission respectueuse à la volonté de S. M. ainsi que je l'ai observé dans toutes mes actions. Au reste je n'épargnerai jamais rien pour exposer la pûreté de ma conscience et faire taire la sensibilité de mon coeur“ [3]).

Андрей Кириловичъ не зналъ къ кому обратиться, отецъ находился въ Малороссіи; въ отчаяніи, онъ рѣшился прибѣгнуть къ своему непосредственному начальнику—президенту морской коллегіи—графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, старому и лучшему другу отца.

„M-r le comte“, писалъ онъ къ Чернышеву, „vous avez eu la bonté de me dire le jour que je vous ai rencontré sur le chemin de Czarskoe Sélo que vous avez à me parler et que je vienne chez vous. Je le promis et comptai pouvoir le faire le même soir ou le lendemain. Avec de l'honnêteté on ne sait pas prévoir les malheurs; j'eu celui de ne pouvoir pas vous tenir parole, puisque l'ordre de S. M. dont j'étais porteur m'enjoint de rester ici sous prétexte de m'employer à l'enterrement et qu'il m'a été dit depuis par le maréchal et confirmé dans cet instant par une lettre de m. Soltykoff que l'Impératrice me

[1]) Тамъ же.

[2]) Князь А. М. Голицынъ.

[3]) Съ черновой, находящейся въ архивѣ князя Разумовскаго.

défendait de retourner à Czarskoe-Sélo. La confiance que je suis accoutumé d'avoir en vous, m. le comte, et que vous vous êtes acquise par les bontés permanentes et l'amitié que vous m'avez toujours témoignée et celle qui vous unit à mon père, m'engage à m'épancher et vous ouvrir mon cœur non sur ma surprise au sujet de ce qui ce passe à mon égard, je m'y étais préparé depuis longtemps et mon âme y était aguerrie, mais sur le choix du moment et le silence du Grand Duc à qui j'ai écrit le jour de mon arrivée avec la franchise et la familiarité, qu'il avait établies entre lui et moi. Il ne m'a point répondu lui-même et m'a fait écrire par m. Soltykoff, qu'ayant la fièvre, il ne pouvait pas écrire et que, quant à mon absence, c'était la volonté de S. M. contre laquelle il ne pouvait rien faire. Ce changement seul me surprend au dernier point, parce que je ne trouve rien sur ma conscience qui puisse le justifier et que je ne pourrai jamais effacer de mon cœur le tendre attachement qu'il renferme. Si v. e. pouvait trouver quelque moyen de m'éclaircir sur ce seul point, elle m'obligerait au-delà de toute expression. J'attendrai avec impatience que vous me procuriez le bonheur de vous voir. M-me la comtesse m'a dit que ce sera Vendredi, je volerai chez vous, m. le comte, j'irai vous confier toutes les douleurs que j'éprouve et retrouver en vous les qualités d'un second père, dont vous avez toujours porté le titre dans mon cœur et dont ce moment-ci me fait sentir tout le besoin“ [1]).

Еще новый ударъ готовился графу Андрею. Едва окончилось въ Невской лаврѣ погребеніе, какъ фельдмаршалъ князь А. М. Голицынъ объявилъ молодому царедворцу высочайшее повелѣніе, въ силу котораго онъ долженъ былъ немедля ѣхать въ Ревель и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ Государыни. Прекословить было невозможно. „Ссылка была основана“, помѣчаетъ въ запискахъ своихъ князь Ѳ. Н. Голицынъ, „болѣе на дворскихъ соображеніяхъ и на той короткости, въ какой графъ находился у Ихъ Высочествъ [2]).

По Петербургу пошли нескончаемые толки, которые, впрочемъ, изъ предосторожности передавались шопотомъ. Дипломаты поспѣшили донести о томъ своимъ дворамъ, а во французскомъ посольствѣ поднялся переполохъ. Въ бумагахъ Великой Княгини между прочимъ найдены были какіе-то политическіе проекты, писанные частью Разумовскимъ, частью другомъ его шевалье де-Корберономъ и прямыя указанія на заемъ, о которомъ мы упомянули выше.

Государыня была этимъ крайне разгнѣвана. Она лучше другихъ знала къ чему ведутъ подобныя переписки съ дипломатами и на что

[1]) Съ черновой, сохранившейся въ архивѣ князя Разумовскаго.

[2]) Русскій Архивъ, 1874, I, 1278.

пригодны бываютъ такіе денежные займы. Сношенія ея съ сэромъ Ганбюри Виліамсомъ вѣроятно въ эту минуту ей живо приходили на память и еще болѣе раздражали ее противъ Разумовскаго и Корберопа. Повелѣно было сдѣлать тайное разысканіе по этому дѣлу.

„Je vais vous rendre compte en particulier", доносилъ отъ 10 мая 1774, графу де-Верженю, французскій посланникъ маркизъ де-Жюнньe, „d'un événement dont je suis fâché, mais qui est trop public et qui fait ici trop de bruit pour vous le laisser ignorer. Celui qu'il intéresse aurait fort désiré que je ne vous en écrivisse rien, ce qui fait que je ne l'insère pas dans ma dépèche. Le comte André Rasoumovsky, un des fils du maréchal de ce nom, ayant été longtemps à Strasbourg, trouvait de l'agrément à vivre avec nous et comme il pouvait jouer un rôle un jour dans l'empire, j'avais cru intéressant de le ménager. Il a de l'esprit tourné agréablement. Le Grand Duc lui avait accordé sa confiance même avant de se marier, mais trop jeune encore, car il n'a que 23 ou 24 ans et trop confiant dans sa position, il n'a pas senti le danger d'avoir des ennemis et il s'en est fait beaucoup. Enfin, soit avec justice ou soit sans fondement, il y a déjà quelque temps qu'il parait avoir été accusé auprès du Grand Duc... ce qui avait refroidi ce Prince à son égard. Cependant par condescendance pour sa femme qui avait pris sur lui beaucoup d'empire il n'avait osé renvoyer son favori mais il vient d'être envoyé à Réval. Quoique général-major il y est conduit par un bas officier des gardes. Je crois qu'il y recevra de nouveaux ordres. On m'a dit qu'il serait envoyé à Archangel, ce qui l'approcherait un peu trop de la Sibérie. D'un autre côté, comme il fait partie de la marine, peut-être se contentera-t-on de le tenir dans ce port, ce qui me ferait un vrai plaisir. On tient beaucoup d'autres propos sur son compte, qui n'ont aucune apparence de vérité. On a dit aussi que dans les papiers de la Grande Duchesse on a trouvé de lui des lettres ou des notes qui ont déplu, sur la manière dont elle devait se conduire soit vis-à-vis de l'Impératrice, soit vis-à-vis du Grand Duc. C'est un fait dont je ne suis pas certain absolument. On me dit à l'instant que l'Impératrice s'adoucit sur son compte et lui a permis d'aller trouver son père. Cela mérite confirmation,.. „L'on m'a dit", доносилъ далѣе отъ 7 іюня 1776 года маркизъ де-Жюнньe, „que dans les papiers de la Grande Duchesse l'Impératrice avait trouvé des notes et des mémoires, qui annonçaient un système politique, contraire au sien, que le comte André Rasoumovsky était soupçonné d'avoir suggéré à cette princesse les idées qui l'avaient amenée à ce nouveau système et c'est aussi une des causes pour lesquelles on la envoyé a Réval, où il est encore et comme le système en question tient à ce principe très vrai que toute auguementation de la puissance Prussienne

est un désavantage pour la Russie, on accuse le comte de Lacy, avec qui ce jeune homme était fort lié, de lui en avoir fourni l'idée, ce qui n'est pas vrai... Vrai ou faux l'on doit croire que le prince Henri (de Prusse) aura tâché d'accréditer cette opinion pour entretenir l'animosité de Catherine contre la mémoire de sa belle-fille et ainsi resserrer les liens qui attachent cette Princesse au roi son frère et l'éloigner encore davantage de la France",

Какъ видно, Жюнnье еще неизвѣстно было, что одинъ изъ молодыхъ людей, служившихъ при его посольствѣ, замѣшанъ былъ во всю эту темную исторію. Онъ узналъ о томъ когда началось цѣлое дѣло, пошли ноты, переписка съ Парижемъ, переговоры съ Панинымъ и членами коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

„L'affaire de m. le chevalier de Corberon", доносилъ онъ отъ 17 декабря 1776, „n'est point terminée, comme je devais m'en flatter, m. Panine m'ayant dit qu'il irait parler à l'Impératrice; ce qu'il n'a pas encore fait. Je ne puis douter qu'elle ne lui fasse sentir aujourd'hui tout le mécontentement qu'elle a eu de sa liaison avec le comte André Rasoumovsky, liaison en vérité très innocente, mais elle ne le croit pas. L'on doit avoir mandé toute cette affaire à m. de Bariatinsky [1]) sans doute avec des couleurs un peu fortes et je ne serais pas étonné, tout injuste que cela serait, qu'on vous demandat le rappel du chevalier de Corberon, tant est forte la prévention de l'Impératrice contre lui. Il n'a comme je vous l'ai déjà mandé aucun tort dans cette affaire et je ne lui en connais aucun dans toute sa conduite. Si cette circonstance pouvait vous engager à le placer plus promptement, ce serait une satisfaction qu'il mérite".

Въ послѣдней депешѣ Жюнnье по этому дѣлу отъ 20 декабря читаемъ мы слѣдующее: „Les préventions de Catherine contre le chevalier de Corberon sont toujours au même point. M. le comte Panine m'a dit que l'affaire de m. Rabuzomy (?) n'était pas le seul grief qu'elle avait contre lui; ce qui me confirme dans cette opinion, c'est qu'elle a su très mauvais gré de ses liaisons avec le comte André Rasoumovsky, car je ne sais de lui aucun autre acte dont elle ait pu s'offenser et que ne voulant pas s'ouvrir sur cet article, elle a saisi sans trop de réflexion, ce me semble, la première occasion qui s'est présentée de lui donner un désagrément. Cette liaison, comme je vous l'ai déjà mandé était, je vous l'assure, trés innocente et si le comte André a jamais eu quelques idées relativement au gouvernement de la Russie, le chevalier de Corberon n'en a rien su. On vient de me dire

[1]) Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій былъ въ то время посланникомъ въ Парижѣ.

qu'il n'a rien été mandé de toute cette histoire à m. de Bariatinsky, je le désire et serais fort aise d'avoir été mal informé, mais j'ai peine à le croire" [1])...

ГЛАВА III.

Жизнь въ Ревелѣ. — Переѣздъ въ Батуринъ. — Назначеніе въ Неаполь.—Жизнь въ Вѣнѣ.

Глухія вѣсти о немилости, поразившей графа Андрея, стали между тѣмъ доходить и до Украйны, гдѣ проживалъ въ то время графъ Кирила Григорьевичъ, получившій, наконецъ, дозволеніе отъ Государыни побывать на родинѣ. Невзгода, сразившая любимаго сына, горько отозвалось въ его сердцѣ. На этого сына полагалъ онъ всѣ лучшія свои надежды. Черезъ Ковалинскаго просилъ онъ отъ Потемкина извѣстій о ссыльномъ. Екатерина поспѣшила сама извѣстить фельдмаршала о судьбѣ графа Андрея и въ то же время его успокоить. „Графъ Кирила Григорьевичъ", писала она собственноручно, „я принуждена была велѣть сыну вашему графу Андрею ѣхать въ Ревель до дальняго объ немъ опредѣленія. Впрочемъ будьте благонадежны о непремѣнномъ моемъ доброжелательствѣ" [2]).

Тяжела показалась молодому царедворцу скучная жизнь въ Ревелѣ среди чопорныхъ нѣмцевъ, которые на него поглядывали какъ на государственнаго преступника. Надежда на скорое прощеніе не покидала молодого изгнанника, онъ продолжалъ разсчитывать на привязанность къ нему Наслѣдника престола, не подозрѣвая что по Петербургу ходили слухи о дальнѣйшей его ссылкѣ въ Архангельскъ. Онъ, очевидно, все еще не зналъ о томъ, что въ рукахъ Цесаревича находятся всѣ бумаги его покойной жены и снова обратился къ нему съ письмомъ.

„Lorsque je pris la liberté de vous écrire de Pétersbourg", писалъ онъ, „j'étais vivement affecté d'un malheur inattendu et j'eus recours à V. A I. avec la confiance et la liberté qui ont toujours fait la base de mon existence auprès d'elle. Vous ne m'avez pas répondu, Mon-

[1]) Изъ бумагъ архива Парижской національной библіотеки.

[2]) Русскій Архивъ.

seigneur, et mon cœur accablé de tristesse a renfermé l'amertume de sa douleur, parce que je reçus en même temps l'ordre de S. M. de me rendre ici et qu'en me livrant tout entier à l'obéissance, j'ai tâché d'étouffer le cri .de ma sensibilité pour ne pas auguementer la vôtre au moment où vous étiez plongé dans une douleur aussi légitime qu'elle doit être durable. Il serait aussi inutile qu'impossible de dire à V. A. I. combien cette retenue me cause de souffrances et combien mon coeur serait soulagé, si vous daigniez, Monseigneur, m'accorder la grâce que je vous demande et que je crois avoir mérité par les sentiments que je conserverai éternellement. Si j'avais quelque reproche à me faire, je n'oserai pas parler de la sorte à V. A. I., mais, dans la situation où je me trouve, je ne puis me persuader, Monseigneur, que vous avez pu effacer de votre mémoire le souvenir des soins constants et assidus que j'ai pris pour justifier et m'assurer à jamais les bontés de V. A. I. par une conduite sans tache depuis le premier instant que mon destin m'a procuré la jouissance de ces bontés qui seront éternellement gravées dans mon cœur. Si un ressentiment quelconque a terni dans votre esprit (j'ose le dire) l'éclat de la place que j'y occupais, je me jette à vos pieds, Monseigneur, non comme un coupable (si je pouvais l'être, je vous épargnerais l'horreur de mes importunités), mais comme un infortuné qui, s'étant soumis avec une résignation mâle et une respectueuse tranquillité aux volontés de sa Souveraine, ne peut soutenir l'affreuse idée d'être éloigné de vous, ni supporter les apprehensions et les inquiétudes, dont mon cœur est surchargé et qu'autorise votre silence. La pureté de ma conscience envers vous, Monseigneur, et le sentiment intérieur d'une innocence inaltérable, en me prêtant des forces pour combattre le malheur, aggravent la douleur qui est répandue dans mon âme en ajoutant à tout instant à l'horreur de ma situation. Daignez, Monseigneur, éclairer l'obscurité de cette situation accablante. Le temps et votre justice me procureront infailliblement la satisfaction que mes pleurs vous demandent aujourd'hui, mais je suis trop pénétré des bontés de V. A. I. et ces bontés me sont trop précieuses, pour qu'il me soit possible de remettre à un terme peut-être éloigné la connaissance d'une chose qui fait constamment le tourment de mes jours" [1]).

Письма своего Андрей Кириловичъ не рѣшился однако отправить прямо на имя Цесаревича. Онъ зналъ заранѣе, что обыкновеннымъ путемъ оно къ нему не дойдетъ и поэтому снова обратился къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, умоляя его доставить письмо по назначенію. Но Чернышевъ былъ слишкомъ близокъ ко двору и слиш-

[1]) Черновая въ архивѣ князя Разумовскаго.

комъ знакомъ съ придворными интригами, чтобы въ данную минуту рѣшиться на подобный шагъ. Страсти еще не улеглись. Государыня была крайне возбуждена и о Корберонѣ шла дипломатическая переписка. Подать письмо значило возбудить новую грозу противъ ссыльнаго царедворца, и гроза эта могла его занести въ Архангельскъ, а быть можетъ даже и подалѣе. Не даромъ объ этомъ поговаривали въ Петербургѣ. Толки эти доходили, какъ мы видѣли выше, и до иностранныхъ дипломатовъ. Къ тому же, даже еслибы было возможно тайкомъ доставить Цесаревичу письмо Разумовскаго, едва ли бы онъ его принялъ. Со смерти Великой Княгини Наталіи Алексѣевны въ Павлѣ Петровичѣ произошла огромная перемѣна. Онъ сдѣлался сумраченъ, недовѣрчивъ, подозрителенъ. Нравъ его сталъ перемѣнчивъ и вспыльчивъ. Цесаревичъ мало-по-малу облекся въ тотъ странный образъ, въ которомъ предсталъ онъ Россіи при своемъ воцареніи. На Великаго Князя Андрею Кириловичу уже окончательно нечего было надѣяться. Тяжело было въ этомъ убѣдиться молодому царедворцу, составившему себѣ цѣлый блестящій планъ для будущаго и чуть ли не мечтавшаго со временемъ управлять Россіею именемъ своего августѣйшаго друга. Въ глубокомъ отчаяніи провелъ онъ первое время пребыванія въ Ревелѣ, стараясь безпрестанно напоминать о себѣ всѣмъ власть имѣвшимъ. Онъ просился въ Малороссію на свиданіе съ отцемъ. Писалъ онъ объ этомъ и къ графу Кирилѣ Григорьевичу и къ графу Чернышеву, оказывавшему большое участіе къ изгнаннику, и къ сестрѣ своей Натальѣ Кириловнѣ Загряжской, игравшей уже въ то время видную роль въ Петербургѣ. Послѣдняя, страстно любившая брата, поспѣшила навѣстить его въ Ревелѣ, дабы хоть нѣсколько разсѣять глодавшую его тоску. Тяжелы были первыя недѣли изгнанія, но молодость мало-по-малу взяла свое— графъ Андрей сталъ искать развлеченій, ѣздить къ остзейскимъ баронамъ и, по всей вѣроятности, среди степенныхъ нѣмокъ напалъ на такую, которая не съумѣла оградить себя отъ любезности опальнаго царедворца.

Изъ всѣхъ друзей семейства Разумовскихъ, старый пріятель гетмана, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, выказалъ самое большое участіе къ молодому изгнаннику. Онъ хлопоталъ о немъ, пересылалъ его письма къ отцу въ Малороссію и черезъ вѣрныхъ пословъ часто сообщалъ ему извѣстія изъ Петербурга.

Письма Чернышева, которыхъ въ архивѣ Андрея Кириловича сохранилось нѣсколько, были для него манною небесною.

Мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ.

I.

7 Mai 1776.

„J'ai reçu hier votre lettre, mon cher ami, du 2 Mai et quoique je vous en remercie beaucoup, le ton de tristesse qui y régne me fait beaucoup de peine. Vous ne profitez pas des conseils que je vous ai donnés. Je vais vous les redire: ne vous abattez pas, supportez vos malheurs avec courage et parfaite résignation. Souvenez vous que le crime fait la honte et non pas l'échafaud; ainsi si vous n'êtes pas criminel, comme je n'en ai aucun doute, votre innocence transpirera. Employez votre temps d'oisiveté à profiter de plus en plus dans les connaissances des choses qui vous sont nécessaires, rendez-vous de plus en plus digne de servir, en un mot, vous devez vous trouver des ressources en vous-même. Je ne crois pas pouvoir jamais présenter la lettre que vous m'avez adressée. Je la garderai encore chez moi jusqu'à une occasion sûre et même elle serait inutile. Je n'ai aucune nouvelle à vous mander. Je voudrais en avoir quelques unes d'intéressantes, mais il n'y en a aucune. On ne parle plus de vous, on ne parle que du voyage qu'entreprendra le Grand Duc, mais on ne sait pas où il ira. On nomme même les personnes de sa suite c. à. d. Kourakine. Mais tout cela sont des bruits de la ville, car à la cour on ne parle pas du tout de cela.

II.

13 Mai 1776.

Dans ce moment j'ai reçu votre lettre, mon cher comte. Elle m'a fait beaucoup de plaisir. Je me presse de vous répondre, parce que Ielaguine [1]) m'a dit qu'il allait retourner encore aujourd'hui. Lorsque le maréchal [2]) a fait son rapport à l'Impératrice de votre arrivée à Réval et lui fit savoir vos désirs d'aller voir votre père, elle lui répondit: „un peu de patience, m. le maréchal". Cette réponse dénote que cela pourra se faire et qu'on n'est pas intentionné de vous faire déménager. Du moins voilà mon idée. Je n'ai pas présenté votre lettre. Je ne vois pas de possibilité de le faire encore, mais si l'occasion se présente et que les circonstances sont telles, je ne manquerai pas de le faire. Soyez-y (sic) tranquille mon cher comte. Il serait malheureux

[1]) Иванъ Перфильевичъ. Вѣроятно письмо писано изъ Царскаго и Елагинъ возвращался въ городъ, гдѣ письмо передалъ довѣренному Разумовскаго.

[2]) Голицынъ.

qu'une imprudente précipitation vous nuisit. Ainsi en me laissant le soin de trouver un moment favorable, n'y pensez plus du tout. On ne peut sonder pour vous obtenir la permission de revenir ici pour quelques jours que lorsqu'on verra plus clair dans votre situation, c. à. d. lorsqu'on vous aura accordé la permission d'aller chez votre père et encore ne pourrais-je pas me flatter de vous l'obtenir toute innocente et juste qu'est votre prière. Au reste il ne faut pas se désespérer. Le temps vous le fera voir, d'autant plus qu'il y a ici un bruit, mais rien qu'un bruit, comme si l'Impératrice avait eu la bonté d'écrire une lettre au maréchal votre père. Ainsi reste à savoir ce qu'elle contient. Il court ici un bruit comme si on voulait vous envoyer comme ministre dans (sic) quelque cour étrangère. Le mal ne serait pas grand, car, cher ami, il vous faut quelque place et quelque occasion où vous puissiez vous appliquer à être utile, d'autant plus que vous êtes très propre à cela et que si l'acquit des affaires se joint aux connaissances que vous avez et que vous avez cultivées, vous pourrez par la suite reprendre et avec plus de probabilité la flatteuse position dans laquelle vous vous êtes trouvé. Ne désespérez pas, cher comte, je puis vous le pronostiquer d'avance, non par l'esprit de prophétisme (sic), mais par la grande connaissance et pratique qu'on acquiert à 50 ans. Dans les différentes fois que j'ai eu l'honneur de voir le Grand Duc, il ne m'a jamais parlé de vous, il est aussi vrai que je ne lui ai pas entendu parler de rien qui puisse rappeler le temps passé. Non seulement j'écrirai au maréchal votre père pour vous faire aller dans les pays étrangers, parce que vous le désirez, mais aussi parce que c'est mon avis. Je lui écrirai même cette semaine, car je compte recevoir une lettre de la poste en réponse à celle que nous lui avons écrite touchant votre départ pour Réval. Cela ne saurait tarder au moins et nous pourrons savoir par là s'il est vrai que l'Impératrice lui a fait l'honneur d'écrire. On parle toujours beaucoup du voyage du Grand Duc, mais on ne sait pas où ni même avec qui. Il y a des personnes qui disent que le général Soltykoff n'ira même pas avec lui, mais que ce sera le maréchal Roumiantzeff que nous attendons tous les jours. Je doute de cela quoique cela pourrait arriver et je ne le croirai qu'alors. On me dit que vous vous amusez à Réval, j'en suis fort aise, mon cher comte, mais si vous croyez qu'il ignorent comment vous êtes venu, vous avez tort. Ils ont des amis et des parents plus instruits que nous ne le sommes. Conduisez vous, mon cher ami, tranquillement, sagement, avec modestie et politesse. Tachez de vous faire aimer. C'est mon amitié sans bornes et l'intérêt bien vif et bien sincère que je prends à ce qui vous regarde qui m'arrachent

ce conseil. Il y a encore un bruit dans la ville comme si son [1]) mariage était décidé avec une princesse de Wurtemberg. Dieu veuille que cela se fasse le plus tôt possible et que nous puissions réparer toutes les pertes que nous avons faites. Vous savez que le chambellan Naryshkine gouverneur de Pskoff est ici. On le dit destiné au voyage avec le Grand Duc et d'être près de lui. Mais quoique ce ne sont que des on-dit il y a des probabilités"...

III.

4 Juin 1776.

Je n'ai rien de nouveau à vous appendre. Ce courier [2]) vous dira de bouche plus que je ne pourrais faire par écrit et même il en sait peut être davantage. Quant à moi voilà tout ce que je puis vous dire: comme je compte présenter la lettre de votre père à l'Impératrice ce Mardi à Sarskoé Sélo, je m'attends qu'elle me dira quelque chose sur votre chapitre, afin de pouvoir joindre mes prières aux siennes pour vous faire aller chez lui. Je le désire du fond de mon coeur. Tranquillisez vous autant que vous pouvez et tirez partie de votre séjour. Vous me faites plaisir en me mandant que vous comptez vous occuper de l'allemand. C'est un parti très sage et cette occupation vous sera très nécessaire. Méritez de plus en plus l'amitié de ces Esthoniens, ce sont de bien aimables personnes, c. à d. honnêtes gens. Ne doutez jamais de l'amitié très vive que j'ai pour vous, ainsi que du désir que j'ai de vous être utile. Malheureusement mes facultés et les circonstances ne sont pas telles. Je vous envoie une lettre de votre père. Je vous embrasse du fond de mon coeur ainsi que toute ma famille. J'attends l'arrivée de mon fils, il est sur mer et vient de Londres avec nos frégates.

IV.

11 Juin 1776.

J'ai reçu votre lettre du 4 Juin, elle me fait plus de plaisir que toutes les précédentes. Vous paraissez moins ennuyé et voilà ce que je désire, car que voulez vous faire? Il faut avoir patience. Je n'ai pas manqué de remettre à S. M. I. la lettre dont j'ai été chargé par le maréchal votre père à votre sujet. Elle l'a reçue sans humeur, mais ne l'a pas décachetée et par conséquent n'a rien dit du tout. Il faudra

[1]) Т.-е. Великаго Князя.

[2]) Письмо это вѣроятно провезла къ брату Наталья Кириловна Загряжская.

voir si elle ne lui répondra pas en droiture, ou du moins ce qu'elle voudra faire lorsque le Grand Duc sera parti. Il faut de la patience. Son voyage est décidé pour après demain. C'est tout ce que je puis vous dire en ce moment. Si j'apprends à temps qu'on vous aura permis d'aller chez votre père, je ne manquerai pas de chercher une occasion de supplier l'Impératrice qu'on vous permette de passer par ici, quand cela ne serait que pour deux ou trois jours, afin de pouvoir arranger vos affaires. Je suis sûr qu'on aura de la peine à vous l'accorder, si on le fait même ce sera avec quelques prescriptions de ne voir que vos intimes ou ceux avec qui vous avez à faire. Mille compliments à m-me votre soeur. Dites lui que son époux a été avant-hier chez moi et a passé toute la journée. Il se porte fort bien. Comment se trouve-t-elle avec les dames esthoniennes?... Elle ne dine qu'à une table de 90 couverts (?). Si je ne trouve pas d'occasion à répondre à m. votre père touchant la présentation de sa lettre à l'Impératrice, je compte lui envoyer un courier. Mais ce ne sera qu'après le départ du Grand Duc pour voir ce qui se fera alors".

До сихъ поръ письма Чернышева очевидно доходили до Разумовскаго черезъ вѣрныя оккaзiи. Слѣдующее письмо, наоборотъ, отправлено было по почтѣ съ цѣлью поднасть подъ перлюстрацiю и доказать, что президентъ морской коллегiи рѣдко переписывался съ опальнымъ царедворцемъ и не сообщалъ ему ни придворныхъ подробностей, ни извѣстiй о дальнѣйшей судьбѣ его.

V.

14 Juin 1776.

Vous me rendez justice, mon cher comte, quand vous ne doutez point de mon attachement pour vous et de ma tendre amitié. Je vous ai toujours connu honnête. Voilà deux grandes raisons pour rechercher votre société et pour faire un cas infini de votre estime. Vos défauts tenaient à votre âge, vos vertus à votre caractère. Un peu d'adversité va purifier les uns et affermir les autres. Deux mois de réflexion dans la solitude perfectionnent plus que dix années d'existence dans le tourbillon du grand monde. Une excellente qualité qui m'avait sans cesse frappée en vous (et vous ne prenderez pas cela pour une flatterie) c'est le plaisir que vous éprouvez à rendre service. J'ai les traits de Nicolaï, de la Fermière, de la Harpe et de Swetsin. Vous rirez en voyant les deux derniers noms si voisins, mais il n'en est pas moins vrai que ceux là et les deux premiers vous ont obligation. Ainsi donc, m.-le comte, vous philosophez à Réval. Votre âme qui par les circonstances s'est repliée

sur elle-même aura plus d'énergie. Je vous le prédis vous vous rappelerez avec plaisir de vous être convaincu que vous avez des ressources en vous contre l'ennui. Ce n'est pas une chose commune. Bien des gens, dès qu'ils croient ne tenir à rien ne sont plus rien. Je suis tout fier d'aimer un homme qui pense aussi noblement que vous et qui retrouve en lui la sérénité nécessaire pour s'affermir contre les événements. Vous lisez. Vous voyez bien, mon cher comte, que les lettres font le bonheur de ceux qui les aiment. Ce gout console en tous les temps. Cicéron avait grandement raison de dire „Studia adolecentiam alunt, senectutem oblectant". Sans me souvenir de mon latin je sais cet excellent morceau par coeur. M-me votre soeur est une femme adorable. Que vous êtes heureux d'avoir une telle soeur. Mettez moi à ses pieds. Adieu, mon cher comte, je vous embrasse bien tendrement et sans compliment. A propos, vous savez que m. Turgot est disgracié.... En lisant dans la gazette la disgrâce de ce controleur général je fis sur le champ ces vers:

Ainsi ce ministre sublime,
Cet esprit sage et courageux etc., etc.

Ma femme est bien sensible à votre souvenir. Elle et moi vous sommes bien obligés pour les compliments que vous faites sur l'acroissement de notre famille. Ma femme me charge de vous faire toutes les assurances possibles de son amitié. Elle embrasse votre soeur. J'ai l'honneur de lui présenter mes respects. Adieu, encore une fois, ce serait une extrême satisfaction pour moi de pouvoir vous embrasser. Le mal d'yeux de ma femme et la fièvre qu'elle a l'empêchent d'écrire à m-me votre soeur. Savez vous que cette pauvre m-me Schouwaloff a pensé mourir? Je n'ai point ignoré votre retraite, mais on me disait que vous l'alliez quitter d'un jour à l'autre. Je n'ai point écrit dans cette incertitude pensant que mes lettres ne vous trouveraient point".

Дальнѣйшія письма снова пересылались черезъ вѣрныя оккaзіи и Чернышевъ по прежнему сообщалъ Разумовскому все то, что только могло интересовать его.

VI.

24 Juin 1776.

Bonjour mon cher ami. J'ai reçu votre lettre du 15 de Juin. Je vous rends mille graces pour tous les soins et amitiés que vous avez témoignés à mon fils pendant le temps qu'il est resté à Réval [1]). Il est arrivé se portant très bien. Vous direz, mon cher comte, la même chose à m-me votre soeur. Je me presse de vous faire savoir, mais en

[1]) Графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ, возвращаясь на русскомъ фрегатѣ изъ Лондона, остановился въ Ревелѣ.

tout grand secret et absolument il ne doit pas transpirer, que le lendemain de la récéption de cette lettre vous en receverez une du maréchal Galitzine avec la permission de l'Impératrice de pouvoir allez chez votre père, mais avec ordre absolu et irrévocable de ne passer ni par Pétersbourg, ni par Moscou pas pour une minute. Je sais que cela vous fera de la peine. Je vous conseille de vous faire raison et de vous arranger en conséquence sans vous flatter absolument que cela puisse être autrement; mais à y souscrire aveuglement. Je suis fâché, mon cher comte, que je ne vous verrai pas. Mais je me console par le plaisir que cette nouvelle vous fera ainsi qu'à votre père. Je le lui ai communiqué aujourd'hui et je lui ai envoyé votre lettre par un exprès. Je n'ai pas le temps de vous écrire davantage, mais du moins m'en reste-t-il assez pour vous dire que cet accident vous tournera en bien pour l'avenir, ainsi consolez vous. *Le crime fait la honte et non pas l'échafaud* [1]. Mais il doit vous rendre circonspect, attentif et docile aux conseils de vos amis. Souvenez vous de ce que je vous ai dit touchant vos liaisons intimes avec les étrangers et le bruit qui courrait sur l'emprunt. Je vous en avais parlé à Moscou et puis ici. Vous reçûtes cela en homme innocent et cela m'a fait plaisir. Mais le jeune homme [2] transpirait car vous vous imaginiez que quand on est tel on ne craint rien quoique je vous avais dit que cela peut nuire et comme cela n'est pas un procès en forme qu'on fera, ainsi l'innocence n'a pas le temps de paraitre. C'est assez moraliser. Le pauvre Potemkine est parti hier pour Novgorod, pour trois semaines dit-on, voir son régiment, quoiqu'équipage et table de la cour, il n'en est pas plus content. Adieu, monsieur, si mon estime et mon amitié vous est nécessaire croyez que vous l'avez tant que je vis.

VII.

30 Juin 1776.

Il ne faut pas que vous songiez même de passer par Pétersbourg ou Moscou. Je sens la peine que cela doit vous faire. Mais que faire, cher ami? Au reste le temps ne vous est pas prescrit quand vous devez partir de Réval. Je vous conseille de le faire au plus tôt pourtant, pour être auprès du maréchal votre père le plus tôt possible. Au reste il en est instruit car je lui ai expédié un courrier le lendemain du jour que l'ordre de l'Impératrice a été donné au maréchal Galitsine

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Здѣсь вѣроятно подразумѣвается шевалье де-Корберонъ.

et même avant qu'il ne vous fût envoyé et il ne pouvait pas faire autrement. Quant à votre mission dans les pays étrangers non seulement je loue très fort cette envie que vous faites voir et je désire de tout coeur que cela ait lieu. Jusqu'à présent malheureusement il n'y a pas de vacances. Mais si jamais il s'en trouve, soyez sûr que je travaillerai et même avec plaisir, car c'est ce qui peut vous arriver de plus heureux. Je ne manquerai pas d'écrire à la première occasion à m. votre père de vous faire voyager au plustôt, s'il ne trouve de moyen de vous employer à quelque cour. Mais je ne vous conseille pas à songer à cela sitôt, d'attendre au moins quelques mois et les passer avec ce bon père et vieillard. Je vous ai dit que je n'ai pas pu rendre votre lettre à mg-r le Grand Duc. Je ne sais si vous ferez bien de lui écrire à Berlin et si la lettre parviendra plus facilement. Mais au reste je ne crois pas que cela puisse faire du mal. On pourrait risquer pourvu qu'elle parvienne. Adieu, mon cher comte, probablement je ne vous écrirai pas de longtemps. Vous serez en route et puis en Ukraine, mais mon amitié et mon attachemet seront toujours les mêmes, ainsi que mes voeux pour votre prospérité qui vous accompagneront partout. Ma femme vous embrasse de tout son coeur ainsi que mes enfants. Mon fils m'a dit les attentions que vous avez eues pour lui. Je vous remercie bien fort, mon cher ami. Mes respects à votre soeur. A propos, le comte Skavronsky [1]) est mal. Je vous dirai que je brigue beaucoup sa place...."

Оффиціальное извѣстіе о дозволеніи ѣхать въ Малороссію пришло къ графу Андрею Кириловичу отъ фельдмаршала князя А. М. Голицына.

„М. г. мой графъ Андрей Кириловичъ", писалъ отъ 23-го Іюня фельдмаршалъ, „Е. И. В. высочайше указать соизволила, чтобы вы ѣхали изъ Ревеля въ Украину, не заѣзжая однакожъ ни въ С.-Петербургъ ни въ Москву, а прямо слѣдовали къ родителю вашему и оставались тамо до будущаго повелѣнія, о чемъ вамъ объявляя, остаюсь и проч.".

На это извѣщеніе Разумовскій поспѣшилъ отвѣтить, разумѣется по-французски. „Mon prince", писалъ онъ, „j'ai reçu la lettre que v. ex. m'a fait l'honneur de m'écrire en m'annonçant les ordres de S. M. en conséquence desquels je me rendrai ainsi qu'il m'a été prescrit auprès de mon père. Je me flatte, m-r le maréchal, que vous voudrez bien, si vous trouvez à propos, présenter mes humbles remerciements à S. M. I. Arrivé en Ukraine j'attendrai ses ordres avec la même tranquillité et la même soumission que jusqu'ici, parceque je n'ai rien perdu de

[1]) Графъ Мартынъ Карловичъ, оберъ-гофмейстеръ, † въ іюлѣ 1776 года.

la pureté inaltérable de ma conscience ni du respect que j'aurai toujours pour ses volontés" [1]).

Съ черными мыслями и тяжелымъ сердцемъ пустился Разумовскій въ дорогу. Особенно угнетало его запрещеніе заѣзжать въ Петербургъ и въ Москву. Долго тащился онъ по нескончаемымъ пустырямъ Бѣлоруссіи. Его сопровождала сестра Наталья Кириловна, любившая брата до безумія. Она старалась его утѣшать и путешественники вдвоемъ составляли планы для будущаго и тѣмъ коротали долгій путь. Явно было, что на дружбу Цесаревича уже разсчитывать невозможно и что снова попасть ко двору не осталось никакой надежды. Всѣ мысли молодого изгнанника стремились теперь за границу. Онъ рѣшился покинуть неблагодарную родину, не умѣвшую оцѣнить его заслугъ и думалъ искать приключеній при иностранныхъ европейскихъ дворахъ. Грустно было свиданіе съ отцемъ, еще грустнѣе пребываніе въ Батуринѣ. Объ этомъ времени съ ужасомъ вспоминалъ графъ Андрей, 24 года позднѣе, когда вторичная опала заставила его снова искать убѣжища при отцѣ въ Батуринѣ и остановиться именно въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ теперь онъ томился мыслію объ уничтоженной навсегда карьерѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія ѣхать за границу. Объ этомъ просилъ онъ отца, объ этомъ-же черезъ Чернышева и другихъ петербургскихъ друзей молили оба Разумовскіе Государыню. Не разъ приходилось намъ замѣчать, какъ ловко и мѣтко умѣла Екатерина пользоваться талантливыми людьми. Противъ графа Андрея она была сильно возбуждена и вполнѣ справедливо. Въ рукахъ своихъ имѣла она неопровержимыя доказательства его политическихъ интригъ. Она была раздражена, но не ослѣплена своимъ гнѣвомъ и въ сѣти крайне ей противныхъ козней разгадала тонкость, скрытность и несомнѣнные таланты зазнавшагося юноши. Разумовскій былъ ей давно знакомъ. Онъ отлично говорилъ на иностранныхъ языкахъ и даже такъ хорошо, что уже въ Петербургѣ успѣлъ забыть свое родное нарѣчіе, онъ былъ ловокъ, вкрадчивъ, остроуменъ — все это, соединенное съ талантами, въ существованіи которыхъ Государыня теперь убѣдилась, дѣлало его, какъ казалось, вполнѣ способнымъ къ дипломатической службѣ Екатерина не желала, изъ уваженія къ графу Кирилѣ Григорьевичу, окончательно погубить талантливаго юношу. Но она рѣшилась держать его вдали отъ двора, не лишая при этомъ ни себя, ни отечества службы, которая, какъ ей казалось, могла быть полезною. По тому времени чинъ Андрея Кириловича было довольно видный и назначеніе его во главу одной изъ русскихъ миссій за гра-

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго, въ которомъ вмѣстѣ съ письмомъ Голицына сохранился черновой отвѣтъ.

ницею не представляло особаго затрудненія. Съ отдаленными итальянскими дворами Россія не имѣла въ то время постоянныхъ дипломатическихъ сношеній. Неожиданное появленіе нашего флота въ Средиземномъ морѣ и Чесменская побѣда какъ громомъ поразили Европу, а Екатеринѣ доказали, что не худо бы на будущее время заручиться дружбою итальянскихъ государствъ и подготовить заранѣе въ прекрасныхъ гаваняхъ Апеннинскаго полуострова вѣрныя пристанища и удобныя стоянки для русскаго флота. Самыя лучшія гавани были неаполитанскія, къ тому же онѣ ближе другихъ находились отъ Архипелага, гдѣ несомнѣнно со временемъ пришлось бы опять отличиться нашимъ морякамъ. Въ виду этихъ соображеній русскому послу въ Вѣнѣ, князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, поручено было войти въ сношенія съ испанскимъ посломъ при австрійскомъ дворѣ — графомъ Магони (Mahony), относительно соглашенія съ неаполитанскимъ дворомъ „о взаимномъ на обѣ стороны содержаніи характеризованныхъ особъ и о назначеніи оныхъ въ качествѣ полномочныхъ министровъ одновременно при обоихъ дворахъ“.

Какъ извѣстно, Неаполь и Сицилія съ 1735 года, по Вѣнскому трактату, окончательно перешли во власть испанскихъ Бурбоновъ. Королемъ туда назначенъ былъ инфантъ Карлъ, третій сынъ короля испанскаго Филиппа V. Послѣдній, нѣкогда герцогъ Анжу, былъ сыномъ Лудовика XIV. Старшіе братья новаго короля неаполитанскаго, Лудовикъ и Фердинандъ умерли бездѣтными и король Карлъ, унаслѣдовавшій въ 1758 году испанскую корону, покинулъ Италію, оставивъ наслѣдникомъ въ Неаполѣ второго сына своего Фердинанда, восьмилѣтняго ребенка, провозглашеннаго королемъ обѣихъ Сицилій подъ именемъ Фердинанда I. Вотъ почему Неаполь состоялъ какъ-бы подъ опекою Испаніи и дипломатическія дѣла часто устроивались черезъ посредство испанскихъ пословъ. Черезъ графа Магони князь Голицынъ вошелъ въ прямыя сношенія съ маркизомъ делла Самбука [1]), который только что былъ назначенъ первымъ министромъ въ Неаполѣ на мѣсто извѣстнаго реформатора маркиза Тануччи. Соглашеніе состоялось въ началѣ 1777 года по новому стилю, а 1-го Января стараго стиля графъ Андрей Кириловичъ назначенъ былъ полномочнымъ министромъ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Неаполь. Первый извѣстилъ Батуринскихъ жителей объ этомъ счастливомъ событіи вѣрный другъ Разумовскихъ графъ И. Г. Чернышевъ.

Il y a bien longtemps que je ne vous ai écrit, mon cher pupille“, писалъ онъ отъ 2-го Января графу Андрею Кириловичу, „une lettre qui m'aie fait autant de plaisir que celle-ci. Hier, jour de l'an, S. M.

[1]) Della Sambucca, впослѣдствіи князь Кампореале.

vous a nommé comme son ministre plénipotentiaire à la cour de Naples. Je juge de la joie que cette nouvelle doit répandre dans votre famille par celle qu'elle me fait. Oui, mon cher comte, personne ne peut y avoir pris plus de part je vous le jure. Je ne le cède pas à vos plus proches et peut-être pas à vous-même. Je dis peut-être parceque je ne suis pas sûr que vous ayez perdu de vue la faveur qui, toute brillante qu'elle est, traine à sa suite des désagréments dont on souffre et languit toujours. Cela influe sur tout le temps (sic). Vous voilà, mon ami, dans la carrière la plus belle et la plus noble et qui est la plus agréable. Vous allez vivre dans un pays, dans une ville, sous un ciel incomparables, en un mot dans mon état je remercierai Dieu et ma Souveraine si elle m'accordait une pareille retraite. Non, rien n'est à comparer à ce séjour divin! Vous ne le connaissez pas je crois. Vous serez fou. Le seul conseil que mon amitié peut vous donner et que je me hâte de faire, c'est celui de lire les auteurs les plus anciens qui ont parlé politique comme Riquefort (?) et Grotius. Les intérêts des princes et des puissances de l'Europe, ainsi que l'état politique de l'Europe doivent être votre première lecture. On vous dira que cela est vieux et que ce n'est pas ainsi que se font les affaires présentement, que les étiquettes sont bannies. Tout cela est vrai, mais vous verrez par la suite l'avantage de ceux qui l'ont lu sur les autres. L'ambassadeur et ses fonctions doivent être compris. En un mot ne le dédaignez pas, mon cher pupille, malgré tout ce qu'on pourrait vous dire. Vous avez trop d'esprit et de discernement pour ne pas vous appercevoir de tous les changements qui sont arrivés dans la façon de traiter les affaires au premier coup d'oeil. Mais par la suite vous me remercierez et tout vieux que seront vos camarades dans cette carrière qui ne sauront pas lire et étudier, ils se trouveront novices vis-à-vis de vous. Ne negligez pas la lecture des gazettes et des journaux politiques, n'épargnez pas l'argent pour cela, il sera bien employé. Mais quant au reste sachez une fois pour toutes, mon cher ami, qu'un ministre devient la risée du pays où il est et de ses camarades s'il se trouve dans l'impossibilité de continuer à faire la dépense qu'il a commencée à son arrivée. C'est pourquoi les plus sages commencent toujours petitement, mais noblement et vont petit à petit en auguementant autant qu'ils peuvent continuer sur le même pied. Vous jugez bien qu'on ne peut parvenir à ce point qu'après s'être mis bien au fait du genre de vie des autres, ce qui ne peut arriver qu'avec le temps. Perdez de vue pour toujours votre luxe et magnificence, cela est imposible premièrement parceque rien au monde ne peut égaler l'économie des Italiens et secondement tous vos camarades sont riches ou du moins bien plus près de chez eux

et qu'ils ne sont que pour quelque temps, pouvant retourner chez eux quand ils veulent, ce que vous ne pouvez pas faire; troisièmement: vous vous les faites tous ennemis dès qu'ils s'appercoivent de cela. Tachez de gagner leur amitié et leur confiançe et surtout du ministre du pays. N'ayez de prédilection que pour les ministres des cours alliées et amies de la nôtre et tachez le plustôt possible leur faire connaitre à tous que vous êtes un homme d'honneur et que vous [1]) les affaires publiques d'avec les égards que vous devez comme particulier à chacun. Sachez, mon ami, qu'on ne doit pas rougir d'avouer, sur une chose qu'on vous demandera, que vous ne le savez pas que de leur dire une chose dont vous n'êtes pas sur. Ne divulguez pas des nouvelles, dont vous (êtes) absolument sûr, ou que vous la teniez de la cour ministérialement. Autrement si vous la dites, quoique soyant (sic) reçue positivement, dites toujours que vous la croyez telle sans assurer pourtant. Car vos amis même prenderont garde à cela. Toute nouvelle carrière quelle qu'elle soit influe en tout sur la réputation d'un homme. On doit être aussi jaloux de sa première réputation qu'une jeune et belle femme les premières années de son mariage. Voilà un sot sermon que je vous fais. Je m'apperçois mais trop tard que ma lettre est si longue et si mal écrite, aussi je la finis en vous embrassant et vous souhaitant toutes les années, comme vous avez commencé celle là. Adieu cher ami... Votre frère n'est pas encore arrivé. Bien mes compliments à la comtesse Apraxine [2]). Dans quelque état que vous soyez, sachez que je suis de vos vrais et intimes amis" [3]).

Одновременно съ Чернышевымъ добрую вѣсть сообщалъ отцу графъ Алексѣй Кириловичъ. „Притомъ", писалъ онъ изъ С.-Петербурга отъ 1-го Января, „съ особливою для насъ въ нынѣшній день случившеюся радостью, дозвольте здѣсь же поздравить... мы съ крайнимъ удовольствіемъ услышали сегодня, что Андрей Кириловичъ назначенъ министромъ къ Неаполитанскому двору. Кажется, что въ его состояніи бо̀льшаго благополучія ожидать невозможно было". Среди петербургскихъ друзей Разумовскаго радость была всеобщая. „Dimanche dernier", доносилъ отъ 14 января нов. стиля графу де-Вержену маркизъ де-Жюнньe, „premier jour de l'année S. M. I. a nommé le comte André Rasoumovsky son ministre à la cour de Naples. Cet acte de bonté a fait le plus grand plaisir à tout le monde et par l'intérêt que l'on a pris à ce jeune homme et plus encore parceque Catherine a manifesté ainsi sa générosité. Je crois qu'elle s'applaudira de son

[1]) Пропущено слово.
[2]) Елизавета Карловна.
[3]) Изъ архива князя Разумовскаго.

choix, le comte de Rasoumovsky ayant de l'esprit et des qualités. Je ne sais pas encore s'il aura la permission de venir ici prendre ses instructions ou si on les lui enverra chez son père en Ukraine, où il est actuellement" [1]). Оффиціальное извѣщеніе получено было графомъ Андреемъ Кириловичемъ черезъ графа Никиту Ивановича Панина, который въ письмѣ сообщалъ ему, что инструкціи и прочія бумаги будутъ ему вскорѣ доставлены и что онъ долженъ ихъ ожидать „въ мѣстѣ настоящаго пребыванія у батюшки, а по полученіи ихъ отправиться прямо оттуда, не заѣзжая сюда, въ путь къ назначенному мѣсту". „Permettez moi", отвѣчалъ Разумовскій, „de vous témoigner combien dans la situation où je me trouvais ici j'ai été sensible à l'empressement avec lequel v. e. a eu la bonté de me communiquer la grace que je viens de recevoir" [2]). Новому министру положено было ежегодное жалованье въ 8,000 рублей и кромѣ того 5,000 р. на путевые расходы. Чиновниками при немъ назначены были: совѣтникъ Плещеевъ и переводчики Винтеръ и Погенполь. Послѣдній былъ зять бывшаго гувернера Разумовскихъ Николаи, превратившагося уже въ барона и вскорѣ вышедшаго въ аристократы. Всѣ трое прибыли въ Батуринъ и привезли съ собою подробную инструкцію новому посланнику, а также приказаніе дождаться въ Вѣнѣ назначенія неаполитанскаго министра въ Петербургъ. Разумовскій, познакомившись съ своими подчиненными, просилъ еще у графа Панина въ подмогу себѣ человѣка опытнаго, хорошо знакомаго съ ходомъ дипломатическихъ дѣлъ, вполнѣ еще сознавая свою некомпетентность на новомъ поприщѣ.

Графъ Андрей Кириловичъ изъ Батурина направился на Вѣну черезъ Варшаву. Въ письмахъ къ бывшему своему наставнику де-Маріаниу, описалъ онъ тѣ чувства, съ которыми покидалъ свою родину: „Je vous ai écrit, mon cher Mentor", говоритъ онъ, „à mon départ d'Ukraine, lorsque la scène a changé pour moi et que j'ai vu s'ouvrir la carrière politique devant mes yeux. Dans ce moment où j'allais quitter mon pays vivement ému par le sentiment qui m'y avait attaché et par celui de l'injustice qui m'en éloignait, lorsque la sensibilité a besoin d'épanchement; dans le nombre des amis que mon coeur cherchait, je goutais du soulagement à vous parler de ma situation... Le sentiment des devoirs dans une âme honnête et sensible n'efface point celui des amertumes qui s'y mêle et il n'y a que l'ambitieux au coeur froid et dur qui n'éprouve pas cette inquiétude et ce malaise secret qui sont toujours répandus dans l'existance des gens revêtus d'un

[1]) Изъ архива Парижской національной библіотеки.

[2]) Изъ бумагъ Московскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Оттуда же почерпнуты нами всѣ депеши и рескрипты до 1800 года.

caractère public et aspirant aux honneurs. Je vous ai écrit dans un moment où j'étais affecté vivement et ma lettre vous a donné de l'inquiétude. Vous m'en demandez l'explication. Souffrez que je me fasse violence; il n'est pas prudent d'écrire tout. Songez à l'existance que j'ai eue en Russie à la cour; représentez vous mon caractère sensible et ardent"! [1]).

Въ Варшавѣ Разумовскій оставался не долго, за то въ Вѣнѣ расположился онъ на продолжительную стоянку. Неаполитанскимъ правительствомъ назначенъ былъ министромъ въ Петербургъ князь Караманика. Разстроенное здоровье и семейныя дѣла заставили его, однако, отказаться отъ этого назначенія. Пришлось искать другого кандидата. Дѣло было не легкое. Среди неаполитанской знати не находилось охотниковъ ѣхать въ отдаленный и холодный Петербургъ, а человѣка неименитаго правительство не рѣшалось отправить. Наконецъ, послѣ долгаго исканія напали на герцога де-Санъ Никола, который согласился ѣхать, но съ тѣмъ, чтобы предварительно привести въ порядокъ дѣла свои. На это потребовалось не мало времени и два года слишкомъ прошли прежде чѣмъ неаполитанскій посолъ тронулся съ мѣста.

Первымъ дѣломъ Разумовскаго, пріѣхавъ въ Вѣну, было требовать у вице-канцлера графа Остермана выдачу ему впередъ жалованья, а потомъ, узнавъ, что Караманика отказался отъ своего назначенія и что ему не могутъ пріискать преемника, онъ просилъ о дозволеніи воспользоваться свободнымъ временемъ для разныхъ поѣздокъ по Германіи, Франціи и Италіи. Въ дозволеніи этомъ ему было довольно сухо отказано.

„Всѣ находятъ", писала къ Разумовскому по этому случаю сестра его Н. К. Загряжская, „что просьба твоя крайне неосторожна. Ради всего, что тебѣ дорого, не раздражай Государыню. Ты долженъ быть крайне осмотрителенъ въ сношеніяхъ твоихъ съ дворомъ и отнюдь ничего не просить до пріѣзда на мѣсто назначенія. Меня увѣряли, что Караманика былъ смѣненъ вслѣдствіе того, что король неаполитанскій, узнавъ объ отъѣздѣ твоемъ отсюда безъ представленія Государынѣ, былъ очень оскорбленъ тѣмъ, что къ нему отправляютъ опальнаго, а такъ какъ Караманика по знатности принадлежитъ къ первымъ неаполитанскимъ родамъ и вообще играетъ въ Неаполѣ важную роль, то король и не захотѣлъ отправлять его и теперь ищетъ человѣка менѣе знатнаго. Все это возбуждаетъ и здѣсь

[1]) Архивъ князя Разумовскаго, письма къ Маринiану. Мы въ примѣчаніяхъ будемъ обозначать только тѣ источники, которые не касаются Московскаго архива. Всѣ же цитаты, которыя напечатаны безъ примѣчаній, почерпнуты нами въ Московскомъ архивѣ.

и тамъ неудовольствіе, и того гляди дѣло окончится тѣмъ, что никого не отправятъ". „Я всюду навожу справки", писала она далѣе, „и слава Богу слухи оказались ложными. Король писалъ, что такъ какъ до будущей весны не можетъ выслать преемника Караманики, то находитъ, что Государыня вполнѣ имѣетъ право задержать посланника своего въ Вѣнѣ и даже отправить его въ Неаполь гораздо позднѣе прибытія неаполитанскаго министра въ Петербургъ".

Письмо свое Н. К. Загряжская заканчивала извѣщеніемъ, что есть другіе охотники въ Неаполь, которые могутъ воспользоваться малѣйшимъ новымъ неудовольствіемъ Государыни противъ Разумовскаго. Ходили по Петербургу тоже слухи о томъ, что Андрея Кириловича назначатъ въ Дрезденъ или Мангеймъ. „Ради Бога никакихъ нескромныхъ просьбъ или требованій", такъ заканчивала письмо свое Загряжская [1]). Поведеніе Разумовскаго въ Вѣнѣ было, однако, не изъ самыхъ осторожныхъ. Если вѣрить иностраннымъ источникамъ, то на вопросъ, сдѣланный ему въ одной изъ вѣнскихъ гостинныхъ, какую собственно роль намѣренъ онъ разыгрывать въ Неаполѣ, онъ гордо отвѣчалъ: „я буду тамъ царствовать" [2]). Слова эти разнеслись по Вѣнѣ, они дошли говорятъ и до Неаполя. „Императрица-королева", писала Наталья Кириловна, „не желаетъ чтобы ты ѣхалъ въ Неаполь, она никакъ не хочетъ чтобы ты сблизился съ ея дочерью. Не думай, чтобы это была шутка. Уже не разъ мнѣ объ этомъ говорили. Будь остороженъ и не рискуй ничѣмъ. Надѣюсь, что изъ-за страсти къ женскому полу, ты не станешь пренебрегать пóстомъ своимъ. Главное не довѣряй женщинамъ своихъ тайнъ... Въ то время, какъ я тебѣ это пишу, ко мнѣ пришли сказать, что Великая Княгиня родила сына, однако не слышу еще пушечныхъ выстрѣловъ. Другъ мой! сколько воспоминаній! Но не станемъ объ этомъ говорить, будемъ радоваться настоящимъ и затянемъ завѣсу надъ прошлымъ. ...Я слышу пушечные выстрѣлы—это сынъ Александръ" [3]).

Вѣнская аристократія, повѣствуетъ нѣмецкій писатель, на первыхъ же порахъ пришлась Разумовскому по сердцу. Жажда къ наслажденіямъ, утонченныя манеры, веселая жизнь, многостороннее образованіе и живое пониманіе искусства, были въ то время отличительными чертами высшаго вѣнскаго круга. Всему этому сочувствовалъ, всѣмъ этимъ обладалъ и графъ Разумовскій, а страсть его къ женщинамъ могла, именно въ это время, найти себѣ среди вѣнскихъ гостинныхъ самое полное удовлетвореніе. Современники описываютъ

[1]) Архивъ князя Разумовскаго. См. письма Н. К. Загряжской въ IV томѣ.

[2]) Michaud. Biographie Universelle.

[3]) Архивъ кн. Разумовскаго, см. IV томъ.

Разумовскаго въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія какъ рыцаря совершенства (un chevalier accompli), статнаго и красиваго, отмѣнно себя державшаго и считавшагося между дамами неотразимымъ [1]). Хотя вообще вѣнское общество не охотно принимало иностранцевъ, однако Разумовскій встрѣтилъ тамъ отмѣнный пріемъ. Посолъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, сынъ Петровскаго фельдмаршала, пользовался въ Вѣнѣ совершенно особеннымъ положеніемъ, его считали своимъ человѣкомъ, и лица имъ представленныя вѣнскому обществу охотно приглашались гордыми австрійскими магнатами. Къ тому же Разумовскій между вѣнскими дипломатами нашелъ много петербургскихъ знакомыхъ, изъ нихъ князь Лобковичъ особенно близокъ былъ ко всему семейству графа Андрея Кириловича. Наконецъ, слухи о петербургскихъ его приключеніяхъ успѣли долетѣть и до Вѣны и придавали личности его въ глазахъ австрійскихъ красавицъ романтичный оттѣнокъ. Особенно приглянулся онъ сначала барышнямъ. „Je suis trop effrayé“, писалъ онъ сестрѣ изъ Вѣны, „d'une véritable passion et trop honnête pour sacrifier à mes gouts passagers la sensibilité d'une jeune personne dont le cœur ne fût pas encore ouvert aux impressions de l'amour“. Эти полныя недомолвокъ сообщенія крайне пугали Наталью Кириловну. Она боялась за служебную карьеру брата и коротко зная всѣ его недостатки, болѣе всего опасалась опрометчивой женитьбы. Но объ этомъ Разумовскій вовсе не помышлялъ. Съ первыхъ почти дней пребыванія своего въ Вѣнѣ Андрей Кириловичъ сблизился съ семействомъ Тунъ. Фамилія графовъ Тунъ-Гогенштейнъ принадлежала къ древнѣйшему австрійскому дворянству. Собственно Туны были швейцарцы и нѣкогда владѣли городомъ Туномъ, на озерѣ того же имени, отъ котораго и получили свою фамилію. Въ концѣ XIII вѣка они уже переселились въ Австрію, и здѣсь баронское достоинство получили въ началѣ XVI, а имперское графское въ началѣ XVII столѣтія. Туны владѣли большими помѣстьями въ Богеміи и были въ родствѣ съ первыми нѣмецкими родами: Гогенцоллернами, Лихтенштейнами, Гаррахами, Дитрихштейнами, Вальдштейнами, Лобковичами и пр. Семья Туновъ, съ которою сблизился Разумовскій, владѣла маіоратомъ Клёстерле [2]). Она состояла изъ отца—дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и камергера—графа Францъ-Іосифа, большого чудака, занимавшагося леченіемъ больныхъ (durch seine sogenannten Wurderkuren bekannt [3]) и притомъ страстнаго поклонника Лафатера; матери, рожденной графинѣ Ульфельдъ, женщинѣ отмѣнно умной и трехъ дочерей, которыя

[1]) Ludwig Nohl. Beethovens Leben, 17.

[2]) Фамилія Тунъ раздѣляется на нѣсколько линій.

[3]) Oettinger—Moniteur des dates V, 117.

въ первый пріѣздъ Разумовскаго въ Вѣну были еще дѣвочками. Графиня Марія-Вильгельмина фонъ-Тунъ была дочерью графа Корфица Антона фонъ-Ульфельда, государственнаго канцлера Маріи-Терезіи до знаменитаго князя Кауница. Прадѣдъ ея, извѣстный своими похожденіями въ Даніи, женатъ былъ на датской принцессѣ Элеонорѣ-Христинѣ, а дѣдъ былъ австрійскимъ генералъ-фельдмаршаломъ и вице-королемъ въ Каталоніи. Графиня славилась по всей Вѣнѣ своимъ умомъ и любезностью. Гостинная ея была сборнымъ пунктомъ всѣхъ умныхъ и вліятельныхъ людей. Она охотно принимала иностранцевъ и этимъ отличалась отъ своихъ соотечественницъ. Послѣ дома знаменитаго канцлера князя Кауница, который ласково принялъ Разумовскаго, такъ какъ сынъ его въ то время находился въ Петербургѣ, да къ тому же Австрія по обыкновенію нуждалась въ Россіи, домъ Туновъ считался въ Вѣнѣ чуть ли не первымъ. Во всякомъ случаѣ нигдѣ нельзя было такъ весело и пріятно провести время. Особеннымъ семейнымъ счастіемъ Туны похвастаться не могли. Да это въ то время въ Вѣнѣ было не въ модѣ; вообще въ прошломъ столѣтіи въ высшемъ обществѣ объ этомъ мало и заботились. До разводовъ дѣло не доходило, тѣмъ болѣе, что ихъ еще не допускала церковь, но супруги жили каждый про себя, не всегда даже подъ однимъ кровомъ, встрѣчаясь изрѣдка въ обществѣ какъ добрые знакомые. Графиня Тунъ была полною хозяйкою у себя дома и привлекала къ себѣ самое избранное и пріятное вѣнское общество, а равно и всѣхъ знаменитыхъ иностранцевъ. Вскорѣ Разумовскій сталъ въ домѣ этомъ своимъ человѣкомъ. Между нимъ и графинею, которая переступила уже за порогъ молодости, установились самыя дружескія, но притомъ вполнѣ платоническія отношенія, и мало-по-малу умная нѣмка сдѣлалась повѣренною всѣхъ любовныхъ тайнъ русскаго ловеласа. Среди удовольствій вѣнскаго свѣта время незамѣтно улетало, а съ нимъ вмѣстѣ и также незамѣтно деньги! Забранное впередъ жалованье было истрачено, о выданныхъ отцемъ фондахъ не было уже и помину. Между тѣмъ изъ Петербурга упрекали Разумовскаго въ томъ, что онъ на свои деньги не содержитъ чиновниковъ, на которыхъ съ своей стороны Андрей Кириловичъ безпрестанно жаловался высшему начальству за ихъ лѣность, пьянство и бездѣльничество. Не разъ обращался нашъ молодой кутила за подмогою къ отцу, но всегда безуспѣшно. Тогда рѣшился онъ просить помощи у всемогущей въ домѣ фельдмаршала графини С. О. Апраксиной. „Сколько я папеньку ни просила“, отвѣчала послѣдняя, „но онъ вовсе отказался, говоритъ что онъ не въ состояніи никакой помочи дать, что самъ въ нуждѣ и долги надо платить. Не повѣришь какъ мнѣ досадно. Я ему напоминала, что онъ прежде тебѣ обѣщалъ помочь сдѣлать, а теперь отказывается. Онъ и на меня сердится и

Михайла Власьевичъ [1]) былъ свидѣтелемъ, сколько я его мучила... но никакого успѣха не получила [2]).

Обращеніе къ Апраксиной сильно опечалило Наталью Кириловну. „Позволь мнѣ сказать“, писала она къ брату, „что я никакъ не могу одобрить твоего поступка. Это на меня произвело самое грустное впечатлѣніе... Почему же ты думаешь что батюшка тебѣ откажетъ, наконецъ, не лучше ли отъ него получить отказъ, чѣмъ обращаться къ какой-нибудь Софьѣ Осиповнѣ, которая послѣ всего, что ты самъ видѣлъ и что я къ тебѣ писала, должна тебѣ казаться столь же презрѣнною, сколько и мнѣ“ [3]). „Отъ Андрея Кириловича“, писалъ изъ Москвы къ отцу старшій сынъ фельдмаршала, Алексѣй, отъ 3 октября 1777, „получилъ я изъ Вѣны письмо, въ которомъ онъ, считая меня въ Малороссіи, проситъ дабы присовокупилъ я къ его просьбѣ и мою, въ томъ, чтобы сдѣлали ему милость заплатить за него издержанныя тамъ деньги сверхъ той суммы, которою передъ отъѣздомъ его пожаловали. Оныя по необходимости онъ долженъ былъ занять для исправленія всего нужнаго къ заведенію дома. М. Г. батюшка, если онъ въ семъ случаѣ и лишнее противъ положеннаго вами издержалъ, къ тому привлекла его нужда, ибо начало хозяйства требуетъ весьма не малаго иждивенія. Но такія издержки можно почесть экстраординарными и однажды навсегда сдѣланными. Впрочемъ, повергая все сіе вашему правосудію, осмѣливаюсь надѣяться, что въ разсужденіи начала сего новаго его состоянія и образа жизни, сдѣлаете милость на просьбу его склониться“. Кажется отецъ не поддался этимъ краснорѣчивымъ доводамъ и юный дипломатъ видя, что дѣлать нечего, занялъ денегъ у старшаго брата и опять пошелъ жить припѣваючи. Однако чиновники стали одолѣвать Разумовскаго долгами и пьянствомъ. Онъ потребовалъ ихъ вызова. Винтера и Плещеева отозвали, а на ихъ мѣсто высланъ былъ нѣкто графъ Джика съ чиномъ посольскаго совѣтника. „Примѣръ Рибаса и Джики“, писалъ въ 1785 году графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ къ брату своему Александру Романовичу, „сдѣлали то, что всѣ итальянскіе бродяги, когда уже рѣшительно не знаютъ куда дѣться, публично заявляютъ, что отправляются въ Россію искать счастья... Джика—незаконный сынъ генерала Джики; послѣдній, удостовѣрившись, что онъ негодяй, бросилъ его на произволъ судьбы. Онъ былъ по-очередно лакеемъ, солдатомъ, потомъ священникомъ македонскаго полка въ Неаполѣ, но тамъ намошенничалъ и принужденъ былъ бѣжать. Онъ таскался по всей Греціи и Албаніи. Отсюда онъ поступилъ на нашъ флотъ про-

[1]) Будлянскій.

[2]) Архивъ князя Разумовскаго.

[3]) Тамъ же.

стымъ солдатомъ, втерся къ графу Орлову, прибылъ съ нимъ въ Ливорно, сдѣлался учителемъ у Демидовой и оттуда перескочилъ прямо въ совѣтники посольства при неаполитанскомъ дворѣ. Графъ Разумовскій самъ сообщилъ мнѣ всѣ эти подробности, которыя подтвердилъ еще графъ Мочениго, въ домѣ котораго въ Зантѣ Джика былъ въ священническомъ одѣяніи, подъ названіемъ Папа-Антоніо. Графъ подалъ ему даже милостыню. Потомъ онъ же видѣлъ его на островѣ Паросѣ въ албанскомъ одѣяніи и въ Пизѣ учителемъ у Демидовой“ [1]). Таковъ былъ новый чиновникъ, котораго Разумовскій отправилъ впередъ въ Неаполь какъ для собранія новостей, такъ и для наблюденія за тѣмъ, что̀ дѣлалось въ Албаніи и на греческихъ берегахъ. Кромѣ Джики прибыли еще къ Разумовскому чиновники Башловскій и Калышевъ.

Наконецъ, петербургскій дворъ извѣщенъ былъ о выѣздѣ герцога де-Санъ-Нико́ла. Разумовскій, однако, не спѣшилъ покинуть Вѣну и только вслѣдствіе неоднократныхъ побужденій изъ Петербурга, тронулся съ мѣста въ концѣ сентября 1779 года.

ГЛАВА IV.

Служба въ Неаполѣ.

Пріемъ, сдѣланный Разумовскому въ Неаполѣ былъ сначала самый холодный. Всѣмъ дворомъ управляла дочь Маріи-Терезіи, королева Каролина-Марія, сестра несчастной Маріи-Антуанеты. Она родилась въ 1752 году. Это была далеко не глупая женщина, не столько красивая, сколько любезная и обворожительная. Въ ней было много женской тонкости, но при этомъ у ней недоставало силы воли, она была взбалмошна и капризна. Въ супружествѣ она счастья не нашла. Мужъ ея король Фердинандъ былъ добрый малый, не получившій никакого образованія. Страстный охотникъ и рыболовъ, онъ проводилъ дни свои между своими егерями и рыбаками Неаполитанскаго залива, разговаривая съ ними на ихъ нарѣчіи и вполнѣ раздѣляя ихъ нравы и образъ мыслей. Подъ палящимъ зноемъ оставался онъ цѣлые дни въ открытомъ морѣ и любилъ среди осеннихъ бурь охо-

[1]) Архивъ князя Воронцова.

титься на Апеннинскихъ горахъ. Дѣла правленія захватила въ руки королева. Она удалила прежняго перваго министра маркиза Тануччи, пользовавшагося всеобщимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ, и на его мѣсто назначила маркиза делла-Самбука. Холодный пріемъ, сдѣланный Разумовскому, приписывали сплетнямъ, дошедшимъ въ Неаполь изъ Вѣны. Но поведеніе Андрея Кириловича съ первыхъ же дней его пріѣзда переворотило все дѣло. Онъ явился скромнымъ и почтительнымъ, а въ то же время стали доходить слухи о его петербургскихъ и вѣнскихъ побѣдахъ. Красивый дипломатъ живо заинтересовалъ королеву. Его стали чаще другихъ приглашать во дворецъ, королева по-долгу съ нимъ бесѣдовала и наконецъ ради его отмѣнены были строгія правила стариннаго испанскаго этикета, полагавшаго для аккредитованныхъ при неаполитанскомъ дворѣ дипломатовъ непреодолимую преграду ко всякому сближенію съ королевскою фамиліею. Дѣло не ограничилось одними краткими посѣщеніями. Разумовскій весною и осенью сталъ сопровождать королеву въ любимую царственною четою Казерту, гдѣ дворъ проводилъ большую часть года, и тамъ ему отведена была постоянная квартира. Вскорѣ весь Неаполь заговорилъ о любимцѣ королевы. Едва успѣлъ Разумовскій устроиться на новомъ мѣстѣ, какъ въ Неаполь прибыла съ сыномъ и дочерью знаменитая княгиня Е. Р. Дашкова. „Изъ уваженія къ той отличности, какою почтена при дворѣ нашемъ княгиня“, доносилъ Разумовскій Панину отъ 23 декабря 1781 года, „и для сохраненія достоинства онаго разсудилъ я употребить домогательство мое, чтобъ она принята была Е. В. королевою отмѣнно передъ прочими, сходственно ея характеру. Таковое мое настояніе не повстрѣчало ни малѣйшаго затрудненія, но напротивъ пріобрѣло наивящее снисхожденіе Е. В. Въ доказательство сего и изволили приказать, чтобы препроводила ее ко двору въ Казерту княгиня Ячи (Jacci), жена здѣшняго генералъ-фельдмаршала и по пріѣздѣ туда изволили принять ее во внутреннихъ своихъ апартаментахъ, приказавъ ей сѣсть и разговаривала съ ней долгое время“. Въ то время вообще много русскихъ посѣщали Неаполь. Имѣя свободное время и мало о чемъ доносить, Разумовскій по-неволѣ наполнялъ донесенія свои жалобами на то, что дѣлать нечего и извѣщеніями о пріѣздѣ тѣхъ или другихъ русскихъ путешественниковъ. Такъ кромѣ Дашковой перебывали еще въ Неаполѣ графъ Я. А. Брюсъ, полковникъ князь Д. М. Голицынъ, графъ Г. И. Чернышевъ, камеръ-юнкеръ князь Шаховской, Василій Сергѣевичъ и Яковъ Дмитріевичъ Ланскіе, старуха гр. Скавронская рожденная Строгонова, князь Трубецкой, графы Головинъ, Толстой и Браунъ, Гурьевъ, Новосильцевъ и др., а наконецъ А. Г. Бобринскій со свитою, состояв-

шею изъ гг. Борисова и Болотникова, полковника Бушуева и маіора Тимани. Но важнѣе всего, а тѣмъ паче для Разумовскаго, былъ пріѣздъ въ Неаполь Наслѣдника престола со второю своею супругою, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ. Извѣстій о свиданіи Великаго Князя съ Андреемъ Кириловичемъ лихорадочно ожидали въ Россіи графъ Кирила Григорьевичъ и Наталья Кириловна. Можно себѣ представить, что́ долженъ былъ почувствовать Разумовскій, получивъ изъ С.-Петербурга оффиціальное извѣщеніе о прибытіи Павла Петровича. Кажется, онъ не терялъ еще надежды, послѣ личнаго объясненія, снова пріобрѣсти расположеніе Цесаревича. Но съ первой же минуты пріѣзда Великаго Князя онъ понялъ, что между ними все кончено безвозвратно. Если вѣрить семейному преданію, Великій Князь, увидавъ у подъѣзда дома, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться, Разумовскаго, схватилъ его за руку и повлекъ въ пустую комнату; тамъ, вынувши изъ ноженъ шпагу, онъ сталъ въ позицію, воскликнувъ: Flamberge au vent m. le comte. Путешествовавшіе съ Цесаревичемъ кавалеры съ трудомъ могли его успокоить. Какъ бы то ни было, но обхожденіе Павла Петровича относительно Разумовскаго съ минуты пріѣзда въ Неаполь было крайне холодное и сдержанное. „Je viens de voir Monseigneur le Grand Duc", писалъ Разумовскій къ Мариніану отъ 16 марта 1782, „c'est assurément un évènement bien extraordinaire auquel je ne m'attendai pas en le quittant. Que de changements dans six ans! Qu'il est douloureux quelquefois d'avoir une âme qui ne se laisse point entrainer par les révolutions du temps... Je m'étais attaché assez fortement à celui qui sera mon maitre un jour, pour oublier ce titre et n'y voir qu'un ami. L'évènement le plus inattendu nous a rapprochés ici. J'ai vu que le souffle empoisonné des cours avait tout détruit... en voilà assez, mon ami, pour vous mettre au fait. Si je continuais, il pourrait m'échapper des plaintes indiscrètes, qu'on est toujours blamable de faire éclater" [1]).

„Depuis les dernières lettres que LL. MM. Siciliennes ont reçues de Vienne", доносилъ Остерману Разумовскій отъ 18 (29) Января 1782, „tant de S. M. l'Empereur que de leur ministre, elles ont été informées que LL. AA. II. avaient intention de se rendre à Naples pour les derniers jours du carnaval. En conséquence de la proximité de leur arrivée, dont jusque-là on avait ignoré absolument le terme, le roi a donné ordre à son secrétaire d'état le marquis de la Sambucca de pourvoir á tout ce qui peut être nécessaire pour leur séjour dans ce pays-ci. Le palais du prince de Stigliano-Colonna, capitaine des gardes du corps vient d'être arrêté pour y loger LL. AA. II. On a donné

[1]) Архивъ князя Разумовскаго.

ordre de leur préparer une maison à Mola di Gaeta, endroit peu distant de la frontière des états du roi, ainsi que de tenir prêts 50 chevaux par poste, depuis le 30 de ce mois. Je ne dois pas passer sous silence que LL. MM. ont toujours témoigné le plus vif empressement de faire la connaissance de ces augustes voyageurs et se sont occupés avec la plus franche cordialité de tout ce qui pourrait contribuer à leur rendre agréable le séjour qu'il doivent faire ici... Ce matin une estafette m'a apporté de Venise une lettre du m. le général Soltykoff par laquelle il me marque que LL. AA. comptaient partir le 24 de cette ville, mettre 10 jours jusqu'à Rome, n'y passer qu'une nuit et se rendre ici." „Hier matin", писалъ еще Разумовскій отъ 25 Января, „est arrivé ici S. A. le prince Frédéric Guillaume du Wurtemberg sous le nom du comte du Justingue.,. la 1-re partie des équipages sous les ordres du prince Youssoupoff doit arriver aujourd'hui. LL. AA. II. parties du Rome le 7 du mois (Марта) après avoir couché à Terracine, sont enfin arrivées en parfaite santé à Naples le 8 au soir. Le roi et la reine se sont transportés pour les recevoir à une petite distance de la ville dans une maison qui avait été faite pour cela. Après que ces illustres voyageurs eurent fait la connaissance de LL. MM., elles entrèrent ensemble en ville et descendirent au théâtre de S-t Charles qui fût illuminé à cette occasion. Après le spectacle LL. AA. II. se retirèrent dans une maison appartenante au prince de Pisco-Lanciano, qu'elles avaient fait arrêter le jour même, n'ayant pas voulu absolument accepter celle que la cour leur avait destinée et où ils auraient été logés avec la plus grande commodité et avec toute leur suite. C'est à leur hôtel que j'ai eu l'honneur de me présenter à LL. AA. qui n'ont pas jugé à propos, à cause de leur incognito, que j'aille à la frontière ainsi qu'il aurait été de mon devoir de faire".

Рядомъ съ этою депешею Разумовскій отправилъ слѣдующее донесеніе Государынѣ:

„Въ прошедшую пятницу, т.-е. 27 Января (8 Февраля) ИИ. ИИ. ВВ. благополучно изволили прибыть въ здѣшнюю столицу. Е. В. король, находясь въ тотъ день на охотѣ и будучи увѣдомленъ Е. В. королевою о приближеніи ИИ. ВВ. немедленно возвратился въ городъ и вмѣстѣ съ нею поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. А какъ ИИ. ВВ не изволили ночевать въ Моло-ди-Гаета въ приготовленномъ имъ тамъ королемъ домѣ, то и прибыли уже поздно, а потому не изволили кушать въ назначенномъ мѣстѣ для ихъ встрѣчи вблизи города, но были встрѣчены въ маломъ разстояніи оттуда ИИ. ВВ. королемъ и королевою съ отличною искренностью дружелюбія. ИИ. ВВ. изволивъ пересѣсть въ королевскую карету, совокупно съ ними въѣхавъ въ городъ, вошли въ придворный театръ въ королевскую ложу, ко-

торый по сему случаю былъ иллюминованъ, гдѣ вмѣстѣ съ ИИ. ВВ. и изволили приватно ужинать. По окончаніи оперы изволили въѣхать въ домъ князя Писко-Ланчано, который отысканъ и взятъ въ тотъ самый день, по причинѣ, что ИИ. ИИ. ВВ. не изволили принять предлагаемаго дома князя Стильяно, приготовленнаго для нихъ заблаговременно здѣшнимъ дворомъ.

Въ субботу 28 Января (9 Февраля) ИИ. ВВ. изволили кушать при дворѣ съ королемъ и королевою и иностранными министрами, гдѣ и я имѣлъ счастье находиться. Въ вечеру же данъ былъ при дворѣ дворянскій маскарадъ и ИИ. ИИ. ВВ. изволили ужинать съ ИИ. ВВ. Въ воскресенье ИИ. ВВ. изволили кушать во дворцѣ же; послѣ обѣда изволили возвратиться въ свой домъ для смотрѣнія проѣзжавшаго маскарада, состоящаго изъ нѣсколькихъ кадрилей дворянства. Въ вечеру же съ ИИ. ВВ. изволили быть въ публичномъ маскарадѣ. Въ понедѣльникъ 1 (11) Февраля ИИ. ВВ. изволили кушать во дворцѣ же; послѣ обѣда изволили быть на гуляніи вмѣстѣ съ королевою и его свѣтлостью княземъ Виртембергскимъ въ открытой коляскѣ; въ вечеру же вмѣстѣ съ королемъ и королевою изволили быть у французскаго посла маркиза de Clermont d'Amboise, въ маскарадѣ по случаю рожденія дофина, гдѣ и изволили ужинать съ ИИ. ВВ. и иностранными министрами. Сегодня изволили кушать во дворцѣ же и въ вечеру вмѣстѣ съ ИИ. ВВ. изволили быть въ маленькомъ Фарентанскомъ театрѣ, откуда прямо изволили проѣхать въ публичный маскарадъ".

„ИИ. ИИ. ВВ.", доносилъ далѣе Разумовскій отъ 6 (17) Февраля, „находятся въ совершенномъ здравіи и по окончаніи карнавала изволили упражняться въ обозрѣніи здѣшнихъ древностей и другихъ вещей вниманія ихъ достойныхъ. Изволивъ же ИИ. ВВ. назначить день выѣзда своего отсюда и распредѣлить потомъ остальные дни пребыванія своего здѣсь на единственное осматриваніе любопытныхъ вещей, то и изволятъ ежедневно выѣзжать, не взирая на ненастливое время. Въ будущую среду, т.-е. 9 (20) февраля опредѣлили себѣ выѣхать отсюда въ Казерту и пробыть тамъ до пятницы по 11 (22) сего мѣсяца, употребя сіе время на осматриваніе тамошнихъ любопытныхъ вещей, откуда уже прямо изволятъ отбыть въ Римъ. Въ прошедшую среду Е. В. король нарочно отбылъ въ Персану, разстояніемъ отселѣ въ 70 миляхъ для учрежденія тамъ кабаньей охоты для ИИ. ВВ. Разстояніе мѣста, дурная погода, а особливо краткость времени воспрепятствовала ИИ. ВВ. удовлетворить по сему королевскому желанію, не возмогши согласить въ одно и короткое время двѣ разнородныя вещи, а потому и изволили предпочесть охотѣ любопытныя древности. Извѣстясь же о томъ Е. В. король, по изготов-

леніи уже всего потребнаго къ охотѣ, не могъ воспротивиться страсти своей, чтобъ не воспользоваться случаемъ, откуда возвратился въ середу для препровожденія ИИ. ВВ. въ Казерту. Въ отсутствіи же его Е. В. королева оказываетъ съ своей стороны всевозможныя аттенціи ИИ ВВ., слѣдуя съ ними, поелику дозволяетъ ей настоящее ея беременное состояніе. Впрочемъ, приказано гофмаршалу князю Бельмонте повсюду слѣдовать за ИИ. ВВ. и всячески стараться угощать ихъ, предупреждая ихъ волю".

„ИИ. ИИ. ВВ. изволили оставить Неаполь и отбыть въ Казерту въ среду, т.-е. 9 (20) сего мѣсяца, куда въ тотъ же день и Е. В. король изволилъ возвратиться изъ Персаны. По двухдневномъ тамъ пребываніи ИИ. ВВ. въ пятницу поутру изволили отбыть въ совершенномъ здоровіи въ Римъ. Пребываніе же свое въ Казертѣ имѣли ИИ. ВВ. въ старомъ королевскомъ дворцѣ и остальные сіи дни изволили быть съ ИИ. ВВ. королемъ и королевою. Въ четвергъ же въ вечеру послѣ вечерняго стола изволили проститься съ королемъ и королевою и въ пятницу поутру, когда уже все было готово къ отъѣзду и ИИ. ВВ. изволили выдти изъ внутреннихъ своихъ покоевъ, тогда изволили увидѣть ИИ. ВВ. короля и королеву, вошедшихъ во дворецъ маленькою лѣстницею изъ саду. Со всѣмъ усиліемъ ИИ. ИИ. ВВ. не могли упросить ИИ. ВВ. чтобъ остались въ покояхъ, но изволили проводить ихъ до самой кареты, разставаясь съ ними съ тою искренностію и сожалѣніемъ, каковыя можетъ только произвесть персональное дружелюбіе". Послѣ свиданія съ Павломъ Петровичемъ графъ Андрей Кириловичъ окончательно отказался отъ мысли играть роль въ Петербургѣ и довольный успѣхами своими въ Неаполѣ отложилъ на время всякое попеченіе о будущемъ. „Je suis à Naples", писалъ онъ къ бывшему своему гувернеру вскорѣ послѣ отъѣзда Великаго Князя, „je désire y rester longtemps, loin du tumulte des affaires, sous un ciel pur, dans un pays intéressant par sa nature; m'occuper et vivre pour mes amis voilà quel sera d'ici à bien du temps je l'espère l'emploi de mon existance" [1]).

Черезъ годъ послѣ посѣщенія графа и графини Сѣверныхъ Разумовскому пришлось принимать новаго гостя. Король шведскій Густавъ III путешествовалъ въ то время за границею. Екатерина, занятая югомъ и Турціею, прежде всего желала мира на сѣверѣ. Она старалась задобрить непостояннаго своего сосѣда и узнавъ о намѣреніи его посѣтить Неаполь, повелѣла Разумовскому быть какъ можно предупредительнѣе къ шведскому монарху. „J'attends incessament un grand personnage", писалъ Разумовскій къ Мариніану, „à qui j'ai

[1]) Архивъ князя Разумовскаго.

l'ordre de prêter foi et hommage pendant que nous le posséderons. C'est le roi de Suède. Dans le siècle où nous sommes, lorsque les souverains s'ennuient ou qu'ils ont un mot à dire à un ami ou à un parent, ils prennent la poste et vous tombent tout à coup à peu près comme un ballon de Mongolfier. Ce carnaval a vu et verra un Infante, un Empereur et un Roi du dehors. L'empereur [1]) vient de passer trois semaines à Naples et part après-demain. Ma nouvelle fonction de ministre de Suède va me donner bien du tracas" [2]).

Получивъ предписаніе Екатерины, Разумовскій поспѣшилъ обратиться къ графу Спарре, состоявшему при королѣ шведскомъ. Русскій посланникъ просилъ графа сообщить Густаву о повелѣніи русской Императрицы и въ то же время „offrir à S. M. en conséquence, l'hommage du zêle empressé qu'il metterait a lui obéir dans cette capitale". На встрѣчу королю отправленъ былъ въ Римъ графъ Джика. Пріѣздомъ послѣдняго Густавъ былъ польщенъ и обрадованъ. Когда посланецъ Разумовскаго къ нему явился, онъ воскликнулъ: „Dussais-je aller au bout du monde, je serais sûr d'être prévenu par des témoignages de bonté et d'amitié de la part de l'Impératrice". Слова эти были тѣмъ болѣе справедливы, что все путешествіе свое по Европѣ Густавъ предпринялъ на деньги, полученныя имъ въ подарокъ отъ Екатерины въ Фридрихсгамѣ [3]). Разумовскаго шведскій король поспѣшилъ отблагодарить собственноручнымъ письмомъ.

„M. le comte de Rasoumovsky, писалъ онъ изъ Рима, отъ 23 Января н. с. 1784 года, je ne veux point arriver à Naples sans vous remercier des soins que je sais que vous avez déjà pris de m'y rendre mon séjour agréable. Ils m'ont fait d'autant plus plaisir que je les ai regardés comme une suite de cette amitié que l'Impératrice, ma bonne cousine, m'a témoignée et qu'elle plait à me marquer dans toutes les occasions et dont les témoignages renouvelés me sont à tant de titres si chers. Ma suite part dimanche et je la suivrai de près. Je vous prie de vouloir bien remettre les deux incluses de ma part au roi et à la reine de Naples. J'annonce au roi mon arrivée et le prie de me laisser observer le plus strict incognito. Je vous prie aussi, m. le comte, de ne point aller au devant de moi. C'est une peine que je ne veux pas vous donner et qui embarasserait même la maison de poste assez surchargée par la quantité de chevaux dont j'ai besoin. Dès que je serai arrivé à Naples je ne manquerai pas de vous le faire savoir.

[1]) Іосифъ II.

[2]) Архивъ князя Разумовскаго.

[3]) Schlosser geschichte des XVIII Jahrhunderts. V. 144.

Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait, m. le comte de Rasoumovsky, dans sa sainte garde, étant votre bien affectionné Gustave" [1]).

Король прибылъ въ Неаполь 11-го февраля. Разумовскій немедля къ нему явился и предложилъ ему свои услуги. Король безпрестанно поминалъ „о милостяхъ къ нему Государыни", доносилъ въ Петербургъ Разумовскій, „и на каждомъ шагу выражаетъ свою благодарность тѣмъ довѣріемъ, которымъ онъ меня удостоиваетъ. Я же стараюсь всячески, на сколько въ силахъ, сдѣлать ему пребываніе въ Неаполѣ вполнѣ пріятнымъ". Графъ Андрей любилъ все дѣлать на широкую ногу. Онъ устроилъ шведскому королю вполнѣ царскій пріемъ. Домъ русскаго посольства загорѣлъ огнями. Обѣдъ смѣнялся ужиномъ, ужинъ концертомъ, концертъ баломъ. На публичномъ маскарадѣ, данномъ неаполитанскимъ дворомъ въ честь высокаго гостя, русскій посланникъ явился во главѣ блестящей кадрили, въ которой приняли участіе первыя красавицы Неаполя. Въ день отъѣзда Густава, Разумовскимъ въ честь его данъ былъ въ Неаполѣ блестящій праздникъ и, кромѣ того, онъ еще десять дней на свой счетъ угощалъ его въ Казертѣ. Разумѣется, Густавъ отъ такого пріема былъ въ восторгѣ.

„Durant le séjour du roi de Suède à Naples", доносилъ въ Петербургъ Разумовскій отъ 9-го марта 1784 года, „j'ai apporté l'exactitude la plus vigilante à m'acquitter des ordres qu'il a plu à S. M. I. de me faire donner. Le roi a bien voulu non seulement m'en témoigner en diverses occasions sa satisfaction de la manière la plus obligeante, mais, au moment de son départ de Caserte, en me renouvellant les mêmes assurances il a daigné insister dans les termes les plus pressants sur ce que je le misse à même par sa recommandation auprès de ma Souveraine de m'être de quelque utilité. Pénétré de tant de bienveillance je n'y répondis d'abord que par les expressions de la plus profonde gratitude, mais le roi redoublant de bonté et exigeant absolument une explication plus positive, je pris la liberté de lui dire que puisqu'il daignait me témoigner d'une manière si flatteuse son contentement, il ne me restait qu'un seul voeu à former c'était que S. M. I. pût être instruite par lui, que j'avais eu le bonheur de remplir ses intentions en exécutant ses ordres".

Однако слѣдомъ за отъѣздомъ короля наступила затруднительная минута расплаты. Пріемъ именитаго гостя стоилъ немалаго, а денегъ на лицо по обыкновенію не оказывалось вовсе. Пришлось жалобно просить коллегію иностранныхъ дѣлъ о принятіи на казенный счетъ экстренныхъ издержекъ, сдѣланныхъ по случаю пребыванія шведскаго

[1]) Архивъ князя Разумовскаго.

короля въ Неаполѣ. Отвѣтъ вице-канцлера графа Остермана былъ не вполнѣ утѣшителенъ. „Par une suite de mes sentiments d'amitié pour vous", отвѣчалъ Остерманъ на неоднократныя просьбы Разумовскаго о пособіи, „je ne mets pas de délai à vous instruire que dans le temps il a été écrit par ordre de l'Impératrice à tous les ministres résidant dans les villes où devait passer le roi de Suède des lettres entièrement conformes à celle que vous avez reçue, mais que pas un seul d'eux n'a demandé la bénification des dépenses auxquelles le passage de ce monarque a pu les engager. Ce nonobstant et en égard aux raisons que vous alléguez, je ne veux pas vous détourner de l'intention de demander le remboursement de vos frais extraordinaires, en vous promettant d'avancer vos intérêts en cette occasion autant que cela peut dépendre de moi".

Какъ кажется, въ концѣ-концовъ, просьба Разумовскаго, принята была въ уваженіе, по крайней мѣрѣ въ дипломатической перепискѣ его о дѣлѣ этомъ уже болѣе не упоминается.

Между тѣмъ, благодаря умѣнію графа Андрея Кириловича, а еще болѣе случаю его при неаполитанскомъ дворѣ, сношенія между Россіею и отдаленнымъ королевствомъ обѣихъ Сицилій были самыя дружественныя. Со стороны С.-Петербургскаго двора оказывалась большая предупредительность и даже снята была пошлина въ 7000 ефимковъ съ мачтовыхъ деревьевъ, выписанныхъ неаполитанскимъ правительствомъ изъ Россіи черезъ посредство купца Людерса [1]). Съ другой стороны, благодаря вліянію Разумовскаго, королева, а за нею и неаполитанскій кабинетъ, стали отдаляться отъ родственныхъ Бурбонскихъ дворовъ и искать сближенія съ Австріею, нашею близкою союзницею. Предположеніе призвать къ испанскому престолонаслѣдію, на случай смерти принца Астурійскаго, инфанта Гавріила помимо ближайшей и старѣйшей неаполитанской линіи, окончательно возбудило королеву, а за нею и короля противъ старшихъ Бурбонскихъ дворовъ. „Король неаполитанскій", писалъ Безбородко къ Завадовскому, „ищетъ предохранить свои права сближеніемъ съ Вѣнскимъ, а потому и съ нашимъ дворомъ. Королева надѣлала нѣсколько вѣтренныхъ шаговъ, проболтавшись кардиналу Бернису [2]), который въ Неаполь для шпіонства пріѣзжалъ, что если ихъ считаютъ несильными, то можетъ быть не знаютъ, что имѣютъ они способы усугубить свое могущество; а между тѣмъ, есть у нихъ друзья и у друзей ихъ друзья. Никогда

[1]) Архивъ князя Воронцова, XIII, 39.

[2]) Кардиналъ де-Бернисъ (François Joachim de Pierre de Bernis), род. 1715 г., † 1794 г.; былъ посломъ французскимъ въ Римѣ.

не видалъ я разговора похожѣе на обыкновенный бабій, какъ ея съ симъ кардиналомъ, который однако обѣщалъ ей свои добрыя услуги“ [1]).

Добрыя услуги, обѣщанныя де-Бернисомъ, ограничились предостереженіемъ испанскаго двора. Вслѣдствіе предписаній изъ Мадрита испанскій министръ въ Неаполѣ Ласъ-Казасъ сталъ дѣлать королю нѣкоторыя внушенія относительно поведенія королевы. Онъ объ этомъ говорилъ долго и въ подтвержденіе словъ своихъ представилъ весьма вѣскія доказательства. Это были 4 письма королевы къ Разумовскому. Смущенный этимъ неожиданнымъ открытіемъ, король отправилъ въ Испанію съ секретнымъ порученіемъ генерала Пиніателли. Такое нежданное рѣшеніе смутило королеву, но не надолго. Она скоро успѣла возстановить мужа противъ Ласъ-Казаса, и положеніе ея сдѣлалось сильнѣе чѣмъ когда либо. Впослѣдствіи открылось, что королева поручила маркизу делла-Самбукка попросить у Разумовскаго обратно ея письма и записки. Самбукка, подученный княгинею Ячи, удержалъ 4 письма и копіи съ нихъ секретно отправилъ въ Испанію [2]). Какъ кажется, королева не заподозрѣла Самбукку въ предательствѣ, по крайней мѣрѣ онъ остался въ прежней силѣ. Что же касается до Разумовскаго, то отношенія его къ неаполитанскому двору не измѣнились; онъ по прежнему подолгу гостилъ въ Казертѣ, а король лѣтомъ навѣщалъ его на островѣ Искіи, гдѣ онъ нанималъ виллу. Неаполитанскій монархъ по нѣскольку дней проводилъ у русскаго дипломата, коротая въ свободное отъ рыбной ловли время въ дружескихъ съ нимъ бесѣдахъ.

Однако черезъ представителей Франціи и Испаніи стали доходить до Петербурга смутные слухи о какихъ-то тайныхъ замыслахъ Разумовскаго. Дошелъ даже изъ Неаполя на высочайшее имя тайный доносъ, въ которомъ черными красками описаны были отношенія Разумовскаго ко двору и тайныя интриги его въ Неаполѣ. Екатерина еще живо помнила событія 1776 года и поэтому обращала особенное вниманіе на поведеніе своего посланника. По Европѣ говорили о какихъ-то странныхъ поступкахъ Разумовскаго. Разсказывали, будто онъ выписалъ изъ Парижа какую-то актрису и позволилъ себѣ представить ее ко двору подъ именемъ своей родственницы [3]). Хотя послѣдній слухъ оказался совершенно ложнымъ, однако Екатерина почла за благо поручить князю Николаю Борисовичу Юсупову, путешествовавшему по Италіи, заѣхать въ Неаполь, представиться королевѣ и

[1]) Архивъ князя Воронцова, XIII, 57—58.

[2]) Депеша графа Скавронскаго къ Остерману 1784 г. безъ числа.

[3]) Raumer—Historisches Taschenbuch. Vierte Volge. Vierter Jahrgang. Fürst Andreas Kyrillowitsch Rasumowski, 26.

подъ секретомъ узнать отъ нея доволенъ ли король поведеніемъ Разумовскаго. Въ то же самое время Государыня положила удалить для большей вѣрности Разумовскаго отъ неаполитанскаго двора. Два мѣста были въ то время вакантными: Венеція и Испанія. Извѣстіе о предполагаемомъ перемѣщеніи графа Андрея Кириловича дошло до него черезъ частныя письма. При дворѣ оно произвело переполохъ. Королева Каролина-Марія была въ отчаяніи и никакъ не соглашалась отпустить отъ себя любезнаго ей дипломата. Въ то время въ Неаполь прибылъ путешественникомъ А. И. Морковъ. Онъ только что назначенъ былъ министромъ въ Стокгольмъ и воспользовался отсутствіемъ шведскаго короля, чтобы испросить себѣ трехъмѣсячный отпускъ. Отпускъ этотъ онъ употребилъ на обозрѣніе Италіи, гдѣ въ то время находился Густавъ III. Въ Римѣ представился онъ шведскому королю и подъ роскошными сводами храма св. Петра велъ съ нимъ долгіе разговоры про политику. Въ Неаполь прибылъ Морковъ весною. „Я видѣлся съ графомъ Разумовскимъ", писалъ онъ къ графу Безбородко отъ 22-го Апрѣля 1784 г., „и просилъ его о доставленіи мнѣ чести быть представленнымъ королю и королевѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что при здѣшнемъ дворѣ заведено обыкновеніе представлять чужестранцевъ во время публичнаго стола, но что въ настоящую пору король пріобыкъ дѣлать частыя поѣздки для охоты и что онъ сомнѣвается, чтобъ въ краткое время, которое я опредѣлилъ на здѣшнее мое пребываніе, онъ могъ предуспѣть въ моемъ представленіи. Я просилъ его, чтобъ по крайней мѣрѣ онъ при случаѣ засвидѣтельствовалъ объ усердіи и желаніи моемъ... Осмотрѣвъ въ десять дней внутренность и окружности города и потерявъ надежду видѣть дворъ, тѣмъ паче, что король третьяго дня отлучился на нѣсколько дней въ островъ Капрейскій для охоты, я положилъ необходимо выѣхать отсюда вчера передъ обѣдомъ. Сундуки мои были уложены и нагружены на карету и я уже ожидалъ лошадей, когда вмѣсто оныхъ получилъ письмо отъ здѣшняго оберъ-гофмейстера". Оберъ-гофмейстеръ князь Бельмонте, увѣдомилъ Моркова, что королева назначаетъ ему аудіенцію въ Портичи, и что въ тотъ же день г-жа Альтавилла, гофмейстерина и невѣстка министра иностранныхъ дѣлъ, маркиза делла-Самбукки, приглашаетъ его къ себѣ на обѣдъ. Морковъ отправился въ Портичи, и князь Бельмонте, послѣ обѣда у г-жи Альтавиллы, который имѣлъ оффиціальное значеніе и на которомъ было болѣе двадцати важныхъ лицъ, въ 7 часовъ ввелъ Моркова въ кабинетъ королевы [1]).

[1]) Бартеневъ. Біографія графа А. И. Моркова (изъ «Русской Бесѣды» 1857 г. № IV), стр. 41—42.

„По краткомъ привѣтствіи, сія принцесса соблаговолила изъявить желаніе, которое она имѣла меня узнать“, доносилъ Морковъ отъ 21-го Апрѣля уже прямо Государынѣ, „прибавила тотчасъ, что желаніе сіе съ ея стороны было не совсѣмъ безкорыстное, ибо она хотѣла воспользоваться симъ случаемъ, чтобы доставить до свѣдѣнія В. И. В. прямыя ея расположенія касательно графа Разумовскаго, что нарочная присылка сюда князя Юсупова удостовѣрила ее отмѣнно объ особливомъ В. В. къ ней благоволеніи, что она признается, что въ неожиданности сего поступка она вдругъ не оцѣнила всей цѣли онаго, что напротивъ того, встревожась разнесшимся здѣсь слухомъ, будто помянуый князь Юсуповъ привезъ съ собою въ запасъ кредитивныя грамоты съ тѣмъ, чтобы оныя предъявить при первомъ неудовольствительномъ отзывѣ отъ нея на счетъ графа Разумовскаго, она устремилась единственно къ отнятію всякаго предосудительнаго ему мнѣнія и можетъ быть въ торопости своей не объяснила князю Юсупову какъ бы желала мыслей своихъ, отъ чего и могло воспослѣдовать, что сей послѣдній въ заключеніи своемъ къ В. И. В. болѣе подкрѣпилъ нежели опровергнулъ внушенія, сдѣланныя отъ непріятелей графа Разумовскаго, не только безъ вѣдома ея и короля ея супруга, но и точно противъ воли и желанія ихъ; что она дѣлаетъ сіе заключеніе изъ дошедшаго сюда извѣстія о рѣшительномъ наконецъ отсюда отзывѣ графа Разумовскаго и о назначеніи его въ Венецію и что вслѣдствіе того она меня проситъ и поручаетъ мнѣ, какъ человѣку, удостоенному довѣренностію В. И. В., донесть точно сіи слова, которыя она мнѣ двоекратно подтвердила: „que le rapport fait à V. M. touchant le comte Rasoumovsky n'est qu'une coquinerie de gens malhonnêtes qui n'ont jamais été autorisés ni commissionés ni par elle, ni par le roi; qu'au contraire elle et le roi étaient satisfaits infiniment de la conduite tant ministérielle que particulière du comte Rasoumovsky, que tous deux ne demandaient pas mieux de le garder, qu'elle en particulier elle croyait que le comte Rasoumovsky possédait entièrement la confiance et l'amitié du roi, ainsi que l'estime de tous les gens honnêtes et sensés et qu'il était plus en état qu'un autre d'être utile au service de V. M. à cette cour; que c'est uniquement en la considération et pour se faciliter les moyens de le voir plus souvent que le roi avait accordé un accès plus facile aux autres ministres que ne le permettait l'ancienne étiquette de la cour; que tout ce qu'elle me disait à cet égard m'aurait été confirmé par le roi lui-même, si ses occupations lui avaient permis de me voir; qu'il en avait bien l'intention, mais qu'un voyage de chasse qu'il avait arrangé depuis quelque temps l'en avait empêché; qu'à son retour elle lui rendrait compte de tout son entretien avec moi; que pour appuyer celui que j'aurai

l'honneur d'en rendre à V. M. I. elle me chargeait de lui faire parvenir une lettre qu'elle me remit sur le champ et que je prends la liberté de joindre ici. Ensuite, continuant son discours sans interruption, elle ajouta: que quoique la mission expresse du prince Youssoupoff et surtout son motif lui eussent bien prouvé à quel point elle pouvait compter sur les bontés et l'amitié de V. M., elle se garderait bien d'en abuser jusqu'à vouloir contraindre les arrangements qu'il plairait à V. M. de prendre dans l'emploi de ses sujets, mais que sentant tout le préjudice qui résulterait pour le comte Rasoumovsky de sa nouvelle destination, qu'elle ne pouvait même s'empêcher de la regarder comme dégradante et s'imputant en quelque façon, à cause de l'abus qu'on avait fait de son nom, le malheur qui lui arrivait, elle se faisait un devoir de conscience et d'honneur d'intercéder auprès de V. M., afin que, si sa résolution d'ôter le comte Rasoumovsky d'ici était irrévocable, elle daignât au moins lui conférer un poste plus honorable et plus digne de ses talents et de son zèle pour le service de V. M. I."

„Королева говорила съ такимъ жаромъ и съ такою бѣглостью, что я не могъ помѣстить ни одного слова, покамѣсть она не окончила свою рѣчь. Тогда я сказалъ Е. В., что я неизвѣстенъ ни о новомъ назначенiи графа Разумовскаго, ни о причинахъ побудившихъ оное, будучи отдаленъ отъ двора В. И. В., что въ томъ однакожъ смѣю ее увѣрить, что В. В. какъ по уваженiю къ персональнымъ ея качествамъ, такъ и по тѣсной дружбѣ съ императоромъ, совершенно благорасположены оказывать ей во всѣхъ случаяхъ всякую удобовозможную угодность; что между тѣмъ осмѣливаюсь примѣтить, что въ перемѣнѣ поста графа Разумовскаго можетъ и должна быть для него непрiятность, но нѣтъ ни малаго униженiя, ибо кромѣ того, что графъ Воронцовъ, на мѣсто котораго онъ опредѣляется, не уступаетъ ему ни по какимъ уваженiямъ, республикамъ Венецiанской и Голландской издавна присвоены всѣ почести, воздающiяся коронамъ и что каждый почти дворъ можетъ представить примѣры, что министръ, котораго онъ употреблялъ при какомъ-либо королевскомъ дворѣ, въ томъ же характерѣ былъ употребленъ послѣ при оныхъ республикахъ; что я готовъ исполнить волю Е. В., донеся подробно о всемъ мнѣ вышепорученномъ, но что находясь здѣсь въ качествѣ простаго путешественника и имѣя еще пробыть нѣсколько времени въ Италiи, не имѣю инаго способа доставить сiе донесенiе В. И. В. кромѣ обыкновенной почты.

„Королева на сiе мнѣ изволила объявить, что ей весьма было бы прiятно, еслибъ письмо ея и все то, чѣмъ она приказала мнѣ оное препроводить, отправлены были къ В. И. В. какъ кратчайшею, такъ и

надежнѣйшею стезею и что она надѣется, что В. И. В. не будетъ противно если сіе исполнится чрезъ нарочнаго куріера.

„Разговоръ сей королева заключила увѣреніемъ въ наисильнѣйшихъ терминахъ объ отмѣнныхъ чувствованіяхъ приверженности ея и высокопочитанія къ великимъ свойствамъ и добродѣтелямъ В. И. В., равно какъ и о сожалѣніи, что состояніе ея не дозволяетъ ей спознать оныя лично; что она въ семъ одномъ только завидуетъ жребію императора, брата своего, о дружескихъ и почтительныхъ расположеніяхъ котораго къ особѣ В. В. она тѣмъ справедливѣе засвидѣтельствовать можетъ, что оныя ввѣрены ей были не въ какомъ либо видѣ, чтобы дойти до свѣдѣнія В. В., но единственно въ сердечномъ изліяніи братской любви и довѣренности.

„Не имѣя при себѣ человѣка, котораго могъ бы отправить прямо отъ себя, я отослалъ пакетъ, содержащій сію мою всеподданнѣйшую реляцію къ графу Разумовскому, при письмѣ, которымъ просилъ его объ отправленіи онаго съ однимъ изъ канцелярскихъ служителей при немъ находящихся".

Собственноручное письмо королевы Шарлотты было слѣдующаго содержанія: [1])

„Madame ma soeur et cousine, le plaisir que je ressens de me renouveller au souvenir de V. M. fait que je prends l'occasion du départ de m-r Morkoff, pour lui faire arriver directement les assurances de ma profonde estime et sincère reconnaissance de toutes les marques d'amitié dont elle m'honore. J'ai regardé comme une preuve de cette amitié l'envoi du prince Youssoupoff qui m'a demandé par son ordre comment nous étions contents de son ministre le comte Rasoumovsky. Je me flatte qu'il aura rendu exactement à V. M. mes sentiments de reconnaissance pour cette délicate intention et les assurances bien sincères et positives que tant le roi mon mari que moi nous sommes infinement contents de la conduite ministérielle et particulière du comte Rasoumovsky, qui possède l'estime publique et de tous les gens honnêtes et sensés, que nous le verrions partir d'ici avec le plus grand regret, surtout étant à même par la bienveillance qu'il s'est aguérri (sic) du roi mon mari de cimenter de plus en plus les liens et liaisons entre ces deux cours et rendre par là des services réels. Je suis chargée du (sic) roi mon mari de présenter tout cela à V. M., d'autant plus que les bruits publics de sa destination à Venise lui ont été très sensibles, désirant au moins que dans le cas que V. M. ne veuille point le laisser à notre cour (ce qui pourtant nous serait le plus agréable),

[1]) Мы печатаемъ письмо это, не сохраняя грубыя ороографическія ошибки подлинника.

elle daigne au moins lui prouver son contentement par un poste honorable qui lui prouve qu'elle est satisfaite de sa conduite et a eu égard aux recommandations et assurances de satisfaction dont tant le roi mon mari que moi avaient eu l'honneur de l'assurer de propres mains et par nous-mêmes. Je prends l'occasion de m-r Morkoff afin que cette lettre lui parvienne plus vite. Autorisée, chargée par le roi mon mari et par mes propres sentiments à lui rendre justice, je me flatte que V. M. lui daignera accorder ses bontés, ce que nous regarderons comme une preuve de son amitié pour nous, et qu'elle daignera lui faire éprouver les effets de ses bontés. Je la supplie d'accepter les sentiments de profonde vénération que j'ai pour ses grandes et uniques qualités et le désir sincère que j'aurais de pouvoir lui présenter par moi-même ces assuraces. Qu'elle daigne m'accorder un peu d'amitié. Je l'implore comme soeur de l'empereur qui lui est si devoué et qui m'a parlé avec tant d'enthousiasme de son auguste personne. Qu'elle daigne croire que je ressens les mêmes sentiments pour elle et qu'elle reçoive l'assurance du profond, sincère et respectueux attachement avec lequel j'ai l'honneur d'être de V. M. la très affectionnée soeur et cousine Caroline."

Съ курьеромъ, который повезъ депеши Моркова и письмо королевы, Разумовскій послалъ въ оправданіе свое длинный рапортъ Государынѣ. „La rancune personnelle d'un homme en place", писалъ онъ, „un ressentiment aussi vil dans ses effets que la cause qui l'a fait naître ont produit une persécution qui ne tendait pas à moins qu'à me faire perdre le poste que V. M. I. a daigné me confier. La justice, la magnanimité de V. M. en ont arrêté le premier moment les funestes conséquences pour moi. La bienveillance de LL. MM. s'est interessée en ma faveur. Elles ont été aussi indignées de la tentative criminelle dans laquelle on a eu la témérité d'emprunter leur nom, que guidées par leurs bontés envers moi et le désir de me conserver auprès d'eux. La reine a jugé à propos d'accord avec le roi d'adresser une lettre à V. M. I. pour détruire les impressions qu'on a pu lui donner et la supplier de condescendre à leurs instances. Cette lettre a été confiée à m-r Morkoff, dans une audience particulière à laquelle il fut appelé les derniers moments de son séjour ici. Dans la position où me met cette démarche, j'ose me flatter que je n'encourerai pas la désapprobation de V. M. I. si recevant incéssament ses ordres au sujet de ma nouvelle destination je prends la liberté d'en suspendre l'exécution jusqu'en réponse à cette démarche il lui plaise de marquer ultérieurement sa volonté sur mon sort".

Извѣстіе, полученное Разумовскимъ, оказалось вѣрнымъ; его назначили въ Венецію. „На ваше мѣсто переведенъ графъ Разумовскій,

а въ Неаполь переведенъ графъ Скавронскій“, писалъ къ графу С. Р. Воронцову Безбородко, отъ 25-го марта 1784 года [1]).

Представленія королевы неаполитанской не остались однако безъ вліянія на судьбу графа Андрея Кириловича. Въ Неаполѣ правда его не оставили, но за то, вмѣсто Венеціи, назначили его министромъ въ Копенгагенъ.

„Les relations dans lesquelles nous nous trouvons avec le Danemark“, писалъ къ нему отъ 25-го мая 1784 года вице-канцлеръ графъ Остерманъ, „attachent de l'importance au poste de Copenhague et ne peuvent que le faire envisager comme une place de confiance“. При этомъ Разумовскому предписывалось ѣхать прямо въ Копенгагенъ, не заѣзжая въ Россію. На проѣздъ и на обзаведеніе назначалось ему 7000 рублей. Съ отчаяніемъ отвѣчалъ на это извѣщеніе Разумовскій въ депешѣ къ Остерману отъ 23-го августа, „la plus triste de toutes celles que j'ai eu l'honneur d'adresser à v. e. Je souhatetrais, je l'avoue hautement, conserver ce poste, parcequ'indépendemment des agrèments dont je jouissais, j'espérais par mes relations pouvoir y être plus utile qu'un autre au service de S. M. l'Impératrice“.

Оканчивая свою депешу къ вице-канцлеру, Разумовскій замѣтилъ, что Скавронскій въ Неаполѣ при немъ не бывалъ, но за то подолгу живалъ въ Римѣ, гдѣ выказалъ „des trais d'étourderie et de jeunesse qui ont retenti dans toute l'Italie“.

Преемникъ Разумовскаго графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій, страшный чудакъ и самодуръ, поспѣшилъ явиться въ Неаполь. Графъ Андрей, тайно надѣявшійся, что вслѣдствіе письма королевы воспослѣдуетъ какая перемѣна въ его участи, не думалъ собираться въ дорогу; онъ даже письменно просилъ Скавронскаго не торопиться и писалъ къ нему въ Римъ, что дастъ ему знать когда вернется съ морскихъ купаній на островѣ Искіи, куда по прежнему ѣздилъ къ нему король. Скавронскій не обратилъ вниманія на письмо Разумовскаго и пріѣхавъ въ Неаполь, сталъ требовать немедленной сдачи дѣлъ. Между тѣмъ Андрей Кириловичъ получилъ разрѣшеніе отъ Остермана не спѣшить отъѣздомъ. Скавронскій однако не хотѣлъ принимать никакихъ возраженій и заявилъ, что въ данное Разумовскому разрѣшеніе отложить отъѣздъ онъ не вѣритъ. Пошли споры и пререканія. Дѣло чуть не дошло до скандала. Королева не скрывала своего горя, она не дозволяла Разумовскому ѣхать и вмѣстѣ съ королемъ требовала отъ него, чтобы онъ ни подъ какимъ предлогомъ не сообщалъ Скавронскому секретныхъ бумагъ, касавшихся до сношеній неаполитанскаго двора съ Испаніею. Она настаивала даже на томъ, чтобы Разумов-

[1]) Архивъ князя Воронцова, XIII, 47.

скій всѣ эти бумаги сжегъ и по прежнему приглашала его переѣхать въ Казерту. Скавронскій горько жаловался въ Петербургъ. „J'ai eu des nouvelles de Naples“, писалъ отъ 13-го Января 1785 года изъ Пизы къ брату, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, „que le comte Skavronsky se conduit comme un extravagant et qu'il a très malhonnêtement agi envers le comte Rasoumovsky“ [1]). Наконецъ въ Ноябрѣ Андрей Кириловичъ получилъ свои отзывныя грамоты; однако онъ выѣзжать не спѣшилъ и только въ началѣ 1785 года покинулъ Неаполь, гдѣ великолѣпіемъ своимъ и блестящими успѣхами удивлялъ не только неаполитанскихъ жителей, но и посланниковъ иностранныхъ дворовъ [2]).

ГЛАВА V.

Путешествіе. Жизнь въ Вѣнѣ. Копенгагенъ. Стокгольмъ.

Изъ Неаполя графъ Андрей Кириловичъ отправился въ Римъ, тамъ провелъ онъ около двухъ мѣсяцевъ и какъ видно не особенно горевалъ по королевѣ. Онъ много выѣзжалъ въ свѣтъ, почти ежедневно бывалъ у кардинала де-Берниса и по выраженію В. Н. Зиновьева, съ которымъ встрѣтился и подружился въ Римѣ, „старые щи разогрѣвалъ“ съ близкою вѣнскою своею знакомою графинею Гоіосъ (Hoyos), рожденною графинею Клари [3]). Въ Римѣ, какъ видно, онъ на время отложилъ министерскую сановитость и кутилъ на пропалую, какъ въ благія Петербургскія времена, когда на зло Елагину освобождалъ изъ-подъ ареста актрису Дорсиваль. Андрея Кириловича въ Римѣ иначе не называли какъ сумасшедшимъ Московитомъ. „У Разумовскаго“, писалъ изъ Рима, 12 Января 1785 года, Зиновьевъ къ зятю своему графу С. Р. Воронцову, „я часа два назадъ былъ и въ первый разъ его дома засталъ. Въ полтора часа, которые мы съ нимъ были, довольно познакомились и по возвращеніи моемъ сюда, я его еще здѣсь найду и думаю болѣе его узнать. Онъ мнѣ не только разсказалъ исторію его

[1]) Архивъ князя Воронцова, IX, 23.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей земли Русской.

[3]) Зиновьевъ ошибочно называетъ ее г-жею Гоерсъ. Съ семействомъ князя Клари-Альдрингенъ Разумовскій сблизился въ Вѣнѣ.

съ лекаремъ, но и разныя, которыя онъ здѣсь дѣлалъ, подъ именемъ, которое ему здѣшній народъ давалъ: „il matto moscovito". Съ лекаремъ его приключеніе слѣдующее было: по пріѣздѣ его въ Неаполь, занемогъ его слуга и онъ самъ; для сего онъ послалъ за очень хорошимъ докторомъ, поутру; но его карета его до вечера дожидалась, ибо тотъ не прежде домой, отъ многихъ своихъ больныхъ, возвратился и, узнавъ, что за нимъ присылали, тотчасъ туда пріѣхалъ; но только что явился, нашъ Сципіонъ на него кинулся, разругалъ его по италіански, да перевелъ съ русскаго что онъ велитъ ему бока переломать. Неаполитанецъ изъ дверей, не дожидаясь обѣщаннаго, благимъ матомъ кинулся, прибѣжалъ съ полдушой домой и, чтобы другую опять къ себѣ приманить, бросилъ кровь. Сіе его принудило день дома остаться; о семъ всѣ его больные, не могшіе его видѣть, весьма досадовали и причину его непосѣщенія узнали, а черезъ нѣсколько дней былъ знаменитый сей врачъ призванъ на совѣтъ въ Казерту, по болѣзни королевскаго сына, и отецъ велѣлъ себѣ сію исторію пересказать. Вотъ тебѣ, любезный другъ, Тацитова исторія, передѣланная Скарономъ!..." „Былъ нынче послѣ обѣда у Разумовскаго", писалъ онъ далѣе отъ 28 Февраля, „который меня учтивостями и ласками осыпалъ, повёзъ и представилъ племянницѣ паповой, мужъ которой, два года тому назадъ, одну только лошадь имѣлъ, а теперь собраніе держитъ, куда весь городъ сбирается [1]). Онъ поѣдетъ въ концѣ будущей недѣли во Флоренцію... черезъ Перуджію..." [2]) „Le comte Rasoumovsky, писалъ къ брату своему Александру Романовичу изъ Пизы, графъ Семенъ Воронцовъ отъ 14 Марта 1785, „a passé par ici la semaine passée. Il a été beaucoup chez moi pendant les quatre jours qu'il est resté. Je suis bien aise de l'avoir connu. Il est instruit, d'une société agréable, désirant être utile à son pays, sent son malheur et parait avoir beaucoup profité à la terrible école de l'adversité" [3]).

Изъ Пизы Разумовскій черезъ Ломбардію проѣхалъ въ Вѣну. Здѣсь его встрѣтили какъ стараго друга съ распростертыми объятіями. Слухи о его неаполитанскихъ успѣхахъ еще болѣе умножили его популярность. Въ Вѣнѣ онъ остановился подъ предлогомъ необходимыхъ закупокъ. Разумѣется, первый визитъ былъ къ Тунамъ, гдѣ нашелъ онъ громадную перемѣну. Прежнія дѣвочки, на которыхъ въ дни былые онъ едва обращалъ вниманіе, расцвѣли въ красивыхъ барышень. Старшая изъ нихъ, графиня Елизавета, нѣсколько блѣдная и болѣзненная, обладала

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о герцогѣ Браски, племянникѣ тогда царствовавшаго Пія VI. Фамилія Браски была послѣдняя возвышенная непотизмомъ; она столь же быстро пала, какъ и возвысилась.

[2]) «Русская Старина» т. XXIII, 232, 235, 240, 399, 400.

[3]) Архивъ князя Воронцова, IX, 29.

особенною своеобразною прелестью, которая успѣла обворожить всё вѣнское общество, куда она только что стала выѣзжать. Она была умна, ласкова и мила. Красавицею ее назвать нельзя было, но она была лучше всякой писанной красавицы. Разумовскій не могъ устоять противъ прелестей молодой сирены, вокругъ которой толпились всѣ вѣнскіе кавалеры, начиная съ старика князя Кауница и кончая послѣднимъ венгерскимъ корнетомъ У графини Тунъ собирался ежедневно весь дипломатическій корпусъ, съ деканомъ своимъ княземъ Д. М. Голицынымъ во главѣ. О богатствѣ Разумовскихъ ходили по Европѣ преувеличенные слухи. Андрей Кириловичъ былъ всегда фаворитомъ графини Тунъ-матери, она съ удовольствіемъ подмѣтила склонность Разумовскаго къ старшей дочери и стала всячески поощрять её, тѣмъ болѣе что дочь была безъ ума отъ статнаго и любезнаго русскаго дипломата. Но свёкръ ея графъ Тунъ, постоянно жившій въ Прагѣ и мать графиня Ульфельдъ, рожденная княжна Лобковичъ были люди стараго закала и фанатичные католики. Иностранцевъ они не жаловали, а на Русскихъ смотрѣли какъ на варваровъ и чуть ли ни какъ на язычниковъ. Съ другой стороны, графъ Кирила Григорьевичъ не менѣе старика Туна или старухи Ульфельдъ иностранцевъ недолюбливалъ. Всё это предвѣщало не мало затрудненій и едва ли можно было ожидать согласія ближайшихъ родныхъ на бракъ этотъ. Но графиня Тунъ не теряла надежды; она была увѣрена что время сгладитъ всѣ затрудненія и потому дозволила графу Андрею бывать почти безвыходно въ ея домѣ, читая съ графинею Елизаветою англійскихъ поэтовъ и внимая ея мѣткимъ сужденіямъ и остроумнымъ рѣчамъ. Молодая Тунъ въ то время только что оправилась отъ долгой и тяжкой болѣзни, отъ которой осталась у нея боль въ груди и сильное затрудненіе глотать пищу. Вслѣдствіе этого она не могла вести разсѣянную жизнь матери и сестёръ и много сидѣла дома съ любезнымъ своимъ Разумовскимъ. Однако, такъ какъ доктора предписали ей сельскій воздухъ, графъ Андрей вмѣстѣ съ Тунами разъѣзжалъ по живописнымъ окрестностямъ Вѣны, часто посѣщая близкую пріятельницу Туновъ—графиню Пергенъ въ красивомъ ея замкѣ Потенбрунѣ. Ухаживая за графинею, Разумовскій не примѣчалъ какъ летѣло время. Заживаться долѣе въ Вѣнѣ не было возможности. Онъ рѣшился во всёмъ признаться графинѣ Тунъ, уже давно всё знавшей и вполнѣ взвѣсившей всѣ выгоды и затрудненія подобнаго предложенія. Графиня дала полное свое согласіе съ тѣмъ, чтобы дѣло содержать въ глубочайшемъ секретѣ и дозволила влюбленнымъ переписываться. Послѣ раздирающаго прощанія Андрей Кириловичъ направился въ Данію на Прагу, Дрезденъ, Берлинъ и Гамбургъ. Въ Прагѣ онъ остановился нѣсколько дней, явился къ старику Туну и успѣлъ обворожить его

своею любезностію. Въ концѣ Іюня 1785 года Разумовскій наконецъ добрался до Копенгагена. Между столицею Даніи и Вѣною завязалась самая живая переписка. Въ приложеніяхъ помѣщаемъ мы остроумныя и милыя письма графини Елизаветы Тунъ.

Разумовскому предписано было всячески мѣшать близкому союзу Даніи съ Пруссіею. За нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія его, черезъ Копенгагенъ проѣхалъ А. И. Морковъ, по дорогѣ въ Стокгольмъ, куда назначенъ былъ министромъ. Онъ около мѣсяца оставался въ Даніи и велъ дѣятельные переговоры съ первымъ министромъ графомъ Бернсдорфомъ и товарищемъ его Шакомъ. Переговоры эти между прочимъ клонились къ тому чтобы помѣшать браку наслѣднаго принца Датскаго съ Англійскою принцессою и склонить Датскій дворъ къ союзу съ Ангальтъ-Бернбургскимъ домомъ, на зло англійскому посланнику Эліоту, сильно хлопотавшему о выборѣ въ невѣсты принца Фридриха одной изъ многочисленныхъ дочерей Георга III. Хотя, какъ казалось, миссія Моркова удалась, и о родственномъ союзѣ съ Англійскимъ королевскимъ домомъ не было уже рѣчи, однако вліяніе Сентъ-Джемскаго кабинета было еще очень сильно въ Копенгагенѣ. Эліотъ старался сблизить Данію съ Пруссіей. Противъ такого союза было Разумовскому предписано изъ С.-Петербурга энергически дѣйствовать. Помощникомъ въ дѣлѣ этомъ явился Разумовскому австрійскій посланникъ въ Копенгагенѣ баронъ Биндеръ [1]), съ которымъ Андрей Кириловичъ коротко сблизился. Несмотря однако на обоюдное стараніе дипломатовъ, дѣло шло туго впередъ, Эліотъ своими интригами не давалъ имъ ходу и Разумовскій не разъ въ депешахъ своихъ жаловался на Датскаго короля и на: „égarement obstiné du roi dans son dévoûment aveugle pour la Prusse“. Въ Апрѣлѣ 1786 года узнали въ Копенгагенѣ, что король Шведскій намѣренъ посѣтить Данію, послѣ маневровъ въ Элзинборгскомъ лагерѣ. Разумовскій поспѣшилъ испросить дозволеніе представиться неаполитанскому своему пріятелю и въ то же время поручилъ отцу выхлопотать ему желаемое разрѣшеніе черезъ графа Безбородку.

Въ оффиціальной депешѣ своей онъ упоминалъ, что король Шведскій въ Неаполѣ неоднократно приглашалъ его къ себѣ въ Стокгольмъ. Какъ видно, отецъ не понялъ сына, ибо въ письмѣ своемъ отъ 14-го Февраля 1786 года онъ говорилъ прямо о путешествіи Андрея Кириловича въ Стокгольмъ и совѣтовалъ ему за разрѣшеніемъ обратиться къ графу Безбородко [2]). Екатеринѣ такая предупредительность ея посланника относительно шведскаго монарха по-

[1]) Баронъ Антонъ Биндеръ фонъ-Кригельштейнъ былъ впослѣдствіи министромъ въ Голландіи. † 1791 г.

[2]) См. т. I, 381.

казалась излишнею. „Государыня повелѣла вамъ сказать“, извѣщалъ Разумовскаго Остерманъ, „что она не видитъ никакой необходимости вамъ оставлять вашего поста... что вовсе не подобаетъ сему монарху выказывать слишкомъ много услужливости, а напротивъ, слѣдуетъ ему доказать на дѣлѣ, какой тѣсный союзъ и неразрывная дружба существуетъ между нашимъ дворомъ и Даніею“. Въ заключеніи, однако, Разумовскому разрѣшалось отправиться на свиданіе съ королемъ, въ томъ случаѣ, если его съ собою пригласитъ ѣхать датскій кронпринцъ. Такъ и случилось и графъ шифрованною депешею отъ 27-го Іюня 1786 года спѣшилъ извѣстить Безбородку о подробностяхъ свиданія: „Le roi de Suède“, писалъ онъ, „qui s'est efforcé de me cajoler sans cesse à titre d'ancienne connaissance et faisant valoir outre mesure les services que j'ai eu l'honneur de lui rendre à Naples..., m'a entretenu à diverses reprises de la diète qu'il vient de terminer et m'a fait paraitre, sans le vouloir peut-être, beaucoup de mauvais gré par rapport à l'opposition soutenue qu'il y a rencontrée... Le roi m'a répété plusieurs fois qu'il était très satisfait de la conduite de m-r Morkov durant sa résidence et nommément pendant la diète... Malgré la connaissance que j'avais du roi de Suède“, писалъ онъ дальше отъ 7-го Іюля, также шифромъ, „et du tour de son esprit, j'ai vu avec surprise combien peu dans ces deux entrevues, malgré l'assurance avec laquelle il croit savoir captiver son monde, il a su choisir les moyens vis-à-vis du prince royal. Tous ses propos étaient indécents, ou deplacés ou frivoles, entièrement opposés à ce qu'ils auraient dû être. Si c'était à dessein je ne saurais en démêler le but“.

Положеніемъ своимъ въ Копенгагенѣ Андрей Кириловичъ былъ недоволенъ и горько жаловался отцу. Онъ писалъ, что мѣсто сопряжено съ одними непріятностями, что со стороны своего правительства онъ не видитъ никакого поощренія и что положеніе его уничижительно для него самого и непріятно для тѣхъ, которые съ нимъ дѣло имѣютъ [1]). Графъ Кирила Григорьевичъ хлопоталъ о доставленіи сыну камергерскаго ключа и Потемкинъ обѣщалъ ему дѣло это уладить, но на мѣсто камергерства, Андрей Кириловичъ въ 1786 г. произведенъ былъ въ тайные совѣтники. „Симъ тебя усерднѣйше поздравляю“, писалъ къ нему отецъ. „Радуюсь сердечно, что ты сдвинулся съ такого якоря, на которомъ около десяти лѣтъ простоялъ. Сія оказанная тебѣ монаршая милость, не сомнѣваюсь, что усугубитъ извѣстную твою охоту, ревность и усердіе, которыя и до сего ты имѣлъ въ настоящемъ званіи и служеніи. Князь Г. А. Потемкинъ и графъ А. А. Безбородко были предстателями о тебѣ, при семъ случаѣ я и

[1]) Т. I, 380.

совѣтую засвидѣтельствовать свою благодарность особливыми письмами, прося ихъ, чтобъ и впредь не оставляли употребить свое ходатайство тебѣ во благо, гдѣ случай встрѣтиться можетъ, а особливо послѣднiй, отъ котораго вы, господа дипломатическаго корпуса, непосредственную имѣете зависимость“ [1]).

Во время пребыванiя своего въ Копенгагенѣ, Разумовскiй велъ, какъ мы уже упомянули выше, дѣятельную переписку съ Тунами. Графиня Тунъ въ письмахъ своихъ сообщала Андрею Кириловичу совѣты, какъ уладить сватьбу. Для всѣхъ членовъ семьи у нея были особыя прозвища и, кромѣ того, она употребляла весьма нехитрый шифръ. Въ письмахъ этихъ безпрестанно упоминается о необходимости во всемъ признаться Адаму (т.-е. графу Кирилѣ Григорьевичу), а въ шифрахъ изъяснялась, что надо требовать полнаго выдѣла имѣнiя, а получивъ слѣдуемую часть, ее продать и деньги перевести въ Австрiю. Долго не могъ рѣшиться графъ Андрей Кириловичъ признаться отцу въ своемъ рѣшенiи. Фельдмаршала всѣ сыновья побаивались, даже его любимецъ, не смотря на обыкновенную свою самоувѣренность. Наконецъ началъ онъ обинякми объяснять дѣло: „Il y a bien longtemps, mon cher père, que j'ai l'esprit fortement et incessamment occupé d'objets de la plus haute importance“. Таковы были приступы его писемъ, но вслѣдъ за этимъ все-таки не имѣлъ онъ духа прямо изъясниться. „Говоришь нелѣпо“, отвѣчалъ отецъ, „а думаешь, что я догадаюсь и узнаю, если дамъ себѣ время подумать. Я довольно думалъ, но не отгадалъ“ [2]). На подмогу явилась любимая сестра графа Андрея — Наталья Кириловна, несомнѣнно предупрежденная братомъ, но и она, не смотря на свой колкiй умъ и дерзкiй, по временамъ, язычокъ, во всемъ разомъ признаться не рѣшалась. Она намекнула отцу, что вѣроятно дѣло идетъ о женитьбѣ. Съ нею вмѣстѣ, уже давно все знавшею, сталъ графъ Кирила Григорьевичъ загадывать, кто была красавица, плѣнившая сына. „Для меня,“ писалъ онъ сыну, „я бы желалъ, чтобъ была знатна, а не подла, для тебя и для экономiи твоей, которую я не лучшею статьею въ жизни твоей поставляю, надобно, чтобъ лучше была богата, нежели бѣдна. Чтобъ же она и хороша была въ томъ мы оба согласны, а съ моей стороны, мимоходомъ скажу, тебѣ не можно-ли, чтобъ она была и русская. Вотъ наше гаданiе, на чемъ мы остановились. Теперь ожидаю на сiе отвѣта твоего, который долженъ быть и ясенъ и внятенъ“ [3]). На такой прямой вызовъ уже не было возможности не отвѣчать обстоятельно.

[1]) Тамъ же, 381.

[2]) Тамъ же, 377—378.

[3]) Тамъ же.

Узнавъ правду, фельдмаршалъ объявилъ сыну, что видитъ великія препоны къ достиженію его желанія, что необходимо имъ свидѣться и обо всемъ этомъ лично другъ съ другомъ переговорить. Вскорѣ однако представился вѣрный случай откровенно списаться и Кирилъ Григорьевичъ написалъ сыну съ капитаномъ Ломаномъ длинное письмо, въ которомъ онъ краснорѣчиво убѣждалъ Андрея Кириловича остаться вѣрнымъ своей вѣрѣ, своей родинѣ и своей Государынѣ. Прекрасное посланіе это, въ которомъ такъ ясно, убѣдительно и, въ то же время просто отпечатлѣлась глубокая привязанность старшаго Разумовскаго къ вѣрѣ отцевъ и родинѣ, уже помѣщено нами въ первомъ томѣ труда нашего [1]). Въ заключеніи Кирила Григорьевичъ говорилъ: „На женитьбу я согласенъ. Такой союзъ, признаюсь тебѣ, что пріятнѣе бы онъ мнѣ былъ съ россіянкою. Если же, слѣдуя или любви или другимъ какимъ встрѣчающимся обстоятельствамъ, заключить союзъ съ иностранкою, то имѣть въ виду и никогда не потерять ниже въ чемъ либо нарушать сіи три пункта: отечество, вѣра и Государь. Сіи должны во всякомъ случаѣ свято и неприкосновенно сохранены быть, а за симъ самъ разсуди и, сколько возможно, безпристрастно подумай, возможно-ль сіе предпріятіе, которое ты въ виду имѣешь довести до желаемаго тобою окончанія и за исключеніемъ всѣхъ неудобностей, о которыхъ я выше сказалъ; если есть возможность, чего я не предвижу однакожъ, то можешь доходить онаго. Если же нѣтъ, то лучше съ германцами не связываться и не срамиться напрасно“. На такой положительный отвѣтъ возражать было нечего. Разумовскій былъ уже тѣмъ доволенъ, что не воспослѣдовало прямого отказа. Пришлось опять ждать, снова вооружиться терпѣніемъ. Но терпѣніе, какъ мы увидимъ сейчасъ, не налагало на Андрея Кириловича особенно тяжкихъ цѣпей.

Въ Даніи пришлось Разумовскому оставаться недолго. Черезъ два мѣсяца послѣ произведенія въ тайные совѣтники, т.-е., въ Маѣ 1786 года, онъ назначенъ былъ министромъ въ Стокгольмъ на мѣсто А. И. Моркова, который былъ отозванъ въ С.-Петербургъ, для занятія третьяго мѣста въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Мѣсто это стало вакантнымъ послѣ смерти П. В. Бакунина. „Сіе теперь мѣсто тебѣ поручается знатное и важное по его связи“, писалъ отецъ отъ 26-го Мая, „имѣешь теперь пространное поле показать твою способность, ревность и усердіе въ семъ званіи. Старайся однако не промотаться, а сказываютъ, что тутъ способовъ къ тому довольно... Въ семъ мѣстѣ тебѣ труднѣйшую роль играть думаю будетъ чѣмъ въ Копенгагенѣ. Со многими дружиться, говорятъ, надобно будетъ, но не всегда искренно, но говорятъ, что въ Стокгольмѣ гораздо пріятнѣе будетъ жить передъ

[1]) Т. I, 384—386.

Копенгагеномъ. Король тебѣ знакомъ, кажется по отзывамъ и друженъ, но онъ заносчивъ и можетъ быть его интересы не всегда съ нашими согласіемъ встрѣчаются, то въ такихъ случаяхъ и дружба ваша, буде не вовсе къ паденію, то потрясенію подвергаться можетъ. Старайся, чтобы возобновляющаяся твоя репутація въ семъ мѣстѣ не умалялась, но возрастала. Реляціи твои пиши больше по русски, а письма къ министрамъ на какомъ языкѣ изволишь. Гр. Безбородко, который считается всемогущъ, весьма, какъ стороною слышу, хорошо о тебѣ говоритъ“ [1]).

Какъ ни жаловался Разумовскій на скуку копенгагенской жизни, однако когда пришло время разставаться съ Даніею, явились помѣхи къ отъѣзду и онъ просилъ дозволенія остаться на прежнемъ мѣстѣ до половины зимы. „Что касается до переѣзда твоего изъ Копенгагена въ Стокгольмъ, то хотя я доподлинно и опредѣлительно сказать не могу, но знаю, что намѣреніе министерства, чтобъ Морковъ чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше пріѣхалъ. Слухъ же носился, который и до меня дошелъ, чтобъ Моркова ты смѣнилъ лично, а не черезъ переписку, то и не только до половины зимы, врядъ-ли твои обстоятельства дозволятъ и до Сентября въ Копенгагенѣ остаться [2])“.

Слухи эти оказались вполнѣ вѣрными, но все же графъ Андрей Кириловичъ не спѣшилъ изъ Копенгагена. Увы, несмотря на невѣсту, на переписку съ нею, на близкій бракъ, непостояннаго дипломата любовь приковала снова и на этотъ разъ къ берегамъ Даніи. „Je crains fort“, писалъ отъ 2 Сентября 1786 года Морковъ къ графу А. Р. Воронцову, „que le comte de Rasoumovsky ne me prive de l'avantage de vous faire ma cour quelques jours plus tôt, en vous rencontrant sur la frontière. Ce seigneur a trouvé au milieu du climat la plus humide une beauté sèche, qui retarde sa marche. Il ne quitte Copenhague qu'au commencement de ce mois-ci selon le nouveau style et prenant la route par Carlscrona n'arrivera ici probablement que vers le 15 ou le 20. A cette circonstance se joint le voyage que le roi va faire de ce côté-là... La charité chrétienne et l'indulgence dont nous avons besoin tous tant que nous sommes, ne me permettent pas de me plaindre du comte Rasoumovsky, mais il n'en est pas moins vrai que ses retards me dérangent dans tous les sens possibles“ [3]).

При отпускныхъ аудіенціяхъ своихъ Разумовскій былъ крайне ласково принятъ всею датскою королевскою фамиліею. Особенно любезно обошелся съ нимъ наслѣдный принцъ Фридрихъ, принявшій

[1]) См. т. I, стр. 389 и 390.

[2]) Тамъ же, 391.

[3]) Архивъ князя Воронцова, XIV, 238.

съ 1784 года бразды правленія вслѣдствіе умственнаго разстройства отца своего — короля Христіана VII-го. Передъ самымъ отъѣздомъ графъ Андрей Кириловичъ получилъ отъ Государыни орденскіе знаки Св. Владиміра 2-ой степени.

Въ Стокгольмѣ Разумовскій засталъ еще Моркова. Они прожили нѣкоторое время вмѣстѣ, и какъ видно изъ послѣдующей ихъ переписки, сблизились другъ съ другомъ. Они вели долгіе разговоры о шведскихъ дѣлахъ, а въ промежуткахъ мечтали объ отставкѣ, которой между прочимъ ни одинъ изъ собесѣдниковъ на самомъ дѣлѣ не желалъ, и объ уединенной жизни въ Италіи между Римомъ и Неаполемъ. Государыня приказала Моркову написать для Разумовскаго подробную инструкцію, которая должна была ознакомить его съ внутреннимъ положеніемъ Швеціи, дабы начатое предмѣстникомъ послѣдняго дѣло успѣшно могло быть продолжено [1]). Морковъ охотно взялся за это, отказываясь, впрочемъ, что-либо сказать о королѣ, такъ какъ онъ былъ лично знакомъ Разумовскому. Что же касается до братьевъ короля — герцогахъ Сундерманландскомъ и Остроготскомъ, то они, по словамъ Моркова, какъ природою, такъ и воспитаніемъ осуждены были на вѣчную незначительность. Первый къ природной вспыльчивости присоединялъ порокъ пьянства, благодаря которому являлся иногда передъ публикою въ весьма непривлекательномъ видѣ. Второй былъ скромнѣе и воздержнѣе, но проводилъ жизнь свою во внутреннихъ покояхъ въ бездѣйствіи и совершенномъ невѣдѣніи того, что происходило въ государствѣ. Кронпринца пріучали болѣе къ театральнымъ пышностямъ трона. Королева, герцогиня Сундерманландская и принцесса сестра короля не привлекали никакого вниманія. Камеръ-юнкеръ баронъ Армфельдъ и шталмейстеръ Мункъ были любимцами короля. Они между собою постоянно враждовали. Во главѣ министерства стояли графъ Оксенштіерна и баронъ Дегеръ. Первый молодъ, не одаренъ природнымъ умомъ, но не лишенъ познаній. Связи двора съ иностранными державами заключались въ старинныхъ сплетняхъ съ Франціею. Оныя продолжаются на прежнихъ началахъ, но кажется не съ такимъ усиліемъ со стороны послѣдней. Франція утвердила свое здѣсь владычество на основаніяхъ столь твердыхъ, что одна только бѣдственная для сей земли испытанность поколебать ее можетъ. Вліяніе Франціи основано съ одной стороны на предубѣжденіи, которое сдѣлалось почти кореннымъ правиломъ шведской политики, что одна только страна эта въ состояніи поставить преграду честолюбію Россіи на сѣверѣ, а съ другой стороны на томъ, что молодые шведы почти всѣ воспитывались или во Франціи или же на родинѣ,

[1]) Бартеневъ—Гр. А. И. Морковъ, стр. 47.

но при помощи французскихъ гувернёровъ и что, наконецъ, шведамъ очень облегчено вступленіе во французскую службу. Въ концѣ своей записки Морковъ совѣтовалъ Разумовскому домогаться главнымъ образомъ двухъ пунктовъ, а именно: возстановленія отмѣненной въ 1772 Густавомъ формы правленія и составленія преданной Россіи партіи. Это была старинная коренная политика двора нашего, которой держались всѣ наши министры въ Стокгольмѣ, и Панинъ, и Остерманъ и самъ Морковъ. Но послѣ переворота 1772 года дѣло это стало гораздо труднѣе. Издавна намъ преданная партія шапокъ была разбита и разсѣяна по Швеціи, въ столицѣ оставалось весьма мало изъ ея членовъ, которые жили каждый для себя и рѣдко встрѣчались. Въ короткое пребываніе свое при стокгольмскомъ дворѣ Морковъ успѣлъ нѣсколько соединить эти разрозненные элементы. Онъ собиралъ вокругъ себя небольшой кружокъ людей преданныхъ Россіи, и тѣмъ облегчилъ преемнику дальнѣйшую дѣятельность. Главнымъ помощникомъ Моркова былъ финляндецъ полковникъ баронъ Спренгпортенъ, который перешелъ даже на русскую службу и изъ Петербурга велъ дѣятельную переписку какъ съ финляндскими своими единомышленниками, такъ и съ стокгольмскими друзьями. Въ концѣ записки своей Морковъ очень одобрялъ намѣреніе Разумовскаго объѣхать Швецію и подъ предлогомъ любви къ естественнымъ наукамъ изучить ее вдоль и поперегъ [1]).

Кромѣ Моркова Разумовскій засталъ еще въ Стокгольмѣ племянника графа А. А. Безбородки, В. П. Кочубея, будущаго князя и канцлера, а тогда еще совершенно молодого человѣка, котораго дядя отправилъ въ Стокгольмъ для окончанія воспитанія. Кочубея особенно настойчиво рекомендовалъ Андрею Кириловичу старикъ графъ Кирила Григорьевичъ. „Графъ Безбородко, который занимаетъ въ воспитаніи его мѣсто отца, желалъ, чтобы я сего юношу вамъ рекомендовалъ“..., писалъ онъ сыну. „Поручаю сего молодого человѣка вашему призрѣнію и надсмотрѣнію въ его поведеніи, отъ котораго старайся нетокмо отъ него самого знать по довѣренности, которую, уповаю, ты пріобрѣтешь съ его стороны, но и по сторонѣ навѣдываться, дабы онъ иногда, какъ молодой человѣкъ, не далъ какого промаха, который бы могъ навлечь непріятность дядѣ его и самому ему, отъ чего всегда старайся его отвратить здравыми совѣтами и разсужденіями, больше дружескими и смягченными чѣмъ суровыми и министерскими, которые, большею частью, молодыхъ людей самолюбіе уничтожая, самихъ ихъ не рѣдко въ курбетъ поставляютъ. Впрочемъ сей дѣтина есть малый молодой, но скромный и не слышно за нимъ

[1]) Записка Моркова въ московск. архивѣ мин. ин. дѣлъ.

никакихъ пороковъ, ни шалостей, слѣдовательно не дальнихъ заботъ тебѣ стоить будетъ присмотръ за его поведеніемъ. Что же до его упражненія касается, то намѣреніе и желаніе дяди его, графа А. А., чтобы онъ обращался при министрахъ, пріобыкъ къ министерскимъ дѣламъ, то и старайся вводить его въ сіе званіе всѣми лучшими способами, каковы по мнѣнію твоему встрѣтиться могутъ. Симъ самымъ угодность сдѣлаешь графу А. А., который носитъ милость и довѣренность отмѣнную государскую, имѣетъ и склонность и готовность дѣлать добро и который весьма о тебѣ хорошаго мнѣнія, какъ мнѣ довольно извѣстно стороною и заочно, по его отзывамъ" [1]).

Первое появленіе Разумовскаго при шведскомъ дворѣ было блистательное. Король принялъ его отлично, онъ видимо былъ доволенъ, что Морковъ, державшій себя нѣсколько надменно и окружавшій себя ненавистными Густаву либералами, покидаетъ Стокгольмъ. Правда, Андрей Кириловичъ не вошелъ въ число лицъ приближенныхъ къ королю, но этому противился придворный шведскій этикетъ, недозволявшій излишней короткости между монархомъ и членами дипломатическаго корпуса.

Вниманіе всей Европы было въ то время обращено на Тавриду, куда только что направилось торжественное шествіе Екатерины. Густава III путешествіе русской Императрицы особенно занимало.

„Toutes les fois que j'ai l'honneur de voir le roi, soit au grand couvert, soit à la bourse", доносилъ Разумовскій, „ce Prince s'entretient du voyage qu'entreprend S. M. I. Il s'informe des particularités que je puis en savoir, en me faisant part de celles qui lui parviennent. Il s'arrête toujours avec admiration sur tout ce qui a rapport tant à l'étendue de ce voyage qu'à la pompe magnifique qui l'accompagne... La conduite de ce Prince à mon égard est marquée par toutes les déférences qu'il prend à tâche de montrer dans le public pour le caractère dont j'ai l'honneur d'être revêtu... N'ayant occasion de le voir qu'aux lieux de représentation comme à la cour ou à l'assemblée de la bourse, ses entretiens ne roulent jamais que sur des objets frivoles et si par hazard la conversation tombe sur les affaires on est sûr qu'il ne s'y arrête pas longtemps. J'ai d'abord attribué ce motif à une cause politique relative à moi particulièrement, mais on m'a assuré que, cédant tous les jours d'avantage à l'attrait de la frivolité, son esprit devenait de jour en jour moins propre à s'occuper de choses sérieuses... Tous les projets si incertains semblent se perdre dans l'ivresse des plaisirs dont le charme incessant captive cette cour".

Представившись всѣмъ членамъ королевскаго дома и устроившись на

[1]) См. I томъ, стр. 388—389.

новомъ мѣстѣ, Разумовскій сталъ знакомиться съ стокгольмскимъ обществомъ и вскорѣ подружился съ первыми домами шведской столицы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, графъ Андрей, подъ видомъ любознательности и страсти къ естественной исторіи, сталъ предпринимать небольшія поѣздки внутрь страны. Онъ останавливался въ зàмкахъ своихъ стокгольмскихъ знакомыхъ, изучалъ нравы жителей, собирая свѣдѣнія о политическомъ и финансовомъ состояніи внутреннихъ областей и заводилъ связи съ вліятельными лицами, недовольными тогдашнею системою управленія. Состояніе Швеціи представилось русскому дипломату въ самыхъ черныхъ краскахъ. Повсемѣстная неурядица, бѣдность, пьянство и распущенность поражали на каждомъ шагу путешественника. Всѣ были недовольны, всѣ жаловались и не стѣсняясь указывали иностранцу на язвы своей родины. Народъ коснѣлъ въ нищетѣ, невѣжествѣ и пьянствѣ. Высшее сословіе, воспитанное французами, было чуждо всякому проявленію народнаго духа, думало только о матеріальныхъ выгодахъ и пользуясь монополіею винокуренія, наживалось на счетъ народной нравственности и здоровья. Органы правительства были продажны и на мѣсто прежняго, вѣками освященнаго государственнаго строя, безгранично властвовалъ личный произволъ. Правительство ругалъ всякій, но мало кто думалъ объ исполненіи своихъ личныхъ обязанностей. Трудно повѣрить, читая депеши Разумовскаго, что рѣчь идетъ о странѣ, отличающейся въ наши дни своимъ благоустройствомъ, богатствомъ и умѣренностію. А описаніе было несомнѣнно вѣрно, оно сходится съ показаніями всѣхъ современниковъ. Среди этихъ непорядковъ пришлось царствовать своенравному и тщеславному Густаву III. „Vous allez résider auprès d'un bien pauvre sire, dont les défauts d'esprit ne sont pas même rachetés par les qualités du coeur" [1]), говорилъ Моркову при проѣздѣ его черезъ Вѣну, на мѣсто новаго служенія, знаменитый князь Кауницъ. Сужденіе австрійскаго канцлера было нѣсколько строго. Въ умѣ никакъ нельзя было отказать Густаву, въ немъ была и храбрость и жажда славы, но послѣднее чувство слишкомъ часто брало верхъ надъ здравымъ разсудкомъ. За то политическимъ и всякимъ другимъ тактомъ Густавъ былъ вовсе обездоленъ. Въ 1772 г. онъ не безъ храбрости и ловкости совершилъ государственный переворотъ. Но при своей отвагѣ онъ лишенъ былъ твердости и умъ его вѣчно былъ управляемъ воображеніемъ. Къ усидчивому труду онъ не былъ способенъ. Его окружала толпа красивыхъ и неспособныхъ любимцевъ. Съ переворотомъ не успѣли еще свыкнуться въ Стокгольмѣ и въ рядахъ дворянства было много недовольныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ были

[1]) Архивъ князя Воронцова, XIII, 57.

близки къ Моркову, теперь они стали обращаться къ Разумовскому. Особенно раздражены были противъ правительства Финны. Баронъ Флемингъ, капитанъ Гернгроссъ и много другихъ вліятельныхъ въ Финляндіи лицъ были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ бѣжавшимъ въ Россію барономъ Спренгпортеномъ и охотно подчинялись вліянію русскаго министра.

„Il existe", писалъ Разумовскій въ шифрованной депешѣ отъ 4 Января 1787 года, „une fermentation aussi réelle que générale de mécontentement tant dans la capitale que plus encore dans les provinces. Elle est soutenue ici par quelques personnes, qui me paraissent réellement détérminées à en tirer parti. Si j'en ai douté longtemps c'est parce que ces mêmes personnes entretiennent indubitablement une appréhension mal raisonnée des relations qu'ils doivent tôt ou tard établir avec moi et des secours de tout genre qu'ils sont forcés de demander à notre cour. Cette appréhension leur dicte une circonspection marquée envers moi, mais qui cependant cédera aux efforts assidus que je ferai pour les rassurer et gagner leur confiance... Une faction travaille à profiter des circonstances pour opérer une revolution dans le gouvernement".

Екатерина была въ то время слишкомъ занята восточнымъ вопросомъ, чтобы обращать особое вниманіе на Швецію. Густава она знала лично и мнѣнія о немъ была невысокаго. Послѣ сильной и дорого намъ стоившей заботливости о Швеціи, наступила эпоха полнаго къ ней равнодушія. О всемъ, что тамъ дѣлалось, при петербургскомъ дворѣ отзывались съ презрительною ироніею. Положено было въ общихъ чертахъ держаться относительно Швеціи старыхъ правилъ и въ ожиданіи будущаго стараться поддерживать мирныя съ нею сношенія. „Отъ датскаго двора требуемъ, чтобы онъ обѣщанное число вооружилъ судовъ, а съ шведскимъ дружески изъясняться приказано уже графу Разумовскому", сообщала Екатерина Потемкину [1]). Морковъ напрасно старался возбуждать опасенія своихъ товарищей по коллегіи иностранныхъ дѣлъ относительно Швеціи, ему отвѣчали, что при настоящихъ обстоятельствахъ, приковывавшихъ все вниманіе правительства на югъ, сѣверомъ некогда заниматься, тѣмъ болѣе, что оттуда не грозила опасность. Петербургскій кабинетъ былъ всецѣло занятъ восточнымъ вопросомъ, который подъ геніальнымъ руководствомъ Екатерины и Потемкина, какъ казалось, близокъ былъ къ разрѣшенію. Напрасно завѣрялъ Морковъ, что предпріятія на югѣ не должны отвлекать вниманія отъ сѣвера. Ни Остерманъ, ни Безбородко не желали идти противъ Екатерины и Потемкина, къ тому же, по мнѣ-

[1]) Русскій Архивъ, 1865, ст. 72.

нію ихъ, въ Стокгольмѣ поставленъ былъ человѣкъ, на зоркость котораго вполнѣ можно было положиться. Вообще въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, мнѣніе о Разумовскомъ, какъ о ловкомъ и дѣльномъ дипломатѣ, сильно поднялось въ послѣднее время. И въ самомъ дѣлѣ, графъ Андрей велъ себя въ Стокгольмѣ съ большою ловкостью и достоинствомъ. Онъ являлся гордымъ при дворѣ и крайне любезнымъ въ частныхъ домахъ, нерѣдко приглашая къ себѣ на карты многочисленныхъ гостей [1]). Число приверженцевъ Россіи видимо стало увеличиваться и на каждомъ вечерѣ у Разумовскаго все болѣе и болѣе насчитывалось собесѣдниковъ. Густавъ III сталъ косо поглядывать на русскаго посланника и видимая холодность замѣнила прежнюю предупредительность. Лѣтомъ 1787 года, король посѣтилъ Финляндію. Изъ Свеаборга отправилъ онъ съ привѣтствіемъ къ Екатеринѣ одного изъ новыхъ любимцевъ своихъ, барона Цедерстрёма — весьма незначительную личность. Объ этомъ посланникѣ въ Петербургѣ отзывались не безъ ироніи; находили, что лицо было не довольно важное для такого порученія. „Маленькій баронъ уѣхалъ съ чѣмъ пріѣхалъ“, извѣщалъ Разумовскаго Морковъ; „онъ здѣсь говорилъ, что у васъ въ Стокгольмѣ много враговъ и что причиною тому ваше дѣло съ госпожею Вреде“. Какъ видно, Разумовскій не могъ и въ Стокгольмѣ воздержаться отъ волокитства. Его даже подозрѣвалъ Морковъ, какъ онъ впрочемъ о томъ самъ откровенно писалъ ему, въ черезъ-чуръ близкихъ сношеніяхъ съ французскою актрисою Гуссъ, съ которою самъ, и съ давнихъ уже поръ, былъ очень коротко знакомъ. Все это происходило въ то время, когда бракъ Разумовскаго былъ рѣшенъ окончательно. Старуха графиня Ульфельдъ умерла, старикъ графъ Тунъ былъ при смерти и тоже вскорѣ умеръ, а съ ихъ стороны были главныя затрудненія. Къ тому же въ Вѣнѣ на время поселился графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ съ дочерью. У посла нашего, князя Д. М. Голицына, познакомились они съ Тунами. Между молодою Чернышевою и графинею Елизаветою Тунъ завязалась тѣсная дружба. Послѣдняя призналась пріятельницѣ въ любви своей къ Разумовскому. Вскорѣ о томъ же узналъ черезъ посла нашего и самъ Чернышевъ, которому молодая Тунъ пришлась по сердцу. Старикъ объявилъ, что сватьбу эту непремѣнно устроитъ и сталъ писать восторженныя письма къ другу своему графу Кирилу Григорьевичу, выхваляя красоту и любезность невѣсты и умоляя его дать свое согласіе. Дѣло, впрочемъ, было уже не трудное, такъ какъ старикъ-Разумовскій противъ самаго брака не возставалъ, а о невозможныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ сначала со стороны родныхъ невѣсты, не было уже рѣчи.

[1]) Русскій Архивъ, 1769, 112.

Несмотря однако на сердечныя развлеченія, Андрей Кириловичъ сильно скучалъ въ Стокгольмѣ и просилъ Моркова доставить ему гдѣ нибудь за границею болѣе пріятное и видное мѣсто. Въ отвѣтъ на посольство Цедерстрёма отправленъ былъ къ королю въ Стокгольмъ камеръ-юнкеръ князь Ѳ. Н. Голицынъ, племянникъ И. И. Шувалова, о которомъ мы упоминали во второмъ томѣ труда нашего. Съ Голицынымъ Морковъ подробно отвѣчалъ на жалобы Разумовскаго. „О васъ здѣсь самаго лучшаго мнѣнія“, утѣшалъ его Морковъ, „вѣрьте, что о васъ не забудутъ, какъ скоро представится болѣе важное мѣсто... Постараюсь избавить васъ и отъ непріятностей внутри миссіи. Я вполнѣ сознаю всю неспособность вашихъ чиновниковъ“. Переходя къ дѣламъ политическимъ, Морковъ извѣщалъ, что бѣжавшій въ Россію баронъ Спренгпортенъ, котораго онъ называетъ шведскимъ Франклиномъ, сначала возбудилъ въ Петербургѣ общее вниманіе, но что теперь о немъ забыли. Онъ сопровождалъ Екатерину въ Тавриду и вернулся оттуда недовольный Потемкинымъ. Несмотря на это, Спренгпортенъ не колебался въ своихъ убѣжденіяхъ, хотя и думалъ, что Густавъ посѣщеніемъ Финляндіи поправилъ тамъ дѣла свои. Впрочемъ, по мнѣнію барона, тамъ было еще достаточно недовольныхъ, чтобы съ легкостію возбудить возстаніе, а въ самомъ Стокгольмѣ настроеніе умовъ таково, что Россіи не трудно будетъ имъ при первой надобности воспользоваться. Спренгпортенъ былъ въ перепискѣ съ вождемъ недовольныхъ — барономъ Стіернієльдомъ, котораго Морковъ особенно рекомендовалъ въ милость Разумовскому, прося поддерживать его, разумѣется во сколько то дозволить могли осторожность и обстоятельства, и увѣрить его и партію его, что дворъ нашъ всегда готовъ защитить свободу шведской націи. Единовременно Разумовскому совѣтовалось возбуждать умы, но съ крайнею осторожностью. „Такой образъ дѣйствій“, замѣчалъ Морковъ, „вполнѣ извинителенъ, такъ какъ намъ извѣстны козни шведовъ въ Царѣградѣ“.

Между тѣмъ, грозныя тучи собирались на югѣ. Турція, побуждаемая Англіею и Пруссіею, объявила намъ войну. Посолъ нашъ Я. И. Булгаковъ заключенъ былъ въ Семибашенный замокъ. Извѣстіе о разрывѣ съ Турціею произвело въ Стокгольмѣ сильнѣйшее впечатлѣніе. Впрочемъ, король Разумовскому говорилъ о событіи этомъ только слегка и какъ-бы мимоходомъ. Разъ онъ даже, шутя, предложилъ продать намъ пушки. „У насъ ихъ болѣе, чѣмъ надобно“, отвѣчалъ, отшучиваясь, Разумовскій. Но на самомъ дѣлѣ, Густавъ былъ далеко не спокоенъ; ему казалось, что наконецъ наступила вожделѣнная минута отомстить Россіи за униженіе Швеціи. Въ воображеніи его мерещилась слава, побѣды, величіе родины... Онъ тайно сталъ готовиться къ войнѣ и искалъ союзниковъ. Шпіоны Разумовскаго, между

которыми особенно отличался шведскій маіоръ Карлъ-Густавъ Аминовъ, извѣстили его о намѣреніи короля ѣхать въ Берлинъ. „On m'assure“, шифромъ доносилъ Андрей Кириловичъ, отъ 24 Октября 1787 года, „que le Roi a formé depuis longtemps un plan sur la Livonie dans l'intention de le développer dans un moment favorable et que c'est en consequence de ce dessein en partie qu'il entreprend son voyage de Berlin“. Впрочемъ, путешествіе это не состоялось, и Густавъ отправился только въ Копенгагенъ. Отъѣздъ короля надѣлалъ много шуму въ Стокгольмѣ. Царедворцы придавали путешествію этому громадное значеніе и съ умысломъ говорили о немъ Разумовскому, который, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, отвѣчалъ, что никакія путешествія не могутъ измѣнить добрыхъ отношеній между Даніей и Россіей.

Въ самомъ дѣлѣ, едва успѣлъ король вернуться въ Стокгольмъ, какъ копенгагенскій кабинетъ поспѣшилъ заявить циркулярною депешею къ министрамъ своимъ за-границею, что прежнія отношенія Даніи къ европейскимъ дворамъ остались неизмѣнными. Густавъ остался поѣздкою своею крайне недоволенъ и искалъ случая на комъ нибудь излить накопившуюся на сердцѣ его желчь. Царедворцы поспѣшили передать ему слова Разумовскаго, разумѣется, не безъ прикрасъ. Густавъ сталъ графу Андрею выказывать еще бо́льшую противъ прежняго холодность. Вмѣстѣ съ королемъ ѣздилъ въ Копенгагенъ одинъ изъ его любимцевъ—баронъ Армфельдтъ. Желая сдѣлать что-либо пріятное недовольному королю, всѣ предложенія котораго были отвергнуты, копенгагенскій дворъ даровалъ Армфельдту орденъ Слона. Это возбудило въ Стокгольмѣ много толковъ, и многіе утверждали, что Густавъ самъ выпросилъ орденъ этотъ для своего любимца. Вскорѣ послѣ возвращенія короля, на обѣдѣ у испанскаго посланника, первый шведскій министръ, графъ Оксенштіерна, отвелъ Разумовскаго въ сторону и, безъ всякаго вступленія, очень сухо сказалъ ему, что имѣетъ нѣчто сообщить ему отъ имени Е. В. Густавъ приказалъ передать графу Андрею Кириловичу свою увѣренность въ томъ, что слухи о пожалованіи ордена Слона барону Армфельдту сообщены были въ Стокгольмъ русскимъ посланникомъ въ Копенгагенѣ. Такъ какъ король не можетъ допустить, чтобы Разумовскій былъ уполномоченъ отъ двора своего къ распространенію подобныхъ слуховъ, да къ тому же не было физической возможности получить въ столь короткое время подобное полномочіе изъ С.-Петербурга, то онъ поручилъ графу Оксенштіернѣ выразить русскому посланнику королевское свое неудовольствіе за распространеніе лживыхъ сплетень. Графъ Андрей съ невозмутимымъ спокойствіемъ просилъ Оксенштіерну завѣрить Е. В., что ни какъ министръ русской императрицы, ни какъ частный человѣкъ, никогда онъ ни барономъ Армфельдтомъ,

ни полученнымъ имъ орденомъ не интересовался. Его удивляетъ, однако, какимъ образомъ подобныя сплетни, о которыхъ онъ случайно и смутно слышалъ въ городѣ, и на которыя онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, могли дойти до короля. Онъ также не понималъ, какъ можно что-либо подобное приписать ему, Разумовскому, никогда не говорившему необдуманно и имѣющему постоянно въ виду своею воздержанностью и разсудительностью заслужить довѣренность и одобреніе своей Государыни, которыми она награждаетъ только людей вполнѣ достойныхъ. Графъ Андрей Кириловичъ просилъ Оксенштіерну обратить вниманіе на то, что онъ и не думаетъ извиняться передъ королемъ. Замѣчаніе, ему сдѣланное, онъ находилъ, по малой мѣрѣ, страннымъ и, во всякомъ случаѣ, неумѣстнымъ и на все дѣло смотрѣлъ какъ на придирку. „Вѣроятно, добавилъ онъ, король здѣсь имѣлъ въ виду не русскаго посланника, а графа Разумовскаго, какъ частнаго человѣка. Если моя личность королю неугодна, то пускай мнѣ это заявятъ прямо и положительно“.

„Le roi“, доносилъ графъ Андрей Кириловичъ отъ 3-го Декабря 1787 года, „depuis son retour de Danemark affecte de me traiter avec une froideur dont il m'a donné les marques les plus étranges. L'autre jour à la bourse, ayant passé avec affectation à côté de moi sans rien me dire et en dernier lieu lorsqu'il y a eu cour ne m'ayant pas admis à son jeu et ne m'ayant appelé au grand couvert que pour me dire deux mots. Ce traitement très remarqué par le public y est rapporté avec des circonstances de bravades relatives à ma cour. Je n'ai jusqu'à présent fait semblant de rien tant à la cour que dans les sociétés“.

Подобныя выходки короля Разумовскому въ Россіи повредить не могли, наоборотъ, предубѣжденіе Екатерины видимо ослабѣвало, и съ каждою новою депешею, получаемою изъ Стокгольма, выгодное мнѣніе о графѣ Андреѣ брало верхъ надъ прежнимъ недовольствомъ.

Въ то время, какъ отношенія къ Швеціи стали усложняться, циркуляръ, разосланный всѣмъ русскимъ министрамъ за-границею, повергъ Разумовскаго въ большое недоумѣніе. Коллегія иностранныхъ дѣлъ потребовала отъ представителей Россіи, чтобы они съ нею переписывались не иначе, какъ по-русски. Надо замѣтить, что лѣтъ сорокъ до описываемаго нами времени, вся дипломатическая переписка происходила на отечественномъ языкѣ, хотя въ то время большинство нашихъ агентовъ за-границею были нѣмцы чистѣйшей воды, набранные Петромъ Великимъ по стогнамъ Германіи. Съ тѣхъ поръ Россія подвинулась впередъ по пути къ просвѣщенію, и явилось не малое число доморощенныхъ дипломатовъ. Съ ихъ легкой руки разнообразныя искаженія французскаго языка окончательно вытѣснили употреб-

леніе народнаго нарѣчія въ дипломатической перепискѣ. Русскіе дипломаты новѣйшей школы не были въ состояніи двухъ словъ сряду написать по-русски, и не иначе, какъ на иностранный ладъ, защищали плохо имъ знакомые и понятные интересы Россіи. Требованіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ показалось графу Андрею чуть не безуміемъ. Сыну регистроваго казака труднѣе, чѣмъ всякому другому, показалась налагаемая задача.

Горькія жалобы полились отъ Разумовскаго къ Моркову; послѣдній его успокоивалъ, но умолялъ отнюдь не протестовать противъ даннаго свыше приказанія. „Всякое замѣчаніе подобнаго рода плохо будетъ принято здѣсь", писалъ Морковъ, „сочиняйте депеши свои по-французски и давайте переводить ихъ по-русски своимъ чиновникамъ; у васъ есть чиновникъ Протопоповъ, который знаетъ по-русски. Я постараюсь подъискать вамъ здѣсь кого-либо, кто бы хорошо зналъ языкъ нашъ. Вѣнскій посолъ здѣсь тоже получилъ приказаніе писать депеши по-нѣмецки, хотя онъ языкомъ этимъ не владѣетъ вовсе, онъ поступаетъ такъ же, какъ я вамъ совѣтую".

Между тѣмъ, многіе шведы изъ недовольныхъ хотѣли поступить въ русское войско, чтобы волонтерами служить противъ турокъ; другіе же, недовольные королемъ, просто думали о томъ, какъ бы бѣжать изъ Швеціи. Между послѣдними находился вождь недовольныхъ, баронъ Стіерніельдъ, на котораго указывалъ Разумовскому Морковъ и о которомъ первый не разъ упоминалъ въ своихъ депешахъ. Стіерніельдъ, какъ мы видѣли, уже давно находился въ дѣятельной перепискѣ съ Спренгпортеномъ. Съ нимъ Разумовскій отправилъ длинную депешу, въ которой говорилъ, что король продолжаетъ выказывать ему нерасположеніе, и что онъ не безъ труда разузналъ о намѣреніи Густава отправить въ Петербургъ, черезъ Финляндію, подъ предлогомъ вступленія къ намъ на службу, нѣкоего полковника Альмфельда, съ цѣлью разузнать, нѣтъ ли у насъ, со стороны Швеціи, какихъ либо военныхъ приготовленій.

„Tout me fait craindre", писалъ Разумовскій съ Стіерніельдомъ, къ графу Безбородко, „que le roi n'ait résolu de ne pas se tenir tranquille durant la contestation qui va attirer les armées de S. M. I. du côté de la Turquie... Le roi ne se dissimule point le mécontentement de la nation et peut-être se persuade-t-il qu'une guerre courte et heureuse, des acquisitions faites à propos lui concilièront pour le reste de son règne l'admiration et l'obéissance de ses sujets. Pour parvenir à ses fins, pour engager l'opinion publique en sa faveur, pour donner une sanction légale à ses vues, il cherchera à faire croire que la Russie en a contre lui, c'est dans ce but qu'il feint d'être allarmé de l'inspection qu'a faite en Finlande m-r le comte d'Anhalt et qu'il veut

faire croire à des préparatifs de toute espèce sur la frontière ainsi qu'à des armements maritimes... La froideur du roi est de plus en plus marquée envers moi en même temps que l'espionnage sur mes actions est poussé à l'extrême, car la crainte est vigilante chez ce prince et il ne voit pas sans inquiétude les liaisons que j'ai avec quelques maisons comme celles de Brahe, de Ribbing, de Geer, qu'on appelle ici l'opposition, et où il soupçonne toujours que l'on trâme contre son autorité... V. e. sait que nous n'avons point de parti. Il n'existe que des créatures de la cour et des mécontents, mais ces derniers sont en grand nombre surtout dans les provinces et la plus grande partie serait disposée à réclamer la protection de S. M. I., s'il se présentait quelque espoir de changement dans le gouvernement... Dans cette masse de gens il y a beaucoup d'humeur et guère de talents. Le seul qui en possede de réels et qui en a fait preuve dans diverses circonstances précédentes c'est le sénateur comte de Fersen. Mais affaissé par l'âge, perdant tous les jours de son autorité, timide, circonspect, retenu par la crainte de nuire au bien-être de sa famille, on ne saurait plus le considérer dans son existence politique que comme un homme, qui s'est survêcu à lui même. Il peut néanmoins être d'un bon conseil, il jouit d'une grande considération dans le public... Il me parle ouvertement, mais sans rien particulariser quant à ma cour".

Шпіоны извѣщали Разумовскаго, съ большими подробностями, обо всемъ, что дѣлалось въ тайныхъ совѣтахъ Густава. Въ Карлскронѣ вооружался флотъ, въ Финляндіи собиралось войско; первымъ долженъ былъ командовать герцогъ Сюдерманландскій, а вторымъ самъ король. Въ Голландіи заключенъ былъ заемъ. Въ народѣ распространяли слухи о союзѣ съ Англіею, о враждебныхъ отношеніяхъ къ Россіи со стороны Пруссіи и Даніи. „C'est ainsi que ce prince", доносилъ Разумовскій отъ 28 Апрѣля 1788, „invente des rapports et fait naître des alarmes pour étayer ses projets chimériques et en préparer le dévoloppement".

Екатерина дѣйствіями своего министра въ Стокгольмѣ была вполнѣ довольна. Она неоднократно о немъ выражалась съ похвалою и сквозь пальцы смотрѣла на французскія его депеши. Графъ же Андрей Кириловичъ положеніемъ своимъ былъ очень недоволенъ и въ письмахъ къ Безбородкѣ и Моркову горько жаловался на жизнь свою въ Стокгольмѣ. Графъ Кирилъ Григорьевичъ поспѣшилъ воспользоваться добрымъ расположеніемъ Государыни къ сыну и письменно испросилъ дозволеніе графу Андрею жениться на графинѣ Тунъ. „Екатерина отвѣчала фельдмаршалу слѣдующимъ милостивымъ собственноручнымъ письмомъ: „Графъ Кирилъ Григорьевичъ, изъ письма вашего отъ 29 Января усмотрѣла я, что сынъ вашъ графъ Андрей находитъ себѣ партію въ женидьбѣ въ Вѣнѣ на графинѣ Елисаветѣ Тунъ, на что

испрашиваете моего соизволенія и совѣта. Въ отвѣтъ на сіе вамъ объявляю, что мнѣ пріятно, во-первыхъ, видѣть и въ семъ случаѣ усердное ваше ко мнѣ расположеніе, совокупленно съ довѣренностію и надеждою. Я ни мало не сомнѣваюсь вамъ, яко отцу, отдать на рѣшеніе судьбу сына вашего; съ моей стороны не нахожу препятствія въ такомъ повидимому сходственномъ союзѣ, отъ всего сердца желая, чтобъ оный служилъ вамъ навсегда утѣшеніемъ и продолжилъ тѣмъ самымъ лѣта и здоровье ваше. Пребываю къ вамъ, какъ всегда, доброжелательна. Къ жениху дозволеніе отлучиться на время отъ своего поста послать велю". Февраля 7, 1788 г. [1]).

Но дѣло внезапно приняло такой оборотъ, что объ отпускахъ думать стало невозможно. Екатерина съ безпокойствомъ слѣдила за тѣмъ, что́ происходило на сѣверѣ. Со стороны Даніи можно было разсчитывать на совершенную безопасность. За то въ Швеціи становилось не ладно. Англія съ завистью смотрѣла на успѣхи наши въ Турціи. Британское министерство запретило отдавать въ наймы русскому правительству англійскіе корабли для перевозки войскъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что придерживается строгаго нейтралитета, и въ то же время вело дѣятельную переписку съ Стокгольмомъ, стараясь увѣрить шведскій дворъ, что пора ему поживиться на счетъ Россіи. Екатерина, вполнѣ предавшаяся осуществленію знаменитаго греческаго проекта, все вниманіе свое сосредоточила на югѣ и старалась избѣгать новыя внѣшнія затрудненія. Болѣе чѣмъ когда-нибудь нужно было въ Швеціи зоркое око, особенно при извѣстной склонности короля къ честолюбивымъ замысламъ. Пруссія только и думала о томъ, какъ бы при первомъ удобномъ случаѣ усилиться на счетъ Польши. Вѣрная союзница Россіи, Австрія, болѣе всего на свѣтѣ боялась этого усиленія своей соперницы и открыто заявляла, что никакія пріобрѣтенія, со стороны Турціи, не могутъ вознаградить ее за отрѣзку къ Пруссіи новыхъ польскихъ областей. Въ Швеціи отъ русскаго посланника требовалась теперь усиленная дѣятельность. Надо было сплотить партію недовольныхъ и, такимъ образомъ, положить преграду воинственнымъ замысламъ короля. Но на это требовались деньги, а въ нихъ ощущался сильный недостатокъ. Эта вѣчная болѣзнь наша уже и тогда сильно давала себя чувствовать. Разумовскому приходилось подавать сторонникамъ Россіи въ Стокгольмѣ одни платоническіе совѣты и кормить ихъ обѣщаніями на будущее. Онъ былъ грустенъ и обезкураженъ и горько жаловался въ Петербургъ.

„Съ грустью вижу", писалъ къ нему Морковъ, „возрастающее ваше отвращеніе къ занимаемому вами посту. Будьте увѣрены, что

[1]) Сборникъ Императорскаго русскаго Историческаго общества, т. 27, стр. 473.

при первомъ передвиженіи въ нашемъ дипломатическомъ персоналѣ, вы получите мѣсто, болѣе соотвѣтствующее вашему вкусу и вашимъ способностямъ. Извѣстіе о вашей сватьбѣ здѣсь разгласилось. Хотя не вѣрю, чтобы что-нибудь серьёзное могло у васъ случиться, однако, согласитесь, будетъ крайне прискорбно и для блага общаго, и для васъ самихъ, если что произойдетъ въ отсутствіи вашемъ. Вы такая блестящая партія, что, въ случаѣ нужды, могутъ придти и за вами... Касательно желанія вашего явиться сюда для свиданія съ вашимъ батюшкою, ничего не могу сказать утѣшительнаго. Удобное время, какъ кажется, къ тому еще не наступило“.

Коварные совѣты Англіи подѣйствовали на Густава III. Сперва тайно, а потомъ во-очію всѣхъ закипѣла лихорадочная работа въ арсеналахъ и на докахъ. Въ лагеряхъ бывали ежедневныя ученія. По всему Стокгольму тянулись военные припасы. Изъ окошекъ своихъ Разумовскій могъ видѣть, какъ снаряжались корабли и какъ нагружали ихъ пушками, ядрами, порохомъ. Онъ сталъ чаще прежняго ѣздить верхомъ и прогулкою своею постоянно выбиралъ разбитый въ окрестностяхъ Стокгольма лагерь. Здѣсь тихо разъѣзжалъ онъ, внимательно слѣдя за ученіемъ солдатъ, присматриваясь къ военнымъ приготовленіямъ всякаго рода и любезно раскланиваясь съ знакомыми офицерами, съ которыми заводилъ длинные разговоры о миролюбивомъ настроеніи русскаго правительства. Король, между тѣмъ, старался обращать на сторону своего воинственнаго настроенія общественное мнѣніе. Онъ въ обществѣ и по городу распространялъ слухи о томъ, что непріязненный образъ дѣйствій Россіи, относительно Швеціи, требуетъ особенныхъ военныхъ предосторожностей. Снаряженіе военной эскадры въ Кронштадтѣ, предназначаемой въ Архипелагъ, объяснялось замыслами противъ цѣлости шведской монархіи. Говорили о значительномъ дессантномъ войскѣ, которое должно было сѣсть на эту эскадру, и намекали, что войско это явно готовилось для нападенія на Карлскрону. Графъ Андрей Кириловичъ и самъ лично, и черезъ друзей своихъ старался опровергнуть умышленно-распространяемые королемъ толки и при каждомъ случаѣ громко заявлялъ о миролюбивыхъ чувствахъ Россійской Императрицы къ шведской націи. 9 Мая 1788 года произошло торжественное засѣданіе шведскаго сената. Въ театрально-напыщенной рѣчи къ сенаторамъ Густавъ изложилъ всѣ свои жалобы противъ петербургскаго двора. Онъ говорилъ, что долго содержалъ въ тайнѣ свое огорченіе противъ непріязненнаго образа дѣйствій Россійской Государыни, но что теперь наступилъ предѣлъ его долготерпѣнію. Въ подтвержденіе словъ короля прочтены были отрывочныя и подправленныя выдержки изъ депешъ Нолькена, шведскаго посланника въ Петербургѣ. Въ заключеніе король заявлялъ, что во-

оруженіе сильной эскадры въ Кронштадтѣ явно угрожаетъ Швеціи и заставляетъ его прибѣгнуть къ мѣрамъ предосторожности противъ Россіи, что онъ истощилъ всѣ мѣры къ примиренію, что зачинщикомъ онъ быть не желаетъ, но что съумѣетъ защитить честь и достоинство Швеціи. Сенаторы приняли рѣчь эту громкими знаками одобренія. „L'alarme est grande parmis les patriotes", доносилъ отъ 10-го Мая графу Безбородко Разумовскій, „tous craignent, que le roi moyennant ses intrigues et ses machinations ne réuississe à se faire attaquer par la Russie, au quel cas la constitution l'autorise à mettre de son chef telle imposition que bon lui semblera, au lieu qu'il n'a pas ce droit en étant l'agresseur et ne peut même le devenir sans convoquer la diète",

Деньги на чрезвычайныя вооруженія король получалъ, по предположенію графа Андрея Кириловича, изъ Турціи. Русскій посолъ всячески старался поднять духъ оппозиціи и ежедневно совѣщался съ вліятельными ея членами. Въ числѣ ихъ самый важный былъ графъ Ферзенъ, который, однако, не рѣшался открыто дѣйствовать. Онъ опасался того, что нація не въ состояніи будетъ сплотиться и дать отпоръ королю. Между тѣмъ, французскій повѣренный въ дѣлахъ всячески старался поддерживать короля въ воинственномъ его настроеніи. Разумовскаго окружили шпіоны, онъ не могъ сдѣлать шага безъ ихъ надзора; ходили слухи, что правительство имѣло намѣреніе перехватить даже его переписку. Источники, откуда онъ черпалъ свои свѣдѣнія, были ему теперь заперты.

„J'ai lieu de soupçonner mes canaux d'être gagnés par la police", доносилъ отъ 17-го Мая Разумовскій. „Un des plus importants que je m'étais procuré et avec qui je n'avais pas de relations depuis quelque temps, parcequ'il les avait évitées, m'a fait ces jours-ci une réponse insolente qui confirme mes soupçons... Le roi s'est probablement engagé vis-à-vis de la Porte de mettre quelques entraves à la célérité de nos mesures contre elle et notamment d'empêcher ou de retarder la sortie de notre escadre... Les calomnies ont pour but de déterminer notre cour à l'agression... Des bruits ont couru sur des mécontentements qui existaient en Livonie.... Le roi a déclaré qu'il ne serait pas l'agresseur, mais on m'a assuré qu'il a en même temps donné des ordres cachetés au duc de Sudermanie son frère, pour n'être ouverts qu'en mer... Il se répand généralement ici que les arrangements pris pour l'approvisionnement de l'armée sont mal combinés et que la disette existante déjà en Finlande, les troupes y périront de faim. Un courtisan aurait dit: „nous ne resterons pas longtemps en Finlande et la Livonie est le grenier du Nord".

Узнавъ о дѣйствіяхъ Густава, Государыня припомнила слова Анны Ивановны, которая обѣщала камень на камнѣ не оставить въ Сток-

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

гольмѣ. Но въ то время „силы морскія и сухопутныя, коммерція и многолюдство Россіи были противъ теперешняго едва ли не въ половинѣ, а считалось нѣсколько губерній менѣе теперешняго, что повелѣвала Государыня и сообщить графу Разумовскому, дабы онъ легкомыслію, вѣтренности, назойливости и лживо-разсѣяннымъ слухамъ зналъ чѣмъ преграду учинить“ [1]).

Въ силу предписаній изъ Петербурга, Разумовскій сталъ съ новымъ рвеніемъ распространять въ обществѣ слухи о чистотѣ намѣреній русскаго двора относительно Швеціи, и о негодованіи, возбужденномъ въ Россіи непростительными кознями короля для вовлеченія его подданныхъ въ пагубную войну съ Россіею. Графу Андрею Кириловичу предписано было Государынею дѣйствовать за-одно съ представителями Австріи и Даніи. Въ австрійскомъ посланникѣ, графѣ Стадіонѣ [2]), Разумовскій нашелъ добраго совѣтника, всегда готоваго поддержать его въ затруднительную минуту; но датскому министру, графу Ревентло видимо непріятно было дѣйствовать наперекоръ королю. Онъ нерѣшительно и уклончиво отвѣчалъ русскому посланнику, когда послѣдній приходилъ съ нимъ совѣтоваться и старался, сколько возможно, оставаться въ сторонѣ. Дѣйствія короля побудили Разумовскаго вручить графу Оксенштіернѣ сильную ноту. Вслѣдствіе полученныхъ имъ инструкцій, графъ Андрей сообщилъ ноту своимъ товарищамъ. „Слѣдя за вооруженіемъ Швеціи“, сказано было въ нотѣ этой, „и не видя никакой къ тому побудительной причины, русское правительство долго молчало. Теперь же Императрица узнала отъ датскаго двора, вслѣдствіе тѣсной дружбы, съ нимъ существующей, что приготовленія къ войнѣ въ Швеціи направлены противъ Россіи на томъ основаніи, что Швеціи угрожаетъ съ ея стороны нападеніе. Между тѣмъ, въ продолженіе своего двадцати-шести-лѣтняго царствованія Императрица Всероссійская не переставала изъявлять королю и шведской націи желаніе сохранить тѣсный миръ, на основаніи абовскаго договора; а потому предположеніе шведскаго правительства о томъ, будто Россія въ то время, когда она занята войною съ сильнымъ врагомъ на югѣ, готовится къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Швеціи, лишено всякаго основанія и принуждаетъ Императрицу объявить, черезъ своего посланника, министерству Е. В. Короля Шведскаго, а также и *всѣмъ тѣмъ, кои въ сей націи нѣкоторое участіе въ правленіи имѣютъ*, что Е. И. В. питаетъ къ Швеціи самое миролюбивое чувство и ничего такъ не желаетъ, какъ сохраненія обоюднаго спокойствія. Если,

[1]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Февраль, 1869 г., ч. CXLI. Война Россіи съ Швеціею 1788—89, статья А. Брикнера.

[2]) Графъ Іоганнъ-Филиппъ Стадіонъ р. 1763 † 1824. Былъ впослѣдствіи посломъ въ Лондонѣ, Берлинѣ и С.-Петербургѣ и съ 1805—1809 министромъ иностранныхъ дѣлъ.

BAYERISCHE STAATS- BIBLIOTHEK MUENCHEN

однако, такое увѣреніе не въ состояніи успокоить умы, Государынѣ остается только спокойно ждать будущее, вполнѣ полагаясь какъ на силу своего государства, такъ и на правоту своихъ собственныхъ намѣреній". Графъ Ревентло на-отрѣзъ отказался поддерживать такого рода ноту, которая могла компрометтировать какъ датскій кабинетъ, такъ и собственное его положеніе въ Стокгольмѣ. Долгихъ трудовъ стоило Разумовскому и Стадіону уговорить его. Графъ Андрей съ своей стороны глубоко обдумалъ затѣянное имъ дѣло. Онъ зналъ, что ничто не могло затронуть за живое короля шведскаго, какъ напоминаніе о неудавшихся переговорахъ его съ Даніею, а что намекъ на уничтоженное въ 1772 году участіе штатовъ въ управленіи страны могъ подвинуть его къ крайнимъ рѣшеніямъ. Разумовскій всѣ усилія свои клонилъ къ тому, чтобы король началъ войну и такимъ образомъ самъ бы сталъ зачинщикомъ. Въ депешахъ своихъ къ своему правительству онъ просилъ воздержаться отъ наступательнаго дѣйствія. Не трудно было понять, что война была неизбѣжна. Все дѣло заключалось въ томъ, чтобы стать въ возможно благопріятныя условія. При бездѣйствіи со стороны Россіи, положеніе короля, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ имъ proprio motu военныхъ приготовленій, становилось весьма критическимъ. Въ силу имъ же дарованной конституціи онъ не имѣлъ права требовать чрезвычайныхъ субсидій отъ страны, если самъ начиналъ войну. Войска были, однако, уже на военной ногѣ и бо̀льшею частью уже перевезены въ Финляндію, которой, по случаю сильнаго неурожая, угрожалъ голодъ. Требовались громадныя издержки на провіантъ, а у короля денегъ не было. Собирать сеймъ онъ не желалъ, предчувствуя, что открытіе его равносильно ограниченію королевской власти. Въ такомъ безвыходномъ положеніи, усилія Густава обращены были къ тому, чтобы вывести Екатерину изъ терпѣнія.

Вся надежда была, что русскіе первые нападутъ, и тогда король, находясь въ положеніи законной обороны, имѣлъ бы полное право требовать подмоги отъ страны. Понятно, послѣ этого, что нота, поданная Разумовскимъ, смутила Оксенштіерну, тѣмъ болѣе, что Андрей Кириловичъ, желая, какъ можно сильнѣе, дѣйствовать на общественное мнѣніе, позаботился о томъ, чтобы содержаніе ея стало извѣстно всему Стокгольму. Съ своей стороны, Густавъ III, выведенный изъ терпѣнія задорными пріемами Разумовскаго, готовъ былъ на всякую крайность и тѣмъ прямо дѣйствовалъ въ руку посланнику.

Въ это время Великая Княгиня Марія Θеодоровна разрѣшилась отъ бремени дочерью Екатериною Павловною. Несмотря на вполнѣ враждебное настроеніе, сношенія между двумя дворами не были прерваны, и придворный этикетъ требовалъ оффиціальнаго извѣщенія о новомъ приращеніи императорскаго дома. Разумовскій сталъ просить ау-

діенціи у короля для увѣдомленія его о семъ событіи. Ему дано было знать въ отвѣтъ, что король приметъ его послѣ слѣдующаго куртага. Въ день назначенный для куртага, въ полдень, Разумовскій получилъ отъ графа Оксенштіерны записку, въ которой послѣдній извѣщалъ его, что церемоніймейстеръ (introducteur des ambassadeurs) г. де-Бедуаръ явится къ нему въ тотъ же день въ 5 съ $^1/_2$ часовъ по приказанію короля. Бедуаръ явился въ русское посольство крайне сконфуженный, онъ долго извинялся передъ Разумовскимъ и наконецъ послѣ немалыхъ замедленій прочелъ, вслѣдствіе даннаго ему приказанія отъ короля, нижеслѣдующую записку.

„Par la note du 18 Juin, que le comte Rasoumovsky vient de remettre, S. M. n'a pu voir sans le plus grand étonnement la manière avec laquelle il affecte de distinguer le roi d'avec la nation et les assurances des dispositions pacifiques de l'Impératrice à *leur* égard, aussi bien que l'intérêt qu'elle prend à la conservation de *leur* tranquillité. Quoique le roi reconnaisse dans ce language des principes que la cour de Russie a souvent énoncés dans d'autres pays, S. M. ne pouvant concilier les sentiments d'amitié de l'Impératrice avec une insinuation qui tend directement à le séparer d'avec son peuple, et fermement résolu à ne jamais admettre les principes qui en résulteraient, ne saurait croire qu'une telle déclaration lui ait été prescrite par la cour de Russie. Le roi aime mieux ne l'attribuer qu'au ministre même qui réside auprès de lui. Mais surpris, autant que blessé, du langage irrégulier et contraire au repos de l'étât qui s'y fait remarquer, il ne peut plus, après ce moment, reconnaitre le comte de Rasoumovsky dans la qualité d'envoyé extraordinaire et de ministre plénipotentiaire à sa cour, se réservant après son arrivée en Finlande de répondre à l'Impératrice de Russie sur les autres points de la déclaration par son ministre à Pétersbourg. S. M. se voit cependant obligée d'éxiger le départ du comte de Rasoumovsky, en lui annonçant qu'elle ne saurait plus permettre à ses ministres de traiter avec lui, comme ayant manqué dans son écrit aux principes du gouvernement et aux égards dûs à la personne du roi. Les bontés dont le roi a honoré le ministre depuis le temps qu'il la connu, servant de garant du regret avec lequel il prescrit ce départ, et il a fallu des motifs aussi forts que ceux de sa gloire personnellement offensée et de la tranquillité de l'état, qui serait troublée par les principes qu'on n'a pas balancé à laisser paraitre, pour contraindre S. M. de souhaiter l'éloignement d'une personne qui réunissait tant de titres à sa bienveillance. En faisant connaitre son intention au comte de Rasoumovsky qu'elle ne reconnaitra plus comme ministre public, S. M. lui laisse une semaine pour les arrangements nécessaires. Elle a même donné les ordres pour des vaisseaux,

ainsi que pour tout ce qui doit servir à la commodité du trajet pour St.-Pétersbourg".

„Après lecture faite, доносилъ Разумовскій отъ 12-го Іюня 1788 года, „je demandai m-r Bédoire de me laisser le papier, mais il me repliqua qu'il avait ordre expressément de ne pas le laisser sortir de ses mains, mais qu'il me le relira tant de fois que je le souhaiterais. Après le lui avoir fait relire, je revins à la charge pour obtenir d'en prendre copie, il s'en défendit beaucoup, mais enfin ce bonhomme peiné et confondu du rôle qu'on l'avait forcé d'accepter m'a abandonné son papier et c'est en sa présence que j'en ai pris la fidèle copie que j'ai l'honneur de faire passer ci-joint, promettant à m-r Bédoire qu'il ne serait point compromis par la complaisance qu'il m'avait montrée au préjudice des strictes ordres qu'il avait reçu. La réponse que je priai m-r Bédoire de faire parvenir au roi fût que S. M. aurait du prévoir que je n'avais point d'ordre à recevoir d'elle, que par conséquent je ne bougerai pas de Stockholm avant que j'aie reçu ceux de ma Souveraine. Que je m'empresserai de faire parvenir à la connaissance de S. M. I. tout ce qui venait de se passer et que pour cet effet désirant expédier un courrier sur le champ, mais ne voulant point en écrire au ministère d'ici, après l'étrange manière dont le roi venait de me traiter et la défense qu'il avait faite à son ministère à mon égard, je le priai de me faire avoir un passeport pour m. le colonel Jasykoff que je me proposais d'expédier le plus tôt qu'il me serait possible... Quant à ce que m-r Bédoire me demande au nom du roi de remettre les lettres de notification que j'avais annoncées pour S. M. Suédoise de la part de S. M. I. et de Monseigneur le Grand Duc sur l'heureuse délivrance de S. A. I. M-me la Grande Duchesse, je répondis que je n'aurais pu les présenter qu'au roi ou à m. le comte d'Oxenstierna et qu'il ne convenait pas que je les remisse à lui. M-r Bédoire me quitta entre les 6 et les 7 heures. La cour etait annoncée et eût lieu à huit. Entre neuf et dix heures je vis de mes fenêtres le roi descendre en grande pompe avec toute la famille royale pour entrer dans sa chaloupe et se rendre à bord de l'Amphyon" [1]).

Языкову выданъ былъ паспортъ и въ то же время всѣмъ членамъ дипломатическаго корпуса, находившимся въ Стокгольмѣ, разослана была циркулярная нота, въ которой подробно изъяснены были причины неудовольствія Густава на Разумовскаго. Послѣдняя бумага, имъ представленная, разсѣяла, сказано было въ нотѣ, сомнѣнія короля. Только прямое нападеніе графа Разумовскаго на честь шведскаго монарха побудило послѣдняго разстаться съ человѣкомъ, кото-

[1]) Московскій главный Архивъ Мин. Имп. Д. Сношенія съ Швеціею.

раго до сихъ поръ удостоивалъ особенными милостями. Но въ то же самое время, въ силу прежняго благоволенія, король старался попеченіями, взятыми при отъѣздѣ графа, и предупредительностію во время путешествія его въ Петербургъ, смягчить непріятность данной минуты.

„Изъ донесеній вашихъ, полученныхъ съ подполковникомъ Языковымъ“, писалъ отъ 23 Іюня Остерманъ, „съ немалымъ удивленіемъ усмотрѣли странный противу васъ поступокъ короля шведскаго... Е. И. В. предписала, по полученіи сего письма, безъ малѣйшаго отлагательства собраться вамъ къ отъѣзду изъ Стокгольма черезъ Гамбургъ или Берлинъ въ Вѣну, гдѣ, въ разсужденіи изъявленнаго вами передъ нѣкоторымъ временемъ желанія, Е. В. дозволяетъ вамъ остаться, а также ѣхать оттуда къ родителю вашему“.

Впечатлѣніе, произведенное въ Стокгольмѣ выходкою короля, было громадное. Ни о чемъ другомъ въ городѣ не говорили. Всѣ бѣгали за Разумовскимъ, всѣ хотѣли его видѣть и лично судить о впечатлѣніи, произведенномъ на него посылкою Бедуара. Русскій посланникъ сначала держалъ себя сдержанно, избѣгалъ многочисленныхъ собраній и принималъ только близкихъ знакомыхъ. Черезъ послѣднихъ все, что говорилъ Разумовскій, разносилось по городу. Общее мнѣніе не одобряло дѣйствій короля; находили, что рискъ былъ слишкомъ великъ, что шутить съ такимъ сильнымъ соперникомъ, какъ Россія, было опасно. Никто, разумѣется, не вѣрилъ причинамъ, которыя Густавъ выставлялъ въ защиту своихъ дѣйствій. Оппозиція находила, что король уже нарушилъ конституцію, и что всѣ поступки его прямо противорѣчили кореннымъ законамъ Швеціи. Къ тому же либералы опасались, какъ бы Густавъ, въ случаѣ успѣха, не нашелъ опоры въ народѣ и среди радостныхъ кликовъ стокгольмскаго народонаселенія не провозгласилъ себя вполнѣ самодержавнымъ государемъ. Съ другой стороны, партія королевская дрожала при мысли о неудачѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, надо было ожидать внутреннихъ безпорядковъ, и королю грозила сильная опасность. Министры бурбонскихъ дворовъ продолжали, однако, одобрять дѣйствія Густава. Англійскій посланникъ, человѣкъ весьма флегматичный, хранилъ молчаніе. Представитель Голландіи, лично обязанный королю сохраненіемъ мѣста своего въ Стокгольмѣ и вѣчно передъ нимъ пресмыкавшійся, печаталъ лестныя для Густава статьи въ „Лейденской Газетѣ“, весьма въ то время распространенной. Датскій министръ графъ Ревентло, сначала холодно обходившійся съ Разумовскимъ, сблизился съ нимъ въ послѣднее время; пруссакъ графъ Леппель не только порицалъ короля, но даже называлъ выходку его неслыханною, наконецъ, графъ Стадіонъ всячески поддерживалъ русскаго посланника и все время велъ себя какъ того требовала тѣсная связь Россіи съ Австріею. Впрочемъ и въ

Россіи стокгольмское происшествіе произвело сильное впечатлѣніе. „Во всю ночь не выходило изъ головы, что шведскій король можетъ вздумать атаковать Кронштадтъ“, помѣчаетъ подъ 18 Іюнемъ 1788 г. Храповицкій. „Сказывали, что вчера получены съ курьеромъ депеши изъ Стокгольма. Король, подъ тѣмъ видомъ, будто за возмущеніе народа, то есть за сдѣланное въ нотѣ различіе между королемъ и націей, назначилъ, чтобъ гр. Разумовскій въ 8 дней выѣхалъ, а самъ хотѣлъ писать къ Е. И. В. изъ Финляндіи, куда, дѣйствительно, и отправился. Велѣно объявить барону Нолькену, что поступокъ его короля окончилъ здѣсь его миссію и пребываніе, съ назначеніемъ того же срока къ выѣзду, какой былъ объявленъ графу Разумовскому. Мы *гостилите* не начнемъ. Примѣтна досада. Надобно быть Фабіемъ, а руки чешутся, чтобы побить Шведа“ [1]).

Между тѣмъ, Густавъ отправился въ Финляндію, и первымъ дѣломъ его прибывъ къ арміи, которой тамъ находилось до 30,000 человѣкъ, было отправить къ Екатеринѣ капитана де-ла-Миля (de-la-Myle) съ дерзкимъ ультиматумомъ.

„Шведскаго посольства секретарь Шлафъ“, повѣствуетъ Храповицкій, „подалъ ноту, въ которой король требуетъ рѣшительнаго отвѣта: да или нѣтъ, т.-е. быть-ли миру или войнѣ? а миръ предлагаетъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) наказать примѣрно графа Разумовскаго за его интриги, клонившіяся къ возмущенію народа; 2) отдать Финляндію и часть Кареліи до Систербека, или все то, что Швеція Нейштатскимъ и Абовскимъ трактатами Россіи уступила; 3) принять его медіацію для постановленія мира съ Портою, отдавая Крымъ и уполномочивая уступить всѣ завоеванія, въ минувшую войну пріобрѣтенныя, съ утвержденіемъ границъ, до 1768 года бывшихъ. Тутъ, для доказательства королевскаго снисхожденія, упомянуто о времени Пугачева, и Е. В., отдавая мнѣ ноту, сказать изволила: „il cite son confrère Pougatcheff“. Шлафа и его свиту со шведскими курьерами велѣно выслать... Король шведскій, отъѣзжая изъ Стокгольма, сказалъ дамамъ, что дастъ имъ завтракъ въ Петергофѣ. Говорено о нелѣпости вчерашней ноты. Графъ Безбородко думаетъ, что самъ король ее писалъ... Слушали обѣдню въ лѣтнемъ дворцѣ; въ церкви читанъ манифестъ о шведской войнѣ... Читали почту: изъ Даніи пишутъ, что шведъ умножилъ и вооружилъ флотъ французскими субсидіями, а вышелъ въ море помощію турецкихъ денегъ [2])“...

Въ то время, какъ Нолькенъ смиренно повиновался приказанію Императрицы Всероссійской и покинулъ Петербургъ, Разумовскій и не думалъ выѣзжать изъ Стокгольма, объявляя, что не можетъ пус-

[1]) Дневникъ Храповицкаго. Изданіе Барсукова, 92—93.

[2]) Тамъ же, 112—113.

титься въ путь, не получивъ на то приказаній отъ своей Государыни. Онъ нарочно сталъ показываться на гульбищахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ собиралась публика. Когда отнятые въ морскихъ сраженіяхъ русскіе флаги были вывѣшены передъ дворцомъ, онъ явился въ толпѣ на внутренней дворцовой площади. Наконецъ узнали, что онъ имѣетъ частыя совѣщанія съ оппозиціонною партіею [1]).

„Графъ Разумовскій и до-нынѣ еще въ Стокгольмѣ", помѣчаетъ Храповицкій отъ 5 августа; „онъ пишетъ, что послѣ сраженія 6 Іюля герцогъ Сюдерманландскій съ братомъ поссорился, укоряя короля въ неоткровенности и ложныхъ увѣреніяхъ о нашемъ безсиліи... Апробовано письмо вице-канцлера къ графу Анд. Кир. Разумовскому, чтобъ берегъ себя отъ личной злобы короля, тѣмъ болѣе, что теперь онъ не въ публичномъ характерѣ. Онъ долженъ переѣхать къ императорскому или французскому министру и остаться подъ ихъ защищеньемъ" [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, Остерманъ, отъ 21 Августа 1788, сообщилъ Разумовскому, чтобы онъ „для избѣжанія всякаго личнаго оскорбленія, испросилъ иногда защищенія у графа Стадіона и посла французскаго [3]), переселяся въ домъ къ тому или другому, въ чемъ, вѣроятно, они вамъ не откажутъ. Сіе переселеніе не только не сдѣлаетъ вамъ никакого новаго препятствія въ выѣздѣ изъ Швеціи предписаннымъ образомъ, т.-е. черезъ Гамбургъ или Берлинъ въ Вѣну (причемъ Разумовскому на путевые расходы жаловалось 3,000 рублей), но еще къ тому возспособствовать должно, ибо не оставите уже тогда требовать отъ обоихъ оныхъ министровъ подкрѣпленія въ относящемся, до свободнаго выѣзда вашего, справедливомъ домогательствѣ, отъ котораго вамъ и отставать отнюдь не подлежитъ, потому что отправленіе на означенномъ вамъ отъ короля суднѣ имѣло бы дѣйствительно видъ, будто бы находитесь подъ арестомъ, и не согласовалось бы съ народнымъ правомъ и всеобщимъ обычаемъ, коего несоблюденіе свойственно однимъ непросвѣщеннымъ народамъ, каковы турки".

Разумовскій, однако, не трогался изъ Стокгольма, громко заявляя на всѣ представленія министерства шведскаго, что приказаніямъ королевскимъ онъ повиноваться не обязанъ, да и не имѣетъ даже права, а что ждетъ повелѣній отъ Государыни. Въ городѣ говорили, что русскій посланникъ снова получилъ выговоръ отъ короля, но въ посольство никто не являлся. Наконецъ, гвардейскій сержантъ Литвиновъ привезъ Разумовскому приказъ выѣхать изъ Стокгольма. Андрей Кириловичъ сталъ, не спѣша, собираться. Среди сборовъ засталъ его

[1]) Русскій Архивъ, 1869, 113.

[2]) Записки Храповицкаго (изданіе Барсукова), 124, 135.

[3]) За нѣсколько дней до отъѣзда Разумовскаго прибылъ въ Стокгольмъ новый посланникъ Marquis de Pons. До тѣхъ поръ дѣлами миссіи управлялъ повѣренный Gausson.

церемоніймейстеръ Бедуаръ съ новою королевскою нотою, съ которой, на этотъ разъ, онъ свободно дозволилъ Разумовскому снять копію.

„Vu les circonstances particulières que le roi a appris être arrivées dans le domestique de m. le comte de Rasoumovsky“, гласила эта нота, „S. M. a bien voulu jusqu'à présent les regarder comme un véritable empêchement à son départ, mais ne pouvant pas non plus permettre que des évènements pareils lui servent de prétexte pour différer d'obéir aux ordres du roi, dans le moment même où S. M. justement mécontente de sa conduite use tous les ménagements possibles, le roi veut bien encore lui accorder un délai de 4 jours, ne doutant pas, qu'avant l'expiration de ce terme, le comte de Rasoumovsky n'ait pris les arrangements nécessaires pour éviter au roi la peine de se voir forcé de prendre des mesures qui ne pourraient être que désagréables pour le c. de R., lequel se dépouillait de tous les priviléges, que le droit des gens attache à sa personne, par une résistance ouverte aux ordres du Souverain, dans les étâts duquel il se trouve“.

Разумовскій хладнокровно отвѣчалъ Бедуару, что онъ не понимаетъ, о какихъ домашнихъ обстоятельствахъ идетъ рѣчь, что единственная причина, почему онъ до сихъ поръ не покидалъ Стокгольма, уже не разъ была имъ заявлена, что онъ оставался до сихъ поръ единственно отъ того, что ожидалъ повелѣній отъ Государыни, что наконецъ повелѣнія эти имъ получены и что именно въ то время, какъ къ нему явился Бедуаръ, онъ собирался писать о выдачѣ ему паспорта для отъѣзда. Въ такомъ же духѣ Разумовскій написалъ къ сенатору графу Дубену, но письмо было возвращено обратно, подъ тѣмъ предлогомъ, что графа не было дома. Тогда русскій посолъ отправилъ записку къ Бедуару съ просьбой явиться къ нему вечеромъ. Въ то же время онъ обратился къ Датскому и Австрійскому министрамъ, объявивъ имъ, а особенно первому, что онъ, вѣроятно, принужденъ будетъ обратиться къ ихъ посредству относительно графа Дубена. Ревентло, по обыкновенію, сталъ указывать на затрудненія и заявлять отговорки. Ему казалось, что порученіе, на него возлагаемое не согласовалось съ его достоинствомъ. Не безъ труда удалось Разумовскому уломать его. Послѣ долгихъ объясненій, онъ согласился передать письмо графу Дубену и, кромѣ того, лично объяснить ему, что русскій посланникъ не можетъ, да и не долженъ, повиноваться приказаніямъ короля, ниже принимать какихъ либо сроковъ къ отъѣзду; но такъ какъ онъ самъ желаетъ какъ можно скорѣе уѣхать, да къ тому же имѣетъ теперь на то повелѣнія отъ своей Государыни, то онъ и проситъ паспорта; отправляться же такъ, какъ предписываетъ ему король, онъ не намѣренъ, съ одной стороны потому, что онъ не имѣетъ получать приказаній отъ шведскаго короля, а съ другой—потому, что это было

бы несогласно съ волею Государыни. Разумовскій просилъ графа Ревентло пріѣхать къ нему вечеромъ, чтобы присутствовать при переговорахъ съ Бедуаромъ. Послѣднему Андрей Кириловичъ повторилъ все сказанное выше и добавилъ, что Стокгольмъ такъ ему надоѣлъ и онъ до того желаетъ скорѣе изъ него выѣхать, что готовъ это сдѣлать въ 24 часа, лишь бы ему доставили паспортъ. Бедуаръ принялъ все „ad referendum", объявляя, что донесетъ по начальству, и за симъ удалился. Ревентло побѣжалъ за нимъ, удержалъ его на лѣстницѣ, обѣщая ему отъ имени Разумовскаго всякія уступки, лишь бы паспортъ былъ выданъ. Переговоры эти продолжались болѣе часа. Когда Ревентло вернулся, Разумовскій объявилъ ему, что подслушалъ весь его разговоръ и доказалъ ему, до какой степени завѣренія его были не у мѣста и какъ онъ этимъ обоихъ компрометтируетъ. Изъ русскаго посольства Датскій министръ отправился къ графу Дубену, который назначилъ ему вечернее свиданіе. Послѣдній объявилъ, что имѣетъ строжайшее приказаніе не входить въ сношенія съ Разумовскимъ и отказался не только принять письмо, но даже выслушать объясненія Ревентло. Какъ послѣдній ни старался, онъ отъ перваго ничего добиться не могъ, наконецъ выведеный изъ терпѣнія Датскій министръ объявилъ, что Разумовскій зависитъ только отъ двора своего и что если дѣло доведено будетъ до крайности, то принуждены будутъ прибѣгнуть къ насилію. Послѣднее заявленіе нѣсколько озадачило Дубена, и онъ рѣшился отправить нарочнаго къ королю. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать, и Бедуаръ снова явился къ Разумовскому, чтобы объявить ему, что король уже не настаиваетъ на томъ, чтобы онъ возвращался прямо въ Петербургъ, что онъ можетъ ѣхать на яхтѣ, назначенной на то королемъ и можетъ высадиться въ какомъ хочетъ портѣ отъ Ревеля до Любека. Впрочемъ, король извѣщалъ, что на дняхъ пришлетъ новаго курьера съ окончательными распоряженіями касательно Разумовскаго. Графъ Андрей Кириловичъ отвѣчалъ Бедуару, что такъ какъ изъ переданнаго имъ явствуетъ нежеланіе короля измѣнить самую форму отъѣзда, то онъ можетъ только повторить прежній отвѣтъ свой. Наконецъ, 8-го Августа Бедуаръ явился снова съ слѣдующею нотою:

„Par ordre exprès du roi je dois avertir m. le comte de Rasoumovsky, que si dans trois jours, à compter du jour d'aujourd'hui, il ne s'embarque sur le vaisseau destiné à le conduire hors du royaume, on lui donnera une garde dans sa maison, en lui ôtant toute communication avec les sujets du roi, comme étant d'un pays avec lequel la Suède se trouve actuellement en guerre".

Разумовскій потребовалъ отъ Бедуара, чтобы онъ ноту при немъ подписалъ. На другой день послѣдній явился снова въ русское по-

сольство съ маіоромъ Бордіеномъ, который долженъ былъ сопровождать Разумовскаго во время его плаванія. Бедуаръ просилъ Андрея Кириловича назначить день отъѣзда и также ту гавань, гдѣ онъ думаетъ высадиться. Разумовскій, не желая высаживаться въ Помераніи, избралъ Любекъ и назначилъ днемъ отъѣзда 11 Іюля. Онъ воспользовался временемъ, оставшимся до отплытія, чтобы обратиться къ представителямъ Даніи и Австріи съ просьбою предъявить графу Дубену протестъ противъ образа дѣйствій Шведскаго правительства. Между членами дипломатическаго корпуса въ это время было сильное броженіе, многіе требовали общаго заступничества за Разумовскаго, но благодаря усиліямъ Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Госсона и министровъ Испанскаго и Голландскаго, дѣло кончилось ничѣмъ. Передъ самымъ отъѣздомъ графъ Андрей Кириловичъ отправилъ графу Остерману слѣдующую депешу:

„Ayant refusé constamment et fermement de souscrire à ce qu'on appelait les ordres du roi, qu'on m'a signifié à plusieurs reprises, en me fixant toujours un terme pour leurs exécutions, j'ai dû enfin consentir avant-hier à m'embarquer sur les bâtiments qui m'ont été destinés, vu l'alternative qui m'en a été annoncée au cas que je l'eusse refusé, ainsi que v. e. le verra dans la copie ci-jointe de la note que m. Bédoire m'est venu lire et que je lui ai fait signer après bien des difficultés. J'ajouterai que les ministres des cours de Danemark et de Vienne, surtout ce dernier, se sont prêtés à ma recquisition de porter au sénateur comte de Duben ma protestation contre la manière dont on agissait à mon égard. Le comte de Stadion y a joint la sienne par écrit. Des ports de la Baltique où j'aurais pu me rendre on a exclu Copenhague, en me laissant le choix depuis Réval jusqu'à Lubeck. C'est ce dernier que j'ai choisi".

Разумовскій выѣхалъ изъ Стокгольма 1-го Августа стараго стиля. Кромѣ приготовленной для него яхты, шведскимъ правительствомъ зафрахтованы были еще подъ людей и багажъ его два купеческихъ корабля. Восемь дней задерживали въ шхерахъ противные вѣтры и штили маленькую эскадру эту. Едва выступили корабли въ открытое море, какъ разразилась буря, заставившая ихъ зайти въ Визби на островѣ Готландѣ. Одинъ изъ кораблей, во время плаванія, отдѣлился отъ эскадры. Три дня стояла эскадра въ Визби, и графъ Андрей Кириловичъ, отъ нечего дѣлать, сталъ гулять по городу, разспрашивая жителей о состояніи и оборонительныхъ средствахъ острова. Разспросы эти породили неудовольствіе въ народонаселеніи, и горожане пожаловались властямъ. Разумовскому былъ предложенъ, во избѣжаніе непріятностей, артиллерійскій офицеръ въ провожатые, но онъ отвѣчалъ, что скорѣе подвергнется насилію, чѣмъ согласится ходить съ кон-

воемъ. Въ то же время онъ выразилъ желаніе предпринять поѣздку внутрь острова, для обозрѣнія его. Жители Визби открыто этому воспротивились, и начальство готландское напомнило маіору Дюбордьё (DuBordieu), командиру яхты, на которой ѣхалъ Разумовскій, что пора ему продолжать плаваніе. Дѣло дошло до безпорядковъ. Въ городѣ вообразили, что корабли русскіе, пришедшіе съ скрытою цѣлью, овладѣютъ островомъ. У дверей квартиры, въ которую высадился Разумовскій, собралась толпа, вооруженная старымъ заржавленнымъ оружіемъ. Народъ кричалъ: „да здравствуетъ король Густавъ!“ За кликами этими послѣдовали ругательства, которыхъ Разумовскій не могъ понять. На другой день, сопровождавшій Андрея Кириловича маіоръ фонъ-Бордіенъ объявилъ ему, что онъ намѣренъ требовать удовлетворенія отъ властей за ночной мятежъ. „Вы можете дѣлать, что вамъ угодно отъ вашего имени“, отвѣчалъ Разумовскій, „но прошу васъ не поминать обо мнѣ. Я вовсе не считаю себя обиженнымъ тѣмъ, что у дверей моей квартиры народъ кричалъ ура вашему королю, махая при этомъ старыми мечами. Прошу васъ только замѣтить здѣшнему магистрату, что поведеніе жителей, до того опасающихся нападенія со стороны Россіи, даетъ представителю ея весьма плохое понятіе о мѣстной полиціи и о томъ порядкѣ, который существуетъ на островѣ“. Зачинщики безпорядковъ были немедля наказаны. Послѣ трехъ дней штиля, новая буря захватила эскадру Разумовскаго и занесла ее къ берегамъ Швеціи въ Карлсгамъ, городъ провинціи Блекинге. Хотя русскій посланникъ съ юности привыкъ къ морю, однако, благодаря волненію, а еще болѣе плохому устройству яхты, онъ ужасно страдалъ, но еще болѣе страдали его люди. Достигнувъ Карлсгама, Разумовскій заявилъ маіору фонъ-Бордіену, что далѣе моремъ онъ ѣхать не желаетъ. Карлсгамъ находился въ 24 часахъ ѣзды отъ Зунда. Андрей Кириловичъ требовалъ, чтобы его сухимъ путемъ доставили до береговъ Зунда, откуда намѣревался онъ моремъ доплыть до Копенгагена, при этомъ онъ предлагалъ маіору ему сопутствовать, обѣщаясь нигдѣ дорогою не останавливаться. Говорилъ онъ, какъ власть имущій, но Бордіенъ объявилъ, что самъ отъ себя согласиться на такое предложеніе не можетъ, однако, обѣщалъ отправить курьера въ Карлскрону, находившуюся въ 6 миляхъ отъ ихъ стоянки, къ губернатору графу Эренсверду. Въ отвѣтъ на донесеніе Бордіена, графъ Эренсвердъ отправилъ въ Карлсгамъ своего адъютанта, полковника Кронштета. Полковникъ явился къ Разумовскому и объявилъ ему, что губернаторъ не можетъ согласиться на просьбу бывшаго русскаго посланника иначе, какъ отправивъ сперва нарочнаго въ сенатъ, который, въ свою очередь, долженъ испросить королевскаго разрѣшенія. При этомъ Кронштету поручено было заявить, что если графу не угодно продолжать путе-

шествіе на яхтѣ, то графъ Эренсвердъ предлагаетъ ему пересѣсть, для дальнѣйшаго плаванія, на 44-хъ-пушечный шведскій корабль. На это Андрей Кириловичъ иронически отвѣчалъ, что крайне обязанъ графу Эренсверду за его любезное предложеніе, которое вполнѣ умѣетъ цѣнить, такъ какъ ему извѣстно, что предлагаемый фрегатъ единственный, оставшійся для обороны шведскихъ береговъ, но что съ его стороны было бы крайне неделикатно имъ воспользоваться и лишить прибрежныхъ жителей этой могущественной и притомъ единственной обороны. Дальнѣйшихъ своихъ намѣреній Разумовскій не счелъ нужнымъ повѣрять Кронштету. Шведъ уѣхалъ обратно, а Андрей Кириловичъ объявилъ своему маіору, что пересядетъ съ яхты на сопровождавшее его купеческое судно. По шведскимъ свѣдѣніямъ Разумовскій велъ себя въ Карлсгамѣ осторожнѣе, чѣмъ въ Визби. Со стороны жителей встрѣтилъ онъ болѣе учтивое обращеніе. Онъ жилъ неподалеку отъ пристани въ лоцманскомъ домѣ. Только разъ ходилъ онъ прогуляться по городу, магистратъ котораго предложилъ ему даже угощеніе. Это приписывали тому, что бургомистръ Карлсгамскій происходилъ отъ семьи, издавна преданной партіи шапокъ [1]). Довольно долго пришлось ждать попутнаго вѣтра, и послѣ 8-ми дней, проведенныхъ на скалѣ въ хижинѣ лоцмана, Разумовскій, наконецъ, перебрался на купеческое судно и черезъ два дня высадился въ Травемюнде [2]).

Поведеніемъ графа Андрея Екатерина осталась очень довольна. Надменный, чтобы не сказать дерзкій, образъ его дѣйствій въ ту минуту, когда положеніе Россіи было самое критическое, вводилъ Европу въ заблужденіе и, какъ нельзя болѣе, согласовался съ планами Государыни. Она съ заботливостью слѣдила за продолжительною Одиссеею своего министра. „Недавно король шведскій", писала она къ сыну своему отъ 25 Августа, „послалъ моему посланнику въ Стокгольмѣ неподписанную ноту, объявляя ему, что велитъ признать его плѣннымъ, если онъ не сядетъ на шведскій корабль, чтобы отправиться въ Любекъ. Послѣ этой ноты, тотъ видѣлъ себя вынужденнымъ сѣсть на означенный корабль и Богъ вѣсть еще, что случилось съ нимъ въ дорогѣ, ибо какая же была необходимость отправить его на шведскомъ кораблѣ? Наконецъ все это доказываетъ, что продавъ туркамъ свои сухопутныя и морскія силы, король шведскій отъ нихъ же заимствовалъ свои обычаи" [3]). „Я всегда говорила, qu'il en veut à lui, онъ хотѣлъ его утопить" замѣчала Императрица Храповицкому, узнавъ о Карлсгамскихъ приключеніяхъ Разумовскаго [4]). За то въ кол-

[1]) Русскій Архивъ, 1869, 114.

[2]) Депеша Разумовскаго изъ Гамбурга.

[3]) Сборникъ историческаго общества, XV, 152.

[4]) Записки Храповицкаго, 148—149.

легіи иностранныхъ дѣлъ не всѣ раздѣляли мнѣніе Екатерины, касательно образа дѣйствій Разумовскаго. Недальновидный и трусливый Остерманъ, а вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько дипломатовъ старой школы, предпочитали твердому слову мелкое крючкотворство и не могли понять, что въ извѣстную минуту твердый шагъ часто рѣшаетъ судьбу войны. Они находили поведеніе Разумовскаго рискованнымъ и осуждали несоблюденіе нѣкоторыхъ формъ учтивости. „Они воображаютъ себѣ“, писалъ къ графу Андрею Морковъ, „что соблюденіе извѣстныхъ формъ и слащавыя слова могутъ измѣнить разъ принятое рѣшеніе. За то остальные члены коллегіи отдаютъ полную справедливость вашей твердости и бдительности. При первой возможности вы получите хорошее мѣсто. Теперь уже можно разсчитывать на два свободныхъ поста въ Туринѣ и Лиссабонѣ, но вами слишкомъ дорожатъ, чтобы предложить вамъ что либо подобное. До тѣхъ поръ, пока не представится мѣсто, вполнѣ достойное вашихъ способностей и знанія, положено продолжать вамъ выдачу вашего жалованія; однако, поговариваютъ о сокращеніи столовыхъ денегъ. Съ моей стороны будетъ приложено все стараніе, чтобы деньги эти за вами остались въ видѣ вознагражденія за понесенныя вами потери при быстромъ выѣздѣ изъ Стокгольма. Болѣе этого едва ли что получите. Вы знаете, каково наше теперешнее положеніе и какъ мы должны дорожить каждою копѣйкою.

„Если до окончанія войны съ Швеціею не очистится вамъ мѣста, то есть предположеніе отправить васъ снова въ Стокгольмъ, хотя бы на самое короткое время. Предполагаютъ, что того требовать будетъ достоинство двора нашего. Неизвѣстно еще когда и какъ состоится миръ. Если будетъ конгрессъ, то для васъ откроется вполнѣ достойная васъ обязанность. Когда наступитъ время, можете вполнѣ на меня разсчитывать. Покамѣсть не вижу, что бы могло помѣшать вашему путешествію въ Москву для свиданія съ родными. Не забудьте, однако, заблаговременно извѣстить о томъ дворъ нашъ, чтобы все было въ порядкѣ. Уже изъ Москвы вы можете просить о разрѣшеніи пріѣхать сюда. Къ крайнему сожалѣнію долженъ предупредить васъ, что къ тому еще представляются нѣкоторыя затрудненія. Впрочемъ не вижу, почему не сдѣлать попытки. Не знаю, будетъ ли вице-канцлеръ отвѣчать вамъ относительно переписки вашей съ Швеціею. Я совѣтую вамъ ее поддерживать и сообщать извѣстія сюда. Старайтесь занимать собою дворъ нашъ и пишите, коль скоро у васъ будетъ достаточный матеріалъ, это вамъ только можетъ послужить въ будущемъ. О дѣлахъ политическихъ вамъ не говорю, вы все узнаете въ Вѣнѣ отъ посла нашего князя Голицына и отъ князя Кауница, который, я знаю, васъ очень любитъ“.

Въ Гамбургѣ Разумовскій оставался довольно долго; онъ поджи-

далъ отставшій отъ него, во время плаванія, купеческій корабль, на которомъ нагружено было все его имущество. Корабль шелъ изъ Стокгольма около семи недѣль. Разумовскій воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы, по совѣту Моркова, занять собою с.-петербургскій дворъ. Онъ изъ Гамбурга отправилъ длинную депешу, въ которой описывалъ состояніе Швеціи.

„Ce pays gémit", писалъ онъ, „sous une administration arbitraire et vicieuse, dirigée par les caprices du souverain et l'incapacité de ses favoris. Ses maux viennent d'être portés à leur comble par une guerre entreprise au grè d'une ambition frivole et déréglée; la constitution est enfreinte, les ressources publiques épuisées... dans l'avenir il y a la ruine du pays et l'asservissement de la nation... Je pense qu'en opposant au roi la corruption seule, comme nous avions coutume de faire par le passé... le parti qu'elle nous procurerait serait toujours faible et sans consistance... C'est le succès de nos armes qui doit assurer celui de notre politique. Intimidée par nos progrès, séduite par le sacrifice que nous ferions à la promesse de consolider une forme nouvelle de gouvernement, la nation entière se réunirait pour y concourir... Il en résulterait l'affaiblissement de l'influence française, cette véritable vermine, si j'ose me servir de ce terme, puisqu'elle se glisse dans tous les rangs et sans la destruction de laquelle nous ne verrons jamais ce royaume adopter une politique conforme aux liens qui devraient assurer la paix du Nord... Dans toutes mes relations... j'ai tâché de faire adopter aux Suèdois l'opinion qu'il ne faut ni parti russe, ni parti français, mais un seul parti—celui de la nation et que sa base soit son propre bonheur à l'ombre de la paix avec ses voisins" [1]).

ГЛАВА VI.

Женитьба. — Путешествіе въ Россію. — Жизнь въ Петербургѣ. — Назначеніе въ Вѣну. — Соперничество съ княземъ Голицынымъ.

Въ концѣ Сентября Разумовскій выѣхалъ изъ Гамбурга. Онъ направился черезъ Берлинъ, гдѣ представлялся королю, на Вѣну. „На прошлой недѣлѣ", доносилъ Остерману посолъ нашъ князь Д. М. Го-

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 7 (18) Сентября.

лицынъ, отъ 28 Октября 1788 года, „прибылъ сюда находившійся при шведскомъ дворѣ чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ графъ Разумовскій, и вскорѣ потомъ сочетался бракомъ съ одной изъ дочерей императорскаго королевскаго тайнаго совѣтника, графа Туна“.

Немедля послѣ свадьбы графъ Андрей Кириловичъ собрался ѣхать въ Москву для свиданія съ отцемъ, котораго не видалъ уже одиннадцать лѣтъ. Плохое здоровье молодой графини заставило, его однако, отложить путешествіе это до весны.

„Je n'ose pas espérer“, писалъ онъ изъ Вѣны отъ первыхъ чиселъ Января 1789 года къ графу Безбородкѣ, „pouvoir être de quelque utilité à v. ex. dans ce pays-ci, qu'elle permette au moins de lui temoigner la disposition d'empressement que je professe à cet égard“.

Весною 1789 года молодые отправились въ Россію. Они были торжественно и радушно встрѣчены старикомъ фельдмаршаломъ въ любимомъ имъ Петровскомъ-Разумовскомъ. Молодая графиня, получившая въ Россіи оффиціальное названіе Елизаветы Осиповны, была поражена роскошью и великолѣпіемъ обстановки, среди которой, съ распростертыми объятіями, встрѣтилъ ее свекоръ, котораго она, судя по разсказамъ мужа, немного побаивалась. Вскорѣ весь Петровскій домъ, начиная съ графа Кирилы Григорьевича, былъ у ногъ графини. Своею предупредительностью, любезностью, веселостью она вскружила головы не только всѣмъ жителямъ Петровскаго-Разумовскаго, но и всѣмъ москвичамъ. Старикъ-фельдмаршалъ съ гордостью представилъ Москвѣ любимую свою невѣстку и не могъ нарадоваться ея успѣхами.

Но Андрею Кириловичу не жилось въ древней столицѣ. Ему хотѣлось побывать въ Петербургѣ, куда, въ продолженіи тринадцати лѣтъ, запертъ былъ ему доступъ. „J'aime à me flatter“, писалъ онъ изъ Москвы, отъ 6 Іюля, къ графу А. А. Безбородкѣ, „que mes loisirs ne tiennent qu'aux circonstances et qu'elles me mettront bientôt à même de consacrer derechef mon temps et mon zèle à la gloire de servir ma Souveraine... La santé de ma femme ne me permet point de me laisser prendre par la rigueur de nos hivers... Après bien des années, j'ai revu ma patrie, j'ai passé quelques instants au sein de ma famille. A tant de satisfaction, je le sens vivement il en manque une qui y aurait mis le comble, celle de porter aux pieds de ma Souveraine l'hommage de mon respectueux dévouement. Le regret en est empreint dans mon âme“. Наконецъ Екатерина положила гнѣвъ на милость, и Разумовскому, вмѣстѣ съ женою, дозволено было пріѣхать въ Петербургъ. „Графу Андрею Кириловичу Разумовскому“, извѣщалъ Завадовскій графа С. Р. Воронцова, отъ 7 Октября 1789 г.,

„позволили сюда пріѣхать. Я его нахожу человѣкомъ большихъ способностей. Проученъ будучи, онъ другой теперь человѣкъ“ [1]).

Графъ Кирила Григорьевичъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстій отъ любимаго сына, его озабочивалъ пріемъ, который ему сдѣлаютъ при дворѣ, а главное онъ опасался нѣсколько свиданія съ наслѣдникомъ престола. „Графъ Матюшкинъ сказывалъ“, писалъ отецъ къ сыну, отъ 10 Сентября 1789 года, „что вы были представлены въ Александровъ день въ вечеру, хотя было и положено быть сему поутру. Отъ графа И. Г. Чернышева тоже получилъ письмо, которымъ меня увѣдомляетъ, что вы были представлены и представленіемъ довольны. Слава Богу! Дай мнѣ знать, какъ съ тобою обходится Великій Князь и куда тебя прочатъ, т.-е. къ какой державѣ и долго-ль въ Петербургѣ останешься?“ [2]). „Я зналъ нѣсколько“, писалъ далѣе старикъ-графъ [3]), „что ты принялъ намѣреніе подолѣе въ С.-Петербургѣ остаться... Коли не гонятъ, то и нѣтъ надобности удаляться изъ такого мѣста, откуда выѣзжаютъ, вѣдая всегда свою хорошую-ль или дурную судьбу, а ты-бъ уѣхалъ, не зная никакой, то и я съ пріятелями нашими согласенъ, чтобъ не спѣшить, если того не потребуютъ обстоятельства. Если бы тебя куда и послать вздумали, то всегда лучше на мѣстѣ взять наставленія, нежели однѣ только письменныя. Въ избранныя приватныя Е. В. общества не дѣлай дальныхъ искательствъ, дабы иногда не сочли нахальнымъ... Хорошо, что ты Потемкину писалъ, а еще лучше, если онъ самъ пріѣдетъ и тебя въ столицѣ застанетъ, а и всего лучше, если и сотворитъ по желанію твоему, чего отъ всего сердца моего желаю... Кажется, что Завадовскій и Морковъ могутъ тебѣ пособіемъ быть по связи съ Безбородкою. Не могу умолчать, сколь мнѣ пріятно обхожденіе милостивое Е. В. съ вами. Но нахожу за благо дать тебѣ знать, чтобъ поступать сколь возможно умѣреннѣе въ сихъ обхожденіяхъ, дабы иногда, хотя неповиннымъ образомъ, не навлечь на себя какого-либо непріятнаго и репутаціи твоей вреднаго поступка, тѣмъ болѣе, что публика на ваше положеніе глаза пялитъ и примѣчаетъ. Въ доказательство сего и графъ Иванъ Григорьевичъ, въ послѣднемъ его письмѣ ко мнѣ, написалъ сіи слова: „Графа Андрея ИИ. ВВ., а особенно онъ весьма милостиво принимаетъ, не сдѣлало бы вреда“. Если бы [4]). Только что сей надежный пріятель примѣчаетъ, то не бѣда; но вотъ бѣда, когда другіе, не столь благомыслящіе и любящіе тебя какъ онъ, разсуж-

1) Архивъ кн. Воронцова, XII, 65.

2) См. т. I, 403.

3) Отъ 19 Октября того же года.

4) Точки въ подлинникѣ.

дать вдоль и поперегъ станутъ и станутъ дѣлать такія разсужденія и заключенія, въ которыхъ ни хвоста, ни головы не найдешь. At sapienti sat".

Между тѣмъ, молодые Разумовскіе весело жили въ Петербургѣ, объѣзжали окрестности и посѣтили даже Гостилицы, любимую подъпетербургскую дачу фельдмаршала. Старикъ велъ съ ними дѣятельную переписку, въ письмахъ къ сыну безпрестанно поминалъ онъ о любимой своей Елизаветѣ и посылалъ ей даже, хотя и изрѣдка, на подарки былъ онъ вообще скупенекъ, гостинцы, между прочимъ, соболью муфточку „отъ сердца желая, чтобы она ее употребляла съ пользою и удовольствіемъ на нѣжныхъ рукахъ".

Здоровьемъ своимъ молодая графиня похвалиться не могла, къ тому же несчастная беременность сильно истощила ея уже и безъ того ослабшія силы. Однако, какъ кровная Вѣнка, она превозмогала свою немочь и являлась при дворѣ и въ свѣтѣ. Въ это время графъ Андрей Кириловичъ вступилъ во владѣніе доставшимися ему, по раздѣлу отъ отца, деревнями и, съ помощью послѣдняго, занялся отправкою къ старому пріятелю своему королю неаполитанскому гончихъ и борзыхъ собакъ. Мы видѣли въ первомъ томѣ, съ какою охотою взялся за дѣло это графъ Кирила Григорьевичъ. Среди баловъ, вечеровъ и всякихъ другихъ праздниковъ незамѣтно пролетѣлъ годъ. Политическія дѣла наши были еще въ критическомъ положеніи. На югѣ Очаковъ все еще держался, на сѣверѣ война продолжалась и, несмотря на бунтъ, вспыхнувшій среди шведскихъ войскъ въ Финляндіи, несмотря на высадку датчанъ въ Швеціи, съ перемѣннымъ для насъ счастіемъ. Сила воли и геніальность Екатерины поддерживали ее въ трудныхъ обстоятельствахъ, но новый и нежданный ударъ внезапно поразилъ ее. Вѣрный ея другъ и союзникъ, Іосифъ II, скончался. Вся политика Австріи внезапно измѣнялась. Среди вѣнскаго двора и разнородныхъ племенъ, составлявшихъ имперію Габсбурговъ, образъ мыслей покойнаго императора, его реформы и политика находили мало сочувствія. Наслѣдникъ Іосифа, Леопольдъ II, вступилъ на престолъ въ трудное время. Вездѣ царствовало недовольство, доходившее на окраинахъ имперіи до открытаго мятежа. Англія и Пруссія разжигали возмущенія, а послѣдняя, заключивъ союзъ съ Портою Оттоманскою и стараясь поднять Польшу, выдвигала войска свои къ австрійскимъ границамъ. Австріи угрожала новая война. Финансы были истощены, войско въ плачевномъ состояніи. Нечѣмъ было продолжать военныя дѣйствія противъ Турціи, не только что думать о новомъ осложненіи обстоятельствъ на сѣверѣ. Внутреннее состояніе государства требовало немедленнаго и притомъ, усидчиваго труда. При такихъ условіяхъ Леопольду, волею-неволею, приходилось мириться

съ сильными врагами и бросить на произволъ судьбы старую союзницу, Россію. Рейхенбахскій конгрессъ, при содѣйствіи Англіи и Голландіи, примирилъ на время враждебныя германскія державы, а Систовскій миръ, на основаніи statu quo ante bellum, прекратилъ кровопролитіе со стороны Турціи. Екатеринѣ приходилось теперь бороться одной, при сильнѣйшемъ, чѣмъ когда-либо, недоброжелательствѣ Англіи и Пруссіи и притомъ одновременно на сѣверѣ и на югѣ. Но въ трудныхъ, какъ и въ счастливыхъ обстоятельствахъ, присутствіе духа ее не покидало, счастье не ослѣпляло ее, въ несчастіи она непоколебимо вѣрила въ будущность Россіи и не теряла головы. Съ Швеціею она вскорѣ покончила дѣло. Верельскій миръ доказалъ Европѣ, что деньги бѣдной Швеціи были растрачены втунѣ, и кровь лучшихъ сыновъ ея лилась понапрасну. Но теперь въ Вѣнѣ приходилось бороться съ новыми враждебными Россіи вліяніями. Сношенія, еще такъ недавно дружественныя и прямыя, теперь усложнились. Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ старому послу князю Дмитрію Михайловичу Голицыну не вполнѣ довѣряли. Его считали уже слишкомъ старымъ (Голицыну было тогда около 70 лѣтъ) и находили, что онъ не довольно стойко противился сближенію Австріи съ Пруссіею. Особенно недоволенъ былъ Голицынымъ Потемкинъ. Онъ давно совѣтовалъ Государынѣ смѣнить стараго посла и, не полагаясь на его сообщенія, сталъ подсылать въ Вѣну, изъ-подъ Очакова, своихъ собственныхъ агентовъ.

„Въ Вѣнѣ смѣнить посла не нахожу нужды", отвѣчала ему Екатерина, отъ 8 Апрѣля 1790, „ибо дѣла здѣсь дѣлать можно съ ихъ посломъ. Князь Голицынъ тамъ пріятенъ, а ежели при немъ кого нужно послать, то развѣ графа Андрея Разумовскаго". „Я къ тебѣ писала", сообщала Потемкину Государыня, отъ 14 Мая, „что ловчѣе всего Андрея Разумовскаго туда послать. Жена его Вѣнка, и онъ тамъ связи имѣетъ, не глупъ и молодость уже улеглась, et il paraît plus prudent, обжегся много, даже до того, что оплѣшивѣлъ" [1]).

Отецъ съ восторгомъ узналъ о назначеніи сына. „Двоякая тебѣ пріятность", писалъ онъ къ нему, „знатность мѣста, постоянство онаго и что въ немъ много знакомыхъ и почти другая для тебя фамилія, а для Елизаветы твоей несказанная выгода, по любви ея къ своимъ; она-то по пословицѣ и дома и замужемъ" [2]). Одно только смущало Кирила Григорьевича, а вмѣстѣ и многочисленныхъ князей Голицыныхъ московскихъ и петербургскихъ, именно отношенія, въ которыхъ будетъ находиться Андрей Кириловичъ къ старому послу въ

[1]) Русская Старина, XVII, 415.

[2]) См. Т. I. 432.

Вѣнѣ. „Сіе зависѣть будетъ отъ тебя“, писалъ отецъ, и „твоихъ съ нимъ поступковъ, которые, не сомнѣваюсь, вѣдая твое душевное расположеніе не на оскорбленіе ближнему, будутъ таковы, что загладятъ причиняемое, противу намѣренія твоего, смущеніе и обратятъ на желаемое спокойствіе духа“ [1]). Рескриптомъ, отъ 30 Сентября 1790 года, графъ Андрей Кириловичъ назначенъ былъ министромъ къ королю Венгеро-Богемскому, тогда какъ Голицынъ былъ посломъ при Императорѣ. Этою тонкостью надѣялись оградить оскорбленное честолюбіе стараго посла. „Въ разсужденіи многихъ заботъ и трудовъ,“ сказано было въ рескриптѣ къ Разумовскому, „съ которыми миссія вѣнская по нынѣшнимъ обстоятельствамъ сопряжена, признали мы за благо отправить васъ, въ качествѣ нашего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра ко двору Е. В., короля Венгеро-Богемскаго, въ помощь обрѣтающемуся издавна тамъ нашему д. т. с. и чрезвычайному и полномочному послу, князю Голицыну... Согласно съ увѣреніями дружбы нашей къ Императору и въ полной мѣрѣ онымъ соотвѣтствующими предписаніями, учиненными отъ насъ помянутому послу нашему князю Голицыну, и вамъ уже большею частью извѣстными, имѣете вы распоряжать свое поведеніе и свои подвиги, присвоивая себѣ, во всѣхъ случаяхъ, самыя оныя предписанія и дѣйствуя между собою вездѣ и при всякомъ дѣлѣ, до службы нашей касающагося, съ совершенною и неограниченною откровенностію и съ одинаковымъ усердіемъ, слѣдовательно же, стараясь единодушно и общими силами соотвѣтствовать наилучше Монаршему нашему довѣрію къ вамъ обоимъ. Донесеніе ваше къ намъ и министерству нашему оставляется на обоюдное ваше благоусмотрѣніе составлять и отправлять вообще или порознь. На сей послѣдній случай назначается, въ точное и особенное ваше вѣдомство, принадлежащій къ Вѣнской миссіи кол. асс. Клюпфельдъ и притомъ препоручаются вамъ обыкновенные циферные ключи... Краткость данныхъ вамъ наставленій, при отправленіи къ предстоящему вамъ важному служенію, должна вамъ служить новымъ доводомъ той довѣренности, каковую мы возлагаемъ на усердіе ваше къ службѣ нашей и на благоразуміе и дарованія ваши, и ожидая соотвѣтственныхъ оной плодовъ, пребываемъ, и проч.“

Однако отправленіемъ Разумовскаго не спѣшили. Государыня желала, чтобы онъ присутствовалъ при торжествахъ, учреждаемыхъ по случаю мира со Швеціею. Потомъ рѣшено было, чтобы онъ дождался въ Петербургѣ пріѣзда князя Потемкина. Прошло еще полгода; Екатерина, благосклонно принявшая Разумовскаго при пріѣздѣ, стала теперь еще къ нему милостивѣе и допустила его, наконецъ, въ Эрми-

[1]) Тамъ же.

тажныя собранія, куда, какъ видно изъ писемъ графа Кирилы Григорьевича, уже давно хотѣлось Андрею Кириловичу попасть. „Понимаю я“, писалъ къ нему, отъ 28 Октября 1790 г., отецъ, „сколько пріятно тебѣ милостивое Е. В. дозволеніе быть участникомъ въ ея обществѣ; поминая прошедшіе дни, которые имѣю въ незабвенной памяти пріятнаго сего общества, крайне сожалѣю, что состояніе моего дурнаго здравія лишаетъ меня сего счастія“ [1]).

Весною стали доходить до Петербурга тревожные слухи изъ Вѣны. Сношенія между Австрійскимъ дворомъ и Берлиномъ принимали слишкомъ дружескій характеръ. Поговаривали о пріѣздѣ въ Вѣну любимца короля Фридриха-Вильгельма II, генерала Бишофсвердера, съ предложеніемъ союза, который долженъ былъ состояться помимо Россіи. Какой отвѣтъ получилъ Бишофсвердеръ, было еще неизвѣстно, но знали, что его приняли милостиво и отпустили съ подаркомъ. Болѣе чѣмъ когда либо, нужно было въ Вѣнѣ зоркое око. Вслѣдствіе этого, Разумовскому приказано было готовиться къ отъѣзду. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1791 года прибылъ въ Петербургъ Потемкинъ. Онъ дружески принялъ Разумовскаго и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ о дѣлахъ политическихъ. „Князь у васъ силенъ и всемогущъ“, писалъ по этому случаю къ сыну графъ Кирила Григорьевичъ; „что онъ съ тобою ласково обходится, то хорошо, что ко мнѣ о его дружбѣ и преданности говоритъ, и то не дурно, но все сіе есть монета придворная и весьма легковѣсная, на которую и полагаться нельзя [2])“.

„Настоящее положеніе дѣлъ, сказано было въ высочайшемъ рескриптѣ на имя Разумовскаго, отъ 30 Апрѣля 1791 г. „взыскиваетъ присутствіе ваше при постѣ, вамъ ввѣренномъ, вслѣдствіе чего повелѣваемъ вамъ къ оному отправиться немедленно“. Андрею Кириловичу положено было жалованье министра втораго разряда, и на подъемъ назначалось 5,000 рублей. Передъ самымъ отъѣздомъ Государыня послала въ подарокъ графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Разумовской брилліантовый букетъ.

„La dernière marque de bienveillance que V. M. I. a daigné me donner“, гласитъ благодарственное письмо графини, „en mettant le comble aux bontés dont elle a bien voulu m'honorer pendant mon séjour ici, m'encourage à lui adresser à elle-même l'expression des sentiments, dont mon cœur est pénétré depuis l'instant que j'ai eu le bonheur de la connaitre assez pour l'aimer autant, que je l'ai toujours admirée. J'avoue qu'en prenant la plume j'ai été effrayée de l'idée d'écrire à une Impératrice, mais j'ai jeté les yeux sur ce bouquet dont l'éclât m'éblouit, et me souvenant du simple nom de bouquet qu'elle

[1]) Т. I. 441.
[2]) Т. I. 453.

lui avait donné, je me suis rapellé l'indulgence avec laquelle elle sait si bien se mettre à la portée de ceux que sa grandeur intimide et j'ai repris courage en me disant, que V. M. comprendrait certainement, combien il m'est doux de profiter de l'occasion de lui dire que je bénis tous les jours mon heureuse étoile de m'avoir donné une nouvelle patrie, que mon cœur aurait certainement choisie, si on l'avait consulté et où en suivant mon gout pour les fleurs, il m'était reservé de me convaincre de l'existance de celle qu'on apelle immortelle. Pleine de confiance dans la bonté de V. M. I. j'espère qu'elle me pardonnera d'ajouter encore la prière de me permettre de partir d'ici avec l'espoir de revenir me mettre à ses pieds“ [1]).

Разумовскій до Вѣны ѣхалъ очень тихо. Здоровье жены задержало его въ Москвѣ гораздо долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Изъ Москвы онъ ѣхалъ черезъ Кіевъ и въ Іюлѣ извѣстилъ Остермана о прибытіи на мѣсто служенія:

„Mes liaisons dans ce pays-ci“, писалъ онъ, „le pied de familiarité sur lequel je suis habitué d'y vivre, surtout les bontés particulières que m'a toujours témoignées m. le prince de Kaunitz m'ont paru devoir me dispenser des formalitées d'usage au premier moment d'installation dans mon nouveau poste. Après m'être abouché avec m. l'ambassadeur prince de Galitsine, je me suis rendu chez le prince de Kaunitz, qui avait déjà eu l'attention d'envoyer me faire compliment sur mon arrivée. Ce ministre m'a reçu avec le ton d'amitié et de cordialité auquel j'ai été accoutumé de sa part“.

Князь Голицынъ съ крайнимъ неудовольствіемъ ожидалъ пріѣзда своего нежеланнаго помощника и заранѣе готовъ былъ осуждать каждый шагъ его. Не даромъ въ Москвѣ и Петербургѣ смущались его свойственники, узнавъ о назначеніи Разумовскаго въ Вѣну. Едва успѣлъ пріѣхать графъ Андрей, какъ уже въ Петербургъ полетѣла отъ князя депеша:

„Dans l'après-diner du dimanche“, писалъ князь Голицынъ къ Остерману отъ 19 (30) Іюля 1791, „m. le comte Rasoumovsky m'envoya un officier de sa suite pour m'annoncer son arrivée à Vienne et qu'il viendrait me voir. Je lui fis dire que je l'attendrai jusqu'à 6 heures du soir, devant partir alors pour la campagne du grand-maitre de la cour prince du Stahremberg à qui j'avais à parler. Il ne vint pas, mais fût me trouver seul le lendemain matin, à mon pavillon du Prater où je donnais ce jour-là, à une nombreuse compagnie d'hommes et de femmes, un déjeuner, auquel je l'avais fait prier en même temps avec la comtesse son épouse. Les premiers compliments passés, il me

[1]) Московскій архивъ мин. иностр. дѣлъ.

communiqua son intention de s'accréditer d'abord dans sa nouvelle qualité. Je l'approuvais, le mis au fait du cérémonial d'usage en pareil cas et le présentai ensuite tant aux ministres qu'aux ambassadeurs qui se trouvaient chez moi. Depuis je n'ai plus eu l'avantage de voir le comte, ni de le rencontrer nulle part et ce ne fut qu'hier au soir que j'appris du prince de Kaunitz, qu'il avait eu dans la matinée ses premières audiences de l'empereur et de l'impératrice. Je laisse qu'il en rende compte lui-même à v. e. et je ne fais, m. le comte, ce récit que dans l'unique vue de m'acquitter d'un devoir d'office en vous rapportant comme à mon chef la chose telle qu'elle s'est passée". Копію съ депеши этой старый князь сообщилъ и графу Безбородкѣ при слѣдующихъ словахъ: „Je vous fais, m. le comte, cette communication particulière par une suite de ma confiance en vos bontés pour moi et je supplie v. e. de se persuader qu'aucune vue d'animosité n'entre dans mon procédé et que je ne songe pas à susciter des affaires au comte Rasoumovsky, mais je crois le devoir à moi-même de me mettre, en rapportant la simple et pure vérité des faits, à couvert contre toute accusation ou inculpation quelconque". Разумѣется „чистая и простая правда", подъ перомъ графа Андрея Кириловича облекалась въ совершенно иную форму. Близкое знакомство съ высшимъ обществомъ, старинная дружба съ княземъ Кауницомъ, извѣстность, которою онъ пользовался въ Вѣнѣ, давали ему, по мнѣнію его, право, пренебрегать нѣкоторыми пустыми формальностями. Князь Голицынъ этого не простилъ своему сопернику, а Разумовскій жаловался на то, что посла нѣтъ возможности застать дома, что онъ постоянно живетъ на своей дачѣ въ Предихштулѣ, въ окрестностяхъ Вѣны, что онъ скрываетъ отъ товарища политическія извѣстія, не сообщаетъ депеши полученныя изъ Петербурга и вообще всячески выражаетъ свое нерасположеніе. Андрей Кириловичъ увѣрялъ даже, что Голицынъ умышленно не сообщилъ ему какую-то подробность этикета, изъ-за несоблюденія которой вице-канцлеръ князь Коллоредо очень обидѣлся.

„La première fois que je prends la plume pour écrire à v. e.", писалъ Разумовскій къ графу Безбородкѣ отъ 2 Августа, „je souffre de me voir dans la nécessité de l'entretenir des circonstances dont je pressentais le désagrément en quittant Pétersbourg, mais dont je ne pensais pas avoir à me plaindre si tôt. Je me suis rendu ici pénétré du désir de concourir avec m. l'ambassadeur prince Galitsine à tout ce qui pouvait exiger de nous le bien du service de S. M. I. A cet effet je n'ai rien oublié pour captiver son esprit et le guérir des ombrages qu'il avait conçu et manifesté avec animosité contre moi. Dans mes premières entrevues j'ai employé tout ce que la candeur de mes sentiments et la pûreté de mes intentions pouvaient me dicter.

Je l'ai trouvé hérissé de soupçons et de défiance non seulement contre moi, mais contre ceux qu'il croit avoir coopéré avec moi à le supplanter. J'ai crû d'abord que c'était le résultât d'un calcul faux dans un esprit mal disposé, sa conduite journalière m'a convaincu du contraire... Je n'ai pas pu parvenir jusqu'à présent à faire lire à m. l'ambassadeur les papiers de mon expédition et cela parcequ'il se refuse à me communiquer ceux qui lui sont parvenus depuis mon départ de Pétersbourg. Une relation oiseuse qu'il a coutume de faire chaque semaine et qu'à son invitation j'ai signée jusqu'ici, est la seule partie de sa correspondance que j'ai pu voir. Aucun renseignement, aucune notion sur la manière de traiter les affaires et quand je le lui ai demandé, il m'a repondu net que nous avions l'un et l'autre la liberté d'écrire en particulier et qu'il n'était point tenu à me faire part de ce qu'il mandait à la cour, ni de ces moyens d'information".

Голицыну дѣлали легкія замѣчанія изъ Петербурга, предписывали ему сообщать получаемыя имъ депеши Разумовскому, но вообще старались щадить старика. Посолъ извинялся, и, разумѣется, съ своей стороны съ неменьшею горечью жаловался. Неудовольствія все усиливались. Когда Разумовскій сообщилъ Голицыну о заключеніи Систовскаго мира, тотъ выразилъ полное недовѣріе, а между тѣмъ, тайкомъ отъ сотоварища, отправилъ съ этимъ извѣстіемъ курьера въ Петербургъ. Объ отправкѣ курьеровъ Андрей Кириловичъ узнавалъ за часъ, много за два до ихъ отъѣзда, наконецъ посолъ пересталъ вовсе принимать Андрея Кириловича, такъ что послѣднему не было возможности переговорить съ нимъ о дѣлѣ.

„Assiduité, déférence, soumission, j'employai tout", доносилъ онъ вице-канцлеру. „Les contrariétés et les entraves, qui me traversent ici dans l'exercice de mes devoirs s'accroissent journellement", сообщалъ онъ Безбородкѣ въ Яссы отъ 12 Ноября. „Lorsque j'ai voulu m'expliquer sur les affaires avec m. l'ambassadeur et me concerter sur les démarches à faire en conséquence des dépêches qu'il a reçu et qu'il ne m'a communiqué que longtemps après et parceque cela lui a été nommément prescrit, il m'a dit tout net qu'il n'avait rien à me dire, ni de compte à me rendre, que nos missions étaient séparées et que telle était la teneur de l'oukase qu'on lui avait envoyé à mon sujet. Il ne me parle plus du tout, sa chancellerie m'est fermée et ses employés n'ont jamais mis les pieds chez moi. Je sais positivement d'ailleurs que m. l'ambassadeur a prévenu le ministère contre moi et je m'en apperçois journellement. Cependant je n'ai toujours eu envers lui qu'égards et soumission, j'ai répondu à ses vivacités par la douceur et la persuasion".

Такія отношенія были тѣмъ болѣе Екатеринѣ не по сердцу, что

въ посольствѣ вѣнскомъ и безъ того было не мало безпорядковъ. Агенты князя Потемкина, по большей части искатели приключеній, путались въ дипломатическія дѣла и подъ защитою всемогущаго своего патрона, разъигрывали въ Вѣнѣ роль, которая раздражала не только русскаго посла и коллегію иностранныхъ дѣлъ, но даже подъ часъ досаждала и самой Государынѣ. Одинъ изъ таковыхъ агентовъ, нѣкто Pierre de Ferrieri, дошелъ до того, что велъ переговоры съ самимъ императоромъ и даже отправилъ отъ себя курьера прямо къ Екатеринѣ, которая на реляціи его подписала: „Онъ дѣлаетъ чертовскія дѣла". Отправляя Разумовскаго, Государыня хотѣла пополнить все то, чего года и слишкомъ продолжительное пребываніе въ Вѣнѣ лишили Голицына. Ей нуженъ былъ свѣжій, быстрый и проницательный взглядъ, тонкое ухо, чуткій и вѣрный барометръ, показывавшій малѣйшія измѣненія политической атмосферы. Требовать всего этого отъ полуглухого, полуслѣпого и совершенно онѣмечившагося Голицына было невозможно. Первыми депешами Разумовскаго Екатерина осталась довольна: онъ мѣтко и вѣрно обрисовалъ положеніе Европы и мастерски набросалъ характеристику вѣнскаго двора. Но вмѣсто дальнѣйшихъ извѣщеній пошли споры и сплетни, которые досаждали только Императрицѣ. Черезъ Моркова приказала она графу Андрею не тревожиться неловкостью своего оффиціальнаго положенія и служить двору своему помощью близкаго знакомства съ вѣнскимъ обществомъ и тѣсными связями съ тамошними вліятельными людьми. Голицыну же вторично и уже строже предписано было сообщать Разумовскому извѣстія и депеши и ничего не предпринимать, предварительно съ нимъ не посовѣтовавшись. Въ то же время графу Андрею Кириловичу разрѣшено было отправлять донесенія прямо на высочайшее имя. „Бросьте эту старую злую обезьяну", писалъ къ нему Морковъ, „охота вамъ съ нею спорить и тягаться. Потерпите еще немного, а покамѣсть узнавайте все, что вокругъ васъ дѣлается, о чемъ думаютъ, руководите общественнымъ мнѣніемъ и направляйте его къ тѣмъ цѣлямъ, которыя вамъ отселѣ укажутъ. При строгомъ наблюденіи дипломатическихъ формъ, какъ вы сами знаете, всего этого не достигнешь. Чѣмъ болѣе станете вы отъ этихъ формъ отрѣшаться, тѣмъ легче вамъ будетъ исполнить то, чего отъ васъ требуютъ. Оставьте послу канцелярскую часть и старайтесь руководить мыслію—это дѣло, вполнѣ достойное вашего ума и вашихъ способностей".

Среди этихъ междоусобныхъ войнъ въ посольствѣ, Разумовскій поддерживалъ добрыя отношенія свои съ Потемкинымъ; онъ исполнялъ его политическія и личныя порученія, присылалъ ему вина, пріискивалъ музыку для его оркестра и, въ то же время, тайкомъ отъ Голицына, посылалъ къ нему Щенснаго Потоцкаго и Северина Ржеву-

скаго, которые въ Яссахъ, подъ руководствомъ князя Таврическаго, готовили новыя перемѣны въ Польшѣ.

„J'ai eu l'honneur, писалъ къ Потемкину Разумовскій, отъ 10-го Августа 1791 года, „d'écrire à votre altesse, il y a quelques jours, par un courrier parti d'ici pour Pétersbourg. La paix était prochaine et je réclamais les bontés, la bienveillance de votre altesse, en rappellant à son souvenir qu'à cette époque elle a daigné me promettre d'employer mon zèle aux négociations qui auraient pu avoir lieu". Въ другомъ письмѣ, отъ 15-го Сентября, графъ Андрей Кириловичъ рисуетъ жалкое положеніе Австріи, долги ея, старость Кауница и неспособность императора. „Les grands hommes sont rares", писалъ онъ далѣе, „c'est le plus beau trésor des nations et en parcourant celles qui couvrent l'Europe — il n'est qu'une Catherine et un Potemkine dont les génies étonnent et honorent le genre humain.... L'ambassadeur a suivi la cour à Prague et à l'entrevue de Pilnitz, mais n'a point jugé à propos de me communiquer les notions que peut être il en a raportées... Votre Altesse", гласитъ постскриптумъ, „m'a permis d'être son commissionaire ici. Je le serai de corps et d'âme pour tout ce qu'elle jugera à propos de m'ordonner,.. Il n'a pas tenu à moi, mon prince, de vous expédier le premier clavéciniste et un des plus habiles compositeurs de l'Allemagne—le nommé Mozart, qui ayant quelque mécontentement ici serait disposé d'entreprendre ce voyage. Il est en Bohême maintenant, mais il sera bientôt de retour. Si votre altesse veut m'autoriser alors à l'engager, non pour un long terme, mais simplement à se rendre auprès d'elle pour l'entendre et l'attacher à son service ensuite si elle le juge à propos".

Въ то время, какъ въ вѣнскомъ посольствѣ происходили усобицы и дѣло дошло даже до того, что Разумовскій просилъ о вызовѣ обратно въ Петербургъ, въ геніальномъ умѣ Екатерины созрѣлъ новый глубокообдуманный проектъ. Всесокрушающая анархія разнузданно бушевала во Франціи; сосѣднія государства съ ужасомъ взирали на разгаръ демагогической горячки; Екатерина поняла, что наступила благопріятная минута поднять вопросъ, который заживо долженъ былъ затронуть всѣ нравственные и матеріальные интересы Европы и разомъ направить вниманіе ея съ востока на западъ. Екатеринѣ нужно было остаться полною хозяйкою на Черномъ морѣ. „Je me casse la tête", говорила она Храповицкому 14 Декабря 1791 года, „чтобы подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія... Прусскій бы пошелъ, но останавливается вѣнскій... Они (т.-е. вице-канцлеръ и члены коллегіи иностранныхъ дѣлъ) меня не понимаютъ... ai-je tort? Il y a des raisons, qu'on ne peut pas dire. Je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudées franches. У меня много предпріятій

неоконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали".

Екатерина желала, чтобы Австрія и Пруссія составили коалицію противъ Франціи, съ своей же стороны она хотѣла ограничиться однимъ денежнымъ пособіемъ. „Все вниманіе наше", писалъ Разумовскому Морковъ „сосредоточено теперь на дѣлахъ Франціи". Къ обоимъ представителямъ Россіи отправлена была пространная нота, въ которой подробно изъяснены были, на сколько она то почитала нужнымъ, виды Государыни. Эту ноту Голицынъ вмѣстѣ съ Разумовскимъ должны были передать князю Кауницу. Разумѣется, побужденіе, въ силу котораго Екатерина дѣйствовала, осталось тайною не только для ея министровъ заграничныхъ, но даже и для петербургскихъ ея сотрудниковъ. Морковъ, воспитанный на иностранный ладъ, вовсе не сознавалъ великой мысли Екатерины, которая одна только давала смыслъ этому вмѣшательству въ чуждыя намъ дѣла запада. Морковъ видѣлъ во всемъ этомъ великодушіе, желаніе облагодѣтельствовать Европу и пожать новые лавры и, тѣмъ не менѣе, въ силу иностраннаго своего направленія, вполнѣ сочувствовалъ видамъ Государыни. „Не скоро найдется такой удобный случай вамъ отличиться", писалъ онъ къ Разумовскому, „Государыня придаетъ этому дѣлу особенное значеніе. Напрягайте всѣ силы ваши къ осуществленію нашихъ плановъ, старайтесь воспользоваться желаніемъ вѣнскаго двора сохранить доброе расположеніе Государыни. Увѣряйте, что лучшее къ тому средство— принять во вниманіе ея доводы и предложенія. Вы хорошо изучили нравственный складъ тѣхъ лицъ, которыхъ приходится вамъ теперь убѣждать. Соображайте тонъ вашъ и образъ дѣйствій съ ихъ наклонностями. Успѣхъ вашъ будетъ успѣхомъ и для меня. Я увѣренъ, что удачу вамъ сочтутъ въ особенную заслугу, и что вслѣдъ за нею воспослѣдуетъ должное вознагражденіе". Но дѣло было не такъ легко, какъ казалось. Леопольдъ II, раздѣлявшій отчасти либеральныя воззрѣнія своего брата, вовсе не былъ расположенъ принимать слишкомъ къ сердцу безпорядки, раздиравшіе Францію. Подобно Екатеринѣ онъ прежде всего думалъ о собственныхъ владѣніяхъ, но, тѣмъ не менѣе, дорожа союзомъ съ Пруссіею, онъ охотно входилъ въ длинныя пренія съ Бишофсвердеромъ о томъ, какъ бы возстановить во Франціи падшіе престолъ, дворянство и священство, хотя въ глубинѣ души онъ ко второму и послѣднему питалъ мало сочувствія. Онъ даже не прочь былъ о томъ же завести переписку, черезъ посла своего графа Людовика Кобенцеля, съ Петербургомъ. Но когда дѣло дошло до рѣшительныхъ шаговъ, Леопольдъ сталъ подъискивать благовидныя отговорки. Кауницъ не скрывалъ отъ любимаго имъ Разумовскаго истиннаго положенія дѣлъ, и графъ Андрей Кириловичъ донесъ Екатеринѣ, что и

рѣчи нѣтъ въ Вѣнѣ о принятіи какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ въ пользу несчастнаго короля французскаго.

Тѣмъ временемъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Яссъ, подъ открытымъ небомъ, среди пустынной степи, скончался великолѣпный князь Тавриды. „Il avait du gigantesque, du romanesque et du barbaresque", писалъ о немъ остроумный князь де-Линь. „Il créait, ou détruisait, ou brouillait tout", говоритъ о немъ же, враждебный Россіи вообще и Екатеринѣ въ особенности, современный ей французскій публицистъ, „mais il vivifiait tout. Absent on ne parlait que de lui; présent c'était lui seul qu'on voyait... Sa mort laissa un vide immense dans l'empire et cette mort fût aussi extraordinaire que sa vie" [1]). Потеря Россіи была по истинѣ громадная. Потемкинъ былъ правою рукою Екатерины. Онъ постигалъ и осуществлялъ ея великіе замыслы, имъ держалась глубоко-мудрая ея политика. Со смертью Потемкина потускнѣла Екатерининская слава. Но даже полусвѣтъ послѣднихъ годовъ великаго ея царствованія ярко отличается отъ послѣдовавшей за ними мглой.

Смерть Потемкина была чувствительнымъ ударомъ и для Разумовскаго. Онъ лишился могучаго покровителя. Взоры его обратились къ новому свѣтилу, занявшему мѣсто незамѣнимаго для Россіи князя Таврическаго. Графъ Андрей завелъ дѣятельную переписку съ Платономъ Александровичемъ Зубовымъ и сталъ хлопотать о возведеніи юнаго фаворита въ графское римской имперіи достоинство. Старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

„Monsieur le comte", писалъ Разумовскій къ Зубову, „que je sois le premier à vous donner un titre qui constate l'estime et la considération dont vous jouissez auprès du plus intime allié de notre grande Souveraine. Ce monarque en apprenant que j'étais autorisé à manifester l'agrément de S. M. I. à l'égard de la faveur qu'il vous destinait, a voulu que vous puissiez vous en revêtir immédiatement et pour ne pas retarder la satisfaction qu'il éprouve par les formes attachées aux chancelleries de ce pays ici, il a chargé le C-te Cobenzl [2]) de m'en signi, fier son intention. Je joins ici en original le billet que je viens de recevoir à ce sujet. Agréez donc, m. le comte, mes félicitations. Elles ne seront pas, j'ose m'en vanter, les moins sincères de toutes celles qui vous seront présentées. Je me vanterai un peu aussi de ma prophétie dont vous vous rapelle-

[1]) Masson—Mémoires secrets sur la Russie. I, 162—163.

[2]) Графъ Іоаннъ-Филиппъ Кобенцель р. 1747 † 1810 г., вице-канцлеръ. Онъ былъ племянникомъ австрійскаго посла въ Петербургѣ графа Іоанна-Лудовика-Іосифа Кобенцеля, извѣстнаго въ Россіи подъ именемъ графа Луи Кобенцеля. Послѣдній род. 1753 † 1809 и былъ впослѣдствіи уполномоченнымъ въ Кампоформіо, Раштадтѣ и Люневилѣ.

rez, au moment où je pris congé de vous à Czarskoé-Sélo. Veuillez présenter mes compliments à toute votre famille que l'empereur désire faire participer à la dignité dont il vous honore. Je vous supplie de les témoigner particulièrement au comte Valérien. Je le somme de sa promesse de revenir nous voir cet été et ce me sera une satisfaction inexprimable de pouvoir lui répéter de vive voix la part que je prends et l'intérêt que j'éprouve pour tout ce qui vous appartient. Ces sentiments sont fondés sur ceux de l'inviolable attachement que vous me connaissez et je rechercherai toujours avec ardeur les occasions de vous en convaincre".

Случаи эти представлялись на каждомъ шагу. Разумовскій сдѣлался такимъ же услужливымъ коммиссіонеромъ Зубова, какимъ онъ былъ незадолго до этого у Потемкина и точно также снабжалъ его винами, новою музыкою и извѣстіями, а не рѣдко даже на его имя адрессовалъ оффиціальныя депеши. Такія добрыя услуги не остались безъ награжденія. Князю Дмитрію Михайловичу Голицыну ясно доказывали изъ Петербурга, что время его прошло безвозвратно. Бѣдный старикъ наконецъ убѣдился, что кредитъ его палъ, и что довѣріе двора окончательно перешло къ молодому, нелюбезному ему сотоварищу. Скрѣпя сердце, сталъ онъ, подъ предлогомъ глубокой старости, просить отставки съ тѣмъ, чтобы Государыня даровала ему дозволеніе не покидать Вѣны, гдѣ протекло тридцать лѣтъ его жизни и гдѣ онъ успѣлъ окончательно онѣмечиться. Кажется, что Голицынъ все еще надѣялся на то, что его будутъ удерживать, но объ этомъ никто и не подумалъ. Одинъ вице-канцлеръ, графъ Остерманъ, болѣе всякаго другого способный сочувствовать горю князя Голицына, такъ какъ его самого безпрестанно обходили по службѣ, помянулъ добрымъ словомъ стараго своего сотоварища. „Convaincu des longs et fidèles services que vous avez rendus à l'Impératrice et à l'état", писалъ онъ къ нему, „je ne saurais, je le répète, vous voir quitter votre poste qu'a regret. Ce sentiment, que le public impartial partage avec moi, vous est dû pour plus d'un titre de ma part". Въ то время, когда Разумовскій дѣятельно хлопоталъ о доставленіи Зубову графскаго титула, 23 Апрѣля 1792 года онъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ. На заведеніе дома пожаловано было ему 10,000 рублей.

Но и здѣсь дѣло не обошлось безъ пререканій. Въ депешѣ, отъ 30 Сентября къ Остерману, Разумовскій горько жаловался на то, что Голицынъ его у себя не принимаетъ, избѣгаетъ его въ другихъ домахъ и не соглашается по описи сдать ему посольскій архивъ.

ГЛАВА VII.

Дѣла Польскія. — Соглашеніе съ Пруссіею. — Отставка князя Кауница. — Тугутъ. — Характеристика графа Андрея Кириловича. — Смерть князя Голицына.

Со смертью Потемкина въ планахъ Екатерины произошла невольная перемѣна. Долгія войны утомили Россію. Въ деньгахъ ощущался недостатокъ; нашъ курсъ значительно упалъ за границею; частые рекрутскіе наборы изнуряли сельское населеніе. Со всѣхъ сторонъ слышались толки о необходимости заключить миръ съ Турціею. Современники, непостигавшіе дальновидность Екатерины, критиковали безплодную, по ихъ мнѣнію, войну на югѣ. Они находили, что пора снова заняться внутреннимъ строемъ, не понимая, что самый строй этотъ зависѣлъ отъ рѣшенія вѣками завѣщаннаго вопроса.

Одновременно съ этими глухими отголосками общаго недовольства, доходившими до престола Государыни, дѣла въ Польшѣ приняли внезапно опасный для Россіи оборотъ. Мудрая царица рѣшила на время затормазить, близкое сердцу ея, дѣло. Она сознавала, что миръ, о которомъ, еще до смерти князя Таврическаго, велись въ Яссахъ переговоры между княземъ Н. В. Репнинымъ и великимъ визиремъ Юзуфомъ, будетъ не болѣе, какъ перемиріе. Ей было ясно, что борьба юной православной Россіи съ отживающею въ исламизмѣ Турціею за господство надъ Чернымъ моремъ не можетъ рѣшиться пріобрѣтеніемъ Очакова и полосы земли между Днѣстромъ и Бугомъ. Но дѣлать было нечего. Не стало ея alter ego на югѣ, сочувствовавшаго ея стремленіямъ, понимавшаго и раздѣлявшаго ея обширные и дѣльные замыслы и неутомимо трудившагося у береговъ Чернаго моря надъ ихъ осуществленіемъ. Преемника ему разомъ найти было невозможно; люди, подобные Потемкину, составляли рѣдкое исключеніе. Къ тому же въ Польшѣ дѣла запутывались и требовали исключительнаго вниманія. Графъ Безбородко отправленъ былъ въ Яссы. Заключенію мира стали противиться Англія и Пруссія. Первая вооружала флоты, вторая заключила союзъ съ Портою.

Въ Кронштадтѣ быстро стали снаряжать корабли, между Ригою и Полоцкомъ стянута была 42,000 армія. Это подѣйствовало сильнѣе всякихъ дипломатическихъ нотъ, и въ началѣ Января подписанъ былъ въ Яссахъ выгодный для Россіи миръ.

Вниманіе Екатерины всецѣло обратилось теперь на Польшу, гдѣ сильная партія старалась положить конецъ русскому вліянію. Гаран-

тированная Россіею конституція 3 Мая 1791 года была измѣнена; викарій кіевской епархіи, православный епископъ Переяславскій, посаженъ въ тюрьму. Варшавская чернь вломилась на дворъ русскаго посольства, разгромила православную церковь и захватила въ плѣнъ русскаго посольскаго священника. Все это возмущало Екатерину, но она сдерживала на время гнѣвъ свой. Нерѣшительный и слабый посолъ нашъ въ Варшавѣ, Штакельбергъ, былъ смѣненъ Булгаковымъ. Приходилось, поневолѣ, на время отказаться отъ любимой греческой мечты и искать союза не только съ дружественною Вѣною, но даже съ враждебнымъ Берлиномъ.

Императоръ Леопольдъ недолго занималъ престолъ Габсбурговъ. 1 Марта 1792 года онъ скончался, передавъ вѣнецъ Карла Великаго старшему сыну своему Францу. Новый король, избранный вскорѣ въ императоры германскіе, подъ именемъ Франца II, былъ воспитанъ дядею своимъ Іосифомъ II.

Въ Россіи надѣялись, что онъ унаслѣдовалъ отъ дяди и личныя привязанности, и политическія воззрѣнія. Свести съ нимъ дружбу было не трудно. Юный монархъ черезъ мѣсяцъ послѣ восшествія своего на престолъ объявилъ войну Франціи и нуждался въ союзникахъ. Рѣшеніе это, котораго такъ домогалась Екатерина, являлось теперь запоздалымъ и не могло уже повліять на осуществленіе греческаго проекта. Однако, оно могло помочь дѣламъ нашимъ въ Польшѣ. Разумовскій ловко воспользовался обстоятельствами, и благодаря его стараніямъ, 3 Іюля 1792 года, возобновленъ былъ старый договоръ между Россіею и Австріею. Обѣ державы взаимно ручались за неприкосновенность своихъ владѣній и обязывались сохранять ихъ отъ всякаго непріятельскаго покушенія, помогая одна другой корпусомъ изъ 10,000 пѣхоты и 2,000 конницы и умножая число войскъ, судя по надобности, но съ предварительнаго о томъ соглашенія. Войска должны были выступить, изъ границъ помогающаго государства, не позже трехъ мѣсяцевъ по востребованіи, развѣ надлежало бы идти въ походъ въ Декабрѣ, Январѣ или Февралѣ, но и въ этомъ случаѣ слѣдовало собрать ихъ на границѣ, готовыми выступить въ походъ. Вспомогательное войско должно было находиться на содержаніи той державы, которая его потребовала, и состоять подъ начальствомъ ея главнокомандующаго, который, однако-же, могъ распоряжаться только по соглашенію съ корпуснымъ командиромъ этой вспомогательной силы. Въ случаѣ, если нападеніе на Россію было бы со стороны Швеціи, а на императора—со стороны Нидерландовъ, помощь войскомъ замѣнялась субсидіею въ 400,000 рублей. Нападеніе же на Австрію, со стороны Италіи, а на Россію со стороны Азіи не обязывали договаривающіяся стороны на подмогу.

Въ то же время вѣнскій кабинетъ вошелъ въ соглашеніе съ Россіею касательно дѣйствій ея въ Польшѣ. Понятно, что соглашеніе это относилось до прошлаго; впрочемъ, этого на первое время для Екатерины было достаточно. Успѣхъ Разумовскаго въ дѣлѣ этомъ вызвалъ неоднократное одобреніе изъ Петербурга, а императоръ Францъ пожаловалъ русскому послу богатую золотую табакерку, украшенную алмазами и портретомъ, а чиновникамъ посольства 500 золотыхъ.

Одного союза съ Вѣною было, однако, Екатеринѣ недостаточно, она рѣшилась заручить себя и со стороны Пруссіи. И здѣсь дѣло не представляло особеннаго затрудненія. Берлинскій кабинетъ давно уже вострилъ зубы на Данцигъ и Торнъ, ради ихъ онъ готовъ былъ войти во всякую сдѣлку. Еще при жизни императора Леопольда начались переговоры съ берлинскимъ дворомъ, но они были отрывочны, о будущемъ говорилось въ общихъ выраженіяхъ, и такъ какъ Екатеринѣ не безъизвѣстны были тайныя козни Пруссіи съ злѣйшими ея врагами, то она и не спѣшила, выжидая, съ обычною мудростью, удобнаго случая для достиженія своихъ цѣлей. Въ предварительныхъ переговорахъ съ берлинскимъ кабинетомъ принималъ участіе и Разумовскій, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Вѣну, когда онъ еще, совмѣстно съ княземъ Голицынымъ, былъ представителемъ Россіи при дворѣ римскаго императора. Графъ Андрей Кириловичъ тогда вошелъ въ сношенія съ прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, барономъ Якоби, отъ котораго гордо отвертывался князь Голицынъ, и, какъ видно, пересолилъ нѣсколько дѣло. Въ Петербургѣ нашли, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, и нѣкоторыя слова, сказанныя Разумовскимъ прусскому дипломату, не были апробованы Государынею. Въ одномъ разговорѣ съ Якоби, Разумовскій, между прочимъ, заявилъ, какъ онъ о томъ доносилъ въ Петербургъ: „qu'à l'égard de la cour de Berlin, S. M. I. était particulièrement disposée à déférer à ses sentiments, dans tout ce qui concernait leur intérêts reciproques". Противъ словъ этихъ рукою Императрицы помѣчено было на реляціи Разумовскаго: „много сказано". Случаемъ этимъ воспользовался вице-канцлеръ графъ Остерманъ, державшій сторону князя Голицына, чтобы сдѣлать выговоръ Разумовскому. Онъ подбилъ на это и остальныхъ членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и такъ какъ графъ Андрей Кириловичъ въ переговоры съ Якоби пустился безъ вѣдома князя Голицына, то ему было поставлено на видъ, что въ Вѣнѣ находится акредитованная „отъ двора особа, выше его, какъ чиномъ, такъ и степенью публичнаго характера, а поэтому ему и учинялось сіе надлежащее поправленіе, съ предписаніемъ впредь, о всѣхъ своихъ поступкахъ и разговорахъ по дѣламъ, соглашаться съ княземъ Голицынымъ и сообщать ему". Несмотря на это въ Мартѣ 1792 года Разу-

мовскій продолжалъ переговоры съ прибывшимъ въ Вѣну генераломъ Бишофсвердеромъ. Такіе же переговоры велись одновременно и въ Берлинѣ. Послѣдствіемъ ихъ былъ союзный, во всемъ сходный съ заключеннымъ съ Австріею, трактатъ съ Пруссіею, подписанный 27 Іюля 1792 г., т.-е. три недѣли послѣ обмѣна ратификацій съ Вѣною. Екатеринѣ некогда было поминать старыхъ обидъ. Волею-неволею приходилось свести счеты съ Польшею, покончить навсегда съ вѣковою соперницею и освободить единовѣрныхъ и единокровныхъ братій отъ тяжкаго ига латинскихъ ксендзовъ и польскихъ пановъ. Для всего этого было необходимо соглашеніе съ Пруссіею.

Русскія войска вступили въ Польшу и подъ ихъ защитою самими же Поляками учреждена была Тарговицкая конфедерація, открыто возставшая противъ новаго порядка или, вѣрнѣе, безпорядка вещей, установившагося въ Варшавѣ. Щенсный Потоцкій и Северинъ Ржевускій, ѣздившіе подъ Очаковъ на совѣщанія къ Потемкину, стали во главѣ новой конфедераціи; къ нимъ примкнулъ коронный гетманъ Францишекъ Браницкій, жена котораго, графиня Александра Васильевна, только что унаслѣдовала громадныя маетности дяди своего, князя Таврическаго. Съ другой стороны, при помощи корпуса, состоявшаго подъ начальствомъ Кречетникова и занявшаго Вильну, составилась конфедерація Литовская. Вожди польской партіи бѣжали заграницу. Растерянный Станиславъ Понятовскій, недавно одобривавшій дѣйствія польскихъ патріотовъ, приступилъ теперь къ Тарговицкой конфедераціи. Послѣдняя соединилась съ Литовскою и утвердилась въ Гроднѣ. Туда пріѣхалъ король и тамъ открытъ былъ сеймъ. Вся эта неурядица могла только привести къ новому раздѣлу Польши. Австрійское правительство, однако, не особенно гонялось за лоскутьями разоренной республики. Виды его были честолюбивѣе; оно мечтало о вознагражденіи въ Эльзасѣ и Лотарингіи, которые Вѣнскій дворъ намѣревался отторгнуть отъ Франціи, и къ тому же исподволь готовился обмѣнъ строптивыхъ и отдаленныхъ Нидерландовъ на мирную и сосѣднюю Баварію. Проектъ этотъ, какъ доносилъ Остерману, уже избавившійся отъ опеки Голицына, Разумовскій въ шифрованной депешѣ отъ Іюня 1792 года, зародился еще при покойномъ императорѣ Іосифѣ. „Ce projet“, писалъ графъ Андрей Кириловичъ, „n'a point cessé d'être dans le secret du cabinet de Vienne une maxime d'état... Les négociations qui en avaient été entamées sous les auspices de S. M. l'Impératrice, parvinrent malheureusement à la connaissance du cabinet de Berlin [1])“. Желая ближе познакомиться съ подробностями этого дѣла, Разумовскій, въ разговорѣ съ графомъ Филиппомъ Кобенцелемъ, завелъ рѣчь

[1]) Депеши къ Остерману отъ 23 Іюля 1792 г.

о намѣреніяхъ Вѣнскаго кабинета касательно Баваріи и Эльзаса. Вице-канцлеръ не счелъ нужнымъ скрывать замысловъ Австріи и въ минуту чистосердечія признался послу, что императоръ готовъ даже согласиться на то, чтобы Пруссія поживилась на счетъ Польши, лишь бы ему обѣщана была Баварія. Говоря о Польскихъ дѣлахъ, Кобенцель удивлялся, что Русскія войска не переступили еще за-границу республики и наивно замѣтилъ, что въ концѣ-концовъ Пруссія все-таки рано или поздно захватитъ Данцигъ и Торнъ. „Coopérer à l'échange des Pays-Bas", писалъ графъ Андрей Кириловичъ отъ 2-го Сентября 1792 г., „c'est sans doute acquérir les titres les plus ineffaçables à la reconnaissance de la cour de Vienne... Dans cette disposition on ne fera plus de difficulté à souscrire à tout ce que notre cour jugera à propos de stipuler pour ses propres avantages. Mes réponses ont toujours été dans le sens de cette reserve".—Совѣты Кобенцеля въ С.-Петербургѣ приняты были къ свѣдѣнію. Между тѣмъ Прусскія и Австрійскія войска, напавшія во имя монархическаго начала на республиканскую Францію, принуждены были со срамомъ отступить. Трехцвѣтное знамя развивалось въ Савоѣ, Ниццѣ, Фландріи и на берегахъ Рейна. Пруссія, послѣ неудачъ, видимо охладѣвала къ дѣлу защиты монархическаго принципа. Вѣнскій кабинетъ съ ужасомъ сталъ помышлять о томъ, что ему придется одному нести на плечахъ своихъ все бремя тяжелой войны. Блестящія надежды его рушились. О вознагражденіяхъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи или размѣнѣ на Баварію, занятыхъ Французами Нидерландовъ, невозможно было въ настоящую минуту думать. По мѣрѣ того, какъ исчезали надежды на пріобрѣтенія со стороны запада, благодушное отношеніе Вѣнскаго двора къ Польскимъ дѣламъ уступало мѣсто зависти и недовольству. Въ Вѣнѣ съ безпокойствомъ слѣдили теперь за дѣйствіями Россіи и Пруссіи. Страшились сосѣднихъ захватовъ, а въ то же время боялись слишкомъ рѣшительно вступаться въ готовящуюся на востокѣ драму. Никакая польская область не могла сравниться съ Эльзасомъ или Баваріею.

„Il n'y a rien du tout de déterminé encore touchant l'affaire principale à régler entre les trois cours", доносилъ Разумовскій. „Je suis d'autant moins à même d'asseoir un jugement sur les motifs des délais, que non seulement je n'obtiens que des réponses vagues du ministère, mais j'éprouve même de la difficulté au sujet des entretiens que je suis dans le cas de rechercher en conséquence".

Нерѣшительность Вѣнскаго кабинета въ дѣлахъ внѣшней политики была только слабымъ отголоскомъ внутренняго неустройства монархіи Габсбурговъ. Во главѣ ея стоялъ человѣкъ добрый и благомыслящій, не лишенный благородныхъ порывовъ, но слабый, нерѣшительный и плохо подготовленный къ трудному дѣлу управленія. Императоръ Францъ находился постоянно подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. Имъ

управляли то супруга его, то воспитатель, то кто-нибудь изъ министровъ. Несчастливый въ выборѣ своихъ помощниковъ, Австрійскій монархъ имѣлъ какое-то непонятное влеченіе къ мелкимъ посредственностямъ. Когда подъ часъ человѣкъ вполнѣ талантливый обращалъ на себя общее вниманіе и достигалъ до нѣкотораго вліянія на дѣла, къ нему относились съ недовѣріемъ и боязнію, и имъ жертвовали ради ничтожныхъ царедворцевъ, окружавшихъ престолъ. Пустые и напыщенные краснобаи, мелкіе и грязные пройдохи, для которыхъ общее благо, призваніе страны, честь и величіе ея были непонятными словами, надъ смысломъ коихъ они не задумывались, среди эгоистическаго пронырства и заботъ о чисто-личныхъ выгодахъ, всегда и вездѣ брали верхъ надъ тѣми, которые готовы были жертвовать талантами, трудомъ, жизнію на пользу родины. Императорскіе совѣтники, люди большею частью плохо образованные и вовсе не подготовленные къ административной дѣятельности, съ рѣдкою самоувѣренностію хватались за кормило государственное. Между собою они большею частью бывали на ножахъ и первые готовы были осуждать дѣйствія правительства, которое сами-же составляли, остроумно другъ надъ другомъ подсмѣиваясь и сообщая удивленной публикѣ дотолѣ неизвѣстныя и подъ часъ довольно пикантныя подробности о дѣйствіяхъ высшей администраціи. „La gloire et le salut, comme l'humiliation et la perte des états", писалъ Разумовскій къ графу А. А. Безбородкѣ: „tiennent aux qualités de ceux, qui les gouvernent et sous ce point de vue v. e. sait combien la situation de cette puissance est alarmante. La crainte, l'incertitude, la mollesse sont les éléments qui constituent le caractère des gens en place. On est mal instruit de ce qui se passe, on est consterné de ce qui arrive. On délibère longuement sur ce qu'on a à faire, chacun appréhende la responsabilité et des résolutions tardives, mal combinées décélent la faiblesse, autorisent l'impunité et la licence et accumulent les maux et les embarras".

По убѣжденію Разумовскаго, тѣсный союзъ между императорскими дворами былъ равно необходимъ какъ для Россіи, такъ и для Австріи. Во всѣхъ депешахъ своихъ онъ намекалъ на то, что Россіи слѣдуетъ какъ можно ближе притянуть къ себѣ Австрію, которая съ своей стороны пламенно желала сближенія.

Австрійскіе министры, среди своихъ таинственныхъ недомолвокъ, относительно внѣшней политики, и наивнаго обличенія внутреннихъ язвъ, безпрестанно говорили послу о безпредѣльномъ уваженіи императора Франца къ русской Государынѣ. Императоръ, по словамъ ихъ, крайне бы желалъ съѣздить въ Петербургъ на поклоненіе Императрицѣ, но къ сожалѣнію политическія обстоятельства не дозволили ему привести въ исполненіе любимую мечту эту. Мысль о свиданіи

между Екатериною и императоромъ Францомъ сильно занимала графа Андрея Кириловича. Онъ былъ увѣренъ, что достаточно будетъ краткаго разговора между двумя монархами, чтобы окончательно привлечь Франца II къ русскимъ интересамъ. Онъ напоминалъ Остерману о вліяніи, которое имѣла Екатерина на покойнаго Іосифа II, и вліяніе это приписывалъ почти исключительно личнымъ ихъ отношеніямъ. Изъ Вѣны безпрестанно посылались къ высокой союзницѣ собственноручныя письма съ изъявленіями преданности: „L'empereur a désiré en faire parvenir un nouveau témoignage à S. M. I.", доносилъ Разумовскій: „par le dernier courrier et on m'a consulté sur cette lettre, où on se proposait de mettre toute *l'onction*, c'est le terme dont s'est servie le comte de Cobenzl, qui convient aux dispositions de l'empereur". Хотя до сихъ поръ дѣло ограничивалось словами, однако, такими чувствами, по мнѣнію графа Андрея Кириловича, не слѣдовало пренебрегать. „Une relation immédiate entre les souverains", заключалъ онъ развивая прежде имъ высказанную мысль, „en me mettant plus à même d'approcher l'empereur, l'habituerait à cette impulsion, dont j'ai parlé plus haut et concourerait à l'avancement des affaires, en établissant cette juste et incontestable influence qui appartient au génie de notre grande Souveraine".

Екатерина охотно соглашалась на союзъ съ Австріею. Не говоря уже о томъ, что на союзѣ этомъ зиждилась вся наша политика со временъ Петра Великаго, она еще чувствовала особенное влеченіе къ тѣсному сближенію съ вѣнскимъ дворомъ, вслѣдствіе дружественныхъ отношеній своихъ къ Іосифу II. Но она желала, чтобы союзъ этотъ былъ на самомъ дѣлѣ полезенъ Россіи. Именно тотъ геній, о которомъ упоминалъ въ депешѣ своей Разумовскій, не дозволялъ ей тратить время на пустыя слова и платоническія изъявленія. Изъ депешъ своего посла она поняла, что другого отъ Вѣны теперь не дождёшься. Государыня не желала ссориться съ Австріею, она охотно принимала изъявленія императора Франца, но въ то же время неустанно радѣла о благѣ и величіи Россіи, которыми не намѣрена была жертвовать ради союзовъ съ иностранными государствами. Изъ того, что до нея доходило изъ Вѣны, она тверже всего помнила поданные Кобенцелемъ совѣты относительно Польши и рѣшилась ими воспользоваться. Одной ей дѣйствовать было невозможно и она поневолѣ протянула руку къ несимпатичному ей Берлину. Вообще Екатерина не любила облекаться въ напыщенную таинственность, но когда того требовали обстоятельства, она вела свои дѣла такъ, что того не подозрѣвали не только иностранные министры, но даже самыя приближенныя къ ней особы. Одновременно съ сближеніемъ Россіи съ берлинскимъ дворомъ, положено было, до поры до времени, быть посдержаннѣе въ сношені-

яхъ съ Австріею, оставаясь, впрочемъ, съ нею на совершенно дружеской ногѣ. „Le comte de Cobenzl", доносилъ отъ 5 марта Разумовскій, „m'a parlé avec sensibilité de la peine que causait à l'empereur le silence observé vis-a-vis l'ambassadeur comte de Cobenzl relativement aux affaires de Pologne... Je motivais mes arguments par la marche des affaires depuis qu'elles sont sur le tapis, marche qui écarte pour ainsi dire naturellement la cour de Vienne d'une discussion où elle n'est pas partie principale, vue que cette discussion ne porte que sur les intérêts des deux autres cours, et que ceux de l'empereur, devant se compenser sur un objet lié par son essence à la guerre actuelle, ne peuvent être que garanties par les cours alliées". Такіе доводы не успокоивали вѣнскихъ администраторовъ, тѣмъ болѣе, что послѣ неудачъ со стороны Франціи они отзывались ироніею, о которой разумѣется и не думалъ графъ Андрей Кириловичъ. Молчаніе с.-петербургскаго кабинета и сердило, и безпокоило австрійскихъ министровъ. Они рѣшились, во что бы то ни было, узнать тайные замыслы русской Императрицы. „Австрійское правительство", доносилъ Разумовскій въ русской шифрованной депешѣ къ вице-канцлеру, „свое подозрѣніе простираетъ даже до догадокъ, что наши сношенія съ Пруссіею не соотвѣтствуютъ системѣ союза Россіи съ Австріею". Всѣ письма приходившія изъ Россіи читались, въ вѣнскомъ министерствѣ съ большимъ трудомъ доискались до тайныхъ шифровъ русскаго посольства, вслѣдствіе чего графъ Андрей Кириловичъ требовалъ, чтобы къ нему выслали новые. Курьеровъ старались подкупать. Разсчетливое вѣнское правительство не щадило денегъ ни въ Вѣнѣ, ни въ Петербургѣ. Послу графу Лудовику Кобенцелю высылались крупныя суммы— и все понапрасну. Знали, что между Петербургомъ и Берлиномъ шли переговоры, но въ чемъ они состояли, такъ и осталось тайною для вѣнскаго двора.

А между тѣмъ, дѣло съ Берлиномъ въ тихомолку уладилось. Отъ Кобенцеля въ Петербургѣ отдѣлывались молчками, а Разумовскому въ Вѣну перестали писать. Испуганная Вѣна стала искать сближенія съ Англіею въ то время, какъ Екатерина, окончательно согласившись съ берлинскимъ дворомъ, рѣшила второй раздѣлъ Польши. 12 Января 1793 года подписана была въ Петербургѣ тайная конвенція, въ силу которой новая русская граница, исходя отъ Курляндіи, прорѣзала польскую республику, мимо Пинска по направленію къ австрійской Галиціи. Къ Пруссіи отходили Данцигъ, Торнъ, Познань, Гнѣзно, Калишъ и другіе города, а Австріи положено было обѣщать въ будущемъ обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію. Скрывать уже было нечего. „Наконецъ поручено вамъ", писалъ отъ 25 Февраля 1793 года къ Разумовскому Морковъ, „открыть австрійскому двору великую тайну нашихъ пере-

говоровъ съ Берлиномъ. Мы ожидаемъ того, что вѣнское правительство будетъ недовольно, такъ какъ польза для него окажется только въ будущемъ. Постарайтесь его успокоить и, буде нужно, объясните, что сама же Вѣна всему виною. Она первая, черезъ Кобенцеля и васъ, подала намъ мысль о занятіи Польши, и она же уговаривала насъ рѣшиться на раздѣлъ, отъ котораго должно было зависѣть общее спокойствіе. Вы имѣете полное право заявить, что въ послѣднее время образъ дѣйствій вѣнскаго двора относительно Россіи не отличался ни довѣріемъ, ни правильностію. Намъ было сдѣлано общее предложеніе, а о подробностяхъ велись переговоры прямо въ Берлинѣ, причемъ насъ ни единымъ словомъ не извѣстили о томъ, что тамъ происходило. Неужели вѣнскій дворъ воображаетъ, что мы станемъ смиренно выжидать его приказаній и соображать нашъ образъ дѣйствій съ его предписаніями. Наше теперешнее настроеніе вамъ извѣстно, оно вовсе не согласуется съ тою второстепенною ролью, которую намъ готовила Австрія. Признаюсь откровенно, часть, нами прирѣзанная, нѣсколько велика, но уменьшить ее не было возможности. Дѣло было не въ прирѣзкѣ земель, мы въ этомъ не нуждаемся, а въ томъ, чтобы создать такое положеніе, которое даровало бы намъ прочный миръ и оградило насъ отъ всякихъ нечаянностей. Намъ необходимо было разомъ защитить себя и отъ Польши, и отъ Турціи и мы взяли именно только то, что для этой двойной цѣли необходимо. Вы можете еще добавить, что со стороны Украйны было нами прирѣзано древнее достояніе Россіи, связанное съ нами узами языка и вѣры. Пусть вѣнскій дворъ отброситъ жалкія тонкости, которыя, по неловкости его министровъ, ему же постоянно обращаются во вредъ".

Извѣстіе, сообщенное Разумовскимъ, какъ громомъ поразило австрійское правительство. Когда графъ Андрей объяснилъ суть дѣла вице-канцлеру графу Филипу Кобенцелю, тотъ схватилъ карту Европы и, слѣдя по ней за новыми пріобрѣтеніями Пруссіи и Россіи, сталъ бормотать безсвязныя фразы, явно выказывавшія душевное его волненіе и переполохъ въ мысляхъ. „Вся политическая система Европы теперь измѣнилась", воскликнулъ онъ напослѣдокъ; „французская революція— дѣтская шутка въ сравненіи съ громаднымъ значеніемъ этого новаго переворота". Напрасно старался русскій посолъ успокоить расходившагося министра. Отъ вице-канцлера пришлось явиться къ императору, которому графъ Андрей Кириловичъ долженъ былъ передать собственноручное письмо Екатерины. Горькія жалобы полились изъ устъ австрійскаго монарха, онъ говорилъ, что громадная часть, доставшаяся Пруссіи, наводитъ на него невольный страхъ и съ горечью замѣтилъ, что на долю Австріи, изнемогавшей подъ бременемъ разорительной войны, не приходилось ни клока земли. Послѣ аудіенціи у императора, по-

солъ снова долженъ былъ выслушать упреки вице-канцлера. Послѣдній жаловался на скрытность, съ которою все дѣло было ведено, на чрезмѣрное усиленіе Пруссіи и находилъ громадными пріобрѣтенія, сдѣланныя Россіею. Разумовскій отвѣчалъ на весь этотъ потокъ попрековъ съ достоинствомъ и твердостью. Онъ объяснилъ, что русскія войска вступили въ Польшу, вслѣдствіе совѣтовъ вѣнскаго же двора, что въ соглашеніе съ Пруссіею Россія вошла съ цѣлью понудить ее къ продолженію войны съ Франціею, что на размѣнъ Баваріи она дала свое согласіе, и что въ концѣ-концовъ дѣло сдѣлано и измѣнить совершившійся фактъ уже невозможно. По мнѣнію графа Андрея Кириловича, вѣнскому двору оставалось только примириться съ дѣйствительностію и притомъ, какъ можно скорѣе, дабы разомъ не раздражить Пруссію и Россію [1]).

Непосредственнымъ послѣдствіемъ второго раздѣла Польши было паденіе австрійскаго министерства. Престарѣлый князь Кауницъ, давнишній благопріятель Разумовскаго, удалился отъ дѣлъ. Вице-канцлеру графу Кобенцелю поручено было завѣдываніе итальянскимъ департаментомъ съ титуломъ канцлера. Во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ названіемъ главнаго директора, поставленъ былъ старый знакомый Разумовскаго, сынъ простого лодочника Тунихтгута, всякими правдами и неправдами пробившаго себѣ дорогу къ высшимъ почестямъ и уже въ царствованіе Маріи-Терезіи преобразившагося въ барона Тугута. Долгое время служилъ онъ при константинопольской нунціатурѣ, гдѣ пріобыкъ къ мелкому крючкотворству и темнымъ интригамъ турецкаго Дивана. Пребываніе въ Варшавѣ еще болѣе развило въ немъ, пріобрѣтенный въ Царѣградѣ, навыкъ къ подпольнымъ кознямъ. Назначенный посланникомъ въ Неаполь, онъ съумѣлъ снискать благосклонность королевы Каролины и черезъ нее сблизился съ графомъ Андреемъ Кириловичемъ, за которымъ въ то время въ Неаполѣ, для благосклоннаго пріема при дворѣ, выгодно было ухаживать. Благодаря покровительству неаполитанской королевы, баронъ Тугутъ получилъ мѣсто въ Парижѣ. Онъ назначенъ былъ въ помощники посла графа Мерси, и положеніе его тамъ нѣсколько походило на то, которое при князѣ Голицынѣ занималъ Разумовскій, въ первые два года пребыванія своего въ Вѣнѣ. Въ Парижѣ Тугутъ, часто наперекоръ послу, предавался, по своему обыкновенію, политическимъ интригамъ. Послѣ паденія графа Кобенцеля, королева Каролина указала на Тугута своей дочери императрицѣ Маріи-Терезіи, второй супругѣ Франца II [2]). Юный, неопытный и нерѣшительный императоръ безъ памяти

[1]) Депеша отъ 17 Марта 1793 г.

[2]) Первою женою Франца II была принцесса Виртембергская, сестра Императрицы Маріи Θеодоровны, которая сосватана была, за тогда еще эрцгерцога Франца, Екатериною II.

любилъ жену свою и вполнѣ подчинялся ея вліянію. Но несмотря на свою силу, императрицѣ приходилось бороться съ враждебною партіею, во главѣ которой стоялъ воспитатель молодого монарха, князь Коллоредо, тоже въ свою очередь пользовавшійся не малымъ вліяніемъ на бывшаго своего воспитанника и имѣвшій многочисленныхъ сторонниковъ. То были по большей части представители первыхъ имперскихъ родовъ, между которыми не было, однако, ни одного замѣчательнаго дѣятеля. Неаполитанская королева желала назначенія Тугута въ надеждѣ, что онъ будетъ отстаивать въ Вѣнѣ интересы ея королевства. Императрица Марія-Терезія часто совѣтовалась съ матерью и охотно слѣдовала ея указаніямъ. На этотъ разъ не было отпора со стороны партіи князя Коллоредо. Тамъ вообразили, что легко будетъ управлять выскочкою, не имѣвшимъ, какъ казалось, сильныхъ протекцій при дворѣ. На дѣлѣ вышло иначе. Тугутъ, съ первыхъ же дней вступленія своего въ министерство, доказалъ, что онъ властью дѣлиться не намѣренъ. Сторонники князя Коллоредо поняли свою ошибку, но дѣлу помочь уже было невозможно. Покровительство капризной и своевольной Императрицы, безгранично властвовавшей надъ мужемъ, оградило новаго директора отъ политическихъ враговъ, мечтавшихъ смѣнить его. Вліяніе Тугута на императора Франца съ каждымъ днемъ возростало. „L'empereur", доносилъ Разумовскій, „peu appliqué en général, abandonne la politique absolument au baron de Thugut. Il ne consulte pas toujours la conférence. Les autres ministres voient cela de mauvais oeil.... Le baron de Thugut est soutenu par l'impératrice; il se rend nécessaire dans une conjoncture délicate et une grande pénurie de sujets".

Разумовскій, какъ мы видѣли выше, сблизился съ Тугутомъ въ Неаполѣ. Онъ имѣлъ высокое мнѣніе объ его умѣ и талантахъ, и считалъ пребываніе его въ министерствѣ необходимымъ для благополучія австрійской монархіи. Убѣжденіе это впрочемъ укоренилось въ немъ только съ теченіемъ времени, вначалѣ же назначенія Тугута, графъ Андрей ясно видѣлъ его недостатки и стойко отстаивалъ передъ нимъ интересы Россіи. Къ сожалѣнію впослѣдствіи онъ все болѣе и болѣе ослѣплялся относительно барона и окончательно подпалъ подъ полное его вліяніе. Положеніе Тугута мало-по-малу до того усилилось, онъ такъ овладѣлъ императоромъ Францомъ, что жители Вѣны убѣдились въ его несокрушимости и рѣшили, что одна смерть императора или довѣреннаго его министра можетъ положить конецъ тому тяжкому испытанію, которое наложило на Габсбургскую имперію назначеніе и возвышеніе новаго императорскаго любимца. Тугутъ былъ человѣкъ несомнѣнно умный, но съ узкимъ эгоистическимъ кругозоромъ, опасавшійся всякаго проявленія истиннаго таланта, вѣчно при-

бѣгавшій къ мелкимъ интригамъ, не любившій задаваться вопросами о далекомъ будущемъ и хлопотавшій только о злобѣ дня. Политика Габсбурговъ въ рукахъ его окончательно измельчала. Жадная въ успѣхѣ, она теряла всякое достоинство при малѣйшей неудачѣ. Тамъ гдѣ требовалось быстрое рѣшеніе, являлось постоянно томительное выжиданіе, обращавшееся всегда во вредъ Австріи. Къ тому же, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, баронъ Тугутъ былъ далеко не безукоризненной честности, и новѣйшія изслѣдованія почти неопровержимо доказали, что онъ неоднократно предавалъ отчизну ради корыстныхъ своихъ цѣлей. Позднѣе, какъ мы увидимъ, Разумовскій старался забыть о недостаткахъ всемогущаго барона, сознавая только всю его несокрушимую силу и значеніе при вѣнскомъ дворѣ. Съ годами мысль обезпечить за собою мѣсто посла въ Вѣнѣ заглушила въ головѣ Разумовскаго всякое иное соображеніе, а для этого весьма важно было оставаться въ лучшихъ отношеніяхъ съ всесильнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Тогда онъ уже сознательно поддался руководству Тугута и даже не всегда согласовалъ это стремленіе съ приказаніями, получаемыми изъ С.-Петербурга, и съ истинными интересами родины, благо и права которой призванъ онъ былъ защищать въ Вѣнѣ.

Вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу, обнародованное манифестомъ берлинскаго двора, сильно взволновало умы въ Австріи. Въ Вѣнѣ о томъ, что готовилось въ Польшѣ, до тѣхъ поръ ничего не знали. Публика была въ смущеніи [1]). Почти одновременно съ извѣстіемъ о занятіи Польши долетѣла до вѣнскаго двора роковая вѣсть объ убіеніи несчастнаго Лудовика XVI. „Je souhaite“, доносилъ Остерману Разумовскій, отъ 21 Января 1793 г., „n'être pas le premier à annoncer à v. e. un évènement, qui révolte l'humanité, la justice; un crime le plus atroce qui ait jamais souillé les annales d'une nation et qui couvre d'un opprobre ineffaçable celle qui compte parmi ses citoyens une horde infernale de scélérats que la terre devrait engloutir dans ses abimes les plus profonds. Les monstres ont consommé leur attentât. Ils ont fait périr sur l'échafaud le trop débonnaire Louis XVI. Cette nouvelle nous a été donnée hier par le duc de Richelieu. On n'est instruit de rien içi. Les papiers publics sont les seules sources où on puise des nouvelles“.

Возвышеніе Тугута, несмотря на прежнія дружескія отношенія его къ Разумовскому, мало способствовало къ улаженію польскихъ дѣлъ. Новый министръ держался политики своего предмѣстника, подозрительно слѣдилъ за дѣйствіями Россіи, избѣгалъ всякаго щекотливаго разговора съ бывшимъ своимъ пріятелемъ и представлялся, будто вовсе не-

[1]) Шифрованная депеша Разумовскаго къ Остерману отъ 15 Января 1793.

знакомъ съ тѣмъ, что происходило до вступленія его въ министерство. „Le baron de Thugut“, доносилъ вице-канцлеру Разумовскій, „adopte un ton vague et met un soin affecté d'éviter toute discussion sur les affaires“.

Въ началѣ пребыванія своего въ Вѣнѣ, графъ Андрей Кириловичъ, благодаря близкимъ отношеніямъ къ князю Кауницу, почти ежедневно посѣщалъ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ всегда радушно былъ принимаемъ. Въ виду, однако, странной холодности, съ которою въ послѣднее время съ нимъ обращался графъ Кобенцель и бывшій неаполитанскій его товарищъ, онъ вовсе пересталъ туда ѣздить.

Съ Тугутомъ встрѣчался онъ только въ свѣтѣ, и отношенія ихъ ограничивались обмѣномъ избитыхъ учтивостей. Даже съ бывшимъ благопріятелемъ своимъ княземъ Кауницомъ, передъ которымъ въ началѣ своего величія преклонялся баронъ Тугутъ, Разумовскій былъ уже не на той ногѣ, какъ прежде. „Ce Nestor de la politique“, доносилъ онъ, „s'en occupe beaucoup plus depuis qu'il en est ostensiblement éloigné, et cela parce que son caractère pétri d'orgueil et de vanité lui faisait trouver alors à mépriser les affaires la même jouissance qu'il trouve à les diriger maintenant. Son amour-propre fût choqué du crédit d'un subalterne et le manque de soumission de Spielmann motiva sa retraite. L'humble déférence d'un autre subalterne efface aujourd'hui le souvenir du passé et rend l'essor à l'opinion de supériorité qu'il se croit sur le reste des mortels. Dans le temps où on avait le droit de lui parler affaires, il était difficile d'en obtenir une conversation suivie, maintenant qu'il s'en croit l'oracle et non le ministre, l'aborder serait un sacrilége qui exposerait à tout l'éclat de sa foudroyante arrogance“ [1]).

Въ то время, какъ Кауницъ съ гордостью отвертывался отъ посла, а Тугутъ избѣгалъ объясненій, до Разумовскаго дошли слухи, что между главнымъ директоромъ департамента иностранныхъ дѣлъ и представителемъ Англіи сэръ Мортонъ Иденомъ идутъ дѣятельные переговоры.

Послѣ частыхъ и долгихъ конференцій съ Кауницомъ и Тугутомъ, Иденъ отправилъ въ Лондонъ эстафету съ предложеніемъ наступательнаго и оборонительнаго союза между Англіею и Австріею. Въ основаніе предполагаемаго союза должно было лечь полное отреченіе Австріи отъ всякаго притязанія на Баварію. За эту уступку сентъджемскій кабинетъ долженъ былъ обѣщать противодѣйствовать дальнѣйшимъ захватамъ Россіи и Пруссіи въ Польшѣ, и гарантировать Австріи присоединеніе нѣкоторыхъ крѣпостей на границахъ Бельгіи,

[1]) Депеша къ Остерману отъ 7 Апрѣля 1793 г.

а также, при благопріятномъ исходѣ войны, часть Лотарингіи и Эльзаса [1]).

„La glace sur le sujet des affaires de Pologne", писалъ отъ 29 Апрѣля къ графу С. Р. Воронцову А. И. Морковъ, „vient d'être rompue entre nous et la cour de Vienne. L'empereur vient d'écrire une lettre à l'Impératrice, où il se plaint de l'énormité des partis, de la conclusion de l'affaire sans sa participation et enfin de l'inconvénient qui résulte du rapprochement des frontières entre les deux empires. Le comte de Cobenzl est chargé de faire les représentations les plus vives à ce sujet. Le comte Rasoumovsky, après avoir essayé les mêmes remontrances, nous dit qu'il sait de source très certaine que le cabinet de Vienne a offert à celui de St. James un traité d'alliance sur cette base: de renoncer à l'échange de la Bavière pourvu que l'Angleterre s'opposât à notre agrandissement et à celui de la Prusse en Pologne. Un courrier dépéché par Alopeus nous a apporté de Berlin les mêmes notions. Il y ajoute qu'à celle-ci la cour de Vienne a fait insinuer qu'elle verrait son acquisition avec résignation, si elle voulait s'entendre avec elle pour restreindre la notre. Ceci est trop fort pour pouvoir être pris au pied de la lettre. Toutes ces nouvelles n'ont pas fait grande impression ici et nous nous proposons d'aller toujours notre chemin" [2]).

Внезапно, однако, поведеніе Тугута, относительно русскаго посла, измѣнилось. Это произошло въ то время, когда по разсчетамъ Разумовскаго могъ придти отвѣтъ изъ Лондона на отправленныя отъ вѣнскаго двора предложенія. Тугутъ сталъ любезенъ и сообщителенъ. Снова пошли частыя конференціи и появилось со стороны австрійскаго правительства, на словахъ, по крайней мѣрѣ, полное довѣріе къ русскому двору. Ясно было, что британское министерство отклонило предложеніе австрійскаго правительства, не желая себя связывать въ будущемъ, а въ Вѣнѣ, между тѣмъ, убѣдились, что тѣснаго союза между Берлиномъ и С.-Петербургомъ не существуетъ.

Екатерина не обратила вниманія на выходки вѣнскаго двора. Она, какъ мы сказали выше, желала держаться по прежнему союза съ Австріею и къ Пруссіи обратилась только въ виду насущной потребности. Но для европейскаго равновѣсія ей казалось необходимымъ сближеніе Россіи съ Англіею и къ этому стремились теперь ея усилія.

Между тѣмъ, въ Гродно совершенно неожиданно разыгралась траги-комедія. Король Станиславъ-Августъ, подъ вліяніемъ польскихъ патріотовъ, торжественно заявилъ сейму, что онъ никогда не согласится содѣйствовать уступкѣ польскихъ областей.

[1]) Депеша Разумовскаго къ Остерману, отъ 8 Апрѣля.

[2]) Архивъ князя Воронцова, XIV. 253—254.

„Нежданный оборотъ, который приняли совѣщанія гродненскаго сейма“, доносилъ Остерману Разумовскій, отъ 4 Іюля, „произвели здѣсь сильное впечатлѣніе. Баронъ Тугутъ выразилъ мнѣ крайнее удивленіе по случаю перемѣны столь же странной, сколько и неожиданной“. Въ Вѣнѣ не безъ злорадства узнали о помѣхѣ въ польскихъ дѣлахъ. Распространился слухъ, будто русскій посолъ при сеймѣ, Я. Е. Сиверсъ, грозилъ посадить короля на хлѣбъ и на воду до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ повиноваться его предписаніямъ [1]). Австрійскіе политики заранѣе радовались затрудненіямъ, которыя встрѣтитъ Россія, и надѣялись ими воспользоваться для собственныхъ цѣлей.

Несмотря на надежды, порождаемыя кажущимися неудачами Россіи въ замыслахъ ея на Польшу, Тугутъ продолжалъ жаловаться на то, что происходило въ Гродно. „Россія“, говорилъ онъ Разумовскому, „не возбуждаетъ въ насъ опасенія; мы ничего не скажемъ даже, если она захватитъ всю Польшу. Но каково же намъ видѣть усиленіе Пруссіи и именно въ то время, когда Австріи никакихъ выгодъ не предоставляется“.—„Соглашеніе наше съ Пруссіею“, отвѣчалъ Разумовскій, „не допускало проволочекъ. Разъ мы дали согласіе и составили общій планъ дѣйствій, идти назадъ или предъявлять новыя соображенія было невозможно. Если-бы Австрія съ самаго начала прямо приступила къ конвенціи 12 Января, то она могла бы тогда же съ полнымъ успѣхомъ требовать себѣ соразмѣрной части“ [2]). С.-Петербургскій кабинетъ, искренно желавшій доброй дружбы съ Австріею, не находилъ, однако, нужнымъ передъ нею унижаться и вымаливать ея согласія, тѣмъ болѣе, что ему извѣстно было, что почти въ тождественныхъ словахъ сообщаемы были въ Берлинѣ опасенія Австріи относительно Россіи.

Императорскому послу графу Кобенцелю заявлено было, что Государыня не намѣрена болѣе безпокоить вѣнскій дворъ касательно соглашенія и обойдется безъ него. Переписка съ Вѣною снова затормазилась, и Андрей Кириловичъ въ собственноручномъ письмѣ къ графу Безбородкѣ [3]) жаловался на то, что три мѣсяца не получалъ инструкцій изъ С.-Петербурга. „Plaintes du côté du baron de Thugut“, писалъ онъ, „silence et embarras du mien, voilà, m. le comte, la position où je me trouve; elle me met presque dans le cas d'éviter ce ministre. Dans cette stagnation, qui je l'avoue m'est très pénible, veuillez me permettre quelques reflexions particulières avec la franchise, que me dicte mon zèle et la confiance que m'inspirent vos bontés". По

[1]) Депеша Разумовскаго къ Остерману, отъ 4 Іюля.

[2]) Депеша къ Остерману отъ 11 Августа.

[3]) Отъ 11 Августа.

мнѣнію Разумовскаго, вѣнскій кабинетъ былъ убѣжденъ въ необходимости союза съ Россіею. При ея помощи Австрія всемогуща, безъ союза съ Россіею положеніе ея безвыходное. Нѣтъ жертвы, на которую въ Вѣнѣ не согласились бы лишь бы быть увѣреннымъ въ нашемъ полномъ единодушіи, только бы не говорили объ усиленіи Пруссіи. Конвенція 12 Января была причиною паденія прежняго министерства, но коль скоро въ Вѣнѣ убѣдились, что Россія въ сущности не измѣнила прежней своей системы, къ ней снова обратились съ поспѣшностью, довѣріемъ и прямодушіемъ. То, что теперь происходитъ въ Польшѣ и сообщенія, сдѣланныя въ Петербургѣ графу Кобенцелю, снова возбудили въ Вѣнѣ опасенія. Союзъ Пруссіи съ Россіею опять наводитъ общій ужасъ. Дѣло однако поправимо и со стороны Разумовскаго все уже сдѣлано, чтобы убѣдить вѣнскій дворъ въ дружественныхъ чувствахъ Россіи. „L'empereur", писалъ въ заключеніи Андрей Кириловичъ, „est aimé de ses sujets. Il n'annonce pas il est vrai de grands talents, ni beaucoup d'énergie, mais dans une crise où l'honneur national, la dignité de la couronne et l'intérêt politique se trouveraient engagés, tous ses sujets seront électrisés par la même secousse et l'ambition des ministres; la fierté inhérante aux Autrichiens suppléeront au manque de capacité et de vigueur dans le souverain".

Во время этихъ переговоровъ настроеніе Разумовскаго было далеко не радостное. Жалованья и доходовъ не хватало на поддержаніе роскошнаго дома и штата. Приходилось занимать деньги и платить страшные проценты. Старикъ графъ Кирила Григорьевичъ самъ постоянно жаловался на разстроенныя дѣла свои и, выдѣливъ сына, отказался на-отрѣзъ отъ дальнѣйшихъ пособій. „Il y a des gens", собственноручно писалъ графъ Андрей Кириловичъ къ Безбородкѣ, отъ 25 Апрѣля 1793 года, „qu'il faut gagner, ou pour mieux dire captiver par l'éclat d'une représentation proportionnée au rôle de la première puissance de l'Europe. Il est de principe ici, que les ambassadeurs sont obligés à une grande dépense. Elle se mesure dans l'opinion d'après la considération de la cour qu'on sert, et certainement il n'en est point au-dessus de celle dont jouit la notre. Si j'en détaillais les articles, v. e. verrait qu'une somme de 80 à 90 milles florins par an y suffirait à peine. Or qu'elle me permette de lui présenter le calcul de mes finances: 20 mille roubles sont assignés à mon poste, avec la bonification du change on peut les évaluer à 35 ou 36 mille florins. Mes terres rapportent 18 mille roubles, mais ceux-ci ne valent qu'un florin et 2 kreutzer. Somme totale, j'ai environ 55 mille florins à dispenser. Mes premières mises m'ont couté au delà de 100 mille florins que je dois et ma dépense courante surpasse de beaucoup ma recette. J'ai sollicité à plusieurs reprises mon père de venir à mon secours, il m'a répondu que

les circonstances ne le lui permettaient point. Je laisse à considérer les miennes à v. e. et je me borne de l'assurer que jamais je n'en aurais parlé, si j'avais en mon pouvoir quelque moyen d'y subvenir. Indépendement des dettes", писалъ онъ въ другомъ письмѣ, „que j'ai dues contracter, vu l'insuffisance de mes appointements et les ressources modiques de mon propre bien, j'en suis à l'heure qu'il est sans argent et sans crédit".

Къ тому же, Разумовскому не высылали денегъ на экстренные расходы и въ то время, когда онъ самъ окруженъ былъ шпіонами, собственные его лазутчики отказывались служить ему. Люди эти дѣйствовали только изъ-за денегъ. Этою частью занимался при Разумовскомъ нѣкто кавалеръ Джіованни Баптиста де-Малліа [1]), мальтіецъ, вступившій въ русскую службу во время чесменскаго похода, кавалеръ орденовъ св. Георгія и св. Владиміра 4-й степени, который пользовался особенною довѣренностью посла и умѣлъ доводить до его свѣдѣнія тайны вѣнскаго кабинета. Малліа отправленъ былъ въ Петербургъ Разумовскимъ и вернулся оттуда недовольный сдѣланнымъ ему пріемомъ и незначительною наградою. Все это усугубляло дурное настроеніе нашего посла.

Между тѣмъ, поляки, проживавшіе въ Вѣнѣ, видя, что дѣло ихъ идетъ плохо, наперерывъ стали толкаться въ передней у Разумовскаго, вымаливая себѣ разныя льготы. Чѣмъ болѣе водилось за ними прежнихъ грѣшковъ, тѣмъ униженнѣе теперь молили они посла о разныхъ милостяхъ. Ржевускіе, Любомірскіе, Салтыки и проч., и проч. являлись смиренными просителями. Отъ нихъ не отставали и злостные враги Россіи—Чарторыжскіе. „Князь Адамъ Чарторыжскій", доносилъ отъ 8 Апрѣля Остерману Разумовскій, „заявляетъ, что онъ и старшій сынъ его, вовлечены бывши со стороны польскаго правленія, въ продолженіе послѣдняго бурнаго сейма, во враждебныя противъ Россіи предпріятія, съ раскаяніемъ нынѣ о томъ вспоминаютъ, чистосердечно желая загладить прошедшее вѣрностью къ священнѣйшей Е. И. В. особѣ, неограниченнымъ повиновеніемъ мудрымъ ея законамъ и государства ея воинскимъ и гражданскимъ постановленіямъ".

Вѣнскій дворъ несомнѣнно стремился къ болѣе тѣсному сближенію съ Россіею послѣ неудачной попытки союза съ Англіею. Тугутъ уже прямо не отказывался отъ приступленія къ прусско-русской конвен-

[1]) Малліа (р. 1757, † 1812) дослужился при вѣнскомъ посольствѣ до д. ст. сов. Онъ завѣщалъ Государю Императору Александру I драгоцѣнное собраніе художественныхъ произведеній, антиковъ, бронзъ, камеевъ и проч. Остальное свое имущество (домъ въ Вѣнѣ и проч.) завѣщалъ онъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ; въ бывшемъ его домѣ въ Вѣнѣ помѣщается нынѣ церковь русскаго посольства.

ціи, но требовалъ болѣе положительныхъ вознагражденій для Австріи. Заявленіе, сдѣланное Кобенцелю о томъ, что въ Петербургѣ о согласіи или несогласіи вѣнскаго двора никто заботиться не будетъ, серьёзно озаботило австрійское министерство. Разумовскій продолжалъ заявлять Тугуту, что торговаться не слѣдуетъ, и что проще всего отправить, не теряя времени, полномочіе къ Кобенцелю для приступленія къ конвенціи, а тамъ уже толковать о притязаніяхъ Австріи. Несмотря однако на все это, отъ вѣнскаго министерства нельзя было добиться положительнаго отвѣта.

Представляя императору Францу собственноручное письмо Государыни, Разумовскій почелъ нужнымъ самъ отъ себя заявить его величеству, сколь пріятно было бы Императрицѣ приступленіе Австріи къ извѣстной конвенціи. Императоръ отвѣчалъ общими мѣстами о своей безпредѣльной приверженности къ Государынѣ, о постоянномъ желаніи дѣлать ей угодное, объ искренности чувствъ своихъ и о надеждахъ, которыя основываетъ на неоцѣненной дружбѣ Россійской Монархини, касательно же всего прочаго онъ просилъ посла обратиться къ Тугуту. Поневолѣ пришлось Разумовскому входить въ новые безконечные разговоры съ главнымъ директоромъ. Послѣдній заявлялъ, что окончательнаго отвѣта дать еще нѣтъ никакой возможности. Промѣнъ Нидерландовъ на Баварію оказался несбыточною мечтою. На это никакъ не хотѣла согласиться Англія, этому также противилась и Пруссія. Оставалось вознагражденія искать на мѣстѣ будущихъ побѣдъ въ Лотарингіи и Эльзасѣ, а въ случаѣ военныхъ неудачъ обратиться къ Государынѣ съ просьбою удѣлить кое-что изъ Польши [1]).

Отвѣтъ на письмо Екатерины послужилъ опять поводомъ къ разговору между Тугутомъ и Разумовскимъ. Начался онъ съ новыхъ жалобъ на несправедливость заключеннаго между Россіею и Пруссіею акта, потомъ Тугутъ сталъ доказывать, до какой степени императоръ обиженъ и обойденъ. Въ заключеніе онъ заявилъ, что отдаленность границъ, между Россіею и Австріею, постоянно считалась вѣнскимъ кабинетомъ лучшею порукою незыблемости союза между двумя государствами. Теперь границы стали смежными, а это несомнѣнно дѣйствуетъ на ту пріязнь, которую всегда желала Австрія. Къ тому же, добавилъ Тугутъ, въ виду такого безмѣрнаго увеличенія сосѣднихъ владѣній, при чемъ же останется Австрія и можно ли ей отказаться отъ соразмѣрнаго вознагражденія? „Значитъ, баронъ“, возразилъ Разумовскій, „вы желаете, чтобы мы уничтожили только что заключенную конвенцію и составили бы новый актъ, но только, что

[1]) Депеша отъ 7 Іюня 1793, къ гр. Остерману.

представленной вами и весьма выгодной для германскаго императора программѣ?“ Тугутъ прямо на это не отвѣчалъ и опять сталъ распространяться о новыхъ границахъ Россіи. Однако, въ концѣ разговора, онъ рѣшительно заявилъ, что императоръ не можетъ приступить къ конвенціи безъ соразмѣрнаго вознагражденія.

Разумовскій возразилъ, что весьма сожалѣетъ о томъ, какъ превратно толкуютъ въ Вѣнѣ вопросъ о новыхъ границахъ Россіи. При составленіи пограничной линіи имѣлось единственно въ виду оградить Россію отъ Турціи. „Къ тому же“, добавилъ посолъ, „конвенція — это торжественный актъ, отъ котораго отказаться, въ угоду императору, нѣтъ никакой возможности. Пусть баронъ припомнитъ всегдашнюю политику с.-петербургскаго двора и прослѣдитъ за неизмѣнно-твердымъ его образомъ дѣйствій, тогда ему самому ясно станетъ, что со стороны Россіи перемѣна немыслима. Императору германскому остается только откровенно и прямо приступить къ конвенціи, полагаясь вполнѣ на вѣрную свою союзницу, касательно поддержанія въ будущемъ законныхъ своихъ требованій. Этимъ несомнѣнно и навсегда заслужитъ онъ полное благорасположеніе Государыни“ [1]).

Среди австрійскаго министерства необходимость сближенія съ Россіею стала аксіомою. Товарищи Тугута по секрету сообщали Разумовскому, что рано или поздно императоръ приступитъ къ конвенціи, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы ему въ будущемъ обѣщано было приличное вознагражденіе [2]).

Между тѣмъ, благодаря энергіи посла нашего, графа Я. Е. Сиверса, дѣло въ Гродно было покончено. Знаменитое, нѣмое засѣданіе гродненскаго сейма (12 Сентября ст. ст.), de facto, если не de jure, признало второй раздѣлъ Польши. Екатерина поспѣшила теперь заключить съ республикою вѣчный союзъ. Съ цѣлью обезпечить Польшу отъ дальнѣйшихъ замысловъ Пруссіи, Екатерина предлагала Австріи назначить города, которые республика приглашена будетъ укрѣпить и въ которыхъ предполагалось держать австрійскіе гарнизоны. Государыня обѣщалась все сдѣлать для Австріи, лишь бы императоръ отказался отъ своего намѣренія, въ случаѣ неудачъ на западѣ овладѣть Краковомъ и распространить свои владѣнія на счетъ Польши [3]). Переговоры эти поручено было вести Разумовскому, и онъ въ длинномъ рапортѣ, отъ 27 Сентября 1793 года на имя Государыни, доносилъ о ходѣ даннаго ему порученія.

„Le baron de Thugut“, писалъ онъ, „cauteleux et défiant par ca-

[1]) Депеша къ Остерману отъ 27 Сентября 1793.

[2]) Тамъ же.

[3]) Соловьевъ.—Исторія паденія Польши, 314.

ractère, revient toujours à la nécessité de stipuler les indemnités de la cour de Vienne en Pologne, en cas où celles de la France, soumises aux chances de la guerre et de la politique, viendraient à lui échapper... Le nouveau ministre m'a observé que l'idée de V. M. I. de consolider l'existence de la Pologne pouvait être très utile aux deux cours Impériales, mais que si l'on accordait au roi de Prusse également la faculté d'élever des forteresses sur les frontières, l'avantage pour les susdites cours devenait illusoire. Que le projet en question était présenté d'une manière vague, qu'il faudrait savoir comment s'y prendre pour le faire agréer aux Polonais, et qu'enfin il faudrait peut-être que la cour de Vienne fut invitée à l'accession du traité, que V. M. I. a conclu avec les Polonais. Une foule de craintes et de difficultés de sa part manifestaient sa défiance, et son appréhension sur un projet auquel il n'était point préparé et qu'il avait l'air de soupçonner cacher quelque chose de captieux... „Vous m'avez repété maintes fois“ lui dis-je, „que dans le nouveau démembrement que vient d'essuyer la Pologne, vous n'avez jamais jalousé la part qui est revenue à la Russie, mais vous êtes profondément affecté de l'acquisition des Prussiens. Vous avez appréhendé qu'en les favorisant nous n'eussions été guidés par des dispositions envers eux préjudiciables aux liens qui nous unissent avec vous et ce fût là, si vous voulez en convenir, le motif qui vous a fait marchander sur vos indemnités et qui vous a porté à vous assurer de notre consentement à vous étendre aussi sur la Pologne. Les assurances que l'on vous a donné constamment du contraire, ont calmé en partie vos alarmes, elles doivent être détruites complétement par les communications que je viens de vous faire. Ecartez toute défiance, posez pour base de toutes vos combinaisons que nous sommes fidèles à notre ancien système, dont nous apprécions l'avantage. Soyez certain que l'agrandissement de la cour de Berlin ne nous est pas plus agréable qu'à vous, et que si nous y avons coopéré par circonstances, nous y répugnons par principe. Mettez de côté tout calcul étranger à cette base unique, et c'en est un sans doute que votre acquisition sur la Pologne. Dans le projet de l'Impératrice de consolider ce qui en reste, afin d'en former un état intermédiaire entre les deux cours Impériales et celle de Berlin, reconnaissez une mesure salutaire et des plus utiles pour vous sous tous les rapports... Considérez-la sous les rapports que présente l'avenir, et non sous ceux relatifs à la guerre actuelle et à l'incertitude de son issue. Soyez sûr, que l'Impératrice veut que vous en sortiez qu'avec des dédomagements équivalents à vos efforts, conformes à ses sentiments pour l'Empereur et proportionnés à l'intérêt réciproque des deux cours Impériales. Mais pourquoi cherchez vous des

dédomagements sur la Pologne? Renoncez à cette acquisition de nulle valeur pour vous...“

Слова русскаго посла мало вліяли на упрямаго министра. Разумовскій снова къ нему явился и снова завелъ рѣчь о польскихъ дѣлахъ. На этотъ разъ графъ Андрей Кириловичъ рѣшился точнѣе формулировать свои требованія и съ этою цѣлью писалъ Тугуту слѣдующіе вопросы:

1. Consentez vous à renoncer à toute acquisition en Pologne, soit à titre de sûreté pour vos frontières, ou à titre d'indemnités pour votre guerre actuelle, celles sur la France venant à manquer? На этотъ вопросъ Тугутъ отвѣчалъ: Nous y consentons sous la réserve proposée par S. M. l'Impératrice de faire fortifier deux ou trois points de notre frontière et de nous y accorder garnison. Nous renonçons à l'alternative des indemnités, le tout d'après notre adhésion complète au plan de S. M. à l'égard de la Pologne, et l'utilité qui en doit résulter contre l'ambition de la cour de Berlin.

2. Accéderez vous purement et simplement à la convention du 12 (23) Janvier?—И здѣсь снова Тугутъ отвѣчалъ утвердительно, но тутъ же сталъ домогаться тайнаго договора, въ силу котораго Государыня обѣщала бы помочь Австріи получить, взамѣнъ Польскихъ, другія вознагражденія. „Il commença“, писалъ Разумовскій, „par me faire cette question d'un ton patelin qui lui est propre:

„De grace, m. l'ambassadeur ayez la bonté de me dire où est-ce que nous pourrions chercher nos dédomagements au défaut de conquêtes sur la France? En Allemagne c'est impossible; l'échange de la Bavière est impraticable, l'Angleterre s'y oppose formellement et l'effectuer de force serait nous mettre à dos tout l'empire. Il en est de même des sécularisations et de toutes autres acquisitions qui en comprometteraient la constitution, et en blesseraient les membres. Vous voyez notre embarras, aidez moi de vos lumières, donnez moi une idée“. Je lui répondis que c'était une plaisanterie de sa part, et que je rendais trop justice à son esprit pour m'aviser de vouloir l'aider du mien, puis j'ajoutais en riant: „mais n'auriez vous pas quelque vieux titres à faire valoir en Italie?“ Il sourit, et j'apperçus que l'idée ne lui était pas nouvelle...“ Очевидно, что только этого и желалъ хитрый австрійскій министръ. Онъ домогался того, чтобы русскій посолъ первый выразилъ подобную мысль. Развивая сдѣланный Разумовскимъ намекъ, Тугутъ пояснилъ, что при первомъ раздѣлѣ Польши, мысль объ усиленіи Австріи, со стороны Италіи, впервые выражена была Фридрихомъ Великимъ. Австрійскій министръ просилъ Разумовскаго передать подъ глубокимъ секретомъ мысль эту Государынѣ, объявляя, что безъ ея помощи она неосуществима. Графъ Андрей Кириловичъ, вернувшись до-

мой, сталъ составлять черновую своего доклада, въ это время явился нарочный отъ Тугута. Баронъ просилъ графа не спѣшить отсылкою курьера и до отправки его еще разъ переговорить съ нимъ. Оказалось, что главный директоръ видѣлся съ императоромъ, который одобрилъ все имъ сказанное, но въ то же время приказалъ передать Разумовскому, что дѣла польскія крайне его безпокоятъ. По мнѣнію Франца II не слѣдовало раздражать короля Станислава-Августа и ставить его въ слишкомъ затруднительное положеніе, а лучше-бы все дѣло отложить до заключенія мира.

Графъ Андрей Кириловичъ, удивленный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, отвѣчалъ, что когда Государыня на что либо рѣшалась, то она сперва составляла себѣ планъ, который долго и всесторонне обдумывала, и что разъ его принявши, она мудро и твердо приводила его въ исполненіе, не обращая вниманія ни на какіе совѣты и отговорки. На полупути Государыня никогда не останавливалась, чему можетъ служить доказательствомъ все славное ея царствованіе. Въ настоящую минуту представлялся случай привести въ исполненіе давно обдуманное дѣло, и едва ли будущее могло представить для этого болѣе удобное время. Тугутъ на это замѣтилъ, что быть можетъ Императрица рѣшилась на какую-нибудь новую уступку Пруссіи. Взорванный этимъ неожиданнымъ знакомъ недовѣрія, Разумовскій отвѣчалъ такъ, что Тугутъ принужденъ былъ извиниться. Онъ старался объяснить слова своимъ громаднымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на вѣнское общество конвенціею 12 Января. „Всѣ въ Австріи", говорилъ онъ, „были увѣрены, что узы, соединявшіе императорскіе дворы, разорваны на вѣки. Министерство, не съумѣвшее отклонить бѣду эту, пало, и Тугутъ взялъ въ руки дѣла въ то время, когда всѣ вокругъ него недовѣрчиво смотрѣли на Россію, а враждебная Австріи Пруссія всячески старалась разгласить о дружескихъ своихъ сношеніяхъ съ петербургскимъ дворомъ. Несмотря на извиненія главнаго директора, объясненіе это сильно разстроило Разумовскаго. „Le nouveau ministre", писалъ онъ въ концѣ своего донесенія Государынѣ, „joignant à un caractère soupçonneux, l'ambition d'établir son crédit sur les ruines de ses prédécesseurs, toujours en défiance contre nous, cherche en tâtonnant toutes sortes de moyens sous main, pour se ménager quelques ressources qui ont pour but de balancer l'alliance qu'il croyait à son déclin. Cette disposition perçait à travers la bonne intelligence où je me mis avec lui, et je ne doute pas qu'il n'ait fait en Angleterre des tentatives qu'il a su dérober à mes recherches, moyennant sa méthode qui réunit à l'avantage du secret celui de n'être pas contrôlé par les personnes habituées jusque-là à opiner sur tous les évènements".

Въ Россіи, однако, поведеніемъ Разумовскаго были невполнѣ довольны. Хотя мы не находимъ на то намека въ депешахъ графа Андрея Кириловича, однако, сомнѣваться въ томъ, что Екатерина была сильно возбуждена противъ своего представителя при вѣнскомъ дворѣ, нѣтъ возможности, такъ какъ на это указываютъ почти единогласно графъ Румянцевъ и Ростопчинъ, имѣвшіе полную возможность, по своему положенію въ свѣтѣ, знать то, что происходило въ тайныхъ совѣтахъ Государыни. „Императрица", писалъ къ графу С. Р. Воронцову Ростопчинъ отъ 1 Декабря 1793 года, „была въ страшномъ гнѣвѣ на графа Андрея Разумовскаго по случаю заявленія, сдѣланнаго вѣнскимъ дворомъ о намѣреніи овладѣть Польшею посредствомъ занятія ея австрійскими войсками. Графъ Андрей, отправляя съ этимъ извѣстіемъ сюда курьера, сообщилъ о томъ же и Сиверсу, совѣтуя ему остановить засѣданія сейма, до полученія болѣе положительныхъ данныхъ о намѣреніяхъ римскаго императора. Сиверсъ поспѣшилъ письмо Разумовскаго переслать Государынѣ, и рѣчь уже шла объ отозваніи графа Андрея Кириловича, но графъ Зубовъ и Морковъ успѣли укротить гнѣвъ Императрицы, и надо предполагать, что счастливое окончаніе польскихъ дѣлъ вполнѣ загладитъ промахъ посла [1])". „Вѣнскій дворъ" сообщалъ съ другой стороны отцу своему, фельдмаршалу Задунайскому, графъ С. П. Румянцевъ изъ С.-Петербурга отъ 23 Іюня 1793 года, „сдѣлалъ нѣкоторыя, въ разсужденіи пріобрѣтенія въ Польшѣ, покушенія. Хочетъ онъ предварительно занять Краковъ. Съ симъ пріѣхалъ курьеръ отъ графа Разумовскаго, который, угождая двору вѣнскому, послалъ къ Сиверсу курьера, чтобы наши въ Польшѣ распоряженія на нѣкоторое время остановить. Намѣреніямъ императорскимъ съ нашей стороны положатся преграды, а графа Разумовскаго къ Сиверсу предложеніе сочтено будетъ неизвинительною непристойностію [2])". Буря прошла, однако, мимо, и дѣятельность Разумовскаго успѣла, хотя и не вполнѣ, взять перевѣсъ надъ вѣчнымъ отлыниваніемъ и медленіемъ вѣнскаго кабинета. Австрійскому послу въ Петербургѣ отправлено было приказаніе заявить, что Австрія признаетъ миръ, заключенный между Россіею и Польшею, хотя, какъ выразился при этомъ Тугутъ въ депешѣ къ Кобенцелю, вѣнскій дворъ вполнѣ сознавалъ, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ союза между Россіею и Польшею будетъ неограниченное вліяніе первой на вторую, благодаря которому Польша превратится почти въ область Россійской имперіи. Но такъ какъ римскій императоръ увѣренъ былъ въ чувствахъ россійской монархини и зналъ, что взаимные интересы обѣихъ имперій не

[1]) Архивъ князя Воронцова, VIII. 87.

[2]) Русскій Архивъ 1869, стр. 865.

допускаютъ зависти относительно выгодъ, получаемыхъ тою или другою изъ нихъ, то графу Разумовскому данъ былъ самый удовлетворительный отвѣтъ на счетъ союза Россіи съ Польшею [1])".

О приступленіи Австріи къ русско-прусской конвенціи при этомъ не упоминалось вовсе, но Екатерина на этомъ особенно не настаивала. Счастливый исходъ дѣла, какъ справедливо предполагалъ Ростопчинъ, сгладилъ слѣды прежняго недовольства. Екатерина наградила труды Разумовскаго александровскою лентою. „Позвольте порадоваться съ вами, добрый другъ", писалъ по этому случаю къ графу Андрею Кириловичу Морковъ отъ Октября 1793 года, „въ качествѣ собрата посылаю вамъ ленту и звѣзду, примите ихъ въ знакъ дружбы, уваженія и всѣхъ тѣхъ искреннихъ чувствъ, которыя къ вамъ питаю и буду питать покамѣсть живъ".

Несмотря на описанную нами выше служебную непріятность, надо отдать Разумовскому ту справедливость, что въ описываемое нами время онъ усердно работалъ, и что хотя онъ иногда ошибался, однако, все-таки служба его полезна была Россіи, которая въ то время нуждалась въ союзѣ съ Австріею. Небезъинтересно будетъ привести здѣсь сужденіе молодого человѣка, призваннаго уже и тогда, несмотря на юныя свои лѣта, занять видное мѣсто на государственной службѣ, на которой позднѣе пришлось ему играть блестящую роль. Этотъ юноша былъ знакомый уже Разумовскому по Стокгольму, племянникъ графа А. А. Безбородки—Викторъ Павловичъ Кочубей — будущій канцлеръ и князь. Онъ въ то время находился въ Вѣнѣ на пути въ Константинополь, куда только что назначенъ былъ министромъ. Года два передъ тѣмъ, въ Лондонѣ, Кочубей близко сошелся съ посломъ нашимъ, графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ. Кочубей довѣрялъ Воронцову всѣ свои мысли и находился съ нимъ въ дѣятельной перепискѣ, которую послѣдній, по дружбѣ къ дядѣ и любви къ образованному и талантливому юношѣ, поддерживалъ частыми и длинными отвѣтами. „Я такъ доволенъ бумагою, которую вы мнѣ прислали съ графомъ Стадіономъ", писалъ Кочубей къ Воронцову изъ Вѣны отъ 15 Сентября 1793 года, „мысли ваши въ ней такъ благородны и тверды, правда вездѣ такъ ясно и такъ смѣло сказана, что я не могъ удержаться, чтобъ не показать ее представляющей насъ здѣсь особѣ. Двѣ причины меня на сіе рѣшили. Онъ всегда мнѣ говорилъ о системѣ союза нашего подобно вамъ. Но правда-ли сіе или нѣтъ, я не знаю, ибо, что онъ пишетъ, я того никогда не видалъ. Я полагалъ, что если онъ подлинно такъ мыслитъ, то нѣтъ неудобности, чтобъ онъ зналъ возвышенныя мысли человѣка, котораго я больше всѣхъ люблю и коего

[1]) Соловьевъ.—Исторія паденія Польши, 314.

дружба дѣлаетъ мнѣ честь. Ежели бы же былъ онъ фальшивъ и говорилъ иное чѣмъ что думаетъ и пишетъ, то и тутъ, полагалъ я, что можетъ быть польза для службы; ибо увидитъ онъ, что есть люди, кои пренебрегаютъ своими интересами для общихъ и ни въ какомъ случаѣ лести не употребляютъ. Къ сему долженъ прибавить еще и то, что онъ всегда превозносилъ какъ достоинства, такъ и правила ваши. Взявъ обѣщаніе отъ него, что онъ никакого употребленія не сдѣлаетъ, прочелъ я ему сію бумагу. Онъ ею былъ чрезвычайно доволенъ, распространялся новыми похвалами и присоединилъ, что ежели бы были въ Петербургѣ люди, кои бы такъ, какъ вы, мыслили, то все бы шло иначе. Потомъ спросилъ меня, можетъ ли, писавъ къ вамъ, упомянуть о сей бумагѣ. Я ему отвѣчалъ, что правило мое есть ничего отъ васъ никогда не таить; что онъ напередъ знать можетъ, что все, что бы онъ мнѣ какъ теперь, такъ и впредь не скажетъ, конечно, отъ васъ скрыто не будетъ и что я первый напишу къ вамъ, что онъ читалъ бумагу, которую вы, по дружбѣ, для свѣдѣнія моего прислали и что потому онъ поступить можетъ, какъ ему угодно. Я надѣюсь, что вы симъ поступкомъ моимъ не будете недовольны. Связи большой у меня нѣтъ съ симъ человѣкомъ; нравы наши не весьма сходны; о правилахъ не знаю, ибо его—мало мнѣ извѣстны, но полагаю только съ нѣкоторымъ основаніемъ или, лучше сказать, *нѣкоторымъ образомъ увѣренъ, что служитъ онъ съ пользою и дѣла ведетъ такъ, какъ желать можно* для продолженія системы твердаго и натуральнаго союза [1]).

Показаніемъ этимъ мы тѣмъ болѣе должны вѣрить, что между молодымъ посланникомъ и старымъ посломъ не существовало дружескихъ отношеній. „Je dois avant de finir, vous rendre compte de mon séjour ici“ писалъ въ другомъ письмѣ къ Воронцову тотъ же Кочубей. „Sous un autre ambassadeur que le comte de Rasoumovsky, j'en aurais tiré un meilleur parti. Méfiant à l'excès, ambitieux sans bornes, d'un caractère fort extraordinaire en tout, je n'ai jamais pu me rapprocher trop de lui. Il ne me parlait presque jamais d'affaires, mettait dans tout du tortillage, de la réserve. Or, ce ne sont pas ces manières qui me captivent. La confiance me gagne, me lie; elle est pour moi une loi aussi douce que sacrée. Je n'ai donc pas autant profité, comme je l'aurais pu faire avec un autre; mais j'ai d'ailleurs à me louer de ses politesses et de son ton d'amitié pour tout ce qui regardait les choses indifférentes. Je dois cependant rendre justice au comte de Rasoumovsky qu'il est imposible de remplir une place avec plus de zèle et plus de capacité. Il est tout entier aux affaires. Personne n'est mieux instruit de tout que lui; et ce qui plus est, il est parfaitement convaincu que

[1]) Архивъ кн. Воронцова XIV. 17—18.

l'intérêt de la Russie exige qu'elle reste bien avec la cour impériale. Attaché à ce principe par des vues personnelles, ou par d'autres à moi inconnues, il agit en conséquence. Je crois que nous ne pouvons jamais être mieux servis ici par personne, comme nous le sommes par lui... [1]). Le pauvre prince Galitzine", заключаетъ одно изъ своихъ писемъ Кочубей, „est malade à la mort... On le regrettera beaucoup ici; il est impossible d'être plus généralement aimé et estimé que ne l'est ce digne vieillard... Jamais vieillard n'a été plus regretté dans aucun pays, qu'il ne l'est ici" [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, среди переговоровъ о раздѣлѣ Польши тихо угасъ бывшій соперникъ Разумовскаго. „Князь Дмитрій Михайловичъ скончался 19-го Сентября", доносилъ посолъ старому другу покойнаго, вице-канцлеру графу Остерману; „вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ предсмертныхъ распоряженій, здѣшній оберъ-гофмаршалскій трибуналъ немедля опечаталъ все его имущество и отрядилъ чиновниковъ для вскрытія духовнаго завѣщанія. Душеприкащиками назначены: двоюродный братъ покойнаго оберъ-камергеръ князь А. М. Голицынъ и племянники: графы Николай и Сергѣй Петровичи Румянцевы. Что касается до разныхъ, завѣщанныхъ здѣсь покойнымъ княземъ, суммъ, то это поручено чиновникамъ моимъ: Маллiѣ, Отту и Кудрявскому. Погребеніе было два дня тому назадъ. Я долгомъ почелъ присутствовать при панихидахъ на дому и слѣдовать за гробомъ до дачи Предихъ Штуль, принадлежавшей князю и имъ самимъ назначенной мѣстомъ его погребенія [3])".

ГЛАВА VIII.

Брачныя предложенія Неаполитанскаго двора. — Несогласія между союзниками. — Безпорядки въ Польшѣ. — Пререкательства съ Вѣнскимъ дворомъ.

Окончивъ трудные переговоры о Польскомъ раздѣлѣ, Разумовскій сталъ помышлять о поѣздкѣ въ Россію. Онъ мечталъ поправить

[1]) Тамъ же, XVIII. 76.

[2]) Тамъ же, XIV. 18.

[3]) Оберъ-камергеръ кн. А. М. Голицынъ перевезъ тѣло князя Дм. Мих. въ Москву. Оно окончательно предано было землѣ на Донской улицѣ и надъ нимъ возведено великолѣпное зданіе Голицынской больницы.

тамъ дѣла свои, которыя продолжали быть въ критическомъ положеніи. Графъ Кирила Григорьевичъ извѣщалъ его, что всѣ старанія, имъ употребленныя для займа въ 100,000 рублей подъ закладъ имѣній, оказались безуспѣшными. Оставалось только продать ихъ [1]). Наконецъ не безъ труда занялъ Разумовскій 30,000 рублей у оберъ-камергера, князя А. М. Голицына, съ которымъ вошелъ въ сношенія по случаю смерти двоюроднаго его брата, князя Дмитрія Михайловича. „Желаю усерднѣйше", писалъ къ нему по этому случаю отецъ, „чтобы сей заемъ былъ послѣдній и чтобъ ты себя такъ располагалъ въ образѣ твоей жизни, чтобы не было нужды совать твоего имѣнія по разнымъ рукамъ, затыкая прорѣхи, долгами причиненныя, чѣмъ никого не одолжишь, себя же разоришь, и составишь на прочее время жизни твоея тягости и непріятное бремя, что уже и въ самомъ дѣлѣ испыталъ и, кажется, по истинѣ пора опомниться и быть осторожнѣе" [2]). Все это требовало непремѣннаго присутствія нашего дипломата на родинѣ. Онъ зналъ, что былъ любимцемъ отца и надѣялся, обрадовавъ его своимъ пріѣздомъ и, погостивъ у него, получить на поправку дѣлъ денегъ. Наконецъ онъ желалъ лично переговорить съ Государыней о политическомъ положеніи Европы, которое со дни на день болѣе запутывалось. Тучи, одна другой чернѣе, угрожали Австріи со стороны Франціи. Усилія германскихъ армій разбивались съ одной стороны о нежданную стойкость революціонныхъ полчищъ, а съ другой—объ интриги, неспособность и внутреннія междоусобія вождей коалиціи. Императоръ Францъ собирался въ Нидерланды, въ надеждѣ личнымъ присутствіемъ поправить дѣло. Ему должны были сопутствовать императрица и Тугутъ. Въ отсутствіи главнаго директора, послу нечего было дѣлать въ Вѣнѣ. „Je désire", писалъ Разумовскій къ Зубову, „porter aux pieds de ma Souveraine l'hommage respectueux de ma reconnaissance. L'état de mon père et mes affaires domestiques concourent encore aux motifs d'une courte absence pour me retrouver à mon poste au moment du retour de la cour à Vienne". Отпускъ былъ Разумовскому разрѣшенъ, но онъ имъ не воспользовался. Съ одной стороны, Морковъ въ письмахъ своихъ прямо говорилъ, что напрасно Андрей Кириловичъ пускается въ дальное путешествіе въ такое тревожное для Австріи время, замѣчая при этомъ, что во всѣхъ отношеніяхъ было бы полезнѣе для дѣла, если бы онъ послѣдовалъ за императоромъ въ Нидерланды. Съ другой стороны, Разумовскій узналъ, что Государыня на время его отсутствія повелѣла графу Н. П. Румянцеву занять его мѣсто. „Le comte Rasoumovsky a demandé un congé pour aller en Russie", сообщалъ Ворон-

[1]) См. Т. I, 456.

[2]) Тамъ же, 459.

цову изъ Вѣны В. П. Кочубей, „ne prévoyant pas, que l'Impératrice voudrait avoir quelqu'un auprès de l'empereur pendant son voyage aux Pays-Bas; mais dès qu'il fut instruit des dispositions de l'Impératrice à cet égard, il ne voulût pas profiter de ce congé, et lui a démandé la permission d'accompagner l'empereur. Il ne pourra recevoir la réponse que dans quelque temps d'içi, et je désire de tout mon coeur qu'elle soit conforme à ses désirs. Le comte Nicolas (Румянцевъ) embrouillera tout. Outre qu'il n'a pas les talents du comte Rasoumovsky, il est trop exalté sur les affaires de la France, pour ne pas choquer et déplaire à tous ceux de la suite de l'empereur, qui auront à faire avec lui [1])". „J'ose croire", доносилъ съ своей стороны Разумовскій Государынѣ отъ 31 Декабря 1793 г., „que ce n'est pas déplaire à V. M. I. que de la supplier de permettre, que je dépose à ses pieds le sacrifice d'un bienfait, dont la jouissance serait troublée par mon attachement à mes devoirs".

Въ то время, когда Разумовскій ожидалъ отвѣта изъ Петербурга, новое дѣло заняло его вниманіе. Со времени отбытія изъ Италіи, онъ не прерывалъ сношеній съ Неаполемъ и велъ довольно дѣятельную переписку съ королевою Каролиною. Въ Вѣнѣ онъ сблизился съ неаполитанскимъ посланникомъ, маркизомъ Галло, человѣкомъ, далеко не дюжиннымъ, но большимъ интриганомъ, пользовавшимся въ то время, благодаря значенію императрицы и тѣснымъ связямъ ея съ матерью, большимъ вліяніемъ въ Австріи. Галло съ Разумовскимъ былъ знакомъ еще изъ Неаполя, къ тому же, онъ былъ лично извѣстенъ и Екатеринѣ, которой имѣлъ честь представляться въ Херсонѣ. Хотя уже давно въ сердцѣ и совѣтахъ королевы неаполитанской мѣсто отсутствующаго Разумовскаго занято было полу-англичаниномъ и полу-французомъ Актономъ, однако, по старой памяти, она продолжала благоволить къ бывшему своему любимцу и предписала маркизу поддерживать дружбу съ русскимъ посломъ. По прежнему безпокойная и честолюбивая, королева Каролина, имѣвшая громадное вліяніе на дочь, путалась во всѣ интриги вѣнскаго двора, не теряя при этомъ изъ виду собственныхъ выгодъ. Въ настоящее время она была озабочена будущностью многочисленныхъ своихъ дочерей. Она только и думала о томъ, какъ бы выгоднѣе ихъ пристроить, и въ мысляхъ выборъ ея остановился на второмъ внукѣ Екатерины. Графъ Скавронскій довольно небрежно отнесся въ Неаполѣ къ первымъ намекамъ королевы. Недовольная этимъ Каролина прибѣгла къ помощи Разумовскаго. Завелись дѣятельные переговоры. Выборъ невѣсты, королева предоставляла Екатеринѣ, хотя и давала чувствовать свое желаніе, чтобы избрана была, родившаяся въ 1779 г., принцесса Марія-Христина. Съ неаполитанской стороны требовали, чтобы невѣста была уніаткою

[1]) Архивъ кн. Воронцова XVIII, 76—77.

и надѣялись, что Великому Князю создано будетъ совершенно независимое положеніе. Съ этими предложеніями Разумовскій рѣшилъ обратиться прямо къ Государынѣ, которая о нихъ и не подозрѣвала: „directement, et si j'ose le dire sécrètement,“ какъ выразился онъ въ донесеніи своемъ отъ 2 Декабря. Екатерина весьма плохо приняла такое неожиданное и незванное сватовство.“ Par la lettre du comte Rasoumovsky“, писала она, „il est prouvé, que la cour de Naples met un empressement importun presque, à nous donner un de ses petits monstres. Je dis monstres, car tous ces enfants sont malins, tombant du haut-mal, contrefaits, laids et mal élevés. Cette cour n'a pas attendu, que le comte Skavronsky reçut la réponse à la première ouverture qui nous a été faite par lui sur cette affaire, et voilà qu'altérnativement l'ambassadeur marquis Gallo, a persuadé le comte Rasoumovsky de me faire cette proposition, comme un beau projet fort utile, qu'il aurait enfanté lui-même. Or, ce chef-d'oeuvre est un tissu nuisible d'incohérance et d'intrigues. Léopold II a mariée sa fille à un très cadet de Saxe, sans conclure de traité, comme quoi ce très cadet fût fait indépendant avant que d'épouser sa fille. Le roi de Sardaigne en a fait autant. Or, une très cadette de Naples pourrait très bien épouser un cadet de Russie sans aucune condition, et cela d'autant plus, qu'elle ou ses parents en ont si grand désir. LL. MM. ignorent apparemment que la Russie est aussi attachée à la religion orientale grecque, qu'eux à l'occidentale latine. Ils ignorent encore, que la religion grecque unie à la latine, n'est point du tout un mezzo-termine acceptable; que la religion grecque doit être sincèrement professée, et sans reserve mentale, qu'une hérédité latine on gréco-latine ne sera jamais admise de mon vivant; qu'aucun directeur latin ne sera dans ma famille, que le pape perd ses intrigues chaque fois, qu'il tente d'introduire sa primauté sous quelque voile que ce soit en Russie; que c'est à coups de pierre qu'il en serait chassé présentement, tout comme autrefois. А я не привыкла дать на себя кабалу, еще менѣе дамъ я подобное въ семъ дѣлѣ. Обѣщаніе дать В. К. Константину независимое владѣніе выдумано, дабы онъ обязанъ былъ двору вѣнскому и неаполитанскому, а не своей крови и отечеству. LL. MM. sont les maîtres de délibérer avec leur confesseur, mais celui-ci ne saurait décider des intérêts de mon étât et de ma famille, ni du bonheur futur de mon petit-fils. Ce à quoi je pourrais consentir, ce serait que mon petit-fils ne se hâtât pas de se marier avant qu'il ne fut établi, d'autant plus qu'il n'a que 14 ans et qu'il n'est rien moins que formé. Et en attendant LL. MM. seraient libres de marier les princesses leurs filles selon leur convenance [1]“.

[1]) Русскій Архивъ 1863 г. 568—570.

„Слова рескрипта нѣсколько суровы,“ писалъ къ Разумовскому Морковъ по случаю этого неудавшагося сватовства, „но надо признаться, что предложенія маркиза ди-Галло по малой мѣрѣ неловки и безтактны. Надѣюсь, однако, что онъ не будетъ дѣло это считать совершенно поконченнымъ. Это вовсе не въ намѣреніяхъ Государыни, но она рѣшилась твердо держаться того образа дѣйствій, который сама начертала въ рескриптѣ.“ Несмотря на послѣднее завѣреніе, дѣло это кануло въ Лету и о немъ болѣе въ депешахъ Разумовскаго не упоминается.

Дѣла коалиціи, между тѣмъ, шли крайне плохо. Союзники косо другъ на друга смотрѣли и нехотя, безъ убѣжденія, продолжали войну. При несомнѣнномъ умѣ, Тугутъ мало былъ способенъ вести великое дѣло войны и руководить политикою соединенной Германіи. Въ ту минуту, когда участь Австріи ставилась на карту, въ Вѣнѣ думали только о томъ, какъ бы поживиться на счетъ Франціи и поскорѣе получить возмездіе за ненавистный раздѣлъ Польши. Съ другой стороны, въ Берлинѣ подозрительно слѣдили за Австріею. Въ гостинной любовницы прусскаго короля Фридриха-Вильгельма II, графини Лихтенау, спорили изъ-за власти Гаугвицъ, Мёлендорфъ и Гарденбергъ. Общее дѣло было у всѣхъ на устахъ, но каждый думалъ только о собственной выгодѣ: Англія о своей торговлѣ; Австрія о завоеваніяхъ на Рейнѣ; Пруссія о новыхъ захватахъ въ Польшѣ, а буде возможно и въ Германіи. Союзники постоянно другъ на друга жаловались. Среди второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ все болѣе и болѣе развивалось недовольство, громко отзывавшееся на рейхстагѣ въ Регенсбургѣ. Этимъ недовольствомъ ловко пользовалась Пруссія и среди представителей Германіи составляла себѣ сильную партію. Отношенія между Берлиномъ и Вѣною приняли острый характеръ. Хитрый прусско-итальянскій маркизъ Лукезини явился въ Вѣну съ баснословными претензіями. Берлинскій кабинетъ для продолженія войны требовалъ отъ Австріи ежегодную субсидію въ 30 милліоновъ подъ залогъ Силезіи. Австрійскіе министры были внѣ себя отъ такого предложенія; по городу распространился слухъ, будто Пруссаки готовы заключить миръ съ Франціею, а до Петербурга стали доходить вѣсти будто Тугуту грозитъ отставка. Разумовскій горячо принялъ, въ этомъ неожиданно-остромъ столкновеніи двухъ первыхъ германскихъ кабинетовъ, сторону Австріи. Онъ находилъ, что Тугутъ одинъ можетъ спасти въ настоящую минуту честь имперіи Габсбурговъ. Въ депешѣ своей, отъ 4 Января 1794 года, упоминая о ходившихъ по Вѣнѣ и Петербургу толкахъ объ отставкѣ Тугута, графъ Андрей Кириловичъ, между прочимъ, доносилъ вице-канцлеру графу Остерману: „Je doute fort, que ce bruit soit fondé, et il serait d'autant plus dangereux, ce me semble,

d'innover dans les circostances actuelle, que la capacité, l'intelligence et le zèle du directeur général devrait lui assurer la confiance de son maître".

Всю вину недоразумѣній русскій посолъ сваливалъ на Пруссію и на представителя ея при вѣнскомъ дворѣ, маркиза Лукезини. „Le marquis Lucchesini", писалъ Разумовскій отъ 11 Января, „par esprit d'inquiétude, de zèle déplacé, et plus encore, par chicane contre ce pays-ci, auquel il garde une ancienne rancune, cherche à aigrir les humeurs au détriment des affaires... La désunion qui subsiste entre cette cour et celle de Berlin", доносилъ онъ отъ 2 Февраля, „rejétée en apparence sur la conduite des généraux et des ministres, a sa véritable cause, sans doute, dans la politique prussienne guidée par sa malveillance contre une puissance rivale, et le désir d'augmenter ses embarras. Cette désunion a été fortement accrue par le marquis Lucchesini". Впрочемъ, Разумовскій находилъ, что напрасно въ Вѣнѣ слишкомъ ясно выказывали Лукезини неблаговоленіе. „Quelque juste que soit à son égard l'opinion qu'on en a conçue, il m'a paru que la manière de la témoigner n'était pas convenable, et j'ai pris la liberté de le représenter amicalement au baron de Thugut, mais sans beaucoup de succès... le baron n'est pas le seul qui ait adopté cette marche défectueuse et propre à compromettre le souverain qu'il sert. Le prince Colloredo altier, obstiné et borné, en est peut-être la cause première".

Касательно хода дѣлъ и состоянія политической атмосферы, трудно было разобрать истину среди противорѣчащихъ другъ-другу показаній враждебныхъ при дворѣ партій. „Cette variation", доносилъ Разумовскій Остерману отъ 4 Февраля, „parait dans la manière de poser les faits, de déduire les conséquences, et en place de mesures à prendre entre les alliés, il n'en résulte que des mésentendus et une aigreur toujours croissante"... Предложеніями, которыя дѣлали Англія и Пруссія, Тугутъ былъ недоволенъ и заявилъ, что Австріи остается только обратиться къ посредничеству Россійской монархини. „Le cabinet de Vienne", доносилъ Разумовскій Остерману отъ 13 Февраля, „est résolu de ne plus s'exposer à la politique dangereuse d'une alliée perfide. Lucchesini par sa jactance, ses menaces, ses finesses et ses faussetés ajouta l'aigreur à la défiance qui existait déjà. On se décida alors à soumettre à l'arbitrage de notre auguste Souveraine les interminables récriminations des deux cours. C'était adopter un parti conforme au système de temporiser, et satisfaire au principe d'attachement qu'on professe ici pour notre alliance, en même temps que rendre hommage à la profonde considération qu'on porte à notre Souveraine. A peine avait on fait cette démarche, que je fus mis à partie, par vos dernières dépêches, de faire connaitre au ministère de l'empereur que S. M. I.

avait prévenu les voeux de ce prince dans les instructions qu'elle a fait donner à son ministre à Berlin, et celles qui furent prescrites au prince de Nassau. L'empereur et son ministère en furent pénétrés de reconnaissance et quoique sans doute m. de Cobenzl a été chargé de l'exprimer, elle m'a été si souvent et si vivement répétée, que je crois devoir ici en consigner le témoignage."

Екатерина рѣшила положить предѣлъ спорамъ между союзниками. Принцу Нассау-Зигену поручила она вести переговоры о посредничествѣ между Берлиномъ и Вѣною. Принцъ началъ съ Берлина, а оттуда прискакалъ въ Вѣну, требуя отъ министерства немедленной высылки полномочій австрійскому посланнику при прусскомъ дворѣ, графу Лербаху, для примиренія и составленія плана новаго похода противъ Французской республики.

Прибывъ въ Вѣну, принцъ Нассау явился къ Разумовскому. „M. l'amiral", доносилъ послѣдній Остерману, „transporté par son zèle pour la cause respectable qui l'anime, a cru terminer en trois jours l'objet de son voyage, et s'en retourner à Berlin. Il m'a fait lecture de toutes les pièces relatives à sa mission et de ses dépêches. Je me suis fait un devoir de lui représenter les difficultés qui s'opposeraient à la promptitude des mesures qu'il venait solliciter. Je lui ai dit tous les motifs de mécontentement et de reserve à Vienne, mais je n'ai rien dit sur la détermination prise par la cour de Vienne, parceque le baron de Thugut me l'a confiée sous le sceau du secret".

Это рѣшеніе Тугута, которое Разумовскій не сообщилъ уполномоченному Екатерины, состояло въ твердомъ намѣреніи не входить въ соглашеніе съ Пруссіею и даже скорѣе согласиться на миръ съ Франціею, чѣмъ на предлагаемыя берлинскимъ дворомъ непомѣрныя условія союза. Тѣмъ не менѣе, Разумовскій повезъ принца Нассау къ Тугуту и присутствовалъ при довольно оживленномъ ихъ разговорѣ. Посланецъ Екатерины упомянулъ о конвенціи 12 Января 1793 года и упрекалъ австрійское правительство въ томъ, что оно отказывалось къ нему приступить. Тугутъ горячо защищалъ свои дѣйствія. „Je m'étais tû pendant la conversation", писалъ къ Остерману Разумовскій отъ 21 Февраля, „je ne crus devoir prendre la parole que pour certifier au baron de Thugut le caractère de loyauté que je connaissais au prince, et le zèle infini qu'il déployait dans son dévouement au service de notre auguste Souveraine et apeller à son témoignage sur ce que je lui avais maintes fois répété les mêmes assurances, afin de détruire les injustes préventions qu'on avait contre la partialité du prince de Nassau pour Berlin".

Одновременно съ принцемъ Нассау въ дѣло впутался прусскій министръ Лукезини. Прежде, однако, чѣмъ обратиться къ Тугуту,

онъ явился за совѣтомъ къ Разумовскому. Послѣдній ему замѣтилъ, что едва-ли, по его мнѣнію, теперь удобное время настаивать въ Вѣнѣ на союзъ съ Пруссіею. Министерство заявило свой образъ мыслей и отъ него не отстанетъ. Приступать съ тѣми же предложеніями, значитъ терять драгоцѣнное время. Русскій посолъ совѣтовалъ своему товарищу, приложить все стараніе къ сглаживанію затрудненій съ тѣмъ, чтобы этимъ путемъ достигнуть конечной цѣли, т.-е. союза между Пруссіею и Австріею, котораго, по мнѣнію Разумовскаго, настоятельно требовали тогдашнія обстоятельства Европы. „Близкія ваши сношенія съ Англіею, готовность, съ которой она соглашается на всѣ ваши требованія“, заключилъ Разумовскій, „облегчатъ вамъ дѣло. Кончайте скорѣе съ англійскимъ министерствомъ и уговорите его взять на себя часть тѣхъ неимовѣрныхъ субсидій, которыя вы требуете отъ Австріи“. О своемъ разговорѣ съ Лукезини, Разумовскій намекнулъ и Тугуту, который вполнѣ одобрилъ все имъ сказанное. Но австрійское правительство не вѣрило въ добрыя отношенія между Берлиномъ и Лондономъ и предполагало, что всѣ переговоры окончатся ничѣмъ. На дѣлѣ оказалось, однако, иное. Не только оборонительный союзъ состоялся, но еще вѣнскому кабинету предложено было, одновременно изъ Лондона и Берлина, приступить къ этому союзу. Разумѣется, прямого отвѣта дано не было, и въ Вѣнѣ стали по обычаю выжидать, какъ обрисуются обстоятельства.

При первомъ свиданіи съ Разумовскимъ, послѣ полученія извѣстія о состоявшемся между Берлиномъ и Лондономъ соглашеніи, Тугутъ не могъ не выразить своего удивленія, что Англія такъ легко согласилась на преувеличенныя, хотя и значительно уменьшенныя, требованія Пруссіи. „Мы, признаюсь“, добавилъ Тугутъ, „увѣрены были въ противномъ“. На вопросъ Разумовскаго о томъ, чему надо приписать такое быстрое рѣшеніе, Тугутъ отвѣчалъ, что самъ затрудняется, какъ себѣ это объяснить, но потомъ добавилъ, подумавъ немного: „развѣ Англія опасается, что вы снова объявите войну Турціи и потому заманиваетъ Пруссію въ союзъ, который будетъ служить помѣхою воинственнымъ замысламъ Россіи“.

Предположеніе это было высказано не случайно; Тугутъ ему вѣрилъ, и оно видимо его смущало. Онъ замѣтилъ послу, что война Россіи съ Турціею будетъ окончательнымъ бѣдствіемъ для австрійской монархіи, и что Пруссія не пропуститъ такого удобнаго случая снова усилиться на счетъ Польши. Разумовскій съ трудомъ могъ успокоить расходившагося директора. „Зачинщиками мы, конечно, не будемъ“, говорилъ русскій посолъ, „а турки не совсѣмъ еще сошли съ ума и не рѣшатся на насъ напасть первыми“. Чтобы развлечь Тугута, Разумовскій спросилъ его, на что рѣшится австрійское правительство, если

Пруссія окончательно откажется отъ продолженія войны. Въ отвѣтъ на это, Тугутъ сталъ развивать великолѣпную картину боевыхъ силъ Австріи, упоминая при этомъ о блестящихъ планахъ слѣдующей кампаніи, представленныхъ новопожалованнымъ генералъ-маіоромъ Макомъ. Среди своей рацеи, австрійскій министръ упомянулъ о томъ, какъ бы полезна была высадка русскихъ войскъ во Франціи, но Разумовскій поспѣшилъ заявить о затрудненіяхъ перевозки и о необходимости сохранить въ полномъ ихъ составѣ военныя силы, выставленныя на границахъ имперіи, на случай нападенія отъ сосѣдей. О планѣ Мака Тугутъ упомянулъ только вскользь; вѣнское правительство сохраняло его въ глубочайшей тайнѣ, но ловкій Лукезини успѣлъ добыть съ него копію и копію эту сообщилъ Разумовскому. Пораженный приведенными въ планѣ фактами и смѣлыми предположеніями, шедшими въ разрѣзъ съ обычною робостью и нерѣшительностью вѣнскаго министерства, Разумовскій не могъ удержаться, чтобы не спросить у главнаго директора: точно ли читанное имъ писано было Макомъ. Тугутъ страшно разсердился, узнавъ, что тайна оглашена, и въ сердцахъ воскликнулъ: „Когда вы аттакуете и бьете турокъ, вы не считаете числа ихъ. Генералъ Суворовъ съ 25,000 войска съумѣлъ побить ихъ, не худо бы принцу Кобургскому припомнить данные ему вашимъ военачальникомъ уроки [1]).

Покуда союзники спорили о томъ, на какихъ условіяхъ имъ продолжать войну, и Австрія придумывала какъ бы отвлечь Пруссію отъ Польши, сама судьба направила снова вниманіе Европы на несчастную республику. Неисправимые сыны ея, своею безтактностію, ссорами и легковѣріемъ подвергшіе уже двумъ раздѣламъ свое несчастное отечество, готовили ему теперь окончательную гибель. Графъ Дзялынскій и банкиръ Капостасъ затѣяли безпорядки въ Варшавѣ. Неумѣлость русскаго посла Игельштрома, занявшаго мѣсто Я. Е. Сиверса, дала первый толчокъ движенію. Изъ-за границы мятежниками вызваны были Косцюшко, Игнатій Потоцкій и Колонтай, а побѣда перваго, надъ ничтожнымъ отрядомъ Тормасова, подняла на ноги всю Польшу.

„Les troubles qui viennent d'éclater en Pologne“, доносилъ Остерману Разумовскій отъ 22 Марта, „sont indubitablement fomentés par les jacobins de la France, qui leur auront fourni les moyens pécuniaires dont ils avaient besoin. On dit ici, que 15 millions ont passé par Vienne même. J'en serais d'autant moins surpris, que la vigilance de la police a toujours paru s'endormir sur le compte des Polonais, qui fourmillent ici, et dont les propos licencieux auraient dû attirer l'attention“.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Вѣнѣ открыто говорили, что эмигрантъ графъ

[1]) Депеша къ Остерману, отъ 5-го Марта.

Солтыкъ набралъ у себя до 13,000 ружей и что многіе поляки, а въ ихъ числѣ и князь Іосифъ Понятовскій, намѣрены присоединиться къ мятежникамъ. Въ отвѣтъ на представленія Разумовскаго, Тугутъ отвѣчалъ, что доходившіе до русскаго посла слухи были крайне преувеличены. Въ самомъ дѣлѣ, толки о милліонахъ, отправленныхъ изъ Франціи, были пустою выдумкою. Революціонное правительство не думало помогать полякамъ, и отправленные въ Парижъ мятежные посланцы получили отъ министра Лебрёна одни неопредѣленныя обѣщанія помощи со стороны Турціи. За то, движеніе между жившими въ Вѣнѣ поляками не было ни для кого тайною. Стали ходить слухи о томъ, что австрійскіе министры не безъ удовольствія смотрятъ на затрудненія, которыя начинаютъ грозить Россіи со стороны Польши.

Слухи эти дошли и до Разумовскаго, который поспѣшилъ увѣдомить вице-канцлера Остермана о томъ, что подобную молву особенно усердно распространяетъ по Вѣнѣ маркизъ Лукезини. У Тугута, по мнѣнію посла, ничего подобнаго не было на умѣ, напротивъ, при послѣднемъ свиданіи, онъ выражалъ свое опасеніе о томъ, что въ Польшѣ недостаточно русскихъ войскъ и что, того и гляди, туда вступятъ снова пруссаки. „Вѣнское правительство", добавилъ Тугутъ, „еще не знаетъ на что рѣшиться, но ни въ какомъ случаѣ не дозволитъ берлинскому кабинету распоряжаться по-своему въ Польшѣ. Другое дѣло Россія; все что она сдѣлаетъ будетъ сочтено за благо, лишь бы Пруссія тутъ была ни причемъ". „On ne peut considérer sans une appréhension réelle", доносилъ Остерману отъ 29 Марта Разумовскій, „la part que la cour de Berlin voulait s'attribuer dans la pacification des troubles qui viennent d'éclater... le baron de Thugut trouve qu'il était d'urgence de s'entendre avec la Russie sur les mesures à prendre, pour obvier à des évènements aussi alarmants et faire en sorte, que la Prusse rapelle au plustôt ses troupes. Le baron, en me manifestant son inquiétude sur l'entrée des Prussiens, me parût n'être pas exempt de celle, qu'une semblable mesure de leur part ne fût une suite d'un consentement éventuel de notre cour, puisque ses lettres de Varsovie lui mandaient qu' Igelstrom les y avait engagés". Разумовскій старался успокоить Тугута, говоря, что Игельштромъ, вѣроятно, дѣйствовалъ тутъ самъ отъ себя, не дождавшись повелѣній изъ С.-Петербурга. Тугутъ просилъ однако Разумовскаго написать Игельштрому, чтобы онъ никакъ не дозволялъ пруссакамъ занимать Кракова, что̀ русскій посолъ и поспѣшилъ сдѣлать шифрованною депешею. Въ Галиціи изданъ былъ строжайшій приказъ, запрещавшій всякое сношеніе жителей съ мятежниками, и къ польскимъ границамъ стянуто было нѣсколько полковъ, стоявшихъ въ Моравіи и Венгріи. Тѣмъ временемъ императоръ съ Тугутомъ отправился къ арміи въ

Бельгію, а Разумовскій, въ виду важности польскихъ событій, не рѣшился за ними слѣдовать и остался въ Вѣнѣ, до полученія болѣе положительныхъ приказаній изъ С.-Петербурга. Положеніе его было самое затруднительное. Игельштромъ—съ одной стороны, прислалъ нарочнаго съ настоятельною просьбою побудить вѣнское министерство къ принятію рѣшительныхъ мѣръ противъ польскаго возстанія; съ другой стороны, графъ Салтыковъ жаловался на австрійскія пограничныя власти, дозволявшія мятежническимъ шайкамъ искать убѣжища отъ русскихъ войскъ въ Галиціи. Тугутъ уѣхалъ, не оставивъ уполномоченнаго, съ которымъ можно бы было переговорить о дѣлахъ. Временнымъ намѣстникомъ императора въ Вѣнѣ остался третій братъ его, эрцгерцогъ Іосифъ, палатинъ венгерскій, восемнадцати-лѣтній юноша, не имѣвшій права принимать безъ вѣдома императора важныхъ рѣшеній. Приходилось отправлять нарочныхъ въ погоню за главнымъ директоромъ и по-долгу ждать отвѣтовъ, между тѣмъ, времени терять было нечего тѣмъ болѣе, что поляки, жившіе въ Вѣнѣ, распространяли самые преувеличенные разсказы объ успѣхахъ возстанія. „Je ne saurais donner une idée", доносилъ Остерману Разумовскій отъ 10 Мая, „de tous les propos absurdes que débite la tourbe nombreuse de Polonais qui se trouve à Vienne".

Такое натянутое положеніе побудило Разумовскаго, не дождавшись отвѣта изъ Петербурга, отправиться вслѣдъ за императоромъ. „J'y emploierai", писалъ онъ отъ 22 Мая къ вице-канцлеру, „conformément aux ordres de v. ex., tous mes soins à faire adopter les mesures d'unanimité et de concert si urgentes, dans la conjoncture actuelle des affaires de Pologne. Je ne mets pas en doute la disposition que je rencontrerai à cet égard dans le baron de Thugut. Je ne manquerai pas de faire valoir aussi les mesures de police à prendre, à l'égard des Polonais séditieux ou malveillants, qui sont dans les états de l'empereur et qu'on y laisse trop librement jouir de la faculté de séjourner partout et de distiller le venin de leurs opinions dangereuses".

Путешествіе императора Франца на Рейнъ благотворно подѣйствовало на ходъ войны. Герцогъ Іоркскій, командовавшій англійскими войсками, высланными въ Нидерланды на помощь принцу Кобургскому, побилъ при Като и Катильонѣ французскую армію, предводительствуемую генераломъ Шапюи, отогналъ ее до Камбре и захватилъ у непріятеля 37 пушекъ. Слѣдствіемъ этой побѣды было паденіе крѣпости Ландреси, которая сдалась принцу Оранскому, и занятіе Валенсіена. Австрійскія войска, подъ начальствомъ генерала Клерфета, мужественно отстаивали на берегахъ рѣки Самбры храбрый натискъ французовъ. Къ несчастію для Австріи, вокругъ императора образовалась цѣлая сѣть интригъ, въ которыхъ главное участіе при-

нимали Тугутъ, Макъ и принцъ Кобургскій. Францъ II склонялся на сторону Мака, который предлагалъ идти прямо на Парижъ. Вѣроятно, это и былъ тотъ планъ, который сообщилъ Разумовскому маркизъ Луккезини. Но теперь слишкомъ рѣшительнымъ предпріятіямъ сталъ противиться Тугутъ, который зналъ, что тайныя намѣренія вѣнскаго кабинета уже оглашены. Мысль о томъ, что можетъ произойти на восточной границѣ имперіи, во время дальняго похода на западъ, мучила барона, который не могъ спокойно подумать о томъ, что пруссаки воспользуются отсутствіемъ австрійскихъ войскъ, чтобы по-своему распорядиться въ Польшѣ. Новая комбинація породилась въ головѣ Тугута. Онъ предложилъ поручить защиту Нидерландовъ исключительно англичанамъ и голландцамъ, а большую часть австрійскихъ войскъ обратить на Польшу, дабы изъ рукъ русскихъ и пруссаковъ выхватить готовую добычу. Къ мнѣнію главнаго директора присталъ принцъ Кобургскій. Императора не трудно было убѣдить, и къ крайнему удивленію какъ союзниковъ, такъ и австрійскихъ военачальниковъ, Францъ II поскакалъ обратно въ Вѣну. Между тѣмъ, Разумовскій, не любившій спѣшить, медленно направлялся къ Бельгіи. На дорогѣ случайно узналъ онъ „о неожиданномъ и необъяснимомъ возвращеніи императора въ Вѣну". Посолъ доѣхалъ до Франкфурта на Майнѣ и тамъ ему объявили, что на возвратномъ пути въ столицу, въ Швецингенѣ, императоръ намѣренъ сдѣлать генеральный смотръ войску и что ради этого туда соберутся всѣ германскіе властители. Разумовскій отправился далѣе, но вскорѣ узналъ, что извѣстіе было ложное, однако, такъ какъ онъ уже доѣхалъ до границъ Баденскаго маркграфства, то воспользовался этимъ случаемъ, чтобы погостить въ Карлсруэ у маркграфа и въ Раштатѣ у принца Конде. На возвратномъ пути, въ Регенсбургѣ, попался графу Андрею отправленный къ нему на встрѣчу отъ маркиза Луккезини нарочный. Прусскій посланникъ извѣщалъ своего собрата о вспыхнувшемъ въ Варшавѣ мятежѣ, объ умерщвленіи Игельштрома сына и князя Гагарина и о томъ, что самъ Игельштромъ, послѣ осады квартиры его на Медовой улицѣ, съ отрядомъ въ 250 человѣкъ, едва могъ выйти изъ Варшавы и соединиться съ пруссаками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Луккезини сообщилъ Разумовскому, что получилъ отъ короля своего приказаніе требовать его содѣйствія къ освобожденію оставшихся въ Варшавѣ плѣнныхъ русскихъ и пруссаковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были членами, тамошнихъ, русской и прусской миссій. На другой же день послѣ своего пріѣзда въ Вѣну, Разумовскій просилъ аудіенціи у императора и съ трудомъ, несмотря на помощь князя Коллоредо, успѣлъ исторгнуть у Франца II, невполнѣ положительное, обѣщаніе заняться судьбою заключенныхъ.

Внезапное возвращеніе императора породило въ Петербургѣ справедливыя подозрѣнія. „Мы съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ объясненія истинной причины, побудившей императора вернуться въ столицу“, писалъ къ Разумовскому Морковъ отъ 18 Іюня: „Мы всѣ безъ исключенія старались отгадать причину этого неожиданнаго возвращенія и всѣ наши предположенія остановились на томъ, что поводомъ къ тому были польскія дѣла“. Въ Петербургѣ не ошибались. Императоръ, какъ мы видѣли выше, точно вернулся изъ-за Польши, гдѣ быстро другъ за другомъ слѣдовавшія событія совершенно измѣнили весь ходъ дѣла.

Косцюшко напалъ на соединенныя русскія и прусскія войска и потерпѣлъ пораженіе, а русскій генералъ Дерфельденъ разбилъ при Холмѣ поляковъ подъ начальствомъ Зайончека. Слѣдствіемъ этихъ двухъ побѣдъ была сдача Кракова пруссакамъ „La nouvelle de la prise de Cracovie et de son occupation par les Prussiens“, доносилъ Разумовскій вице-канцлеру отъ 5 Іюля, „venait d'être reçue ici, lorsque je revins de mon inutile voyage. Cet évènement qui faisait grande sensation dans le public, affectait vivement la cour et les ministres. A la peine qu'on en ressentait, se joignait l'humiliation, et j'ose dire le ridicule d'une démarche, dont le succès aurait peut-être effacé l'irrégularité, mais qui ayant manquée, parcequ'elle a été mal combinée, n'aurait pas dû être avouée maladroitement, ainsi que l'a fait Jenisch, substitut du b. de Thugut, au résident de Prusse, en se plaignant en quelque façon, qu'on ait manqué d'égards pour l'uniforme autrichien... J'ai eu l'honneur de mander à v. ex. les motifs des ménagements, que la cour de Vienne a cru devoir se prescrire, à l'égard des insurgés de Pologne dans les premiers moments de leur explosion. Ceux-ci, s'en sont prévalu, soit pour se flatter de la protection de cette cour, ou pour en accréditer l'illusion dans leur parti... Abusant de l'accès facile, qu'a le public sans distinction près du souverain, ils couraient à tout instant chez le Palatin, et rependaient en ville mille contes absurdes... Les Polonais, très nombreux à Vienne, répandus dans les sociétés, en influençaient considérablement l'opinion... Les Hongrois, amis de la révolution Polonaise, en étaient, dit-on, les avocats auprès du Palatin. On dit que Kostushko avait envoyé ici en secret des gens affidés, qui avaient cherché à déterminer en sa faveur le penchant du Palatin... Lorsque le roi de Prusse fut devant l'ennemi rebelle, son chef, en voyant sa mauvaise position, et prévoyant les funestes conséquences, envoya ici offrir de livrer Cracovie aux Autrichiens. Le Palatin irrésolu, et sans instructions, n'osa rien entreprendre jusqu'au rétour du courrier dépéché à l'empereur. Ce fut là ce qui motiva le retour précipité de S. M. En attendant, le roi de Prusse remporta une victoire, la prise de Cra-

covie allait en être la suite, on imagina alors d'envoyer au général Elsner un capitaine de génie, pour lui annoncer que les Polonais venaient de rendre la place à l'empereur. Le général prussien traita comme de raison le capitaine d'aventurier. L'empereur ne m'a point parlé de cette étrange aventure dans l'audience assez longue qu'il m'a accordée, mais il est très affecté de ce que les Prussiens avaient occupé Cracovie et il craint qu'ils ne la gardent".

Разумовскій замѣтилъ на слова императора, что Государынѣ было бы несомнѣнно пріятнѣе, если бы Краковъ заняли австрійцы, но такъ какъ вѣнскій дворъ до сихъ поръ еще открыто не объявлялъ себя противъ польскаго мятежа, то на вступленіе пруссаковъ въ Краковъ слѣдуетъ взирать, только какъ на естественное послѣдствіе войны. Францъ II объявилъ на это послу, что онъ очень бы желалъ, чтобы русскія войска замѣнили въ Краковѣ пруссаковъ и просилъ Разумовскаго не теряя времени сообщить о желаніи его въ С.-Петербургъ, а также одновременно извѣстить о томъ и принца Нассау для сообщенія королю прусскому. Не желая огорчить императора, графъ Андрей отдѣлался поклонами. Точно также не счелъ онъ удобнымъ входить въ пререкательство съ Тугутомъ и его товарищами по министерству, которые всѣ, къ наивному удивленію посла, вполнѣ раздѣляли образъ мыслей своего монарха и настаивали на занятіи Кракова русскими войсками. Разумовскому, между тѣмъ, было вполнѣ извѣстно, что подобное занятіе немыслимо и что пруссаки дѣйствовали съ полнаго согласія с.-петербургскаго кабинета. „Quelle terrible explosion nous est venue de Pologne!" писалъ къ нему отъ 27 Апрѣля другъ его Морковъ. „Je n'ai guère eu bonne opinion de ce pauvre baron d'Igelstrohm. Il a trouvé le secret de faire pis, que tout ce qu'on pouvait attendre de plus mauvais de sa part... Il faut une grande activité, une grande célérité pour éteindre le feu au plus vite, et pour cela il faut de grands moyens et les mettre en oeuvre tous à la fois. Les Prussiens avec leurs 45 mille hommes sont un vrai trésor. Qu'on ne s'alarme pas chez vous des conséquences, et qu'on se repose pleinement sur notre amitié et l'inséparabilité de nos intérêts".

Но этого-то довѣрія и не существовало у вѣнскаго двора. Вслѣдъ за неожиданнымъ возвращеніемъ императора, со стороны Австріи приняты были энергичныя мѣры. За эмигрантами, на поведеніе которыхъ до сихъ поръ смотрѣли сквозь пальцы, стали зорко слѣдить. Забѣлло, Станиславъ Потоцкій и аббатъ Піатоли заарестованы были въ Карлсбадѣ. Наконецъ, австрійскія войска получили приказаніе вступить въ предѣлы республики, съ которою вѣнскій дворъ находился въ тѣсномъ союзѣ. Такой неожиданный шагъ ясно указывалъ на то, что Австрія намѣрена была принять дѣятельное участіе въ судьбахъ республики

и на этотъ разъ не дозволять Россіи и Пруссіи самовластно ими распоряжаться. Графъ Андрей предвидѣлъ, что подобный шагъ вѣнскаго двора возбудитъ сильное недовольство со стороны Государыни. Оно доказывало полное недовѣріе къ Россіи и къ торжественнымъ обѣщаніямъ Екатерины. Русскій посолъ поспѣшилъ представить австрійскому министру всю странность рѣшенія вѣнскаго кабинета и желалъ знать, на какомъ собственно основаніи и подъ какимъ предлогомъ заняты были австрійцами польскія владѣнія? „Правда, мы не объявляли войны Польшѣ“, не смущаясь отвѣчалъ Тугутъ, „но намъ необходимо было подавить возстаніе и защитить свои границы“.

Въ то время, какъ шли эти переговоры, политическія обстоятельства усложнились. Къ всегдашней зависти, относительно Пруссіи и недовѣрію къ обѣщаніямъ Россіи, присоединилось теперь для вѣнскаго двора новое соображеніе. Съ отъѣздомъ императора изъ арміи, счастіе снова отвернулось отъ союзниковъ. Блестящія побѣды французовъ, перешедшихъ черезъ Самбру и снова занявшихъ Нидерланды, въ короткое время изгладили впечатлѣніе, сдѣланное на Европу успѣхами союзныхъ армій. Надежда поживиться на счетъ Франціи снова исчезала для Австріи. Въ такія минуты она всегда съ особенною алчностью обращала взгляды свои на Польшу, надѣясь хоть съ этой стороны чѣмъ-нибудь поживиться. Среди военныхъ неудачъ еще болѣе разгорѣлись ссоры и интриги какъ между союзниками, такъ и въ рядахъ австрійскихъ генераловъ. „Неудачи вѣнскаго двора“, писалъ къ Разумовскому Морковъ „насъ болѣе огорчили, чѣмъ удивили... Такъ всегда будетъ, доколѣ не станутъ у васъ слѣдовать совѣтамъ нашей Государыни“. Грустныя извѣстія съ береговъ Рейна произвели томящее впечатлѣніе на вѣнскую публику. Тугутъ былъ грустенъ и несообщителенъ. По Вѣнѣ стали ходить толки о какихъ-то мирныхъ переговорахъ съ Франціею. Въ толкахъ этихъ была доля правды. Тугутъ уже давно готовился протянуть руку республиканскому правительству, лишь бы оно обезпечило Австріи промѣнъ Нидерландовъ на Баварію. Въ этомъ намѣреніи поддерживали австрійскаго министра нѣсколько генераловъ, въ числѣ которыхъ находился графъ Валлисъ. Все дѣло содержалось въ глубокой тайнѣ, но, какъ всегда бывало въ Вѣнѣ, тайна огласилась. Первая узнала о томъ Англія и сейчасъ же, подъ видомъ путешественника, отправила въ австрійскую столицу лорда Спенсера. Тайный агентъ британскаго министерства вошелъ въ сношенія съ Тугутомъ и съ первыхъ же словъ обѣщалъ Австріи ежегодное денежное пособіе въ два милліона фунтовъ стерлинговъ. Почти единовременно, англійскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, сэръ Мортонъ-Иденъ, взялся заключить въ Лондонѣ для австрійскаго двора громадный заемъ на относительно выгодныхъ условіяхъ. За эту двойную

услугу Тугутъ долженъ былъ не только отказаться отъ всякой попытки къ сближенію съ Франціею, но еще дѣятельно поддерживать планы коалиціи. Блескъ золота ослѣпилъ барона. Финансовыя дѣла Австріи были въ самомъ плачевномъ положеніи; денегъ не было вовсе. Онъ не устоялъ передъ предложеніями англійскаго кабинета [1]), который при этомъ, вѣроятно, не забылъ и личныхъ выгодъ барона. Заемъ, заключенный Иденомъ, послужилъ однако поводомъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, къ нескончаемымъ спорамъ и пререканіямъ между Лондономъ и Вѣною. Австрійское правительство, съ Тугутомъ во главѣ, цинически смотрѣло на заемъ, какъ на взятку, полученную отъ Англіи для прекращенія мирныхъ переговоровъ, и вслѣдствіе этого отказывалось на отрѣзъ отъ уплаты законныхъ процентовъ. Въ Лондонѣ на все дѣло смотрѣли совершенно иными глазами и настоятельно требовали возврата должнаго.

Эти-то нѣсколько устарѣвшіе слухи ходили теперь по городу и наконецъ дошли и до русскаго посольства. Хотя Разумовскій плохо вѣрилъ въ возможность новой кампаніи для австрійцевъ, однако не допускалъ вовсе, что можно было серьёзно думать о мирѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ счелъ долгомъ переговорить о томъ съ Тугутомъ, который, разумѣется, призвалъ всѣхъ святыхъ въ свидѣтельство того, что въ городскихъ толкахъ не было ни единаго слова правды.

Екатерина сильно была разгнѣвана вступленіемъ австрійскихъ войскъ въ Польшу. Ее оскорбило недовѣріе союзника, ради котораго съ такою осторожностію и предусмотрительностію приходилось вести переговоры съ Пруссіею. Въ переговорахъ этихъ интересы Австріи постоянно принимались во вниманіе и была надежда мирно и спокойно привести дѣло къ окончанію. Нежданное вмѣшательство Австріи могло раздражить Пруссію и породить нежелаемыя усложненія.

„Il est une circonstance“, писалъ по этому случаю отъ 13 Іюня къ Разумовскому Морковъ, „dans les affaires de Pologne, que vous ignorez, et que vous apprendrez probablement du baron de Thugut. Je n'ai pas pu vous le dire plustôt, mais je vais vous l'expliquer. Vous vous rappelez, que dans une des expéditions qui ont été faites au comte de Cobenzl chez nous, sur la fin de l'année dernière, il a été chargé de nous proposer quelques stipulations nouvelles et expresses, à la suite de l'accession, que la cour de Vienne offrait à faire à notre convention du 12 Janvier de l'année passée. Au lieu d'un acte dans la forme, dans laquelle la cour de Vienne le désirait, nous avons remis une note officielle, mais devant demeurer très secrète à cause du besoin que nous avions de la coopération de la Prusse, dans les affaires polonaises actu-

[1]) Schlosser. Geschichte des XVIII Jahrhunderts. V. 586 и 682.

elles. Les assurances que nous donnons à la cour de Vienne sur les suites de l'avidité prussienne, quoique plus générales que celles qu'elle demandait, n'en sont pas pour cela moins fortes et moins positives, mais cette cour, depuis quelque temps, est devenue si ombrageuse, si inquiète, que ce même esprit s'est communiqué à toutes les démarches, à tout le langage de son ambassadeur chez nous à un point si incroyable, que cela ne peut que nous fortifier dans la conjoncture que nous formons sur le voyage de l'empereur... Tachez d'inspirer à ce prince, ainsi qu'à son ministre plus de sécurité, et surtout plus de confiance en nous. Assurément qu'il ne se fera rien, pour le coup, en Pologne, que de son gré le plus parfait... Je suis très porté à croire, que l'empereur n'aurait pas balancé un instant à traiter avec les brigands français, si raisonnablement on pouvait le flatter de l'ombre de sûreté, dans ce qu'on aurait arrêté avec eux, c. a. d. avec un gouvernement qui, par nature et par essence, n'est susceptible d'aucun étât de paix, ni de tranquillité même passagère, tant en dedans qu'au dehors... Les idées de cette paix désirée, ou même recherchée par l'empereur, sont revenues ci depuis bien longtemps. On les a traité de pures visions... L'Autriche idans ces derniers temps a toujours voulu partager la peau de l'ours avant de l'avoir couché à terre, il en est arrivé, que l'ours lui a toujours échappé. Il est vrai, qu'elle ne saurait être trop sur ses gardes du côté de la Prusse. Mais c'est pour cela même, qu'elle aurait du tacher de conduire celle-ci jusqu'à la conclusion, sans lui faire connaitre où elle veut la mener... Vous ferez bien votre cour à l'Impératrice, en frottant ces vérités sous le nez à m. de Thugut, aussi souvent que vous le pourrez... Pourquoi ont-ils fait entrer leurs troupes en Pologne? Qu'est-ce qu'elles y ont fait jusqu'à present? Elles ont causé des inquiétudes aux Prussiens, à nous des embarras, et en ne se prononçant pas du tout contre les Polonais, elles leur ont fait concevoir de folles espérances!..“

Австрійцы, впрочемъ, цѣли своей уже не скрывали. Едва войска ихъ переступили за рубежъ Польши, какъ въ Вѣнѣ открыто заговорили о пріобрѣтеніяхъ. По случаю полученнаго отъ Государыни собственноручнаго письма, Разумовскій просилъ аудіенціи у императора. Тотъ милостиво принялъ посла и, получивъ отъ него письмо, прямо заговорилъ о планахъ русскаго правительства и упомянулъ объ окончательномъ раздѣлѣ Польши, котораго, по его словамъ, желала Государыня. Нѣсколько сконфуженный, графъ Андрей отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ и на этотъ счетъ никакихъ инструкцій не получалъ. Императоръ продолжалъ, однако, говорить объ раздѣлѣ и, между прочимъ, замѣтилъ, что Австріи необходимо получить краковское воеводство съ городомъ и территоріею вдоль теченія рѣки Пилицы

до впаденія ея въ Вислу. Слова эти Францъ II особенно подчеркнулъ, напоминая при этомъ послу, что недалѣе, какъ въ прошломъ году с.-петербургскій кабинетъ, при предположеніи о постройкѣ крѣпостей, самъ предлагалъ австрійцамъ занять Краковъ и что при началѣ мятежа берлинскій дворъ обѣщалъ Россіи не овладѣвать имъ. Все еще смущенный, Разумовскій продолжалъ извиняться неимѣніемъ подробныхъ инструкцій и общими словами отвѣчалъ, что Государынѣ несомнѣнно было бы во сто разъ пріятнѣе, еслибы Краковъ былъ занятъ австрійцами, но что, по его мнѣнію, самъ вѣнскій кабинетъ виною того, что городъ этотъ не въ его рукахъ. При этомъ посолъ позволилъ себѣ замѣтить, что въ настоящее время помочь дѣлу уже нѣсколько трудно. Императоръ, однако, продолжалъ настаивать на необходимости для Австріи завладѣть древнею столицею Польши, такъ какъ въ противномъ случаѣ пруссаки легко могутъ пресѣчь всякое сношеніе между Вѣною, Силезіею, Моравіею и даже Галиціею. Отъ императора Разумовскій зашелъ къ Тугуту. Рѣчь пошла, разумѣется, снова о Польшѣ. Баронъ признавался, что правительство его можно упрекнуть въ непредусмотрительности, и вину складывалъ на отсутствіе свое изъ Вѣны. На столѣ, за которымъ сидѣлъ Тугутъ, лежала подробная карта Польши.

Такъ какъ австрійскій министръ не высказывалъ ясно видовъ своихъ на польскія земли, то графъ Андрей Кириловичъ, бросивъ взглядъ на карту, замѣтилъ, что Бугъ легко могъ бы быть обращенъ, со стороны востока, въ живую грань для имперіи.

Замѣчаніе это, видимо, пришлось Тугуту не по вкусу и онъ сталъ намекать на возможность пріобрѣтеній для Австріи со стороны Волыни. „Впрочемъ", добавилъ баронъ, „мы вполнѣ полагаемся на справедливость вашей Государыни. Только тѣсный союзъ между двумя императорскими дворами и Англіею можетъ поддержать равновѣсіе Европы и положить предѣлъ замысламъ Пруссіи, равно опаснымъ какъ для Австріи, такъ и для Россіи". Тугутъ предполагалъ, что слѣдуетъ заранѣе объявить Пруссіи точныя и положительныя условія, дабы она, по обыкновенію своему, не могла впослѣдствіи отказаться отъ ихъ исполненія. Для этого необходимъ обязательный трактатъ между тремя вышеупомянутыми дворами, который, какъ надѣялся Тугутъ, будетъ имѣть въ виду продолженіе войны съ Франціею. Желаніе снова помѣряться съ французами сильно проявлялось во всѣхъ рѣчахъ австрійскаго министра, и увлекаясь мыслью о новой войнѣ, онъ неоднократно заявлялъ послу, какъ полезно бы было присоединить русскій вспомогательный корпусъ къ союзнымъ войскамъ. Разумовскій осторожно обошелъ въ отвѣтѣ своемъ вопросъ объ обязательномъ трактатѣ, но зная, до какой степени Екатерина не желала принимать

дѣятельное участіе въ войнѣ, замѣтилъ, что незначительный вспомогательный корпусъ едва-ли можетъ помочь дѣлу. „Это будетъ", говорилъ онъ, „капля въ морѣ сравнительно съ имперскими войсками и поведетъ только къ непроизводительной жертвѣ солдатами" [1]).

Екатерина была, между тѣмъ, какъ вѣнскимъ кабинетомъ вообще, такъ и барономъ Тугутомъ въ особенности, крайне недовольна. „L'humeur sombre de votre baron ne s'éclaircit donc pas", писалъ отъ 27 Августа къ Разумовскому Морковъ. „J'attends ce bon effet de l'office que vous avez été chargé de lui passer au sujet de nos affaires de Pologne. Il serait bien cruel à lui de faire la moue à une proposition aussi sonore. Mais si par malheur il conservait sa mine rébarbative, il faudrait lui faire sentir, qu'il s'expose aux mêmes désagrements que l'année passée, c. a. d. que nous serons obligés de nous arranger avec les Prussiens c. à d. le laisser là avee sa rancune".

Нѣсколько дней послѣ описаннаго нами выше разговора, Разумовскій снова зашелъ въ государственную канцелярію и засталъ Тугута, прилежно изучавшаго карту Польши. Австрійскій министръ пальцемъ указалъ на ту границу, которую вѣнскій дворъ въ ослѣпленіи своемъ мечталъ провести по занятой русскими и пруссаками Польшѣ. Эта, задуманная въ государственной вѣнской канцеляріи, грань тянулась вдоль рѣки Пилицы до слiянія ея съ Вислою, оттуда шла по Вислѣ на Бугъ и, пересѣкая воеводства Мазовецкое, Подлясское и Брестское, наконецъ соединялась съ новою русскою границею. Тугутъ подробно указывалъ послу всѣ мѣстности на картѣ и потомъ, какъ-бы для того, чтобы объяснить неимовѣрныя требованія двора своего, сталъ распространяться о захватахъ Пруссіи. Новое соображеніе успѣло созрѣть въ головѣ барона. Грустно показалось ему окончательно отказаться отъ всякаго пріобрѣтенія со стороны Франціи, и вотъ онъ сталъ бить на то, чтобы, до поры до времени, судьба Польши оставалась открытымъ вопросомъ. Онъ ясно сознавалъ, что Екатерина никогда не согласится на чрезмѣрныя притязанія вѣнскаго двора и поэтому рѣшилъ, что гораздо выгоднѣе будетъ для Австріи не спѣшить, а все умѣніе свое обратить на то, чтобы втянуть Россійскую Императрицу въ войну противъ французской республики. Если это удастся, то на успѣхъ можно будетъ слѣпо разсчитывать. Воображенію Тугута представлялся уже выгодный миръ, присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи, а въ заключеніе всего, раздѣлъ Польши между Россіею и Австріею безъ участія Пруссіи. Съ этою цѣлью уговаривалъ онъ теперь Разумовскаго передать въ Петербургъ желаніе императора, чтобы Государыня не приступала къ раздѣлу Польши,

[1]) Депеша къ Безбородкѣ отъ 24 Августа.

но чтобы она, подавивъ возстаніе и оставивъ въ границахъ республики достаточную для поддержанія порядка армію, отложила окончательное рѣшеніе вопроса до того времени, когда союзники сведутъ счетъ съ Франціею. Въ теченіе разговора, Тугутъ намекнулъ на то, что русскія власти дѣлаютъ австрійцамъ, при занятіи послѣдними Волыни, особенно же Дубно и Владиміра-Волынскаго, всякія притѣсненія. Генералъ Буксгевденъ заявилъ даже, по словамъ министра, что первая изъ этихъ крѣпостей уже занята русскими, что было, разумѣется, совершенно ложно, и вслѣдствіе этого требовалъ ея очищенія. Австрійскій генералъ Гарнонкуръ доносилъ въ Вѣну, что во всей Волыни заняты были русскими только Слуцкъ и Кременецъ. Въ Дубно найденъ былъ, правда, складъ стараго оружія, которое будетъ, немедля, возвращено по принадлежности. Тугутъ жаловался, говорилъ, что эти столкновенія между офицерами обѣихъ армій сильно огорчаютъ императора и въ заключеніе просилъ посла, съ одной стороны, увѣдомить о томъ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а съ другой—поставить на видъ русскимъ генераламъ, командующимъ на Волыни, всю неблаговидность подобнаго рода враждебныхъ отношеній [1]). Разумовскій съ благодушіемъ повѣрилъ всему этому и, не обинуясь, довелъ о томъ до свѣдѣнія графа Безбородки и кромѣ того обратился еще съ представленіемъ къ фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву и генералъ-аншефу графу И. П. Салтыкову.

Безразсудныя требованія Австріи возбудили, между тѣмъ, въ Петербургѣ взрывъ негодованія. „On serait tenté de croire“, писалъ Разумовскому Морковъ отъ 7 Октября, „que vos messieurs de là-bas ne proposent leurs prétentions telles, que pour éviter d'en venir à la conclusion et pour embrouiller les choses. Dans une posture bien plus brillante, et par conséquent tout à fait contraire à celle où ils sont, ils n'auraient pas pu demander tant de choses, s'ils avaient une ombre de pudeur. Aussi tout le monde en a-t-il été révolté... L'ambassadeur (Кобенцель) aura eu le temps de préparer sa cour à notre réponse, qui est, dans toute la rigueur du terme, notre dernier mot. Repoussés de tous côtés, ayant des embarras par-dessus la tête, connaissant la malveillance prussienne, qui leur conteste jusqu'aux choses les plus justes et les plus légitimes, comment ont-ils pu se flatter un instant de satisfaire des fantaisies gigantesques auxquelles, tout portés que nous sommes à les favoriser, nous avons un intérêt des plus majeurs à nous opposer? La manière dont ils veulent former leur nouvelle frontière est totalement inadmissible... Si jamais cette frontière s'établissait de cette manière... nous déviendrons le lendemain les alliés naturels et nécessaires des Prussiens“.

[1]) Депеша къ Безбородкѣ отъ 24 Августа.

Россія на-отрѣзъ отказала Австріи и требовала, чтобы войска ея немедля очистили Волынь, предоставляя имъ сосредоточиться въ Люблинскомъ и Сандомирскомъ воеводствахъ. „Vous avez une tâche bien scabreuse“, писалъ еще къ Андрею Кириловичу Морковъ, „je connais votre dextérité, vous vous en tirerez à merveille“. Положеніе Разумовскаго, начинавшаго уже робѣть передъ Тугутомъ, было незавидное, но въ данномъ случаѣ одно непредвидѣнное обстоятельство придало ему особую храбрость. Находившійся въ Берлинѣ маркизъ Луккезини, недовольный Разумовскимъ, въ депешѣ, отправленной имъ къ Сезару, прусскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, совѣтовалъ послѣднему остерегаться графа Андрея, такъ какъ онъ считалъ его подкупленнымъ Австріею. Того же мнѣнія былъ Луккезини и о Морковѣ. Напротивъ, про принца Нассау въ той же депешѣ сказано было, что на него можно вполнѣ разсчитывать, такъ какъ, благодаря обѣщанію независимаго княжества, выкроеннаго изъ остатковъ Польши, онъ теперь вполнѣ въ рукахъ у пруссаковъ. Депеша эта какими-то судьбами попала въ руки Моркова. Хитрый дипломатъ ловко подсунулъ ее Государынѣ. „Vous sentez bien“, писалъ онъ, разсказывая Разумовскому вышеприведенныя подробности, „que dans l'opinion de notre Souveraine, à qui ces notions ont passé sous les yeux, nous n'avons pas perdu, vous et moi, vis-à-vis de ce prince de Nassau“. Почти одновременно съ приказаніями изъ С.-Петербурга, Разумовскій получилъ изъ Ташани отъ фельдмаршала графа Румянцева письмо, которое въ совершенно иныхъ краскахъ, чѣмъ Тугутъ, изображало бывшія на Волыни между русскими и австрійцами столкновенія. „N'admettant jamais“, писалъ фельдмаршалъ отъ 16 Августа, „le moindre doute dans les choses que nous devons observer religieusement, je n'ai jamais pris de précautions contre les trouppes de S. M. I. et R., comme étant nos respectables alliés, et je veillais sans cesse à la sûreté des frontières de la Galicie, sans approfondir les raisons, pourquoi cette province servait toujours d'asile à l'ennemi, à chaque fuite et échec... Je n'imputai l'entrée des troupes impériales et royales dans les palatinats de Volhynie et de Vladimir, qu'à des conventions nouvellement stipulées entre les deux cours, ou bien à un mésentendu provenant de la différence des anciennes limites... mais une lettre du général Schultze de Leichenthal au général Buxhevden, et les proclamations qui se font dans le pays, étant diamétralement opposées aux principes de l'union et de la bonne harmonie qui existent entre les deux hautes puissances, détruisent toutes les mesures prises par l'administration russe, pour la conservation du pays et la substistance des troupes. Je me trouve dans la désagréable nécessité d'envoyer comme courrier le major Miklachewski, et de prier v. ex. de m'informer, au plustôt possible, de quelle manière

je dois me prendre vû les circonstances actuelles, espérant que v. ex. fera des démarches efficaces auprès du ministère de S. M. I. et R., et que vous lui communiquerez même la présente, si vous le jugez à propos, pour mettre fin à tous ces mésentendus, que l'ennemi interprête souvent à son avantage, ce qui peut avoir des suites très désagréables, et que v. ex. fera en sorte que le général Schultze et les troupes impériales-royales évacuent tout de suite les palatinats de Volhynie et de Vladimir, et en général la rive droite du Boug, comme une ligne gardée jusqu'à Brest par nos troupes".

Письмо Румянцева, которое Разумовскій поспѣшилъ сообщить Тугуту, повидимому, не произвело на послѣдняго особенно сильнаго впечатлѣнія. Онъ сталъ извиняться и говорилъ съ большимъ жаромъ о тѣсной связи съ Россіею, но въ то же время крайне озадачилъ посла вопросомъ: правда-ли, что въ той части Волыни, которая не присоединена была еще къ Россіи, русскія власти приводили жителей къ присягѣ?

Это обстоятельство видимо безпокоило вѣнское министерство и, по мнѣнію Разумовскаго, оно-то и послужило поводомъ къ вступленію въ Волынь австрійскихъ войскъ. Тугутъ старался, во сколько могъ, извинить себя относительно жалобъ, изложенныхъ въ письмѣ фельдмаршала Румянцева, представляя при этомъ, однако, множество доводовъ въ пользу занятія Волыни. „Pendant une conversation de deux heures", доносилъ Разумовскій графу Безбородкѣ отъ 28 Августа, „je fis sentir au baron combien son raisonnement était déstitué de fondement, et qu'il ne pouvait prendre source que dans une appréhension des plus injustes, que ses lumières désavoueraient, si elles etaient dégagées de l'ombrage que lui fait méconnaitre et le système invariable de notre cabinet, et les sentiments généreux de notre Souveraine. Je profitai du bon effet de mes arguments, pour lui faire sentir qu'il conviendrait sous tous les rapports, qu'on fit évacuer immédiatement les deux postes en Volhynie. Il me répondit, faute de bonnes raisons à m'objecter, après m'avoir remercié du ton de franchise et de cordialité avec lequel je lui avais parlé, qu'il serait humiliant pour l'empereur, vis-à-vis de ses sujets galiciens de devoir évacuer le palatinat; qu'on murmurerait, et qu'on dirait que les Prussiens et les Russes obligent les Autrichiens à se retirer du pays qu'il ne leur convient point devoir occupé. Cette condescendance, au moment où la Prusse exige que les Autrichiens abandonnent Sandomir, les metterait dans la nécessité de la leur accorder. Enfin il dit qu'on n'en augmenterait pas le nombre, et qu'on retirerait même les troupes après s'être entendu avec notre cour. Il ordonnerait au général Harnoncourt, qui avait jusqu'ici ordre de mettre des postes sur la rive droite du Boug, d'en retirer ses troupes dès que les notres se présen-

teront. Au surplus m'ayant dit, comme de coutume, qu'il prendrait les ordres de l'empereur, je n'aurai de réponse qu'après demain".

Отвѣтъ этотъ былъ равенъ нулю. Повторяя вѣчныя увѣренія о томъ, что императоръ всегда готовъ исполнить малѣйшее желаніе Государыни, Тугутъ, однако, несмотря на всѣ свои извиненія, на-отрѣзъ отказывался удовлетворить вполнѣ справедливымъ требованіямъ фельдмаршала Румянцева, подъ предлогомъ ожиданія формальнаго запроса изъ С.-Петербурга, что, по мнѣнію австрійскаго министра, никакъ не могло задержать движеніе нашихъ войскъ, ни помѣшать дальнѣйшимъ планамъ нашихъ генераловъ.

Въ то же самое время, чтобы отвести вниманіе отъ главнаго вопроса, Тугутъ сталъ намекать на то, какъ бы выгодно было для Россіи созваніе Литовскаго сейма, о которомъ будто-бы писали ему изъ Варшавы. Между тѣмъ, нарочный, присланный Румянцевымъ, безъ дѣла сидѣлъ въ Вѣнѣ, напрасно ожидая положительнаго отвѣта. Наконецъ, не безъ труда, удалось Разумовскому подвинуть Тугута къ тому, чтобы генералъ Шульце получилъ выговоръ и чтобы его распоряженія были отмѣнены. „Le baron ombrageux et défiant par caractère", писалъ Разумовскій Безбородкѣ отъ 6 Сентября, „était fort prévenu de l'appréhension, que les affaires de Pologne ne se terminent cette fois comme l'année dernière, par un accord entre notre cour et celle de Berlin, au préjudice des intérêts de la maison d'Autriche. A sa disposition naturelle, de voir les choses sous un tel aspect, se joignait d'un côté, l'abattement produit par les revers de la campagne contre les français, et de l'autre—l'attente d'un évènement, considéré alors infaillible—la prise de Varsovie par le roi de Prusse. Son aversion pour le cabinet de ce monarque, motivé par les justes reproches qu'on a ici à sa charge, lui faisait envisager l'astuce et la perfidie dont il le taxe, comme pouvant abuser de notre bonne foi et nous entrainer à terminer malgré nous les troubles de la Pologne, sans rien stipuler à l'avantage de l'empereur. Maintes fois cette idée avait percé dans ses discours, et maintes fois il l'avait étayée de l'observation, que si nous n'avions pas précipité le dernier partage, nous eussions évité les embarras actuels, contenu le roi de Prusse dans ses engagements contre la France, et serions restés en mesure de disposer de la Pologne après la pacification. Il ne m'a pas été difficile de réfuter ce raisonnement, et de le rétorquer contre le cabinet de Vienne, en lui rappelant que nous n'avions fait que céder à ses instances, en consentant à l'agrandissement de la Prusse, qui n'entrait jamais dans notre système, et lui alléguant les fautes énormes qu'on n'avait cessé de commettre de tous côtés, et qui ont concouru à mettre l'Autriche dans la fâcheuse position où elle se trouve,

Je lui ai retracé les assurances, que j'ai été souvent autorisé à lui donner, pour le rassurer sur les liens que la circostance nous a fait contracter avec la cour de Berlin, et dont il a vu l'assertion dans la lecture, que je lui ai faite en son temps, des ordres immédiats qui me sont parvenus sur cet objet de notre auguste Souveraine. Je me suis attaché en toute occassion à le convaincre de l'invariabilité des principes de S. M. I. envers son allié et l'empressement avec lequel S. M. saisirait l'occasion de lui en donner des preuves. Je dois à ce ministre la justice, qu'il est bien persuadé de l'avantage de notre alliance, qu'il la considère comme le seul système solide et salutaire pour son maetre, mais il est ombrageux, et il faut souvent répéter des arguments dont l'évidence l'offusque".

Враждебныя отношенія между двумя арміями на Волыни не прерывались. Тотъ же генералъ Шульце, на котораго уже жаловался Румянцевъ и который, по увѣренію Тугута, долженъ былъ получить строгій выговоръ, вошелъ теперь въ пререкательство съ Суворовымъ и не дозволялъ войскамъ послѣдняго пройти черезъ одну волынскую деревню. Объ этомъ обстоятельствѣ сообщилъ Разумовскому самъ императоръ, почти извиняясь (il m'en a presque fait des excuses) передъ посломъ и давая почувствовать, что генералъ Гарнонкуръ будетъ лишенъ команды. Графа Андрея Кириловича поразило это извѣстіе и онъ прямо отъ императора пошелъ къ Тугуту, прося его объяснить, какимъ образомъ могло случиться, что войска австрійскія и русскія столкнулись въ волынской деревнѣ, тогда какъ самъ-же министръ, и притомъ неоднократно, завѣрялъ, что имперскими силами заняты въ Волыни всего двѣ крѣпости: Дубно и Владиміръ? Вопросъ этотъ привелъ Тугута въ видимое замѣшательство. Разумовскій представилъ всю неблаговидность подобныхъ поступковъ, говорилъ, что въ Петербургѣ они произведутъ самое невыгодное впечатлѣніе, совѣтовалъ всячески избѣгать столкновенія съ русскими войсками и снова настаивалъ на необходимости, немедля, очистить Волынь. Въ подтвержденіе словъ своихъ, посолъ прочелъ Тугуту in extenso, только-что полученную имъ отъ Остермана весьма убѣдительную ноту. Австрійскій министръ запѣлъ въ отвѣтъ вѣчную пѣснь свою о достоинствѣ императора, о возможныхъ требованіяхъ берлинскаго кабинета относительно Сандоміра и напослѣдокъ обѣщалъ Разумовскому окончательно вывести войска изъ Волыни, если того станетъ оффиціально требовать русскій дворъ. Напрасно Разумовскій доказывалъ, что подобное требованіе сквозитъ въ каждой фразѣ вице-канцлеровой депеши. Тугутъ настойчиво это оспоривалъ, и Андрей Кириловичъ, истощивъ весь запасъ своего краснорѣчія, рѣшился обратиться къ фельдмаршалу графу

Румянцеву, съ тѣмъ, что въ случаѣ, если послѣдній потребуетъ вывода австрійскихъ силъ изъ Волыни, обратиться къ вѣнскому кабинету съ оффиціальною нотою, касательно немедленнаго очищенія [1]).

ГЛАВА IX.

Партія за войну.—Взятіе Варшавы.—Конференція въ Петербургѣ.—Послѣдній раздѣлъ Польши.—Базельскій миръ.

Среди заботъ своихъ о дѣлахъ польскихъ, Екатерина не могла не обращать вниманіе на то, что происходило на далекомъ западѣ. При петербургскомъ дворѣ существовала сильная партія, побуждавшая Государыню принять дѣятельное участіе въ борьбѣ съ революціонными началами, до которыхъ, къ счастію, Россіи въ то время не было никакого дѣла. Во главѣ партіи этой стояли Зубовъ и Морковъ. Съ первыхъ же дней своего назначенія въ Вѣну, Разумовскій выказалъ сильную симпатію къ коалиціи, и симпатія эта сквозила во всѣхъ его депешахъ. Разными намеками старался онъ навести с.-петербургскій кабинетъ на мысль о томъ, что одна Россія можетъ сплотить армію союзниковъ и съ помощью солдатъ своихъ разбить революціонныя полчища. Хотя графъ Андрей доказывалъ Тугуту неосуществимость высылки корпуса русскихъ войскъ на Рейнъ, однако, онъ это дѣлалъ безъ искренняго убѣжденія, только вслѣдствіе положительныхъ приказаній изъ С.-Петербурга. Послѣднія неудачи союзниковъ безпокоили Екатерину; она опасалась мира съ Франціею и желала, во сколько возможно отвлечь вниманіе вѣнскаго кабинета отъ Польши. Быстро распространившіеся по Европѣ слухи, о возможности мирныхъ переговоровъ, шли на-перекоръ ея планамъ; она повелѣла Разумовскому обратиться къ самымъ вліятельнымъ лицамъ при вѣнскомъ дворѣ и переговорить съ ними о возможности въ будущемъ союзнаго ополченія противъ Франціи. Разумовскій охотно взялся за сочувственное ему дѣло и поспѣшилъ сообщить о своемъ порученіи какъ оберъ-камергеру, князю Розенбергу, пользовавшемуся въ то время особеннымъ благоволеніемъ императора Франца, такъ и всемогущему Тугуту. Послѣдній жадно прислушивался къ рѣчамъ русскаго посла и сейчасъ же сталъ требовать немедленной помощи войсками. Онъ просилъ выставить одинъ

[1]) Депеша къ Остерману отъ 22 Сентября.

только корпусъ, который, вмѣстѣ съ арміею принца Конде, могъ-бы произвести диверсію. Но Разумовскому повелѣно было заявить, что о дѣятельной помощи, прежде чѣмъ окончатся польскія дѣла, не могло быть рѣчи. Уже и тѣмъ было много выиграно, что мысль о подмогѣ войсками допускалась въ переговорахъ, хотя и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Говоря о возможности новой кампаніи, графъ Андрей Кириловичъ невольно увлекался, и въ донесеніи къ Государынѣ, отъ 22 Сентября, сочувствіе его къ коалиціи выразилось въ звучныхъ фразахъ: „Il n'appartenait qu'à l'âme sublime de V. M. I. de concevoir la situation de l'Europe sous tous ses rapports, de prévoir l'avenir dans la conjoncture du présent, et si la nature l'eût placée de manière à diriger les forces combinées des puissances, c'est à son génie seul que l'Europe entière eût dû son salut. Daignez pardonner, Madame, l'élan d'une pensée, qui a sans doute frappé tous les esprits de l'univers". Мысль объ этой новой коалиціи, въ которой Россія должна была играть дѣятельную роль, не покидала Тугута ни на минуту, и при каждомъ свиданіи съ русскимъ посломъ онъ наводилъ на это рѣчь, изображая коварство Пруссіи и жалкое положеніе Австріи, покинутой союзниками и изнемогающей подъ бременемъ непосильной борьбы съ Франціею. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Австріи было незавидное. Нотою отъ 16 Сентября 1794 года король прусскій сообщилъ вѣнскому кабинету, что, въ виду польскихъ усложненій, онъ принужденъ отозвать войска свои съ береговъ Рейна и намѣренъ сосредоточить ихъ въ Польшѣ. Извѣстіе это осуществляло худшія опасенія вѣнскаго двора; разомъ представлялись ему новое усиленіе ненавистной соперницы и плачевное состояніе собственнаго войска, обреченнаго на добычу Франціи. Мольбы, обращаемыя къ Россіи, стали еще настойчивѣе. Екатерина не отказывалась въ принципѣ отъ помощи, но твердо держалась своего рѣшенія сперва все покончить съ Польшею. „Ни лота не дамъ", начертала она твердою рукою своею на депешѣ Разумовскаго къ Остерману отъ 21 Октября, „пока польскія дѣла не кончены". Но такое рѣшеніе, Тугуту было не по сердцу. Болѣе, чѣмъ когда либо, хотѣлось ему выжидать, надѣясь съ помощью русскаго войска поправить дѣла на Рейнѣ и мечтая снова о пріобрѣтеніи Эльзаса, Лотарингіи, а быть можетъ и Баваріи. Онъ еще настойчивѣе сталъ просить у Разумовскаго о помощи, и на этотъ разъ не довольствовался малочисленнымъ корпусомъ, а требовалъ 40,000-ную армію. Желая польстить національной гордости, Тугутъ давалъ чувствовать, что предводителемъ союзной арміи на Рейнѣ назначенъ будетъ графъ Суворовъ. Но въ Петербургѣ не легко поддавались на такія приманки. „Медлительность Австріи намъ совершенно непонятна", писалъ къ графу Андрею Кириловичу Морковъ, „отъ этого можетъ выиграть одна

только Пруссія. Намъ извѣстно изъ перлюстраціи депешъ, что именно на это разсчитываютъ въ Берлинѣ. Система выжиданія, принятая въ Вѣнѣ, даетъ пруссакамъ возможность укрѣпиться въ Польшѣ, и это по-моему, со стороны послѣднихъ, весьма умно придумано. Но что же думаетъ выиграть этимъ баронъ?.. Намъ предлагаютъ не спѣшить и желаютъ, чтобы мы вошли въ сдѣлки съ Польшею въ то время, когда мы уже безвозвратно рѣшили, разъ навсегда, покончить съ нею. Если бы у вѣнскаго двора хватило умѣнія, то можно-бы было поддерживать мятежъ въ новопріобрѣтенныхъ Пруссіею областяхъ. Это было бы дѣло другое, и мы пожалуй не прочь были помочь въ этомъ Австріи, хотя сперва слѣдуетъ хорошенько обдумать: не опасно-ли играть съ огнемъ, который легко можетъ насъ самихъ поджечь; но, въ виду извѣстнаго рѣшенія короля прусскаго, не худо бы было занять его у себя дома чѣмъ-нибудь посерьёзнѣе. Макіавелистическая политика короля этого и его министровъ крайне опасна для сосѣдей и извиняетъ всякіе способы защиты. Австріи, менѣе чѣмъ кому-либо, слѣдуетъ въ этомъ случаѣ совѣститься. Все, что она предприметъ противъ Пруссіи, будетъ лишь слабымъ возмездіемъ за прошлое. Постарайтесь, не выдавая себя, распространять эти мысли въ Вѣнѣ. Мы этимъ могли бы воспользоваться".

Совѣтъ какъ разъ подходилъ къ обыкновенному образу дѣйствій австрійскаго министерства. Но ослѣпленный Тугутъ на этотъ разъ ничего не хотѣлъ предпринять и только настойчиво твердилъ о подмогѣ. Одновременно съ тайными внушеніями Моркова, Разумовскій получилъ рядъ депешъ, въ которыхъ ясно излагались намѣренія Екатерины. Въ мудрости своей великая Государыня назначила самою природою указанныя границы по Бугу и Нѣману, и кромѣ того, чтобы растянуть морское прибрежье Россіи, она требовала присоединенія къ имперіи герцогства Курляндскаго. Австріи назначалась, правда, меньшая противъ Россіи часть, но за то часть эта значительно превосходила то, что въ Петербургѣ секретно рѣшено было уступить Пруссіи. Впрочемъ, о части, готовившейся для Пруссіи въ депешахъ, полученныхъ Разумовскимъ, не упоминалось вовсе. За это ухватился Тугутъ и заявилъ, что вѣнскій кабинетъ никакъ не можетъ на что-нибудь рѣшиться касательно Польши, не имѣя свѣдѣній о томъ, во сколько можетъ усилиться при этомъ Пруссія. Онъ указывалъ послу на то, что императоръ приступитъ къ окончательному раздѣлу вовсе не изъ какихъ-либо личныхъ выгодъ, а единственно потому, что такова добрая воля Императрицы Всероссійской. Россіи Австрія не завидуетъ вовсе, но не таковы чувства ея относительно Пруссіи—вѣчной ея соперницы. Къ тому же австрійскій министръ настоятельно требовалъ, чтобы, рядомъ съ рѣшеніемъ судебъ Польши, ясно бы были формулированы

обязательства союзниковъ касательно войны съ Францiею, причемъ необходимо было принудить Пруссiю къ дальнѣйшему въ ней участiю. Напрасно поминалъ Разумовскiй объ откровенности и прямодушiи двора своего въ сношенiяхъ съ Австрiею; напрасно говорилъ о непреклонномъ рѣшенiи Государыни: не прежде входить въ соглашенiе касательно войны съ Францiею, какъ покончивъ дѣла польскiя.

Посолъ краснорѣчиво объяснялъ Тугуту, что среди щекотливаго положенiя политическихъ дѣлъ въ Европѣ, только при полномъ согласiи и совершенномъ единствѣ цѣлей двухъ императорскихъ дворовъ, можно будетъ положить предѣлъ честолюбивымъ замысламъ Пруссiи и опредѣлить вполнѣ вѣрно ту часть, которую придется уступить берлинскому двору. Разумовскiй просилъ Тугута не терять всего этого изъ вида и не пренебрегать совѣтами могучей союзницы. Министръ отвѣчалъ общими мѣстами, выжидая курьеровъ изъ Петербурга и, по обыкновенiю, полагая всю надежду на будущее. Но курьеры отъ посла Кобенцеля прибыли въ Вѣну и, кромѣ подтвержденiя словъ Разумовскаго, ничего не привезли. Тугутъ былъ разстроенъ и озабоченъ; онъ не только не хотѣлъ входить въ разборъ предъявляемыхъ русскимъ посломъ предложенiй, но даже отказался отъ неоднократно имъ и императоромъ обѣщаннаго очищенiя Волыни. Тогда Разумовскiй измѣнилъ тонъ своихъ рѣчей и заявилъ Тугуту, что отказъ его сильно отзовется на дальнѣйшихъ рѣшенiяхъ Государыни, которыя до сихъ поръ всѣ были въ пользу Австрiи. Прямо того не выговаривая, посолъ далъ, однако, понять, что Государынѣ поневолѣ придется обратиться за помощью въ Берлинъ и, по примѣру прошлаго года, покончить дѣла польскiя помимо вѣнскаго кабинета. Слова эти сильно подѣйствовали на австрiйскаго министра; онъ рѣшился, наконецъ, объявить представителю Россiи, что императоръ одобряетъ мудрые планы Россiйской Монархини и соглашается на то, чтобы Бугъ сталъ границею между обѣими имперiями. Согласiе это выражено было какъ-то нехотя и сопровождаемо намеками и надеждами на будущiя милости Императрицы. При этомъ безтактный Тугутъ не съумѣлъ, даже въ мелочахъ, снискать благоволенiя Екатерины, въ которомъ, однако, такъ нуждалась Австрiя.

Несмотря на неоднократныя словесныя и письменныя заявленiя, несмотря на лично высказанное самимъ императоромъ обѣщанiе вывести войска свои изъ Волыни, дѣло не только не подвигалось впередъ, но даже, какъ мы сейчасъ видѣли, Тугутъ теперь прямо въ этомъ отказалъ Разумовскому.

А между тѣмъ, фельдмаршалъ графъ Румянцевъ принужденъ былъ снова обратиться къ графу Андрею Кириловичу, требуя отъ него немедленнаго вызова австрiйскихъ войскъ. Казалось, что наконецъ на-

ступило для этого удобное время. Только-что состоявшееся соглашеніе представляло Австріи удобный поводъ небольшою уступкою снискать благоволеніе Екатерины. На дѣлѣ вышло иначе. Тугутъ былъ удивленъ такимъ настойчивымъ требованіемъ со стороны фельдмаршала и не безъ желчи заявилъ: „что онъ смѣлъ надѣяться, послѣ только-что формулированнаго согласія императора на предложенія Россійской Императрицы, на нѣкоторое снисхожденіе въ пользу Австріи, и никакъ не ожидалъ, что станутъ поминать въ Петербургѣ старые дрязги“.

Такой неожиданный отвѣтъ оскорбилъ и удивилъ Разумовскаго. Русскій дипломатъ рѣшился не подвергать себя болѣе подобнымъ выходкамъ и довольно наивно заявилъ вице-канцлеру, что онъ, безъ особеннаго на то изъ Петербурга приказанія, о волынскомъ дѣлѣ съ Тугутомъ болѣе объясняться не намѣренъ [1]). Рѣшеніе это, вѣроятно, не особенно озадачило вѣнскій кабинетъ, но за то оно возбудило недовольство въ Петербургѣ.

Прусскія войска, между тѣмъ, вступили въ Польшу и обложили Варшаву. Вблизи ихъ расположилась русская армія, подъ предводительствомъ генерала Ферзена. Между прусскимъ королемъ, желавшимъ жаръ загребать русскими руками, и русскимъ главнокомандующимъ, умѣвшимъ щадить русскую кровь, возникли размолвки и неудовольствія. Фридрихъ-Вильгельмъ, жалуясь на петербургскій кабинетъ и на начальника русскаго вспомогательнаго войска, отступилъ отъ Варшавы, подъ предлогомъ мятежа въ южной Пруссіи. Екатерина поняла, что на союзниковъ разсчитывать невозможно и что удобнаго времени терять нельзя. Она двинула войска свои въ Польшу, подъ предводительствомъ Суворова.

6-го Октября, подъ Мацѣёвицами, Ферзенъ разбилъ и плѣнилъ Косцюшку, а 4-го Октября разгромомъ Праги осуществилось на дѣлѣ, *не* произнесенное Косцюшкою, знаменитое: Finis Poloniae. За Прагою къ ногамъ побѣдителя пала и Варшава.

„L'occupation de Varsovie par nos troupes“, доносилъ вице-канцлеру Разумовскій отъ 25 Ноября, „l'anéantissement de l'insurrection polonaise—cette suite aussi rapide, que mémorable de victoires qui ont changé tout à coup la face des affaires en Pologne—toutes ces circonstances, qui impriment l'admiration et la surprise dans tous les esprits, ont fait succéder le calme du silence aux ondulations qui agitaient les opinions des cabinets et des ministres. Il semble qu'après avoir vu les armes de notre auguste Souveraine triompher en Pologne, en étouffer les troubles jusque dans leur foyer, avec autant d'énergie que de ma-

[1]) Депеши къ Остерману отъ 16 и 24 Ноября.

gnanimité, il me semble, dis-je, que l'Europe ait conçu à la fois la pensée et prononcé le voeu qu'il appartenait encore à notre Souveraine de sauver cette partie du monde des suites funestes, dont la menace la révolution française. C'est là du moins le sentiment unanime ici, du ministère et du public...

Всегдашняя мечта Разумовскаго невольно вырвалась наружу.

Въ Петербургѣ открыта была конференція и начались переговоры объ окончательномъ раздѣлѣ Польши. Въ болѣе или менѣе близкой будущности можно было ожидать завершенія этого вѣкового вопроса, а вслѣдъ за завершеніемъ предвидѣлись и награды главнымъ дѣятелямъ этой драмы. Вопросъ о наградахъ на этотъ разъ сильно заинтересовалъ Разумовскаго. Воображенію его представлялся неожиданный случай устроить дѣла свои, которыя, какъ мы знаемъ, были въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи. Онъ сталъ писать къ друзьямъ въ Петербургъ, намекая на то, чего бы онъ желалъ въ награду за труды свои. „Вы несомнѣнно имѣете право на награды", писалъ къ нему отъ 24 Декабря Морковъ, „и надѣюсь, что вы ихъ получите. Но время ихъ раздачи наступитъ только тогда, когда всѣ дворы, или, по крайней мѣрѣ, оба императорскихъ кабинета войдутъ въ полное между собою соглашеніе. Самая раздача имѣетъ быть при обмѣнѣ ратификацій. Владимірская лента васъ не минуетъ; но это, какъ вы сами говорите, будетъ истинное для васъ несчастіе. Надо держаться положительнаго. Не совѣтую вамъ домогаться денежной награды, которая, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ превзойти 50,000 рублей. Приложите все стараніе къ увеличенію денежнаго оклада. Увеличеніе это никакъ не можетъ быть менѣе 10,000 дукатовъ въ годъ, т.-е. 20,000 рублей по нынѣшнему курсу. Я стану объ этомъ хлопотать съ сегодняшняго-же дня. Надѣюсь, что вы увѣрены въ моей къ вамъ дружбѣ и поэтому поймете, какъ мнѣ грустно знать, что вы страдаете столь существенною частью бытія нашего. Умоляю васъ, однако, будьте впредь осторожнѣе. Вы не можете себѣ представить, до какой степени чувствуется здѣсь всеобщее безденежье. Общественныя и частныя кассы совершенно истощены. Если удастся вамъ получить прибавку жалованья, то это будетъ поистинѣ небывалое чудо"... „Государыня крайне вами довольна", писалъ далѣе Морковъ, „и всячески готова доказать вамъ свое благоволеніе, но, увы, только не тѣмъ способомъ, въ которомъ вы, быть можетъ, всего больше нуждаетесь. Я дѣлалъ на этотъ счетъ всякіе прямые и косвенные намеки, но мнѣ постоянно отвѣчали, что изъ всѣхъ представителей нашихъ за-границею никто, менѣе васъ, въ денежной наградѣ не нуждается, такъ какъ у васъ и у родителя вашего громадное состояніе". Вѣсти эти были не утѣшительны для графа Андрея. Финансовое его положеніе значительно ухудшилось.

Путешествіе въ догоню за императоромъ дорого ему стоило. Живому его воображенію представлялись и единовременное пособіе, и прибавка жалованья и награжденіе знатнымъ помѣстьемъ, изъ конфискованныхъ у польскихъ пановъ маетностей. Со страхомъ думалъ теперь неразсчетливый дипломатъ, что придется удовольствоваться владимірскою лентою и снова прибѣгнуть къ ростовщикамъ.

Между тѣмъ, переговоры быстро шли впередъ. Австрійскому послу въ Россіи, графу Лудовику, или, какъ его называли въ Петербургѣ, Луи, Кобенцелю удалось заключить тайное соглашеніе съ русскимъ дворомъ. Соглашеніе это подписано было въ Петербургѣ 23 Декабря 1794 года, одновременно съ приступленіемъ Австріи къ третьему раздѣлу Польши. Въ силу этого секретнаго акта, Австрія и Россія обѣщались привести въ исполненіе предположеніе, подписанное еще въ 1782 году Екатериною и Іосифомъ II. Оно состояло въ томъ, чтобы въ случаѣ войны Россіи и Австріи противъ Порты, взять отъ Турціи Бессарабію, Молдавію и Валахію и образовать изъ нихъ независимое государство, подъ скипетромъ одного изъ великихъ князей, или одной изъ великихъ княженъ Россійскаго Императорскаго дома, а Австріи получить равноцѣнныя области во владѣніяхъ султана. Сверхъ того, было положено, что если римскій императоръ, послѣ окончанія настоящей войны съ Франціею, не пріобрѣтетъ отъ нея земель, то получитъ удовлетвореніе въ предѣлахъ Венеціанской республики, или въ иныхъ мѣстахъ, по условію о томъ Россіи съ Австріею. Наконецъ, тайнымъ договоромъ опредѣлено, что если Пруссія объявитъ войну Россіи или Австріи, то обѣ державы будутъ помогать одна другой всѣми своими силами. „Il est convenu de plus, de part et d'autre“, сказано было въ заключеніи вышеприведеннаго акта, „que le présent acte échangé contre un pareil de la part des plénipotentiaires de S. M. l'Impératrice seront considérés l'un et l'autre, comme ayant force, valeur et obligation de traité le plus formel“ [1]). Такимъ образомъ, мудрая Екатерина ни на минуту не теряла изъ виду истинныхъ интересовъ Россіи, и въ то время, когда дѣло шло объ окончательномъ приговорѣ надъ Польшею, зоркій взглядъ ея проникалъ въ будущее и твердая воля ея готовила новую стезю для рѣшенія столь близко лежавшаго къ сердцу ея восточнаго вопроса.

Въ Петербургѣ опасались новой нерѣшительности со стороны Австріи. „Мы не скрыли отъ графа Кобенцеля“, писалъ къ Разумовскому Морковъ, „къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести упорство. Старайтесь отклонить всякую перемѣну въ предлагаемыхъ нами актахъ

[1]) Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I въ 1799, I, стр. 14, 354, 355.

Проволочки по этому дѣлу ни къ чему не поведутъ и только утомятъ терпѣніе Государыни". Но на этотъ разъ нерѣшительности опасаться было нечего.

Въ воображеніи Тугута уже рисовались прирѣзки территорій въ Италіи, а это уже давно было закадычною мыслью вѣнскаго кабинета. Разумовскій спѣшилъ увѣдомить Государыню, что ратификаціи присланныхъ изъ С.-Петербурга актовъ вскорѣ будутъ возвращены изъ Вѣны обратно, и что императоръ намѣренъ собственноручно благодарить Государыню. Вѣчно недовольный австрійскій министръ радостно теперь принималъ русскаго посла.

„Je n'ai vu le baron de Thugut", доносилъ вице-канцлеру графъ Андрей Кириловичъ отъ 13 Января 1795 года, „que pour en recevoir les témoignages de la plus vive joie, dont il était pénétré par tout ce que lui mandait le comte de Cobenzl, en rendant compte de l'issue des conférences de St.-Pétersbourg et des résultats infiniment satisfaisants pour les intérêts de l'empereur, qui en ont été la conséquence. Depuis j'ai lu au baron les protocôles des conférences, ainsi que la dépêche de m. d'Alopeus en dâte du 13 Décembre... M. de Thugut en a interrompu la lecture par des expressions de reconnaissance... Je ferai mention de quelques objections sur des objets éventuels, suppliant v. e. de ne les considérer, jusqu'à ce que je sois à même d'en rendre un compte plus exact, que comme des apperçus informes, jetés en avant dans une conversation rapide et qui demandent à être discutés à loisir. Sur l'article qui concerne le sort futur du roi de Pologne, m. de Thugut m'a paru consterné de l'énormité de la dette de ce prince, et de la charge qui en retomberait sur le compte de l'empereur. Je lui fis observer, que sous tous les rapports c'était un objet auquel la cour de Vienne ne pouvait se refuser, que d'ailleurs il fallait considérer la dette sous deux rubriques différentes qui diminuaient l'effroi, que me semblait lui causer une masse aussi considérable: 1) l'entretien du roi et 2) sa dette, qui pouvait être réglée à des termes très éloignés et par conséquent ne peserait pas sur les revenus d'une grande puissance à la veille d'acquérir une très grande extension de territoire. J'ai fait part à m. de Thugut de la dépêche de v. e., qui concerne les intentions de notre auguste Souveraine de condescendre à la sollicitation, répétée maintes fois par cette cour-ci, d'intervenir directement dans la guerre contre les Français, en la soumettant toutefois aux circonstances qui ont empêché, et empêchent encore, le développement des dispositions magnanimes de l'Impératrice, sur lesquelles on pourrait cependant se concerter préalablement avec les puissances coalisées, surtout celles qui agissent avec bonne foi et vigueur comme l'Autriche et l'Angleterre, et qu'à l'égard de cette dernière S. M. I. laissait au mi-

nistère de Vienne la liberté de la pressentir à cet effet. Le baron de Thugut en me témoignant son extrême satisfaction là-dessus m'objecta, qu'il appréhendait cependant qu'une intention aussi favorable ne resta sans fruit, vû que mes ordres ne contenaient aucun détail de stipulation sur le nombre de troupes et la mode de leur emploi, et que le temps qui s'écoulerait jusqu'à ce que tous les arrangements puissent être réglés, entraverait la réuissite de ce concours. Je lui répondis que quel que soit la volonté de notre auguste Souveraine, quant à l'emploi de ses troupes, il ne me semblait-point nécessaire qu'il en fut question avant qu'on se fût entendu sur un concert général à ce sujet et que S. M. I. aurait donné ses ordres à son ministre à Londres pour déterminer ultérieurement les mesures à prendre, ce qui s'effectuerait assez à temps, vû que l'exécution serait d'abord soumise à la conclusion de nos affaires particulières avec la cour de Berlin, et ensuite aux retards causés par la rigeur de notre climat. Enfin m. de Thugut me promit d'expédier incessament un courtier à Londres pour y faire l'ouverture dont S. M. I. le chargerait, mais il croyait qu'il serait plus expédient que le chevalier Eden fut chargé de traiter cette affaire ici“.

Екатерина не спѣшила связывать себя болѣе точными обѣщаніями. Она умѣла сама вести дѣла свои и вовсе не намѣрена была поручать Австріи роль посредницы между Россіею и Англіею. Черезъ Тугута желала она вывѣдать намѣренія с.-джемскаго кабинета, но о переговорахъ она вовсе не думала. На поляхъ приведенной нами выше депеши Разумовскаго Государыня собственноручно помѣтила: „Вѣна желаетъ, чтобы наши сношенія съ Англіею прошли черезъ ея руки“, а противъ послѣдняго предложенія вести переговоры въ Вѣнѣ она записала: „Чтобы яснѣе выразиться, дабы г. Тугутъ былъ полнымъ хозяиномъ нашихъ переговоровъ съ С. Джемскимъ кабинетомъ“. Но если съ одной стороны Государыня рѣшила не спѣшить войною съ Франціею, къ которой подбивали ее царедворцы, съ Зубовымъ во главѣ, то, съ другой стороны, она старалась добиться согласія съ Вѣною касательно судьбы Польши. Тугутъ, обнадеженный относительно будущаго, сталъ сговорчивѣе, и 23 Января 1795 года отправлены были обратно въ Петербургъ подписанныя императоромъ ратификаціи. Актами этими Францъ II приступалъ наконецъ къ конвенціи 12 Января 1793 года, касательно второго раздѣла Польши. Изъявляя, послѣ двухъ лѣтъ, согласіе свое на этотъ, давно уже состоявшійся актъ, Тугутъ, недовольный однимъ только тайнымъ соглашеніемъ, о которымъ мы упомянули выше и которое послужило основою къ сговорчивости вѣнскаго кабинета, теперь сталъ настаивать на включеніе въ ратификацію отдѣльнаго условія, касательно, всѣми уже давно забытыхъ, по-

ползновеній вѣнскаго двора на Баварію. Разумовскій, впрочемъ, на-отрѣзъ отъ этого отказался [1]).

Но если со стороны Вѣны не дѣлаемо было особенныхъ затрудненій, то не такъ легко было на этотъ разъ сговориться съ Берлиномъ. Пруссія не соглашалась на сдачу Кракова и протестовала противъ плана раздѣла. Часть, назначенная Австріи, возбуждала главное противодѣйствіе берлинскаго двора. Но Екатерина твердо защищала свою союзницу, и Разумовскій въ депешѣ своей, отъ 28 Февраля, изъявлялъ за это Остерману глубокую благодарность Тугута. Впрочемъ Пруссія, въ описываемое нами время, занята была столько же польскими дѣлами, сколько переговорами съ революціоннымъ правительствомъ Франціи. Крейцнахскій купецъ Шмерцъ вошелъ въ сношеніе съ секретаремъ французскаго посольства въ Швейцаріи Балле. Между ними завелись тайные переговоры. Когда дѣло пошло на ладъ, то оффиціально отправленъ былъ въ Базель бывшій прусскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Гольцъ, который вошелъ уже въ прямыя и гласныя сношенія съ Бартелеми, бывшимъ маркизомъ и аристократомъ, а въ то время посломъ французской республики въ Швейцаріи. Переговоры велись съ крайнимъ цинизмомъ, и прусскіе уполномоченные, не краснѣя, напоминали вчерашнимъ врагамъ своимъ о тѣхъ услугахъ, которыя они имъ оказывали въ продолженіе войны [2]). Пруссія требовала себѣ награды за недавнее предательство. Впрочемъ, самая цѣль берлинскаго кабинета была вполнѣ достойна подобныхъ способовъ ея достиженія. Пруссія имѣла въ виду, съ помощью Франціи, усилиться на счетъ Германіи. Съ рѣдкою ловкостью успѣло берлинское правительство, во время тайныхъ своихъ сношеній съ французами, подбить, въ пользу мира, Регенсбургскій сеймъ, гдѣ, большинствомъ 36 голосовъ противъ 21, положено было войти, при посредствѣ Пруссіи, въ переговоры съ парижскимъ правительствомъ. Между тѣмъ, умеръ графъ Гольцъ, и баронъ Гарденбергъ назначенъ былъ на его мѣсто. Несмотря на громадныя суммы, предложенныя Англіею любовницѣ прусскаго короля, графинѣ Лихтенау, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она помѣшала сближенію Пруссіи съ Франціею [3]), базельскій миръ состоялся 5 Апрѣля н. ст. 1795 года и возбудилъ взрывъ негодованія въ Европѣ.

„Voilà donc, mon cher ami“, писалъ къ Разумовскому, отъ 22 Апрѣля, Морковъ, „cette grande perfidie prussienne consommée. Vous serez étonné de l'impudence avec laquelle ce pauvre Frédéric-Guillaume a

[1]) Депеша къ Остерману отъ 23 Января 1795 г.

[2]) Schlosser—Geschichte des XVIII Jahrhunderts V, 644.

[3]) Тамъ же V. 644.

osé l'annoncer à l'Impératrice, et vous trouverez sans doute à sa place la manière, dont il a été rembarré. Il ne tient à présent qu'à l'Angleterre qu'on l'en fasse bientôt répentir, mais je vous avoue, que je partage avec vous les craintes que vous inspirent la marche lourde et incertaine de la politique de cette puissance".

Въ то время, когда въ Вѣну прибыла роковая вѣсть о базельскомъ мирѣ, Разумовскій былъ нездоровъ и никуда не выѣзжалъ. Спѣшная записка отъ Тугута побудила посла, несмотря на немочь свою, сѣсть въ карету и ѣхать въ государственную канцелярію. Онъ засталъ министра иностранныхъ дѣлъ въ ужасѣ. При входѣ Разумовскаго, Тугутъ сообщилъ ему только-что полученную имъ новость и заявилъ, что дальнѣйшій ходъ дѣлъ зависитъ теперь исключительно отъ Императрицы. По его мнѣнію, необходимо было, немедля, сговориться съ Россіею; только послѣ этого возможно будетъ императору дать себѣ отчетъ о томъ, каковы будутъ роковыя послѣдствія нежданнаго мира. Тугутъ хотѣлъ, немедля, писать въ Петербургъ, и Разумовскій предложилъ въ этотъ-же день отправить туда нарочнаго курьера, но министръ иностранныхъ дѣлъ одумался и рѣшилъ, что спѣшить незачѣмъ, такъ какъ роковое извѣстіе должно было уже и безъ этого достигнуть русской столицы.

Между тѣмъ, австрійскіе министры и представитель Англіи, сэръ Мортонъ Иденъ, не переставали заявлять русскому послу, что одна только Государыня можетъ возстановить уничтоженное базельскимъ трактатомъ равновѣсіе Европы; а старинный недоброжелатель Разумовскаго, маркизъ Луккезини разглашалъ по Вѣнѣ, что отказъ с.-петербургскаго кабинета принять условія, предложенныя Пруссіею для окончанія польскихъ дѣлъ, много способствовалъ къ заключенію базельскаго мира. Полученіе Тугутомъ полнаго текста трактата побудило его воспользоваться предложеніемъ Разумовскаго касательно отправки курьера.

„Le baron de Thugut", доносилъ графъ Андрей Кириловичъ, „est entré dans le détail des difficultés sans nombre, pour les opérations des armées Autrichiennes, grâce au traité de Bâle. Dans cette position si critique sans doute, a-t-il ajouté avec une franchise qui honore ce ministre, nous pourrions obtenir aisément un armistice, mais si l'empereur a essuyé de grands malheurs, si nous avons commis de grandes fautes, nous n'aurons pas à nous reprocher de perfidie, et c'en serait une envers nos alliés... La baron ne cessa de me répéter, que c'est de notre auguste Souveraine que l'empereur attend le secours le plus efficace. Je n'empiéterai point à cet égard sur les représentations qu'aura à faire à v. ex. le comte de Cobenzl, et j'attendrai avec impatience,

que me dicte mon zèle pour la cause commune, les ordres qu'il plaira à S. M. de me faire transmettre à cet objet" [1]).

Почти одновременно [2]), Разумовскій шифрованною депешею доносилъ Государынѣ слѣдующее:

„Le principe d'équité qui a guidé V. M. I. dans la discussion du partage définitif de la Pologne, en détruisant tout espoir de la cour de Berlin de porter les derniers coups à l'affaiblissement de la monarchie Autrichienne, a sans doute accéléré la conclusion du traité de Bâle. Cet acte public rompt tous les engagements qui existaient entre le roi de Prusse et ses alliés. Il montre à découvert les premiers traits du nouveau système, que va suivre l'insatiable ambition de ce prince; il indique des stipulations secrètes, qui ne tarderont pas à se developper au détriment des deux cours Impériales. La partie, selon toute apparence, sera liée avec les cours de Stockholm et de Copenhague, à coup sur du moins avec la première et la Porte. Les renouvellements des subsides à l'égard de la Suède assurera l'adhésion de cette puissance inquiète, ou plustôt de l'esprit turbulent de son régent [3]), qui donnant inconsidéremment dans le piége, ne s'appercevera peut-être pas, que l'article 5 du traité de Bâle pourrait annoncer l'intention du roi de Prusse d'acquérir la Poméranie Suédoise, en êquivalent de la cession de ses états cédés à la France sur la rive gauche du Rhin. Vis-à-vis des Turcs, le sort de la Pologne sera sans doute l'épouvantail mis en œuvre pour que l'intrigue ait son effet... Tel est en substance le raisonnement, que m'a présenté m. de Thugut. Voici l'idée qu'il m'a communiquée, comme la plus propre à déjouer le calcul de la perfidie prussienne—ce serait l'établissement aux dépens des acquisitions prussiennes d'un état indépendant en Pologne... Le ressentiment des Polonais contre le cabinet de Berlin, que tous regardent à juste titre comme la source de l'anéantissement de leur pays, ne tarderait pas à se développer sous la conduite des mêmes chefs, que ceux des troubles derniers. On pourrait leur faire prendre des engagements solonnels, et exactement stipulés sous la garantie des deux cours Impériales. Quant aux limites de l'entreprise et la forme de la réintégration, le cabinet de Vienne souscrit implicitement aux volontés de V. M. I., espérant toutefois qu'Elle daignera lui conserver le lot, que sa magnanime justice vient de lui assigner".

Странное предложеніе это, имѣвшее цѣлью лишить Пруссію и Россію пріобрѣтенныхъ ими отъ польской республики областей, остав-

[1]) Депеша къ Остерману отъ 5 Апрѣля.

[2]) Отъ 9 Апрѣля.

[3]) Герцогъ Зюдерманландскій.

ляя за Австріею полную часть добычи, разумѣется, не получило въ Петербургѣ высочайшаго одобренія. Интригъ Пруссіи тамъ особенно не боялись, и рѣшено было о соглашеніи между императорскими дворами сообщить берлинскому кабинету. Разумовскому приказано было просить, чтобы принцу Рейсу, австрійскому посланнику въ Берлинѣ, выслано было полномочіе, дабы онъ, совмѣстно съ представителемъ Россіи Алопеусомъ, могъ объявить прусскому правительству о состоявшемся концертѣ. Но Тугутъ требовалъ, въ виду базельскаго мира, чтобы подобное объявленіе было отложено на неопредѣленное время. Онъ увѣрялъ, что, по имѣвшимся у него вѣрнымъ свѣдѣніямъ, секретныя статьи базельскаго трактата относились до Польши, независимость которой король прусскій взялся будто возстановить. Если теперь огласить состоявшееся между Австріею и Россіею соглашеніе, то легко можно возстановить противъ императорскихъ дворовъ общее негодованіе, которымъ Пруссія воспользуется. Австрійскій министръ возражалъ тоже противъ занятія войсками новопріобрѣтаемыхъ областей, опасаясь, какъ бы пруссаки не двинули силы свои въ Краковское и Сандомірское воеводства. Этими переговорами Разумовскій воспользовался, чтобы снова выдвинуть впередъ вѣчный вопросъ о занятіи Волыни. Русскіе генералы продолжали жаловаться какъ въ Вѣну, такъ и въ С.-Петербургъ, а послу высылались изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ довольно колкіе намёки на то, что онъ плохо охраняетъ русскіе интересы. Графъ Андрей Кириловичъ не ограничился на сей разъ представленіями Тугуту о необходимости исполнить наконецъ данное обѣщаніе и вызвать австрійскихъ солдатъ изъ Волыни. Хотя министръ далъ самое положительное обѣщаніе, немедля, распорядиться этимъ дѣломъ, посолъ нашелъ нужнымъ на частной аудіенціи лично о томъ просить императора, который очень удивился тому, что данное имъ обѣщаніе до сихъ поръ не исполнено, объявляя, что, немедля, будутъ сдѣланы на этотъ счетъ должныя распоряженія. Эти увѣренія вполнѣ успокоили Разумовскаго. Тѣмъ не менѣе, данныя обѣщанія по прежнему канули въ Лету.

Въ это время по Вѣнѣ снова, и на этотъ разъ настойчивѣе стали ходить слухи о тайныхъ переговорахъ между Австріею и Франціею. То были отголоски тѣхъ тёмныхъ интригъ, о которыхъ мы упомянули выше и которыя имѣли мѣсто за годъ до описываемаго нами времени. Всей серьёзности этого дѣла Разумовскій не подозрѣвалъ, хотя въ депешахъ своихъ онъ и упоминалъ, что въ городѣ неоднократно говорили о возможности мира. Самъ посолъ смотрѣлъ на это, въ виду крайняго истощенія Австріи, какъ на дѣло, не вполнѣ невозможное. На этотъ разъ, какъ видно, слухи были настойчивѣе, и графъ Андрей Кириловичъ рѣшился о нихъ переговорить съ самимъ

императоромъ. Быть можетъ, Францъ II не зналъ вовсе о продѣлкахъ своихъ министровъ, или же онъ говорилъ только о настоящемъ, умалчивая о дѣлахъ минувшихъ, но, во всякомъ случаѣ, въ отвѣтъ на запросъ Разумовскаго онъ отвѣчалъ, что въ городскихъ толкахъ не было ни слова правды, что онъ честный человѣкъ и никогда никого не обманывалъ, а поэтому шагу не сдѣлаетъ, не извѣстивъ предварительно о томъ своихъ союзниковъ, и прежде всѣхъ другихъ, самого посла. „Если будутъ мнѣ дѣлаемы со стороны врага предложенія, я ихъ отталкивать не буду", заключилъ германскій императоръ, „всегда хорошо все выслушивать, но я ни на что не рѣшусь, не посовѣтовавшись сперва съ Государыней" [1]).

Предположеніе сообщить берлинскому двору о состоявшемся между Россіею и Австріею соглашеніи, на чемъ особенно настаивали изъ Петербурга, продолжало безпокоить Тугута. Онъ предвидѣлъ отъ такого сообщенія самыя бѣдственныя послѣдствія для двора своего и всячески, черезъ графа Кобенцеля и Разумовскаго, старался отклонить отъ этого намѣренія с.-петербургскій дворъ. Напрасно старался успокоить его графъ Андрей; напрасно завѣрялъ онъ австрійскаго министра, убитаго прежними неудачами и съ ужасомъ помышлявшаго о будущемъ, что окончательное отложеніе Пруссіи отъ союза съ императорскими дворами не только не измѣнитъ рѣшеній Государыни, но, наоборотъ, ускоритъ ихъ осуществленіе; напрасно доказывалъ онъ, что въ самыя трудныя минуты присутствіе духа и дальновидность Императрицы усугубляются и обращаютъ въ прахъ самые сложные замыслы ея враговъ. Всѣ доводы посла ни къ чему не привели; Тугутъ на этотъ разъ находился подъ гнетомъ мысли, что пруссаки могутъ напасть на Богемію. „Они ее займутъ", говорилъ онъ, „прежде даже, чѣмъ въ Петербургѣ узнаютъ о выступленіи ихъ за прусскую границу, тогда о помощи съ вашей стороны говорить будетъ поздно". „Но неужели", возразилъ русскій посолъ, „не принято мѣръ для защиты Богеміи? При настоящемъ положеніи вещей, прежде всего слѣдовало-бы подумать о границѣ, которая, сама по себѣ, слабая. Позвольте вамъ замѣтить, баронъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ тотъ, кто рѣшается нѣсколько рисковать, можетъ много выиграть. Условія теперь не тѣ, что прежде. Вы не можете отъ Фридриха-Вильгельма ожидать рѣшимости Фридриха II; къ тому же, въ Берлинѣ увѣрены будутъ, что на предполагаемое сообщеніе оба двора рѣшились не иначе, какъ сговорившись предварительно, а вслѣдствіе этого вполнѣ сознаютъ, что за всякое предпріятіе, подобное тому, котораго вы опасаетесь, дорого придется поплатиться". Слова Разумовскаго

[1]) Депеша Остерману отъ 26 Апрѣля.

плохо дѣйствовали на Тугута. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, министръ уговорилъ посла не отправлять курьера въ Берлинъ, а направить его на Петербургъ за дальнѣйшими приказаніями. Баронъ увѣрилъ Разумовскаго, что черезъ 6 недѣль Богемія будетъ поставлена въ оборонительное положеніе, а до того умолялъ его представить Государынѣ всенижайшую просьбу о томъ, чтобы она соблаговолила сдѣлать сильнѣйшее внушеніе (une déclaration énergique et péremptoire) берлинскому кабинету, дабы остановить дальнѣйшія послѣдствія пагубной его политики, какъ относительно коалиціи вообще, такъ и относительно германской имперіи въ особенности. „При этомъ императоръ желаетъ", добавилъ Тугутъ, „чтобы Государыня изъявила, что въ основу дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій она ставитъ полное единство взгляда, какъ на польскія, такъ и на французскія дѣла и что не допуститъ ни малѣйшаго сопротивленія при исполненіи условленныхъ между союзниками плановъ". Такое внушеніе, по мнѣнію австрійскаго министра, неминуемо должно было заставить Пруссію образумиться. Вѣнскій кабинетъ еще надѣялся, что Государыня, вслѣдъ за вышеизложеннымъ заявленіемъ, соблаговолитъ, въ случаѣ нападенія пруссаковъ на Австрію, приказать генераламъ своимъ, немедля, двинуться въ Пруссію. Чтобы не потерять при этомъ лишняго времени, императоръ просилъ у Екатерины дозволенія самому распорядиться движеніями русскихъ войскъ [1]).

Въ Петербургѣ, однако, не только не намѣрены были принимать невозможныя предложенія вѣнскаго кабинета, но еще сильно были противъ него возстановлены. Неисполненіе, столько разъ повторенныхъ, обѣщаній, касательно очищенія Волыни, истощило наконецъ терпѣніе Государыни. Остерману приказано было отправить къ Разумовскому рѣзкую депешу, въ которой, съ одной стороны, указывалось на недобросовѣстность вѣнскаго правительства, а съ другой—поставлено было на видъ послу, что дѣйствія его, касательно Волыни, были слабы и навлекли на него высочайшее неблаговоленіе. Разумовскій былъ въ отчаяніи. „Je m'empressai de me rendre à la chancellerie d'état", доносилъ онъ отъ 21 Мая Остерману, „Ce n'était point des nouvelles instances que je portai relativement à l'affaire de Volhynie, mais bien des reproches amers, que j'étais en droit de faire à m. de Thugut sur l'inexécution de la promesse solonnelle qu'il m'avait donnée à cet égard, promesse qui m'a été confirmée par l'empereur lui-même, qui me fit même, en quelque sorte, des excuses et me dit qu'il allait envoyer des ordres en conséquence, m'autorisant à en faire un rapport à ma cour. C'est sur la foi de cette promesse sacrée que je mandai de suite au

[1]) Депеша къ Остерману отъ 15 Мая.

maréchal Roumiantzeff la très prochaine évacuation des postes autrichiens, et le maréchal ne répondant pas, je crus l'affaire terminée. Je récapitulai tout cela au baron de Thugut, qui s'étendit en excuses et en regrets d'avoir eu l'air de mettre de la mauvaise volonté à se conformer aux dispositions de l'Impératrice. M. de Thugut se confondit en protestations de dévouement pour S. M. I. Il étaya cependant cette apologie de quelques arguments peu fondés sans doute, mais que je n'ometterai pas de consigner ici. Il fallait attendre la bonne saison pour mettre les troupes en mouvement, on craignait, en faisant rentrer les soldats en Galicie, ne pouvoir aussi facilement fournir au maréchal comte Souvoroff des vivres. Enfin m. de Thugut m'offrit d'envoyer une lettre de moi au maréchal par estafette, pour annoncer l'évacuation. Ma lettre sera rédigée immédiatement et l'estafette expédiée ce soir. Je supplie v. ex. de n'attribuer les délais de cette cour-si, qu'aux embarras extrêmes où se trouve son cabinet. M. de Thugut dirige seul les affaires. Ce ministre, portant une très grande responsabilité, n'est ni par son caractère, ni par ses circonstances particulières en état d'affronter le jugement d'une noblesse malveillante et jalouse, et d'un public injuste. Les revers consécutifs qu'a éprouvés l'état depuis sa gestion, l'aspect inquiétant de l'avenir, ont considérablement abattu son esprit et accru sa disposition naturelle à chercher toujours à temporiser. A cela se joint peu de nerf dans le gouvernement, la marche infiniment compliquée dans les départements, et à toutes ces causes on doit rapporter les malheurs essuyés par une exécution toujours retardée de mesures trop discutées".

Въ концѣ депеши приложена собственноручная приписка Разумовскаго. Въ ней излилось то грустное настроенiе, въ которое повергъ его выговоръ изъ С.-Петербурга.

„Qu'il me soit permis, m. le comte", писалъ онъ, „d'exprimer ici le sentiment profond, dont j'ai été pénétré à la lecture de votre dépêche, dont le dernier paragraphe me concerne personnellemet, quant à l'affaire dont je viens de rendre compte. J'ose me flatter, que les circonstances que j'ai récapitulé, effaceront entièrement l'impression qui en a résulté à mon égard. V. ex. a trop longtemps rendu justice à mon zèle, pour que j'en appelle avec confiance à son propre témoignage. Je la supplie très humblement de porter aux pieds de S. M. I. celui de la douleur profonde, que je ressens et dont le poids accablerait mon existence, si je n'entretenais l'espoir consolant, que ma conduite justifiera aux yeux de ma Souveraine le zèle sans bornes, que S. M. a daigné honorer jusqu'ici de sa bienveillante approbation".

Депеша Остермана произвела на Разумовскаго глубокое впечат-

лѣніе. Онъ не ограничился вышеприведенными строками къ вице-канцлеру, онъ обратился ко всѣмъ друзьямъ своимъ въ Петербургѣ: къ Зубову, къ Безбородкѣ, къ Моркову, къ сестрѣ своей Загряжской, умоляя ихъ за него заступиться.

„Je profite d'un courrier de passage, pour adresser ces lignes à v. ex.", писалъ онъ къ всемогущему Зубову. „Le souvenir de ses bontés et l'espoir de leur continuation, me font espérer qu'elle voudra bien prendre quelque intérêt, aux sollicitations qui me les dictent. L'affaire de la Volhynie si longtemps différée dans son exécution à cette cour-ci, par une suite de circonstances, que je ne répéterai point ici, puisqu'elles ont été détaillées dans mes rapports officiels, et qu'elles se trouvent récapitulées dans celui que j'adresse aujourdhui à m. le vice-chancelier, m'a attiré dans la dépêche que j'ai reçue avant-hier, par retour d'un courrier Autrichien, des doutes sur mon zèle et mon activité. C'est sur ces deux bases, m. le comte, qu'a reposé toute mon ambition depuis tant d'années que j'ai le bonheur de servir notre auguste Souveraine, et j'ai eu l'inappréciable satisfaction de les voir honorées par la bienveillante confiance de S. M. I. Accablé de l'idée, que cette confiance ait pu être altérée un seul instant, je supplie instamment v. ex., de vouloir se faire rendre compte de ma conduite dans l'affaire susmentionnée, et si, comme je crois pouvoir me flatter, elle la trouve justifiée, elle ne me refusera pas, j'en suis persuadé, la grâce de porter aux pieds de S. M. I. l'expression de douleur profonde, dont j'ai été pénétré, et celle de l'espoir que j'ose entretenir d'avoir effacé une impression désespérante pour le dévouement sans bornes, avec lequel je consacre mon existence, au bonheur de mériter la bienveillante approbation de ma Souveraine. Cette marque de bonté, d'intérêt, j'ose dire de justice, m. le comte, si analogue à votre caractère, me pénétre d'avance de la plus vive reconnaissance".

Изъ Петербурга спѣшили успокоить обиженнаго и разстроеннаго Разумовскаго. „Начинаю съ самаго спѣшнаго..." писалъ къ нему отъ 26 Іюня Морковъ, „именно, хочу васъ успокоить относительно извѣстнаго рода недовольства вамъ выказаннаго по случаю продолжительнаго занятія Волыни австрійскими войсками. Собственно на васъ лично не сердились, но такъ какъ депеша шла черезъ австрійскаго курьера и заранѣе знали, что она будетъ прочтена, то положено было употребить въ ней выраженія нѣсколько рѣзкія, дабы доказать, кому слѣдуетъ, какую важность этому дѣлу у насъ придавали. Можете быть вполнѣ покойны относительно добраго мнѣнія Государыни о замѣчательныхъ вашихъ способностяхъ и рвеніи. Она отдаетъ и тому, и другому полную справедливость". „Вотъ вамъ письмо отъ графа Зубова", писалъ

далѣе Морковъ отъ 11 Іюля, „я просилъ его вамъ написать, чтобы окончательно успокоить васъ относительно тревоги, причиненной вамъ депешею вице-канцлера". Несмотря на эти успокоительныя извѣстія, долго еще волновался, задѣтый за живое въ честолюбіи своемъ, Разумовскій.

ГЛАВА X.

Сближеніе съ Англіей.—Интриги Пруссіи.—Постановленіе Регенсбургскаго сейма.—Окончательный раздѣлъ Польши.—Событія на Рейнѣ.—Переговоры между Англіею и Франціею.—Смерть графа И. Г. Чернышева.

Мы упомянули выше, что Екатерина искала сближенія съ Англіею. Она старалась прежде вывѣдать тайные виды британскаго правительства и для достиженія этой цѣли обратилась-было къ Австріи. Слишкомъ большое усердіе барона Тугута напугало Государыню и она рѣшилась вступить въ непосредственныя сношенія съ англійскимъ министерствомъ. Дѣло велось отчасти черезъ англійскаго посланника Витворта въ Петербургѣ, частью же черезъ графа С. Р. Воронцова въ Лондонѣ. Екатерина требовала большой субсидіи не только для войны съ Франціею, но и на тотъ случай, если, вслѣдствіе услугъ оказанныхъ Россіею коалиціи, какое-либо другое государство объявило ей войну. Изъ писемъ Моркова Разумовскій зналъ, что Екатерина начинала склоняться къ дѣятельному участію въ дѣлахъ коалиціи. Вслѣдствіе этого, графъ Андрей Кириловичъ неоднократно подстрекалъ Тугута употребить вліяніе свое въ Лондонѣ къ скорѣйшему сближенію Англіи съ Россіею. Какъ видно, Екатеринѣ такое усердіе посла было благоугодно. Впрочемъ, Тугутъ не спѣшилъ, а Разумовскій, тѣмъ временемъ, сблизился съ сэръ Мортонъ Иденомъ и черезъ него старался установить желаемый Екатериною тѣсный союзъ. „J'ai cru, mon bon ami", писалъ отъ 4 Іюня къ Моркову Разумовскій, „qu'avant l'expédition de ce courrier-ci, j'en recevrai un de vous, il m'était annoncé par l'anglais arrivé il y a près de 3 semaines. Je présume maintenant, que les miens auront eu le temps d'arriver dans l'intervalle, et je n'en suis que plus impatient de recevoir des décisions sur les

lenteurs et réticences de cette cour-ci. Elle nous en a donné encore un échantillon dans l'affaire du subside de l'Angleterre, dont on a écrit qu'aujourdhui. Sera-ce encore ma faute, mon ami? J'en mérite le reproche tout aussi peu, que pour celle de la Volhynie, qui me touche, je vous le répête, bien sensiblement. N'en parlons plus, j'espère qu'on me rendra justice pour le passé, comme pour le présent et l'avenir; cette idée me soutient et je compte toujours sur la connaissance que vous avez de moi, de mes principes, de ma délicatesse et de mon exactitude. Vous plaiderez ma cause et vous encouragerez mon zèle. Par l'expédition actuelle, mon ami, vous verrez un nouveau tableau de la position désastreuse où on est ici, et que pour sortir de cet abime, on n'espère de rédemption que de notre part. Je n'ai pas besoin d'amplifier les représentations de Thugut, et celles dont j'ai cru devoir, à sa sollicitation, faire l'objet de mon rapport officiel. Je vous laisse le soin d'en peser l'importance. Elle sera sans doute combinée avec nos moyens et les considérations, qu'exige la prévoyance dans une crise ausi délicate. Vous m'obligeriez, mon ami, beaucoup, de me parler confidément là-dessus. Jusqu'où irons nous? et que ferons nous pour nos alliés dans la cause commune, et sur les sollicitations qu'ils nous adressent? Plus ils fondent leur espoir sur la vigueur de notre intervention, plus elle est par là balancée dans leur opinion par la crainte que nous ne répondions pas entièrement à leur gré à l'attente où ils sont. Cela est naturel; je m'en tiens, moi, vis-à-vis d'eux, aux assurances les plus positives, que je puise dans les ordres qui me parviennent, mais vos commentaires, qui m'ont été si utiles par le passé, me le seraient plus que jamais, pour ma propre diręction et pour une infinité de motifs accessoires impossibles à détailler. C'est par confiance, que je les sollicite, et je crois y être autorisé par la circonspection, que j'ai toujours mise à m'acquitter de mes devoirs, qui je l'avouerai auraient besoin aujourdhui d'une base un peu plus prononcée. Si notre intention est de les servir officieusement, si cette intention n'est contrarié d'aucun côté par nos intérêts particuliers, je suis convaincu qu'un langage péremptoire vis-à-vis des Prussiens, les arrêtera tout court, car ils sont persuadés, ou ils veulent le faire accroire, qu'ils sont sûrs de notre inaction, et que dès lors ils n'appréhendent rien dans le monde. Ce raisonnement opère prodigieusement sur les esprits infiniment petits en Allemagne, et même dans ce pays-ci. Je n'ai pas besoin de vous présenter tous les motifs des Prussiens de nous ménager, motifs politiques et intrinsèques. Ils sentent que nous pouvons les abimer dans leur puissance et dans leur crédit, et il n'y a pas de sacrifices auxquels ils ne se détermineront à la dernière extrémité. Nous pourrions donc vraisemblablement à peu de frais devenir les arbitres de la situation présente de l'Europe,

et nous captiver, par la reconnaissance éternelle de nos alliés, les plus grandes facilités pour la réussite de nos propres affaires. La Porte ne bougera point cette année, nous sommes sans doute en mesure de tenir en respect les Suédois, et le Danemark parait disposé à ne point s'immoler à cet alliée contre nature. Il faut, direz vous, nous assurer de l'assistance pécuniaire des Anglais, les seuls gens à argent en Europe. Dans ma conversation avec Eden, j'ai vu qu'un mouvement énergique de notre part les rendrait fort traitables, pourvu que ce mouvement soit, hors de toute apparence d'équivoque, dirigé pour l'intérêt commun. Il m'a dit qu'il convenait avec moi, que ce n'était plus le moment de porter un faible secours auxiliaire sur le Rhin, à moins que nous n'y fassions marcher une armée considérable, qui en impose aux malveillants et rassure toute l'Europe, mais pourvu que nous attaquions les Prussiens, se serait remplir le même bût et satisfaire également les alliés. Il m'est venu là-dessus une idée conjointement avec Thugut. Je crois qu'il en parlera à l'ambassadeur [1]). Je n'ai pas jugé à propos d'en faire mention dans ma dépêche. En annonçant l'intention d'effectuer le dessein de l'Impératrice de joindre une armée à celle de l'empereur sur le Rhin, demander passage au roi de Prusse par ses étâts; rien n'aurait l'air hostile dans cette démarche, et elle opérerait l'effet salutaire que les alliés sollicitent et attendent de nous. Je ne veux pas m'étendre davantage, je vous parle de confiance, mais je ne veux point abuser de votre temps. Traitez-moi avec confiance aussi, et persuadez-vous, que l'emploi le plus utile de mon temps, pour le service qui m'occupe sans cesse, c'est de méditer vos instructions et les appliquer à ma conduite. Je vais maintenant vous parler de l'affaire du duc de Polignac [2]). Cette lettre vous sera presentée par son fondé de procuration, qu'il envoie d'après vos renseignements. C'est le comte de Mussai. Je ne l'avais point vû jusqu'ici parcequ'il vivait, ainsi que plusieurs autres émigrés, dans la retraite, que nécéssite leur extrême indigence, mais qui est fort considéré par tous les Francais de marque, et mérite bien de l'être, à ce que j'en ai jugé, depuis que son emploi lui a donné accès auprès de moi. J'ai fait en sorte de l'associer avec le courier qui part aujourdhui, pour lui épargner les frais, ou plustôt au duc de Polignac. J'éspére que vous avez prévenu le général Pahlen à la frontière; si non, je le charge de remettre mon paquet, ou au dit général, ou au courier, afin qu'il ne soit point retardé à vous parvenir. Ce m. de Mussai à été muni des instructions du duc sur tous les

[1]) Кобенцелю.

[2]) Герцогъ Арманъ де-Полиньякъ (Armand-Jules-François, comte, позднѣе duc de Polignac), оберъ-шталмейстеръ Лудовика XVI, умеръ въ 1817 въ Петербургѣ.

points, et il est porteur aussi de sa part d'une lettre de remerciements, pour l'intérêt que vous avez bien voulu lui témoigner. Il en adresse une autre à m. le c-te de Zouboff, dans sa qualité de gouverneur général du pays, où l'Impératrice daigne l'accueillir. Cette démarche m'a paru n'être point déplacée lorsqu'il m'a consulté pour la faire. Vous trouverez m. de Mussai instruit à vous demander sous deux aspects des renseignements, savoir, s'il est question simplement d'un asyle industriel pour sa famille; ou s'il plairait à l'Impératrice, d'après un projet qu'a inspiré au bon duc de Polignac le désir de témoigner sa profonde reconnaissance à sa nouvelle Souveraine, en rendant utile à l'étât l'asyle et l'établissement, que S. M. I. veut bien lui accorder. Sous ce dernier point de vue, qui me semble ne pouvoir que devenir avantageux, il vous sera présenté des détails, que vous prendrez en considération; et je joins également sous ce rapport un mémoire que le duc m'a prié de transmettre, ainsi qu'une liste des personnes qui composent sa famille, et de celles qui joindraient leurs destinées à la sienne. Toutes ces personnes sont recommandables par leurs moeurs et la vie tranquille et industrieuse qu'elles mênent ici, la pluspart en Hongrie du côté de Presbourg. Elles le sont aussi par leur considération pour le duc de Polignac, dont ce dernier motif fait bien l'éloge. Je pense toujours, que pour mieux acheminer cette besogne, dont j'augure favorablement, il serait plus court que le duc ait la permission de se rendre sur le champ à Pétersbourg, soit en personne, soit avec une partie de sa famille, celle par exemple qui tient à lui le plus immédiatement. Adieu, mon bon ami, je crois avoir tout dit et je m'empresse d'en venir aux assurances que j'aime à vous répéter de mon tendre et inaltérable attachement [1]).

Въ депешѣ своей къ графу Остерману, отъ того же 4 Іюня, Разумовскій нѣсколько подробнѣе изложилъ разговоръ свой съ сэръ Мортонъ Иденомъ. Англійскій посланникъ откровенно сознался, что въ Англіи боятся, какъ-бы испрашиваемыя Россіею субсидіи не пошли на постороннюю коалиціи цѣль. Страхъ этотъ произошелъ, по мнѣнію Разумовскаго, отъ того, что не ясно изложена была самая суть дѣла. „Мнѣ кажется", писалъ посолъ, „что я отклонилъ всѣ недоразумѣнія, точно обозначивъ тѣ основы, на которыхъ зиждется образъ дѣйствій нашей Монархини. Государыня, сказалъ я, глубоко сочувствуетъ дѣлу коалиціи; она, безъ сомнѣнія, помогла-бы ей грозною военною силою, если бы вѣскія соображенія не заставляли ее сосредоточить въ данную минуту всѣ войска на границахъ Россіи, дабы направить ихъ, въ случаѣ нужды, противъ короля прусскаго, на котораго въ Англіи совер-

[1]) Изъ бумагъ Московскаго архива мин. иностр. дѣлъ. Сношенія съ Вѣною.

шенно справедливо смотрятъ, какъ на злѣйшаго врага коалиціи и какъ на непреодолимое препятствіе всѣмъ планамъ союзниковъ. Значитъ, укротить Пруссію—это содѣйствовать вполнѣ успѣхамъ союзныхъ государствъ. Но вслѣдъ за разрывомъ съ Пруссіею, Государыня можетъ подвергнуться нападенію со стороны другихъ сосѣдей, что несомнѣнно повлечетъ за собою новое разстройство въ ея финансахъ. Вотъ почему она рѣшилась, исподволь, заручиться помощью Англіи". Принявъ за неопровержимую истину ту аксіому, что всѣ дѣйствія Россійской Императрицы клонятся къ успѣху коалиціи, Англіи, по мнѣнію Разумовскаго, невозможно уже долѣе отказывать Россіи въ просьбѣ, отъ исполненія которой прямо зависитъ уничтоженіе критическаго положенія дѣлъ въ Европѣ, что, какъ всѣмъ извѣстно, составляетъ конечную цѣль британскаго правительства. Иденъ согласился съ доводами русскаго посла, но при этомъ неоднократно ставилъ вопросъ: положительно-ли или только условно требованіе Россіи. Разумовскій замѣтилъ, что лучшимъ отвѣтомъ на это могутъ служить предыдущія слова его. Несомнѣнно, добавилъ онъ, желаніе Государыни то, чтобы дѣла приняли оборотъ, при которомъ всякая подмога деньгами становится излишнею, но она долгомъ считаетъ предупредить, что могутъ въ будущемъ встрѣтиться такія обстоятельства, которыя поставятъ въ самое затруднительное положеніе и Государыню, и ея союзниковъ. Иденъ замѣтилъ, что на переговоры потребуется много времени, а въ Англіи полагаютъ необходимымъ, для общаго блага, чтобы Государыня, немедля, положила предѣлъ тому злу, которое причиняетъ Европѣ берлинскій кабинетъ. На это графъ Андрей отвѣчалъ, что ему неизвѣстно, какія приказанія получилъ графъ Воронцовъ, но что за благія намѣренія и прямодушіе своей Монархини онъ вполнѣ можетъ ручаться. По мнѣнію англійскаго посланника, совмѣстное внушеніе берлинскому двору, поддержанное сильною военною демонстраціею, было бы для общаго дѣла весьма полезно. Разумовскій былъ увѣренъ что, какъ Иденъ, такъ и Тугутъ отправили въ Лондонъ депеши въ смыслѣ, вполнѣ благопріятномъ тѣсному сближенію съ Россіею.

Союзъ состоялся не только между Россіею и Англіею, но еще между этою послѣднею державою и Австріею. Въ Англіи общественное мнѣніе было сильно возбуждено противъ Пруссіи, которая, чувствуя свое невыгодное положеніе, среди недоброжелательныхъ ей державъ, теперь всячески заискивала благорасположенія императорскихъ дворовъ. Луккезини сталъ часто навѣщать государственную канцелярію и разсыпаться въ увѣреніяхъ дружбы. Тугутъ отвѣчалъ ему общими мѣстами. Въ то же время ловкій маркизъ началъ ухаживать и за рускимъ посломъ, заводилъ съ нимъ длинные политическіе разговоры и старался убѣдить его въ томъ, что король прусскій ничего такъ не

желаетъ какъ мира. Король, говорилъ Луккезини, которому извѣстно вліяніе Разумовскаго на ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ, приказалъ ему войти съ посломъ въ сношенія, въ полной увѣренности, что дружественные между ними переговоры могутъ привести къ общему умиротворенію. Графъ Андрей Кириловичъ довольно холодно отвѣчалъ, что весьма польщенъ выгоднымъ о немъ мнѣніемъ короля и что всегда готовъ, по мѣрѣ силъ своихъ, и въ границахъ дарованнаго ему довѣріемъ Государыни вліянія, содѣйствовать благому дѣлу мира [1]). Льстивыя слова прусско-итальянскаго дипломата имѣли мало вліянія на русскаго посла. Депеши его въ Петербургъ пропитаны были озлобленіемъ противъ Пруссіи, и онъ старался возбудить опасенія Государыни относительно сосѣда, которому, по его мнѣнію, Европа была обязана бѣдственнымъ своимъ положеніемъ.

„Il est certain“, доносилъ онъ вице-канцлеру въ депешѣ отъ 4 Іюня, „que la position avantageuse où se trouve la cour de Berlin facilite prodigieusement son double but. d'entraver les opérations de celle de Vienne et de diviser l'Europe. Sa conduite est d'autant plus artificieuse, qu'elle a soin de la couvrir de protestations, qu'elle croit plus propres à donner le change sur ses intentions, et elle les dispense avec art, selon l'effet qu'elle juge pouvoir en résulter d'après les circonstances et l'éloignement des cours, où elle cherche à donner les impressions qui conviennent à ses intérêts. Tel est, je n'en doute pas, le principe qui a dicté la communication prescrite envers moi au marquis Lucchesini. J'ai admiré son éloquence et j'ai su me renfermer en l'écoutant dans un profond silence, me restreignant à la réponse que j'ai déjà mandée“.

Въ виду новыхъ европейскихъ усложненій, Екатерина болѣе, чѣмъ когда либо, спѣшила покончить съ вѣковымъ польскимъ вопросомъ, уже рѣшеннымъ между императорскими дворами. Одна только Пруссія не подписала еще окончательнаго раздѣла злосчастной республики. На эту почву старалось прусское правительство поставить теперь вопросъ о соглашеніи своемъ съ Австріею. Какъ извѣстно, польскій раздѣлъ былъ яблокомъ раздора между Берлиномъ и Вѣною. Разными окольными путями сталъ берлинскій дворъ предлагать вѣнскому правительству, полюбовно рѣшить между собою щекотливый вопросъ о Краковскомъ и Сандомирскомъ воеводствахъ. Первыя попытки не имѣли успѣха, и въ Вѣнѣ уже думали, что Пруссія отложила всякое объ этомъ попеченіе, когда маркизъ Луккезини передалъ Тугуту ноту, предлагавшую сговориться относительно этой части раздѣла. По мнѣнію Разумовскаго, нота эта такъ и сквозила желаніемъ выиграть время, чтобы

[1]) Депеша къ Остерману отъ 25 Мая.

дать берлинскому кабинету возможность исполнить враждебные свои замыслы противъ коалиціи. Все въ нотѣ этой шло наперекоръ соглашенію между императорскими дворами. Баронъ Тугутъ, прочитавъ русскому послу полученное имъ отъ прусскаго министра сообщеніе, просилъ его, не теряя времени, увѣдомить Алопеуса, что вѣнское правительство, ни въ какомъ случаѣ, не намѣрено дѣйствовать помимо Россіи. Разумовскій счелъ долгомъ исполнить желаніе австрійскаго министра, и вслѣдствіе депеши его къ Алопеусу, послѣдній заявилъ въ Берлинѣ, что полученная въ Вѣнѣ нота не помѣшаетъ обнародованію, состоявшагося на счетъ Польши между императорскими дворами, соглашенія. Несмотря на заявленіе это, первый прусскій министръ, графъ фонъ-Гаугвицъ, продолжалъ заискивать расположеніе принца Рейса, въ то время, какъ агенты берлинскаго кабинета, по всей Германіи, разглашали объ усиліяхъ Пруссіи довести европейскія дѣла до общаго замиренія. Послѣдствіемъ этихъ усилій было уже упомянутое нами рѣшеніе Регенсбургскаго сейма заявить императору, что вся Германія желаетъ мира и проситъ, при посредствѣ берлинскаго двора, начать переговоры съ Франціею.

Вѣсть о такомъ неожиданномъ рѣшеніи сейма привела австрійскій дворъ въ обыкновенное смятеніе [1]). Въ Вѣнѣ слѣпо разсчитывали, что большинство въ Регенсбургѣ выскажется за продолженіе войны. Въ первую минуту рѣшено было обратиться къ самымъ крутымъ мѣрамъ и отвѣтить на постановленіе сейма отказомъ. Но подобный образъ дѣйствій, къ которому императорская власть прибѣгала въ крайнихъ только случаяхъ, съ незапамятныхъ временъ вышелъ изъ употребленія. Среди австрійскаго министерства возникали опасенія, какъ бы такой рѣзкій и небывалый поворотъ дѣла не привелъ къ окончательному раздвоенію Германіи. Разумовскій, въ разговорахъ съ Тугутомъ, сильно поддерживалъ эти опасенія. Между совѣтниками римскаго императора пошли споры, и наконецъ не безъ труда договорились они до отложенія дѣла въ долгій ящикъ. Такого рода рѣшеніе вполнѣ подходило подъ обыкновенный образъ дѣйствій Тугута. Положено было на время оставить постановленіе сейма безъ отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что Богемія подала голосъ съ меньшинствомъ [2]). Неожиданныя событія обратили, однако, все дѣло въ совершенно противоположную сторону. Въ Парижѣ вспыхнули новые безпорядки. Утомленная внутренними смутами, Франція стала проявлять недовольство. Роялисты подняли голову и, съ обычнымъ легкомысліемъ, громко стали говорить о неминуемой реакціи въ пользу стариннаго порядка вещей. Изъ Франціи почти ежедневно доходили въ Вѣну извѣстія, подававшія полную на-

[1]) Депеша къ Остерману отъ 27 Іюля.

[2]) Депеша къ Остерману отъ 4 Іюля.

дежду на скорое подавленіе республиканской гидры. Только-что отличившійся въ Нидерландахъ, генералъ Пишгрю назначенъ былъ 3 герминаля (2 апрѣля) комендантомъ Парижа. Сношенія его съ эмигрантами не были тайною для вѣнскаго кабинета. Будущее представлялось въ радужныхъ краскахъ, а вслѣдствіе этого отношенія германскаго императора къ Регенсбургскому сейму мгновенно измѣнились. Вмѣсто суроваго отказа воспослѣдовалъ милостивый отвѣтъ. Францъ II заявилъ, что всегда готовъ способствовать миру, хотя самъ просить перемирія не будетъ, и что всякое мирное предложеніе, основанное на неприкосновенности Германіи, будетъ имъ охотно принято. На этой почвѣ императоръ готовъ воспользоваться содѣйствіемъ Пруссіи, на которую указывалъ ему сеймъ. Русскій посолъ вполнѣ одобрилъ подобное рѣшеніе и, въ депешѣ къ вице-канцлеру отъ 27 Іюля, заявлялъ, что успѣхъ праваго дѣла во Франціи, на который, по его словамъ, вполнѣ можно было надѣяться, а вмѣстѣ съ тѣмъ, энергичная военная демонстрація, со стороны Австріи на Рейнѣ, несомнѣнно, и притомъ весьма скоро, приведетъ не только къ мирнымъ переговорамъ, но и къ общему замиренію.

Среди этихъ, повидимому, счастливыхъ для коалиціи обстоятельствъ, угасъ въ тюрьмѣ юный узникъ, котораго, послѣ драмы 1793 года, Европа признала королемъ Франціи подъ именемъ Лудовика XVII. Le roi est mort! Vive le roi! Престолъ св. Лудовика, по правиламъ древней монархической Франціи, не могъ оставаться празднымъ. Въ силу этого принципа, Императрица Всероссійская поспѣшила признать королемъ, законнаго наслѣдника престола, графа Прованскаго. Съ самаго начала коалиціи, Екатерина твердила союзникамъ, что слѣдуетъ громко заявить, во имя какого принципа ведется война; только объявивъ, что союзныя арміи напали на Францію не изъ корыстныхъ цѣлей, а для водворенія законнаго порядка, можно было разсчитывать, по мнѣнію великой монархини, на успѣхъ и на содѣйствіе самихъ французовъ. Только въ этомъ случаѣ возможно было, послѣ успѣха, надѣяться и на миръ, который пришлось бы заключать уже не съ толпою бродягъ, а съ законнымъ правительствомъ.

„Il ne sagit pas“, писалъ Разумовскому Морковъ отъ 18 Іюня 1794 года, „de faire une paix avec les Français, mais de les pacifier chez eux, soit par la force externe, soit, ce qui est bien plus praticable, par une contrerévolution interne. Pour parvenir à ce dernier but il serait, ma foi, temps de mieux articuler qu'on ne l'a fait jusqu'à présent, que c'est pour la royauté et pour le roi de France qu'on combat. Tous les ménagements, toutes les réticences qu'on a montrés à cet égard, ont été très nuisibles à la bonne cause... Ces possessions de villes et de territoire qu'on prend au nom de tel ou tel souverain étranger, effarouchent

indistinctivement l'imagination de tout Français, à quelque principe qu'il tienne. Au lieu que si l'on s'annonçait, comme agissant en faveur du roi de France et du rétablissement du bon ordre et d'un gouvernement légal et régulier, on pourrait se flatter d'une plus grande division des esprits dans l'intérieur, et par conséquent d'une plus grande facilité de conquêtes et d'une plus prompte réduction du royaume... Les revers éprouvés par les Autrichiens dans cette campagne", писалъ онъ далѣе отъ 27 Августа, „ont plus affligé, qu'étonné l'Impératrice. Vous verrez par la lettre qu'elle vous adresse [1]) ce qu'elle pense de la manière dont il faut faire cette guerre. On en a été bien éloigné et il est naturel qu'on ait essuyé des malheurs. On y sera exposé aussi longtemps qu'on ne prendra pas le parti qu'elle conseille. Il est tout aussi absurde de penser à dompter de vive force une nation nombreuse levée en masse, que de songer à faire la paix avec elle, tant qu'elle ne sera pas réorganisée. Les idées de cette paix desirée, ou même recherchée par l'empereur, sont revenues ici depuis bien longtemps. On les a traitées de pures visions. En effet comment et avec qui faire la paix? Est-ce en se soumettant à recevoir chez soi l'ordre de choses introduit dans cette malheureuse France? Ni l'empereur, ni ses ministres, ni rien de ce qui tient à un état social, ne sauraient y trouver leur compte. Est-ce avec Robespierre ou ses pareils, qu'on aurait signée cette paix? La guillotine en aurait bien vite tranché les noeuds avec les têtes de ceux qui l'auraient conclue. On ne peut espérer de paix et de tranquillité stable et permanente, que lorsqu'un gouvernement stable et permanant existera en France. Or ce n'est pas un gouvernement révolutionnaire, tel qu'il est à présent, qui peut être susceptible de ses deux qualités. Quiconque en pense différement, est un imbécile, ou un complice de ses scélérats de jacobins..... Il n'y a que l'embarras extrême, où se trouve la monarchie, qui puisse excuser la conduite de m. Thugut".

Принциповъ этихъ, которые Екатерина считала краеугольнымъ камнемъ коалиціи, никто изъ союзныхъ монарховъ, безъ толку вломившихся во Францію и со срамомъ оттуда изгнанныхъ, не хотѣлъ признавать. На графа Прованскаго, принявшаго послѣ смерти брата званіе регента, не обращали никакого вниманія. Союзникамъ было сподручнѣе игнорировать претендента, который сталъ бы, чего добраго, протестовать противъ захватовъ французской территоріи. Одинъ Кобленцъ, гдѣ княжилъ въ то время, дядя по матери французскихъ принцевъ, Трирскій епископъ Климентъ, изъ саксонскаго дома, отворилъ изгнанникамъ ворота свои. Но когда послѣ многихъ неудачъ пришлось распускать армію эмигрантовъ, несчастнаго графа Прованскаго заклю-

[1]) Письма этого въ архивѣ князя Разумовскаго не нашлось.

чили въ Гамѣ, близъ Дюссельдорфа, и тамъ содержали почти какъ арестанта. Не безъ труда нашелъ онъ себѣ, наконецъ, убѣжище въ Веронѣ подъ защитою едва дышавшей Венеціанской республики. Здѣсь узналъ онъ о смерти племянника, отсюда извѣстилъ онъ Европу, что вступилъ на престолъ праотцевъ. Екатерина предписала Разумовскому требовать отъ вѣнскаго двора признанія Лудовика XVIII. Но такой шагъ вовсе не входилъ въ разсчеты австрійскаго министерства. На требованіе посла Тугутъ отвѣчалъ, что въ Вѣнѣ всегда и во всемъ готовы подчиняться волѣ Императрицы Всероссійской, но что, къ несчастію, въ настоящемъ случаѣ сдѣлать этого министры римскаго императора никогда не могутъ. Нѣтъ сомнѣнія, когда наступитъ должное время и графъ Прованскій перейдетъ за рубежъ Франціи, то императоръ признаетъ его королемъ. Но въ данную минуту, говорилъ Тугутъ, спѣшить нечего, иначе, добавилъ онъ съ наивнымъ цинизмомъ, мы принуждены будемъ уступить графу Прованскому всѣ тѣ французскія области, которыя могутъ занять войска наши! Къ тому же, императоръ только-что высказался въ пользу мира, коль скоро онъ признаетъ новаго короля, всякая надежда на миръ пропала [1]). Во всѣхъ фразахъ, которыми Тугутъ осыпалъ при этомъ Разумовскаго, чувствовалась эгоистичная надежда Австріи одной попользоваться шкурою еще не убитаго медвѣдя.

Однако, тѣ свѣтлыя надежды, которымъ слишкомъ легко и охотно поддавались въ Вѣнѣ, далеко не осуществились. День 13 вандеміера (5 Октября) ввелъ во Францію новую конституцію, враждебную всякимъ реакціоннымъ замысламъ, и выдвинулъ впередъ 26-лѣтняго юношу, который призванъ былъ захватить въ мощныя свои руки не только судьбу отечества, но и участь всей Европы. Учрежденная Англіею, для диверсіи отъ Рейна, Вандейская экспедиція окончилась кровавымъ погромомъ на Киберонскомъ полуостровѣ, а военныя дѣйствія, успѣху которыхъ должны были способствовать эмигранты въ Вандеи, ознаменовались для Австріи рядомъ неудачъ. Люксенбургская крѣпость пала въ руки французовъ; Журданъ перешелъ черезъ Рейнъ, занявъ Дюссельдорфъ, и австрійская армія, подъ предводительствомъ Клерфета, должна была, послѣ паденія Мангейма, отступить во внутрь Германіи. Ничего нельзя представить себѣ плачевнѣе всей этой длинной и безтолковой эпопеи. Мелкія интриги, крайняя неспособность и наконецъ повсемѣстное предательство—вотъ отличительныя черты этой несчастной войны. Въ то время, какъ побѣдоносный французскій генералъ Пишгрю быстро подвигался впередъ, онъ вёлъ черезъ книгопродавца Фотъ-Бореля тайные переговоры съ принцемъ Кондѐ. Но пере-

[1]) Депеша къ Остерману отъ 24 Августа.

говоры эти остановлены были неумѣстнымъ вмѣшательствомъ генерала Вурмзера и вполнѣ нейтрализованы открытымъ предательствомъ баварскихъ министровъ, Гомпеша и Оберндорфа, изъ которыхъ первый сдалъ французамъ Дюссельдорфъ, а второй—Мангеймъ. Вліяніе императора на имперію съ каждымъ днемъ ослабѣвало. Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій заключилъ отдѣльный миръ съ Франціею. О томъ же поговаривали герцогъ Виртембергскій и маркграфъ Баденскій, а курфюрстъ Саксонскій отозвалъ съ Рейна свой 10,000-ный вспомогательный корпусъ. Всѣ эти извѣстія, другъ за другомъ, приходили въ Вѣну, но тамъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ не принимали „L'unique moyen", писалъ Разумовскій къ Остерману отъ 5 Сентября, когда положеніе было еще далеко не столь критическимъ, „pour la cour de Vienne, de labourer l'impression et les alarmes de l'empire et déjouer les intrigues de sa rivale, serait d'agir avec vigueur et de faire mouvoir une armée immense. Je ne cesse de le représenter chaque jour conjoinctement avec le chevalier Eden, mais sans succès".

„Le départ du courrier", писалъ въ то же время къ Разумовскому графъ С. Р. Воронцовъ отъ 8 Сентября, „est motivé par l'inquiétude bien justifiée du gouvernement britannique sur la conduite de la cour où vous résidez. On ne sait qu'en croire ici. Il parait au ministère anglais que l'empereur et m. le baron de Thugut sont de bonne foi pour la continuation de la guerre, et d'un autre côté tout ce qui est arrivé depuis l'automne passée et ce qui se fait actuellement a un air si louche, qu'on ne sait qu'en croire... On est forcé de croire qu'il y a quelque trahison à Vienne de la part de ceux qui sont à la tête des départements des finances et de la guerre, qui s'entendent et entravent tout... Quelqu'un m'a dit, que le duc d'Alcudia ayant envoyé demander à Florida Bianca sur la paix qu'il comptait faire, reçut pour réponse que quand on fait la guerre si ridiculement, il vaut mieux la finir que de la continuer de cette manière. En vérité on pourrait dire la même chose à la cour où vous résidez. Cela me fait saigner le coeur, car je ne vois dans tout ceci que le malheur de la maison d'Autriche, que j'aime, et les triomphes des Prussiens et des Français, que je déteste également. Eclairez moi, m. le comte, sur l'étrange manière dont les choses vont chez vous" [1]).

Съ Англіею дѣло дошло чуть ли не до разрыва изъ-за денегъ. Заемъ въ шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ — эта взятка, принятая Австріею отъ сэръ Мортонъ Идена, для продолженія войны—сталъ теперь предметомъ неприличныхъ, со стороны Австріи, споровъ. Отъ вѣнскаго двора, для заключенія займа этого, отправленъ

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

былъ въ Лондонѣ молодой графъ Пергенъ, близкій родственникъ графини Разумовской, который своимъ безтактнымъ поведеніемъ возбудилъ противъ себя все лондонское общество. На австрійскаго уполномоченнаго горько жаловался, въ письмахъ своихъ къ Андрею Кириловичу, графъ С. Р. Воронцовъ. Англійское министерство добросовѣстно старалось облегчить заключеніе обѣщаннаго Иденомъ займа. Дѣло было не легкое. Кредитъ Австріи значительно палъ на лондонскомъ рынкѣ; вѣнское министерство не умѣло вселить къ себѣ довѣрія въ англійскихъ капиталистахъ. Тугутъ тормазилъ дѣло своею подозрительностью. Къ тому-же, вѣнское правительство колебалось касательно размѣра займа: то оно требовало бо́льшей суммы, то вдругъ спускало свои требованія. Все это отзывалось на условіяхъ займа. Очевидно, что Австрія смотрѣла на обѣщанную ссуду, какъ на подарокъ, и крайне удивилась, когда оказалось, что о подаркѣ никто не мыслилъ, и что придется золотомъ уплачивать проценты. Тугутъ стыдился, разумѣется, явно высказывать свои надежды и разочарованіе, и отдѣлывался неопредѣленными отвѣтами. Дѣло затянулось, и отношенія между Лондономъ и Вѣною принимали не разъ довольно острый оттѣнокъ.

Въ ту пору, когда шли эти неблаговидныя пререкательства о деньгахъ, фельдмаршалъ Клерфетъ, лишенный всякихъ средствъ къ продовольствію, не могъ двинуться съ мѣста и въ бездѣйствіи слѣдилъ за успѣхами французовъ. Въ такомъ же почти состояніи находилась армія генерала Вурмзера. Всѣ австрійскіе генералы громко требовали денегъ, а ихъ въ Вѣнѣ не имѣлось. Наконецъ Тугутъ одумался; условія займа были приняты; деньги были нагружены на два фрегата и отправлены въ Гамбургъ, гдѣ они еще долгое время лежали безъ употребленія. „Точно все это дѣлается", писалъ къ Разумовскому Воронцовъ, „чтобы всякое военное предпріятіе стало невозможнымъ... Поведеніе Тугута отвратительно". Даже и теперь вопросъ о процентахъ не былъ исчерпанъ и, какъ мы увидимъ далѣе, послужилъ предметомъ нескончаемыхъ споровъ между Австріею и Англіею.

Между тѣмъ, переговоры объ окончательномъ раздѣлѣ Польши шли своимъ чередомъ. Открывшаяся по этому случаю въ С.-Петербургѣ конференція, болѣе года работала надъ трудною этою задачею и не могла еще рѣшить ее. Въ конференціи принимали участіе Зубовъ, Остерманъ, Безбородко, графъ Луи Кобенцель и прусскій посланникъ, графъ фонъ-Тауенцинъ. Основою переговоровъ служило уже состоявшееся между двумя императорскими дворами соглашеніе. Графъ фонъ-Тауенцинъ съ завистью указывалъ на то, что Австрія получила явный надъ Пруссіею перевѣсъ, и, чтобы привлечь на свою сторону всемогущаго въ ту пору Зубова, отъ имени короля Фридриха-Вильгельма, предложилъ юному фавориту, составленное изъ лос-

кутьевъ Польши, независимое владѣніе, которое должно было находиться между Россіею и Пруссіею. Предложеніе это было, однако, отклонено, и Зубовъ, къ чести своей, на засѣданіяхъ конференціи, доказывалъ необходимость вознаградить Австрію за борьбу съ французскою республикою, уступкою ей краковскаго и сандомірскаго воеводствъ, на которыя острила зубы свои Пруссія. Вопросъ о Краковѣ былъ самымъ больнымъ мѣстомъ конференціи. Тауенцинъ отказывался отъ всякихъ на этотъ предметъ уступокъ, не смотря на то, что Зубовъ, отстаивавшій интересы Австріи, касательно требуемыхъ ею воеводствъ, не прочь былъ, во всякомъ другомъ вопросѣ, подать голосъ въ пользу прусскаго правительства. Съ другой стороны, Кобенцель не рѣшался ни на какіе компромиссы, подъ тѣмъ предлогомъ, что не имѣетъ на то полномочій. Дѣло чуть не дошло до разрыва. Чтобы положить конецъ этимъ недоразумѣніямъ, Екатерина собственноручно написала твердое письмо къ королю Фридриху-Вильгельму, которое заставило прусское правительство одуматься. Копія съ письма этого сообщена была Государынею императору Францу.

„Надѣюсь“, писалъ къ Разумовскому Морковъ отъ 29 Августа, „что настоящій курьеръ будетъ послѣднимъ, къ вамъ посылаемымъ по поводу польскихъ дѣлъ. Это много или, вѣрнѣе, вполнѣ зависитъ отъ двора, при которомъ вы акредитованы. Мы почти совсѣмъ вошли во всѣ виды его. Уступки, отъ него требуемыя, до того ничтожны, что мы увѣрены заранѣе въ его согласіи. Нѣсколько неопредѣленное условіе, которое его просятъ подписать, касательно границъ со стороны краковскаго воеводства, не подвергнетъ вѣнскій дворъ ни къ какой крупной уступкѣ, такъ-какъ черезъ коммиссію, которая будетъ учреждена для проведенія границъ, онъ всегда будетъ въ состояніи дать имъ желаемое направленіе, если только въ рукахъ его будетъ Краковъ, и это-то должно быть главною цѣлью австрійскаго правительства. Уговорите Тугута быть менѣе упорнымъ, а главное, менѣе злобнымъ. Коль скоро польскія дѣла уладятся, ему легко будетъ обратить въ свою пользу расположеніе двора нашего. Быстрое окончаніе настоящаго дѣла можетъ придать Россіи ту твердость и ту энергію, которыя необходимы для рѣшенія великихъ задачъ. Постарайтесь, чтобы къ Кобенцелю высланы были нужныя полномочія, а главное, требуйте, чтобы ему дана была полная свобода соглашаться на то, что можетъ, безъ изъяна Австріи, быть угоднымъ Пруссіи. Во время переговоровъ, предшествовавшихъ подписанію акта, опредѣлявшаго взаимныя доли, положено было принимать въ уваженіе мѣстныя условія и удобства. Хотя рѣшеніе это не было формально подписано, тѣмъ не менѣе, оно обязательно. Къ чему захватывать ненужныя территоріи, и этимъ возбуждать зависть и недовѣріе. Если уже никакъ нельзя

погасить вражду, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, ее скрывать, особенно-же въ то время, когда представляется надежда снова вовлечь Пруссію въ коалицію... Я знаю, любезный графъ, что вы не нуждаетесь въ личныхъ соображеніяхъ для того, чтобы вѣрно служить правительству вашему, но все-таки же я долженъ вамъ сказать, подъ величайшимъ секретомъ, что будущее благосостояніе ваше много зависитъ отъ окончанія польскихъ дѣлъ. Австрійскій посолъ сообщилъ мнѣ тайнымъ образомъ, что онъ къ этому времени ожидаетъ отъ двора своего большихъ наградъ. Такими же наградами не обойдутъ и васъ. Это будетъ вполнѣ удобный случай осуществить всѣ ваши надежды. Вы уже знаете, что здѣсь было уже для многихъ сдѣлано Я попалъ въ ихъ число и получилъ на свою долю около 4,000 душъ въ Подольской губерніи. Не отъ меня зависѣло сдѣлать васъ участникомъ этихъ благодѣяній, которыя были разсыпаны столь-же расточительно, сколько и неразборчиво. Мнѣ отвѣчали, что настоящій случай до васъ не касался, и что самое естественное и удобное время наступитъ для васъ тогда, когда вы окончите польскія дѣла. Обмѣнъ ратификацій—вотъ тотъ моментъ, когда могутъ исполниться желанія ваши. Тогда можно вамъ будетъ подумать также о путешествіи на воды и о пріѣздѣ сюда" [1]).

„Dans l'audience particulière, où je remis à l'empereur la lettre de notre auguste Souveraine", доносилъ съ своей стороны вице-канцлеру графъ Андрей Кириловичъ отъ 19 Сентября, „j'ai représenté à S. M. les considérations, qui portaient l'Impératrice à désirer, que l'accord le plus parfait entre les trois cours mit promptement fin au sort de la Pologne, et que S. M. I. ayant autorisé son ministère à se prêter à quelques conciliations dans les dernières conférences tenues à Saint-Pétersbourg, elle espérait que son intime allié justifierait par son acquiescement la confiance à laquelle l'Impératrice se croyait des droits, par son attachement à l'empereur et aux intérêts de la monarchie. L'empereur m'a réitéré avec effusion l'expression de son dévouement envers l'Impératrice, et me parla de la position fâcheuse des affaires. Il fonde tout son espoir sur S. M. I. et me signifia une grande satisfaction du contenu de la lettre de l'Impératrice au roi de Prusse. Le baron de Thugut m'a enfin annoncé que le comte de Cobenzl sera autorisé à souscrire pleinement aux termes proposés par notre cour, pour terminer l'objet des conférences interrompues, se prêtant aux concessions que j'ai eu ordre d'annoncer ici, dans l'espoir que sous les auspices de S. M. I. ces concessions seraient stipulées et surveillées de manière, à ne pas léser l'intérêt essentiel de l'empereur, qui, en se déterminant de res-

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

serrer les bornes de ses acquisitions en Pologne, souhaiterait que cette restriction se porta de préférence sur la Masovie entre le Boug et la Vistule, plustôt que du côté des limites du palatinat de Cracovie, mais que cette restriction ne serait pas de nature à entraver l'arrangement définitif. On n'a pas fait de difficulté de m'avouer la crainte, que le changement opéré par le passage du Rhin, à la connivence manifeste des Prussiens, et la reddition de Manheim n'influent sur les négociations de St.-Pétersbourg, en donnant au roi de Prusse le moyen d'en éloigner la conclusion... Je témoignai à m. de Thugut le désir que le comte de Combenzl soit chargé de terminer l'affaire du partage, ainsi que la question des dettes tant de la république que du roi, et enfin celle des sujets mixtes. La baron me dit, que m. de Cobenzl lui mandait, que l'évaluation de la dette était énorme, aussi espérait-il qu'elle serait repartie proportionnellement aux lots respectifs, et que l'Impératrice daignerait avoir égard à l'épuisement de l'Autriche. Quant aux sujets mixtes, m. de Thugut adhère au projet d'annéantir ce titre, en déterminant ceux qui le portaient au choix d'une seule domination".

Наконецъ, 13 Октября, подписаны были послѣднія условія раздѣла. „Пользуюсь отъѣздомъ курьера", писалъ отъ 15 Октября къ Разумовскому Морковъ, „чтобы написать вамъ нѣсколько словъ. А писать есть о чемъ; давно уже не представлялось такого богатаго матеріала для писанія. Вы безъ труда поймете все, что я чувствую отправляя къ вамъ сегодня депеши. Легкость, съ которою осуществилось великое и прекрасное дѣло, превзошла всѣ мои ожиданія. Жду съ величайшимъ нетерпѣніемъ обмѣна ратификацій, который осуществитъ всѣ мои, на вашъ счетъ, надежды. Если онѣ сбудутся — я буду вполнѣ счастливъ".

Je ne vous écris aujourd'hui, mon bon ami, „отвѣчалъ, отъ 10 Ноября, на письмо это графъ Андрей Кириловичъ", que pour vous accuser la réception de votre lettre, par le courrier du c-te de Cobenzl, et vous témoigner ma joie de ce que la besogne, si délicate et si importante du partage, soit enfin terminée. Je suis charmé que vous ayez été satisfait de l'empressement qu'on y a mis ici. C'est une suite de la confiance qu'on a et qu'on veut maintenir à notre égard, dans la conjoncture très compliquée où sont les affaires. On compte essentiellement sur notre assistance pour l'issue des évènements. Le courrier, qu'expédie le b. de Thugut, porte les ratifications de la triple alliance, ainsi que celles du traité de partage. L'ambassadeur recevra en même temps les instructions préliminaires, touchant les bases du concert, qu'on est impatient d'établir par rapport aux affaires de France. Je n'entrevois pas de discussions sur cette matière, dont le b. de Thugut a causé avec moi à plusieurs reprises, mais sur laquelle je ne verrai son travail

qu'après le départ de ce courrier. En réclamant nos promesses de joindre activement la coalition, il m'a parlé précédemment d'une armée russe sur le Rhin; il convient maintenant qu'il serait plus utile, que nous conservions la plenitude de nos forces, pour en imposer au roi de Prusse, qu'en ne fournissant que 12 ou 15 m. hommes de débarquement aux Anglais, ainsi que l'Impératrice en avait l'intention il y a deux ans, mais il désirerait que l'on stipula des mesures à l'égard de cet empire germanique, si difficile à mener, et qu'on en prit d'autres pour rendre la campagne prochaine décisive, sans en exposer les progrès à des retards, faute d'avoir prévu les évènements en bien ou en mal. Reste à voir ce que deviendra l'Angleterre et quelle assiette y prendront les affaires, à la suite de la première effervescence qui a éclaté à la rentrée du parlement. Je me bornerai à vous dire, mon ami, qu'on est ici bien déterminé à employer de grands moyens, pourvu que notre triple union se maintienne et qu'on est, quant à nous, pénétré de reconnaissance pour le passé et d'espoir pour l'avenir. L'affaire de Pologne a été vivement sentie et appréciée dans le public; en ajoutant à la gloire de notre Souveraine, elle lui acquiert un nouveau titre à la vénération de l'Europe. Je ne vous parle point de moi. Je vous ai tout dit par mon dernier courrier, j'attends les résultats avec la confiance que je mets depuis longtemps dans votre amitié. Recevez, cher ami, l'assurance de celle que je vous ai vouée pour la vie.

Надежды друзей, однако, не осуществились. За польскій раздѣлъ Разумовскій получилъ именно то, чего болѣе всего опасался: владимірскую ленту. Объ единовременномъ пособіи, о прибавкѣ жалованья или награжденіи имѣніемъ въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ, на которыя такъ разсчитывалъ, для поправленія денежныхъ дѣлъ своихъ, графъ Андрей Кириловичъ, не было и рѣчи. Золотая табакерка съ портретомъ, оцѣненная въ 6,000 дукатовъ, которая была ему пожалована германскимъ императоромъ, вмѣстѣ съ 1,000 дукатами на канцелярію, не могла измѣнить критическаго положенія его дѣлъ. Приходилось снова просить. „Я надѣялся", писалъ Разумовскій къ графу Безбородкѣ отъ 30 Іюля 1796 года, „лично съ вами объясниться, но дѣла политическія снова не дозволяютъ мнѣ думать о путешествіи въ Россію. Средства мои къ существованію, при здѣшней дороговизнѣ, несмотря на скромную жизнь мою, рѣшительно недостаточны. У меня то же содержаніе, какое было у моего предмѣстника, хотя я не имѣю и десятой части его доходовъ, такъ какъ я получаю съ имѣній моихъ 20,000 рублей ассигнаціями, а у князя Голицына было 200,000 дохода въ Россіи, не считая капитала болѣе, чѣмъ въ милліонъ, которымъ онъ здѣсь дѣлалъ обороты и который съ каждымъ годомъ увеличивался. Я надѣлалъ бездну долговъ. Признаюсь, я разсчитывалъ

на нѣкоторое возмездіе во время раздачи имѣній, которая послѣдовала за первымъ раздѣломъ Польши. Рѣшаюсь нынѣ, чтобы избѣгнуть окончательнаго разоренія, повергнуть прямо къ стопамъ Государыни покорную мою просьбу, въ надеждѣ, что Е. В. приметъ въ соображеніе жалкое состояніе дѣлъ моихъ. Смѣю разсчитывать на благосклонность в. с., на вашу справедливость и на ваше милосердіе и увѣренъ, что вы не откажете помочь мнѣ. Прошу помощи этой съ довѣріемъ, которое внушаютъ мнѣ искренняя моя привязанность и благодарность за тѣ услуги, которыя вы мнѣ всегда оказывали". Но и эта униженная просьба ко благу не привела.

Между тѣмъ, въ Вѣнѣ извѣстіе объ окончаніи польскихъ дѣлъ принято было довольно холодно Тонъ австрійскаго министерства всегда обусловливался ходомъ военныхъ дѣйствій на Рейнѣ. При неудачѣ голосъ Тугута переходилъ въ минёрные тоны; коль скоро политическій горизонтъ прояснялся для Австріи, то голосъ дѣлался тверже и, вмѣсто горькихъ жалобъ и униженной мольбы, являлись гордость и иронія. Счастье снова улыбнулось Австріи. Генералу Квосдановичу удалось имѣть перевѣсъ надъ арміею, командуемою Пишгрю подъ Гайдшусгеймомъ, и войска германскаго императора, забывъ прежнюю свою медлительность, храбро стали наступать. Въ Вѣнѣ снова возгорѣлась надежда на успѣхъ, и баронъ Тугутъ довольно кисло замѣтилъ русскому послу, что если бы не такъ спѣшили, то вѣсти объ удачѣ австрійскихъ войскъ несомнѣнно повліяли-бы на ходъ конференціи и раздѣлъ совершился-бы на болѣе выгодныхъ для вѣнскаго кабинета условіяхъ. Всегдашняя злоба австрійскаго министра противъ Пруссіи загорѣлась по этому случаю съ новою силою. Онъ съ ужасомъ услыхалъ о намѣреніи берлинскаго кабинета снова вступить въ коалицію. Всѣ заявленія на этотъ счетъ графа Тауенцина были, по мнѣнію Тугута, лживы и пущены впередъ единственно съ цѣлью поселить раздоръ между императорскими дворами. Одни только энергичныя внушенія, поддержанныя сильными обсерваціонными корпусами, могли-бы, по мнѣнію его, подѣйствовать на Пруссію. Онъ опасался съ ея стороны новыхъ усложненій въ Польшѣ, вслѣдствіе которыхъ придется, пожалуй, вызвать австрійскія войска съ береговъ Рейна. Принцъ Рейсъ изъ Берлина и генералъ Горненкуръ изъ Польши не даромъ единогласно доносили въ Вѣну, что едва-ли Пруссія согласится на какія-нибудь уступки. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, баронъ Тугутъ настоятельно требовалъ отъ Разумовскаго, чтобы, до окончательнаго размежеванія, отходившая къ Пруссіи часть Польши, между Бугомъ и Вислою, занята была русскими войсками. Напрасно доказывалъ графъ Андрей Кириловичъ, что вѣнскому кабинету опасаться нечего, что въ нотѣ, переданной графу Тауенцину, передъ

закрытіемъ конференціи, ясно выгорожены Россіею выгоды Австріи, и именно обозначено, что Пруссія получитъ слѣдуемую ей часть только послѣ полнаго удовлетворенія вѣнскаго двора. Всѣ эти удостовѣренія не могли успокоить расходившагося министра, и Разумовскій рѣшился, по настоянію его, обратиться къ командовавшему русскими войсками въ Польшѣ фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому съ многорѣчивымъ, запутаннымъ письмомъ, ясно доказывающимъ, что самъ посолъ сознавалъ то фальшивое положеніе, въ которое ставилъ его Тугутъ передъ русскимъ военачальникомъ.

S. M. notre auguste Souveraine, писалъ графъ Андрей Кириловичъ, venant à terminer l'arrangement définitif du partage de la Pologne, de concert avec S. M. l'empereur et S. M. le roi de Prusse, et ne restant plus maintenant qu'à procéder à la démarcation des limites respectives entre les trois puissances, la cour de Vienne a jugé à propos de nommer en qualité de commissaire à cet effet le colonel du génie marquis de Chastelair, chargé de se rendre directement à Varsovie auprès de v. e. et muni pour elle d'une lettre de S. M. l'empereur. C'est lui-même, m. le maréchal, qui aura l'honneur de vous remettre la présente. Je me suis d'autant plus empressé de la lui confier qu'il doit être déjà personnellement connu de v. e., ou du moins qu'il se glorifie d'avoir été à même, durant la dernière guerre avec les Turcs, de lui rendre son hommage. Veuillez, m. le comte, agréer le mien dans cette occasion-ci, où le sort de la Pologne est à jamais fixé et où je ne puis qu'éprouver un nouveau sentiment d'admiration pour la personne de v. e., dont la valeur et l'habileté ont toujours si efficacement secondé les grandes vues de l'Impératrice pour la gloire de son règne et l'intérêt de notre patrie, heureuse d'être soumise à ses lois. Une époque aussi mémorable ne peut être consignée dans les fastes de l'Europe, sans que le nom de v. e., ses brillantes actions et l'importance de ses services n'y soient autant de fois rappelés et présentés à l'étonnement des siècles à venir. Jouissez désormais, m. le maréchal, du plus beau des triomphes, celui que les hommes de tous les temps ont destiné à votre gloire. L'empereur lui-même, dans le choix qu'il a fait du marquis de Chastelair, n'a pensé qu'à donner à v. e. un nouveau témoignage de ses sentiments distingués pour elle, cet officier réunissant, m. le maréchal, à l'avantage de vous être connu, celui d'un grand mérite personnel et d'être en état plus que personne de vous rendre compte de tout ce qui s'est passé durant la présente guerre, où il a été continuellement en activité, et où il a eu le bonheur de se distinguer, autant par son habileté que par sa bravoure. Un autre motif, que S. M. a eu en vue dans la missive de m. de Chastelair, c'est celui de faire prier v. e. de ne point laisser évacuer aux troupes sous ses ordres, la

portion de territoire entre la Vistule et le Boug, jusqu'à leur confluent, échue en partage au roi de Prusse, jusqu'à ce que la démarcation soit absolument terminée du côté du palatinat de Cracovie, afin de prévenir par là tout empêchement litigieux que pourrait susciter la cour de Berlin dans cette partie de ses nouvelles acquisitions, contre les intérêts de la cour de Vienne et les intentions de la notre. La même réquisition m'a été adressée par le ministère et comme une entière déférence de ma part, pour ce qui peut être agréable à cette cour-ci ou utile à ses intérêts, se rapporte à l'intimité des deux cours Impériales, je n'ai pu me refuser à consentir d'en écrire à v. e. En y satisfaisant, je ne fais que m'acquitter d'une démarche, qui ainsi motivée ne peut avoir d'effet qu'en conformité des instructions que v. e. ne manquera pas de recevoir relativement au même objet, sollicité directement auprès de notre cour en dernier lieu par celle-ci, et que j'ai soumis également à son approbation, en sorte que quelque portée que soit d'ailleurs v. e. à céder à ma présente sollicitation en faveur de la cour de Vienne, elle aura tout le temps d'y condescendre, jusqu'à ce qu'elle soit instruite plus positivement des véritables intentions de S. M. I. à cet égard“.

Во всей Вѣнѣ одинъ только благодушный императоръ Францъ съ радостью принялъ благія вѣсти о раздѣлѣ Польши; онъ разсыпался передъ Разумовскимъ въ изъявленіяхъ благодарности и безпредѣльной преданности, когда послѣдній передалъ ему собственноручное письмо Екатерины, съ извѣщеніемъ объ окончаніи польскихъ дѣлъ, и изустно передалъ, что ему поручено Е. В. изъявить императору высокое ея удовольствіе въ томъ, что въ дѣлѣ этомъ она могла оправдать довѣріе дорогого ей союзника и навсегда покончить съ Польшею, согласно выгодамъ австрійскаго правительства.

Твердый голосъ барона Тугута снова сталъ ослабѣвать. Опять послышались минёрные тоны. У русскаго посла стали заискивать болѣе прежняго. Молили о скорой и сильной подмогѣ со стороны Россіи и на этой подмогѣ основывали всю надежду на благой исходъ войны съ Франціею. Причину этой перемѣны угадать было не трудно: счастье не надолго улыбнулось Австріи. Вѣнскій кабинетъ, съ рѣдкимъ успѣхомъ, уничтожилъ всѣ плоды военныхъ удачъ. Начало обѣщало много утѣшительнаго: генералъ Вурмзеръ снова завладѣлъ Мангеймомъ; талантливый фельдмаршалъ Клерфетъ разбилъ французовъ на-голову подъ Лаубенгеймомъ и, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ, загналъ ихъ за рѣку Мозель. Наступало, какъ казалось, время для рѣшительныхъ дѣйствій. Но, всегда не впопадъ разсчетливая Вѣна вообразила, что теперь слѣдуетъ воспользоваться переговорами съ республиканскимъ генераломъ Пишгрю. Австрійскіе министры думали, что можно легко безъ боя овладѣть Лотарингіею и Эльзасомъ; фельдмаршалъ Вурмзеръ

требовалъ отъ Пишгрю, который только-что вошелъ въ прямые переговоры съ Лудовикомъ XVIII, чтобы онъ ему сдалъ, въ видѣ обезпеченія, Страсбургъ. Принятое фельдмаршаломъ Клерфетомъ, для отдыха войскъ, краткое перемиріе, было въ Вѣнѣ продолжено на неопредѣленный срокъ. Фельдмаршалъ поскакалъ ко двору, чтобы объяснить свои планы и требовать немедленныхъ реформъ въ арміи и интендантствѣ. Воровство поставщиковъ и безпорядки военной организаціи дошли до послѣднихъ предѣловъ. Австрійскіе министры приняли Клерфета самымъ холоднымъ и обиднымъ для него образомъ. Во всѣхъ просьбахъ ему отказали, на планы его не обратили вниманія. Оскорбленный фельдмаршалъ вышелъ въ отставку и вскорѣ умеръ. Такимъ образомъ, австрійское правительство добровольно лишило себя самаго способнаго изъ своихъ военачальниковъ.

Между тѣмъ, генералъ Пишгрю, не обращавшій никакого вниманія на предложенія Вурмзера, былъ отозванъ директоріею въ Парижъ, и на его мѣсто назначенъ генералъ Моро. Всѣ надежды на переговоры съ республиканскимъ генераломъ канули въ воду. Блестящія побѣды австрійцевъ не привели ни къ какимъ ощутительнымъ выгодамъ. Положеніе Австріи, лишенной денежныхъ средствъ и союзниковъ, было также шатко какъ и прежде. Будущее представлялось въ мрачныхъ краскахъ. Приходилось снова вымаливать у англичанъ денегъ, а у русскихъ пособіе войсками. Но все это дѣлалось какъ-то вяло и безтолково. Въ то время, какъ Тугутъ заявлялъ Разумовскому, что переговоры съ англійскимъ правительствомъ, относительно займа, тихо подвигаются впередъ, благодаря дурной волѣ британскихъ министровъ, Воронцовъ извѣщалъ своего товарища, что, на самомъ дѣлѣ, настоящихъ переговоровъ вовсе не зачинали и что австрійское министерство даже ясно не выразилось касательно спѣшности займа этого.

Все дѣло ограничилось неопредѣленными намеками министровъ сэръ Мортонъ Идену, который, съ своей стороны, такъ-же смутно доносилъ о дѣлѣ этомъ въ Лондонъ. Къ тому-же, никакъ не могли придти къ соглашенію относительно прежняго займа. А въ Англіи, между тѣмъ, общее мнѣніе стало сильно высказываться противъ продолженія войны, и чуткое къ каждому его проявленію англійское министерство искало сближенія съ директоріею. Извѣстія эти сильно взволновали австрійскихъ министровъ и они всю вину своихъ неудачъ складывали теперь на Англію. „De toutes les puissances", доносилъ Разумовскій вице-канцлеру отъ 9 Января 1796 года, „engagées dans la guerre actuelle, la maison d'Autriche est la seule qui par suite des circonstances malheureuses se trouve avoir, à frais énormes, fait des pertes très sensibles. Le mauvais effet, qu'a produit l'inaction funeste de ses armées pendant la dernière campagne, n'a été que faiblement effacé par les

succès, qu'elles ont obtenus en automne. L'empire germanique aliéné à la cause commune et désorganisé par les ressorts mulpitliés qu'on y a fait mouvoir, a conservé son penchant pour la paix et sa répugnance de se prêter aux vues de la cour de Vienne pour la continuation de la guerre. L'intention de celle-ci à cet égard était bien franche, j'ose vous le répéter, m. le comte, en confirmation de tout ce que j'ai eu l'honneur de vous mander il y a quelques mois. Elle croyait la partager intimement avec l'Angleterre, et les traités conclus respectivement, sur cette même base dans le cours de cette année, lui semblaient un garant certain des assurances qu'on ne cessait de lui renouveler de Londres. La mission du sieur Jakson [1]) a donné le premier éveil à sa méfiance. L'expédition de Bretagne manquée, la conduite molle des Anglais dans la Méditerranée, à laquelle on attribue en grande partie les succès des Français dans la rivière de Gênes, enfin la rentrée du parlement et la déclaration du roi, et plus que tout cela les notions, qu'on prétend avoir sur les allées et venues des émissaires et agents entre la France et l'Angleterre, toutes ces causes ont concouru à consolider l'opinion du ministère autrichien, que le cabinet de St.-James, ayant acquis de grandes possessions dans les deux Indes, l'ile de Corse, enrichi son commerce aux dépens de ses voisins, dont l'épuisement et la désorganisation lui assurent pour longtemps la domination des mers, cet objet fondamental de sa politique orgueilleuse, les ministres anglais chercheront à saisir la première possibilité d'amener une paix, qui, en assurant les avantages de la nation, assurera aussi leur propre triomphe dans l'administration, qu'ils sont si jaloux de maintenir entre leurs mains. Les transactions avec l'Angleterre portent l'empreinte d'une lenteur, qui inquiète vivement. L'emprunt indispensable, sans lequel l'empereur ne peut songer aux préparatifs d'une nouvelle campagne, n'avance que mollement... L'hiver s'écoule et tous ces retards font appréhender que la campagne, qu'on désirerait pouvoir ouvrir le plus tôt possible et que l'on considérait comme devant terminer la guerre, ne devienne tardive et probablement sans résultats décisifs... Voilà l'esquisse de la position. Il me semble que le cabinet s'attache de plus en plus à l'opinion de devoir négocier la paix, dans l'espoir que les Français saisiront une pareille proposition. On ne s'en ouvrira pas aux Anglais, mais le baron de Thugut ne veut rien cacher à notre cour. Il désire avoir son avis et, en dernier résultat, réclamer l'aide et les bons offices de S. M. I. pour acheminer cette paix. J'ai cru devoir représenter à m. de Thugut, que j'étais loin de penser personnellement que l'Impé-

[1]) Джаксонъ, англійскій дипломатъ. Онъ былъ впослѣдствіи посланникомъ въ Вашингтонѣ † 1814.

ratrice reconnût l'urgence de précipiter la paix. Il est sûr, ai-je ajouté, que S. M. I. ne doute pas que ses alliés aient assez à coeur l'honneur des trônes et l'avenir de leurs peuples, pour ne pas réunir tous les efforts, afin d'écraser le monstre infernal au moment où il est prêt de succomber à son propre épuisement".

Вопросъ о мирѣ съ Франціею былъ своего рода запугиваніе, къ которому австрійское министерство часто прибѣгало въ критическихъ минутахъ. Страхъ этотъ мало, впрочемъ, дѣйствовалъ на Екатерину. Несмотря на то, что всѣ русскіе дипломаты громко высказывались въ пользу войны съ Франціею, хотя за это же стояли самыя приближенныя къ ней особы, она все еще не рѣшалась жертвовать кровью подданныхъ на дѣло, столь мало до Россіи касавшееся. Къ тому-же Разумовскій, только-что заявлявшій, что адское чудовище готово пасть отъ собственнаго истощенія, доносилъ теперь, что то же самое чудовище готовитъ огромную военную силу [1]. Екатерина сохраняла до времени благоразумное молчаніе. „M. de Thugut", писалъ графъ Андрей Кириловичъ къ вице-канцлеру, „disposé à conjecturer que le silence de notre cour est motivé par la difficulté d'entrer dans les arrangements des secours effectifs, dont il a été question pour la campagne prochaine, m'a fait sentir à plusieurs reprises qu'il ne désirait qu'en acquérir la certitude. Si l'Impératrice, dit-il, ne juge point dans sa sagesse pouvoir donner les troupes, que l'Empereur espérait obtenir, S. M. convaincu de l'amitié et de l'intérêt, que son auguste alliée lui a voués, se flatte qu'elle lui en donnerait une nouvelle preuve, en contenant le roi de Prusse et manifestant vis-à-vis de l'empire l'intimité de ses liens et son intention de l'appuyer dans ses justes demandes".

Въ Петербургѣ уже неоднократно заявляли, что Императрица не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла имперіи германской, не имѣя на то законнаго права. Пусть Государыня, отвѣчалъ на это Тугутъ, дѣйствуетъ на основаніи подписаннаго ею Тешенскаго трактата, въ силу котораго она поручилась за неприкосновенность Вестфальскаго мира, или-же выберетъ другой какой предлогъ, мы на все будемъ согласны [2]. Но эти предложенія не находили одобрительнаго отголоска въ Зимнемъ дворцѣ, и Кобенцель донесъ Тугуту, что Государынѣ рѣшительно невозможно въ настоящее время помочь императору войскомъ, а что она будетъ защищать интересы своего союзника отъ нападокъ со стороны короля прусскаго. Этимъ отвѣтомъ пришлось пока удовольствоваться, тѣмъ болѣе, что интриги берлинскаго кабинета въ Польшѣ продолжали безпокоить австрійское министерство,

[1] Депеши къ Остерману отъ 4 Февраля 1796 г.

[2] Тамъ же.

которое требовало возможно скораго размежеванія и, при каждомъ удобномъ случаѣ, старалось возбудить гнѣвъ Государыни противъ ненавистной Пруссіи [1]). Тугутъ былъ недоволенъ и дулся на Разумовскаго, не выказывалъ ему прежняго довѣрія и даже отказался сообщить извѣстныя ему подробности касательно переговоровъ С. Джемскаго кабинета съ Парижемъ, довольно оригинально извиняя себя тѣмъ, что эта тайна англійскаго правительства, которую онъ обнаружить не въ правѣ [2]). Въ то время, какъ австрійскій кабинетъ, недовольный отвѣтами изъ Петербурга, холодно отвѣчалъ на представленія русскаго посла и даже, какъ мы увидимъ ниже, отказывалъ въ дозволеніи королю Лудовику XVIII оставаться при арміи принца Конде́, въ Вѣнѣ угасалъ старый другъ и пріятель семейства Разумовскихъ, больной и дряхлый графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, уже нѣсколько лѣтъ страдавшій отъ неоднократныхъ ударовъ. „Графъ Чернышевъ", писалъ къ Остерману Разумовскій, „сейчасъ объявилъ мнѣ, что отправляетъ курьера въ Петербургъ. Намѣреніе это, внезапно принятое, должно быть немедля же приведено въ исполненіе, какъ и подобаетъ все еще пылкому нраву этого крайне несчастнаго старца, грустное положеніе котораго поистинѣ достойно всякой жалости и состраданія. Онъ удрученъ заботами, страданіями, безпокойствами всякаго рода. Онъ едва владѣетъ языкомъ и при этомъ безъ гроша денегъ. Онъ и весь домъ его живутъ здѣсь въ долгъ; къ нему безпрестанно приступаютъ съ требованіемъ денегъ; всѣ его окружающіе терпятъ нужду, это усугубляетъ его страданія, а изъ Россіи ему не высылаютъ ни гроша. Къ крайнему моему горю мнѣ рѣшительно нечѣмъ помочь ему. Онъ заложилъ кольцо за нѣсколько сотенъ дукатовъ и на эти деньги отправляетъ курьера. Хотя это и совершенно лишній расходъ, такъ какъ я не сомнѣваюсь, что на этихъ-же дняхъ онъ получитъ переводъ отъ графа Салтыкова, однако мнѣ не удалось отговорить его отъ этого. Считать дни, со времени отъѣзда курьера до его возвращенія, будетъ развлеченіемъ для несчастнаго старика" [3]). Еще цѣлый годъ влачилъ, нѣкогда столь блестящій, другъ графа Кирилы Григорьевича жалкую жизнь свою въ Вѣнѣ, гдѣ съ 1787 года онъ окончательно поселился. Пожалованный Павломъ I, 12 ноября 1796 года, въ генералъ-фельдмаршалы по флоту и президенты адмиралтействъ-коллегіи, онъ на смертномъ одрѣ узналъ объ этихъ милостяхъ преемника Екатерины и скончался 27 Февраля 1797 года.

[1]) Депеши къ Остерману отъ 3 и 17 Марта, 30 Апрѣля и 4 Іюня.

[2]) Шифрованныя депеши къ Остерману отъ 29 Марта.

[3]) Депеша къ Остерману отъ 10 Мая.

ГЛАВА XI.

Успѣхи Бонапарта въ Италіи.—Лудовикъ XVIII.—Рѣшеніе Россіи принять дѣятельное участіе въ коалиціи.—Кончина Екатерины.

Перемиріе между Франціею и Австріею продолжалось до послѣднихъ чиселъ Марта 1796 года. На мѣсто Клерфета назначенъ былъ главнокомандующимъ юный братъ императора, эрцгерцогъ Карлъ, на котораго, не безъ основанія, полагали въ Вѣнѣ большія надежды. Новый военачальникъ выступилъ противъ французскаго генерала Журдана, перешелъ черезъ рѣку Ланъ и принудилъ, послѣ битвы при Вецларѣ, Самбръ-Маасскую армію отступить до лѣваго берега Рейна. Три колонны Журдановыхъ войскъ, отходившія послѣ Вецларскаго сраженія подъ командою знаменитаго Клебера къ Дюссельдорфу, были настигнуты генераломъ Краемъ при Укератѣ, и послѣ упорнаго сопротивленія, опрокинуты за рѣку Випперъ. Но успѣхи эти съ лихвою искуплены были блестящею кампаніею молодого генерала Бонапарта. 30 Марта 1796 года принялъ онъ начальство надъ французскою арміею въ Италіи и, благодаря геніальности своей, въ самое короткое время успѣлъ не только возстановить внутренній строй ея, но и отразить австрійцевъ. Испуганный король сардинскій заключилъ въ Хераско перемиріе съ французами, вслѣдствіе котораго большая часть Піемонта переходила въ ихъ руки. Битвы при Піаченцѣ и при Лоди рѣшили участь Ломбардіи. Миланъ палъ къ ногамъ молодого побѣдителя; герцоги пармскій и моденскій заключили унизительныя для себя перемирія. Жившій въ Веронѣ король Лудовикъ XVIII поспѣшно бѣжалъ въ Германію. Бонапартъ вступилъ въ Брешію, нарушая нейтралитетъ Венеціанской республики. Австрійцы, вслѣдствіе новыхъ успѣховъ французскаго генерала, отступили за Эчь; Мантуя была осаждена; съ Неаполемъ заключено перемиріе. „Encore une fois“, доносилъ шифрованною депешею Остерману отъ 9 Іюля Разумовскій, „les belles espérances, que tout semblait autoriser dans le cabinet de l'empereur, ont été déçues par cette fatalité qui semble attachée au succès de ses armes. L'Empereur est pénétré du sentiment énergique, d'opposer une persévérance courageuse aux désastres qui l'accablent, en rejetant tout idée d'accommodement... Les revers ont ouvert les yeux sur la presque certitude de causes secrètes qui paralysent les efforts puissants de cette cour... La manière dont l'ennemi dirige ses mouvements et la justesse des mo-

ments qu'il choisit pour en effectuer les résultats, sont une preuve assez positive de ses intelligences. L'empereur m'a montré lui-même ce matin ses justes soupçons, et il vient d'ordonner de surveiller et de tâcher de pénétrer la source d'une circonstance aussi désolante".

Екатерина собственноручнымъ письмомъ старалась поддержать храбрость своего союзника. Письмо это прибыло въ Вѣну въ то время, когда въ высшихъ кругахъ столицы громко стали требовать мира. Почти всѣ царедворцы и многіе изъ первыхъ сановниковъ имперіи дѣйствовали въ этомъ случаѣ, по увѣренію Разумовскаго, не изъ патріотизма, а по зависти и ненависти къ лицамъ, которыя пользовались довѣренностію императора и руководили дѣлами. Послѣдніе старались поддержать Франца II въ чувствахъ твердости и упорства, которыя, по мнѣнію русскаго посла, несомнѣнно сдѣлаютъ славнымъ въ глазахъ потомства царствованіе Франца II. Во главѣ этихъ немногихъ поборниковъ войны стоялъ, разумѣется, Тугутъ, спокойствіе и твердость котораго, въ глазахъ Разумовскаго, заслуживали удивленія и самыхъ великихъ похвалъ. Вѣроятно, Разумовскому было неизвѣстно, что именно на Тугута, какъ на главнаго предателя, указывали въ то время въ Вѣнѣ и что молва объ его измѣнѣ, подтверждаемая тѣми богатствами, которыя найдены были у него послѣ смерти, дошли до поздняго потомства. „Je pris la liberté", писалъ Андрей Кириловичъ къ графу Безбородкѣ отъ 31 Іюля, „d'accompagner la lettre de S. M. I. de tout ce qui pouvait coopérer à l'intention de notre auguste Souveraine. J'ai représenté combien, en opposant du courage aux désastres qui l'accablaient, l'empereur multipliait ses droits à l'amitié et à l'estime de l'Impératrice. Je dis que, par une conduite aussi digne, il finirait par triompher et mériter la vénération de ses sujets et la confiance de ses alliés, surtout de la plus intime et la plus invariablement attachée à ses intérêts. Ce prince a écouté tout ce que l'importance du sujet et la chaleur du discours m'ont suggéré. Aprés m'avoir remercié, il m'a chargé de faire parvenir à l'Impératrice l'assurance la plus solennelle, qu'il ne consentirait jamais à une paix ignominieuse, tant qu'il lui resterait quelques ressources et qu'il ne serait pas abandonné de ses alliés. L'estime de l'Impératrice, dit-il pénétré, me flatte et m'honore, le désir d'en mériter la continuation, animera puissament la ferme résolution où je me trouve... Le b. de Thugut me fit une déclaration très énergique, sur sa parole d'honneur, et me déclara, en me serrant la main, que si l'on parvenait à détérminer l'empereur à un accommodement, jamais sa main ne signerait un acte aussi ignominieux. M. de Thugut me dit qu'il venait de faire cette déclaration devant l'empereur lui-même, et que rien ne le ferait changer de sentiment. La véhémence avec laquelle tout cela fut dit, me donna l'appréhension

qu'on n'eût entamé quelque démarches secrètes vis-à-vis de l'ennemi, le baron me rassura entièrement, il m'exposa l'état critique de la cour d'ici, tant grâce à la guerre qu'aux machinations de Berlin, de la désorganisation de l'empire et des projets que la Prusse poursuivait pour la perte de l'Autriche... Je me suis aussi acquitté des ordres de S. M. I., qui m'autorisaient à offrir à l'empereur les secours les plus prompts et les plus actifs, pour étouffer toute explosion en Galicie. J'ai renouvellé les assurances, précédemment données par notre cour, d'une manière si positive et si formelle touchant les secours du même genre, dans le cas d'une diversion qui pourrait être suscitée de la part de quelque puissance voisine. L'empereur a reçu ces offres avec la plus vive reconnaissance. Le prince de Colloredo ne tarie point en remerciements, sur tout ce que j'ai dit à son maître. Il m'a avoué que l'empereur était accablé par la ligue de tout ce qui était de grand et de considérable à la cour, pour le forcer à faire la paix... M. de Thugut me fit les mêmes témoignages sur le bon effet de mon audience, et me mit au fait des mêmes alarmes sur la cabale de la paix".

Вѣнскій дворъ старался снискать окончательное благорасположеніе Екатерины и ближайшихъ ея совѣтниковъ. Благодаря стараніямъ Разумовскаго, двадцати-восьми лѣтній фаворитъ, графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ, возведенъ былъ въ княжеское римской имперіи достоинство съ титуломъ свѣтлости. Не забытъ былъ при этомъ и старый другъ графа Андрея Кириловича, Аркадій Ивановичъ Морковъ, такъ дѣятельно хлопотавшій о доставленіи ему денежной награды по случаю послѣдняго раздѣла Польши. Морковъ вмѣстѣ съ братьями Иракліемъ и Николаемъ получили отъ императора Франца графскій титулъ. „Mon prince", спѣшилъ поздравить Зубова отъ 19 Апрѣля Разумовскій, „à l'empressement qui guide ma plume dans les félicitations que je presente à votre altesse, j'espère qu'elle reconnaîtra le sentiment profond d'attachement, que je lui ai vouée et qu'elle en recevera l'expression avec la bonté et l'amitié dont elle m'a constamment honorées. Lorsque j'eus le bonheur de concourir à l'émanation de la première dignité, que l'empereur se plût à vous accorder, mon prince, et que vous me laissâtes l'arbitre de la devise de vos armes [1]), je la puisais sans détour dans le simple enoncé des motifs qui devaient vous assurer cette progression d'honneurs et de distinctions, qu'il est si satisfaisant pour les souverains de conférer au vrai mérite. C'est à la même source que je remonte aujourd'hui, en vous offrant les voeux que je forme pour votre avenir. Veuillez en agréer l'hommage et surtout rendre justice aux sentiments qui le dictent.

[1]) Разумовскій избралъ для Зубовыхъ девизомъ: „meritis crescunt honores".

P. S. L'artiste Muller, dont, à ma réprésentation, S. M. I. a daigné acquérir la superbe collection de plâtres, d'après les belles statues de Rome et de Naples, entre autres objets d'une industrie qu'il cultive avec autant d'intelligence que de goût, compose diverses espèces de lustres des cristaux de Bohême montés en bronze. J'en ai trouvé un tout nouveau chez lui, qui m'a paru très élégant. J'en ai fait l'acquisition, avant qu'il ait été vu de personne, et j'ai pris la liberté de le faire joindre à votre adresse, mon prince, dans le premier transport de caisses, expédiées il y a quelques jours. Je me flatte que votre altesse voudra en accepter l'hommage de ma part, et il me sera infiniment agréable d'apprendre qu'elle n'ait pas trouvé ce meuble indigne de sa destination" [1]).

Но если съ одной стороны вѣнскій кабинетъ не скупился на титулы, для того, чтобы снискать благорасположеніе Россійской Императрицы, онъ, по обыкновенію, не умѣлъ ей угодить въ дѣлахъ второстепенной важности, которыя, однако, Государыня принимала къ сердцу. Не разъ обращала она вниманіе римскаго императора на жалкое положеніе законнаго короля Франціи, напрасно требовала она отъ вѣнскаго двора его признанія. На все это Тугутъ отвѣчалъ обычнымъ non possumus, убѣждая русскаго посла въ томъ, что несчастный изгнанникъ не заслуживаетъ жалости и что императоръ питаетъ къ нему личную непріязнь. Побѣды республиканскихъ войскъ въ Италіи снова побудили Екатерину ходатайствовать за графа Прованскаго. Изгнанный изъ Вероны приближавшеюся французскою силою, Лудовикъ XVIII съ трудомъ перебрался, вмѣстѣ съ двумя вѣрными слугами, черезъ Альпы и явился среди арміи принца Конде, расположенной въ баденскомъ маркграфствѣ. Это было единственное мѣсто въ Европѣ, гдѣ онъ могъ найти убѣжище. Австрійскіе генералы отнеслись къ нему крайне недоброжелательно, и фельдмаршалъ Вурмзеръ потребовалъ отъ него, чтобы онъ немедля удалился изъ арміи. Оскорбленный король протестовалъ и отправилъ въ Вѣну графа де-Сенъ-При для защиты правъ своихъ. Протестъ и жалобы короля дошли до Петербурга, и Разумовскому было предписано всячески помогать уполномоченному изгнаннаго монарха. Послѣ перваго свиданія съ Сенъ-При, графу Андрею Кириловичу показалось, что дѣло уладить легко. Посолъ короля доволенъ былъ пріемомъ Тугута и, по его мнѣнію, предстательство Разумовскаго должно было окончательно устранить всякое затрудненіе. Но на дѣлѣ оказалось далеко не то. Графъ Андрей застигъ Тугута въ припадкѣ обычнаго сплина. „Je l'ai trouvé", доносилъ онъ Остерману отъ 10 Мая, „sec et récalci-

[1]) Московскій архивъ мин. ин. дѣлъ.

trant“. Желанія Императрицы, чтобы графъ Прованскій оставался при арміи, по увѣренію Тугута, невозможно было исполнить. Англія требовала, чтобы корпусъ принца Кондé, который она содержала на свои деньги и который ей крайне дорого стоилъ, принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ. Для этого необходимо было подчинить его австрійскимъ генераламъ, что̀ невозможно въ присутствіи короля. Къ тому же императоръ питалъ издавна неискоренимое предубѣжденіе противъ Лудовика XVIII и всего его семейства, порожденное тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ отзывались о Е. В., до восшествія его на престолъ, французскіе принцы. Этого императоръ никогда не могъ позабыть. Вообще, какъ доносилъ Разумовскій, все вѣнское общество, въ описываемое нами время, сильно было возстановлено противъ эмигрантовъ, не исключая членовъ королевской фамиліи. Послѣдніе съумѣли, даже сильнѣе другихъ, возбудить противъ себя всеобщее недовольство [1]). Въ Петербургѣ, однако, отвѣтъ Тугута показался не вполнѣ приличнымъ, и графу Андрею Кириловичу снова предписано было, и на этотъ разъ настоятельно, требовать отъ вѣнскаго кабинета разрѣшенія французскому королю оставаться при вѣрной ему горсти подданныхъ. Несмотря на это приказаніе, Разумовскій не счелъ нужнымъ дѣлать новыхъ представленій; онъ положился на увѣренія барона Тугута, будто вслѣдствіе прежняго его требованія, короля никто уже не тревожитъ. Жалкое состояніе корпуса Конде, по словамъ австрійскаго министра, не дозволяло употребить его въ дѣло противъ французовъ. „Je passe sous silence“, доносилъ по этому случаю Разумовскій, „la conduite postérieure du monarque français. En se rappelant un évènement aussi déplorable, on est forcé de convenir qu'avec lui s'est anéanti le reste de considération, dont pouvaient jouir ce prince, son infortunée famille et toute la noblesse qui leurs était devouée“ [2]).

Трудно понять, чѣмъ могъ заслужить въ то время Лудовикъ XVIII такіе строгіе упреки. Правда, что онъ вошелъ въ прямые переговоры съ генераломъ Пишгрю, но законному монарху Франціи, по малой мѣрѣ, было извинительно завести сношенія съ подданнымъ, желавшимъ, и какъ кажется безкорыстно, положить конецъ внутреннимъ раздорамъ своего отечества и снова ввести старинный, вѣками освященный, государственный строй. Правда тоже, что король Франціи въ сильныхъ выраженіяхъ протестовалъ противъ приказаній фельдмаршала Вурмзера. Онъ писалъ объ этомъ и къ самому императору, и къ эрцгерцогу Карлу, но письма его были полны достоинства: изгнанный монархъ чистосердечно и трогательно описывалъ свое по-

[1]) Депеша къ Остерману отъ 10 Мая.

[2]) Депеши къ Безбородкѣ отъ 31 Іюня.

ложеніе, просилъ о сближеніи съ эрцгерцогомъ и горько жаловался на то, что австрійскіе генералы угрожали вывести его силою, если онъ добровольно не оставитъ корпуса принца Конде́. На письма эти ни изъ Вѣны, ни отъ эрцгерцога не послѣдовало отвѣтовъ. Пришлось, волею-неволею, бѣжать, отказаться отъ переговоровъ съ Пишгрю и оставить за собою бумаги, которыя впослѣдствіи, благодаря нерадѣнію, а быть можетъ, и предательству австрійскихъ генераловъ, попались въ руки республиканскаго правительства и рѣшили участь несчастнаго Пишгрю. А Тугутъ все продолжалъ завѣрять, что никто не притѣсняетъ Лудовика XVIII и ослѣпленный Разумовскій доносилъ вице-канцлеру отъ 27 Августа: „Je ne perds pas un instant pour vous annoncer, sur la sollicitation du baron de Thugut, que le bruit, sur la retraite du roi de France de l'armée de Condé, attribuée à des résolutions prises dans le cabinet de l'empereur et manifestées à ce prince par des généraux autrichiens, est dénué de tout fondement. M. de Thugut m'a transmis, que l'empereur se conformera en toute occasion aux désirs de notre auguste Souveraine et s'était détérminé, à la suite de cela, à laisser au roi toute liberté“.

Разумовскій послѣ окончанія польскихъ дѣлъ снова сталъ думать о путешествіи въ Россію. Но извѣстія изъ Италіи съ каждымъ днемъ становились тревожнѣе; кратковременные успѣхи генерала Квасдановича, занятіе Вурмзеромъ Вероны и освобожденіе Мантуи, пришлось горько искупить новыми пораженіями при Лонато, Кастильоне, Сало, Роверѣдо и Балоно. Снова возобновилась блокада Мантуи. Модена, Феррара, Болонья и города Романьи заключили, подъ покровительствомъ генерала Бонапарта, такъ называемый Цисподанскій союзъ. Генуя, конвенціею подписанною въ Парижѣ, обязалась заплатить два милліона франковъ и отдалась подъ покровительство французской республики. Король неаполитанскій, а вслѣдъ за нимъ и герцогъ Пармскій подписали миръ, стоившій первому пять милліоновъ контрибуціи. Австрійское правительство напрягало всѣ силы, чтобы освободить Мантую и заключеннаго въ ней фельдмаршала Вурмзера. Отправлены были новыя силы въ Италію черезъ Фріуль и Тироль. Назначенъ былъ новый главнокомандующій фельдцейхмейстеръ Альвинци. Разумовскому показалось невозможнымъ въ такую тревожную пору покинуть Вѣну, тѣмъ болѣе, что тамошнее министерство боязливо слѣдило за успѣхами переговоровъ, предпринятыхъ Англіею, и продолжало опасаться нападеній со стороны Пруссіи. „Je me suis détérminé“, доносилъ графъ Андрей Кириловичъ Остерману отъ 31 Іюля, „à suspendre toute idée de quitter Vienne et ma propre opinion est appuyée par ce que m'a fait dire l'empereur par l'organe de son ministre. Ma conduite en cela n'est que le résultat du principe invariable, de sacrifier en toute occa-

sion mes intérêts particuliers à ceux de ma Souveraine, heureux si S. M. daigne honorer de son approbation le dévouement qui me guide et dont je me flatte que v. e. appréciera le sentiment inébranlable".

Положеніе Австріи съ каждымъ днемъ становилось болѣе критическимъ. Союзники ея другъ за другомъ мирились съ республикою. Несмотря на громкія заявленія о томъ, что римскій императоръ никогда не унизится до мира съ Франціею, вѣнскому двору поневолѣ приходилось искать сближенія съ ненавистною республикою и первому протягивать ей руку. Австрійскому повѣренному въ Бернѣ поручено было передать французскому министру Бартелеми секретную ноту, которую послѣдній поспѣшилъ переслать въ Парижъ. Директорія съ пренебреженіемъ отнеслась къ первымъ шагамъ австрійскаго правительства. „V. e.", писалъ отъ 22-го Августа Разумовскій, сообщая вице-канцлеру подробности объ этихъ тайныхъ переговорахъ, „verra dans la réponse, que le directoire a dicté au sieur Barthélémy, tout ce que l'insolence la plus indécente peut accumuler de jactance et de sottise".

Несмотря на свою нерѣшительность, Австрія оставалась единственною представительницею тѣхъ принциповъ, о которыхъ еще недавно такъ громко говорили всѣ монархи. Среди неудачъ своихъ, императоръ Францъ стоялъ одинъ съ мечемъ въ рукахъ передъ побѣдоносными французскими полчищами. Коль скоро мечъ этотъ влагался въ ножны, исчезала послѣдняя преграда, хоть нѣсколько удерживавшая натискъ французовъ. Со дня подписанія мира, между вѣнскимъ дворомъ и директорію, перевѣсъ надъ другими европейскими державами оставался окончательно за Франціею. Германская имперія видимо распадалась и революціонный духъ, вслѣдъ за успѣхами республиканскаго оружія, безпрепятственно разливался по сѣверу Италіи. Старому государственному строю Европы грозила опасность. О политическомъ равновѣсіи не могло быть болѣе рѣчи. Анархическая Франція, съ цѣлымъ цикломъ новыхъ идей, свѣтлая сторона которыхъ затемнялась для современниковъ кровавыми ужасами революціи, грозила поглотить всѣ сосѣднія государства. Такое положеніе дѣлъ заставило Екатерину призадуматься. Она разсчитывала на перевѣсъ коалиціи и никакъ не намѣрена была допустить первенства республиканской Франціи въ совѣтахъ Европы. Невольный страхъ, обуявшій всѣми европейскими дворами, начиналъ отуманивать свѣтлый умъ ея. Къ тому-же годы брали свое, и въ Государынѣ не было уже довольно твердости, чтобы противостоять безпрестаннымъ представленіямъ царедворцевъ, иностранныхъ министровъ и своихъ дипломатовъ за-границею, единогласно и непрестанно повторявшихъ, что Европа гибнетъ и что одна Россія въ состояніи спасти ее. Государынѣ показалось, что наступило время положить предѣлъ успѣхамъ

революціи, которая со временемъ могла коснуться нашихъ границъ. Она рѣшила составить на болѣе твердыхъ началахъ новую коалицію и заявить во всеуслышаніе о конечной цѣли европейскаго концерта. Цѣль эта была возстановленіе прежняго монархическаго порядка во Франціи. Для этого, по мнѣнію Екатерины, слѣдовало, прежде всего, признать Лудовика XVIII законнымъ королемъ и потомъ, дружно сплотившись, идти прямо на Парижъ. Государыня обязывалась выставить на берегахъ Рейна 60,000-ный корпусъ, но требовала такой-же подмоги отъ Пруссіи и субсидій отъ Англіи. Въ депешѣ отъ 8 Августа вице-канцлеръ извѣстилъ Разумовскаго о тѣхъ мѣрахъ, которыя въ мудрости своей благоволила принять Россійскаая Монархиня „pour préparer avec l'aide de la Providence le triomphe d'une cause, que S. M. ne cessera d'envisager comme celle de tous les souverains [1])“.

Въ Вѣнѣ съ радостью принято было извѣщеніе вице-канцлера, хотя оговорки на счетъ Пруссіи и Англіи, а также признаніе Лудовика XVIII, не совсѣмъ приходились Тугуту по вкусу. За то Разумовскій былъ въ восторгѣ. Это рѣшеніе Императрицы было для него торжествомъ. Давно уже депеши его указывали на необходимость дѣятельнаго вмѣшательства Россіи въ дѣла Европы. Какъ русскій дипломатъ новѣйшей школы, онъ смотрѣлъ на политику Россіи съ точки зрѣнія двора, при которомъ былъ аккредитованъ и въ упоеніи писалъ Остерману: „A l'Impératrice seule appartient l'oeuvre immortelle de rendre le calme à l'Europe, la paix aux puissances et aux peuples les prospérités et le bonheur dont une subversion générale les menaçait d'être privés à jamais [2])“. Долгіе часы просиживалъ теперь графъ Андрей съ Тугутомъ, обсуждая планъ предстоящей кампаніи, и со страхомъ ожидая что скажетъ Англія на предложенія Екатерины и чѣмъ кончатся переговоры ея съ Пруссіей. Австрійскій министръ полагалъ, что русская и австрійская арміи должны дѣйствовать самостоятельно, условившись только относительно позицій, которыя каждая изъ нихъ могли бы занять на правомъ берегу Рейна. Къ русскимъ войскамъ Тугутъ предлагалъ присоединить корпусъ принца Кондè и германскіе контингенты. По его мнѣнію русскимъ слѣдовало вступить въ Лотарингію въ то время, какъ Австрія будетъ дѣйствовать въ Эльзасѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ не скрывалъ отъ посла, что вліяніе императора, благодаря интригамъ Пруссіи, ничтожно въ Германіи и что продовольствіе русскихъ войскъ, бремя котораго должно было пасть на Австрію, будетъ весьма затруднительно. Онъ предлагалъ въ будущемъ отбросить всякое снисхожденіе и прямо содержать войска на средства

[1]) Депеша Остермана къ Разумовскому отъ 8 Августа.

[2]) Депеша Разумовскаго отъ 21 Сентября.

мѣстныхъ владѣтелей, особенно, если замѣчено будетъ, что они не сочувствуютъ дѣлу союзниковъ. „Je crois devoir observer ici“, доносилъ Разумовскій, „que le principe sage et magnanime de l'Impératrice, de ne poser les armes qu'après avoir rétabli le trône de France, ne rencontrera aucune objection ici. Peut-être désirerait-on que les droits du monarque actuel puissent être transportés à un de ses plus proches agnats. Il entre dans ce dessein des motifs d'un mécontentement, auquel le roi Louis XVIII a donné lieu, en montrant de la méfiance à la cour de Vienne, ainsi qu'à sa faiblesse et du peu d'estime dont il jouit en France“ [1]).

Предложенія и намеки Тугута, видимо, расходились съ набросаннымъ Екатериною планомъ. Какъ мы видимъ, признаніе Лудовика XVIII принималось условно и о прямомъ походѣ на Парижъ не было даже рѣчи. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ новой коалиціи, забывались тѣ основы, на которыхъ рѣшила дѣйствовать Екатерина. Впрочемъ, въ Петербургъ, для окончательныхъ переговоровъ о планѣ военныхъ дѣйствій, отправленъ былъ маркизъ де-Шателеръ, лично знакомый Суворову и другимъ русскимъ генераламъ, командовавшимъ войсками въ новопріобрѣтенныхъ отъ Польши областяхъ. Все зависѣло теперь отъ Англіи, которая, въ виду начавшихся съ Франціею переговоровъ, не спѣшила отвѣтомъ. „Nous attendons des réponses de Londres“, писалъ къ Разумовскому Морковъ отъ 14 Октября, „nous sommes déjà instruits, depuis près de quinze jours, que nos ouvertures y sont arrivées. Le retard de ces messieurs de Londres à s'expliquer, ne parait pas de trop bonne augure. J'ai peur, qu'ils ne soient assez abandonnés de Dieu pour se refuser à nos offres, ou pour faire des difficultés déraisonnables. Ce ne sera pas au moins le premier trait de gaucherie qu'ils ont fait durant cette triste guerre“

Англія грозила отказомъ. „Эти 60,000 человѣкъ“, говорилъ Воронцову лордъ Гренвиль объ обѣщанной Государынею подмогѣ, „выставленные два года тому назадъ или даже прошлою осенью, могли-бы измѣнить весь ходъ дѣлъ и спасти Европу, но въ настоящую пору предложеніе вашего правительства двумя мѣсяцами опоздало“. Рѣшено было не только не приступать къ коалиціи, но даже отправить изъ Лондона уполномоченнаго прямо въ Парижъ для дальнѣйшихъ переговоровъ о мирѣ. На это избранъ былъ хорошо извѣстный въ Петербургѣ, подъ именемъ Гарриса, лордъ Мальмсбюри“. Je vous avoue“ писалъ отъ 7 Ноября къ Разумовскому графъ Воронцовъ „que je n'entends rien à cette pérséverance d'humiliation et de rage à négocier avec une bande de scélérats, qui ne veulent pas d'une paix, qui, si jamais ils la donnent,

[1]) Депеша Остерману отъ 21 Сентября.

dégradera la dignité et anéantira la puissance des gouvernements qui auront la lâcheté de l'accepter. La maxime de ces gueux est de tout prendre et de ne jamais rien rendre, ainsi, à moins d'être conquis par eux, je ne vois pas comment on pourra se soumettre aux conditions qu'ils imposeront". Въ Вѣнѣ уже давно предчувствовали отказъ Англіи. „M-r de Thugut", доносилъ Разумовскій отъ 21 Сентября, „en admettant la supposition qu'il espère ne pas se vérifier, d'un refus de l'Angleterre à la demande de subsides, que nous venons de lui adresser, espère que l'Impératrice n'abandonnerait pas son allié dans une position critique, où il ne lui resterait qu'à souscrire une paix onéreuse et humiliante".

Тугутъ представился крайне изумлённымъ первыми извѣстіями, полученными имъ изъ Парижа отъ лорда Мальмсбюри. Послѣдній требовалъ черезъ британскаго посла въ Вѣнѣ сэръ Мортона Идена, полномочій, безъ которыхъ, по словамъ его, невозможно было продолжать переговоры. Мысль о медіаціи не могла внезапно породиться въ головѣ Мальмсбюри и несомнѣнно, что объ этомъ велись исподоволь переговоры съ англійскимъ кабинетомъ тайкомъ отъ русскаго двора. Тугутъ послѣ этихъ извѣстій поспѣшилъ пригласить къ себѣ Разумовскаго. „Le baron me témoigna", писалъ отъ 29 Октября къ вице-канцлеру графъ Андрей Кириловичъ, „en me demandant conseil, combien il était affecté. Son esprit juste et conséquent lui a dicté le parti le plus convenable, c. a. d., que l'empereur ne pouvait condescendre à une réponse sans consulter notre auguste Souveraine en vertu des liens entre les deux cours, aussi bien qu'à des engagements nouveaux qu'on est sur le point de contracter, relativement à la continuation de la guerre. M. de Thugut dont la défiance contre le ministère anglais augmente de jour en jour, a ajouté, que lord Malmesbury était le maître de traiter sur le principe de la restitution totale des conquêtes, sûr que ce principe souffrira des difficultés insurmontables, pour gagner le temps nécessaire jusqu'à ce que les alliés soient plus à même de juger le résultat des circonstances".

Среди этихъ переговоровъ, нежданно и негаданно, въ самой Вѣнѣ, явился французскій парламентеръ. „Malgré maints exemples", доносилъ по этому случаю отъ 1 Октября Разумовскій, „de la légerté insolente des Français, dans leurs transactions avec les cours d'Europe, on ne pouvait prévoir le nouveau trait suivant. Avant-hier arrive à la chancellerie de la guerre un officier accompagné d'un courrier français, affublé de tout le costume de la soit-disante république. On voulait le mener à la chancellerie d'état, mais le baron de Thugut a refusé de l'admettre à son bureau. Le billet qu'il portait était d'une impertinence si bizarre, que je ne puis ne pas le décrire à v. e. Une feuille était jusqu'aux

deux tiers remplie de tout le formulaire révolutionnaire en figures et caractères imprimés, c. a. d., vaste écusson portant la figure de la liberté, entouré de trophées etc. Autour les mots d'usage: liberté, indivisibilité, fraternité etc., puis la date dans leur style et le titre de Buona Parte (sic). Immédiatement après, et presque sans marges, il y avait ces mots: „Majesté, l'Europe veut la paix. Il est temps de mettre fin aux calamités de la guerre". Dix ou douze lignes avec la menace de combler le port de Trieste et de ruiner le commerce de l'Adriatique, exhortant l'empereur de prendre en considération l'effusion du sang humain et les maux qu'il dépendait de lui de prévenir. Elle finissait par: „je suis avec respect de Votre Majesté Buonaparte". Dans toute la lettre il n'est pas question de directoire, c'est en son propre nom que Buonaparte se livre à l'insolence de son délire. V. e. sera étonnée sans doute, que le courrier ait pu arriver ici, et trouvera repréhensible la complaisance du général autrichien. On l'a jugé de même ici, le courrier a été confiné et puis reconduit à la frontière avec un récépissé signé par un commis de la chancellerie de la guerre, pour certifier que son paquet est parvenu".

Таково было начало сношеній императора Франца съ будущимъ его зятемъ.

Переговоры, затѣянные Англіею, медленно подвигались. Лордъ Мальмсбюри продолжалъ жить въ Парижѣ, поджидая новыхъ инструкцій изъ Лондона и Вѣны. Король прусскій, согласившійся сначала, въ надеждѣ новыхъ прирѣзокъ къ своимъ владѣніямъ, на требованія Екатерины, ограничился сборомъ обсерваціонной арміи для охраненія принятой имъ системы сѣвернаго нейтралитета [1]. „Notre gros voisin, сообщалъ Разумовскому Морковъ, fait le méchant". Англія, наоборотъ, отвѣчала сперва отказомъ, а потомъ, видя неуспѣшность начатыхъ ею съ Франціею переговоровъ, стала торговаться относительно требуемыхъ Россіею вспомогательныхъ денегъ. Проученная горькимъ опытомъ съ Австріею, она опасалась въ будущемъ новыхъ споровъ и недоразумѣній изъ-за денегъ. Вѣнское правительство волновалось, выказывало недовѣріе къ Англіи и требовало скораго отвѣта отъ Петербургскаго двора, хотя съ своей стороны не умѣло быстро и во̀-время принять какое-либо рѣшеніе. По мнѣнію Тугута, не слѣдовало пренебрегать переговорами съ Франціею, продолжая дѣятельно, хотя и въ тайнѣ, готовиться къ войнѣ. По мнѣнію его нехудо было провѣдать, черезъ лорда Мальмсбюри, на какихъ основаніяхъ считаетъ директорія миръ возможнымъ. Узнавъ это, можно бы было созвать конгрессъ и окончательно сговориться относительно будущаго. Разумѣется, созваніе конгресса зависѣло отъ усло-

[1]) Депеша Колычева отъ 29 Января.

вій директоріи. Въ случаѣ невозможныхъ требованій, Австрія, по словамъ Тугута, твердо рѣшилась продолжать войну. Во всякомъ случаѣ, благодаря переговорамъ выигрывалось время. "M. de Thugut", доносилъ отъ 14 Ноября, Остерману Разумовскій, „pense qu'une explication catégorique de notre cour vis-à-vis de celle de Londres, tant sur les plans de la continuation de la guerre, que sur les conditions à fixer sur la marche des négociations, et avant tout que ces négociations ne puissent avoir lieu que par le concours unanime des trois puissances, sous forme expresse d'un congré, balancerait les inconvénients présents. Décidé à persévérer dans la guerre et trouvant que le moment n'est pas venu pour la terminer, la cour de Vienne est prête à souscrire aux mesures les plus énergiques, pourvu qu'elle puisse compter sur la Russie. Le cabinet de Vienne ne se dissimule pas la gravité des circonstances. Si on croyait devoir se soumettre à la paix, l'empereur attendrait encore que notre auguste Souveraine voulût présider aux déterminations, que ce prince aurait à adopter en conséquence".

Екатерина рѣшила дѣятельно готовиться къ войнѣ. Свою армію поручила она Суворову и въ августѣ повелѣла уже ему въ подольской губерніи собрать 64,000 человѣкъ войска и принять всѣ нужныя мѣры къ скорому походу. Объ этомъ, однако, не сообщали до поры до времени, въ Вѣну, гдѣ Тугутъ волновался болѣе обыкновеннаго. До него дошли слухи, будто лондонское правительство намѣрено Нидерланды предложить Пруссіи, Баварію—Австріи, а для палатинскаго дома скроить новое княжество на берегахъ Рейна. Съ этою цѣлью предполагалось, какъ доносили Тугуту, секуляризировать духовныя курфюршества. Министръ иностранныхъ дѣлъ, съ крайнимъ безпокойствомъ, сообщилъ всѣ эти вѣсти Разумовскому, объясняя при этомъ, что самые дорогіе интересы императора подвержены опасности и что къ англійскому министерству вѣнскій дворъ не питаетъ довѣрія. Первый долгъ германскаго императора—и долгъ этотъ исполняетъ онъ со всею теплотою того чувства, которымъ преисполненъ, добавилъ Тугутъ, объяснить дорогой союзницѣ затрудненіе, въ которомъ находится Австрія, и, вполнѣ положившись на рѣшеніе Е. В., съ терпѣніемъ и благодарностію ожидать того, что она соблаговолитъ сдѣлать въ пользу вѣнскаго двора, съ благомъ котораго неразрывно связаны успѣхи Россіи. Одно только полное согласіе императорскихъ дворовъ можетъ положить предѣлъ властолюбивымъ видамъ лондонскаго кабинета. По мнѣнію Тугута, Государынѣ слѣдовало требовать отъ с.-джемскаго двора яснаго и положительнаго изложенія его намѣреній и въ случаѣ, если Англія рѣшится оставаться вѣрною коалиціи, понудить ее торжественными обязательствами къ дальнѣйшему продолженію войны. Если бы, наконецъ, переговоры съ британскимъ правительствомъ не привели къ благому исходу, то

вѣнскій дворъ умолялъ Государыню согласиться взять на себя, вмѣстѣ съ императоромъ, все бремя войны, такъ какъ иначе Австріи пришлось бы снова обратиться къ вѣрной союзницѣ съ просьбою о посредничествѣ. Несмотря на воинственныя мысли, Тугутъ, однако еще не терялъ надежды на миръ. Ему казалось, что несогласія съ Лондономъ могутъ сблизить Вѣну съ Парижемъ, и на этомъ хитромъ разсчетѣ строилъ волшебные зàмки. Тайныя мысли его не могли вполнѣ ускользнуть отъ русскаго посла, который съ своей стороны настаивалъ на необходимости для Россіи открыто дѣйствовать противъ Франціи и который въ то же время старался напугать петербургскій кабинетъ возможностью союза между Австріею и Франціею.

„Il n'échappera pas à v. e.", доносилъ по этому случаю Разумовскій [1]), „de quelle importance il est pour la cour de Vienne de prévenir par ses négociations, celles qu'a entamées l'Angleterre. Ce sera le moyen infailible de les faire manquer, en secondant le voeu le plus cher de la France, celui de diriger tous ses efforts contre les Anglais et d'après ce calcul la cour de Vienne rencontrerait le plus grandes facilités de la part des Français. Cela pourrait faire croire qu'il existe quelque fil de négociation entre Vienne et Paris. Je crois pouvoir vous assurer du contraire. Ces notions prennent leur source dans les rapports des généraux et sur les propos des commandants français, dans des relations, produites par la guerre, avec les officiers autrichiens. Les généraux français viennent d'avoir proposé un armistice que l'empereur a rejété péremptoirement. Un des motifs des Français en le proposant, était de pouvoir disposer de leurs troupes pour opérer une descente en Angleterre, dont il me semble qu'ils s'occupent sérieusement... Le parti le plus conforme au désir de la cour de Vienne, serait de pousser la guerre avec vigueur, si elle peut se faire avec des moyens assez vastes, pour justifier l'espérance d'amener une conjoncture plus favorable, que celle du moment, à la conclusion d'une paix solide et avantageuse. M. de Thugut assure que l'Emperenr n'épargnerait aucun effort en son pouvoir, si l'Impératrice le secondait de toute sa puissance. Ce ministre cherche maintes fois à pressentir mon opinion sur la détermination que prendrait l'Impératrice, si on serait contraint d'en venir à la paix. Je répondis, que ne pouvant porter de jugement là-dessus, que d'après les notions constantes, qui nous étaient parvenues, de l'éloignement de S. M. à traiter avec le gouvernement actuel de la France, je pensais néanmoins que notre auguste Souveraine peserait dans sa sagesse la gravité de la situation de son intime allié et que rien ne sera omis de ce qui pourrait concourir de sa part au

[1]) Депеша Остерману отъ 19 Ноября.

maintien de ses avantages et de sa prospérité... Je soumets à v. e. la prière instante du baron de Thugut, afin que notre ministère veuille prendre en considération l'urgente nécessité de prendre le plus promptement possible, une détermination qui puisse guider la conduite de l'empereur et que le secret le plus profond soit observé entre les deux cours. Un long délai peut forcer le ministère d'ici à des négociations, si les évènements lui faisaient juger nécessaire de prévenir ia conclusion de celles, que les Anglais viennent d'établir".

Около мѣсяца пришлось ожидать рѣшенія изъ С.-Петербурга. Когда оно наконецъ достигло Вѣны, то какъ громомъ поразило и римскаго императора, и весь дворъ его и русскаго посла. Рѣшеніе это было продиктовано уже не Екатериною Великою, а восшедшимъ на Всероссійскій престолъ преемникомъ ея, Императоромъ Павломъ I.

ГЛАВА XII.

Перемѣна въ политикѣ. — Положеніе Разумовскаго въ Вѣнѣ. — Просьбы о пособіи. — Предлагаемая Россіею медіація. — Кампоформійскій миръ.

Послѣднія депеши Разумовскаго не застали уже въ живыхъ Екатерину. 6 Ноября 1796 года апоплексическій ударъ положилъ конецъ славному ея царствованію. Въ Вѣну роковое извѣстіе дошло черезъ курьера, прибывшаго 29 Ноября. „Какъ всемогущему Богу угодно было Е. И. В. всепресвѣтлѣйшую Государыню Императрицу Екатерину Алексѣевну, нашу вселюбезнѣйшую родительницу, въ 6 день сего мѣсяца переселить отъ сея временныя жизни въ вѣчность", сказано было въ высочайшемъ рескриптѣ на имя Разумовскаго отъ 12 Ноября, „то мы, вступя на прародительскій нашъ престолъ, не хотѣли умедлить извѣщеніемъ васъ о семъ сугубомъ событіи, всемилостивѣйше повелѣвая вамъ, дабы вы извѣстительную нашу о томъ грамоту подали Е. В. императору обыкновеннымъ порядкомъ".

„Je connais trop", гласила извѣстительная грамота, „les sentiments de V. M. envers cette fidèle et sincère alliée, pour douter qu'elle ne partage avec moi la profonde affliction que je ressens. Toutes les liaisons, tous les rapports d'amitié, qui ont si longtemps subsisté entre les deux empires, ont été trop intimes et réciproquement trop avantageux,

pour que la continuation n'en soit pas infiniment désirable. Un semblable concert de vues et de sentiments de la part de V. M. I. me fera toujours rechercher avec empressement les occasions de la consolider".

Подобныя слова подавали лучшія надежды. „Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ здѣсь рѣшеній августѣйшаго нашего Монарха", доносилъ Остерману, отъ 9 Декабря, графъ Андрей Кириловичъ. „Дѣла въ застоѣ, однѣ только вѣсти изъ С.-Петербурга могутъ дать имъ новое движеніе". Вѣсти эти привезъ въ Вѣну отправленный для оффиціальнаго объявленія о восшествіи на престолъ новаго Императора дѣйствительный камергеръ, князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ. Онѣ разомъ уничтожили блестящія надежды вѣнскаго двора. Графъ Остерманъ 23 Ноября устно заявилъ, съ одной стороны графу Луи Кобенцелю, а съ другой—депешею сообщилъ Разумовскому, что Государь Императоръ, къ крайнему его сожалѣнію, не можетъ исполнить обѣщанія, даннаго покойною его матерью относительно вспомогательнаго войска. Австрійское правительство было поражено этимъ извѣстіемъ, не менѣе удивленъ и опечаленъ былъ самъ Разумовскій. Судьба уничтожала давно лелѣянную имъ мечту о военномъ вмѣшательствѣ Россіи въ дѣла Европы. Къ этому давно уже клонились, какъ мы видѣли, всѣ его усилія. Въ необходимость такого образа дѣйствій онъ твердо вѣрилъ. Однако, ни Тугутъ, ни Андрей Кириловичъ не теряли еще надежды на будущее. „On a été très affecté de la détermination de l'Empereur", доносилъ послѣдній Остерману съ отправившимся въ Петербургъ графомъ Дитрихштейномъ, „touchant l'assistance des 60,000 hommes, sur lesquels on comptait ici. Néanmoins ce sentiment ne s'est manifesté à mon égard ni de la part de l'empereur, ni des ministres. On m'exprima des regrets sur la privation d'un secours aussi puissant, mais j'ai reçu en même temps les témoignages les plus amples, qu'on fondait sur les assurances du comte de Cobenzl, que notre Empereur compte rester attaché aux liens, qui unissent depuis si longtemps les deux cours impériales".

На основаніи данныхъ, сообщенныхъ австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ, вѣнскій кабинетъ счелъ возможнымъ обратиться съ покорною просьбою къ Павлу I. Онъ молилъ своего союзника выставить армію на западныхъ границахъ Россіи, для удержанія Пруссіи отъ враждебныхъ покушеній. Онъ смѣлъ надѣяться, что императоръ благоволитъ внушить прусскому королю, что принимаетъ искреннее участіе въ союзѣ противъ Франціи и не дозволитъ несогласій между главою римской имперіи и ея членами. Наконецъ, вѣнскій дворъ просилъ Государя не отказать въ заявленіи германскому сейму, что имперскіе князья должны сообразовать свои дѣйствія съ видами ихъ верховнаго владыки и не заключать отдѣльнаго мира съ французскою

республикою. Эта просьба принята была въ Петербургѣ самымъ неожиданнымъ и по малой мѣрѣ страннымъ образомъ. Подъ отдѣльными статьями поданной Кобенцелемъ графу Остерману ноты, Павелъ Петровичъ собственноручно подписалъ свои рѣшенія. Подъ первымъ параграфомъ, гдѣ дѣло шло о сосредоточеніи русскихъ войскъ на западной границѣ, значилось: „Je ne me laisserai par prescrire ce que j'ai à faire", подъ вторымъ, гдѣ рѣчь была о внушеніи королю прусскому, стояло: „Ce que mes intérêts exigent de lui dire". Наконецъ подъ третьимъ пунктомъ, гдѣ просили сдѣлать заявленіе германскому сейму, Императоръ подписалъ: „Ce qui sera convenable à mes intérêts". Отвѣты эти, рѣзко отличавшіеся отъ обыкновенныхъ дипломатическихъ пріемовъ, окончательно открыли глаза австрійскому правительству. Оно поняло, что отъ Россіи ожидать ему уже нечего и что, въ безпомощномъ состояніи своемъ, остается только вымаливать миръ у ненавистныхъ республиканцевъ. Несомнѣнно, что отвѣты Павла I содержали въ себѣ самую суть здравой національной политики. Но едва ли полезно было въ данную минуту, послѣ всѣхъ обѣщаній покойной Императрицы, такъ рѣзко эту суть формулировать. Вообще въ то время въ Петербургѣ не столько имѣлись въ виду насущныя потребности Россіи, сколько желаніе громко заявить, что новое царствованіе будетъ прямымъ отрицаніемъ прошлаго. Самая память Екатерины публично предавалась поруганію и всѣ принятыя ею въ послѣдніе годы распоряженія остановлены и измѣнены. Война съ Персіею была прекращена; начатыя укрѣпленія на персидской границѣ повелѣно было бросить; войска были вызваны изъ Закавказья; рекрутскій наборъ отмѣненъ и, наконецъ, принятыя Екатериною мѣры къ обрусенію прибалтійскаго края, выборгской губерніи и новопріобрѣтенныхъ отъ Польши областей, окончательно уничтожены возстановленіемъ прежнихъ, противныхъ единству Россіи, мѣстныхъ учрежденій. Цѣлая масса новыхъ законовъ и постановленій, наскоро составленныхъ въ первые четыре мѣсяца царствованія Павла I, безъ всякой серьёзной подготовки и безъ яснаго сознанія народныхъ потребностей, внесла полную неурядицу во внутренній строй государства. Важный, утонченный тонъ Екатерининскаго двора мгновенно измѣнился. Сподвижники великой царицы, за исключеніемъ весьма немногихъ, были удалены. Ихъ мѣсто заняли грубые и необтесанные любимцы новаго Государя, умѣвшіе только говорить про вахтъ-парады и шагистику. Они забрали въ свои руки армію и стали учить новому строю солдатъ, которыхъ такъ часто водили къ побѣдѣ Румянцевъ и Суворовъ. Все, что въ послѣднее время было сдѣлано для улучшенія быта нашихъ воиновъ, слѣпо уничтожалось по ненависти Павла Петровича къ памяти князя Потемкина.

Не безъ нѣкотораго страха узналъ графъ Андрей Кириловичъ о кончинѣ Екатерины. Невольно представилось ему на умъ прошлое и совѣсть немного мучила его. Хотя Наслѣдникъ престола милостиво принялъ его во время послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ, однако Разумовскій не зналъ, какъ станетъ смотрѣть на него теперь новый Самодержецъ. Но безпокойство посла продолжалось не долго; вскорѣ послѣ извѣстія о кончинѣ Государыни, получилъ онъ отъ гатчинскаго любимца новаго Императора, Григорія Григорьевича Кушелева, письмо, которое ясно доказывало, что Павелъ Петровичъ помнилъ только старую дружбу, а все прочее предавалъ забвенію. „Государь Императоръ", писалъ Кушелевъ отъ 17 Ноября, т.-е. одиннадцать дней послѣ кончины Екатерины, „изволилъ мнѣ указать писать къ в. с., что будетъ ли соотвѣтственно желанію вашему, когда бы назначено вамъ было вступить по адмиралтействъ-коллегіи на должность вице-президента и принять на себя правленіе флотскаго департамента, такъ какъ начало вашего служенія было по флоту, или уже предприняли протекать дипломатическую каріеру. Покорно прошу о семъ, для донесенія, меня увѣдомить" [1]). Не трудно отгадать каковъ былъ отвѣтъ Разумовскаго. Онъ разсыпался въ благодарности и изъявленіяхъ безпредѣльной любви и вѣрноподданности, но умолялъ дозволить продолжать ему теперешнее служеніе, надѣясь посильными трудами заслужить высочайшее благоволеніе. Онъ испрашивалъ при этомъ разрѣшенія прибыть въ Петербургъ, чтобы у подножія престола излить чувства своего усердія и безпредѣльной признательности.

Въ самомъ дѣлѣ, мысль снова поступить въ адмиралтействъ-коллегію должна была представиться и графу Андрею, и всѣмъ его вѣнскимъ друзьямъ чистѣйшимъ анахронизмомъ. Въ продолженіе своей двадцатилѣтней дипломатической службы, Разумовскій успѣлъ уже совсѣмъ позабыть о флотѣ. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ новое свое положеніе и лучшаго не желалъ. Къ тому же онъ до того свыкся съ вѣнскою жизнью, что уже въ другомъ мѣстѣ не могъ бы ужиться. Двадцати-трехъ-лѣтнее пребываніе за-границею совершенно отдалило его отъ родины. Поселиться снова въ Россіи казалось ему теперь невозможнымъ. Сынъ реестроваго казака, попавшаго въ гетманы и, несмотря на успѣхи при дворѣ, всегда оставшагося въ душѣ истымъ хохломъ, давно уже успѣлъ отрѣшиться отъ всего русскаго и сдѣлаться космополитомъ въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Въ Вѣнѣ графъ Андрей былъ у себя дома, въ Россіи онъ себя чувствовалъ на чужбинѣ. Исключительная, надменная вѣнская аристо-

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

кратія, съ высоты своего величія взиравшая на иностранцевъ и неохотно допускавшая ихъ въ свое общество, приняла въ ряды свои гордаго и великолѣпнаго русскаго посла, вполнѣ сочувствовавшаго всѣмъ ея видамъ и убѣжденіямъ. Разумовскій по женѣ уже породнился съ имперскою знатью. Теперь обѣ сестры графини Елизаветы Осиповны вышли замужъ: старшая Христіана [1] — за князя Карла Лихновскаго [2], а меньшая Екатерина [3] за Ричарда Мида, второго лорда Кланвильяма [4], умнаго и образованнаго англичанина, много путешествовавшаго по Европѣ и по-долгу жившаго въ Вѣнѣ, гдѣ онъ одно время состоялъ при англійскомъ посольствѣ. Такимъ образомъ, семейныя связи Разумовскаго за-границею все болѣе распространялись. Весь складъ существованія тогдашней австрійской аристократіи, какъ нельзя болѣе, пришелся по вкусу нашему герою. Беззаботно-веселое наслажденіе жизнью, соединенное съ утонченнымъ обращеніемъ, разностороннее, хотя и нѣсколько поверхностное образованіе, живое пониманіе искусства, все это какъ разъ подходило къ графу Андрею, а всегдашняя страсть его къ прекрасному полу находила себѣ здѣсь полнѣйшее удовлетвореніе. Вѣна въ это время славилась своими красавицами, а строгость нравовъ была не въ модѣ, по крайней мѣрѣ въ высшемъ обществѣ. Все это тѣснѣе связывало Разумовскаго съ Вѣною. Онъ рѣшился здѣсь окончательно поселиться и, несмотря на вѣчный недочетъ въ деньгахъ, купилъ въ одномъ изъ предмѣстьевъ Вѣны, называемомъ Ландштрассе, великолѣпные сады, принадлежавшіе нѣкогда графамъ Монтекукули.

Отцу писалъ онъ о покупкѣ этой, какъ о маленькомъ незначительномъ садикѣ, гдѣ онъ въ свободныя минуты отъ дѣлъ разсаживалъ цвѣты и деревья. „Ты же, несчастный дипломатъ", отвѣчалъ ему изъ Батурина отецъ, „самъ себѣ неволенъ и хорошо сдѣлалъ, что хотя къ садику пристрастился, по пословицѣ: мѣшай дѣло съ бездѣльемъ" [5]. Но садикъ этотъ, несмотря на свои весьма почтенные размѣры, вскорѣ показался графу Андрею Кириловичу слишкомъ тѣснымъ. Онъ сталъ пріобрѣтать смежныя пустопорожнія земли не только на Ландштрассе, но даже въ сосѣднемъ къ нему предмѣстіи Эрдбергъ. Здѣсь разбилъ онъ великолѣпный паркъ, среди котораго, въ видахъ высшей экономіи, на которую мастера были всѣ братья Разумовскіе, сталъ онъ помышлять о постройкѣ великолѣпныхъ палатъ. На первое время онъ ограничился, однако, отдѣлкою одного изъ куплен-

[1]) Р. 1785, вышла замужъ въ 1788 † 1841.

[2]) Р. 1756 † 1814.

[3]) Р. 1769, вышла замужъ 1793 † 1800.

[4]) Р. 1766 † 1805.

[5]) См. т. I. 468.

ныхъ имъ павильоновъ, находившагося среди сада и здѣсь проводилъ онъ весну и часть лѣта.

Графъ Андрей Кириловичъ сталъ собираться въ Россію и думалъ попасть туда къ самому времени коронаціи. Онъ ѣхалъ съ мыслью лично благодарить Государя за его милости и въ надеждѣ получить что-нибудь отъ отца на поправку обстоятельствъ. Милостивый рескриптъ Императора остановилъ, однако, Разумовскаго въ Вѣнѣ, окончательно успокоивъ его въ отношеніи къ перемѣнѣ службы. „Графъ Андрей Кириловичъ", сказано было въ рескриптѣ этомъ, помѣченномъ отъ 4 Января 1797 года, „получивъ письмо ваше отъ 10-го Декабря, за благо пріемлю тутъ изъясняемое на сдѣланное по волѣ моей вамъ предложеніе, а какъ, между тѣмъ, настоящее положеніе дѣлъ требуетъ вашего на мѣстѣ пребыванія, покуда онѣ по крайней мѣрѣ до нѣкоторой извѣстности или рѣшимости достигнутъ, то я желаю, чтобы вы до дальнѣйшаго повелѣнія моего остались въ настоящемъ служеніи вашего мѣстѣ, будучи, впрочемъ, увѣрены, что я навсегда вамъ останусь благосклоннымъ". Разумовскій былъ въ восторгѣ. Слухи о томъ, что онъ покидаетъ свой постъ, успѣли уже распространиться по Европѣ. Онъ спѣшилъ увѣдомить всѣхъ своихъ корреспондентовъ, что Государь милостиво разрѣшилъ ему остаться посломъ въ Вѣнѣ. Между прочими писалъ онъ и къ графу С. Р. Воронцову, собственно, лично мало ему знакомому, но съ которымъ, однако, онъ уже много лѣтъ велъ дѣятельную переписку. „Ce qui me fait un vrai plaisir" отвѣтилъ на извѣщеніе Разумовскаго графъ Семенъ Романовичъ, „c'est ce que vous avez eu la bonté de me communiquer en confidence, sur ce qui vous regarde. Je puis vous assurer, m. le comte, que je suis enchanté de la nouvelle et de la confiance que vous me témoignez, et dont certainement je n'abuserai jamais. J'ose me flatter de mériter cette confiance par mon attachement pour vous. Cet attachement ne s'est pas formé, comme cela arrive le plus souvent, par l'habitude de vivre ensemble, car nous avons été toujours séparés, mais il a commencé, s'est accru et s'est affermi par l'estime que vous m'avez inspirée. C'est la correspondance que j'ai eue l'honneur d'avoir avec vous, pendant vos missions en Danemark, en Suède et dans le poste que vous occupez actuellement. C'est dans cette correspondance que j'ai vu les connaissances, l'esprit et le jugement qui vous distinguent parmis tous les employés de notre cour dans les pays étrangers... Je ne vous flatte pas, m. le comte, ne l'ayant jamais fait vis-à-vis de personne, et on ne change pas de caractère, après avoir vecu plus de 52 ans. Ce que je vous dis est dicté par la conviction et c'est d'abondance de coeur, que je vous exprime ce que je sens". Черезъ два года, какъ мы увидимъ далѣе, это лестное мнѣніе Воронцова о Разумовскомъ сильно измѣнилось.

Графу Андрею Кириловичу высланы были новыя довѣрительныя грамоты и 5-го Апрѣля 1797 года, въ день своего коронованія Государь пожаловалъ его чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. „V. M. I.“, писалъ по этому случаю графъ Андрей Кириловичъ Государю отъ 7 Мая, „en se livrant à la munificence magnanime de son âme a daigné me faire participer aux grâces qu'elle a répandues sur ses fidèles sujets, en m'élevant au grade de conseiller privé actuel. Privé du bonheur de mettre à ses pieds les respectueux hommages de ma reconnaissance, j'ose en consigner ici l'expression. Les efforts les plus assidus animeront constamment mon zèle, afin de mériter Son auguste approbation dans l'exercice du poste, qu'elle a daigné me confier ici. J'ose supplier très humblement V. M. I. d'agréer les félicitations les plus vives sur l'évènement à jamais mémorable de Son couronnement. Les transports d'allégresse qu'il repand dans Vos vastes états, Sire, sont l'augure d'une longue félicité pour les peuples soumis au sceptre de V. M. I., et la bienfaisance du ciel bénira nos voeux pour les prospérités d'un règne de gloire, de justice et de bonheur“.

Но чинъ не могъ поправить финансоваго положенія графа Андрея Кириловича. Копорскія его вотчины были заложены и описаны; имъ угрожала теперь продажа съ аукціоннаго торга [1]). Государь, между тѣмъ, велѣлъ передать Разумовскому, что онъ очень доволенъ его образомъ дѣйствій въ Вѣнѣ; это придало смѣлости послу и онъ рѣшился обратиться прямо къ Императору съ просьбою о денежной помощи. „V. M. I.“, писалъ онъ отъ 1-го Іюня, „a daigné dans sa magnanimité m'accorder un témoignage précieux de son approbation, en m'élevant au grade de son conseiller privé actuel. C'est une douce jouissance pour elle, que de répendre ses bienfaits; c'est une satisfaction non moins douce pour vos sujets, Sire, d'être persuadés que le zèle et le dévouement sont toujours sûrs de trouver une récompense dans la bienveillante bonté de Votre âme. Ce serait être bien coupable d'oser l'importuner, quand on est assuré de n'en être point oublié. J'ose espérer que je ne paraitrai point tel à ses yeux, dans le motif qui me guide aujourd'hui, car si j'enfreins le silence confiant qui doit servir de règle vis-à-vis d'un monarque équitable et bienfaisant, ce n'est que dans la persuasion que V. M. I. ne peut connaître des circonstances qui me sont particulières. J'ose, Sire, en porter à ses pieds l'exposé succint.

Lorsque le poste que j'ai l'honneur de remplir à Vienne devint vacant par la démission de M. le prince Galitsine, il plut à feue S. M. l'Impératrice de me le conférer, avec le même traitement qu'avait eu mon prédécesseur. Ce dernier jouissait de plus de 100,000 roubles de

[1]) См. т. I. 468.

revenu en Russie, et possédait près d'un million de florins dans les fonds publics de ce pays-ci. Je lui succédai après avoir essuyé des pertes très onéreuses par la manière précipitée avec laquelle j'ai du quitter le poste de Stockholm, au moment de la déclaration de la guerre, et je n'avais pour tout revenu que 20,000 roubles des terres, que m'avait abandonné mon père dans le gouvernement de Pskoff. L'établissement de ma maison et l'état de représentation, qu'exige mon caractère public, m'ont entrainé non seulement dans une dépense ruineuse de première mise, mais m'ont mis dans le cas de dépasser tous les ans considérablement mes moyens. Il en est résulté la nécessité de faire des emprunts très couteux, partie dans les caisses publiques et partie chez des particuliers, dont la totalité monte au delà de 200,000 roubles. A la conclusion des affaires de Pologne j'osais espérer avoir part aux actes de munificence, dont cet évènement fût suivi. Frustré dans mon attente, je sollicitai un congé dans l'intention de faire valoir moi-même au pied du trône des considérations ainsi motivées; je l'obtins il-y a à peu près un an, mais la tournure que prirent alors les affaires, me fit renoncer de plein gré à la permission de m'absenter, et ne prévoyant pas, de quelque temps encore, une époque assez calme pour en profiter, je me déterminai à soumettre directement à S. M. l'Impératrice l'état de mes affaires. Cette lettre adressée pur moi à m. de Zouboff, trois mois avant le décès de S. M. I., ne parvint probablement point à sa destination. Enfin à l'avènement au trône de V. M. I. je crus un instant que j'allais avoir le bonheur de me mettre à ses pieds. V. M. I. a daigné croire que je pouvais être plus utile à son service en restant ici. Je mettrai, Sire, mes soins les plus constants, je consacrerai avec ardeur toutes mes facultés pour justifier la bienveillante opinion de V. M. I., et mes efforts seront soutenus d'un espoir d'autant plus fondé que je les appliquerai à une carrière que depuis 20 ans l'expérience et l'habitude m'ont rendu familière. Mais j'avouerai, Sire, que des pensées accablantes sur l'état de mes affaires traversent souvent celles que me dictent mon zèle et mon assiduité. Elles sont agravées par l'état de santé précaire de mon père et la perspective funeste du dérangement de sa fortune.

Daignez, Sire, jeter un regard de bonté sur cette pénible situation et accueillir avec indulgence la liberté que je prends de la soumettre très humblement à la considération équitable et magnanime de V. M. I.".

Въ отвѣтъ на это прошеніе воспослѣдовалъ, отъ 18 Іюня, рескриптъ, въ которомъ Императоръ снова изъявлялъ свою волю относительно дальнѣйшаго пребыванія Андрея Кириловича посломъ при вѣнскомъ дворѣ, и въ то же время, жаловалъ ему, въ видѣ единовременнаго пособія, 20,000 рублей. Это было далеко не то, на что намекалъ неразсчет-

ливый дипломатъ. Пришлось, однако, пока удовольствоваться и этою малою суммою.

Между тѣмъ, дѣла Австріи нисколько не поправлялись. Побѣды эрцгерцога Карла, разбившаго Бернадота, Журдана и Моро и успѣвшаго загнать за Рейнъ французовъ, дошедшихъ уже до Бамберга, не улучшили положенія вѣнскаго двора. Италія выпадала изъ его ослабѣвшихъ рукъ. Послѣ битвъ при Арколѣ и Риволи, австрійскія войска были отброшены изъ Апеннинскаго полуострова, и Мантуя сдалась побѣдителю. Папа Пій VI подписалъ въ Толентино мирный трактатъ съ Франціею. Покинутая союзниками, Австрія могла разсчитывать только на ослабленное свое войско. Эрцгерцога Карла направили противъ Бонапарта, но онъ не былъ уже въ силахъ остановить натиска французовъ. Республиканскія войска заняли проходы Каринтійскихъ альпъ и оттѣснили эрцгерцога почти до Вѣны. Побѣдитель былъ въ нѣсколькихъ переходахъ отъ столицы имперіи. „La situation est des plus critiques", доносилъ шифромъ отъ 18 Марта Разумовскій Остерману, „rien ne s'oppose à la marche rapide des Français. Il n'est point impossible qu'ils ne viennent jusque sous les murs mêmes de Vienne". „La position critique est telle", доносилъ онъ далѣе отъ 27 Марта князю Безбородкѣ, „que malgré l'urgence de communiquer les circonstances à notre cour, le baron de Thugut, chargé de quatre fois plus de besogne qu'un homme n'en peut supporter. a manqué littéralement de temps nécessaire, pour se livrer aux détails qu'il avait voulu communiquer à m. de Cobenzl... Dans la crise accablante où se trouve cette cour-ci, résignée à subir les calamités qui la menacent, elle ne voit dans l'avenir d'espoir et d'appuis que dans l'assistance de notre auguste Souverain. Elle la réclame en vertu des traités et plus encore d'après les sentiments que l'Empereur notre maitre a manifesté à son allié, ne doutant pas que S. M. ne daigne prendre en considération la situation où se trouve cet allié, et l'influence majeure qu'en peut rejaillir sur les intérêts communs des deux cours impériales, après le renversement des bases sur lesquelles repose le système des liens qui les unissent".

Въ своемъ отчаянномъ положеніи Францу II оставалось только снова обратиться къ могущественному сосѣду. Онъ отправилъ собственноручное письмо къ Императору Павлу; въ немъ молилъ онъ о помощи войсками въ Богеміи или Моравіи и о сформированіи обсерваціоннаго корпуса на западной границѣ Россіи. По мнѣнію римскаго императора, такого рода военныя демонстраціи сильно должны были повліять на благопріятный для Австріи исходъ войны. Къ тому же, австрійскій монархъ униженно просилъ русскаго Императора принять на себя посредничество въ примиреніи съ Франціею и торжественно заявлялъ, что вполнѣ полагается на рѣшенія Павла I-го, обѣщаясь

свято повиноваться всѣмъ его указаніямъ. Сообщая Разумовскому подробности этого письма, Тугутъ убѣдительно просилъ посла изложить въ донесеніяхъ своихъ безвыходное положеніе вѣнскаго двора. „En fondant“, писалъ Разумовскій къ Безбородкѣ отъ 28 Марта, „les espérances dans la justice et la loyauté de notre auguste Souverain, quant à l'incontestabilité de l'existence du casus foederis d'après les traités, m. de Thugut fit valoir l'énergie avec laquelle l'empereur, son maitre, a soutenu seul une guerre contre un ennemi dangereux à toute l'Europe. En soumettant au jugement de v. e. la légitimité de ces titres, je ne doute point que des considérations accessoires ne viennent à leur appui, en conformité des engagements entre les deux cours impériales. Le cabinet de Berlin fait des démarches à Vienne, pour offrir sa médiation sur la base de l'intégrité de l'empire Germanique, avec le bût de plâtrer l'effet produit par la découverte des engagements entre la Prusse et la France [1]). On ne lui a fait que des réponses vagues, la cour d'ici étant déterminée de s'en tenir entiérement aux décisions de la notre... L'effervescence innée et indistructible des têtes Polonaises se fait de nouveau sentir. On vient d'apprendre ici que Dombrowski se trouve à titre de général dans l'armée de Buonaparte. Toute crise dans les affaires des grandes puissances leur offre l'espoir de réaliser leurs chimères“.

Просьба австрійскаго императора польстила самолюбію Павла Петровича. Ему представлялся случай, не обнажая меча, стать верховнымъ судьею въ Европѣ и онъ поспѣшилъ случаемъ этимъ воспользоваться. Онъ сталъ мечтать о европейскомъ конгрессѣ, мѣстомъ для котораго мысленно назначилъ Лейпцигъ и рѣшилъ, бывшаго уполномоченнымъ на Тешенскомъ конгрессѣ, фельдмаршала князя Репнина отправить въ Берлинъ и Вѣну, для окончательнаго соглашенія относительно основныхъ пунктовъ будущаго мира. Тремъ дивизіямъ и 18 казачьимъ полкамъ предписано было, въ то же самое время, готовиться къ походу, но, несмотря на эти военныя приготовленія, намѣренія русскаго Императора были самыя миролюбивыя. Какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ, князь Репнинъ долженъ былъ склонять монарховъ и ихъ министровъ къ взаимной дружбѣ, побуждая, съ одной стороны Пруссію употребить свое вліяніе на Францію къ достиженію возможныхъ для вѣнскаго кабинета условій мира, а съ другой—уговаривая Австрію рѣшиться на необходимыя пожертвованія, но обѣщая ей при этомъ, въ крайнемъ случаѣ, вооруженную помощь. По мнѣнію Павла I, признаніе французской республики не могло служить помѣхою для мира, и Репнину предписано было даже, при случаѣ, но безъ

[1]) Секретныя статьи Базельскаго мира.

особеннаго, однако, искательства, завести съ французскимъ министромъ въ Берлинѣ Каліаромъ рѣчь о дружественныхъ сношеніяхъ между Россіею и Франціею [1]. „Les factions en faveur de la paix", шифромъ доносилъ между тѣмъ Разумовскій Безбородкѣ отъ 7 Апрѣля, „continuent toujours leur jeu purement par motif de cabale et d'intérêt, au mépris de toute considération politique. La crise ici est augmentée par le délabrement total des finances et la mauvaise volonté du ministre qui les dirige, et qui présente sans cesse le tableau effrayant des conséquences funestes, que peut entraîner la défaveur du crédit. Ces alarmes, à la vérité, ne sont que trop fondées. Les caisses sont épuisées et le papier perd journellement de sa valeur. Dans cet état de choses le ministère attend avec la plus vive impatience de recevoir des subsides de l'Angleterre. L'impatience n'est pas moindre à l'égard de la détermination, que jugera à propos de prendre notre auguste Souverain. Ce n'est qu'à l'aide de sa puissante intervention que la cour de Vienne pourra sortir de sa position désastreuse et reprendre l'espoir d'une paix qui la sauve de l'abime".

Въ то время, какъ Разумовскій писалъ эти строки, добродушно вѣруя, что Австрія ожидаетъ своего спасенія изъ С.-Петербурга, ему и въ умъ не приходило, что вѣнскій кабинетъ, не ожидая отвѣта отъ русскаго Императора, успѣлъ уже вступить въ переговоры съ Бонапартомъ, и что даже предварительныя условія мира подписаны были въ въ Леобенѣ; это случилось наканунѣ того дня, когда Разумовскій такъ краснорѣчиво описывалъ Безбородкѣ нетерпѣніе, съ которымъ въ Вѣнѣ ожидали извѣстій изъ Россіи. Русскому послу было только смутно извѣстно, что неаполитанскій посланникъ маркизъ ди-Галло отправился въ армію. На это онъ не обратилъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что хитрый Тугутъ завѣрялъ его, что никакого добра отъ поѣздки этой онъ не ожидаетъ. Содержимый въ глубокой тайнѣ, поворотъ въ австрійской политикѣ совершенъ былъ старою пріятельницею графа Андрея Кириловича, неаполитанскою королевою Каролиною. Не вполнѣ довѣряя заключенному между Франціею и Неаполемъ миру и опасаясь, въ случаѣ продолженія войны, за цѣлость своихъ владѣній, вѣчно безпокойная королева, черезъ своего посланника въ Вѣнѣ маркиза ди-Галло, уговорила дочь свою, которой слѣпо повиновался супругъ, склонить послѣдняго къ переговорамъ съ Бонапартомъ. Съ другой стороны, находившійся во французскомъ лагерѣ князь Бельмонте-Пиніателли, по порученію своей государыни, намекнулъ генералу Бонапарту, какимъ образомъ можно будетъ расположить Тугута въ пользу мира [2].

[1]) Исторія войны Россіи съ Франціею. I. 33—43.

[2]) Schlosser. Gesch. d. XVIII. Jahrhunderts. VI. 20.

Благодаря этой интригѣ маркизъ ди-Галло отправленъ былъ въ Леобенъ съ тайнымъ порученіемъ отъ Франца II, и неаполитанскій министръ сдѣлался внезапно представителемъ германскаго императора, такъ какъ посланный позднѣе къ нему на помощь австрійскій графъ Мерфельдъ присутствовалъ при переговорахъ только ради приличія. Самъ Бонапартъ пораженъ былъ такою аномаліею. Два итальянца: неаполитанецъ и уроженецъ острова Корсики призваны были рѣшать между собою судьбы Германіи и Франціи.

Разумовскій совершенно случайно узналъ, что къ Тугуту прибылъ курьеръ съ какими-то важными извѣстіями изъ арміи и заѣхалъ въ государственную канцелярію, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Тамъ ему сказали, что Франція предлагаетъ краткое перемиріе и что ничего особенно важнаго курьеръ не привезъ. На дѣлѣ было, однако же, вовсе не то. Бонапартъ предлагалъ, взамѣнъ Нидерландовъ и Бельгіи, бо́льшую часть Венеціанской республики. Надежда осуществить завѣтную мысль вѣнскаго двора, постоянно точившаго зубы на Италію, а къ тому же тѣ способы, на которые указалъ Бонапарту князь Пиніателли, затемнили въ глазахъ Тугута всякія иныя соображенія. Въ политикѣ австрійскаго правительства произошла нежданная перемѣна и въ глубочайшей тайнѣ, съ необыкновенною поспѣшностію завелись переговоры. Въ это время Тугутъ уже сознавалъ всю силу вліянія своего на русскаго посла. Онъ беззастѣнчиво водилъ за носъ довѣрчиваго дипломата, въ полной увѣренности, что нѣсколькими добрыми словами загладитъ то непріятное впечатлѣніе, которое произведетъ на графа Андрея разоблаченіе истины.

„Ce n'est qu'hier", доносилъ отъ 13 Апрѣля графу Безбородкѣ обманутый Разумовскій, „que m. de Thugut m'informa du véritable état des choses, en me faisant beaucoup d'excuses sur la petite ruse qu'il avait imaginée. Le baron ajouta que ce n'était nullement dans l'intention d'avoir la moindre réserve vis-à-vis de notre cour, quoiqu'il eût été stipulé de garder le plus profond secret sur les préliminaires, jusqu'à ce que l'empereur les eût ratifiés, mais que l'unique cause de réticence avait été l'extrême surprise d'un évènement aussi inattendu, joint à l'embarras où il se serait trouvé de me parler d'un acte, dont la rédaction, faite précipitament, lui avait paru si confuse qu'il avait eu lui-même de la peine à en comprendre tout le sens. L'intention de l'empereur est de faire une communication détaillée et sans aucunes réserves à notre cour, de tout ce qui s'était passé à Léoben, mais vu le travail, dont est surchargé le baron de Thugut, il n'a pas pu écrire sur le champ au comte de Cobenzl, et il m'a fait part verbalement et à la hâte, des principaux articles qu'il me prie de transmettre à v. e.... *L'inexprimble étonnement* (слова эти подчеркнуты въ подлинникѣ), où

j'ai été en apprenant la signature des préliminaires, m'a fait demander à m. de Thugut, si le marquis de Gallo et le comte Merveldt avaient été réellement autorisés à une démarche aussi décisive, que peu conforme à l'attente où lui-même me parût être, et que dans ce cas on les avait munis sans doute d'instructions plus précises que celles dont il m'avait parlé. Le baron de Thugut protesta, que sa surprise etait égale à la mienne, qu'on avait seulement ordonné aux plénipotentiaires de gagner du temps et de prolonger l'armistice. Mais Buonaparte menaçait de marcher sur Vienne. Apparement, ajouta m. de Thugut d'un air de confidence, que l'ambassadeur (Галло) se sera crû justifié par le desir de l'impératrice de mettre fin à cette guerre. Quel que soit l'air de vérité, dont m. de Thugut a accompagné cette explication, je ne saurais me persuader de son entière exactitude"... „Si les stipulations de Léoben", доносилъ далѣе отъ 18 Апрѣля Разумовскій, „parviennent à se consolider, un nouveau système de balance politique plus simple et plus imposant devra s'établir en Europe, et par sa nature même fortifier la prépondérance des deux cours impériales... La manière magnanime et digne dont notre auguste Souverain s'est expliqué dernièrement, vis-à-vis la cour de Berlin, ne laisse aucun doute sur l'intérêt avec lequel S. M. envisagera le maintien de l'intégrité de l'empire Germanique, dont la garantie est acquise à sa couronne par le traité de Teshen et qui deviendra le gage éternel de la reconnaissance et de la vénération de tout le corps Germanique pour son auguste personne".

Такимъ образомъ, посольство князя Репнина становилось безполезнымъ. Разумѣется, впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ извѣстіемъ, что первоначальные переговоры были подписаны безъ вѣдома русскаго посла, было неблагопріятное, какъ для Разумовскаго, такъ и для вѣнскаго кабинета. Однако, Императоръ Павелъ не намѣренъ былъ отказаться отъ роли медіатора. Онъ рѣшился даже сблизиться съ Франціею, ибо полагалъ, что это облегчитъ обязанности посредника между воюющими державами. Русскому посланнику въ Берлинѣ С. А. Колычеву было предписано „дать разумѣть французскому уполномоченному Каліару, что Государь не считаетъ себя въ войнѣ съ Франціею, что онъ намѣренъ жить съ нею мирно и что совѣтуетъ своимъ союзникамъ прекратить войну". Каліаръ очень сочувственно отвѣчалъ Колычеву. О медіаторствѣ не было между ними рѣчи, но черезъ Тугута и графа Дитрихштейна, на время замѣнившаго Кобенцеля въ Петербургѣ, узнали, что Каліаръ допускалъ возможность посредничества со стороны Россіи только въ томъ случаѣ, если она заключитъ отдѣльный миръ съ Франціею и откажется отъ вспомоществованія Австріи. Павлу I показалось, что Колычевъ неловко повелъ дѣло. Онъ былъ отозванъ изъ

Берлина и на его мѣсто отправленъ графъ Н. П. Панинъ. Послѣднему предписано было стараться заключить мирный договоръ съ Франціею. Начались совѣщанія съ Каліаромъ, который даже сообщилъ Панину набросанный имъ проектъ договора. Но обстоятельства вскорѣ измѣнились, а вмѣстѣ съ ними и рѣшенія русскаго Императора. Начатая негоціація ничѣмъ не окончилась [1]).

Дѣлами внѣшней политики Павелъ Петровичъ сталъ дѣятельно заниматься самъ. Канцлеръ князь Безбородко заявилъ всѣмъ посламъ и посланникамъ за-границею, а между ними и Разумовскому, что впредь всѣ донесенія слѣдуетъ прямо писать на Высочайшее имя. 1 Іюня 1797 года графъ Андрей Кириловичъ впервые сообщилъ прямо Государю политическія извѣстія. Онъ извѣщалъ, что представитель Австріи въ Петербургѣ, графъ Лудовикъ Кобенцель, на время отъѣзжаетъ изъ Петербурга и что его мѣсто займетъ графъ Дитрихштейнъ. Кобенцель назначался чрезвычайнымъ уполномоченнымъ въ Леобенъ для переговоровъ о мирѣ. По мнѣнію австрійскаго министерства, маркизъ ди-Галло переступилъ за предѣлъ данныхъ ему полномочій слишкомъ поспѣшнымъ подписаніемъ предварительныхъ статей. Ясно было, что баронъ Тугутъ, такъ секретно и скоро повернувшій дѣло, теперь чего-то выжидалъ и ради этого, вызовомъ Кобенцеля изъ отдаленнаго Петербурга, тормазилъ веденіе переговоровъ. По мнѣнію графа Андрея Кириловича, Бонапартъ слишкомъ превосходилъ и силою воли, и способностями неаполитанскаго дипломата. Онъ его запугивалъ угрозами и заставлялъ во всемъ съ нимъ соглашаться. Мѣсто Кобенцеля занялъ графъ Дитрихштейнъ, большой другъ Разумовскаго и близкій родственникъ его жены. Молодой и блестящій дипломатъ, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, влюбился въ одну изъ красавицъ тамошняго двора. То была дочь извѣстнаго автора épitre à Ninon, графиня Александра Андреевна Шувалова. По матери она была внукою стараго Елизаветинскаго фельдмаршала, графа Петра Семеновича Салтыкова.

Императоръ и весь дворъ заинтересовались этимъ великосвѣтскимъ романомъ. Въ то время уже было предположеніе о возможности брачнаго союза между императорскими дворами и поэтому весьма важно было имѣть тому прецедентъ подъ рукою. Разумовскому высочайше повелѣно было устранить тѣ затрудненія, которыя, со стороны католическаго духовенства и фамильнаго статута семейства Дитрихштейнъ, противились заключенію этого брака. Дѣло уладилось весьма легко, благодаря участію римскаго императора, но за то вѣнскій дворъ уклончиво отвѣчалъ на представленія Павла I въ пользу своего зятя герцога Фридриха Виртембергскаго. Принцъ этотъ, принляв-

[1]) Исторія войны Россіи съ Франціею I. 28, 45, 376.

шій впослѣдствіи титулъ короля, состоялъ нѣкогда на русской службѣ, но былъ удаленъ изъ Россіи, вслѣдствіе скандальныхъ исторій съ первою его женою, рожденною принцессою Брауншвейгскою, которую Екатерина взяла подъ свое покровительство и называла въ письмахъ своихъ къ Гриму Зельмирой. Съ тѣхъ поръ герцогъ Фридрихъ вступилъ на престолъ и теперь требовалъ отъ германскаго императора курфюрстскаго достоинства, да кромѣ того денежнаго вознагражденія за утраченное имъ княжество Монбеліаръ во Франціи и за тѣ чрезвычайные расходы, которые пали на долю Виртемберга во время послѣдней войны. Вѣнскій кабинетъ, въ разсчеты котораго вовсе не входило усиленіе Германскихъ вассаловъ и кромѣ того негодовавшій на герцога за заключенный имъ отдѣльный миръ съ Франціею, твердо рѣшился не исполнять требованій зазнавшагося принца. Но послѣдній просилъ о заступничествѣ у могучаго своего зятя, а огорчать прямымъ отказомъ русскаго Императора, на помощь котораго все еще разсчитывали въ Вѣнѣ, не рѣшались. Отдѣлываться уклончивыми отвѣтами было Тугуту обычно, и Разумовскому приходилось, среди жгучихъ вопросовъ дня, строчить длинныя депеши въ Петербургъ, относительно требованій герцога, въ успѣхъ которыхъ онъ не вѣрилъ и которымъ вдобавокъ вовсе не сочувствовалъ [1]).

А между тѣмъ, вся Европа жаждала мира. Вслѣдъ за Австріею, вошло въ переговоры съ Франціею и англійское правительство. Первыя попытки къ соглашенію, начатыя въ 1796 году, оказались неудачными, и уполномоченный британскаго кабинета, лордъ Мальмсбюри, принужденъ былъ выѣхать изъ Парижа въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же года. Неудачу свою англійскій посланникъ приписывалъ внезапной кончинѣ Екатерины, извѣстіе о которой придало неожиданную смѣлость республиканскому правительству [2]).

Теперь начаты были новые переговоры въ Лиллѣ и тому же Мальмсбюри поручена была трудная задача соглашенія. Британское правительство не желало въ дѣлѣ этомъ идти наперекоръ Австріи и не прочь было даже довѣрить посредничество въ примиреніи русскому Императору. Но Тугутъ недовѣрчиво отнесся къ предложенію лондонскаго кабинета. Ему казалось, что подъ предложеніями таится какая-нибудь интрига, и онъ предполагалъ, что Австріи въ данную минуту выгоднѣе не связывать себя новыми обязательствами. Подозрительный министръ тѣмъ менѣе довѣрялъ присланному въ Вѣну англійскому статсъ-секретарю Гаммонду, что графъ Штаренбергъ изъ

[1]) Депеши къ Безбородкѣ отъ 18 Апрѣля, донесеніе къ Императору отъ 25 Ноября и другія.

[2]) Diaries and correspondance of James Harris, first Earl of Malmesbury, III. 365.

Лондона увѣдомлялъ о готовности Англіи всѣмъ жертвовать ради мира [1]).

Гаммонду на всѣ предложенія его, касательно соглашенія, давались одни уклончивые отвѣты. И онъ и сэръ Мортонъ Иденъ громко жаловались въ недоброжелательныхъ министерству вѣнскихъ гостиныхъ, упрекая Тугута въ недобросовѣстности. Разумовскому приходилось мирить англійскихъ дипломатовъ съ министромъ; но первые плохо поддавались доводамъ русскаго посла, горячо защищавшаго Тугута. „Одно время", писалъ графъ Андрей по этому случаю къ Безбородкѣ, „можетъ искоренить предвзятыя мысли англичанъ противъ здѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ". Дѣло дошло почти до разрыва. Недовольный Гаммондъ, не добившись отвѣта отъ Тугута, уѣхалъ изъ Вѣны. „La cour de Vienne", доносилъ отъ 8 Іюня Государю Разумовскій, „se sent complètement déliée par là de l'Angleterre. Elle s'empressera de terminer la guerre, si elle peut s'assurer contre la mauvaise foi de son adversaire. On souhaiterait obtenir au moins quelques places de sûreté dans la Lombardie Vénitienne avant de rien conclure... On prévoit que l'intégrité de l'empire Germanique ne pourra se maintenir, et on voudrait s'entendre d'avance avec les puissances les plus intérêssées à l'équilibre politique de l'Allemagne, afin d'en régler le sort sous les auspices équitables de V. M. I.

Вопросъ былъ, съ кѣмъ сговориться? Противъ Пруссіи накипѣло не мало злобы, Англіи не довѣряли, а между тѣмъ, только-что приприбывшій изъ Петербурга графъ Кобенцель дѣятельно продолжалъ то въ Удине, то въ Пассеріано, гдѣ находилась главная квартира Бонапарта, начатые въ Леобенѣ переговоры. Вполнѣ обманутый Тугутомъ, Разумовскій въ донесеніяхъ своихъ о переговорахъ этихъ упоминалъ какъ о горькой насмѣшкѣ (une véritable dérision [2]). Отъ него скрывали весь ходъ негоціацій. „Je me suis appliqué", доносилъ онъ, довольно наивно, Государю отъ 15 Іюня, „pour donner à V. M. I. quelques notions propres à fixer son opinion sur les affaires de cette cour, à suivre avec attention le fil des évènements, à rechercher ceux qui pouvaient conduire à un dénouement, et à diriger d'après ce but mes entretiens avec le ministère. Mais l'obscurité de ces derniers, l'incertitude des autres m'ont laissé dans les ténèbres et tiennent en suspens la destinée d'une grande partie de l'Europe". „Je n'ai pas été à même", доносилъ онъ далѣе отъ 19 Августа не безъ нѣкоторой презрительной ироніи, „de connaitre les détails des conférences. Je n'étais pas en droit, je pense, d'insister sur leur communication, lorsque

[1]) Донесеніе Разумовскаго отъ 8 Іюня.

[2]) Донесеніе Государю отъ 22 Іюня.

j'apperçus que ce n'était point l'intention du ministère de s'y livrer. J'ajouterai que sa reserve ne m'a point paru blâmable à l'égard des affaires qu'on pourrait à juste titre qualifier de commérages entre un ambassadeur Napolitain et un général aventurier Corse, plustôt que de discussions entre deux hommes d'état".

Въ то время, когда шли переговоры въ Удине, въ Парижѣ готовилось одно изъ послѣднихъ дѣйствій революціонной драмы. Тугутъ уже давно, съ лихорадочнымъ вниманіемъ, слѣдилъ за извѣстіями, приходившими изъ Франціи и оттуда, главнымъ образомъ, ожидалъ помощи. Онъ разсчитывалъ на сильную реакцію, которая какъ deus ex machina могла внезапно измѣнить политическое положеніе Европы. Вотъ отчего онъ тормазилъ дѣло переговоровъ. Слабость директоріи возбуждала среди французовъ всеобщій ропотъ. Новые выборы выдвинули въ ряды народныхъ представителей множество роялистовъ; враги якобинской партіи съ каждымъ днемъ усиливались. Побитая 13 Вандиміера реакціонная партія снова поднимала голову. Въ Парижѣ открыто говорили о неминуемой перемѣнѣ внутренняго строя, и голоса въ пользу возстановленія монархическаго правленія становились все слышнѣе. Несомнѣнно, что готовился важный переворотъ, которому въ Вѣнѣ уже заранѣе радовались въ полной надеждѣ, что внутренніе раздоры во Франціи разрубятъ гордіевъ узелъ политическихъ усложненій и даруютъ Австріи давно желаемый миръ. Австрійскимъ уполномоченнымъ предписано было тянуть дѣло. Кобенцелемъ Тугутъ былъ очень доволенъ и при свиданіяхъ съ Разумовскимъ, говоря въ общихъ словахъ о ходѣ дѣла, неоднократно заявлялъ о надеждѣ на благой исходъ переговоровъ въ Удине. Но при этомъ ни въ какія подробности не входилъ и только горько жаловался на Пруссію, роль которой, въ описываемое нами время, была болѣе чѣмъ двусмысленна [1]). „C'est en Italie particulièrement", доносилъ отъ 15 Іюля Государю Разумовскій, „qu'il faut s'attendre à voir éclater la scission présumée, déjà par la conduite arrogante et arbitraire de Buonaparte. Les réponses qu'il fera sur les protestations de cette cour, serviront de boussole pour s'orienter dans l'avenir. S'il désiste de sa domination à l'égard des contrées cédées à Leoben, s'il les évacue au moins en partie, alors on se prêtera au premières bases d'une paix séparée, sauf à en discuter les stipulations afin de consolider, le mieux possible, les nouvelles acquisitions et la balance politique de cette partie de l'Europe. Si Buonaparte continue à s'obstiner dans ses refus et à s'écarter des préliminaires, on poursuivra les préparatifs de guerre, en se dirigeant d'après l'état interieur des affaires en France. On attendra le moment propice pour devoir au

[1]) Шифрованное донесеніе отъ 26 Сентября.

succès des armes ce qu'on n'aura pu obtenir par la négociation... En toute supposition il sera essentiel de terminer la négociation qui concerne l'empire germanique; il semble qu'à cet égard un congrès est inévitable. C'est alors principalement, à l'intervention équitable et impartiale de V. M. I., qu'on se verrait dans le cas d'en appeler en qualité de garant par le traité de Teshen de la paix de Westphalie, médiation que la France ne peut récuser et qui, autorisée par le fait, n'a pas même besoin d'être réquise autrement que de la part de l'empire et de son chef".

Таковы были оффиціальныя надежды на будущее австрійскаго двора. Разумѣется о томъ, на что въ тайнѣ разсчитывали, русскому послу не сообщали. Однако вскорѣ оказалось, что слабое французское правительство, паденіе котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалось въ Вѣнѣ, вовсе не намѣрено было допускать вмѣшательства Россіи въ европейскія дѣла. Несмотря на дружескіе переговоры республиканца Каліара съ графомъ Н. П. Панинымъ, французская директорія рѣшительно отклонила предложенное Павломъ I посредничество, хотя, въ то же время, выражала свою благодарность за миролюбивое настроеніе С.-Петербургскаго двора. По мнѣнію членовъ директоріи, русскій Императоръ, въ силу Тешенскаго мирнаго трактата, могъ быть заинтересованъ только относительно судьбы Баваріи, о которой въ настоящихъ переговорахъ даже не упоминалось.

Извѣстіе о рѣшеніи директоріи дошло до Вѣны, и Разумовскій поспѣшилъ о томъ увѣдомить Государя, намекая, что, по его мнѣнію, отвѣтъ парижскаго правительства подсказанъ Пруссіею, всегда готовою интригами своими отклонить всемогущее посредничество Россіи, которое одно могло еще поддержать цѣлость Германіи. Берлинскій дворъ, коль скоро Россія останется въ сторонѣ, несомнѣнно получитъ перевѣсъ надъ Австріею, и отъ него будетъ уже зависѣть участь бо̀льшей половины Европы [1]).

Сообщеніе это сильно подѣйствовало на Павла Петровича. Графу Панину поручено было передать королю прусскому собственноручное письмо Императора, въ которомъ упоминалось о слухахъ, ходившихъ по Европѣ, относительно стараній берлинскаго двора воспрепятствовать заключенію мира между Австріею и Франціею и о замыслахъ его на цѣлость германской имперіи. Письмо было написано въ довольно рѣзкомъ тонѣ. Кромѣ того, Панину приказано было дать почувствовать прусскимъ министрамъ *непріятный видъ*, въ которомъ представляются русскому Императору ихъ дѣйствія, и пріостановить „совершеніе съ французскимъ правленіемъ договора, покуда Е. И. В. не уви-

[1]) Шифрованное донесеніе Разумовскаго отъ 1 Августа.

дитъ ясно, къ какому концу сихъ воюющихъ державъ переговоры наклоненіе возьмутъ". Панинъ долженъ былъ при этомъ объявить Каліару, что если миръ съ вѣнскимъ дворомъ не состоится и Пруссія будетъ помогать Франціи, русскій Императоръ выставитъ войска свои для защиты Австріи.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этихъ предписаній, Панинъ получилъ приказаніе прервать окончательно переговоры съ французскимъ дипломатомъ [1]). Въ Вѣнѣ съ благодарностію приняли сообщеніе о мѣропріятіяхъ императора Павла; похваламъ русскому Монарху и его министру въ Берлинѣ не было конца. Извѣстіе это пришло, однако, нѣсколько поздно и не могло уже повліять на ходъ переговоровъ [2]). „Les plénipotentiaires Autrichiens", доносилъ отъ 19 Августа Разумовскій, „leurrés par le manége de Buonaparte, éconduits par sa fourberie et sa mauvaise foi, ont consumé en pourparlers inutiles les conférences destinées à s'entendre et s'arranger... M. de Gallo, convaincu de sa bonne foi, a cherché à persuader ici son empressement de conclure séparément avec la cour de Vienne, pour les affaires d'Italie. Sans doute on se serait prêté à un tel arrangement, renvoyant à un congrès celui qui concernait l'empire, mais jamais cela ne fût l'intention de Buonaparte. Ce brigand téméraire, autant que fortuné, transporté par son ambition et sa cupidité, jaloux de maintenir son autorité en Italie et son influence sur le directoire, sentant qu'il ne peut les conserver, qu'en reculant le terme de la pacification, en rallumant, s'il le faut, le feu de la guerre, est devenu l'âme de son parti dans l'intérieur. Le développement de sa politique semble être accéléré par la lutte qui divise le gouvernement en France. Pour entraver d'avantage la négociation, il vient de déclarer que le directoire n'étendrait pas au delà de la rive gauche du Rhin le principe de l'intégrité de l'empire, stipulé à Léoben, que la fixation des limites de la France jusqu'à ce fleuve, était d'autant plus irrévocable, qu'elle était convenue avec la cour de Berlin, et que la paix avec l'empereur ne pourrait être conclue qu'en y comprenant cet article. Voilà donc, une des bases les plus fondamentales, les plus essentielles, les plus relatives à la tranquillité de l'Europe entière, détruite. V. M. I. jugera les conséquences incalculables qui doivent en résulter, celles qui ont rapport particulièrement aux vues d'ambition et d'agrandissement du cabinet prussien. Jaloux des acquisitions de l'Autriche en Italie, telles qu'elles furent stipulées préliminairement, il a fomenté en France les obstacles, afin que l'empereur, forcé de chercher quelques dédomagements en empire, facilite par là l'exécution des envahis-

[1]) Исторія войны Россіи съ Франціею I. 44—45, 375 и 377.

[2]) Донесеніе Разумовскаго отъ 8 Октября.

sements, que médite profondément la politique prussienne. Telle est la conjoncture actuelle des affaires; l'aspect important et grave qu'elle présente dans l'avenir a déterminé le cabinet de Vienne à en soumettre le tableau à V. M. I., à solliciter son conseil et son appui envers un allié dont elle apprécie la situation, dont elle partage les intérêts. Elle daignera déterminer dans sa sagesse les mesures qu'elle jugera convenable à opposer aux calamités nouvelles qui menacent le repos des souverains et de l'humanité. La cour de Vienne restera fidèllement attachée aux principes de l'intégrité de l'empire. Elle en renouvellera l'engagement sous les auspices et l'égide sacrés de votre puissance et de votre équité. Elles seules metteront un frein à l'ambition d'un cabinet qui porte ses vues d'agrandissement sur le démembrement et la désorganisation de l'empire. Sans elles, le chef de l'empire, le souverain de l'Autriche, ne pouvant opposer aucune résistance au bouleversement qui menace l'Allemagne, sera contraint de souscrire malgré lui à sa nouvelle destinée, et participer au funeste partage qui en résultera".

Между тѣмъ, долго ожидаемый переворотъ въ Парижѣ, наконецъ, совершился 18 Фруктидора. Надежды вѣнскаго кабинета оказались, какъ и всегда, однѣми мечтами, хотя, впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ не одни австрійскіе министры ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Противъ всякаго ожиданія, движеніемъ руководили не консерваторы, составлявшіе большинство въ совѣтахъ старѣйшинъ и пятисотъ, а двадцати-девяти-лѣтній генералъ, диктовавшій изъ Пассеріано суровыя условія мира ослабленной Австріи. Бонапартъ объявилъ себя защитникомъ жалкихъ остатковъ якобинской партіи. По его приказанію, генералъ Ожеро́ стянулъ къ Парижу войска и заарестовалъ консервативное большинство, вмѣстѣ съ его президентомъ Пишгрю. Главные дѣятели враждебной директоріи партіи, безъ суда и слѣдствія, были приговорены къ ссылкѣ и отправлены въ отдаленную Гвіану. Возстановленіе старыхъ порядковъ вовсе не согласовалось съ разсчетами и замыслами Бонапарта. Ему сподручно было поддерживать дряблыхъ якобинцевъ, входившихъ въ составъ директоріи; онъ могъ орудовать ими, какъ хотѣлъ, и подъ знаменемъ свободы дать почувствовать внутри Франціи ту зарождавшуюся силу, передъ которой начинала смущаться Европа. Бороться съ этою силою было некому. На долю Франціи, послѣ революціи, осталась одна только жалкая посредственность. Вообще во всей Европѣ, подъ конецъ XVIII вѣка, оказался полный недостатокъ въ крупныхъ, энергичныхъ личностяхъ. Послѣ дѣятелей, каковы были Екатерина Великая, Фридрихъ II и даже отчасти Марія-Терезія, такъ долго наполнявшихъ свѣтъ своею славою, родъ человѣческій внезапно и повсемѣстно измельчалъ и осунулся. За великими монархами послѣ-

довали съ житейскаго поприща ихъ сотрудники, на которыхъ ярко отражался отблескъ ихъ величія. Кауница смѣнилъ Тугутъ, Екатерининскихъ орловъ—жалкіе Кутайсовы и Аракчеевы. Во Франціи измельчаніе это началось еще ранѣе. Со временъ напыщеннаго величія Лудовика XIV перестаютъ уже являться крупныя личности, которыми нѣкогда столь богата была Франція.

Съ каждымъ годомъ чувствовался болѣе и болѣе недостатокъ въ цѣльныхъ, сильныхъ характерахъ, высоко выдававшихся надъ общимъ людскимъ уровнемъ. Старая Франція видимо ослабѣвала и быстро дошла до той полной несостоятельности, среди которой застала ее революція. Отсутствіе благихъ и высокихъ примѣровъ, твердой и разумной воли, дало полное раздолье всеобщей разнузданности. Забыты были старые идеалы, пошлая шутка ругалась надъ всѣмъ, что̀ было свято. Безъ вѣры, безъ убѣжденій, безъ внутренняго самопознанія доживало вѣкъ свой жалкое общество, когда почти внезапно стали ощущаться среди его первыя сотрясенія внутренней смуты. Сила ничтожныхъ новаторовъ состояла въ томъ, что не отъ кого было ожидать отпора. Пресыщенная и выродившаяся аристократія, погрязшая въ роскоши и развратѣ, искала въ новомъ строѣ идей неизвѣстныхъ еще ей ощущеній. Новыя идеи эти обѣщали, какъ казалось, Франціи новое бытіе; но въ рукахъ самонадѣянныхъ и пустыхъ мечтателей, огульно отвергавшихъ все прошлое, онѣ утратили все свое величіе, всю свою человѣчность. Тупой и кровавый деспотизмъ выступилъ впередъ подъ знаменемъ свободы. Безумная вакханалія охватила всю Францію. Цѣлая пропасть легла между воплями опьяненной виномъ и кровью черни, и гуманными умозаключеніями утонченныхъ и изысканныхъ энциклопедистовъ. Наконецъ, когда буря стала утихать, окровавленное, измученное, обезумѣвшее общество увидало по всѣмъ отраслямъ государственнаго строя еще худшую, чѣмъ прежде, несостоятельность. Настоящее положеніе было несравненно плачевнѣе того, изъ котораго парижская чернь извлекла дремавшую Францію. Нравственный уровень палъ еще ниже. Среди этой жалкой дѣйствительности внезапно, какъ-бы отъ удара волшебнаго жезла, возстала гигантская личность Бонапарта во всеоружіи геніальности. Понятно, что передъ нею все должно было пасть. Передъ нею смирилась Франція, передъ нею же дрожала теперь утомленная и истощенная Австрія.

Положеніе Габсбургской монархіи было поистинѣ плачевное. Войска упали духомъ и утратили всякое довѣріе къ своимъ начальникамъ; финансы были истощены; среди высшихъ сферъ администраціи шла рознь и интрига; императоръ не зналъ, на что рѣшиться. Послѣ переворота, произведеннаго въ Парижѣ ловкимъ Ожеро̀, исчезла послѣдняя надежда на выгодный миръ; Бонапартъ не соглашался ни на какія

уступки. Грустно сидѣлъ въ кабинетѣ своемъ Тугутъ, по прежнему скрывая отъ Разумовскаго тайну переговоровъ въ Удине. Разговоры министра съ посломъ ограничивались общими мѣстами, причемъ Тугутъ не разъ соглашался съ тѣмъ, что самый соотвѣтственный достоинству императора способъ къ достиженію мира, было продолженіе войны. Объ этомъ, однако, въ министерствѣ никто серьёзно не думалъ, и вся надежда, хотя и весьма шаткая, полагалась теперь на искусство и умѣніе уполномоченныхъ. Тугутъ уже отказался отъ мечты о прочномъ мирѣ; виды его въ настоящую минуту ограничивались надеждою на перемиріе, которое дозволило бы Австріи вздохнуть свободнѣе и собраться съ силами для новой, болѣе упорной борьбы [1]). Наконецъ, 8-го Октября сообщено было Разумовскому, что миръ подписанъ. Тугутъ былъ сумрачнѣе обыкновеннаго. Ему было и совѣстно передъ посломъ, и стыдно за Австрію. За то въ Вѣнѣ радость была всеобщая [2]). Впрочемъ, графъ Андрей не обидѣлся этимъ страннымъ, по малой мѣрѣ, поведеніемъ барона. Онъ по прежнему продолжалъ, почасту его навѣщать, а Тугутъ, видя добродушіе посла, не счелъ нужнымъ сообщить ему подробностей мирныхъ условій.

Только разъ, и то мелькомъ, указалъ онъ Разумовскому на картѣ новыя границы Австріи. Вслѣдствіе этого, въ депешахъ своихъ о Кампоформійскомъ мирѣ, который, однако, составлялъ самое крупное событіе дня, посолъ почти не упоминалъ и писалъ, что стороною слышалъ, будто австрійское правительство, для заключенія его, воспользовалось разрывомъ переговоровъ между Франціею и Англіею и что условія мира не согласовались съ предварительными статьями, подписанными въ Леобенѣ. Неприкосновенность имперіи вовсе не принята была въ соображеніе, и о всѣхъ дѣлахъ, до Германіи касающихся, предполагалось вести дальнѣйшіе переговоры на конгрессѣ, который рѣшено было созвать въ Раштадтѣ и на которомъ для Россіи не было мѣста.

„M-r de Thugut“, доносилъ отъ 21 Октября Разумовскій, „croit que le congrès qui doit se rassembler à Rastadt présentera dans l'avenir une complication d'intérêts, qui ne manquera pas d'offrir des prétextes plausibles à revenir, à l'égard des Français, sur des explications qui pourront affermir le repos de l'Europe et la sûreté des gouvernements. C'est sous ce rapport que la cour de Vienne soumet implicitement à la sagesse de V. M. I. de déterminer, ce qu'elle jugera le plus convenable au bien-être de son intime alliée, et à la tranquillité de toutes les puissances. Elle souscrit d'avance à la résolution que prendra

[1]) Донесеніе отъ 8 Октября.

[2]) Донесеніе отъ 11 Октября.

V. M. I., et elle sera plus à même d'y coopérer, lorsque par l'exécution du traité qu'elle vient de conclure, elle se verra en possession de la partie de l'Italie qui lui tombe en partage".

Въ Петербургѣ были, какъ поведеніемъ австрійскаго министерства, такъ и долготерпѣніемъ русскаго посла, крайне недовольны. Понятно, что обидчивому Павлу I должно было показаться, по малой мѣрѣ, страннымъ, что вѣнскій дворъ, такъ часто и такъ униженно молившій его о помощи и посредничествѣ и къ тому же постоянно указывавшій на право Россіи, какъ участницы въ Тешенскомъ конгрессѣ, вступаться за цѣлость Германіи, теперь заключалъ миръ не удостоивая его даже сообщеніемъ о томъ въ чемъ миръ этотъ состоялъ. Наивная почти алчность вѣнскаго двора къ новымъ пріобрѣтеніямъ въ Италіи, ради утоленія которой онъ принималъ унизительныя условія Кампоформійскаго договора, и недовѣріе къ Россіи, на которую продолжали, тѣмъ не менѣе, разсчитывать для будущаго, разсердили Государя и его совѣтниковъ. Находившійся въ то время въ большой милости у Императора князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ конфиденціальномъ письмѣ отъ 6 Ноября къ своему родственнику, графу Н. П. Панину въ Берлинъ, такъ говорилъ о недовольствѣ с.-петербургскаго кабинета: „Графъ Разумовскій увѣдомилъ насъ по нарочной эстафетѣ только о подписаніи мирнаго трактата между вѣнскимъ дворомъ и французами, не упоминая объ условіяхъ, и якобы онъ никакого свѣдѣнія о томъ не имѣетъ, и что баронъ Тугутъ отозвался ему, что черезъ два дня отправитъ сюда курьера съ подробными по сему дѣлу изъясненіями. Но до сихъ поръ сей курьеръ не прибылъ, и графъ Разумовскій ничего о семъ не доноситъ. Таковое непростительное и ко многимъ для него невыгоднымъ заключеніямъ поводъ подающее, молчаніе его весьма удивительно показалось, и Государь Императоръ повелѣлъ изъявить ему за то свое неудовольствіе".

..."Графъ Разумовскій", снова писалъ Куракинъ тому же Панину нѣсколькими днями позднѣе, отъ 14 Ноября, „оказалъ себя въ семъ случаѣ непостояннымъ и совершенно предосудительнымъ образомъ. По краткому будто сообщенію барона Тугута о семъ мирѣ, не входя ни въ какія подробности, прислалъ онъ съ симъ извѣстіемъ эстафету и чрезъ два дня предвѣстилъ онъ присылку вѣнскаго курьера съ отправленіемъ всѣхъ мирныхъ постановленій. Но къ крайнему удивленію и безпокойству нашему, двѣ недѣли прошли въ совершенномъ молчаніи отъ него и отъ барона Тугута, и сіе заслужило сему послу изъявленіе неудовольствія отъ Е. И. В. [1]". Странно, что въ депешахъ графа Андрея Кириловича, котораго обыкновенно

[1]) Русская Старина. Т. VIII. 354 и 357.

весьма сильно разстроивало малѣйшее неудовольствіе изъ Петербурга, мы не находимъ даже намека на полученный имъ выговоръ. Однако, слухъ о томъ, что Разумовскимъ были недовольны, распространился по Европѣ, и въ Берлинѣ поговаривали, что графъ Андрей будетъ отозванъ изъ Вѣны. Честолюбивый графъ Панинъ сталъ добиваться его мѣста; но слухи оказались преувеличенными, и гнѣвъ царскій на этотъ разъ продолжался не долго. 15 Января 1798 года князь Куракинъ снова писалъ къ Панину: „Въ Вѣну ваканціи нѣтъ и не будетъ. Тамъ всегда останется Разумовскій, потому что здѣсь его не хотятъ, и всѣ слухи о томъ, дошедшіе до васъ, ложны [1]“. Куракинъ, однако, какъ мы скоро увидимъ, ошибался.

ГЛАВА XIII.

Временное удаленіе Тугута. — Новая коалиція. — Посольство князя Репнина. — Походъ генерала Розенберга.

Послѣдствіемъ Кампоформійскаго мира было временное удаленіе Тугута отъ дѣлъ. „Le baron de Thugut“, доносилъ отъ 28 Января 1798 г., графъ Андрей Кириловичъ, „est douloureusement pénétré de la désastreuse conjoncture des affaires. L'attribuant aux préliminaires de Léoben et à la paix qui s'en est suivie, à l'égard de laquelle son opinion n'a pas entièrement prévalu, jugeant que ce n'est que par des mesures de vigueur qu'on pourrait faire face aux calamités dont l'Europe est menacée, et ne prévoyant guère que ces mesures soient à espérer dans l'ensemble des circonstances actuelles, il a senti qu'il ne pouvait plus porter la responsabilité de l'avenir, et il l'a représenté à son maître avec la franchise énergique d'un loyal serviteur et d'un homme d'état expérimenté. Je pense que l'empereur apprécie trop la capacité et l'attachement de ce ministre, pour l'éloigner entièrement des affaires. Quoique le baron de Thugut n'ait pas voulu en convenir vis-à-vis de moi, j'ai lieu de croire qu'il conservera quelque influence dans la forme nouvelle que recevera le départament qu'il résigne“.

Эта мнимая отставка, разумѣется, была не болѣе какъ комедіею, которая никого въ Вѣнѣ не обманула. Тугутъ слишкомъ часто и слишкомъ громко изъявлялъ, что рука его никогда не подпишетъ по-

[1]) Тамъ же. X. 77.

стыднаго мира съ Франціею, чтобы хотя для виду не сложить съ себя власти. Онъ покинулъ даже на время Вѣну, передавъ дѣла графу Филиппу Кобенцелю. Тѣмъ не менѣе, императоръ безъ его совѣта ни на что не рѣшался. Къ тому же предстательницею за удалившагося министра явилась теперь Англія, которая, забывъ недавнія пререканія свои съ вѣнскимъ кабинетомъ, искала тѣснаго сближенія съ Австріею въ видахъ составленія новой, болѣе сильной коалиціи противъ Франціи. Переговоры въ Лилѣ окончились ничѣмъ, и войною приходилось добыть долго желаемый миръ. Изъ донесеній сэръ Мортонъ Идена извѣстно было, что сумрачнаго барона, несмотря на только-что состоявшійся миръ, не трудно будетъ снова подбить на войну. Англійскому посланнику поручено было изъ Лондона хлопотать о возвращеніи Тугута. Императоръ Францъ только этого и желалъ, и вскорѣ въ вѣнскомъ министерствѣ все пошло по старому. Разумовскому въ это время пришлось хлопотать о переведеніи въ Россію корпуса принца Конде́, который Австрія, въ силу Кампоформійскаго мира, должна была распустить. Павелъ I, помня роскошное гостепріимство принцевъ Конде́ въ за̀мкѣ Шантильи, во время своего путешествія по Европѣ подъ именемъ графа Сѣвернаго, принялъ теперь принца, всю семью его, а равно и находившуюся при немъ армію эмигрантовъ, на русскую службу. На встрѣчу корпуса высланъ былъ подполковникъ князь Горчаковъ. Все это передвиженіе надѣлало послу не мало хлопотъ, такъ какъ вѣнскій кабинетъ и австрійскіе главнокомандующіе на каждомъ шагу тормазили дѣло.

Въ Раштадтѣ, между тѣмъ, открыты были засѣданія конгресса. Несмотря на это, въ Вѣнѣ только и было разговоровъ, что про войну. Отношенія между Австріею и Пруссіею были самыя натянутыя, но это не мѣшало частымъ сношеніямъ между Берлиномъ и Вѣною. Императоръ Францъ писалъ собственноручныя письма новому королю Фридриху-Вильгельму III. Въ Вѣну явился новый прусскій министръ графъ Келлеръ; съ княземъ Рейсомъ, австрійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, шла самая дѣятельная переписка: много истреблялось перьевъ и бумаги, но отношенія между двумя соперниками отъ этого не измѣнялись. Въ Вѣнѣ не забывали тайныхъ условій Базельскаго мира, а въ Берлинѣ изъ вѣрныхъ источниковъ извѣстно было, что негласныя статьи Кампоформійскаго договора обезпечивали для Австріи въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ прирѣзки изъ германской имперіи. Римскій императоръ предлагалъ только-что вступившему на прусскій престолъ королю Фридриху-Вильгельму III обратиться къ посредничеству Павла I. „L'empereur“, доносилъ Разумовскій отъ 25 Февраля, „propose de réclamer l'intervention de V. M. I., se remettant à son arbitre et dans l'espoir qu'à titre d'ami et d'allié commun des

deux cours, vous daignerez, Sire, vous charger de cette médiation que l'une et l'autre confierait avec sécurité à la sagesse et loyauté de V. M. I.".

Хотя по извѣстіямъ, доходившимъ до русскаго посольства въ Вѣнѣ, прусскіе повѣренные въ Раштадтѣ начинали проникаться убѣжденіемъ о необходимости союза противъ Франціи, и поэтому сближеніе съ Австріею дѣлалось для Пруссіи необходимымъ, однако, въ Берлинѣ предложеніе обратиться за посредничествомъ къ русскому Императору принято было холодно [1]). Неожиданное событіе сильно пошатнуло, въ то время, только-что установившіяся мирныя отношенія между директоріею и вѣнскимъ дворомъ. Посолъ республики Бернадотъ, какъ говорятъ, въ отместку за то, что вѣнская молодежь задумала праздновать годовщину избавленія столицы отъ угрожавшаго ей нападенія французовъ, выкинулъ надъ домомъ своимъ трехцвѣтное знамя съ надписью: „Свобода и равенство". Вѣнская чернь ворвалась въ посольскій домъ, разграбила его и сорвала знамя. Городская полиція довольно слабо защищала при этомъ посла, который написалъ дерзкое письмо императору, требуя немедля паспортъ. „Il est certain", писалъ Разумовскій отъ 4 Апрѣля, донося о случившемся происшествіи, „que ce fougueux missionnaire s'est occupé, depuis qu'il est ici, à se ménager des intelligences et particulièrement parmis la foule de Polonais dispérsés dans cette capitale. Il lui a échappé dans sa fureur de dire qu'il fallait rétablir la Pologne et porter la guerre en Russie... La disposition secrète des cabinets au rétablissement d'une nouvelle coalition a malheureusement transpiré... La guerre est de nécessité absolue... Il n'est pas à douter, que les Français jouent le tout pour le tout. Ou ils succomberont sous le poids des puissances réunies, ou les puissances crouleront par la révolution. Ce dilemme parait être sans réplique. Pour s'en convaincre il ne faut que jeter les yeux sur le passé et sur la marche journalière de cette hydre colossale qui, formée de tous les éléments les plus impurs, souffle sans cesse sur des contrées nouvelles et augmente sa puissance désordonnée, en détruisant partout les principes de la morale, de la religion et de l'ordre social. Ce dilemme, dis-je, ne saurait être contesté que par la mauvaise foi, ou le plus aveugle égoisme, dont les prestiges éblouissants ne se dissiperont que lorsqu'il ne sera plus temps de résister à ses dangers. C'est sous ce dernier point de vue, Sire, que je considère l'Allemagne. Ce centre de l'Europe est prêt de s'abimer faute d'accord, et par conséquent d'énergie entre les principaux membres, dont le mouvement devrait imprimer celui du corps entier. Ils en sentent le besoin, du moins on en est con-

[1]) Донесеніе отъ 31 Марта.

vaincu ici, mais la défiance est trop profonde pour qu'on s'abandonne avec cette franchise, qui devrait caractériser le rapprochement. C'est dans la vue d'y obvier qu'on a réclamé l'intervention de V. M. I. Instruite des plans de l'une et de l'autre cour, qu'elle daigne être non seulement garante de leurs engagements, mais encore l'arbitre de leur fidélité à les remplir, et que celle des deux qui y manquera, perde ses droits à sa bienveillence. Elle est trop précieuse, Sire, pour qu'une semblable insinuation ne devienne le gage le plus assuré du noeud, qui peut encore faire le salut de l'Europe. Elle le devra à V. M. I. et cette gloire est bien digne de sa grande âme".

Донесеніе Разумовскаго пришло, какъ нельзя болѣе кстати. Англійскому правительству, успѣвшему возстановить Тугута въ прежней его силѣ при австрійскомъ дворѣ, удалось черезъ посла лорда Уитуорта (Whitworth) уговорить Павла I принять дѣятельное участіе въ новой коалиціи противъ Франціи. Въ собственноручномъ письмѣ къ римскому императору, Павелъ Петровичъ заявилъ, что принимаетъ съ удовольствіемъ предложеніе о посредничествѣ, не дождавшись даже на то приглашенія отъ короля прусскаго. Мѣстомъ для переговоровъ Императоръ назначилъ Берлинъ и просилъ своего германскаго брата откровенно сообщить ему, въ чемъ будетъ состоять ультиматумъ вѣнскаго двора. Въ заключеніе Государь говорилъ, что, послѣ благополучнаго окончанія споровъ между Пруссіею и Австріею, онъ намѣренъ предложить имъ, а равно Англіи и Даніи, заключеніе оборонительнаго договора для обезпеченія Европы отъ золъ, ей угрожающихъ [1]). Вслѣдствіе письма этого, у Тугута съ Разумовскимъ завелись частыя конференціи касательно положенія политическихъ дѣлъ въ Европѣ. „Comme je n'avais reçu aucune instruction particulière", доносилъ отъ 19 Апрѣля Государю графъ Андрей, „sur la conjoncture présente, c. a. d. sur le recours porté devant V. M. pour réclamer son intervention, je ne me suis pas trouvé en mesure de provoquer aucune explication approfondie de ma part. Je me bornerai donc à présenter ici un apperçu, plustôt qu'une relation détaillée, des objets que j'ai saisis dans mes conversations avec m. de Thugut et surtout dans celle d'hier, lors qu'il me prévint que son expédition aurait lieu aujourd'hui et m'offrit d'en profiter. J'engageai le discours en rappelant la demande contenue dans la lettre de V. M., que cette cour-ci fit part de ses idées et de ses plans, afin de vous mettre à même, Sire, de lui rendre les bons offices qu'elle solliciterait. Le baron de Thugut me répondit que dans la position de l'Autriche vis-à-vis de la cour de Berlin, il ne restait à la cour de Vienne qu'à se remettre à l'arbitre de V. M., comme seul mo-

[1]) Исторія войны Россіи съ Франціею I. 58—59 и 387—388.

yen d'éviter les longueurs et les délais que doit occasionner la distance, et que V. M. ayant choisi Berlin pour centre des negociations, sans doute elle y ferait donner à son ministre les instructions nécessaires. M. de Thugut ajouta, que l'empereur se désisterait de toute acquisition en Allemagne, si le roi de Prusse voulait en faire autant. J'observai que ce dernier venait de perdre ses possessions transrhénanes et qu'il insisterait sur un dédommagement. Le baron répondit, que la Prusse ne perdait que 100,000 sujets, tandis que l'Autriche en perdait des millions en Belgique et en Italie, malgré les compensations acquises dans cette dernière, mais que s'il fallait s'indemniser aux dépens de l'Allemagne, c'est alors qu'on se remettera sans reserve à l'arbitre de V. M. Je répondis, que j'étais assuré qu'on n'aurait jamais à regretter de s'y livrer avec la confiance la plus absolue, mais j'observai qu'il me paraissait convenable de se concerter provisoirement avec la cour de Berlin, sur les évènements qui pourraient éclater de la part des Français, qui n'épargneront aucun moyen d'empêcher un concert. M. de Thugut me dit que l'insinuation avait été faite, mais que la Prusse ne se comprometterait pas, avant d'être assurée des avantages d'agrandissement. Eh bien, repliquai-je, puisqu'il est ainsi, permettez-moi une supposition: si vous prévoyez une nouvelle levée de boucliers, ou, ce qui en est l'équivalent et qui semble n'être point à éviter, une nécessité indispensable de mettre un frein au système révolutionnaire, qui menace l'Europe et auquel vous vous sentez trop faibles pour résister seuls, faites aux Prussiens les avantages qu'ils espèrent de l'ennemi commun, et obligez-les, par-là, à défendre l'Allemagne et à y arrêter la contagion, tandis que vous la détruirez en Italie. C'est l'unique moyen de contenir les Français dans leurs limites et ce moyen, conduit avec énergie, parait ne pouvoir manquer son but.... En dernier résultat, Sire, jamais confiance, unité et coopération n'existeront entre ces deux cours, que sous les auspices de V. M. I. Tel est celui que m'offrent l'expérience des évènements et celle des dispositions respectives des deux cabinets, dont la défiance réciproque écartera toujours l'accord et l'intelligence... Comment mettre des bornes aux volontés des Français, quand il est constaté qu'il n'existe à cet effet qu'un seul et unique moyen—la réunion de tous? Tant que cette masse ne sera pas consolidée, les Français jouiront d'un succès incontestable dans toutes leurs entreprises".

Въ Берлинъ чрезвычайнымъ посломъ отправленъ былъ фельдмаршалъ князь Н. В. Репнинъ, пользовавшійся въ то время отмѣнною милостію Государя. Ему предписано было стараться склонить берлинскій и вѣнскій дворы къ тѣсному союзу, „коего артикулы, чуждые всякаго властолюбія, должны были основываться на правилахъ обороны и

предохраненія противъ зла“ [1]). Такого рода платоническая программа обѣщала, разумѣется, мало успѣха. Продолжительные переговоры Репнина въ Берлинѣ только раздражили Павла Петровича, который готовъ уже былъ объявить войну Пруссіи. Отъ такого крайняго рѣшенія, котораго опасались даже въ Вѣнѣ, успѣли отклонить вспыльчиваго Императора представленія его совѣтниковъ [2]). Недовольный Государь приказалъ Репнину покинуть Берлинъ и ѣхать въ Вѣну. „Господинъ Д. Т. С. графъ Разумовскій“, гласилъ, написанный по случаю отправки Репнина, высочайшій рескриптъ отъ 14 Іюня, „генералъ-фельдмаршалъ князь Репнинъ имѣетъ отъ меня приказаніе, по окончаніи своей коммиссіи въ Берлинѣ, отправиться въ Вѣну и тамъ какъ съ министерствомъ, такъ и съ самимъ Е. В. императоромъ римскимъ изъясниться о мѣрахъ, каковыя благовременно принять нужно на случай, буде бы король прусскій вступитъ въ тѣснѣйшую связь съ настоящимъ во Франціи правленіемъ, во вредъ обоимъ императорскимъ дворамъ. Вслѣдствіе сего, я желаю, чтобы вы нетокмо ему оказывали всякую откровенность, но чтобы къ достиженію таковой же отъ министерства тамошняго способствовали“.

Пріѣздъ Репнина не могъ быть Разумовскому пріятенъ; онъ выражалъ какъ-бы недовѣріе къ послу. Впрочемъ, у фельдмаршала было другое тайное порученіе. Послѣ неудачи въ Берлинѣ, ему собственно въ Вѣнѣ дѣлать было нечего. Онъ туда отправился съ тѣмъ, чтобы сосватать великую княжну Александру Павловну за одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ [3]).

Князь Репнинъ сообщилъ Разумовскому истинную цѣль своего прибытія и разогналъ этимъ черныя мысли, смущавшія нашего дипломата. Чрезвычайному послу сдѣланъ былъ въ Вѣнѣ блестящій пріемъ. Римскій императоръ прибылъ нарочно изъ Бадена въ столицу для его аудіенціи. Его приглашали на обѣды въ Баденъ и Лаксенбургъ, куда до тѣхъ поръ иностранцы никогда не допускались; эрцгерцогъ Іосифъ показывалъ ему Шёнбрунъ [4]); любезностямъ не было конца; о политикѣ говорили немного, но и здѣсь мнѣнія русскаго фельдмаршала стали въ разрѣзъ съ убѣжденіями Тугута. Первый предполагалъ, что для успѣшнаго хода войны необходимо дѣйствовать рѣшительно и предупредить противника быстрымъ нападеніемъ; австрійскій же министръ все свое стараніе прилагалъ къ тому, чтобы вѣнскій дворъ, въ глазахъ Франціи, не оказался первымъ зачинщикомъ [5]).

[1]) Исторія войны между Россіею и Франціею I. 60.

[2]) Архивъ кн. Воронцова XVIII. 163.

[3]) Тамъ же. XVIII. 165.

[4]) Донесеніе Разумовскаго, отъ 24 Августа.

[5]) Донесеніе Разумовскаго отъ 19 Августа.

Тайная цѣль посольства была, однако, достигнута; эрцгерцогъ Іосифъ, палатинъ венгерскій, какъ мы увидимъ дальше, отправился въ Петербургъ для сватовства, а князь Репнинъ отозванъ былъ въ Вильну, гдѣ опасались безпорядковъ со стороны поляковъ, и вскорѣ подпалъ подъ немилость Императора Павла.

„La soit-disante paix“, доносилъ между тѣмъ Разумовскій отъ 24 Іюня, „avec un gouvernement sans principes et sans morale, n'est qu'un moyen plus facile encore, que la guerre, d'effectuer le brigandage et d'étendre la contagion de la scélératesse. Des mesures d'énergie peuvent seules y opposer un frein salutaire. V. M. I. pensera sans doute dans sa sagesse, qu'on ne saurait différer plus longtemps de les déployer. C'est sous ce point de vue que la cour de Vienne sollicitera de sa part la prestation du secours stipulé par les traités. Je pense, Sire, qu'elle joindra à cette sollicitation celle d'un corps d'armée en Pologne, pour le cas où il serait nécessaire d'en imposer à la cour de Berlin“.

Разумовскій уговаривалъ полуобращеннаго. О прежнихъ, дружелюбныхъ къ Франціи чувствахъ не было болѣе помину въ Петербургѣ. Извѣстія, которыя сообщалъ Разумовскій, касательно связей Бернадота съ поляками, перехваченное и доставленное графомъ Панинымъ донесеніе французскаго посланника въ Берлинѣ къ директоріи, въ которомъ говорилось о возстановленіи Польши подъ скипетромъ одного изъ Гогенцоллерновъ, пріемы польскихъ депутацій въ Парижѣ, образованіе тамъ польскихъ легіоновъ, занятіе французами Рима, Турина и Швейцаріи, плѣнъ папы, наконецъ провозглашеніе республикъ въ Италіи, все это возмущало Императора Павла и сильно возбуждало его противъ республики. Разумовскій съ каждымъ днемъ все настойчивѣе молилъ о помощи, объясняя, что цѣлость и миръ Европы зависятъ отъ Россійскаго Императора [1]. Павелъ Петровичъ рѣшилъ, наконецъ, привести Францію въ приличные предѣлы и отнять у нея охоту и способы тревожить другихъ [2]. Съ этою цѣлью онъ повелѣлъ генералу Розенбергу собрать 16,000-й корпусъ въ окрестностяхъ Брестъ-Литовска и выставить армію на границахъ Польши, чтобы удержать Пруссію, въ случаѣ если бы она стала дѣйствовать за-одно съ Франціею. Объ этомъ уже велъ переговоры въ Вѣнѣ князь Репнинъ. Теперь же Разумовскій, почти въ каждомъ донесеніи, писалъ о скорѣйшемъ выступленіи войскъ за границу. По мнѣнію Тугута, даже если переговоры въ Раштадтѣ не были прерваны, появленіе русскихъ войскъ должно было благотворно подѣйствовать на исходъ конгресса. Графъ Андрей Кириловичъ, который не вѣрилъ въ возможность мира, не-

[1]) Донесеніе отъ 6 Іюля.

[2]) Исторія войны между Россіею и Франціею. I. 69.

смотря на подписанный въ Кампоформіо договоръ, былъ, въ описываемое нами время, заваленъ дѣлами. Онъ хлопоталъ о томъ, чтобы австрійскимъ правительствомъ заготовлено было нужное для русскихъ войскъ продовольствіе, торопилъ Государя, представляя, что на походъ до береговъ Рейна потребуется болѣе трехъ мѣсяцевъ и что война можетъ вспыхнуть ранѣе этого срока, и наконецъ всячески старался возстановить доброе согласіе между вѣнскимъ и лондонскимъ кабинетами, на что особенно настаивали изъ Петербурга. Несмотря на поддержку со стороны Англіи, Тугутъ, вообще плохо помнившій добрыя услуги, сталъ теперь вспоминать старыя обиды и сильно возбуждалъ противъ себя британское министерство. Несчастный заемъ, доставленный Австріи сэръ Мортонъ Иденомъ, снова сдѣлался яблокомъ раздора. Оба государства не могли свести старыхъ счетовъ. Изъ Лондона отказывались выдавать дальнѣйшія субсидіи, прежде, чѣмъ старыя обязательства не будутъ оплачены или, по крайней мѣрѣ, признаны. На это никакъ не соглашалась Австрія. Между тѣмъ, въ деньгахъ она болѣе всего нуждалась, а получить ихъ можно было только отъ Англіи. Графъ С. Р. Воронцовъ, которому приказано было, съ своей стороны, дѣйствовать на Англію, встрѣчалъ тамъ, благодаря недобросовѣстности Австріи, сильное сопротивленіе, и горько жаловался въ письмахъ своихъ къ Разумовскому на Тугута и все вѣнское правительство. Въ Петербургѣ находили, однако же, что въ Лондонѣ могли бы быть сговорчивѣе. „Il me semble qu'il est trop de l'intérêt général, que la cour de Vienne soit mise en jeu“, писалъ отъ 3 Декабря Воронцову В. П. Кочубей, бывшій уже въ ту пору вице-канцлеромъ и графомъ, „pour que le ministère britannique ne fasse quelques sacrifices. Je vous abandonne le cabinet autrichien, Thugut, Cobenzl et c-ie; personne n'est plus que moi persuadé de leur duplicité... Mais quand une cour ne veut pas convenir qu'elle n'est pas franche de collier; quand il peut être utile de la gagner: il me semble qu'il faut quelquefois faire semblant de la croire, surtout s'il est question de la gagner. Ce dernier point me parait essentiel, parceque je doute fort que nous fassions quelque chose sans la participation active de la cour de Vienne“ [1]).

Въ Вѣнѣ за доброе предстательство русскаго правительства, передъ англійскими министрами, были очень благодарны [2]). Вмѣстѣ съ этимъ приходилось хлопотать еще о сближеніи съ Пруссіею. Гнѣвъ Павла Петровича на берлинскій кабинетъ уступилъ мѣсто болѣе мягкимъ чувствамъ. Государь былъ теперь недоволенъ нежеланіемъ Австріи протянуть руку соперницѣ, которая, съ своей стороны, выказывала са-

[1]) Архивъ князя Воронцова XVIII, 182.

[2]) Донесеніе Разумовскаго отъ 19 Декабря.

мое примирительное настроеніе. Нарочнымъ курьеромъ предписано было Разумовскому всѣми средствами побуждать Австрію къ болѣе миролюбивому образу дѣйствій, относительно берлинскаго кабинета [1]).

Среди своей лихорадочной дѣятельности, графу Андрею Кириловичу выпало еще на долю попеченіе о переселеніи въ Митаву членовъ бурбонскаго дома. Графиня Прованская, поселившаяся въ Австріи, хотѣла ѣхать къ мужу, который успѣлъ уже воспользоваться гостепріимствомъ русскаго Императора и водворился въ Митавскомъ зàмкѣ. Дочь Лудовика XVI, выданная революціоннымъ правительствомъ въ обмѣнъ за французскихъ военноплѣнныхъ, жила, нѣсколько противъ своей воли, при вѣнскомъ дворѣ. Она давно уже хотѣла свидѣться съ дядею, который предлагалъ ей въ мужья герцога Ангулемскаго, старшаго сына графа д'Артуа, находившагося при дядѣ въ Митавѣ. Разумовскому поручено было, вмѣстѣ съ заботами о путешествіи принцессъ, вести переговоры въ Вѣнѣ объ этомъ бракѣ. Казалось, что послѣднее дѣло было не трудно, но и здѣсь приходилось на каждомъ шагу спорить съ подозрительнымъ и несговорчивымъ Тугутомъ, вѣчно жаловавшимся на французскаго претендента, котораго все еще не соглашался признать королемъ. Первый министръ былъ недоволенъ тѣмъ, что сватовство состоялось помимо императора австрійскаго, двоюроднаго брата и покровителя принцессы, къ тому же его обижало то, что переговоры объ этомъ велъ русскій посолъ тайкомъ отъ вѣнской куріи. Въ самомъ дѣлѣ, для успѣха предпріятія, Лудовику XVIII-му приходилось тайно, черезъ Разумовскаго, сноситься съ племянницею. „Vous pourrez être surpris, monsieur", писалъ онъ собственноручно отъ 19 Іюня изъ Митавы къ графу Андрею Кириловичу, „que ce soit à vous que mon courrier s'adresse, mais dans une circonstance aussi importante pour mon bonheur, vous ne blâmerez pas un excès de précaution. Permettez moi donc de me reposer sur votre complaisance, des soins que j'en attends. Je profite de cette occasion, pour vous assurer que je regarde le choix que l'Empereur votre Souverain a fait de vous, pour une négociation aussi intéressante pour moi, comme une preuve de plus de son amitié et en même temps, comme le garant le plus certain du succès. Je vous prie aussi, monsieur, d'être bien persuadé de ma haute estime et de tous mes autres sentiments pour vous. Louis".

Между тѣмъ на западныхъ окраинахъ Россіи войска готовились къ походу; черноморскій флотъ выступалъ къ Царьграду, для соединенія съ турецкимъ; балтійскій, подъ командою адмирала Крузе, крейсировалъ отъ Ревеля до Любека, а флотилія, подъ начальствомъ вице-ад-

[1]) Архивъ князя Воронцова XVIII. 178—179.

мирала Макарова, соединилась съ англійскими морскими силами въ Нѣмецкомъ морѣ. Военныя демонстраціи были въ полномъ ходу.

„Les déterminations que V. M. I. a daigné prendre dans sa sagesse, pour coopérer à la cause des trônes et de l'humanité contre la France, leur ennemie commune", гласитъ донесеніе графа Андрея Кириловича отъ 18 Сентября, „sont aussi imposantes que magnanimes... Le baron de Thugut me parla avec une admiration profonde du plan vaste et énergique, dont le développement commence à se dérouler aux yeux de l'Europe, tant par l'apparition de votre escadre dans la Méditerranée, que par la déclaration de guerre qui a eu lieu à Constantinople.. L'expédition d'Egypte et la défaite complète de la flotte française, mettent l'empereur François à même d'employer toutes ses forces contre l'ennemi, et de ne plus en laisser sur le Dnièster et en Hongrie. Jamais conjoncture ne pourrait être plus favorable pour l'explosion d'une guerre devenue inévitable... C'est des auspices bienveillants de V. M. I., qu'on attend le signal des premières hostilités. Elles éclateront vraisemblablement lorsque le corps auxiliaire de vos troupes sera en pleine marche en Autriche".

Розенбергу было предписано, по первому требованію вѣнскаго двора или Разумовскаго, не ожидая дальнѣйшихъ повелѣній изъ С.-Петербурга, двинуться въ походъ съ тѣмъ, чтобы, съ минуты выступленія за границу, войска находились на продовольствіи Австріи. Разумовскій уже въ августѣ доносилъ Государю, что со стороны вѣнскаго двора всѣ мѣры къ продовольствію войскъ приняты и что всѣ военные склады переполнены фуражемъ и провіантомъ.

Довѣренный адъютантъ германскаго императора, баронъ Сенъ-Винсенъ (Vincent), отправленъ былъ въ Брестъ, чтобы окончательно согласиться касательно похода и продовольствія. Въ Вѣнѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прихода русскихъ. Графъ Андрей Кириловичъ игралъ, въ описываемое нами время, первую роль въ столицѣ. Отъ русскаго Императора зависѣло спасеніе Австріи, и, разумѣется благодаря этому, представитель Россіи пріобрѣталъ въ глазахъ австрійцевъ особенное значеніе. Впрочемъ, и до этого, графъ Андрей Кириловичъ съумѣлъ составить себѣ среди гордой вѣнской аристократіи совершенно особенное положеніе, о которомъ и думать не смѣли прочіе его сотоварищи дипломаты. Австрійскіе магнаты на него смотрѣли, какъ на своего человѣка, охотно прощая гостепріимному послу его нѣсколько надменный нравъ и горделивыя замашки. Среди общаго ожиданія посолъ былъ внезапно пораженъ письмомъ отъ генерала Розенберга.

„При первыхъ переговорахъ о принятіи войскъ и ихъ продовольствіи", писалъ генералъ отъ 2 Сентября, „повстрѣчались, къ сожа-

лѣнію моему, такія затрудненія, которыя, безъ взаимнаго соглашенія обоихъ дворовъ, превозможены быть не могутъ. По римско-императорскому положенію австрійскій солдатъ имѣетъ 5 крейцеровъ на день, 2 фунта печенаго хлѣба и мясныя деньги при вступленіи изъ наслѣдственныхъ земель въ другія. Русскій солдатъ получаетъ на день печенаго ржанаго хлѣба 3 фунта и гарнецъ съ половиною на мѣсяцъ крупъ. А какъ въ оборонительномъ союзномъ договорѣ въ 8 статьѣ сказано: чтобы раціоны и порціоны производить вспомогательнымъ войскамъ точно по тому положенію, какъ содержитъ свои войска въ походѣ просящая держава, то съ австрійской стороны, держась сего условія, и опредѣленъ порціонъ для россійскаго солдата, состоящій въ двухъ фунтахъ печенаго хлѣба и ничего болѣе, слѣдовательно, и лишается противъ домашняго содержанія одного фунта хлѣба на день и $1 \frac{1}{2}$ гарнца крупъ на мѣсяцъ. Таковою порціею физически солдатъ продовольствоваться не можетъ, а тѣмъ паче понести военные труды въ походѣ. Хотя я и совсѣмъ готовъ къ переходу за Бугъ, но удерживаюсь я отъ сего за вышеписанными причинами, опасаясь подвергнуть войска Е. И. В. очевидному изнуренію. Сколько я ни настаивалъ у г. барона Винсена въ перемѣнѣ порціона, но онъ никакъ на сіе поступить (sic), сказалъ мнѣ, не можетъ. Я покорнѣйше прошу в. с. объяснить все вышеписанное вѣнскому министерству и принять на себя трудъ привести къ окончанію сіе дѣло, къ удовольствію обоихъ императорскихъ дворовъ, въ противномъ же случаѣ найдусь я принужденнымъ писать къ высочайшему двору, ибо дѣло совсѣмъ невозможное—содержать россійскаго солдата такимъ образомъ. А какъ время для меня весьма дорого, то и покорнѣйше прошу в. с. удостоить меня, какъ можно скорѣе, отвѣтомъ, дабы я по тому могъ принять свои мѣры".

О недоразумѣніяхъ касательно продовольствія войска Розенбергъ счелъ нужнымъ довести и до свѣдѣнія Государя. Нервный и пылкій Павелъ Петровичъ немедля предписалъ ему распустить корпусъ и отправить отдѣльныя части на прежнія ихъ квартиры. Извѣстіе это какъ громомъ поразило вѣнскій кабинетъ. „Cette nouvelle", шифромъ доносилъ отъ 6 Октября Разумовскій, „a jeté la cour de Vienne dans une consternation, motivée par la crainte la plus vive qu'il en résultât le plus funeste effet pour la cause commune... On a jugé à propos de garder le plus profond secret a cet égard".

Пошли переговоры, которые, благодаря разстоянію и трудностямъ сообщенія, продолжались шесть недѣль. Наконецъ, найденъ былъ компромиссъ, и русскія войска тронулись. Въ Вѣнѣ радость была всеобщая. Всю вину сложили на барона Сенъ-Венсена, котораго въ двадцать четыре часа выслали изъ столицы.

Вѣнскій дворъ имѣлъ какой-то особенный даръ раздражать Императора Павла. Несмотря на безпрестанныя депеши изъ С.-Петербурга и на ежедневныя почти представленія Разумовскаго, отношенія Австріи къ Пруссіи не только не улучшались, но даже приняли болѣе острый характеръ. Разумовскій, видя, что слова его не дѣйствуютъ, пересталъ напоминать о дѣлѣ этомъ австрійскому министру, который рѣшилъ вовсе отбросить мысль о концертѣ съ Пруссіею, и предписалъ посланнику въ Берлинѣ, князю Рейсу прекратить всякія по этому поводу дипломатическія попытки. Тугутъ доказывалъ русскому послу невозможность единенія Австріи съ Пруссіею и, наконецъ, уговорилъ его написать графу Панину въ Берлинъ, совѣтуя отказаться отъ неблагодарнаго дѣла, на успѣхъ котораго уже разсчитывать невозможно. „J'ose éspérer“, писалъ отъ 12 Октября Разумовскій, донося о странномъ своемъ поступкѣ, „que V. M. I. ne désapprouvera point ma condescendance... Je ne crois pas devoir passer sous silence la peine que ma témoigné le ministère d'ici, de ce qu'il lui était revenu, qu'on le soupçonnait de traiter avec les Français... surtout d'avoir quelque renseignement que cette notion erronnée a pénétré jusqu'à Pétersbourg. M. de Thugut n'a pas eu de difficulté à me convaincre du dénûment absolu de fondement dans cette supposition, qu'il soupçonne venir de Berlin“.

Въ Петербургѣ депеша графа Андрея Кириловича произвела неблагопріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что туда уже дошли слухи о переговорахъ между Австріею и Франціею, о которыхъ заговорили разомъ всѣ газеты. Былъ даже названъ нѣкій Бото́, прибывшій будто въ Вѣну съ тайными порученіями отъ республиканскаго правительства. Впрочемъ самъ Тугутъ признался Разумовскому о сношеніяхъ князя Рейса съ французскимъ посланникомъ Сіэсомъ, на предложенія котораго, по увѣренію барона, данъ былъ изъ Вѣны уклончивый отвѣтъ [1]).

Всѣмъ этимъ с.-петербургскій кабинетъ имѣлъ полное право возмущаться. Однако, совѣтники Павла Петровича, которымъ не мало труда стоило укротить гнѣвъ Государя, по поводу преній о продовольствіи русскаго вспомогательнаго корпуса, всячески старались избѣгнуть новыхъ столкновеній съ Вѣною, сознавая необходимость въ данную минуту союза съ Австріею. Государь, кромѣ того, былъ недоволенъ Разумовскимъ по поводу какого-то письма отъ Костюшки, которое графъ Андрей взялся доставить на Высочайшее имя. За этотъ необдуманный шагъ посолъ удостоился разомъ двухъ грозныхъ рескриптовъ. „Господинъ Д. Т. С. графъ Разумовскій“, гласилъ одинъ, писанный княземъ Безбородко и подписанный Государемъ въ Петер-

[1]) Донесенія отъ 12 и 31 Октября.

бургѣ 8 Декабря 1797, „получа съ удивленіемъ черезъ васъ пакетъ отъ Костюшки, съ неудовольствіемъ къ вамъ оный отсылаю, предписывая, какимъ вы хотите способомъ, возвратить ему письмо его, давъ знать, что я отъ измѣнниковъ ничего не принимаю“. Въ другомъ рескриптѣ предписывалось: „на случай, если извѣстный Костюшко пойманъ будетъ на границахъ австрійской монархіи, или тамъ гдѣ войска союзника нашего императора римскаго будутъ оставаться, мы поручаемъ вамъ требовать у австрійскаго министерства, чтобы онъ выданъ былъ для препровожденія въ границы наши, какъ нарушитель присяги учиненной имъ на вѣрное намъ подданство“. Во избѣжаніе непріятностей съ вѣнскимъ дворомъ, князь Безбородко и племянникъ его графъ В. П. Кочубей, пользовавшійся въ то время скоропреходящею высочайшею милостью, успѣли, вѣроятно, отклонить отъ Разумовскаго послѣдствія царскаго гнѣва. „Quant à la cour de Vienne“, писалъ къ Воронцову Кочубей, „le comte Rasoumovky, tout en insistant qu'elle se prononce pour la guerre, doit lui demander une réponse claire et précise sur le parti qu'elle va prendre, afin que nous sachions à notre tour à quoi nous en tenir. J'ai eu ordre de faire la même insinuation au comte de Cobenzl et je me suis acquitté de cette commission dans une conférence que j'ai eue ce matin avec lui. Il n'a pas trop gouté mon langage; mais en conscience il fallait en venir à quelque chose avec ce cabinet, qui, selon ma façon de voir personnelle, nous joue souvent d'une manière ridicule... Il ne faut pas que j'oublie de vous dire ici que j'ai remarqué au comte de Rasoumovsky, de l'agrément du chancelier, et dans une lettre particulière que sa conduite sentait trop la partialité pour la cour de Vienne. Nous n'avons, en un mot, rien omis pour arriver à notre but“ [1]). „Vous pouvez juger d'après quelques données, que je vous ai transmises par le courrier Napolitain“, писалъ отъ 22 Декабря Разумовскому тотъ же Кочубей, „combien il peut-être de votre intérêt que l'on ne traine pas avec la réponse, et je ne saurais assez vous prier de donner toute votre attention à cet objet et de nous instruire au plustôt des déterminations du cabinet Autrichien. Les choses en sont venues à un point, qu'il faut absolument que l'on sache, si l'on doit se tenir serré avec la cour de Vienne, ou s'il convient, pour les intérêts communs et pour les notres, d'entrer en concert avec d'autres mesures. Pesez bien tout ceci et faites le sentir au baron de Thugut. Il me semble qu'il ne saurait ne pas sentir les inconvénients majeurs pour sa cour, de perdre nos excellentes dispositions pour elle... On n'a pas vu ici avec plaisir“, писалъ онъ далѣе отъ 2 Ноября, „que la cour de Vienne montre aujour-

[1]) Архивъ князя Воронцова XVIII, 190—191.

d'hui un aussi grand éloignement à s'entendre avec la cour de Berlin, tandis que c'était elle qui nous a provoquée à faire toutes sortes de démarches auprès du cabinet prussien. Son acharnement dans cette occasion présente en effet beaucoup de choses désagréables, car quelque anti-prussien que l'on soit, il est impossible de ne pas convenir qu'au moins les apparences paraissent être sauvées à Berlin. Le comte Panine possédé jusqu'ici d'une haine pour cette cour-là, qui siérait tout au plus à un ministre autrichien, est lui-même fort content de ses dispositions. Il faut donc que vous vous mettiez en garde pour vous même, et que vous fassiez sentir, si vous le jugerez nécessaire pour le bien des affaires, à la cour, où vous êtes, les inconvénients qui peuvent résulter d'une pareille conduite. L'empereur n'aime pas la Prusse et il l'a bien prouvé, mais il veut, il y met la plus grande ambition, il y va même de son plus grand intérêt aujourd'hui, qu'il a pris une part active aux affaires, que les Français soient mis à la raison. Or la Prusse semble vouloir adopter un autre systéme. Pourquoi n'en pas profiter? D'ailleurs quand même elle ne serait pas sincère, ne vaut-il pas mieux de faire semblant de la croire, que de la provoquer. Tel est mon sentiment particulier. Telles sont mes données, tant sur l'impression que les dernières lettres de Vienne ont produites, que sur celle que les affaires pourront produire par la suite. Je vous les donne comme quelqu'un qui vous est dévoué, et qui veut que tout aille bien. Prenez garde de ne pas paraitre trop dévoué à la cour, auprès de laquelle vous résidez et qui sait mieux qu'aucune autre se retourner. Son ambassadeur nous a fait prendre souvent des vessies pour des lanternes".

„J'ai appuyé" доносилъ отъ 26 Ноября Государю сконфуженный Разумовскій, „sur la sécurité que doivent inspirer à la cour de Vienne les mesures formidables, que V. M. I. est prête à déployer du côté de la Prusse. J'ai insisté pour que le prince de Reuss soit muni d'instructions définitives pour terminer la négociation et signer une convention. Je supplie V. M. I. d'être persuadée du zèle qui m'anime dans le soin de remplir ses intentions, et de celui que j'ai mis à m'acquitter des ordres qu'elle vient de me prescrire. J'aurais souhaité avoir à lui annoncer un acquiéscement, plus prompt de la part du ministère d'ici, aux mesures que j'ai été chargé de solliciter relativement à la négociation de Berlin. Au défaut de ce succès, qui n'a pas tenu à mes instances les plus vives, j'ai à transmettre l'assurance que l'empereur, toujours empressé à déférer aux vues de V. M., ne se refuse pas à celles qu'elle a jugé à propos de lui manifester et n'y met de délai que pour vous faire parvenir, Sire, les considérations qui tiennent au changement des affaires générales en Europe".

Среди этой не вполнѣ пріятной для Разумовскаго перепискѣ, новое письмо отъ Розенберга чуть не свело съ ума несчастнаго посла. „Сегодня“, писалъ отъ 16 Ноября изъ Кракова педантичный генералъ, „получилъ отъ его княжеской свѣтлости принца Фердинанда Виртембергскаго письмо съ новымъ маршрутомъ отъ Ольмюца до Кремса. Его свѣтлость, объявляя о семъ волю своего государя, сообщаетъ, что по причинѣ политическихъ обстоятельствъ надобно поспѣшить походомъ, и что около Кремса войска будутъ имѣть нѣсколько дней только отдохновенія. Наступившее зимнее и холодное время побуждаетъ меня вновь просить в. с., чтобы вы, м. г., приняли на себя трудъ и настояли у вѣнскаго двора о кантониръ-квартирахъ, представя ему, что войска сіи не изъ Бреста, но изъ дальнихъ мѣстъ слѣдуютъ и что всячески потребно имъ отдохновеніе, а особливо лошадямъ. Хотя его свѣтлость въ письмѣ своемъ и примѣчаетъ, что марши, по малости своей, не изнурительны, но, тѣмъ не менѣе, по дальности похода во всѣхъ частяхъ отяготительны, о чемъ писалъ я и къ его свѣтлости, къ которому прошу приложенный при семъ пакетъ в. с. доставить. Я надѣюсь, что в. с., сообразно сему моему къ вамъ отношенію, не оставите чинить свои настоянія у вѣнскаго министерства и тѣмъ споспѣшествовать изволите къ выполненію воли нашего Монарха“.

„Le général Rosenberg“, доносилъ въ отчаяніи Разумовскій, отъ 26 Ноября, „fait de nouvelles instances pour qu'on assigne d'ici des cantonnements d'hiver au corps auxiliaire russe. Il fait valoir la lassitude des hommes et des chevaux par une saison rigoureuse et des chemins pénibles. Mon devoir me prescrivait la sollicitude que j'ai employée à cet égard, mon devoir m'impose également de rendre compte des objections qui m'ont été faites. La situation des affaires et l'impression produite sur les esprits par la marche des troupes russes, font juger la cour de Vienne, que ce secours imposant ne doit tarder à joindre l'armée autrichienne. Les commissaires autrichiens ne font monter la totalité des malades qu'à 41 et ne parlent point de l'extrême fatigue des chevaux. Je n'ai rien eu à opposer à ces assertions qu'une simple lettre du général de Rosenberg. J'en appelai à l'opinion du prince Ferdinand de Würtemberg [1]) qui m'a paru d'avis que les plaintes du général Rosenberg n'étaient pas de nature à justifier la demande qu'il faisait. Il observa que la marche de nos troupes était distribuée en journées si courtes, en repos si fréquents, qu'il était impossible qu'elles en fussent exténuées. L'empereur a concilié autant que possible l'utilité du corps auxiliaire, avec les convenances du général, et a déter-

[1]) Братъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, онъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ австрійскомъ и его попеченіямъ поручены были Павломъ I, высланныя на подмогу Австріи, русскія войска.

miné que toutes les colonnes se réuniraient à Brünn et y resteraient 10 ou 12 jours. C'est là que S. M. se rendra dès que le corps y sera rassemblé, quoiqu'elle avait l'intention de n'aller que jusqu'à Krems, qui est beaucoup moins éloigné, ce qui aurait été plus commode, surtout à l'égard de l'impératrice qui est enceinte et qui se propose d'accompagner l'empereur. S. M. a eu la bonté de me faire annoncer, qu'elle verrait avec plaisir, que je me rende à Brünn pour la même époque, et je compte me mettre en route de manière à y dévancer son arrivée. Je ne dois pas passer sous silence que l'empereur m'a fait savoir par le baron de Thugut, que vu la mauvaise saison, il ferait examiner si les troupes n'avaient pas besoin de renouveller les articles de chaussures".

Наступили сильные морозы. Дороги покрылись гололедицею. Розенбергу менѣе, чѣмъ когда-либо, хотѣлось выступать въ походъ, но дѣлать было нечего, пришлось подчиниться требованіямъ вѣнскаго двора и Разумовскаго, и въ сильную вьюгу тронуться съ мѣста. 5 Декабря русскія войска вступили въ Брюннъ. Разумовскій немедля туда поскакалъ изъ Вѣны и остановился на квартирѣ принца Виртембергскаго. Онъ поспѣшилъ отдать визиты Розенбергу и другимъ генераламъ и старался любезностью и вниманіемъ привлечь къ себѣ всѣхъ начальниковъ. Но труды его были напрасны. Розенбергъ былъ озлобленъ противъ посла, не желавшаго, по мнѣнію его, войти въ положеніе русскихъ солдатъ. Напрасно уговаривалъ его принцъ Виртембергскій явиться со всѣмъ генералитетомъ къ Разумовскому, какъ къ непосредственному представителю русскаго Императора. Розенбергъ не отдалъ послу даже простого визита. 15 Декабря прибылъ въ Брюннъ императоръ съ императрицею. Въ свитѣ ихъ находились эрцгерцогъ-палатинъ Іосифъ и герцогъ Альбрехтъ саксонскій. Вниманіе высочайшихъ особъ было, разумѣется, поглощено русскими войсками. Начались парады, смотры, ученія, маневры. Бодрый, щеголеватый и веселый видъ русскихъ солдатъ, примѣрная дисциплина, которою не могли нахвалиться мѣстные начальники, прекрасная аммуниція, все это произвело самое выгодное впечатлѣніе. Царственная чета осыпала любезностями генераловъ и офицеровъ. Въ честь ихъ при дворѣ данъ былъ парадный обѣдъ; каждому сказано было милостивое слово. Во дворецъ вытребовано было по одному солдату изъ каждаго рода войскъ, и полковникъ Лавровъ, состоявшій при принцѣ Виртембергскомъ, объяснялъ ихъ величествамъ подробности обмундированія солдатъ. Богатые подарки и нарочно отчеканенные на монетномъ дворѣ гульдены розданы были генераламъ и солдатамъ Разумовскій безотлучно находился при императорѣ, гордясь въ первый разъ въ жизни тѣмъ, что онъ былъ русскій. Признательность рим-

скаго императора излилась въ собственноручномъ письмѣ къ Павлу I. „Ведите войска мои противъ непріятелей“, отвѣчалъ послѣдній, „и вы увидите, умѣютъ ли они сражаться“. Самыя дружественныя отношенія установились между обоими дворами. Въ Петербургѣ уже давно ожидали пріѣзда эрцгерцога-палатина. „Посылайте къ намъ поскорѣе палатина“, писалъ къ Разумовскому графъ Кочубей, „у насъ столько великихъ княженъ, что нельзя не желать, чтобы онѣ поскорѣе вышли замужъ“. Теперь къ тому представлялся самый удобный случай. Рѣшено было отправить эрцгерцога Іосифа въ Петербургъ. Онъ долженъ былъ благодарить Павла I за высланное имъ блестящее войско и, въ то же время, просить руки великой княжны Александры Павловны. Семейнымъ союзомъ положено было укрѣпить тѣсную дружбу императорскихъ дворовъ. Въ свитѣ эрцгерцога отправились князь Карлъ Ауерспергъ и камергеры графы: Кагоничь и Грюнне.

Въ частныхъ письмахъ своихъ къ графу Кочубею, Разумовскій обращалъ вниманіе новаго вице канцлера на посильные труды свои, и давалъ понять какого рода награду онъ получить желаетъ. Въ то же время онъ жаловался на недостаточный составъ своей канцеляріи и просилъ объ усиленіи ея штата молодыми людьми, хорошо знакомыми съ русскимъ языкомъ. Предстоящая война и вспомогательныя русскія войска должны были сильно умножить занятія посольской канцеляріи. Графъ Андрей Кириловичъ просилъ, между прочимъ, о назначеніи въ вѣнское посольство племянника своего Алексѣя Васильевича Васильчикова, на сестрѣ котораго только-что женился графъ Кочубей. „Je ne laisse jamais échapper aucune occasion“, отвѣчалъ ему отъ 9 Ноября вице-канцлеръ, „de rappeler à tous ceux qui signifient quelque chose, vos services et votre mérite, mais malheureusement tout cela n'a rien produit jusqu'à présent. Il ne faut pas cependant vous décourager. Il faut au contraire doubler de zèle et continuer à servir de la manière distinguée, que vous l'avez fait jusqu'à présent. Je n'avais pas besoin, que vous me rappeliez votre chancellerie. Je l'ai fait depuis longtemps, mais j'ai eu tort de ne rien vous en marquer. J'ai trouvé, parmis les gens employés par le prince Kourakine, un jeune homme bien élevé, nommé Magnitsky [1]), qui possède parfaitement sa langue et sait aussi le français et l'allemand. Il réunit à cela, au moins d'après les renseignements que l'on m'a donnés de lui, une excellente conduite.

[1]) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій р. 1778 † 1844. Былъ впослѣдствіи начальникомъ экспедиціи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, при его учрежденіи; статсъ-секретарь (1810), сотрудникъ Сперанскаго, одновременно съ нимъ сосланный въ 1812. Воронежскій вице-губернаторъ (1816) и симбирскій губернаторъ (1817). Попечитель казанскаго округа (1821), сосланъ въ Ревель въ 1836. Съ 1834 поселился въ Одессѣ, гдѣ и умеръ.

J'ai pensé qu'il valait mieux vous envoyer un jeune homme, que vous pourriez aisément habituer à votre manière de travailler. J'espère d'ailleurs que vous le traiterez avec quelque distinction, et que vous lui fournirez les occasions de se former aux affaires et de connaitre un peu le monde. Nous sommes si mal en sous ordres, que je ferai tout ce que dépendera de moi, pour parer à un inconvénient aussi majeur. Le frère de Masha [1]) se rendra aussi auprès de vous. L'Empereur y a consenti, et si je remets l'expédition de Magnitsky, c'est pour pouvoir les envoyer ensemble. Votre neveu attend que son père [2]) prenne des arrangements pour son entretien à Vienne".

Лестные отзывы и всякаго рода комплименты, которыми осыпалъ Разумовскаго вѣнскій дворъ, не могли разсѣять неудовольствія, причиненнаго ему отвѣтомъ Кочубея. Уже не разъ просилъ онъ о денежной подмогѣ, и какъ будто нарочно всегда изъ Петербурга приходили одни похвальные отзывы, да изрѣдка лента. Во всемъ этомъ онъ гораздо менѣе нуждался, чѣмъ въ серебрѣ и золотѣ. Къ этому недовольству присоединились еще новыя пререкательства съ Розенбергомъ. Ни лестные пріемы, ни богатые подарки не въ силахъ были загладить впечатлѣнія, произведеннаго на упрямаго генерала предпринятымъ, наперекоръ его мнѣнію, походомъ. Теперь онъ снова отказался двинуться изъ Брюнна. „Съ самаго выступленія моего изъ Бреста", писалъ онъ къ Разумовскому, „продолжалъ я слѣдовать съ ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ, по сіе время безостановочно, по сообщаемымъ мнѣ маршрутамъ, по такимъ дорогамъ въ Галиціи и въ такое годовое время, въ которое неминуемо всякому войску потребно отдохновеніе и особливо послѣ столь труднаго и дальняго перехода. Располагая предводительствованіе препорученнаго мнѣ корпуса, согласно съ преподанными мнѣ высочайшими постановленіями, первымъ себѣ предметомъ поставляю не довести войско, безъ крайности, до изнуренія. Въ предупрежденіе чего и представлялъ я изъ Кракова его римскому величеству объ отдохновеніи, которое, какъ в. с. извѣстно, назначено здѣсь при Брюннѣ на толь короткое время, въ которое нѣтъ возможности поправить оставшихся артиллерійскихъ лошадей по дорогѣ, а его княжеская свѣтлость, принцъ Фердинандъ Виртембергскій, безпрестанно говоритъ мнѣ, что политическія обстоятельства требуютъ непремѣнно поспѣшить походомъ, ссылаясь при томъ, что таковая надобность извѣстна и в. с. Я совершенно вѣрю, что политическія обстоятельства

[1]) Маша, т.-е. графиня Марья Васильевна Кочубей р. 1779 † въ Парижѣ 1844 г., рожденная Васильчикова, племянница графа Андрея Кириловича и сестра Алексѣя Васильевича Васильчикова, о которомъ здѣсь и говорится.

[2]) Дѣйствительный камергеръ Василій Семеновичъ Васильчиковъ р. 1743 † 1808, братъ фаворита, женатъ былъ на графинѣ Аннѣ Кириловнѣ Разумовской.

для вѣнскаго двора конечно таковыя, которыя требуютъ скорѣйшаго прихода нашихъ войскъ въ желанное имъ мѣсто, но какимъ образомъ возможно выполнить желаніе его римскаго и. в.? Не иначе, какъ въ противность трактата и съ крайнимъ изнуреніемъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, о цѣлости коего имѣю я особливое высочайшее повелѣніе пещись. По сіе время, со стороны австрійской, нѣтъ никакой наклонности къ винтеръ или кантониръ-квартирамъ. Не назначено такожъ мѣста для кригсъ - цалмейстерскаго депо, для будущихъ аммуницій и транспортовъ изъ Бреста, чего долженъ я буду требовать. Все сіе доказываетъ, что ввѣренный мнѣ корпусъ не будетъ имѣть ни винтеръ-квартиръ, ниже отдохновенія. Не скрою отъ в. с. и того, что на всеподданнѣйшія мои донесенія изъ Кракова получилъ я здѣсь отъ всемилостивѣйшаго нашего Государя разныя предписанія, но по политическимъ вѣнскимъ дѣламъ, для которыхъ бы безпремѣнно поспѣшить походомъ, нѣтъ никакого наставленія, а напротивъ того, рекомендуется о сбереженіи войска, сколько можно, отъ изнуренія. Вслѣдствіе чего и всепокорнѣйше прошу в. с. принять на себя трудъ учинить, и съ своей стороны, представленіе е. римскому в. о продолженіи здѣсь отдыха, нужнаго войску для поправленія себя и разной сбруи во всѣхъ частяхъ, а особливо по артиллеріи. Если-же, по какимъ-либо причинамъ, римскій дворъ на таковое предложеніе не согласится, то, по крайней мѣрѣ, испросите, м. г. мой, чтобы отложено было выступленіе мое до 8-го Января новаго стиля, что для ввѣреннаго мнѣ корпуса весьма нужно, тѣмъ болѣе, что и наступающій праздникъ Рождества Христова требуетъ отъ начальника доставить солдатамъ выполнить долгъ христіанскій, чего они и ожидаютъ. Сверхъ сего, долженъ я еще сказать в. с., что если продолжатся таковые жестокіе морозы, то въ такомъ случаѣ, конечно, выступить мнѣ нельзя будетъ, въ разсужденіи больныхъ и слабыхъ, а притомъ, чтобъ не познобить и солдатъ. Я уповаю, что в. с., сообразивъ всѣ сіи обстоятельства, конечно, согласиться со мною изволите, что нѣтъ никакой возможности поспѣшать походомъ, а особливо въ толь холодное время. О всѣхъ сихъ подробныхъ обстоятельствахъ рѣшился я сообщить в. с. и повторить мою просьбу о настояніи у вѣнскаго двора о дальнѣйшихъ отложеній отдохновенія войску. Таковой подвигъ в. с., конечно, угоденъ будетъ всемилостивѣйшему нашему Государю, и тѣмъ самимъ выполнена будетъ высочайшая его воля. Впрочемъ, если бы неизмѣненное желаніе было е. римскаго в. на скорѣйшее мое выступленіе, то и въ такомъ случаѣ выполню его волю съ донесеніемъ въ то же самое время къ всемилостивѣйшему нашему Государю".

Такое обращеніе Розенберга, разумѣется, возмутило гордаго русскаго посла, игравшаго, какъ мы видѣли выше, такую первенствую-

щую роль при вѣнскомъ дворѣ и взиравшаго, вслѣдствіе рескриптовъ къ нему Павла I, на командующаго вспомогательнымъ корпусомъ, движеніями котораго онъ имѣлъ право руководить, чуть ли не какъ на подчиненнаго. Надо отдать, однако, графу Андрею Кириловичу справедливость, что въ виду серьёзнаго оборота, который принимали дѣла, онъ старался не раздражать Государя, и на личныя къ нему отношенія Розенберга вовсе не жаловался.

„J'ai eu l'honneur", писалъ онъ отъ 19 Декабря, „de soumettre à V. M. I. ce que m'impose mon devoir relativement à son auguste service. Dans les premiers moments de mon arrivée le général Rosenberg me déclara, dans la maison et en présence du prince Ferdinand de Würtemberg, qu'il ne pouvait continuer sa marche, que ses troupes avaient besoin de repos, et qu'il souhaitait d'obtenir la permission de rester ici, au moins jusqu'au 8 Janvier. Le prince ne parût admettre ni le dessein du général, ni les motifs qu'il alléguait. Il trouvait une pareille demande inadmissible en ce moment, disant que le général Rosenberg lui-même n'avait point contrarié les dispositions prises quelques jours auparavant. Je reçus du général une lettre, il en a adressé une autre au prince de Würtemberg, et comme il me requérait de porter sa demande à l'empereur, je crus devoir fixer préalablement une conférence entre nous trois. Elle eût lieu le 27 avant l'arrivée de LL. MM. Je témoignai au général que j'étais prêt à soumettre à l'empereur les représentations qu'il m'adressait et à les appuyer de la manière la plus instante, mais que je devais lui observer que le prince, dont les lumières m'inspiraient la plus grande confiance, ne croit point que les besoins allégués fussent de nature à rétarder la marche des troupes, ni balancer les raisons majeures qui en réclament le progrès. Nous lui demandâmes s'il avait d'autres motifs, il dit que non, sur quoi s. a. lui répéta, que puisque c'était la fatigue des chevaux d'artillerie, dont il avait le plus à se plaindre, l'empereur était disposé à y obvier, par des *forspann*, qui donneraient du repos aux siens. Je me chargeai néanmoins de soumettre, dès le même jour, ses représentations à S. M. Ayant eu l'occasion de m'en acquitter pendant le diner, S. M. répondit qu'elle avait plus à coeur que personne la conservation, l'intégrité et le bon état des troupes de V. M., mais qu'elle voyait avec peine, que tandis qu'elle apprenait que sous tous les rapports les troupes faisaient l'admiration du pays où elles séjournaient, le général Rosenberg produisait de nouveaux motifs de délais, qui pouvaient avoir une réaction si préjudiciable aux intérêts communs des deux cours, qu'elle était impatiente de s'assurer par ses propres yeux de l'état des troupes, et qu'il était de toute impossibilité de régler les approvisionnements dans cette province. S. M. verrait avec grand plaisir (il le répéta

plusieurs fois), que le général voulut bien continuer sa route, qu'on tacherait de faciliter de tous les moyens le chemin, et qu'il fallait profiter du chemin ferme avant le dégel. J'informai le général le même soir du résultat de ma démarche, dont il ne fût guère satisfait, sur quoi je le priai de s'exprimer lui-même avec l'empereur, en conséquence de quoi il demanda audience le lendemain et, après une longue discussion, il obtint de S. M., que les troupes séjourneraient à Brünn jusqu'au 1 Janvier, jour où la première colonne se remettra en route et qu'ensuite toute la troupe ferait une halte de deux jours à Znaym pendant les fêtes de Noël, si toutefois les arrangements pour les vivres pouvaient avoir lieu, ce qui, après un travail ordonné sur le champ, fût trouvé possible. Les troupes de V. M. I. qui ont défilé, et en partie manoeuvré ces jours derniers, ont été admirées généralement pour leur tenue et l'air peu fatigué qu'elles montraient. V. M. daignera-t-elle me permettre de consigner ici une observation, que j'ai eu lieu de faire dans mes conversations avec le général Rosenberg. Il a fréquemment appuyé ses arguments, touchant ses délais, sur l'approbation que V. M. avait daigné lui manifester tout récemment, en réponse à ses rapports de Cracovie. C'est après avoir recu le rescript de V. M. qu'il à élevé de nouvelles difficultés pour la continuation de sa marche. Le rescript ne m'a pas été communiqué, mais il échappe au général de Rosenberg, pendant la conversation, de dire, qu'en approuvant sa sollicitude pour les troupes, V. M. I. a également approuvé qu'il ait poursuivi sa route, et j'ai apperсu qu'il se disposait à régler sa conduite ultérieure de manière à être, pour ainsi dire, contraint par la cour de Vienne. Je m'empresse de joindre à cette représentation, que me dicte mon zèle, les témoignages unanimes à l'égard de la discipline et de l'ordre, dont les troupes se sont acquis la réputation. L'harmonie la plus parfaite règne entre le chef et les employés des deux puissances, et cet accord est d'autant plus satisfaisant pour moi, et honorable pour le général, qu'on n'avait pas laissé que de prévenir le public, par des impressions opposées, avant l'entrée des troupes dans les états autrichiens“.

Розенбергъ, несмотря на всѣ свои представленія, принужденъ былъ, однако, выступить изъ Брюнна ранѣе Рождества. 2-го Января ст. ст. 1799 онъ началъ переходить черезъ Дунай, и лишь только окончилась переправа, какъ новое приказаніе изъ Вѣны остановило его быстрое движеніе. Ему пришлось, вслѣдствіе новаго распоряженія вѣнскаго двора, расположить свой корпусъ въ окрестностяхъ Кремса и Сантъ-Пельтена и оставаться тамъ на неопредѣленное время. Горька показалась недовольному генералу эта внезапная остановка послѣ той горячки, съ которою изъ Вѣны гнали впередъ русскихъ солдатъ. Къ чему же было, спрашивалъ онъ, утомлять людей,—ему отвѣчали, что

того требовала политика. Два мѣсяца пришлось Розенбергу безъ дѣла сидѣть подъ Кремсомъ и ждать погоды. Горько жаловался онъ въ Петербургъ и на вѣнскій дворъ, и на Разумовскаго.

ГЛАВА XIV.

Нерѣшительность вѣнскаго двора. — Новый планъ кампаніи. — Назначеніе Суворова главнокомандующимъ. — Пріѣздъ его въ Вѣну.

Въ Вѣнѣ, между тѣмъ, всѣ растерялись; на Тугута и его сотоварищей точно напалъ столбнякъ. Энергія, борзо выступавшая на бумагѣ, окончательно пропала, когда понадобилось приложить ее къ дѣлу. Начать войну не рѣшались; съ вспомогательнымъ корпусомъ, который такъ настойчиво гнали впередъ, теперь не знали что̀ дѣлать. Внутри шли усобицы. Эрцгерцогъ Карлъ и многіе изъ принцевъ императорскаго дома, поддерживаемые фельдмаршаломъ Ласси, прямо противились начатію военныхъ дѣйствій, предвидя, что новая война, руководимая вѣнскимъ министерствомъ съ Тугутомъ во главѣ, можетъ только привести австрійскую монархію къ новымъ пораженіямъ и стыду. Несмотря на это, вліяніе Тугута при дворѣ было сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Дѣла въ Италіи значительно усложнились. Король сардинскій, Карлъ-Эммануилъ, принужденъ былъ отречься отъ престола и бѣжалъ въ Каліари. Король неаполитанскій, котораго постоянно подстрекали изъ Вѣны противъ французовъ, узнавъ, что папскія владѣнія плохо защищены и разсчитывая на нападеніе союзниковъ съ сѣвера Италіи, открылъ наступательныя дѣйствія и безпрепятственно занялъ Римъ. Отсюда настоятельно требовалъ онъ подмоги отъ Австріи и Россіи. Императоръ Павелъ поспѣшилъ отрядить на помощь неаполитанскому королю новый корпусъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Германа, но въ Вѣнѣ извѣстія о началѣ военныхъ дѣйствій, со стороны Неаполя, приняты были съ воплями отчаянія. Все пропало! всѣ планы союзниковъ рушились! какъ смѣли двинуться впередъ безъ приказаній изъ Вѣны! таковы были возгласы австрійскихъ министровъ. Королю неаполитанскому, вмѣстѣ съ горькими упреками, отправленъ былъ положительный отказъ въ подмогѣ. Французскія войска стянуты были къ Риму, и король Фердинандъ принужденъ былъ бѣжать въ Палермо. Павелъ I, заключившій, съ своей стороны, союзные договоры съ Англіею, Неаполемъ и Портою, громко заявилъ о своемъ намѣре-

ніи остановить дальнѣйшіе успѣхи Франціи и возстановить въ Европѣ утраченное равновѣсіе.

Изъ С.-Петербурга съ весьма понятнымъ неудовольствіемъ взирали на бездѣйствіе вѣнскаго двора, такъ давно и такъ настойчиво умолявшаго Россію принять участіе въ коалиціи. „Не скроемъ", писалъ Государь Разумовскому отъ 20 Декабря изъ Петербурга, „что дальнѣйшее медленіе вѣнскаго двора подаетъ и намъ, и прочимъ союзникамъ нашимъ сильныя подозрѣнія что... дворъ сей ищетъ только одержать отъ французовъ какія-либо собственныя выгоды... Вѣнскій дворъ, ускоряя своими дѣйствіями, отнюдь не можетъ почтенъ быть за нападателя, когда самый трактатъ между нимъ и французскимъ правленіемъ, въ Кампо-Форміо заключенный, нарушенъ онымъ... Подъятіе потому оружія императоромъ римскимъ, отъ всѣхъ безпристрастныхъ, почтено будетъ мѣрою справедливости и нужды... Мы имѣемъ поводъ надѣяться, что и король прусскій, коль скоро увѣренъ будетъ въ нашей помощи и въ несомнительномъ императора римскаго къ нему расположеніи, рѣшится дѣйствовать со стороны Голландіи... мы побуждаемъ его къ сему тѣми пріобрѣтеніями, кои можетъ онъ для себя учинить собственно на счетъ непріятеля... Если вѣнскій дворъ... приступитъ къ дѣятельнымъ мѣрамъ, въ такомъ случаѣ изъяснитесь о Раштадтскомъ конгрессѣ, котораго продолженіе уже учинится вовсе не нужнымъ и не вмѣстнымъ... Но дабы не подвергать дѣла сего сильнымъ недоразумѣніямъ, мы никакими отлагательными отвѣтами удовольствоваться не можемъ и предписываемъ вамъ наисильнѣйше требовать и домогаться ясной и рѣшительной отповѣди, не скрывая, что, при дальнѣйшемъ того продолженіи, мы должны будемъ неминуемо воспріять противъ французовъ тѣ мѣры, которыхъ достоинство и безопасность наши требовать будутъ и сообразно уже тому возвратить безъ потерянія времени и войска наши, на помощь вѣнскому двору отправленныя, которыя въ чаяніи его рѣшимости мы въ полномъ его распоряженіи оставили [1])".

„En exécution des ordres de V. M. I.", отвѣчалъ отъ 12 Января 1799 г. на рескриптъ этотъ Разумовскій, „j'ai exposé dans une note officielle au baron de Thugut, la magnanime intention de V. M. I. d'accorder au roi de Naples un secours auxiliaire , réclamant passage et assistance à travers les états autrichiens. Je recus une réponse verbale, au préalable des assurances officielles qui seront prescrites au comte de Cobenzl, que l'empereur concourera à tous les arrangements, propres à faciliter l'objet de ma demande. Je mis la plus

[1]) Весь рескриптъ in extenso напечатанъ у Милютина. Исторія войны Россіи съ Франціею, I, 115.

scrupuleuse exactitude à m'acquitter des volontés de V. M. I. à l'égard des explications que j'avais à obtenir sur d'autres points, relatifs aux affaires générales de l'Europe et à l'impulsion que V. M. I. désirerait que leur donnât cette cour-ci. J'ai représenté, avec l'énergie convenante, combien son inaction affectait V. M., et je n'ai point déguisé à m. de Thugut, qu'un plus long delai à une levée de boucliers pourrait motiver le soupcon de quelques causes secrètes, fondées sur l'espoir d'obtenir des Français des avantages au détriment de la cause générale et au mepris des conséquences funestes, qu'un pareil calcul entrainerait pour l'Autriche. Je lui fis sentir, que jamais cette cour-ci ne saurait être considérée comme agressive, dans le parti que je le sollicitai d'adopter,—que la France avait enfreint, sous tous les points, les stipulations de Campo Formio, qu'elle avait comblé la mesure de son arrogance à l'égard des rois de Sardaigne et de Naples, et que la négociation de Rastadt n'était qu'une série d'usurpations, contre la sûreté et la dignité du corps Germanique.

J'ai étayé ce raisonnement, en lui présentant le tableau imposant qu'offrait la nouvelle coalition, sous les auspices de V. M. I., et l'espoir fondé de la renforcer en déterminant la cour de Berlin d'y prendre une part active, par une diversion du côté de la Hollande, à laquelle V. M. I. comptait prendre part. A la suite de ces puissants arguments, j'ai fait connaitre à m. de Thugut, que des réponses dilatoires ne pouvant satisfaire l'attente de V. M. I., j'étais dans le cas de lui en demander une cathégorique, qui dicterait les mesures que V. M. jugerait convenable d'adopter conjointement avec ses autres alliés, et qu'elle lui servirait de règle, à l'égard du corps auxiliaire actuellement en Autriche et entièrement à la disposition de cette cour-ci, dans le cas où elle se determinerait en conformité des intentions de V. M. I., mais dont la destination serait changée, si l'Autriche restait inactive. M. de Thugut ayant pris mes représentations ad referendum, voici les réponses faites au nom de l'empereur, qui est très affecté de voir sa conduite si mal interprétée. Le baron de Thugut m'a répété sur sa parole d'honneur, ce qu'il m'avait dit maintes et maintes fois auparavent, que jamais il n'avait prêté l'oreille à aucun accommodement avec les Français, s'étant renfermé dans le silence à toutes leurs tentatives depuis la rupture des conférences de Seltz [1]). La cour de Vienne de son côté convaincue intimement, qu'il n'est qu'un seul moyen d'abattre le directoire et d'étouffer la révolution, celui de la guerre, ne l'est pas moins, que cette mesure doit se combiner dans le secret des cabinets, en cherchant

[1]) Слѣдующая часть депеши напечатана у Милютина—Исторія войны Россіи съ Франціею I, 506.

pour ainsi dire à endormir la vigilance de l'ennemi, afin de n'éclater que lorsque les plans convenus entre les alliés les mettront à même, par une explosion simultanée, de frapper avec toute la masse de leurs forces un coup décisif à l'avantage de leur cause. C'est d'après ce système qu'elle s'appliquait au soin de ses préparatifs et à celui d'établir un concert avec les puissances coalisées. C'est d'après ce même système qu'elle s'est efforcée de prevenir la funeste détermination du roi de Naples, qu'une déplorable fatalité a entrainé dans l'abîme où il vient de se précipiter...“ Объяснивъ тѣ причины, которыя по его мнѣнію побудили короля неаполитанскаго къ слишкомъ поспѣшному объявленію войны, Разумовскій продолжалъ: „Le ministre me répondit, que son auguste maitre ne désirait rien tant, que d'employer les forces considérables rassemblées sur tous les points de ses frontières et dont l'entretien couteux occasionne une dépense aussi forte, que si la guerre était déjà commencée; mais qu'il serait de la plus grande imprudence de les faire agir partiellement, ce qui remplirait exactement le but de l'ennemi, dont le système a toujours été de battre en détail les troupes qu'on lui opposait, et de porter le désordre, la désorganisation, l'anéantissement des autorités et des gouvernements à la suite de ses victoires, et à la faveur des partisans qu'il se procure, plus ou moins, dans les pays qui l'avoisinent; système unique qui puisse le mettre à même de résister à la coalition. C'est pour éviter un inconvénient aussi majeur, dont les conséquences peuvent être aussi dangereuses, que la cour de Vienne est fermement attachée au seul système qu'elle croit propre à déjouer celui de l'ennemi, en mettant la plus scrupuleuse attention à ne point sacrifier ses forces en détail. Son plan était de les mettre en mouvement toutes à la fois, sur toute la chaine qu'elles forment autour de l'Italie, en attaquant l'ennemi sur le Pô, par le Tyrol, la Valteline et les Grisons, tandis que la gauche de l'archiduc Charles à portée à soutenir cette opération, le mettrait à même de couvrir par son centre et sa droite les états héréditaires de la monarchie, et de protéger les états d'Allemagne qui leur sont limitrophes. C'est alors que le roi de Naples marchant de son côté, et le Piémont se voyant appuyé par de si grands moyens, les Français pressés de tous côtés, menacés des insurrections qui se seraient élevées dans les nouvelles républiques, eussent été infailliblement chassés de toute l'Italie, dans un court espace de temps, et la puissance Autrichienne mise à même par là de poursuivre ses succès, conformément aux combinaisons des coalisés. Cette exécution imposante mais facile, ne pouvait cependant avoir lieu que lorsque la saison rendrait praticables les montagnes du Tyrol et de la Suisse, dont les passages eussent été impossibles à franchir sans risque, et même certitude, d'abimer les troupes. C'est

d'après le même principe que cette cour, si profondément affectée, sous les rapports de consanguinité et sous ceux de la politique, du désastre de la cour de Naples, n'aurait point fait mouvoir ses troupes, quand même elles eussent pu prévenir les conséquences de l'agression napolitaine, puisque c'eût été se mettre entre deux feux, et s'exposer à l'incovénient, mentionné plus haut, de remplir le but de l'ennemi en se faisant battre en détail. S. M. l'empereur est tellement convaincu du danger qu'il y aurait à morceler ses forces, que dans la position critique où se trouve le grand-duc de Toscane, son frère, si les Français avaient l'audace de s'emparer de sa personne, ce malheur, quelque sensible qu'il serait à Vienne, ne détournerait point le cabinet Autrichien de son intention de faire la guerre, sur le plan que je viens d'exposer, mais dont les résultats, déjà devenus plus douteux par les revers du roi de Naples et l'envahissement du Piémont, le seraient encore d'avantage, par celui de la Toscane [1]). Je reviens à la question que j'ai faite à m. de Thugut, en vertu de mes ordres, et à la réponse que j'ai obtenu, à l'égard du moment que l'empereur croyait pouvoir déterminer, pour faire agir ses forces. Outre que l'époque sera indiquée par la saison, à cause des neiges dans les montagnes, le baron de Thugut croit qu'elle doit être soumise aux nouveaux renforts, dont la magnanimité de V. M. I. se propose d'assister la coalition, en faisant marcher un corps de 45,000 hommes au secours de l'Allemagne. La cour de Vienne, hors d'état d'en imposer seule aux cours d'Allemagne, réclame l'assistance de V. M. et c'est dans la détermination qu'elle a daigné prendre d'y envoyer une armée formidable, que cette cour apperçoit le seul moyen de les contenir. Elle souhaiterait qu'avant l'arrivée de ces troupes, V. M. I. daignât ordonner à ses ministres en empire de faire des déclarations propres à prévenir ceux, qui sont dévoués à la France, de se jeter dans ses bras. Le plus important est d'arrêter le landgrave de Hesse-Cassel. M. de Thugut appréhende fort, que les Français, fidèles au principe de diviser les forces qu'on leur oppose, attaqueront l'empire, pour s'y attirer des partisans et c'est ce qui fait désirer de voir bientôt se rapprocher les forces russes. J'ai fait part à m. de Thugut du mécontentement, marqué par V. M. I., sur le congrès de Rastadt, dont la continuation lui semble incohérente avec le système qui anime aujourd'hui les grandes puissances coalisées. La cour d'ici est pénétrée de cette vérité, elle a déjà fait un pas vers le même but en cherchant à promulguer une déclaration aux ministres français, que si la république ne retire pas ses troupes de la rive droite du Rhin, le congrès suspenderait son activité. Fortifié par le sen-

[1]) Здѣсь оканчивается цитатъ у Милютина.

timent de V. M. I., ce cabinet, disposé à effectuer plus positivement la même mesure, s'est empressé de se concerter avec celui de Berlin, pour porter conjointement la députation à mettre fin à sa négociation... M. de Thugut en me développant le plan, qu'il méditait dans le silence du cabinet et sous le masque d'une conduite passive, qui détourne autant que possible la vigilance de l'ennemi sur les projets de cette cour, m'a prié de faire parvenir à V. M. I. combien il lui semblait essentiel de maintenir le secret le plus impénétrable, entre les deux cours impériales, sur les mesures qu'elles se proposaient d'effectuer. Le ministre me fit des instances vives et réitérées à ce sujet. L'espoir de V. M. I. que la cour de Berlin pourrait prendre activement part à la coalition, si on lui présentait l'appas d'acquisitions, a été reçu ici avec une pleine satisfaction, pourvu que ces acquisitions n'eussent point lieu au détriment des électorats ecclésiastiques, ni d'autres états puissants de l'Allemagne".

Вся эта длинная депеша собственно составлена была, чтобы подготовить Павла Петровича къ новому плану, который породился въ головѣ Тугута. Дѣло шло объ открытіи военныхъ дѣйствій въ сѣверной Италіи, для чего необходимы были русскія войска, отправляемыя въ Германію и Неаполь. Прямо обратиться съ такимъ предложеніемъ къ Государю Разумовскій не рѣшился, но отъ того же 12 Января онъ писалъ къ князю Безбородкѣ, сообщая ему, что австрійское правительство окончательно рѣшило напасть на французовъ въ Италіи, и что туда желало бы оно направить бо́льшую часть вспомогательныхъ русскихъ войскъ. „Баронъ Тугутъ вполнѣ сознаетъ", заканчивалъ депешу свою графъ Андрей Кириловичъ, „что такое направленіе русскихъ войскъ не совершенно согласуется съ буквою трактата, но онъ увѣренъ, что направленіе это будетъ совершенно согласно съ благосклонными намѣреніями Государя Императора и тѣмъ всемогущимъ покровительствомъ, которое Е. И. В. положилъ оказать дѣлу съ такою энергіею и великодушіемъ, взятому имъ подъ свое августѣйшее покровительство". Послѣ этой пробной стрѣлы, Разумовскій рѣшился уже дѣйствовать прямо на Государя. Вскорѣ представился вѣнскому кабинету и преданному ему послу удобный къ тому случай. Принцъ Фридрихъ Оранскій, на котораго въ Вѣнѣ полагали большія надежды и который только-что былъ избранъ въ главнокомандующіе, внезапно умеръ; на его мѣсто некого было назначить, такъ какъ остальные австрійскіе генералы на дѣлѣ доказали свою полную несостоятельность. Тогда-то, по настоянію англійскаго правительства, пришла мысль призвать на этотъ подвигъ Суворова. Хотя фельдмаршалъ находился въ то время въ немилости, однако Разумовскій былъ увѣ-

ренъ, что избраніе русскаго въ главнокомандующіе союзныхъ армій польститъ самолюбію Государя.

„J'ai fait mention“, доносилъ Императору Разумовскій отъ 20 Января, „des motifs qui ont engagé cette cour à suspendre la marche des troupes de V. M. I. Je n'osai point en alléguer un, dont la détermination n'était point encore assez consolidée, et dont, par cette raison, le baron de Thugut m'avait instamment prié de ne point faire usage officiellement. J'en ai néanmoins fait rapport au prince Besborodko, parcequ'il m'a paru essentiel de prévenir l'opinion, que la suspension de la marche des troupes pût avoir été occasionnée par la note du 2 Décembre des plénipotentiaires Français à Rastadt. Ce motif a été d'arrêter nos troupes dans un endroit d'où elles puissent facilement prendre la route d'Italie. L'emploi des troupes russes dans cette contrée n'est point conforme aux traités des deux cours impériales; c'est pourquoi celle de Vienne, en soumettant au préalable son désir à cet égard à la bienveillance de V. M., se flatte qu'elle en reconnaitra l'utilité pour l'objet commun, et qu'elle daignera y donner son consentement. Cette cour sollicite de plus, que le corps destiné à joindre l'armée napolitaine puisse être reuni également à celle d'Italie, dont le commandement sera confié à l'archiduc Joseph [1]). L'archiduc, n'ayant point eu jusqu'ici occasion de faire la guerre, on croit indispensable de placer à côté de lui un général expérimenté, pour l'assister de ses conseils et guider les opérations. Parmis ceux, qui par leurs grades seraient en position de remplir une fonction aussi éminente, il n'en est point un ici, dont les talents et l'expérience puissent justifier suffisament la confiance de l'empereur, ou qui ne fussent naître l'appréhension d'être en butte à l'influence de l'intrigue et des partis; appréhension fondée sur les tristes résultats de six années de guerre, qui viennent de s'écouler. Dans cette conjoncture, Sire, l'empereur des Romains a pensé d'avoir recours à l'assistance de son généreux allié, et c'est de sa main qu'il souhaiterait obtenir un général, dont la valeur et les exploits militaires puissent servir glorieusement la cause commune des deux cours impériales. Le maréchal Souworoff, pendant la dernière guerre avec les Turcs, s'est trouvé joint aux troupes autrichiennes; il en a acquis la confiance et l'admiration. Il jouit de la réputation, dans toute l'armée, d'avoir déterminé la victoire remportée conjointement avec le prince de Cobourg; c'est sur lui enfin que se porte le voeu de l'empereur, si V. M. I. daigne y consentir“.

Невольно спрашиваешь себя, не Разумовскій ли первый подалъ мысль о выборѣ Суворова и не подбилъ ли онъ на это своего собрата

[1]) Отсюда у Милютина. I, 471.

сэръ Мортонъ Идена, съ которымъ, въ силу приведеннаго нами выше рескрипта Государя отъ 20 Декабря, ему предписано было „сохранять наилучшее согласіе и откровенность, наипаче же касательно общихъ дѣйствій противу непріятеля, составляя, поколику прилично, общіе подвиги и другъ друга подкрѣпляя въ представленіяхъ, чинимыхъ вѣнскому кабинету". Едва ли самолюбивому и подозрительному Тугуту, свысока, несмотря на заискивающія его депеши въ Петербургъ, взиравшему на полуварварскую Россію, первому пришла бы мысль допустить иностранца, и къ тому же русскаго, до командованія австрійскою арміею. Мы видѣли, что онъ даже преданному ему Разумовскому не охотно повѣрялъ тайны своихъ переговоровъ и еще въ такую минуту, когда союзъ съ Россіею былъ насущною потребностію для Австріи. Правда, что еще при Екатеринѣ баронъ Тугутъ какъ-то намекнулъ на то, что Суворову можно бы было поручить командованіе союзнаго корпуса. Но съ одной стороны, намёкъ этотъ былъ сдѣланъ неопредѣленно, въ виду далекаго будущаго, а съ другой—дѣло шло объ отдѣльномъ только корпусѣ. Теперь же имѣлась въ виду цѣлая союзная армія, дѣйствія которой должны были служить краеугольнымъ камнемъ всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній вѣнскаго кабинета. Хотя фельдмаршалу Суворову предлагалось только состоять при эрцгерцогѣ Іосифѣ, который номинально назначался въ главнокомандующіе, однако, всѣмъ было понятно, что власть останется не за юнымъ эрцгерцогомъ, а въ расположеніи той особы, которая будетъ къ нему приставлена. Вѣчно подозрительный Тугутъ не могъ охотно довѣрить судьбу войны человѣку, ему вовсе незнакомому, вліять на котораго едва ли могъ надѣяться. Своеобразный и рѣшительный нравъ Суворова былъ столь же извѣстенъ австрійскимъ генераламъ, принимавшимъ участіе въ турецкой войнѣ, сколько его удаль и геніальность. Понятно послѣ этого, что Тугутъ не могъ лично избрать Суворова, и что онъ на избраніе это согласился только вслѣдствіе усиленныхъ представленій Разумовскаго и Идена [1]). Что же касается до Андрея Кириловича, то ему вполнѣ извѣстно было, что Императоръ Павелъ недоволенъ и вѣнскимъ дворомъ, и имъ лично. Необходимо было для успѣха новаго плана кампаніи сильно подѣйствовать на раздраженнаго Государя. Только польстивъ народному самолюбію, можно было разсчитывать на передвиженіе русскихъ войскъ, а въ то же время, и на поправку собственныхъ служебныхъ обстоятельствъ. Изъ всѣхъ русскихъ генераловъ самою громкою извѣстностью въ Европѣ пользовался Суворовъ. Между австрійскими солдатами имя его было популярно. Разумовскій зналъ, что Павелъ I не чуждъ былъ рыцар-

[1]) Участіе Англіи въ выборѣ Суворова подтверждаютъ Шлоссеръ и Фуксъ.

скихъ порывовъ. Выборъ Суворова не могъ не польстить ему, какъ русскому, и посолъ былъ увѣренъ, что, подъ впечатлѣніемъ польщеннаго національнаго самолюбія, Государь охотно согласится на сосредоточеніе всѣхъ русскихъ вспомогательныхъ войскъ въ Италіи. Въ разсчетѣ своемъ графъ Андрей Кириловичъ не ошибся. Не ошибался онъ тоже, когда опасался гнѣва Государя. Въ то время, какъ онъ договаривался съ Тугутомъ, изъ Петербурга летѣлъ рескриптъ отъ 14 Января 1799 года, отзывавшій его изъ Вѣны. „Высоко и благоурожденный, намъ любезно вѣрный“, сказано было въ рескриптѣ этомъ, „мы за благо разсудили васъ отозвать и на мѣсто ваше назначить къ вѣнскому двору нашего т. с. Колычева, о чемъ и дается вамъ знать предварительно для свѣдѣнія вашего; отзывную же грамоту вы получите вслѣдъ“.

Едва прибыло въ Петербургъ донесеніе Разумовскаго съ просьбою о назначеніи Суворова помощникомъ эрцгерцога, какъ произошла полная перемѣна декорацій. Всѣ просьбы вѣнскаго двора были исполнены. Розенбергу предписано было слѣдовать въ сѣверную Италію, и туда же обращенъ былъ корпусъ генерала Германа, который назначался въ подмогу королю неаполитанскому. Кромѣ того, князю Голицыну приказано было составить у Бреста армію для слѣдованія въ Германію. Фельдмаршалъ Суворовъ вызванъ былъ изъ села Кончанска и съ великою милостью принятъ при дворѣ. О прежнемъ неудовольствіи на Разумовскаго не было уже болѣе рѣчи. Напротивъ, 20 Февраля пожалованъ онъ былъ въ кавалеры ордена св. Андрея Первозваннаго, въ честь котораго получилъ свое имя. „Взирая съ особливымъ удовольствіемъ“, гласилъ милостивый по этому случаю рескриптъ, „на усердную службу вашу и радѣтельное исправленіе возложенной на васъ должности, всемилостивѣйше восхотѣли мы изъявить вамъ монаршее наше благопризнаніе, и вслѣдствіе того, пожаловавъ васъ кавалеромъ перваго ордена нашего св. Андрея, знаки онаго при семъ доставляемъ для возложенія на васъ, будучи, впрочемъ, увѣрены, что милость и благоволеніе наши, тутъ оказанныя, послужатъ къ вящшему поощренію васъ на продолженіе трудовъ вашихъ намъ угодныхъ“. Три дня послѣ этого рескрипта, именно 23 Февраля, появился другой тоже на имя Андрея Кириловича, въ которомъ значилось, что Государь заблагоразсудилъ оставить Разумовскаго въ прежнемъ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла при е. в. императорѣ римскомъ.

„La place qu'on avait otée au comte Rasoumowsky“, писалъ изъ Петербурга Воронцову Кочубей отъ 26 Февраля, „lui a été rendue, non, comme on le croit généralement ici, sur l'intercession de l'archiduc ou de la cour de Vienne, qui n'en ont pas soufflé le mot, mais parceque l'Empereur.... a voulu de son propre mouvement rendre justice

et donner ensuite le cordon bleu au comte de Rasoumowsky. Je suis bien aise que le service l'ait conservé. Il a assurément de grands talents, et quant à l'accusation qu'on lui a souvent faite, qu'il était autrichien dans l'âme, elle est sans doute fort exagérée, et n'est que de ceux qui ne connaissent pas la marche des affaires. Kolytsheff conserve le traitement d'ambassadeur et ira en Espagne, si cette ambassade a lieu“.

„Съ живѣйшимъ чувствованіемъ пріемля сей новый знакъ Монаршаго благоволенія“, отвѣчалъ Разумовскій на рескриптъ Императора, „повергаю къ стопамъ вашимъ, всемилостивѣйшій Государь, все глубочайшее благодареніе усердія, преданности и высокопочитанія исполненнаго сердца. Высокомонаршая милость сія, не усугубя безпредѣльной ревности моей къ исполненію возложеннаго на меня дѣла, поощритъ и укрѣпитъ меня въ неутомимомъ продолженіи соединенныхъ съ нимъ трудовъ, служа вмѣстѣ драгоцѣннымъ для меня увѣреніемъ, что дѣятельное усердіе мое угодно В. И. В.“.

Одновременно графъ Андрей Кириловичъ писалъ и къ умиравшему въ то время князю Безбородкѣ, предстательству котораго онъ приписывалъ совершившійся милостивый переворотъ во мнѣніи Государя.

„Si votre absence de Pétersbourg, mon prince, m'a été funeste, votre retour l'a bien réparé. Je sais apprécier l'une et l'autre circonstance. Daignez en être convaincu et me continuer les dispositions bienveillantes qui me seront toujours si précieuses et que je m'efforcerai à mériter par le dévoument sans bornes, que depuis si longtemps j'ai voué à Votre Altesse“.

Казалось, что недоразумѣніямъ между Вѣною и Петербургомъ не могло уже быть мѣста. Австрійское правительство въ блестящихъ, хотя и общихъ краскахъ, набросало свои планы для будущаго. Щедрый и могущественный союзникъ не только забылъ справедливый гнѣвъ свой на двуличный, нерѣшительный и скрытный вѣнскій дворъ, но еще охотно соглашался на всѣ его требованія. И вотъ, когда наступила минута дружно идти противъ врага, опять появились какія-то загадочныя недомолвки, оказалось, что всѣ блестящіе планы, о которыхъ такъ красно разсуждалъ Тугутъ и писалъ подъ его диктовку Разумовскій, не болѣе, какъ мыльные пузыри. Собственно плановъ никакихъ не существовало. Среди генераловъ шла та же рознь и споры. Эрцгерцогъ Карлъ продолжалъ высказываться противъ новой войны. Съ Пруссіею и Англіею, о доброй дружбѣ съ которыми такъ часто и такъ настоятельно твердили изъ Петербурга, вѣнскій дворъ былъ на ножахъ, и дипломатическія приличія съ трудомъ могли прикрыть эти враждебныя отношенія. Мелкіе германскіе владѣтели видимо склонялись на сторону Пруссіи. Австрія находилась въ состояніи вполнѣ безпомощномъ и, по обыкновенію, умѣла только упрекать другихъ во

всѣхъ своихъ невзгодахъ. Вмѣсто того, чтобы откровенно изложить передъ русскимъ Императоромъ жалкое положеніе своей родины, ослѣпленный и самолюбивый Тугутъ продолжалъ облекаться въ какую-то торжественную таинственность, хандрилъ и жаловался. Грустному его настроенію несомнѣнно способствовало черезъ-чуръ, по мнѣнію его, откровенныя и безкорыстныя заявленія россійскаго Императора. Въ рескриптѣ отъ 28 Октября 1798 г. къ Разумовскому, Павелъ I открыто объявлялъ, что онъ не желалъ искать новыхъ пріобрѣтеній и давалъ чувствовать, по поводу занятія Іоническихъ острововъ, на которыхъ запустила было лапу алчная Австрія, что онъ того же ожидаетъ отъ своихъ союзниковъ. Это разомъ остудило Тугута къ войнѣ, которая, благодаря дурнымъ отношеніямъ Австріи къ Пруссіи, Германіи и Англіи, на самомъ дѣлѣ представлялась въ весьма непривлекательномъ видѣ.

Несмотря на свою преданность къ австрійскому министру, Разумовскій былъ слишкомъ уменъ, чтобы не разгадать настоящее положеніе дѣлъ. Тугутъ самъ не въ состояніи былъ скрывать своего отчаянія, которое, при каждомъ его словѣ, выступало наружу. Скрѣпя сердце, приходилось графу Андрею Кириловичу обличать передъ Павломъ Петровичемъ глубокія язвы любимой имъ страны. Въ длинной депешѣ отъ 28 Февраля графъ Андрей Кириловичъ изъявлялъ благодарность вѣнскаго кабинета, и по этому случаю, какъ-бы невольно, изъ-подъ пера его излилась грустная картина дѣйствительности.

„Le dernier courrier arrivé de St.-Pétersbourg au baron de Thugut“, писалъ онъ, „a apporté la nouvelle du consentement généreux de V. M. I., à ce que le maréchal comte Souvoroff puisse être adjoint à la direction des affaires militaires en Italie. La satisfaction qu'on en a éprouvée ici, est proportionnée à l'extrême embarras où l'on se trouvait à l'égard d'un choix convenable parmi les généraux des armées autrichiennes... Je n'entreprendrai pas d'exprimer la reconnaissance et l'admiration qu'à fait naitre ici la promesse du formidable secours de 45,000 hommes, mais il est de mon devoir d'observer, que c'est là dessus que se fonde l'espérance de la cour de Vienne de voir s'établir dans l'empire l'unité d'action, si indispensablement nécessaire pour le succès de la lutte qui va s'ouvrir, et dont le résultât doit décider du sort de toutes les puissances. La funeste scission entre les cours de Londres et de Vienne n'a point encore cédée, malheureusement, à l'évidence de la nécessite d'un concert contre un ennemi commun. Le ministère d'ici se voyant contraint de renoncer à tout espoir d'aplanir les difficultés, a déclaré qu'il n'était pas moins disposé à entrer avec la cour de Londres dans une discússion amicale sur les opérations... Au moment où la campagne va s'ouvrir, j'aurais

désiré présenter à V. M. I. quelques aperçus sur les plans d'après lesquels se dirigera la cour de Vienne. Dans mes entretiens avec le baron de Thugut je me suis appliqué, mais infructueusement, à pénétrer ses idées sur cet objet. Je suis porté à croire, qu'elles ne sont pas assez consolidées, pour qu'il ait jugé à propos de me les communiquer, mais j'ai eu lieu de remarquer en lui une impression profonde de mécontentement, de soucis et même d'un découragement, dont je ne l'ai jamais vu affecté dans les circonstances les plus épineuses des années précédentes. Il se plaint du peu d'ensemble et d'union qui existent entre les coalisés dans l'empire, à Berlin, en Angleterre à l'époque où les puissances vont être dans le cas de déployer leurs forces contre un ennemi, dont elles triompheraient indubitablement, si on était d'accord et dont elles risquent beaucoup d'être victimes, faute de concert et d'intelligence. Je consigne ici fidèlement, Sire, la disposition d'humeur (si j'ose m'exprimer ainsi) qui domine dans le cabinet de Vienne"...

Далѣе графъ Андрей Кириловичъ рисуетъ положеніе вѣнскаго двора въ отношеніи къ Германіи. Мелкіе владѣтели заражены страхомъ къ Франціи и жаждою мира. Настроеніе это явно обрисовалось въ дѣйствіяхъ германской депутаціи на Раштадтскомъ конгрессѣ. Вездѣ въ Германіи, вокругъ австрійскихъ войскъ, стоятъ сторонники Франціи, готовые на нихъ напасть при малѣйшей неудачѣ. Это уже одно представляетъ непреодолимое препятствіе къ началу войны. Съ другой стороны, въ Баваріи только-что воцарился новый властитель [1]), вполнѣ преданный Франціи. Это вселяло новыя и еще горшія опасенія вѣнскому двору. Не зная какъ выпутаться изъ бѣды, Тугутъ придумалъ средство обойти затрудненіе и, въ то же время, хотя отчасти, насытить уже такъ давно не утолявшуюся алчность Австріи къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Нелегко было Разумовскому формулировать это хотя и не новое, но на этотъ разъ вовсе неожиданное предложеніе австрійскаго министра. Посолъ предвидѣлъ недовольство, которое оно причинитъ въ Петербургѣ, и въ депешѣ своей онъ опуталъ мысль Тугута въ цѣлую массу вводныхъ предложеній, которыя, подобно сиропу, подливаемому въ невкусное лекарство, должны были парализировать всю ея горечь. Описавъ отчаянное положеніе Австріи среди враждебной ей Германіи, графъ Андрей Кириловичъ сообщалъ, что вѣнскій кабинетъ высказалъ мысль о томъ, какъ бы полезно было захватить Баварію, разумѣется, только на время войны и несомнѣнно не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія великаго союзника и благодѣтеля. Захватъ этотъ предполагалось даже сдѣлать съ помощью русскихъ войскъ, что для Австріи было бы и весьма лестно и крайне вы-

[1]) Курфюрстъ, впослѣдствіи король Максимиліанъ.

годно, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы захваченная страна управлялась по австрійскимъ законамъ и обычаямъ. Объ узурпаціи тутъ и рѣчи не могло быть; весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы на время удалить преданнаго Франціи властителя, коего превратныя убѣжденія, опасныя для общественнаго спокойствія, шли въ разрѣзъ съ основными правилами коалиціи.

На счастіе Разумовскаго предложеніе вѣнскаго кабинета пришло, какъ нельзя болѣе кстати. Въ эту минуту въ Петербургѣ на очереди было мальтійское дѣло, и ему на время должны были уступить всѣ другія государственныя соображенія. Съ какою-то болѣзненною поспѣшностію Самодержецъ всероссійскій, первый сынъ, и даже, какъ онъ воображалъ себѣ, глава православной церкви, женатый, отецъ семейства, провозгласилъ себя гроссъ-мейстеромъ Мальтійскаго ордена, основами котораго были безбрачіе и латинство. Орденъ этотъ, утратившій всякое политическое значеніе, изгнанъ былъ Бонапартомъ съ острова Мальты.

Въ 1797 году Павелъ I объявилъ себя покровителемъ ордена и возобновилъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи, основанное княземъ Янушемъ Острожскимъ и упраздненное при раздѣлѣ Польши, великое польское пріорство. Послѣ паденія Мальты, графъ Юлій-Ренатъ Литта, младшій и поэтому обездоленный сынъ знатнаго и стариннаго миланскаго рода, находившійся на русской службѣ въ чинѣ контръ-адмирала, вздумалъ воспользоваться случаемъ, чтобы снова возвысить Мальтійскій орденъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создать себѣ въ Россіи видное положеніе. По его предложенію, мальтійскіе кавалеры изъ эмигрантовъ, поляковъ и искателей приключеній, находившіеся въ то время въ С.-Петербургѣ, собрались вкупѣ и провозгласили Павла Петровича великимъ магистромъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Государь немедля принялъ предложенный ему санъ. Онъ весьма серьёзно смотрѣлъ на дѣло это. Весь дворъ облекся въ мальтійское платье. Балійскіе, командорскіе и кавалерскіе кресты потокомъ посыпались на мирныхъ сыновъ православной церкви. Придворные лакеи облеклись въ мальтійскую ливрею, офицеры, которыхъ безжалостно преслѣдовали за малѣйшее отступленіе отъ формы, должны были промѣнять цвѣта Имперіи на мальтійскую кокарду. Православные архіереи стали призрителями бѣдныхъ; чины двора—великими сенекаллами, наконецъ, самъ Государь, поверхъ преображенскаго мундира, постоянно имъ носимаго, облекся въ пунцовый бархатный далматикъ и широкое одѣяніе изъ чернаго бархата съ такъ-называемыми страстями или позументомъ, на которомъ были вытканы страсти Господни. Въ этомъ странномъ одѣяніи и въ коронѣ гроссъ-мейстеровъ, которою Государь замѣнилъ россійскій императорскій вѣнецъ, выступалъ онъ

разсчитаннымъ, но, въ то же время, отрывочнымъ шагомъ на безпрестанныхъ придворныхъ выходахъ [1]), къ немалому удивленію иностранныхъ дипломатовъ, акредитованныхъ при С.-Петербургскомъ дворѣ. Изъ-за этой новой царской причуды не мало пришлось хлопотать русскому послу въ Вѣнѣ. Хотя Тугутъ и заявлялъ, что императоръ римскій вполнѣ сочувствуетъ видамъ Павла I и умѣетъ цѣнить высокое покровительство, оказываемое ордену, хотя неоднократно обѣщано было, со стороны вѣнскаго правительства, что во всѣхъ языкахъ (langues), которые состоятъ подъ властью австрійскаго монарха, не будетъ допущено ничего такого, что могло бы противиться видамъ Его Всероссійскаго Величества [2]), хотя даже баронъ обѣщалъ созвать депутатовъ, чтобы провозгласить новое гроссъ-мейстерство и намекнулъ, что не худо бы было назначить будущаго зятя императора эрцгерцога Іосифа орденскимъ делегатомъ въ Австріи [3]), однако, большинство мальтійскихъ кавалеровъ не соглашалось признать гроссъ-мейстеромъ Императора схизматика, и папа на-отрѣзъ отказался узаконить совершенно неправильное избраніе.

На этотъ разъ, однако, непризнаніе новаго гроссъ-мейстерства, которое особенно болѣзненно отзывалось въ Петербургѣ, для вѣнскаго двора и Разумовскаго пришлось, какъ нельзя болѣе кстати. Въ числѣ лицъ, не желавшихъ признавать новое бытіе ордена, находился тотъ самый курфюрстъ баварскій, на владѣнія котораго собиралась посягнуть Австрія. Курфюрстъ этотъ уничтожилъ пріорство, учрежденное его предшественникомъ Карломъ-Теодоромъ изъ имѣній упраздненнаго въ Баваріи іезуитскаго ордена, и всѣ доходы съ орденскихъ имѣній обратилъ на общественныя нужды. Это сильно раздражило Императора Павла, и онъ охотно согласился на всякія мѣры строгости противъ зазнавшагося, по мнѣнію его, курфюрста.

Между тѣмъ, Розенбергу предписано было двинуться изъ Кремса на Верону, и высланъ ему былъ изъ Вѣны маршрутъ. Корпусъ Германа, который перешелъ въ командованіе сперва графу Шембеку, а потомъ генералу Ребиндеру, долженъ былъ изъ Каменецъ-Подольскаго двинуться по тому же направленію. Наконецъ подъ Брестомъ, генералъ Нумсенъ собиралъ 27,000-ный корпусъ, который назначался сперва для совокупнаго дѣйствія съ Пруссіею, а потомъ, когда она окончательно объявила себя нейтральною,—для занятія владѣній германскихъ князей, нерасположенныхъ къ коалиціи.

Въ Вѣнѣ о назначеніи этого послѣдняго корпуса ничего не знали,

[1]) Русскій Архивъ 1877 г. I. 481—82. Записки графа Рибопьера.

[2]) Донесенія Разумовскаго отъ 19 и 30 Декабря 1798 г.

[3]) Донесенія отъ 13 и 20 Января.

и письмо на имя Разумовскаго изъ Гродно, въ которомъ генералъ Нумсенъ извѣщалъ о своихъ сборахъ къ походу, было и для посла, и для всего вѣнскаго кабинета совершенною неожиданностію.

„M-r l'ambassadeur", писалъ Нумсенъ отъ 21 Февраля, „S. M. l'Empereur, notre auguste souverain et maître, après m'avoir ordonné de prendre le commandement du corps d'armée, soumis auparavent aux ordres du général d'infanterie prince Galitsine, vient de m'honorer de ses ordres plus précis pour rassembler avec toute la célérité possible ce corps d'armée, et m'adresser en attendant à la cour de Vienne, où réside v. e., pour concerter la route qu'il devra prendre, pour marcher au secours des armées impériales et royales. Veuillez, m. l'ambassadeur, en faisant part à la dite cour de ces ordres suprêmes, insinuer tout l'empressement et le zèle que je metterai à y obéir promptement, et les soins que je prendrai pour y amener un corps d'armée bien complet et frais, et par conséquent bien capable de partager avec les armées impériales et royales sa gloire et ses victoires. Cette dernière circonstance, également importante aux deux cours coalisées, ne laisse pas douter un instant, que réfléchissant sur les marches pénibles, exécutées au coeur de l'hiver des plus rudes, par des troupes qui accourent des provinces éloignées, et qui au moment de leur réunion pour avoir besoin de quelque temps de rafraichissement — n'en trouveront guère que dans les dispositions, ordonnées par la cour de Vienne pour leur soulagement, que dis-je cette cour voudra bien, à la traversée de ce corps par ses états, porter sa principale attention dans son plan pour cette marche, à ce qu'elle s'exécute dans des contrées florissantes, aussi bien qu'abondantes pour tout le nécessaire, et donner ses ordres les plus précis, pour que les troupes impériales Russes se le puissent procurer avec aisance et à des prix raisonnables dans des quartiers commodes et amples. A cette fin je me flatte que l'Empereur, mon maître, consentira à ma proposition de faire marcher ce corps par différentes routes, au moins sur 2 ou 3 colonnes, toutefois peu éloignées l'une de l'autre, ainsi qu'à petites journées, lesquelles me metteront en état de diminuer, selon les circonstances, le nombre des jours de repos. Il serait bon, que je fusse prevenu—quelles pourront être les difficultés qui seraient à redouter par le gonflement des rivières à passer, assez ordinaires dans la saison où nous allons entrer, quelles seront les mesures à proposer contre ces évènements et celles qu'on devra faire dépendre de moi. Les troupes Impériales Russes, ayant bien du pays à parcourir avant d'être inquiétés d'ennemis, il semble que s'il ne se présentait pas d'autre moyen pour alléger le transport de l'artillerie, surtout celui du parc, et pour épargner mieux, jusqu'au besoin, le train et l'attelage, il faudrait lui indiquer une route qui lui fût particulière. Une autre attention

également favorable à l'infanterie et la cavalerie, serait qu'en les menant par deux routes différentes on fit succéder la cavalerie d'un ou de deux jours à l'infanterie, puisque alors l'une et l'autre auraient moins à souffrir des mauvaises qualités des chemins, ou des ruptures occasionnées par les troupes et équipages. Voilà, m-r, en gros, les observations que j'ai cru dévoir indiquer préalablement à v. e., en lui recommandant les intérêts du corps d'armée, qui, s'il me sera possible, se trouvera prêt à passer les frontières au moment même où vous m'aurez fait l'honneur de me communiquer les propositions de la cour de Vienne sur notre marche ultérieure".

На подобныя письма генералъ Нумсенъ былъ очень таровать. Не мало пришлось графу Андрею Кириловичу съ нимъ пережить горя. Онъ оказался во сто разъ неуживчивѣе, но за то во столько же разъ многорѣчивѣе Розенберга. Онъ спорилъ со всѣми и обо всемъ. Присланныхъ къ нему изъ Вѣны чиновниковъ онъ сводилъ съ ума своими требованіями. Курьеровъ онъ разсылалъ безпрестанно, то въ Вѣну, то въ Петербургъ, вѣчно требуя новыхъ наставленій. Онъ до того ими досадилъ не только послу, но и самому Государю, что Павелъ I разорвалъ его послѣднее донесеніе и въ такомъ видѣ повелѣлъ ему бумагу возвратить. Вслѣдъ за этимъ онъ былъ отставленъ отъ службы, и на его мѣсто назначенъ генералъ-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ. На первый разъ, однако, письмо Нумсена получено было съ великою радостію въ Вѣнѣ.

„Il y a quelques jours", доносилъ по поводу этого письма отъ 9 Марта Разумовскій, „par un courrier de m. le général Numsen, j'ai été mis en possession de la lettre que j'ai l'honneur de présenter ci-joint en original. Je me suis hâté d'en communiquer le contenu au ministère de cette cour, dont la joie et la satisfaction auraient excité un nouveau témoignage de réconnaissance envers V. M. I., si l'expression de ce sentiment n'avait été suspendu par la surprise de n'avoir rien appris à ce sujet ni par moi, ni par le comte de Cobenzl. Cela n'a pas cependant empêché qu'on fit provisoirement les dispositions nécessaires. On se flatte maintenant que le maréchal Souvoroff, qui est attendu d'un moment à l'autre, y suppléera par les ordres qu'il aura reçu directement de V. M. Ayant eu occasion de faire ma cour à l'empereur, je me fais un devoir de transmettre à V. M. I. les expressions affectueuses, dont ce monarque m'a entretenu touchant l'heureux évènement des fiançailles de son auguste frère avec S. A. I. madame la G-de D-sse Alexandra et son impatience de transmettre lui même à V. M. I. le sentiment de bonheur et de contentement que cet évènement a répandu dans sa famille... Les troupes auxiliaires de V. M. ont commencé à défiler hier dans la proximité de la capitale. La première

division, forte d'environ 3000 hommes, sous la conduite du lieutenant-général Schweikowsky, a passé dans la cour du château de Schönbrunn sous les yeux de S. M. l'empereur, qui s'y est rendu à cheval, en presence d'une foule prodigieuse des habitants de Vienne, dont les éloges unanimes ont rendu justice à la beauté et à la tenue de ces troupes [1]). C'est avec une satisfaction inexprimable, Sire, que je consignerai ici un autre éloge qui honore également les soldats et leurs chefs. Pendant une longue intervalle que le corps auxiliaire a cantonné dans les environs de la capitale, on n'a eu à se plaindre d'aucun excès, pas même irrégulatiré dans leurs conduites. Bien au contraire, leur activité et leur louable dévouement ont été souvent utiles au secours des malheureux dont les possessions ou l'existence ont été exposées aux ravages des inondations, qu'a causé la saison rigoureuse de cette année [2]). L'époque du commencement des hostilités en Italie semble fixée à l'arrivée du maréchal Souworoff, et il ne tiendra pas à moi, Sire, à accélérer, autant qu'il sera en mon pouvoir, le départ du maréchal pour l'armée qu'il doit commander, persuadé que je remplirai par là les intentions de V. M. I.“

Въ то время, какъ въ Вѣнѣ со дня на день ожидали пріѣзда Суворова, рѣшено было, что эрцгерцогъ Іосифъ въ Италію не поѣдетъ, и что союзная итальянская армія поступитъ въ полное распоряженіе фельдмаршала. Времени терять было уже невозможно; еще до объявленія разрыва между Франціею и Австріею раздались первые военные громы на Рейнѣ. Раштадтскій конгрессъ разъигрался кровавою драмою, бросившею страшную тѣнь подозрѣнія на Тугута. О выжиданіи австрійскому министерству нельзя было думать. Въ то же время дошло до австрійской столицы извѣстіе о блестящемъ завоеваніи Іоническихъ островова, захваченныхъ одинъ за другимъ храбрымъ адмираломъ Ушаковымъ. „L'importante nouvelle“, доносилъ по этому случаю отъ 11 Марта Разумовскій, „dont je me suis empressé de porter l'hommage aux pieds de V. M. I., la soumission de l'ile de Corfou, ajoute un nouvel éclat à la valeur, à l'activité de vos troupes et à l'intelligence de leurs chefs, et doit influer puissament sur la situation des affaires en général et particulièrement en Italie... L'amiral Oushakoff, d'après les nouvelles reçues par le marquis de Gallo, se proposait, immédiatement après avoir mis ordre aux arrangements relatifs à sa conquête, de se porter sur les côtes de la Calabre, pour appuyer les efforts du parti fidèle au souverain. Cela relevera le courage des peuples. L'apparition de l'amiral achevera de changer la résolution

[1]) Отсюда депеша приведена у Милютина I. 494.

[2]) Здѣсь цитатъ прерывается.

de L. L. M. M. Siciliennes de fuire de Palerme en Angleterre. Les voeux les plus ardents doivent animer tout esprit bien pensant, toute âme loyale pour la rédemption de cette famille auguste et des peuples qui lui sont soumis. Un concours de cirsonstances déplorables de tous côtés les ont précipités dans l'abime. A vous, Sire, à votre glorieuse destinée appartient cette oeuvre magnanime. La Providence veillera sur vos succès Sire, et ceux-ci entraineront le concours de vos alliés. Si l'action de l'armée autrichienne en Italie correspond à l'époque du secours que doit porter l'amiral Oushakoff, nul doute que l'ennemi succombera sous l'effort combiné de l'un et de l'autre. L'arrivée du maréchal Souworoff suspend jusqu'ici l'ensemble de cette opération salutaire. Dans le cas où des évènements imprévus engageraient L. L. M. M. de quitter la Sicile, ne conviendrait-il pas qu'elles se réfugient à Corfou, sous la protection du pavillon de V. M.? Cette idée, que je prends la liberté de soumettre à votre haute considération, se présente à mon esprit dans ce moment-ci et n'a été, que je sache, conçue par personne ici... J'ose croire qu'elle est conforme à l'intérêt généreux que V. M. I. témoigne à L. L. M. M. Siciliennes".

Наконецъ, 15 Марта Суворовъ прибылъ въ Вѣну. У посла въ домѣ приготовлена была для него квартира и, до малѣйшихъ подробностей, соблюдены были всѣ причуды великаго полководца. Зеркала и картины были завѣшаны, дорогая мебель и бронза вынесены. Въ спальнѣ вмѣсто кровати на полу было разложено сѣно [1]). Фельдмаршалъ былъ тронутъ такою предупредительностью, а отъ любезной, радушной графини Елизаветы Осиповны онъ былъ безъ ума. Домъ посольства, лѣстницы, дворъ, улицы вокругъ, съ утра до вечера были полны народомъ во все время пребыванія Суворова. Каждый вечеръ бывалъ у посла раутъ, все высшее общество съѣзжалось въ надеждѣ увидать знаменитаго фельдмаршала. Но по случаю поста Суворовъ отказался отъ всякихъ пріемовъ и выѣздовъ, впрочемъ, вѣроятно въ угоду любезной хозяйкѣ дома, онъ раза два выходилъ въ посольскія гостинныя, гдѣ его ожидала вся вѣнская знать, по-своему былъ любезенъ съ тѣснившимися вокругъ его дамами, перепрыгивая, какъ коза, съ одного мѣста на другое. Увидавъ извѣстнаго принца де-Линя, большого пріятеля дома Разумовскихъ, котораго знавалъ онъ во время турецкихъ войнъ и таврическаго путешествія Екатерины, Суворовъ воскликнулъ: „Здравствуйте г. фельдмаршалъ съ острова Цитеры" [2]).

„Depuis l'arrivée du maréchal comte Souworoff, доносилъ Императору отъ 21 Марта Разумовскій, „j'ai toujours été dans l'attente

[1]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли (1847). III. 344.

[2]) Русскій Архивъ 1877. I. 491.—Записки графа Рибопьера.

d'une expédition de courrier, et j'y comptais d'autant plus, que l'intention de cette cour-ci était de rendre le séjour du maréchal le moins long possible, vû que les hostilités ayant éclaté en Suisse et en Allemagne, il devient de jour en jour plus urgent de les commencer aussi en Italie et elles n'y ont été différées que pour donner au maréchal le temps de prendre le commandement de l'armée qui lui sera confiée. On calculait que sa demeure à Vienne ne serait que de trois à quatre jours, temps nécessaire afin de le munir d'instructions sommaires pour le début de la campagne. Mais de délais en délais, dix jours se sont presqu'écoulés, sans que j'aie pu faire parvenir des rapports à V. M. I. Et comme je prévois que de trois à quatre jours encore le maréchal ne sera point expédié, je me détermine d'envoyer aujourd'hui un courrier, pour soumettre à V. M. le précis des évènements qui se sont accumulés dans cette intervalle... Je commencerai par présenter l'historique de l'arrivée du maréchal et de son début à la cour. Ayant été informé par les courriers, qui l'ont dépassé sur sa route, de l'époque où il pourrait être à Vienne, j'envoyai à sa rencontre à Brûnn pour lui offrir de mettre pied-à-terre dans ma maison, où je le vis paraitre le $^{14}/_{25}$ au soir. S. M. l'empereur m'avait fait prévenir qu'elle nous donnerait audience le lendemain à 10 heures. En nous rendant au palais, appelé la Burg, depuis l'escalier de ma maison, tout le long du chemin et jusqu'au corridor de l'appartemment de l'empereur, nous trouvâmes une foule de curieux, qui se précipitaient pour voir le maréchal en criant: vivat Paul, vivat Souvoroff! Le maréchal ému jusqu'aux larmes leur répondait: Vivat Kaiser Franz! et les acclamations se répétaient avec transport. Le maréchal entra seul chez l'empereur et eut une audience à peu près d'une demie heure, après quoi je présentai à S. M. les officiers de la suite du maréchal et j'eus une audience particulière dans laquelle ce monarque m'entretint de la satisfaction qu'il avait de posséder cet illustre guerrier et particulièrement sa reconnaissance envers V. M. I. d'avoir eu la bonté de l'accorder à sa demande, et de son espoir dans les talents et la valeur du maréchal. Le lendemain nous fimes notre cour à S. M. l'impératrice, à Madame de France et aux archiducs. La même affluence de monde nous accompagna et nous suivit par toute la ville, lorsque nous allâmes rendre nos devoirs à m-gr. le prince Ferdinand, qui demeure dans un quartier assez distant du palais. J'avais ce même jour un grand diner privé auquel le maréchal ne voulût point paraitre à cause du carême rigoureux qu'il observe, ce qui lui a fait refuser toutes les invitations en ville, et par la même raison S. M., pleine de bonté à son égard, à jugé à propos de le dispenser de la distinction très particulière, dont elle voulait l'honorer, en l'invitant de diner chez elle. Le maréchal a suivi jour-

nellement sa manière de vivre accoutumée, et comme ses habitudes et ses heures sont entièrement opposées à celles du reste de la société, il n'est pas sorti de chez lui, après avoir rempli envers la cour les divoirs dont je viens de rendre compte, et c'est à l'empressement que j'ai eu. Sire, de me conformer à sa manière de vivre, dicté par la nécessité. pour l'intérêt mutuel des deux augustes cours impériales, d'être l'intermédiaire des relations du maréchal avec le ministère, que se rapporte le défaut de loisir, où je me suis trouvé. Je m'empresse, Sire, de rapporter ici, que le maréchal est sorti une matinée de sa retraite pour se rendre à Schönbrunn, afin d'y voir passer en présence de l'empereur une division du corps auxiliaire. Nous y sommes arrivés en voiture et ayant trouvé S. M. à cheval sur la chaussée, elle a eu la bonté de nous faire donner des chevaux et de nous garder auprès d'elle, pendant que la troupe à défilé conduite par le l-t-général Förster, à la très grande satisfaction de S. M. et du maréchal [1]). Le maréchal m'a parlé de sa tactique, de son discours aux soldats et des principes qu'il a à suivre dans le commandement dont il a été honoré. Je n'ai pû, ni dû, ce me semble, Sire, entrer dans ces détails avec le ministère. Je me suis borné à les indiquer et j'ai cru d'autant plus à sa place d'en laisser le développement à l'époque où le maréchal se trouvera à la tête de l'armée. J'ai été à plusieurs reprises assuré, par l'empereur lui-même et par le ministère, que le maréchal y jouirait d'une autorité absolue, et que S. M. désirait qu'il imprimat à ses troupes les impulsions qu'il jugerait les plus convenables pour les succès, auxquels la confiance de l'empereur l'appelait [2]), mais il tient à mon devoir de porter respectueusement à la connaissance de V. M. I. que, dès les premiers instants de l'arrivée du maréchal, le baron de Thugut m'a prévenu qu'il fût revêtu dans le service autrichien du même grade, qu'il a l'honneur de porter dans celui de V. M. I., formalité sans laquelle il serait impossible de lui subordonner l'armée, ajoutant que l'empereur se flattait que V. M. daignerait accorder au maréchal la permission de l'accepter. Je me suis empressé d'en rendre compte au maréchal, qui portera à vos pieds la respectueuse sollicitation de votre gracieux consentement. J'ajouterai que la patente, pour le dit grade de feldmaréchal, lui a été envoyée aujourd'hui du conseil de guerre. On s'est occupé depuis son séjour ici de discuter divers objets relatifs aux opérations futures de l'armée qui lui sera confiée. Indépendement de ce que j'ai eu à traiter sur cette matière, S. M. a jugé à propos de lui envoyer le l-t-général Lauer, directeur du génie, employé sous le défunt maréchal Wurmser en

[1]) Отсюда начинается цитатъ у Милютина. I. 494.

[2]) Здѣсь цитатъ у Милютина оканчивается.

Italie, mais comme il n'y a guère eu moyen d'établir un concert à cet égard, jusqu'à ce que le maréchal ait pris connaissance du local et des forces qui seront mises à sa disposition, S. M. a jugé plus convenable de restreindre, autant que possible, les instructions dont elle munira elle-même le maréchal au moment où il se présentera pour prendre congé, ce qui aura lieu, je pense, dans une couple de jours. Ces instructions se borneront à lui indiquer les opérations les plus essentielles pour le début de la campagne. Elles consisteront dans l'occupation indispensable de Peschiera, dont la prise n'exigera point un siége, vu le peu de défense, dont elle est susceptible, Goïto également facile, Mantoue prise d'assaut ou bloquée, selon que le maréchal le jugera convenable, après avoir consulté les ingénieurs et quartier-maîtres, qui se trouvent à son armée. Les premières mesures arrêtées, il sera prescrit au maréchal de pousser aussi loin qu'il pourra dans le Milanais et le Piémont. Le maréchal fut averti mardi dernier", доносилъ далѣе отъ 26 Марта Разумовскій, „que le lendemain matin l'empereur le receverait, pour lui donner ses ordres définitifs. Il se rendit seul à l'audience de S. M. et se détermina sur le champ à partir, dès qu'il aurait rempli ce devoir. L'empereur lui renouvela les assurances bienveillantes de la confiance qu'il mettait dans son zèle et dans son expérience, et lui remit une instruction en français dont le maréchal m'a donné lecture. Elle est conçue en termes généraux, pour le début de la campagne, lui enjoignant de se référer toujours, assez à temps, par avance à S. M. sur les opérations ultérieures. Divers petits incidents dans les équipages du maréchal ont retardé le départ jusqu'au soir et l'énorme quantité de neige l'on contraint d'attendre encore jusqu'au lendemain. Il s'est mis en route avant hier, se proposant de faire la plus grande diligence".

Между Суворовымъ и Разумовскимъ установились самыя дружественныя отношенія. Фельдмаршалъ въ откровенныхъ бесѣдахъ повѣрялъ послу свои планы и послѣдній былъ пораженъ свѣтлыми мыслями и своеобразнымъ изложеніемъ знаменитаго полководца. Смотръ въ Шёнбрунѣ былъ настоящимъ торжествомъ не только для Суворова и Разумовскаго, но вообще для всѣхъ русскихъ находившихся въ то время въ Австріи. Вся Вѣна хлынула въ Шёнбрунъ смотрѣть на это необыкновенное зрѣлище. Энтузіазму и крикамъ не было конца. Въ Суворовѣ и его солдатахъ австрійцы привѣтствовали своихъ избавителей [1]). Въ день отъѣзда своего къ арміи, Суворовъ, садясь въ дорожный экипажъ, надѣлъ на графиню Разумовскую, которую, какъ мы уже упомянули, особенно полюбилъ за любезность и ласку, золо-

[1]) Русскій Архивъ 1877 г. I. 491.—Записки графа А. И. Рибопьера.

тое сердечко (оно лежало на золотомъ блюдѣ), заперъ его ключемъ и, положа ключикъ въ карманъ, уѣхалъ [1]).

ГЛАВА XV.

Назначеніе Колычева. — Переписка съ Суворовымъ. — Побѣды Суворова.

Въ то время, какъ въ Вѣнѣ чествовали графа, а теперь и фельдмаршала обѣихъ имперій, новая непріятность готовилась въ С.-Петербургѣ для графа Андрея Кириловича. Жалобы Розенберга разгнѣвали Павла I и возбудили его противъ только что отличеннаго имъ посла. „Г. д. т. с. графъ Разумовскій", сказано было въ рескриптѣ отъ 3 Марта, „для лучшаго успѣха въ производствѣ многочисленныхъ разныхъ дѣлъ, въ теперешнихъ обстоятельствахъ произойти могущихъ, признали мы нужнымъ отправить въ Вѣну для пребыванія тамъ вмѣстѣ съ вами нашего т. с. Колычева, коего вы по пріѣздѣ его и представите е. в. императору римскому и его министерству, яко помощника вашего, сообщая ему дѣла, архивъ и позволяя употреблять чиновниковъ при посольствѣ вѣнскомъ находящихся".

Легко себѣ представить каково было Разумовскому получить рескриптъ этотъ. Онъ слишкомъ живо помнилъ собственное назначеніе, чтобы не понять къ чему будетъ клониться подобное совмѣстничество.

Въ Петербургѣ были увѣрены, что вторичное назначеніе Колычева повлечетъ за собою немедля отставку Разумовскаго. Больной князь Безбородко уже оплакивалъ удаленіе Андрея Кириловича отъ дѣлъ. „Я привыкъ говорить съ вами чистосердечно", писалъ онъ отъ 7 Января 1799 г. къ графу П. В. Завадовскому, „и потому не могу скрыть сожалѣнія объ отставкѣ графа Разумовскаго, который для службы есть большая потеря. Я не великаго мнѣнія о его моральныхъ качествахъ, но способности его не замѣнитъ г. Колычевъ. Послѣдняя, отправленная къ нему экспедиція, конечно бы поправила его, если онъ иногда казался приверженнымъ системѣ двора вѣнскаго" [2]).

Однако Разумовскаго не вызывали изъ Вѣны и Колычевъ долженъ былъ одновременно съ нимъ править дѣлами. Послѣдній немедля, послѣ

[1]) Бантышъ-Каменскій.—Словарь достопамятныхъ людей. III. 7.

[2]) Письмо кн. Безбородко изъ Москвы. Русскій Архивъ 1877 г. Т. I. стр. 291.

подписанія выше приведеннаго рескрипта, поскакалъ въ Вѣну, а вице-канцлеръ графъ Кочубей въ письмѣ отъ 7 Марта объяснилъ графу Андрею Кириловичу суть дѣла.

„Je ne vous aurais pas écrit du tout aujourd'hui", писалъ онъ, „si je ne croyais pas devoir vous prévenir du nouveau changement qui a eu lieu dans la destination de Kolytcheff. Rosenberg, ainsi que d'autres officiers ont porté des plaintes contre vous. Le premier prétend que vous n'avez jamais appuyé suffisamment ses représentations, que vous n'avez même pas pris assez à coeur les intérêts et l'honneur de nos troupes, quand il a été dans le cas de réclamer vos bons offices. L'Empereur en a été très mécontent et a sur le champ décidé, que Kolytcheff se rendrait à Vienne pour y vaquer plus pariculièrement à tout ce qui a rapport aux divers corps de nos troupes, et pour correspondre à ce sujet avec nos généraux etc. etc. etc. Que cette aventure ne vous fasse pas prendre le parti de quitter. Vous ne devez pas songer à aucune démarche de cette nature. Vous devez patienter et aller votre train ordinaire. Je ne suis pas le seul de mon avis; des gens mieux au fait des affaires pensent comme moi, et je vous prie d'écouter les avis d'un ami qui prend le plus vif intérêt à tout ce qui vous regarde. Je sais que votre position est désagréable, mais elle peut changer et d'ailleurs quand même elle ne changerait pas, ce qui n'est pas à supposer, il n'y a pas autre chose à faire. Tachez de vous mettre bien avec le comte de Souvoroff, qui j'imagine sera bien plus coulant sur toutes les choses, que ce pédant et très borné Rosenberg [1])". „Колычевъ est parti hier pour Vienne, писалъ одновременно тотъ же Кочубей къ графу С. Р. Воронцову". „Il a été envoyé comme adjoint au comte de Rasoumovsky et pour soigner les affaires qui concernent nos armées. Les plaintes de Rosenberg contre ce dernier ont donné lieu à cette nouvelle disposition [2])".

Взволнованный и обиженный Разумовскій обратился къ принцу Фердинанду Виртембергскому, прося его засвидѣтельствовать, что онъ ни въ чемъ относительно корпуса Розенберга не былъ виновенъ. „M. l'ambassadeur", отвѣчалъ ему принцъ отъ 5 Апрѣля (нов. ст.). „C'est avec une douleur d'autant plus vive que j'apprends le sujet qui affecte et afflige v. e., que témoin oculaire de tout ce qui s'est passé à Brünn, pendant tout le temps du séjour de LL. MM. dans cette ville, et ayant l'avantage de vous posséder dans ma maison, m. le comte, rien ne m'a échappé de tout ce que vous avez fait et dit, pour faire contraste par la politesse et l'obligence la plus recherchée vis-à-vis de

[1]) Архивъ кн. Разумовскаго.

[2]) Архивъ князя Воронцова XVIII, 196.

m. le général de Rosenberg, au manque d'égards et à l'humeur qu'il a affectée, pendant tous le temps qu'il s'est trouvé à Brünn. V. e. se rappelera, qu'après avoir fait à ce général la premiere visite, je lui témoignai ma surprise et mes regrets de ne pas le voir arriver chez l'ambassadeur de son maître avec tous les généraux de son corps, que j'ai eu l'honneur de lui présenter. Ce manque d'égard, vis-à-vis du représentant de S. M. I. de toutes les Russies, étonna tout le monde et cet auguste Monarque est trop juste pour ne pas tirer de cette circonstance des conséquences sur toute la conduite subséquente de ce général vis-à-vis de v. e. Elle aurait été comme ambassadeur dans le cas de se plaindre de lui, comment supposer qu'il aurait osé vous calomnier. Je n'ai répondu que par l'exposé simple des faits à l'interpélation de v. e., et je fais bien des voeux pour que S. M. I., qui connait ma franchise et ma loyauté, trouve dans ces vérités la justification de v. e.".

Подкрѣпленный этимъ свидѣтельствомъ, Разумовскій обратился къ Государю съ слѣдующимъ донесеніемъ отъ 26 Марта (ст. ст.). „Le coeur profondément navré du contenu du rescrit de V. M., j'ai pris la liberté, Sire, de réclamer le témoignage de m.-gr le prince Ferdinand touchant ma conduite pendant le séjour à Brünn. Ayant eu l'honneur d'habiter la même maison que S. A. S. et un appartement presque attenant au sien, je n'y ai pas été un seul instant absent de sa personne, hors les moments employés à rendre visite à mm. le généraux, sans nulle exigence d'étiquette, ni même de réciprocité de ma part. J'ose supplier respectueusement V. M. de daigner jeter un coup-d'oeil sur la lettre ci-jointe de S. A. S. que je dépose à vos pieds, Sire, avec l'expression de la douleur profonde dont je suis pénétré".

Письмо за письмомъ отправлялъ Разумовскій то къ Кочубею, то къ графу Ростопчину, требуя объясненій и угрожая отставкою. „Vous me parlez de Kolytcheff", отвѣчалъ ему отъ 31 Мая графъ Викторъ Павловичъ", et Rostoptchine homme très bien pensant, m'a montré la lettre que vous lui avez écrite à ce sujet. En faire usage, serait précipiter votre rappel, et d'ailleurs ni lui, ni moi ne ferons jamais aucun usage des lettres de cette espèce, ni d'autres, pour affaires qui nous seront adressées. L'Empereur a indiqué la marche qui doit être suivie. Il veut qu'on lui écrive diréctement et personne ne peut répondre du résultat d'une pareille missive, non plus que de le changer ou modifier (sic). On se forme de fausses idées à 500 lieues. Rastoptchine m'a prié de vous écrire toutes ces vérités, je n'ajouterai rien de plus, sinon des voeux, que le ciel vous inspire bien et l'assurance que Kolytcheff ne cherche pas l'ambassade de Vienne. Lui et les parents de sa femme [1])

[1]) Жена Степана Алексѣевича Колычева, Варвара Ѳедоровна, была рожденная графиня Головина.

désireraient qu'il fût membre du collége des affaires étrangères et il ne le sera pas". „Je vous le répéte encore", писалъ еще Кочубей, „il faut vous bien garder de faire aucune démarche pour vous en aller. Ce qui vous est arrivé, se fait tous les jours ici, et l'on y est tellement habitué, qu'être renvoyé et repris au service, n'est plus que deux choses tout à fait indifférentes. Cela vous paraitra peut être singulier, mais ce n'est que l'exacte vérité. Il s'est établi une manière de voir les choses si nouvelle, si extraordinaire, qu'il faut avoir passé quelque temps ici pour en avoir une idée juste. Ceux, qui se sont fait une espèce de philosophie là-dessus, sont parfaitement contents, quant à ceux qui agissent par d'autres mobiles, qui ont surtout le malheur d'être nés sensibles, ils sont réellement à plaindre. Il ne vous reste d'autre parti à prendre que de rester tranquille, jusqu'à ce que vous soyez tout à fait mis de côté, à moins que désirant vous éloigner, vous ne chargiez ici vos amis de vous en préparer les voies. Cependant dans cette dernière hypothèse-même, personne ne peut vous garantir que l'on vous permettra de résider à Vienne, et alors que deviendrez vous? Où pourrez vous et voudrez vous vous fixer? Vous établirez-vous à Moscou? ou aimerez-vous mieux aller en Ukraine? Il me semble que rien de tout cela ne peut vous convenir à la longue, et je répéte encore, que je ne saurais assez désirer que vous conserviez votre ambassade de Vienne. Les circonstances peuvent changer d'un moment à l'autre. L'Empereur ne voulait pas entendre parler de Kolytcheff il y a six mois, et qui peut me répondre que sa faveur durera encore quelques mois. Au reste je ne doute pas que vous ne fassiez tout ce qui peut dépendre de vous, pour lui faciliter les moyens de débuter avec succès. Je ne sais, jusqu'à quel point il pourra profiter des services que vous lui rendrez à ce sujet. Il me parait borné, mais avec cela je lui crois beaucoup de petites ruses d'amour-propre et beaucoup de petits moyens. Faites votre plan en conséquence et ne donnez aucun lieu à des plaintes de sa part. Elles pourraient avoir en ce moment-ci des suites désagréables pour vous. Je vous parle, comme vous voyez, avec toute franchise. Vous jeterez ma lettre au feu après l'avoir lue, tout comme vous feriez bien d'en faire autant avec les autres papiers, de quelque conséquence pour vous personellement, ou pour vos amis. Quoiqu'en pays étranger, je crois qu'il est bon qu'un russe y soit au niveau avec ses compatriotes chez eux. La *prudence*, la *prudence* sera toujours mon réfrain".

Письма Кочубея убѣдили графа Андрея, что дѣлать было нечего и волею-неволею приходилось покориться грустной дѣйствительности. Послѣ здраваго размышленія, онъ рѣшился изъявить Государю полнѣйшую свою покорность, втайнѣ предоставляя себѣ сдѣлать положеніе

Колычева въ Вѣнѣ по мѣрѣ силъ своихъ невозможнымъ. Пріѣздъ Великаго Князя Константина Павловича въ Вѣну, по дорогѣ къ арміи, подалъ Разумовскому поводъ къ всеподданнѣйшему донесенію.

„Ayant passé la nuit du 10 au 11 (н. ст.) à Nickelsbourg" доносилъ онъ Государю отъ 1 Апрѣля, „le Grand Duc Constantin s'est arrêté après midi à Gaunersdorf à 3 postes de Vienne, où le prince Esterhazy avait fait venir ses gens et sa cuisine pour le service d'un diner, auquel j'ai eu l'honneur d'assister. A cinq heures nous nous sommes rendus au chateau de cette capitale dans l'appartement préparé pour m-gr le Grand-Duc (c'est celui de l'archiduc Charles). S. A. I., reçue par le grand chambellan comte de Colloredo, fût conduit aussitôt chez l'empereur, qui le reçut seul dans son appartement journalier. M-gr le Grand Duc passa chez le palatin, de là chez madame de France et chez les jeunes archiducs. La soirée se termina par le spectacle où il assista dans la loge de S. M. et fût accueilli par les applaudissements de toute la salle. Aujourd'hui S. A. I. reçut la visite de l'empereur et de la famille impériale et dina chez S. M. avec toutes les personnes de sa suite [1]), les principales charges de la cour, et où j'assistais avec m. de Kolytcheff, le général-major Tolstoy [2]) et le baron de Stroganoff [3]). M. de Kolytcheff arrivé avant-hier m'a remis, Sire, le rescrit dont il a plu à V. M. I. de le charger. Je me suis mis en devoir dès le même jour d'en exécuter le contenu, ainsi qu'il en rendra compte lui même. Je m'empresserai, Sire, par ma soumission à vos augustes volontés, à mériter l'approbation bienveillante de V. M. I.".

По случаю пребыванія Великаго Князя въ Вѣнѣ, графъ Андрей Кириловичъ, въ день коронаціи Государя, задалъ пиръ горой. Поутру было торжественное богослуженіе въ посольской церкви, потомъ великолѣпный банкетъ, на который позваны были всѣ русскіе, находившіеся въ то время въ Вѣнѣ и, наконецъ, вечеромъ, по просьбѣ Великаго Князя, въ домѣ посла, данъ былъ блестящій балъ, на которомъ присутствовала вся вѣнская знать, а равно и вся императорская фамилія, за исключеніемъ императора, котораго задержала простуда.

[1]) Генералъ отъ кавалеріи Дерфельденъ и адъютанты: Озеровъ, Сафоновъ, Комаровскій и Лангъ.

[2]) Графъ Петръ Александровичъ Толстой, впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи и всѣхъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, тогда уже генералъ-адъютантъ, назначенъ былъ состоять при арміи эрцгерцога Карла. Его особенно горячо рекомендовалъ Разумовскому Кочубей. „Je profite de l'occasion du comte Tolstoy", писалъ онъ, „un fort honnête homme. Accueillez bien, je vous prie, cet aide-de-camp. C'est ce qu'il y a de mieux parmis les gens de son espèce, qui entourent l'Empereur".

[3]) Баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ, впослѣдствіи графъ и оберъ-камергеръ, тогда камергеръ, отправленъ былъ въ Вѣну съ чрезвычайною миссіею, по случаю бракосочетанія Великой Княгини Александры Павловны.

„Les sentiments d'affection particulière", доносилъ отъ 10 апрѣля Государю Разумовскій, „que le Grand Duc a inspiré à l'empereur et à toute sa famille, l'intérêt général dans le public de Vienne, dont le voeu ardent et sincère l'accompagne dans la carrière intéressante, où le guident son zèle militaire et la bouillante valeur qui l'animent, ont éclaté par le cri unanime à son passage—de vive Constantin, vive Paul I".

Покорность Разумовскаго, какъ видно, оказалась угодною въ Петербургѣ. Колычева какъ-бы забыли и онъ жилъ въ Вѣнѣ безъ всякаго дѣла. „Миссія", писалъ отъ 28 Мая къ Суворову графъ Андрей Кириловичъ, „по вспыльчивости осталась теперь безъ дѣятельности; ко мнѣ всѣ повелѣнія, какъ прежде и милостивѣе прежняго, изъ чего происходитъ въ немъ (т.-е. Колычевѣ) досада и попытка отвратить на свою сторону корреспонденцію съ вами". Между посломъ и фельдмаршаломъ завязалась живая переписка. Послѣдній называлъ перваго вѣрнымъ, лучшимъ своимъ другомъ и часто вспоминалъ въ письмахъ своихъ любезную вѣнскую свою хозяйку, которая съ своей стороны посылала ему дружескіе привѣты, благодарила за побѣды и приказывала сказать, что „носитъ сердце фельдмаршала вседневно и свое ему даруетъ". Къ Колычеву наоборотъ Суворовъ, особенно со времени битвы при Требіи, относился далеко не такъ дружелюбно „Степанъ Васильевичъ", писалъ онъ къ Разумовскому отъ 27 Іюня изъ-подъ Александріи, „съ своимъ изнуреніемъ и влажными угодностями не долженъ тутъ мѣшаться!"

3 Апрѣля Суворовъ прибылъ въ Верону. Его вездѣ встрѣчали съ восторгомъ и любопытствомъ. 4-го числа онъ уже былъ въ Валеджіо и обратился съ сильнымъ воззваніемъ къ итальянцамъ, объявляя, что идетъ защищать вѣру и законныя правительства. Въ Валеджіо рѣшился онъ дождаться прибытія русскихъ войскъ и не теряя времени занялся ученіемъ и манёврами, которыя должны были посвятить австрійцевъ въ тайны его тактики. 8 Апрѣля армія двинулась къ рѣкѣ Кіезѣ, а 10 Апрѣля къ ногамъ Суворова пала Брешіа. Войска двинулись далѣе къ Аддѣ, оставивъ корпусъ подъ начальствомъ генерала Края для блокады Пескіеры и Мантуи, 13-го взятъ былъ Бергамо, 15, 16 и 17-го французы разбиты были при Лекко, Кассано и Ваприо на берегахъ Адды. 18-го побѣдитель вступилъ въ Миланъ. Въ Ломбардіи, Романіи и Легаціяхъ жители возстали противъ французовъ. Въ какія-нибудь двѣ недѣли Суворовъ успѣлъ совершить то, до чего едва смѣли простираться самыя радужныя надежды вѣнскаго кабинета. Въ Вѣнѣ извѣстія эти производили неописанный восторгъ. Тугутъ черезъ Разумовскаго передавалъ фельдмаршалу искреннѣйшее поздравленіе съ славными успѣхами, а также свидѣтельствовалъ усерднѣйшую благодарность за воспоминаніе и увѣреніе въ преданности и почтеніи.

Будущее представлялось въ самыхъ радужныхъ краскахъ. „Твердая надежда на предводительство в. с.“, писалъ къ Суворову Разумовскій, „ничего не оставляетъ желать кромѣ того, чтобы здоровье ваше всегда въ добромъ было состояніи“. „Быстрые успѣхи в. с.“, сообщалъ онъ же фельдмаршалу, когда въ Вѣну стали почти ежедневно пріѣзжать курьеры съ извѣстіями о новыхъ побѣдахъ, „превзошли надежду нашу: осталось только желать, чтобы Богъ споспѣшествовалъ вамъ въ счастливомъ продолженіи подвиговъ, стремящихся къ общему спокойствію и славѣ тѣхъ, которые имѣютъ счастіе быть вашими соотечественниками“. „Привыкши къ безпрестаннымъ побѣдамъ в. с.“, писалъ онъ далѣе отъ 28 Мая, „съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстій вашихъ и необычайно даже, кажется, не слышать нѣсколько дней о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, взятіи городовъ и пораженіи непріятеля. Успѣхи в. с., конечно, сами по себѣ невѣроятны, но надежда наша на васъ такъ тверда и довѣренность такъ велика, что величайшія побѣды кажутся намъ необходимымъ слѣдствіемъ дѣйствій вашихъ“.

Суворовъ не намѣренъ былъ терять времени въ Миланѣ. Быстрый взглядъ его не ограничивался одною Италіею. Онъ требовалъ отъ австрійскаго правительства изгнанія французовъ изъ Швейцаріи и мечталъ о соединеніи тирольской и итальянской армій для вторженія во Францію. На первыхъ порахъ онъ рѣшилъ помѣшать соединенію Моро съ корпусомъ Макдональда, который, какъ гласили лазутчики, спѣшилъ изъ южной Италіи на помощь товарищу. Фельдмаршалъ оцѣпилъ Мантую и спѣшилъ перейти черезъ По, чтобы выступить на встрѣчу къ Макдональду. Планы русскаго полководца показались въ Вѣнѣ слишкомъ смѣлыми. Успѣхъ, правда, превзошелъ всякое ожиданіе, но робкій Тугутъ и ничтожные его помощники не въ силахъ были понять великихъ замысловъ Суворова и опасались испортить дѣло слишкомъ рѣшительными предпріятіями. Императоръ Францъ изъявилъ фельдмаршалу полную свою благодарность за блестящія побѣды, но въ то же самое время настаивалъ на томъ, чтобы военныя дѣйствія сосредоточены были на лѣвомъ берегу рѣки По, и чтобы главное вниманіе обращено было на завоеваніе занятыхъ французами крѣпостей. Все это діаметрально противорѣчило намѣреніямъ Суворова. Рядомъ съ упоеніемъ отъ успѣха, въ Вѣнѣ стали проявляться надѣлавшія столько бѣдъ Австріи недовѣрчивость и страсть къ регламентаціи. Опасенія на счетъ будущаго брали верхъ надъ настоящимъ. Вѣчно недовольный, вѣчно подозрительный вѣнскій дворъ, привыкшій къ нерѣшительной медлительности и неудачамъ своихъ собственныхъ генераловъ, не довѣрялъ быстрымъ, почти баснословнымъ успѣхамъ русскаго полководца. Не забудемъ, что въ самомъ Петербургѣ мнѣнія на счетъ Суворова были раздѣлены, и что многіе изъ рус-

скихъ съ скептицизмомъ относились о его способностяхъ. „Nous verrons ce que fera Souworoff“, писалъ отъ 27 Апрѣля 1799 г. къ графу С. Р. Воронцову, графъ В. П. Кочубей, „les opinions sont bien partagées ici sur les probabilités de ses succès“ [1]). Несмотря на дружескія отношенія фельдмаршала, графъ Андрей Кириловичъ отчасти раздѣлялъ образъ мыслей Тугута и не вполнѣ одобрялъ слишкомъ быстраго движенія союзныхъ войскъ.

„Les pertes qu'ont essuyées les Français“ доносилъ онъ отъ 27 Апрѣля Государю, „le découragement qu'a produit sur eux une continuité de revers, présentent sans doute une chance des plus favorables à la poursuite des succès et offre au maréchal Souworoff la perspective, facile en apparence, de se porter en avant. Les rapports mandent, qu'après avoir laissé quelques bataillons dans Milan, il marchera vers le Tessin, où l'ennemi s'est retiré. Mais il est à considérer que les progrès dans les guerres d'Italie sont rapides dans la prospérité, et que les mouvements rétrogrades le deviennent également, lorsqu'on ne s'est pas assuré de quelques places fortes, pour arrêter les entreprises de ses adversaires. C'est pour cela qu'on désire ardemment ici, que, sans pousser plus loin, le maréchal songe à renforcer les moyens laissés à la diréction du général Kray... sans doute le maréchal, en égard à la sollicitation aussi motivée, détachera un corps de son armée assez à temps pour remplir l'objet de ce général“. „On n'est pas sans quelque appréhension, que les succès trop rapides du maréchal“, писалъ онъ далѣе отъ 13 Мая, „ne deviennent la cause de quelques revers, vu l'affaiblissement considérable de forces où il se trouve, par les détachements nombreux qu'il a été contraint de disséminer... Le général Kray se plaint aussi de n'être point en force pour mettre l'activité nécessaire au siège de Mantoue... Dans cet état de choses on souhaiterait que le maréchal, arrêtant ses progrès, portat toute son attention à accélérer la prise de Mantoue. Il appartiendrait sans doute à l'armée de l'archiduc Charles de renforcer celle d'Italie, mais ici, malheureusement, se présente un de ses inconvénients, qu'on n'a que trop souvent vû naître, à l'ensemble des opérations militaires. L'archiduc, rivalisant les succès obtenus en Italie, oppose des difficultés à tout ce qu'on lui demande pour y concourir“.

Не легко было, въ описываемую нами эпоху, управлять политическими дѣлами. Покуда въ Вѣнѣ всего боялись, а въ то же время тайкомъ надѣялись какъ можно скорѣе поживиться отнятыми отъ французовъ областями, въ Петербургѣ безпрестанно и притомъ совершенно неожиданно переходили отъ одной крайности въ другую. Кстати написанное письмо, удачно сказанное слово, превращали гнѣвъ на ми-

[1]) Архивъ князя Воронцова. XVIII. 207.

лость и наоборотъ, неловкое дѣйствіе союзника, распространившійся ложный слухъ, могли въ одну минуту измѣнить всю политическую систему Европы и поселить вражду и непріязнь тамъ, гдѣ существовала повидимому самая тѣсная, задушевная дружба. Несчастнымъ дипломатамъ приходилось безпрестанно лавировать, натыкаясь ежеминутно на совершенно неожиданныя препятствія. Въ то время, какъ кипѣла, полная драматизма, борьба въ Италіи и Суворовъ напрасно порывался разомъ сокрушить гегемонію французовъ, а вѣнскій кабинетъ въ ослѣпленіи своемъ трепеталъ за тылъ союзныхъ армій, союзники не могли сговориться на счетъ того, какое направленіе дать новымъ русскимъ корпусамъ, готовымъ выступить изъ-за границы и въ свою очередь помѣриться съ французами. Вѣнскій дворъ желалъ направить корпусъ генералъ-лейтенанта Римскаго-Корсакова (бывшій Нумсена) на Рейнъ, разсчитывая руками русскихъ солдатъ захватить Баварію и подѣйствовать на неблагонадежныхъ владѣтелей германскихъ. Но на это соображеніе не соглашалась Англія, которая въ силу только-что заключеннаго съ Россіею договора, брала войско Корсакова на свое иждивеніе. Мудрое лондонское правительство не предавалось сантиментальнымъ порывамъ, оно плохо довѣряло Австріи и не желало, чтобы Тугутъ безконтрольно распоряжался въ Швейцаріи. Вслѣдствіе этого оно требовало, чтобы корпусъ Корсакова вступилъ въ границы Гельветическаго союза и тамъ дѣйствовалъ совокупно съ войсками эрцгерцога Карла.

Не мало пришлось потратить времени на совѣщанія, депеши, а главное на ожиданіе отвѣтовъ. Представленія Разумовскаго и сэръ Мортонъ Идена плохо дѣйствовали на Тугута. Только категорическій отвѣтъ изъ Петербурга могъ положить конецъ вѣчнымъ его представленіямъ, спорамъ и несогласію.

„Le ministère", докладывалъ Государю Разумовскій отъ 13 Мая, „pénétré d'une entière déférence envers un accord aussi intime que respectable, s'est désisté aussitôt des objections faites précédemment... Il parait plus expédient et plus avantageux à m. de Thugut de faire agir seul le corps subsidiaire en Suisse, renforcé par celui de Condé et de celui que commande le général de Schembeck". Но этотъ послѣдній корпусъ, который, вслѣдствіе безпрестанныхъ перемѣнъ, изъ рукъ Германа попалъ въ руки графа Шембека, а теперь долженъ былъ поступить подъ начальство генерала Ребиндера, вовсе не предназначался къ соединенію съ генераломъ Корсаковымъ. Его отправили на подмогу къ неаполитанскому королю. Извѣстный уже намъ маркизъ де-Галло прискакалъ въ Вѣну съ тѣмъ, чтобы уговорить Тугута помочь несчастному королю своему. „Le ministère autrichien", доносилъ отъ 17 Мая графъ Андрей Кириловичъ, „caractérisé par la ténacité de ses princi-

pes, après avoir vu sans s'émouvoir la destruction de l'armée, l'invasion des états, et le renversement du trône de S. M. Sicilienne, est resté inébranlable dans son opinion. J'ose dire que j'avais prévenu m. de Gallo, que toute tentative à cet égard serait vaine. J'avais été à même de me convaincre particulièrement dans cette circonstance, combien le cabinet de Vienne est peu susceptible de se laisser dévier dans la poursuite d'un plan une fois arrêté, et son système à l'égard de la cour de Naples est, que l'ordre doit y être remis par les succès dans l'Italie supérieure. M. de Gallo épuisa ici tous ses arguments. Il se détermina alors de se porter aux pieds de V. M. I., pour exposer la situation désastreuse de la famille royale. M. de Gallo croit apercevoir dans les combinaisons de l'avenir, que le cabinet de Vienne vise à établir sa suprême influence sur toute l'Italie et verra sans peine les états les plus considérables de cette partie de l'Europe réduits à une médiocrité de puissance, qui ne leur permettera pas de lui disputer sa prépondérance. Soumettre le sort de sa patrie sous ce point à la considération de V. M., reclamer de sa sagesse le contrepoids à porter dans la balance politique de l'Italie, en raison de ses rapports possibles avec la Russie, tels sont les objets infiniment délicats, dont m. de Gallo se propose à solliciter la discussion à St.-Pétersbourg. Il implorera vraisemblablement de la générosité de V. M. un secours de troupes, dirigé par les Dardanelles".

Тугутъ не только безпощадно отказалъ благодѣтельницѣ своей, королевѣ неаполитанской, въ подмогѣ, но успѣлъ еще уговорить Императора Павла измѣнить первоначальное назначеніе корпуса Ребиндера. Подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Неаполѣ, послѣ удаленія королевской фамиліи въ Сицилію, дѣлать было уже нечего, изъ Вѣны просили повернуть корпусъ Ребиндера на сѣверную Италію. Разумовскій, которому не чужда была память сердца и котораго живо озабочивала участь нѣкогда столь любимой имъ королевы, скрѣпя сердце принужденъ былъ представлять Государю о перемѣщеніи войскъ.

„Indépendamment", доносилъ онъ въ своей депешѣ отъ 13 Мая, часть которой мы уже привели выше, „du motif d'ensemble qui a donné ici l'idée de la réunion des deux corps russes, elle tient encore à une considération relative à la cour de Naples. On est informé que cette cour, déjà prévenue contre celle de Vienne, n'est pas éloignée de croire que cette dernière à détourné à son avantage ce secours, originairement destiné à S. M. Sicilienne. De cette manière, à la vérité, on se disculpe en quelque façon vis à vis la cour de Naples, mais sans qu'il en résulte en faveur de cette dernière aucun avantage direct"... [1]).

[1]) Милютинъ, II. 507.

Запутанность этой фразы прямо свидѣтельствуетъ о томъ нравственномъ затрудненіи, въ которомъ находился Разумовскій. Онъ не могъ не соболѣзновать горькой судьбѣ королевы, но въ то же время не имѣлъ силы противиться требованіямъ Тугута. Маркизъ де-Галло поскакалъ въ Петербургъ, напутствуемый благими, хотя и платоническими пожеланіями русскаго посла, который указывалъ на новую ссуду русскихъ солдатъ, какъ на единственный способъ помочь бурбонскому дому въ Неаполѣ, тѣмъ болѣе, что Императоръ Павелъ уже согласился обратить корпусъ Ребиндера (тогда еще Шембека) на сѣверную Италію. Но твердыя убѣжденія и планы, коихъ, по увѣренію Разумовскаго, стойко держался австрійскій министръ, подвергались, и притомъ нерѣдко, измѣненіямъ. Едва успѣли уговорить с.-петербургскій кабинетъ въ необходимости направить новый русскій корпусъ въ сѣверную Италію, какъ представилась крайняя надобность соединить его съ силами Корсакова, для усиленнаго дѣйствія въ Швейцаріи. Предполагалось вовсе вывести австрійскія войска изъ предѣловъ республики, предоставивъ русскимъ силамъ однимъ тамъ распоряжаться. Эрцгерцогъ Карлъ долженъ былъ сосредоточить свои войска въ Швабіи и оттуда идти во Францію, черезъ Гюннингъ и Бельфоръ. „Lorsque le corps subsidiare parviendrait à sa destination“, писалъ по этому случаю Разумовскій, „il trouverait les voies préparées par les succès actuels sur les confins de la Suisse, et il n'aurait pour ainsi dire qu'à traverser ce pays, pour pénétrer en Franche-Comté“ [1]).

Въ Петербургѣ въ эту пору наступилъ стихъ долготерпѣнія. Мольбы вѣнскаго двора не прошли втунѣ. Предложеніе Тугута было принято, съ тѣмъ однако, чтобы на подкрѣпленіе Суворова назначено было равное съ корпусомъ Ребиндера число австрійскихъ войскъ. На этомъ, однако, не остановились перемѣны. Напуганному ложными извѣстіями вѣнскому двору представилось, что союзной арміи въ Италіи угрожаетъ нападеніе съ тыла. Въ воображеніи твердаго, по убѣжденію Разумовскаго, Тугута уже представлялся уничтоженный со всѣмъ своимъ корпусомъ Край и освобожденная Макдональдомъ Мантуя. Обо всемъ этомъ доносилъ, разумѣется, не Суворовъ, а преданные Тугуту благомыслившіе австрійскіе генералы. Снова пошли просьбы въ Петербургъ и снова воспослѣдовало высочайшее снисхожденіе. Изъ Вѣны торопили впередъ, новоприбывшій русскій корпусъ и самъ Суворовъ, по просьбѣ Разумовскаго, предписалъ Шембеку, или вѣрнѣе, смѣнившему его Ребиндеру, какъ можно скорѣе идти впередъ. Но австрійскіе министры успѣли вскорѣ успокоиться. Суворовъ всюду оставался побѣдителемъ. Всякая опасность миновала осаждавшихъ Ман-

1) Донесеніе отъ 13 Мая.

тую и свѣжія русскія войска снова оказались необходимыми въ Швейцаріи. На этотъ разъ долготерпѣніе Павла I лопнуло, а маркизъ де-Галло успѣлъ заинтересовать Государя въ пользу изгнаннаго своего короля. Суворову предписано было принять корпусъ Ребиндера въ свое командованіе и при первой возможности выставить его на подмогу королю неаполитанскому. Несчастный Ребиндеръ по дорогѣ получалъ безпрестанныя предписанія. Къ нему писали и Разумовскій, и Колычевъ, и вѣнское министерство. Каждый предписывалъ свое. Приказанія эти другъ другу противорѣчили, но къ счастію доходили весьма неисправно. Повиноваться всѣмъ не было возможности и Ребиндеръ продолжалъ идти по дорогѣ въ Италію, куда и прибылъ въ половинѣ Іюня [1]).

Въ продолженіе этихъ переговоровъ многое успѣло измѣниться въ отношеніяхъ между Россіею, Германіею и Австріею. Мелкіе нѣмецкіе владѣтели, еще недавно тяготѣвшіе къ Франціи, устрашенные побѣдами Суворова, спѣшили заискивать благоволенія петербургскаго двора. Герцогъ Виртембергскій заявилъ свою готовность войти въ составъ коалиціи и заключить, при посредничествѣ Россіи, союзный договоръ съ римскимъ императоромъ. Въ то же самое время курфюрстъ баварскій написалъ русскому Императору ловкое письмо, въ которомъ просилъ его покровительства и защиты, и оправдывалъ дѣйствія свои относительно мальтійскаго ордена; онъ вполнѣ признавалъ гроссъ-мейстерство Павла Петровича и обѣщалъ споспѣшествовать возстановленію баварскаго пріоратства. Изъ Петербурга поспѣшили извѣстить вѣнское правительство о сближеніи съ Баваріею и о томъ, что мѣры строгости, которыя рѣшено было противъ нея принять, теперь отмѣняются.

„M. le conseiller privé actuel, comte de Rasoumovsky“, писалъ отъ 30 Мая Государь. „L'électeur de Bavière s'étant adressé à plusieurs reprises par ses ministres au c. pr. baron de Buhler, m'a fait parvenir une lettre, dont je vous envoie une copie, comme une preuve certaine du désir qui l'anime de réparer ses torts envers moi, et de se mettre sous la protection des deux cours impériales, auxquelles il veut se réunir contre les Français... Je me suis rendu à ses instances, prévoyant dans cette démarche de sa part un grand bien pour notre cause et une augmentation de forces considérables... Vous ferez communication de cette dépêche au ministère autrichien et vous l'inviterez à entrer dans nos vues, et à faciliter les moyens à l'électeur de devenir notre allié, comme je le désire et le demande. Le baron de Buhler communiquera avec vous sur cette affaire, et j'aimerais beau-

[1]) Милютинъ II. 159, 160—170.

coup la voir arrangée au plus vite, et sans donner lieu aux procédés violents, qui empêchent la bonne volonté d'agir; car les voies de fait éloignent pour longtemps les voies de raccommodement. Si la cour de Vienne adopte mon parti, il sera nécessaire de changer les ordres donnés aux commandants des troupes, destinées à occuper la Bavière... et de cimenter la bonne union de ses troupes aux notres".

Понятна досада, овладѣвшая Тугутомъ въ ту минуту, когда графъ Андрей сообщилъ ему полученный имъ рескриптъ. Баварія была уже почти въ рукахъ Австріи. Все было, повидимому, ловко и умно придумано. Благодушный союзникъ взялся ею овладѣть, а Вѣна, не теряя солдата и не жертвуя крейцеромъ, должна была получить добычу, на которую столько лѣтъ острила зубы. Противиться такому нежданному и нежеланному рѣшенію, со стороны Россіи, не было однако возможности, тѣмъ болѣе, что движеніе впередъ корпуса Корсакова было вдругъ изъ С.-Петербурга пріостановлено.

Мы уже упомянули выше, что Императоръ Павелъ былъ какъ-то болѣзненно раздражителенъ относительно всего, что касалось до принятаго имъ мальтійскаго гроссъ-мейстерства. Бывшій великій магистръ баронъ Гомпешъ жилъ въ Тріестѣ. По слухамъ, дошедшимъ въ Петербургъ, Гомпешъ публично являлся въ гроссъ-мейстерскихъ доспѣхахъ, окруженный подобіемъ двора. Разумовскому предписано было представить вѣнскому кабинету всю неприличность поведенія бывшаго гроссъ-мейстера. Графъ Андрей исполнилъ это на частной аудіенціи, и императоръ Францъ объявилъ русскому послу, что онъ вполнѣ осуждаетъ поступки Гомпеша, обѣщаясь выразить послѣднему свое негодованіе и пригрозить ему изгнаніемъ изъ Тріеста. При этомъ австрійскій монархъ торжественно заявилъ, что вполнѣ одобряетъ великодушныя и славныя рѣшенія (qu'il adhère aux déterminations éclatantes et magnanimes), принятыя Государемъ относительно ордена [1]). Несмотря на эти заявленія, Гомпеша никто не безпокоилъ, и до Императора дошло извѣстіе, что бывшій великій магистръ отправилъ на островъ Мальту какую-то депутацію. Графу Ростопчину приказано было обратиться съ нотою къ Кобенцелю. Государь полагалъ, сказано было, между прочимъ, въ нотѣ этой, что могъ разсчитывать болѣе вниманія со стороны союзника, дѣло котораго онъ считаетъ своимъ собственнымъ, и крайне будетъ сожалѣть, если столь близкія отношенія замѣнятся холодностью. Кобенцель отвѣтилъ уклончиво и этимъ заживо задѣлъ самолюбіе Павла. „M. le c. p. a., comte de Rasoumovsky", написалъ отъ 30 Мая разгнѣванный Императоръ, „malgré mes demandes réitérées et les assurances qui m'ont été

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 6 Мая.

données par l'empereur des romains, je viens d'apprendre, avec une extrême surprise, que le sieur Hompesch, continuant à résider à Trieste, non comme un simple particulier, mais comme un fantôme de grand-maitre, entouré de gens sans aveu qui forment sa cour, a mis le comble à son impudence en envoyant à Malte et à Palerme une députation composée du bailly de Neveu, du commandeur Pfeiffer et d'un servant d'armes Prépond. L'unique objet de cette mission ne peut-être nullement préjudiciable aux affaires de l'ordre, et son auteur indigne de mon attention, mais elle part des états d'un souverain qui se dit être mon ami et mon allié. Las de toute cette conduite, où je vois quelque chose d'excessivement entortillé, qui répugne à ma manière de voir et d'agir, je veux voir une fin à toutes ces sottises de Hompesh à Trieste. Vous demanderez en mon nom que cet homme reste dans cette ville comme simple particulier, sans cour et sans suite, que le gouvernement doit disperser, et pour faire voir l'importance que j'attache à ma demande, j'ai envoyé ordre au lieutenat-général Korsakoff de suspendre la marche de son corps et de ne pas bouger, jusqu'à ce que je ne l'ordonne, ce qui arrivera quand je serai pleinement satisfait et instruit des ordres donnés par la cour de Vienne, pour mettre à la raison le sieur Hompesh. Vous exécuterez à la lettre ce que je vous prescris et vous m'en rendrez compte d'une manière simple et laconique. Sur ce, je prie Dieu, m. le cons. pr. actuel, comte de Rasoumovsky qu'il vous ait en sa sainte et digne garde".

Рескриптъ этотъ крайне поразилъ Разумовскаго. Холодный и рѣзкій тонъ Государя, остановка Корсакова, требованіе немедленныхъ объясненій отъ австрійскаго правительства — все это не предвѣщало ничего добраго. Посолъ окончательно растерялся. На счастіе его, Кобенцель понялъ, что шутка выходитъ плохая и что дѣло принимаетъ черезъ-чуръ серьёзный оборотъ. Узнавъ, что Разумовскому отправленъ былъ грозный рескриптъ, австрійскій посолъ поспѣшилъ заявить Ростопчину, что вѣнскій дворъ готовъ подчиниться желаніямъ русскаго Императора. Вслѣдствіе этого, Корсакову предписано было идти впередъ, а къ Разумовскому вслѣдъ за первымъ курьеромъ отправленъ былъ второй съ новымъ рескриптомъ, къ которому приложена была представленная Кобенцелемъ графу Ростопчину нота. „Je vous fais passer la note du comte de Cobenzl", гласилъ, между прочимъ, этотъ второй рескриптъ, „en vous enjoignant de veiller à la prompte exécution de son contenu. Le moindre délai ou retard, qu'on y apporterait, sera regardé par moi comme un manque de sincérité de sentiments, que la cour de Vienne professe à mon égard et servira de règle à ma conduite vis-à-vis d'elle. J'aime à croire cependant, que la manière dont j'ai demandé raison du sieur Hompesh sera suffisante pour l'obtenir

cette fois, et c'est dans cette persuasion que j'envoie un ordre au lieutenant-général Korsakoff de continuer la marche de son corps. Aussitôt que les engagements du comte de Cobenzl seront remplis par sa cour et sans aucune restriction, vous m'en donnerez connaissance tout de suite, par ce chasseur".

Должно быть Кобенцель сообщилъ Тугуту, что въ Петербургѣ недовольны и что надо вести дѣла крайне осторожно. Вслѣдствіе этого раздраженный министръ принужденъ былъ поневолѣ отказаться отъ Баваріи; онъ принялся въ иномъ мѣстѣ искать для Австріи вознагражденія за всѣ прежнія неудачи. Не даромъ союзныя войска, подъ предводительствомъ Суворова, быстро шли впередъ и заняли Сардинское королевство. Сѣверъ Италіи стоилъ по малой мѣрѣ Баваріи. Австрійскій министръ сталъ готовить Ломбардію и Піемонтъ въ добычу Габсбургскому дому. Помѣшать дѣлу могъ только безпокойный свидѣтель и союзникъ, который кровію своею спасалъ австрійскую монархію. Тугутъ исподволь началъ подъискивать благіе предлоги, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ Суворова и русскихъ войскъ, которыя своими побѣдами налагали новую тѣнь на австрійскую армію. Войска эти, по мнѣнію его, слѣдовало держать въ Италіи только до тѣхъ поръ, пока французы не будутъ изгнаны съ полуострова и главныя крѣпости не попадутъ въ руки австрійцевъ. На дальнѣйшіе планы Суворова смотрѣли въ Вѣнѣ какъ на пустую, и притомъ вредную, фантазію. Съ своей стороны, фельдмаршалъ всѣ дѣйствія свои соображалъ въ виду будущаго. Конечною цѣлью его было нападеніе на Францію, чего въ Вѣнѣ уже вовсе не желали. Тугутъ только думалъ о томъ, какъ бы поскорѣе захватить Піемонтъ. Вслѣдствіе этого, между Суворовымъ и вѣнскимъ дворомъ возникали безпрестанныя пререканія. Русскій полководецъ рвался впередъ, а изъ Вѣны отъ него неотступно требовали немедленнаго занятія крѣпостей. Положеніе Разумовскаго было крайне затруднительное. Разумѣется, Тугутъ передъ нимъ не высказывался и, благодаря своему вліянію на русскаго дипломата, успѣлъ его убѣдить въ несбыточности и даже опасности слишкомъ смѣлыхъ и необдуманныхъ плановъ Суворова. Съ другой стороны, Разумовскій не могъ не быть подъ обаяніемъ страннаго, но тѣмъ не менѣе геніальнаго фельдмаршала, столь высоко державшаго русскій стягъ на равнинахъ Ломбардіи и Піемонта. Графъ Андрей Кириловичъ по мѣрѣ силъ старался улаживать недоразумѣнія, которыя ежеминутно возникали между Суворовымъ и Тугутомъ. Онъ успокоивалъ перваго и въ то же время укрощалъ слишкомъ сильныя выходки послѣдняго. Въ глубинѣ души однако Андрей Кириловичъ невольно клонился на сторону перваго министра. Тѣсный союзъ между Австріею и Россіею казался ему необходимымъ для благоденствія

обоихъ государствъ и для политическаго равновѣсія Европы. Ради этого союза слѣдовало, по мнѣнію графа Андрея, жертвовать всѣмъ, даже Суворовымъ и кровью русскихъ воиновъ. Тугутъ старался поддерживать это убѣжденіе, которое служило ему сильнымъ подспорьемъ въ новыхъ планахъ его на Италію.

Среди хлопотъ о сохраненіи добрыхъ отношеній между фельдмаршаломъ и австрійскимъ министромъ, мальтійское дѣло являлось, совсѣмъ не кстати, новымъ камнемъ преткновенія. На гроссъ-мейстерство Павла Петровича Разумовскій никогда не смотрѣлъ, какъ на нѣчто серьёзное. Онъ слишкомъ хорошо зналъ духъ и статутъ ордена, вполнѣ понималъ, что онъ отжилъ свое время и что старые, коренные мальтійцы никогда не согласятся признать гроссъ-мейстеромъ Императора иновѣрца. Все это казалось послу одною царскою прихотью, которая, рано или поздно, должна была кануть въ Лету. А прихоть эта, между тѣмъ, порождала безпрестанныя усложненія въ дѣлахъ, угрожала разрушить, съ такимъ трудомъ самимъ же Разумовскимъ сооруженную, коалицію и расшатать союзъ, отъ сохраненія котораго зависѣла, какъ ему казалось, дальнѣйшая судьба Европы. Неблаговоленіе Государя къ послу проглядывало сквозь каждое слово приведенныхъ нами выше рескриптовъ. Приказаніе отвѣчать кратко и ясно явно доказывало, что Павелъ Петровичъ недоволенъ былъ донесеніями графа Андрея Кириловича, любившаго, подъ-часъ, закруглять звонкія французскія фразы. А въ данную минуту высочайшее недовольство было опаснѣе, чѣмъ когда-нибудь. Не даромъ тутъ же въ Вѣнѣ находился Колычевъ, видимо покровительствуемый графомъ Ростопчинымъ, игравшимъ въ то время первенствующую роль въ Петербургѣ. Соперникъ Разумовскаго уже велъ дѣятельную переписку съ своимъ патрономъ, онъ отправлялъ даже предписанія къ Ребиндеру и сталъ съ нѣкоторыхъ поръ писать донесенія прямо на имя Государя. Все это тяжко отзывалось на бѣдномъ послѣ. „Je supplie V. M. I.“ отвѣчалъ, отъ 14 Іюня, на полученные отъ Государя рескрипты озабоченный Разумовскій, „de permettre, que je présente ici le plus succinctement possible ce que j'ai cru convenable de faire, pour m'acquitter de la tâche que V. M. a daigné m'imposer. D'après la stricte teneur de vos ordres, j'avais à obtenir que le sieur Hompesh fût dépouillé de l'appareil qu'il continue à s'arroger et réduit à la qualité de simple particulier. Ayant conféré avec le baron de Thugut, il a paru plus convenable de prescrire à Hompesh une rénonciation. En cas de refus il sera banni des états de S. M. M. de Thugut a eu ordre de déclarer au nom de l'empereur, que celui-ci souscrivait à tout ce que V. M. I. jugera convenable d'adopter relativement à l'ordre de Malte, en vertu de son entière adhésion aux principes, sur lesquels re-

pose la souveraine protection de V. M. I., mais qu'il était un seul point sur lequel l'empereur avait prescrit au baron de Thugut de s'expliquer avec moi,—c'est la démission du bailli de Pfürdt. Outre que l'empereur déclare sa répugnance pour l'individu, V. M. I. en réunissant la grande-maîtrise à sa couronne, a déclaré maintenir les puissances dans les droits et prérogatives qu'elles avaient possédés jusque là. Or, la cour de Vienne a toujours exercé celle de n'avoir près d'elle qu'un membre de la langue Bohême. Ce raisonnement m'a été répété par l'empereur lui-même".

Пфюртъ этотъ, какъ видно, назначался посланникомъ Императора-гроссъ-мейстера въ Вѣну. Вслѣдствіе донесенія Разумовскаго, назначеніе не состоялось. Однако, просьба императора Франца не вполнѣ была уважена. Представительство ордена въ Вѣнѣ поручено было не рыцарю чешскаго языка, а сопернику графа Андрея Кириловича, С. В. Колычеву. Ему высланы были довѣрительныя грамоты изъ Петербурга, и такимъ образомъ, съ одной стороны, спала съ Разумовскаго обуза мальтійскихъ дѣлъ, а съ другой — отношенія его къ Колычеву приняли болѣе опредѣленный характеръ. „M. de Kolytcheff", доносилъ отъ 13 Іюля по этому случаю Разумовскій, „a reçu ses lettres de créance de ministre de V. M. I. Eminentissime. Il se rendit chez moi pour m'en participer la nouvelle, et me témoigna le désir de connaitre les ordres qui m'étaient parvenus. J'acquiescai à sa demande, en mettant sous ses yeux pûrement et simplement le rescrit de V. M. I., sans y ajouter un conseil, ni le moindre avis sur la conduite qu'il avait à tenir, et comme il m'a semblé que le ministère d'ici inclinait à se croire fondé de différer son installation, mon devoir me prescrit de soumettre cette transaction dans toute son exactitude à la connaissance de V. M. I."

Разумовскій не безъ злорадства наблюдалъ за затрудненіемъ, въ которомъ находился Колычевъ. Тщеславіе его, соединенное съ чувствомъ мести, удовлетворялось тѣмъ, что отъ несчастнаго представителя новаго гроссъ-мейстера, несмотря на всѣ его усилія, вѣнскій дворъ не хотѣлъ принимать ввѣрительныхъ грамотъ. Облекаясь въ самую утонченную учтивость, Андрей Кириловичъ отказывалъ, однако, товарищу въ помощи и совѣтахъ, а въ вѣнскомъ обществѣ отзывался о Колычевѣ не безъ снисходительнаго презрѣнія. Натянутыя отношенія, между графомъ Андреемъ Кириловичемъ и Колычевымъ, приняли теперь характеръ открытой вражды. Послѣднему удалось, однако, представить римскому императору ввѣрительныя свои грамоты, но ему намекнули при этомъ изъ министерства, что императоръ Францъ желалъ бы по прежнему имѣть при себѣ представителемъ ордена одного изъ богемскихъ пріоровъ.

Суворовъ не дремалъ въ Миланѣ. Онъ далъ три дня роздыха

войскамъ и выступилъ къ рѣкѣ По, рѣшившись, какъ мы упомянули выше, воспротивиться соединенію Макдональда съ разбитымъ войскомъ Моро. Съ этою цѣлью положено было союзныя силы сосредоточить на правомъ берегу По, впереди Тортоны. Но извѣстія изъ Вѣны и показанія лазутчиковъ заставили фельдмаршала измѣнить принятый имъ первоначально планъ. Самъ императоръ Францъ писалъ Суворову, что Макдональдъ получилъ изъ Парижа приказаніе не выступать изъ южной Италіи и что на помощь Моро высылаются изъ Франціи новыя силы. Одновременно дошло до главной квартиры извѣстіе о пораженіи австрійскаго генерала, князя Рогана, близъ Белинзоны. Послѣ неудачи при Маренго, Моро быстро отступилъ по направленію къ Генуѣ, Суворовъ же, въ виду полученныхъ извѣстій и отраженія австрійскаго корпуса, двинулся на сѣверъ и занялъ безъ боя Туринъ. Этимъ онъ отрѣзалъ Моро отъ Франціи и, въ то же время, готовъ былъ помѣшать всякому покушенію республиканскихъ войскъ со стороны Швейцаріи. Почти одновременно сдались австрійцамъ Феррара и Миланская цитадель, чѣмъ значительно облегчилось продовольствіе арміи. Паденіе этихъ двухъ важныхъ пунктовъ должно было ускорить сдачу Мантуи, на обложеніе которой фельдмаршалъ, къ крайнему своему прискорбію, отрядилъ цѣлый корпусъ генерала Края. На занятіе крѣпостей Суворовъ не обращалъ особеннаго вниманія; онъ былъ увѣренъ, что, вслѣдъ за побѣдами въ полѣ, итальянскія твердыни падутъ сами собою. Для исполненія своего плана онъ нуждался во всѣхъ наличныхъ войскахъ и жаловался на то, что изъ Вѣны связываютъ ему руки. Разумовскій употреблялъ всѣ силы, чтобы уговорить фельдмаршала. „Чрезмѣрно желаютъ здѣсь взятія Манту“, вкрадчиво писалъ онъ къ нему отъ 10 Мая, „сей пунктъ укрѣпленія чрезмѣрно важенъ и совершенно необходимъ. Не сомнѣваясь, что в. с. въ семъ мнѣніи согласны, надѣюсь вскорѣ имѣть счастіе поздравить васъ съ присовокупленіемъ сей важной побѣды къ составляющимъ славную в. с. кампанію“. Требованія вѣнскаго двора только раздражали Суворова. „На шеѣ моей“, отвѣчалъ онъ Разумовскому, „Тортонскій и Александрійскій замки. Въ первомъ больше провіанта. Мантуя сначала главная моя цѣль, но драгоцѣнность ея не стоила лучшаго времени кампаніи“.

15 Мая занятъ былъ Суворовымъ Туринъ. Изъ Вѣны продолжали противиться наступательному образу дѣйствій фельдмаршала и безъ толку твердили объ оставшихся въ рукахъ непріятеля крѣпостяхъ. Подъ вліяніемъ Тугута, Разумовскій, въ донесеніяхъ своихъ къ Государю, выражалъ необходимость заставить фельдмаршала подчиниться составленному въ Вѣнѣ плану кампаніи. „Après des succès aussi rapides, доносилъ отъ 23 Мая графъ Андрей Кириловичъ, „il ne reste qu'à

souhaiter la prise de Mantoue, pour en consolider les avantages en Italie. On ne désire pas moins, que cet évènement puisse être bientôt suivi de la reddition des trois citadelles de Turin, Tortone et Alexandrie“.

Суворовъ, тѣмъ не менѣе, рвался впередъ, желая какъ можно скорѣе, разгромить французскую силу. Для этого онъ считалъ необходимымъ возбуждать вспыхнувшее народное возстаніе противъ французовъ и водворять въ занятыхъ областяхъ прежніе порядки. Онъ вызвалъ къ себѣ на помощь изгнанныхъ французами сардинскихъ сановниковъ. Графъ Сентъ-Андре назначенъ былъ губернаторомъ Турина, а генералъ Латуръ облеченъ полною властью для управленія Піемонтомъ. Фельдмаршалъ мечталъ о сформированіи піемонтской арміи и ополченія, которыя, по мнѣнію его, должны были служить сильнымъ подспорьемъ для союзниковъ. Даже Разумовскій отчасти одобривалъ этотъ планъ. „Піемонтскую армію набирайте“, писалъ онъ къ Суворову отъ 28 Мая, „она дѣйствительно можетъ быть весьма полезна, но на имя императора, а не на короля сардинскаго, о семъ не надобно поминать“.

Въ вѣнскомъ министерствѣ враждебно отнеслись къ распоряженіямъ Суворова. Они шли прямо въ разрѣзъ всѣмъ предположеніямъ Тугута. Приказомъ императора Франца, распоряженія эти были отмѣнены, и управленіе Піемонтомъ перешло въ руки австрійскаго коммиссара, графа Кончини, а барону Меласу предоставлены были распоряженія по снабженію продовольствіемъ союзныхъ армій въ занятомъ краѣ. Проектъ формированія піемонтской арміи тоже встрѣтилъ въ Вѣнѣ полнѣйшее неодобреніе. Немедленнаго занятія крѣпостей продолжали настоятельно требовать и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, противились наступательнымъ движеніямъ. „Спасителя-ради, не мѣшайте мнѣ“, взывалъ къ Разумовскому приведенный въ отчаяніе Суворовъ. Учтивыя привѣтствія Тугуту, встрѣчавшіяся въ первыхъ письмахъ фельдмаршала къ графу Андрею Кириловичу, мало-по-малу уступили мѣсто жалобамъ и упрекамъ. Своеобразно, не всегда даже понятно, излагалъ русскій полководецъ накипѣвшее на сердцѣ его горе. Онъ жаловался на унтеркунфтъ, бештимтзагеровъ, элоквентовъ и скрибентовъ, считавшихъ его за мерсенера и безтолково ставившихъ преграды его планамъ. „Ежели операціями повелѣваетъ Гофкригсратъ“, писалъ онъ отъ 27 Мая, „то во мнѣ здѣсь нѣтъ нужды и я нынѣ желаю домой“. Тѣмъ не менѣе, Суворовъ не терялъ еще надежды на наступленіе и изъ Турина мечталъ о преслѣдованіи непріятеля въ Ривіерѣ Генуезской. Извѣстіе о новомъ пораженіи австрійскаго отряда, подъ предводительствомъ полковника Сенъ-Жюліена, остановило движеніе впередъ. „L’échec qu’a essuyé le colonel S-t Julien“, доносилъ Государю отъ 8 Іюня Разумовскій, „a occasionné une diminution aux troupes sous les ordres

du général de Bellegarde. Il en est résulté que le maréchal Souvoroff a donné ordre sur le champ aux généraux Hohenzollern et Kaim, employés sous le général Kray à Mantoue, de se joindre à lui au moment où la tranchée devant cette ville allait être ouverte, ce qui n'a pu que contrarier le plan du siége, si fréquemment différé et qu'il importe si essentiellement de terminer avant la saison des grandes chaleurs, extrêmement à craindre par rapport au local de Mantoue, dont la possession, au surplus, est d'une si grande conséquence pour la sûreté des opérations générales. Aussi le général Kray a cru indispensable de faire des représentations au maréchal, et de retenir auprès de lui l'un des généraux, en ayant fait son rapport ici, conformément à l'ordre qu'il avait reçu de ne plus différer le siége".

Такимъ образомъ, Разумовскій извинялъ генераловъ, противившихся приказаніямъ Суворова, и защищалъ тактику вѣнскаго двора, дѣйствовавшаго прямо наперекоръ данныхъ Суворову обѣщаній. Между тѣмъ, фельдмаршалъ, отказавшись отъ первоначальнаго плана преслѣдовать Моро за Апеннинами, сосредоточилъ силы свои подъ Александріею. Здѣсь дошли до него извѣстія о томъ, что Макдональдъ быстро подвигался на сѣверъ и успѣлъ уже отбросить, съ большимъ урономъ, высланный къ нему на встрѣчу отрядъ графа Гогенцоллерна. Въ Вѣнѣ соединеніе Моро съ Макдональдомъ считали уже совершившимся фактомъ [1]). Вмѣсто того, блестящая, хотя и кровопролитная побѣда при Треббіи нанесла новый ударъ французскому владычеству въ Италіи. „Поздравляю васъ отъ всего сердца, а наипаче императора римскаго, ибо вамъ одолженъ онъ благоденствіемъ своего царствованія. На вѣки вѣковъ да будетъ имя ваше памятно", писалъ Суворову обрадованный Разумовскій. „C'est à l'activité du maréchal", доносилъ онъ Государю отъ 15 Іюня, „que sont dûs les succès mémorables, qui vont consolider la situation des affaires en Italie, et à y faire succéder la prospérité au moment de crise, où on se trouvait... On se flatte avec raison, que les conséquences les plus importantes seront le fruit de cette victoire".

Извѣстіе о побѣдѣ при Треббіи произвело въ Петербургѣ самое отрадное впечатлѣніе. Награды посыпались на генераловъ и офицеровъ. Суворовъ получилъ портретъ Государя, а графу Андрею Кириловичу, вслѣдствіе представленія фельдмаршала, заявившаго, что посолъ „много ходатайствовалъ у вѣнскаго двора", пожалованы были алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго. „Повергая къ стопамъ вашимъ, всемилостивѣйшій Государь, живѣйшія чувствованія всеподданнѣйшей благодарности", писалъ отъ 13 Іюля къ Государю Разумов-

[1]) Депеши Разумовскаго отъ 8 Іюля.

скій, „удовлетворяю я священному долгу и искреннему движенію до глубины тронутаго сердца. Сей новый залогъ высокомонаршаго благоволенія поощряетъ меня къ неутомимому продолженію трудовъ, стремящихся къ общей пользѣ, славѣ моего отечества и угожденію всемилостивѣйшему монарху моему“. Одновременно посолъ благодарилъ и Суворова. „Удостоясь также получить украшенный алмазами орденъ“, писалъ онъ, „и чувствуя, что я обязанъ симъ благорасположенію и отзывамъ о мнѣ в. с., долгомъ почитаю принести вамъ за сіе искреннѣйшую благодарность и поручаю себя въ продолженіе милости в. с.“ Когда извѣстіе о пожалованной Разумовскому наградѣ достигло до Вѣны, а благодарственное посланіе его до фельдмаршала, отношенія между полководцемъ и посломъ совершенно измѣнились. Суворовъ уже вполнѣ тогда былъ разочарованъ относительно графа Андрея Кириловича.

„Rasoumovsky a eu l'ordre en diamants“, сообщалъ графъ Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову отъ 23 Сентября 1779 года, „à la recommandation du maréchal Souvoroff, qui a bien changé d'opinion sur son compte [1])“.

Однако, Суворовъ долго держался Разумовскаго, не переставая вѣрить, что онъ стойко защищаетъ его планы передъ вѣнскимъ министерствомъ. Послѣ славной побѣды при Треббіи, наступило для фельдмаршала время томительнаго выжиданія. Вслѣдствіе положительныхъ приказаній изъ Вѣны, о наступательныхъ движеніяхъ нельзя было и думать. Дѣятельность союзной арміи, усиленной корпусомъ Ребиндера, ограничивалась, къ отчаянію предпріимчиваго Суворова, обложеніемъ крѣпостей, которыя одна за другою сдавались побѣдителю. Сперва палъ Пицигетоне, потомъ Миланская, а наконецъ и Туринская цитадель. Суворовъ рвался впередъ, но поневолѣ стоялъ подъ Александріею и съ злобою кусалъ удила, которыя туго натягивали изъ Вѣны. Каждая почта, каждый курьеръ привозилъ къ русскому послу въ Вѣнѣ горькія жалобы фельдмаршала. Съ особенною горечью отзывался Суворовъ о Тугутѣ и графѣ Дитрихштейнѣ, подозрѣвая послѣдняго въ перепискѣ съ австрійскими генералами, находящимися при союзной арміи, и въ возбужденіи ихъ къ неповиновенію. „Ежели Дитрихштейнъ правитъ Тугутомъ, то правитъ и нами“, писалъ Суворовъ отъ 21 Іюня, „такъ не грѣхъ ли министру? Пути не будетъ. Тугутъ думаетъ, что я ихъ мерсенеръ. Я его прошу принять все мое содержаніе, до оставленія мною службы. За то ему дарю мои завоеванія и особливо послѣднія побѣды съ его глупыми прожектёрами... Подлыя невѣжества, сопряженныя съ многомѣстными скрибентами, интригами противъ

[1]) Архивъ князя Воронцова. VIII. 244.

моего чужестранства, принуждають меня не терпѣть ни часу и сложить съ себя мою должность; еслибъ вдругъ возмочь. Вы одни дайте мнѣ къ тому способъ... Бога-ради выведите меня изъ пургаторіи; ничто не мило... Опорожнить Италію отъ французовъ, дать мнѣ полную волю, чтобы мнѣ отнюдь не мѣшали гофкригсратъ и мерзкіе прожектеры! Готовъ я къ Швейцаріи-ли, Германіи-ли, къ Франціи-ли!.. Иначе мнѣ здѣсь дѣла нѣтъ. Домой, домой! Вотъ для Вѣны весь планъ мой". „Мы что дѣлаемъ?" писалъ далѣе съ глубокою ироніею фельдмаршалъ, „кабинетъ желаетъ... доказать, что я только долженъ быть стражемъ передъ вѣнскими вратами... Что будетъ со мною? Токсенъ [1]) заглушилъ и зенитъ, и надиръ; я буду Цинцинатъ, но до того вашъ пространный разсудокъ да побѣдитъ тлетворныя препоны... Общее благо совѣстить васъ ихъ напоминаніемъ, что у меня неблагоразумно отторгать Ребиндера... Какъ скоро онъ отъ меня прочь, и я отсюда прочь, по крайней слабости духа и тѣла, гдѣ нибудь до всевысочайшаго увольненія. Спѣшу къ сохѣ!.. Честнѣе, восприбыльнѣе воевать противъ французовъ, нежели противъ меня и общаго блага". „Е. и. римское в.", сообщалъ еще Разумовскому отъ 27 Іюня Суворовъ, „желаетъ, чтобы — ежели мнѣ завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются. Посему для нихъ нѣтъ никогда вѣрнаго плана. Я ниже мечталъ, чтобъ быть на Тидоне и Треббіи по слѣдамъ Ганнибала, ниже въ Туринѣ, какъ одинъ случай далъ намъ способъ пользоваться тамошними сокровищами. Ниже въ самомъ Миланѣ, куда намъ Ваприо или Кассано ворота отворили. Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинныя висячія волосы; летъ ея молніинъ, не схватя за волосы, уже она не возвращается. Не лучше ли имѣть цѣль, направить со временемъ путь на Парижъ, нежели остроумными степенями преграждать дорогу ко вратамъ Вѣны?" „Мой вѣрный другъ, дайте мнѣ волю и вольность!... Чтобъ я имѣлъ полную власть пользоваться случаями", взывалъ онъ еще отъ 1 Іюля, „и никто бы мнѣ не мѣшалъ, ниже Колоредо, который въ войнѣ не бывалъ".

Съ такимъ же почти отчаяніемъ писалъ къ Разумовскому изъ-подъ Александріи Великій Князь Константинъ Павловичъ. „Cher comte, je tombe de mon haut en lisant la lettre que S. M. I. et R. a écrite à notre maréchal. Qu'est ce que cela veut dire? Est-ce qu'il est mécontent des services que le maréchal lui rend? En est-il digne? Par quoi a-t-il pu mériter la bonté de notre cher maître, de lui avoir donné le maréchal et des Russes pour combattre pour lui? Est-ce qu'il a oublié, qu'il y a quelques années, que les Français lui dictaient la loi

[1]) То-есть tocsin.

sous les murs de Vienne? A présent que les choses vont bien, il lève le nez et veut dicter des ordres à un homme, qui a blanchi en servant son maître et sa patrie avec honneur, pendant soixante ans. S'il-veut s'oublier envers lui, il ne doit pas s'oublier à un tel point, et qu'il songe que c'est un sujet de notre cher empereur, et en lui manquant, il manque à notre maître. Si c'est ce fameux m. de Lampesti (?) qui lui inspire de ces sentiments et qu'il se laisse mener par le nez, il le payera cher, parce que je suis autorisé de la part de mon père de veiller sur la conduite de ces Autrichiens, qui ne sentent pas le bonheur d'avoir un allié comme notre Maître. Je joins ici quelques lettres de S. M. que vous lirez, mon cher et bon ami, et ne permetterez pas, au nom du Ciel, qu'on opprime les sujets de notre Empereur par des lettres impertinentes, écrites par des créatures de la lâcheté et de la bassesse. Cette lettre, vous l'ignorez sûrement, et j'en joins une copie. A la première occassion j'en fais mon rapport à mon Maître et vous le connaissez—et puis je ne réponds de rien. L'honneur russe est attaqué, par qui? par un vil flatteur, par un... je ne veux pas dire le terme, il souille la bouche de tout homme d'honneur. Cher comte! au nom de l'Etre Suprême, je vous supplie, inspirez à la cour où vous êtes que les Russes n'ont qu'à laisser faire les Allemands, et les Allemands sont battus, sont méprisés des Français, au lieu de quoi les Russes sont craints, estimés et respectés d'eux. Je suis pour la vie и проч.".

Письмо это написано было подъ впечатлѣніемъ рескрипта императора Франца къ Суворову отъ 10 Іюня, въ которомъ фельдмаршалу предписывалось совершенно отказаться отъ всякихъ предпріятій дальнихъ и невѣрныхъ. Въ то время, какъ Суворовъ дружески относился къ Разумовскому и умолялъ его о содѣйствіи, онъ, видимо, возбужденъ былъ противъ Колычева, съ которымъ, однако, въ началѣ отношенія его были хороши. „Колычевъ", писалъ онъ отъ 25 Іюня къ графу Андрею Кириловичу, „я съ вами — уже и крименъ! Ростопчинъ его пріятель пишетъ мнѣ съ пониженіемъ. Но то отъ Дитрихштейна, Тюрпина и Коллоредо... Крименъ лезисъ маіестатисъ! Руководимый Тугутъ, зная, отвезъ Колычеву... Сей готовъ. Оба на васъ съ слабой стороны... довольно предлоговъ". „Степанъ Васильевичъ", говоритъ онъ далѣе (27 Іюня), „съ своимъ изнуреніемъ и влажными угодностями не долженъ тутъ мѣшаться. Видно, его благоразуміе къ общей пользѣ не далѣе сей черты преступается. Вашему духу препособить въ томъ его высокопревосходительство барона Тугута могутъ (sic)". Съ своей стороны Разумовскій успокоивалъ Суворова. „Продолжайте ваши великія дѣла съ быстротою, вамъ свойственною", писалъ онъ отъ 28 Мая. „Не заботьтесь о томъ, что здѣсь иногда безпокоются о могущихъ быть оборотахъ (les chances de la guerre). Боязливость нѣ-

сколько неотдѣлима отъ здѣшняго кабинета, напуганнаго прошедшими дѣйствіями. Послѣ, васъ будутъ благодарить, славить и обожать". „Напуганный кабинетъ вы справедливо имянуете", писалъ еще въ Іюлѣ графъ Андрей Кириловичъ, „вашими дѣлами онъ день ото дня ободренъ. Продолжайте побѣждать. Вы одинъ полководецъ въ исторіи, который николи побѣжденъ не былъ, да и не будетъ. Успѣхамъ вашимъ преграды нѣтъ. Напуганный кабинетъ самъ тò чувствуетъ и не опасается, чтобъ перемѣнилась судьба оружій вашихъ, но напротивъ, чтобъ чрезмѣрно далеко не повело, т. е. Италію завоевать сѣверную, потомъ только южную на сію кампанію, а когда соберутся арміи при горахъ и на Рейнѣ, ударить всѣ вмѣстѣ внутрь Франціи, что сомнительно совершиться можетъ въ сей годъ. Вотъ, м. г., вся ихъ тайна. Въ откровенности вамъ ее сообщаю". Такого рода письма не успокоивали, однако, Суворова. Они прямо противорѣчили его убѣжденіямъ и планамъ. Фельдмаршалу мало-по-малу стало ясно, что Разумовскій подчинился вліянію Тугута, что онъ раздѣляетъ воззрѣнія послѣдняго на ходъ войны и не поддерживаетъ уже въ Вѣнѣ собственные его планы. Въ письмахъ Суворова стали проявляться сперва дружескіе, а потомъ и рѣзкіе упреки. Такъ, въ письмѣ изъ-подъ Александріи отъ 25 Іюня онъ писалъ: „совѣтую вамъ, почтенный другъ, ежели случится в. с. съ чѣмъ ни есть къ войскамъ отнестись, чтобы мнѣ о томъ для соображенія, какъ къ ихъ начальнику, сообщить изволили. Вѣна въ воинскихъ операціяхъ не можетъ никогда, какъ я, свѣдуща быть. Не заведите другой гофкригсратъ, и одинъ всю мою вѣру и вѣрность крушитъ. Простите мое чистосердечіе". „Стыдно вамъ будетъ", встрѣчаемъ мы далѣе (письмо отъ 1-го Іюля), „ежели вы не обрящете вашимъ духомъ лучшія правила, вѣжественнѣе [1]) моихъ, для осаженія мудраго Тугута, единственно честнаго патріота, но водимаго прожектёрами для военныхъ дѣлъ, по недостатку истинныхъ вождей". „Оставьте вѣнскіе предразсудки", писалъ онъ еще, „зрѣлѣе и безпристрастно судите мои дѣла". Иногда упреки принимали шуточный тонъ: „матушка графиня", обращался къ графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Суворовъ, „высѣки графа, онъ передъ этимъ немного дурилъ".

Знаменитый полководецъ тонкимъ умомъ своимъ скоро постигъ тайные замыслы австрійскаго двора, онъ понялъ, что, по обыкновенію своему, Тугутъ хотѣлъ заранѣе захватить всю шкуру еще не убитаго, а только раненаго медвѣдя. „Рано!", восклицалъ, оригинальнымъ слогомъ своимъ, фельдмаршалъ въ письмѣ къ Разумовскому отъ 24 Іюня, „прежде приверженность, потомъ покровительство, наконецъ, обладаніе, если потребно!". Оставаться долѣе въ Италіи становилось Суво-

1) То-есть болѣе вѣскія.

рову не подъ силу. Онъ обратился 25 Іюня къ своему Императору и просилъ отставки. „Робость вѣнскаго кабинета, зависть ко мнѣ, какъ чужестранцу, интриги частныхъ, двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производствѣ сихъ прежде доклада на тысячи верстахъ—принуждаютъ меня В. И. В. всеподданнѣйше просить объ отзывѣ моемъ, ежели сіе не перемѣнится. Я хочу мои кости положить въ моемъ отечествѣ“ [1]).

Русскій полководецъ, съ своей стороны, былъ у Тугута какъ бѣльмо на глазу. При немъ нельзя было дать полной воли австрійскому корыстолюбію. Первый министръ порѣшилъ отъ него отдѣлаться, чтобы вполнѣ по-вѣнски, на свободѣ распорядиться Италіею.

Французы, занимавшіе Александрійскую цитадель, согласились 10 Іюля на капитуляцію. 17-го пала Мантуя. Снова, казалось, пришло время для наступательнаго движенія. Самъ Разумовскій былъ въ этомъ убѣжденъ. „Il est a présumer“, доносилъ онъ Императору отъ 26 Іюля, сообщая извѣстіе о взятіи Мантуи, „que le maréchal Souvoroff ne tardera point de son côté à pousser l'ennemi hors de la rivière de Gênes... Il n'est point informé jusqu'ici de sa nouvelle déstination conformément au désir de V. M. I. et je présume qu'il continuera à diriger les opérations en Italie, jusqu'à ce qu'il reçoive de V. M. des ordres conformes à vos intentions à son égard“.

Много воды утекло въ нѣсколько недѣль, много измѣнилась политика европейскихъ державъ въ этотъ краткій промежутокъ времени, и Суворову пришлось оставить недоконченнымъ такъ славно начатое имъ дѣло.

ГЛАВА XVI.

Сближеніе съ Англіею.—Недоразумѣнія съ Австріею.—Разрывъ.—Ссылка Разумовскаго.—Жизнь въ Батуринѣ.—Назначеніе сенаторомъ.—Смерть Павла I-го.

Мы уже упомянули выше, что между Россіею и Англіею установились самыя дружественныя отношенія. Лондонское правительство старалось въ Петербургѣ провести мысль о новомъ нападеніи на французскую республику. Зная, съ какою ревностію Павелъ I предался дѣлу коалиціи, с.-джемскій кабинетъ былъ увѣренъ, что русскій

[1]) Милютинъ II. 340.

Императоръ охотно согласится на новыя пожертвованія въ пользу общаго дѣла. По мнѣнію англійскихъ министровъ, слѣдовало предпринять, совокупно съ Россіею, высадку на берегахъ занятой французами Голландіи. Исторгнуть богатую торговлею и колоніями Голландію изъ рукъ Франціи и сдѣлать изъ нея покорную себѣ союзницу, было давно любимою мечтою англійскаго кабинета. Между Лондономъ и Петербургомъ пошли дѣятельные переговоры, слѣдствіемъ ихъ было подписанное 11-го Іюня соглашеніе, въ силу котораго Россія обязывалась снарядить эскадру въ 6 кораблей и 5 фрегатовъ и выставить вспомогательный корпусъ въ 17,500 солдатъ, который долженъ былъ высадиться въ Голландіи. Къ этому предпріятію надѣялись и въ Лондонѣ и въ Петербургѣ привлечь Пруссію, Данію и Швецію. Отъ Австріи дѣло до времени содержалось въ тайнѣ: сентъ-джемскій кабинетъ опасался козней вѣнскаго двора и зависти его къ Пруссіи. Въ Россіи и Англіи начались дѣятельныя приготовленія и, въ то же время, завязалась усиленная переписка между сѣверными дворами Европы, которая, однако, ни къ чему не привела и только разгласила тайну.

Пруссія и Швеція избѣгали рѣшительнаго отвѣта, а слухи о переговорахъ, несмотря на всѣ принятыя предосторожности, достигли Вѣны. О Нидерландахъ успѣли уже тамъ забыть, но молва о тайныхъ планахъ Россіи и Англіи на Голландію, пробудила корыстолюбивые инстинкты австрійскаго кабинета. Тугутъ вспомнилъ о священныхъ правахъ римскаго императора, и Кобенцелю предписано было объявить въ Петербургѣ, что австрійское правительство не дозволитъ чужимъ распоряжаться Нидерландами. Одновременно съ этимъ заявленіемъ, Тугутъ придумалъ новый планъ размѣщенія союзныхъ войскъ, который, съ одной стороны, развязывалъ ему руки въ Италіи, а съ другой дозволялъ, при малѣйшей необходимости, вступить въ Голландію и нейтрализовать тамъ задуманныя Россіею и Англіею предпріятія. Судьба на этотъ разъ благопріятствовала вѣчно интриговавшему барону. Успѣхи союзныхъ войскъ въ Италіи, по мнѣнію англійскаго министерства, упрочили дѣло коалиціи на Апеннинскомъ полуостровѣ. Наступало, какъ казалось въ Лондонѣ, время напасть на французскіе предѣлы. Объ этомъ же постоянно твердили всѣ получаемыя въ Петербургѣ отъ фельдмаршала Суворова реляціи. Сентъ-джемскій кабинетъ предложилъ русскому двору оставить въ Италіи одни австрійскія войска, а соединенные русскіе корпуса направить, подъ начальствомъ Суворова, черезъ Швейцарію, на Францію. Планъ этотъ нѣсколько рознился съ предположеніями русскаго полководца, который желалъ сперва окончательно разгромить французскую силу въ Италіи. Однако, предложеніе лондонскаго двора было принято Императоромъ

Павломъ, съ незначительными измѣненіями. Разумовскому поручено было осторожно вывѣдать расположеніе австрійскаго министерства и, совокупно съ британскимъ посломъ сэръ Мортонъ Иденомъ, дѣйствовать въ пользу сдѣланнаго Англіею предложенія. „En conséquence des ordres de V. M. I., доносилъ отъ 13 Іюня Государю Разумовскій, „je me suis abouché hier avec le chevalier Eden, avant de conférer avec le baron de Thugut. Le chevalier ne savait rien de la proposition faite par sa cour, touchant la jonction du corps russe en Italie avec celui du lieutenant-général Korsakoff, afin de le diriger sous les ordres du maréchal Souworoff par la Suisse vers la France. Je me rendis de là chez le baron de Thugut, avec l'intention de ne participer cet objet qu'avec la circonspection, que V. M. I. a jugé à propos de me prescrire. Il m'a témoigné à plusieures reprises, pendant que je développais graduellement sous ses yeux les ordres dont j'étais muni, l'hommage de son admiration pour les vues sages et étendues qui accompagnaient les dispositions magnanimes de V. M. I. Je saisis cette occasion pour le sonder sur le sujet de la réunion des deux corps auxiliaires russes, et quoiqu'il m'ait opposé quelques regrets de priver l'armée d'Italie du secours de vos invincibles troupes, Sire, ainsi que du chef qui y commande, il a fini par me certifier qu'il ne doutait pas que l'empereur son maître, toujours empressé d'acquiescer aux désirs de V. M., ne consentit à l'arrangement proposé. Il ajouta même que cette jonction ne devrait point être retardée et qu'elle pourrait s'effectuer immédiatement après la reddition de Mantoue et d'Alexandrie".

Предложенія Россіи какъ нельзя лучше согласовались съ намѣреніями Тугута, однако, взгляды его во многомъ рознились съ тѣми инструкціями, которыя получили отъ своихъ кабинетовъ русскій и англійскій послы. Усилія австрійскаго министра клонились къ тому, чтобы вывести русскихъ, вмѣстѣ съ назойливымъ полководцемъ, изъ Италіи, оставить на ихъ попеченіе Швейцарію, а эрцгерцога Карла направить къ низовьямъ Рейна, чтобы, при первой надобности двинуть австрійскія войска къ Нидерландамъ. Разумовскій и Иденъ сначала спорили съ Тугутомъ, но не долго. „Il ne m'a pas été difficile de les convaincre", сообщалъ Тугутъ Кобенцелю „en leur rappelant la marche constante de notre conduite; mais des variations survenues dans les circonstances, devaient de toute nécessité en amener dans les résolutions, que l'arrangement pris entre les cours de Pétersbourg et de Londres, de faire marcher en Suisse l'armée russe, que l'on avait annoncé d'abord devoir être employée sur lee bas-Bhin, ainsi que le nouveau concert entre la Russie et l'Angleterre, relatif à l'expédition de Hollande, avait mis S. M. dans le cas, par une suite de son désir constant de seconder en toute occasion les vues et les opérations de ses alliés, d'adopter

de son côté les mesures, que l'intérêt commun et le notre particulièrement pouvaient exiger“ [1]).

Убѣжденный Тугутомъ, Разумовскій, въ длинной депешѣ отъ 20 Іюля, сообщилъ Государю о паденіи Александріи, о возстановленіи бурбонскаго дома въ Неаполѣ и развилъ составленный Тугутомъ планъ кампаніи. Корпусъ Ребиндера, которому, за возвращеніемъ Бурбоновъ, уже нечего было дѣлать въ Неаполѣ, австрійскій министръ предлагалъ высадить въ Провансѣ. „En me développant sur cet objet ses idées, le baron de Thugut a commencé par me dire qu'il ne prétendait absolument autre chose, que de soumettre ses pensées pour le bien commun à la sagesse de V. M. I., me sollicitant de lui représenter en même temps, que le dit corps restera dans sa position actuelle prêt à se porter où V. M. I. jugera à propos de le prescrire, jusqu'à ce que nous recevions ses ordres définitifs à cet égard... Si V. M. n'agréait point cette proposition, il lui semblerait qu'un autre emploi pourrait occuper utilement le général Rehbinder et ce serait, Sire, comme je l'ai déjà précédément dit, de le transporter à Malte. Après que cette île aurait été délivrée des Français, on y laisserait la garnison, qui fait partie de ce corps, et le surplus... pourrait entreprendre un débarquement en Provence... partie de la France la plus disposée à se soulever contre le gouvernement actuel. Le comte de Cobenzl recevera aujourd'hui l'adhésion de l'empereur son maître au voeu de V. M. I., de joindre le corps auxiliaire à celui du lieutenant-général de Korsakoff et les dispositions en seront communiquées au maréchal Souvoroff d'abord, après la prise de Mantoue. Il ne reste à cet égard qu'à régler l'approvisionnement de ce corps, dans sa nouvelle destination. Il sera enjoint au comte de Cobenzl de s'entendre avec le chevalier Witworth“. Въ случаѣ, если бы Англія отказалась взять на себя содержаніе корпуса Ребиндера, вѣнскій кабинетъ согласился принять его на свой счетъ, но съ тѣмъ, чтобы перевести его въ южную Германію и присоединить къ такъ называемой промежуточной арміи. „J'ai parlé ci-dessus, Sire, d'une armée intermédiaire“, продолжалъ Разумовскій, „pour rendre cette expression intelligible, je dois indiquer que sous peu de jours il sera décidé à l'égard de la nouvelle répartition des forces qu'on emploiera. Ce travail depuis longtemps en instances, et qu'on dit avoir été différé par la marche du général Korsakoff, sera fixé de la manière suivante: l'archiduc Charles évacuera la Suisse à mesure que les troupes de V. M. I. y entreront. Ce prince filera le long du Rhin pour occuper la partie inférieure de ce fleuve. Il couvrira par sa gauche Mayence, point essentiel, par où l'ennemi peut se porter aisé-

[1]) Милютинъ, III. 385—386.

ment sur l'Allemagne et forcer les armées autrichiennes à abandonner leurs opérations, pour défendre les pays héréditaires. Sa droite s'étendera jusque vers les Pays-Bas, pour seconder de ce côté la nouvelle expédition, que les efforts généreux de V. M. I. dirigent vers la Hollande. Sur le haut Rhin sera une armée intermédiaire commandée par le prince Ferdinand de Wurtemberg... V. M. I. en faisant mention, dans un des derniers rescrits dont elle m'a honoré, de la déclaration à publier par les alliés en commun, m'a ordonné de lui transmettre mes observations sur la manière dont le ministère autrichien envisageait cet objet. Le baron de Thugut s'en est expliqué d'autant plus librement, que son opinion se trouvait parfaitement d'accord avec le langage qui m'était prescrit, ayant pour principe de différer cette mesure, jusqu'à ce qu'une plus grande maturité de circonstances en indique le moment favorable. Ce moment serait celui, où les armées se trouvant sur toute l'étendue des frontières ennemies, manifesteraient aux habitants de la France les intentions bienveillantes de leurs souverains. On chercherait alors à se procurer des intelligences, qui mettent à même de juger de la disposition des peuples... Il paraitrait donc utile sous ce point de vue, de fixer la déclaration aux deux bases suivantes: promettre l'intégrité de la France dans ses anciennes limites, et le rétablissement d'un gouvernement conforme à la tranquillité intérieure et par conséquent d'un état de paix durable avec ses voisins... On est ici d'opinion, Sire, qu'il faut bien se garder d'être induit en erreur par les prétendues notions des émigrés, à l'égard de l'intérieur; on en a été grandement abusé pendant la dernière guerre, et on le serait de même aujourd'hui... Quant à l'époque où l'on pourrait espérer de mettre pied en France, si les armées des coalisés continuent, comme jusqu'ici, à être couronnées de succés, on ne pense point que cette entrée puisse s'éffectuer avant le printemps. On juge que la saison sera déjà trop avancée, lorsque les diverses armées seront rendues à leurs stations respectives et on présume, qu'il serait avantageux que cette entrée se fit à la fois sur l'étendue entière qu'occuperont les armées... L'armée russe réunie pourra, avant l'expiration de l'hiver, occuper la totalité de la Suisse, pour se porter par la Franche-Comté. L'armée intermédiaire mettera le siége devant les places sur le haut Rhin [1]) et s'ouvrira sa route de ce côté, tandis que sur le bas Rhin l'archiduc Charles se tiendra en mesure d'avancer en même temps. Telle est, Sire, l'idée générale qu'on se forme ici de l'exécution de ce plan formidable, qui mettera glorieusement fin à la guerre la plus mémorable qui ait jamais été entreprise, et dont les succès, déterminés par la généreuse interven-

[1]) Гунингенъ и Бриссакъ.

tion de V. M. I., seront éternisés d'âge en âge par les bénédictions et la reconnaissance de la postérité la plus reculée".

Павелъ I принялъ планъ, представленный австрійскимъ правительствомъ, онъ даже явно ему сочувствовалъ, но, рядомъ съ этимъ сочувствіемъ, въ рескриптѣ, отправленномъ по этому случаю къ Разумовскому, на каждой строкѣ сквозило недовѣріе къ вѣнскому кабинету. „Взятіе Александріи крайне меня порадовало", писалъ отъ 4 Августа Императоръ, „Я такъ доволенъ планомъ австрійскаго двора, что, одобривъ его, отправляю къ графу Суворову для исполненія. Ваше дѣло наблюдать за точнымъ его исполненіемъ и не допускать ни малѣйшаго измѣненія со стороны вѣнскаго двора... Кончаю, повторяя, что этотъ великолѣпный планъ, вполнѣ согласный съ моими видами и намѣреніями и который меня очень порадовалъ, я съ удовольствіемъ одобряю и ни въ какомъ случаѣ не соглашусь на какія либо измѣненія. При малѣйшей на это попыткѣ, вы должны немедля меня увѣдомить и всячески, съ своей стороны, противиться измѣненіямъ".

Еще сильнѣе выразилось это недовѣріе въ другомъ рескриптѣ отъ 15 Іюля на имя того же Разумовскаго. Государь изъявилъ „что полезно было бы, какъ для окончанія неукоснительно войны, съ столь знатными издержками людей и денегъ сопряженной, такъ и для желаемаго прочнаго успокоенія Европы, чтобы державы, наисущественнѣе въ войнѣ интересованныя, заранѣе и теперь же сообщили о подлинныхъ видахъ ихъ въ продолженіи оныя; какія могутъ быть мысли ихъ въ разсужденіи общаго примиренія; какія выгоды или требованія могутъ онѣ предполагать себѣ при мирѣ?" Съ этою цѣлью Государь предлагалъ лондонскому, вѣнскому и неаполитанскому кабинетамъ прислать въ Петербургъ спеціальныхъ пословъ или же уполномочить на то уже находившихся тамъ министровъ „для изложенія Императору, котораго они сами избрали себѣ нѣкогда посредникомъ, усмотрѣній ихъ и къ приступленію до мирной негоціаціи и составленія для цѣли сей конгресса, который предпочтительно желалъ бы Государь видѣть въ Петербургѣ основаннымъ, развѣ бы какія непредвидимыя важныя обстоятельства рѣшили Императора перемѣнить мысли свои и согласиться на избраніе другаго къ сему мѣста". Кавалеръ Витвортъ, герцогъ Серра-Капріола и маркизъ ди Галло нашли предложенія Государя дѣйствительно полезными. Особенно поддерживалъ ихъ первый и ручался за то, что дворъ его въ скоромъ времени удовлетворитъ желаніямъ Государя. Сообщая Разумовскому о ходѣ этихъ переговоровъ, Императоръ поручалъ ему, съ своей стороны, „объясниться съ министерствомъ австрійскимъ въ вышесказанномъ смыслѣ, т.-е. чтобы откровенно изъяснилъ вѣнскій дворъ о подлинныхъ видахъ своихъ въ продолженіи войны; какія могутъ быть пред-

положенія онаго въ разсужденіи общаго примиренія; какія требованія или выгоды можетъ дворъ сей себѣ при мирѣ предназначить". Государь далѣе изъяснялъ, что онъ слишкомъ увѣренъ въ дружбѣ римскаго императора, чтобы вѣрить распространившимся слухамъ, будто австрійскіе министры съ трудомъ рѣшатся на искреннее изъясненіе и будутъ ожидать послѣдней минуты, дабы, смотря по оборотамъ войны, расположить претензіи свои. „Таковое поведеніе", сказано въ концѣ рескрипта, „слишкомъ было бы противно довѣренности, которую мы всегда къ государю сему показывали; мы скажемъ болѣе, оно было бы противно и интересамъ самого вѣнскаго двора... Мы ожидаемъ, что союзникъ нашъ выполнитъ въ полной мѣрѣ ожиданіе наше; вашему же особенному наблюденію поручаемъ о неумедлительности доставленія отповѣди вѣнскаго двора, какъ по сему предмету, такъ и относительно предполагаемаго для примиренія конгресса, предваряя васъ, для руководства вашего, что безпристрастіе и польза общая Европы, будутъ предпочтительно руководителями во всѣхъ поступкахъ и рѣшеніяхъ нашихъ по мирной негоціаціи, въ которой, коль дѣло до нея дойдетъ, поставимъ мы и долгомъ, и достоинствомъ нашими, принять особливое и дѣятельнѣйшее участіе".

„L'empereur est très mal payé par la cour de Vienne de la pûreté de ses intentions", сообщалъ отъ 25 Іюля по поводу предполагаемаго конгресса графу С. Р. Воронцову Ростопчинъ. „C'est l'envie, la mauvaise foi et la duplicité qui dirigent les moindres actions de ce grand baron de Thugut. Mon Dieu! où prennent-ils le temps pour inventer tant de ruses et de machinations? Heureusement le comte Souvoroff ne fait pas attention aux intrigues, et secondé par la valeur de nos troupes et l'enthousiasme, qu'il a su inspirer aux Autrichiens, ne s'occupe que du salût de l'Europe. Vous saurez, et cela pour vous seul, qu'il a ordre après avoir nettoyé l'Italie, de joindre son armée (de troupes russes) avec celle de Korsakoff et exécuter le plan d'entrer en Franche-Comté... On a proposé aux cours alliées d'envoyer des plénipotentiaires, pour traiter de l'état futur de l'Europe et de la manière de rétablir l'équilibre politique. L'Empereur a voulu que cela se fasse à Pétersbourg, mais je crains et je prévois une foule d'inconvénients. Si on voulait choisir Francfort s./M., ce serait beaucoup plus convenable [1])".

При такихъ обстоятельствахъ, каждое слово, сказанное въ пользу Тугута, могло сильно отозваться на, безъ того уже критическомъ, положеніи посла. Между тѣмъ, графъ Андрей Кириловичъ слишкомъ хорошо зналъ перваго министра, чтобы заранѣе не быть увѣреннымъ въ его отвѣтѣ. Онъ рѣшился ко всему дѣлу отнестись объективно

[1]) Архивъ князя Воронцова XVIII, 233—234.

и слово въ слово передать Государю то, что высказалъ ему баронъ. Отвѣтъ этотъ стенографировалъ онъ въ длинной депешѣ отъ 15 Іюля. По мнѣнію Тугута, конгрессъ подалъ бы только поводъ къ разномыслію и раздорамъ; онъ полагалъ, что условія будущаго примиренія должны быть обсуждаемы однѣми великими державами; вѣнскій дворъ, не входившій ни въ какія сдѣлки съ другими дворами, кромѣ русскаго, не желалъ стѣснять себя въ будущемъ. Таковы были главныя положенія барона, вслѣдъ за тѣмъ онъ припоминалъ о секретной статьѣ 1795 года, въ силу которой Австріи, получившей, при послѣднемъ раздѣлѣ Польши, меньшую долю сравнительно съ Россіею и Пруссіею, предоставлялось искать со временемъ вознагражденія въ Баваріи и Италіи. Отъ Баваріи, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, Австрія отказывалась, но Тугутъ обращалъ теперь исключительное вниманіе на Италію, тѣмъ болѣе, что притязанія вѣнскаго кабинета неразрывно, по мнѣнію его, связаны съ секретною статьею трактата о польскомъ раздѣлѣ. Баронъ при этомъ заявилъ, что римскій императоръ, проникнутый благоговѣніемъ къ прямодушію русскаго Государя, вполнѣ увѣренъ въ томъ, что трактатъ 1795 года будетъ въ точности исполненъ. „Позволю себѣ замѣтить“, добавлялъ къ этому Разумовскій, „что секретная статья, о которой идетъ здѣсь рѣчь, не была мнѣ въ то время сообщена, и что я ограничиваюсь однимъ изложеніемъ словъ барона Тугута“. Впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ депешею графа Андрея Кириловича, было самое неблагопріятное для вѣнскаго двора. Тамъ уже и безъ того негодовали на легкость, съ которою австрійское правительство согласилось отпустить русскія войска изъ Италіи. „Les Autrichiens ont embrassé avec une ardeur extrême l'idée de la cour de Londres, de faire aller le maréchal prince Italisky en Suisse“, сообщалъ отъ 20 Августа графу Воронцову В. П. Кочубей. „Je crois que cela n'est pas, pour le bien seul de la cause commune. Ils ont sans doute une arrière-pensée, et je crains bien que cette malheureuse guerre n'aboutisse encore à rien, et que 60.000 braves... Russes ne paient les pôts cassés... Ce sera, quand on en viendra au fait, et au prendre un dédale, où le plus habile manoeuvrier peut échouer. La cour de Vienne ne se soucie pas du congrès, que l'Empereur a proposé. Le baron de Thugut l'a fait sentir au comte de Rasoumovsky [1])“. „Le congrès a été proposé et la cour de Vienne n'a pas gouté cette proposition, qui aurait pu contrarier ses vues“, сообщалъ съ своей стороны отъ 25 Августа тому же Воронцову графъ Ростопчинъ. „D'après l'état des affaires et le mécontentement de l'Empereur contre la cour de Vienne, je tremble que tous ces succès,

[1]) Архивъ князя Воронцова XVIII, 220—221.

ces belles actions et cette perspective riante, ne s'évanouissent totalement au premier jour. Pressés comme ils sont, enorgueillis par des succès qu'ils doivent à l'assistance étrangère, Thugut et Cobenzl sont déjà aux abois... Ajoutez à la conduite de la cour de Vienne, qui révolte l'Empereur, le mécontentement du maréchal Souvoroff, qui a déjà demandé son rappel et qui se propose de réitérer sa demande après la prise de Gênes, la mesintelligence de la cour de Londres avec le cabinet de Vienne, un tas d'incidents qui peuvent provoquer la colère de l'Empereur, qui ne veut même pas entendre parler de vues de dédommagement quelconques, en disant que la cour de Vienne ne gagnera que trop, si elle conserve ses états Vénitiens, en se rendant de nouveau maîtresse des Pays-Bas [1])".

До взятія Генуи, о которомъ упоминалъ въ письмѣ своемъ Ростопчинъ, дѣло однако не дошло. Укрѣпленный войсками, освободившимися послѣ сдачи Мантуи, Суворовъ намѣревался, движеніемъ черезъ Тендскій проходъ къ Ниццѣ, отрѣзать отъ Франціи разстроенную республиканскую армію и окончательно ее истребить. Такимъ образомъ, должно было завершиться завоеваніе Италіи и утверждалось основаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій, предполагаемыхъ уже въ предѣлахъ Франціи. Фельдмаршалъ дѣятельно принялся за заготовленіе всего нужнаго къ походу черезъ Апеннины и усердно переписывался съ адмиралами Ушаковымъ, Нельсономъ и лордомъ Сенъ-Винсентомъ, касательно прикрытія транспортовъ изъ Ливорно и учрежденія тѣсной блокады Генуезскаго берега, благодаря которой долженъ былъ окончательно прекратиться подвозъ провіанта и запасовъ для французской арміи. Суворовъ думалъ самъ предпринять наступленіе черезъ Тендскій проходъ, а австрійскому генералу Краю поручилъ угрожать Генуѣ въ то время, какъ баронъ Клейнау долженъ былъ наступать вдоль морского берега, со стороны юга. Назначенъ былъ уже день для выступленія въ походъ.

Въ это время прибылъ въ французскую армію новый главнокомандующій Жуберъ. Онъ рѣшилъ немедля начать наступательныя дѣйствія и смѣлымъ ударомъ возстановить честь французскаго оружія. Извѣстіе о движеніи Жубера измѣнило всѣ планы Суворова. Онъ двинулъ силы свои противъ французовъ, и обѣ арміи встрѣтились при Нови. Цѣлый день выжидалъ фельдмаршалъ нападенія французовъ, и наконецъ 4-го Августа, въ день, назначенный имъ, по первому плану, для начала наступательныхъ дѣйствій, рѣшилъ самъ аттаковать непріятеля. Нападеніе повелъ баронъ Край, и отъ первыхъ выстрѣловъ палъ новый французскій главнокомандующій. Начальство немедленно при-

[1]) Тамъ же, VIII.

нялъ Моро. Выгода мѣстности была на сторонѣ французовъ. При палящемъ зноѣ вели свои аттаки князь Багратіонъ и Дерфельденъ, напрасно стараясь выманить непріятеля съ занятаго имъ гребня горъ. Вступленіе въ бой барона Меласа рѣшило участь сраженія. Высоты были заняты; первая линія непріятеля дрогнула; русскіе ворвались въ Нови, и около 6 часовъ вечера вся французская армія была въ полномъ отступленіи. Союзныя войска гнали непріятеля до вечера, и только темнота и изнуреніе войскъ спасли французовъ отъ окончательной погибели. На другой день послѣ побѣды, фельдмаршалъ собирался преслѣдовать разбитаго непріятеля, но оказалось, что австрійскими коммиссарами не было заготовлено ни продовольствія, ни перевозочныхъ средствъ. Поневолѣ приходилось, послѣ кровавой побѣды, оставаться въ бездѣйствіи. Къ тому-же, гофкригсратъ, помимо Суворова, предписалъ барону Меласу собрать въ Тосканѣ 8000-й корпусъ для водворенія порядка и обезоруженія народныхъ ополченій. Мы уже упомянули выше, что Суворовъ считалъ народное возстаніе необходимымъ подспорьемъ для военныхъ дѣйствій. Онъ мечталъ о возстановленіи низверженныхъ французскою республикою троновъ, и съ разрѣшенія Государя увѣдомилъ короля сардинскаго о взятіи Турина, приглашая его возвратиться въ свою столицу. Король и герцогъ аостскій заявили желаніе служить въ арміи Суворова. Павелъ Петровичъ былъ этимъ очень польщенъ, онъ одобрилъ всѣ дѣйствія Суворова и выслалъ даже королю денегъ на путешествіе [1]). Въ Вѣнѣ извѣстіе о возвращеніи короля сардинскаго въ свои владѣнія подняло взрывъ негодованія. Тугутъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Грозная нота отправлена была къ Кобенцелю. Съ своей стороны, Разумовскій доносилъ Государю отъ 27 Іюля слѣдующее: „Il vous a plu, Sire, de me faire passer copie d'une note, remise au comte de Cobenzl, qui l'informe des ordres que V. M. I. a jugé à propos d'expédier au maréchal Souvoroff, touchant le retour du roi de Sardaigne dans ses états. M'étant abouché sur cette matière avec le baron de Thugut, je le trouvai non seulement très alarmé, mais j'appris encore que l'empereur avait été très peu satisfait des arrangements faits par le maréchal dans le Piémont, en y établissant une administration royale et en y promulguant des déclarations, sans avoir prévenu cette cour-ci dont le système et l'opinion se trouvent diamétralement opposés à cette conduite... M. de Thugut recut en réponse aux instructions envoyées au comte de Cobenzl, sur les principes d'après lesquels la cour de Vienne se guiderait à l'égard des contrées recupérées sur les Français, l'assurance de cet ambassadeur que V. M. I. daignait les approuver, laissant à l'arbitre

[1]) Милютинъ, III, 227.

de la cour de Vienne de fixer le moment convenable pour le retour du roi de Sardaigne. En conséquence S. M. l'empereur écrivit sur le champ au maréchal, pour l'en informer et prévenir toute démarche en opposition à l'heureux accord des deux cours, et de plus, dans le cas où le maréchal aurait déjà participé au roi de passer sur le continent, il devait annoncer sur le champ à ce prince que les circonstances nécessitaient un délai ultérieur. Tel était l'état des choses, lorsque je reçus du maréchal une communication confidentielle de sa lettre au roi, par laquelle il l'invitait à venir à Turin. M'étant apperçu que le maréchal n'avait point fait part de cette démarche à la cour, je crus devoir m'abstenir d'en parler, jugeant que les ordres de S. M. l'empereur suffiraient pour lui servir de règle et craignant d'augmenter ici l'alarme conçue à ce sujet [1]). J'ai lieu de me convaincre de tous les inconvénients qu'entrainera le retour du roi de Sardaigne, qu'on envisage ici comme contraire au système adopté par la gestion des affaires en Italie pendant la guerre, et comme devant amener à sa suite une complication d'intérêts et d'intrigues, dont les pernicieux effets mettraient les plus grandes entraves à la poursuite des avantages glorieux acquis jusqu'ici sur les Français, et par conséquent comme décidément inadmissible, jusqu'à ce que l'objet de la guerre accompli écarte tout ce que cet évènement présente de contraire aujourd'hui à son système. Il m'a paru, Sire, que cette cour-ci tenait à ce principe si positivement, que dans le cas où elle se verrait contrariée, elle croirait que sa prudence lui prescrivait d'évacuer le Piémont, pour se rétirer dans la partie restante des conquêtes en Italie".

„Зная, что вы не любите ни долгихъ писемъ, ни большихъ разговоровъ", писалъ одновременно къ Суворову графъ Андрей Кириловичъ, „сокращу, сколь возможно, имѣющее вамъ донести... Искренность, усердіе, преданность руководствуютъ мое перо (sic). Будьте увѣрены, что императоръ римскій и министръ его, баронъ Тугутъ, признаютъ во всей цѣнѣ заслуги, отмѣнно вами оказанныя. Благодарность, довѣренность, почтеніе къ вамъ истинны и правосудны. Въ операціяхъ военныхъ никакъ не хотятъ и не будутъ вамъ препятствовать, но правда, что опасаются, дабы политическія расчисленія въ кабинетѣ не были разстроены. Напримѣръ, встревожились, думая, что не во время будетъ возстановлена власть короля сардинскаго. Завоеванныя земли должны существовать подъ правленіемъ побѣдителя, до общаго замиренія. Король сардинскій взирается здѣсь, яко бывшій союзникъ Франціи, что и правда. Они ему обѣщали часть миланской области, а потомъ свергнувъ съ престола, онъ самъ отрекся, за подписью

[1]) Отсюда до конца, депеша приведена у Милютина, III, 449—450.

своею и наслѣдника, отъ царствованія. Изъ сего, однако-жъ, не слѣдуетъ, чтобъ императоръ хотѣлъ удержать за собою весь Піемонтъ, но при мирѣ, а не прежде, ему будетъ отдано... Здѣсь поручено мнѣ васъ просить, дабы вы изволили нѣсколько отмѣнить исполненіе, вамъ предписанное отъ высочайшаго двора, по слѣдующимъ причинамъ: дворъ здѣшній долженъ изъяснить передъ нашимъ вышепомянутыя обстоятельства и не сомнѣвается въ убѣжденіи его...“ Павелъ Петровичъ не настаивалъ на возвращеніи короля сардинскаго. „Возвращеніе короля“, писалъ онъ къ Суворову, „я нахожу въ теперешнемъ положеніи вещей еще не кстати: дѣло въ томъ, чтобы возстановить его на царство и возвести паки на престолъ, а позднѣе или ранѣе сіе случится, оное все будетъ одно [1])“. Но снисхожденіе это еще болѣе разстроило, уже и такъ недовольнаго, Государя... Курьеры изъ арміи, одинъ за другимъ, привозили жалобы отъ Суворова.

Вѣнскій дворъ, преслѣдуя корыстныя свои цѣли, ставилъ препоны фельдмаршалу и систематически разстраивалъ все то, что онъ созидалъ на благо коалиціи. Въ письмахъ къ Ростопчину Суворовъ чистосердечно излагалъ безвыходное свое положеніе и молилъ объ отставкѣ. Письма эти Ростопчинъ представилъ Государю. Пылкій и раздражительный Императоръ гнѣвался на Тугута и на Разумовскаго, который всѣми силами старался спасти положеніе и сохранить хоть видимое согласіе между императорскими дворами. Ему приходилось, съ одной стороны успокоивать вспыльчиваго и перемѣнчиваго Государя, а съ другой усовѣщевать подозрительнаго, безтактнаго и упрямаго Тугута, вѣчно невпопадъ изобличавшаго корыстные замыслы двора своего. Въ депешахъ своихъ посолъ старался извинить австрійскаго министра, вліяніе котораго, въ описываемое нами время, достигло своего зенита.

Какъ истому космополиту, графу Андрею Кириловичу выше всего казалось политическое положеніе Европы и поддержка тѣхъ принциповъ стараго отжившаго европейскаго строя, до которыхъ юной самобытной Россіи не было никакого дѣла. Не одинъ Разумовскій и не одни только его современники грѣшили подобными ошибочными взглядами. Русскіе дипломаты ни прежде, ни послѣ не задавались отвлеченными вопросами объ историческомъ призваніи Россіи, о ея значеніи въ всемірной семьѣ народовъ, они не утомляли себя добросовѣстнымъ изученіемъ ея исторіи и напрягали всѣ силы свои къ поддержкѣ европейскаго равновѣсія, которое иногда прямо шло въ разрѣзъ съ лучшими интересами родины. Спасти существующее status quo, а съ нимъ вмѣстѣ сохранить и насиженное тепленькое мѣстечко за-границею, становилось невольно первою задачею отдаленныхъ отъ отечества и

[1]) Милютинъ, III, 450.

вполнѣ уже обиностранившихся представителей Россіи. Разрывъ съ Австріею, когда еще дымилась на поляхъ Ломбардіи кровь русскихъ воиновъ и вся Европа была подъ впечатлѣніемъ блистательнаго и быстраго похода, казался Разумовскому невозможнымъ. Въ его глазахъ это былъ бы позоръ на весь міръ и новое торжество для ненавистной Андрею Кириловичу республиканской Франціи. Ради соглашенія съ римскою имперіею, слѣдовало, по внутреннему убѣжденію русскаго посла, жертвовать всѣмъ, даже Суворовымъ и его славою; а такъ какъ положеніе Тугута въ совѣтахъ римскаго императора было сильнѣе, чѣмъ когда-либо, то по неволѣ приходилось его защищать и выгораживать отъ гнѣва русскаго Государя. Но этимъ графъ Андрей Кириловичъ только еще болѣе раздражалъ Павла I-го, который обратился къ послу своему съ слѣдующими грозными словами:

„M-r le c. p. a. comte de Rasoumovsky [1]), d'après la conduite récente de la cour de Vienne et d'après le changement de ton qui se fait remarquer dans ses discours, depuis les victoires remportés par le maréchal comte de Souvoroff, et à la suite des intrigues sans fin qui entravent les opérations militaires et des vues de conquêtes et d'agrandissement déjà manifestées, je ne puis, après avoir admiré l'aveuglement de cette puissance, qui après avoir été à deux doigts de sa perte, semble par sa conduite impolitique vouloir y courir de nouveau, m'étonner assez de l'approbation suivie, que vous ne pouvez jamais refuser à la conduite double, artificieuse et toujours cachée du baron Thugut. Lié comme vous êtes avec ce ministre tout-puissant, doué vous-même de talents essentiels et de grands moyens pour occuper dignement le poste important qui vous est confié, vous auriez pu, et même sans de grands efforts de votre part, prévenir beaucoup de fausses démarches et mesures de la cour de Vienne, dont les suites ont aliéné les esprits, ont mis partout la discorde, et ont tourné au profit du gouvernement, dont la perte produira le repos du genre humain.

„Que veut dire la conduite des généraux autrichiens et du conseil de guerre, continuellement en contradiction avec les ordres de l'empereur lui-même? La cour de Vienne est-elle mécontente du maréchal de Souvoroff et de mes troupes? Les officiers russes, qui ont battu les Français à Lecco, sur la Trebbia, à Turin, sont-ils indignes de cet ordre militaire, que la cour de Vienne m'a démandé de son propre mouvement de leur accorder? Pourquoi, lorsque les généraux autrichiens sont sous les ordres du maréchal comte de Souvoroff, font-ils des proclamations dans un sens différent de celles de leur chef? Pourquoi s'opposer à l'organisation des troupes du roi de Sardaigne et me faire

[1]) Рескриптъ этотъ отъ 31 Іюля.

entendre que l'on me cède la Suisse, que la maison d'Autriche regarde comme une de ses conquêtes? Veut-elle combattre seule l'ennemi qui a bouleversé et ruiné l'Italie et la majeure partie de l'Allemagne, enlevé le Milanais, les Pays-Bas, qui a été aux portes de Vienne et qui a porté une si rude atteinte à la fierté de la maison d'Autriche, en la forçant de traiter et de signer un traité de paix à Campo-Formio. Je vous dis tout cela pour que vous sachiez, que je peux voir et me taire. Je me suis uni avec les puissances qui m'ont appelé à leur secours, contre notre ennemi commun. Guidé par l'honneur, j'ai couru au secours de l'humanité. J'ai sacrifié des milliers d'hommes, pour assurer son bonheur. Mais pour avoir pris la résolution d'anéantir le gouvernement français actuel, je n'ai jamais voulu souffrir qu'un autre prenne sa place et devienne à son tour la terreur des princes qui l'avoisinnent, en envahissant leurs états. Est-ce le temps de vouloir s'agrandir, quand on n'est pas encore entièrement sûr de ce que l'on possède? Que chacun soit dédommagé—rien de plus juste, la révolution de France ayant renversé tout l'équilibre de l'Europe, il est essentiel de le rétablir, mais d'un commun accord et par le moyen d'un congrès, où chaque puissance intéressée fera valoir ses droits. Quant à moi, je veux le bien et j'empêcherai les autres de faire le mal. Je voudrais aussi, que toutes les fois que vous traiterez avec le baron de Thugut, vous vous rappeliez que vous êtes russe, et que vous êtes mon ambassadeur à Vienne pour mes affaires [1])".

Въ рескриптѣ несомнѣнно были выражены самыя безкорыстныя, благородныя чувства. Къ несчастію Европа ни прежде, ни послѣ не умѣла цѣнить такого безкорыстія со стороны Россіи. Руководившіе европейскою политикою государственные люди не вѣрили платонизму Россіи и старались угадать, что могло скрываться подъ личиною этой слишкомъ наивной, по мнѣнію ихъ, безсребренности. То же, но въ еще большей мѣрѣ было съ Тугутомъ, который, наоборотъ, только и думалъ о томъ, какъ бы, при всякомъ удобномъ случаѣ, поживиться на чужой счетъ. Разумовскому приходилось защищать человѣка, сильно раздражившаго Государя, на котораго ежеминутно жаловался Суворовъ, противъ котораго кричала вся армія и весь тогдашній Петербургъ. Задача была трудная и неблагодарная. Надо отдать графу Андрею Кириловичу справедливость, что онъ разрѣшилъ ее не безъ таланта. Въ отвѣтъ на рескриптъ Государя, онъ отправилъ длинное, собственноручное секретное донесеніе. Оно представляло ловкую діалектическую апологію Тугута. Правда, въ ней было не мало софизмовъ, но зато въ нее ловко были вставлены нѣсколько туманныхъ

[1]) Рескриптъ этотъ приведенъ in extenso у Милютина, III, 465—466.

инсинуацій относительно секретныхъ, даже самому послу невѣдомыхъ, статей договора 1795 года. Въ то же самое время глазамъ русскаго Императора подставлялась хитрая династическая приманка, а въ концѣ припасенъ былъ со стороны Австріи родъ угрозы, сдержанной и почтительной, но которая все же могла подѣйствовать на окончательное рѣшеніе Государя. Характеръ Тугута, его затруднительное, обособленное положеніе при вѣнскомъ дворѣ, историческое развитіе политики этого двора, все это было набросано Разумовскимъ съ большимъ талантомъ. Вотъ содержаніе замѣчательнаго этого донесенія:

„J'ai reçu avant-hier le rescript très secret de V. M. I. Son contenu est trop important pour que je ne m'occupe sur le champ de soumettre à V. M. I. les très humbles représentations que me dictent mon zèle, ma position et mon dévouement sans bornes aux intérêts et au service de mon auguste Maître. Profondément pénétré de l'impression que V. M. I. a conçue à mon égard de partialité envers la cour de Vienne et d'une approbation aveugle en faveur du ministre qui la gouverne, je parlerai, Sire, comme si j'avais le bonheur d'être appelé en particulier devant votre personne sacrée, et lui exposer les notions les plus exactes et les plus secrètes par rapport à la cour et aux individus qui en dirigent les affaires. L'énumération de ces derniers ne me mettra point dans le cas de dérober les moments précieux de V. M., puisqu'elle se bornera à tracer quelques traits d'un seul personnage, investi de la confiance absolue de son maître et l'arbitre, ainsi que la source à lui-seul de toutes les conceptions politiques du cabinet autrichien. Doué d'une grande capacité et d'une longue expérience, le baron de Thugut, sans naissance, sans fortune, sans entours, sans aucun des moyens qui procurent et soutiennent le crédit des gens en place ici, s'est rendu nécessaire à l'état et à son maitre, il s'est identifié à son autorité, en se livrant sans la moindre distraction aux soins de son département, en deployant de vastes ressources d'esprit et de caractère, dans les circonstances critiques où s'est trouvé la monarchie. Profond et invariable dans ses plans, il n'admet qui que ce soit à ses méditations. Secret dans ses moyens de les exécuter, il ne les découvre qu'au moment, où ils sont effectués. Avant d'entrer dans quelques détails sur ceux que j'ai cru démêler en lui, relativement à la conjoncture actuelle, je présenterai quelques reflexions sur les évènements antérieurs".

„La première guerre contre les Français a été le fruit de l'ambition de toutes les puissances. Toutes ont jugé pouvoir à bon marché profiter des troubles qui commençaient à déchirer une monarchie formidable, dont la dépouille paraissait aussi facile que séduisante. Cette erreur a été funeste à la coalition et du plus grand avantage aux révolutionnaires. Il serait superflu d'en détailler ici les conséquences.

Les scissions, les paix partielles, s'en sont suivies. La plus mémorable a été celle de la cour de Berlin; sa participation à la guerre n'a non seulement point servi à en accélérer les succès, mais il est de fait, au contraire, qu'elle en a contrarié et entravé les progrès. Cependant c'est à titre de sa coopération qu'elle a acquis un vaste agrandissement, par le second partage de Pologne, dont l'évènement a amené le partage définitif, auquel cette puissance a encore trouvé un avantage très considérable. Sa population s'est accrue de 3 ou 4 millions. Celle de la maison d'Autriche, qui n'a accédé à la destruction totale de la Pologne en 1795 que par la force des circonstances, n'a augmenté que de 1.200,000 âmes dans la Galicie occidentale et elle est restée seule chargée du poid d'une guerre désastreuse, dont les revers ont porté une secousse violente à sa population et à ses finances. Cette lutte sanglante et ruineuse a été terminée par la paix de Campo Formio, précédée des préliminaires de Léoben. A cette époque, Sire, c'est la seule fois que j'ai vu le crédit du baron chanceler. Ces préliminaires ont été signés contre son gré, et pour ainsi dire à son insu. Il était prêt à quitter sa place et ce n'est qu'aux instances de son maître qu'il l'a conservée. Son opinion courageuse était d'attendre l'ennemi sous les remparts de Vienne, et ce parti eût été sans doute plus salutaire et plus honorable. Je n'ai pas besoin d'ajouter, que son crédit et son autorité ont été plus consolidés que jamais. Le traité de Campo Formio fût redigé et conclu de manière a rendre inévitable une nouvelle guerre. Le cabinet de Vienne a profité de ce repos pour remonter les ressorts de la monarchie, et pour en méditer l'action d'après un système rectifié par l'expérience du passé. Les grands efforts devaient se porter sur l'Italie; c'est là qu'on envisageait un dédommagement à la perte des Pays-Bas et une compensation à la modicité des acquisitions polonaises, considérées comme non proportionnées à celles des puissances copartageantes. Les possessions venitiennes dévolues en partie par la paix à la maison d'Autriche, n'en étaient regardées que comme un équivalent incomplet du Milanais, non pas précisément par rapport à la stricte proportion du territoire et de la population, mais à cause du délabrement de ces provinces ruinées par la guerre, et de la fermentation qui les agitent et qui effectivement présagent pendant une longue suite d'années une administration difficile et épineuse. Le moment de la nouvelle explosion a été indiqué par la situation où se trouva l'Europe, peu après l'avènement au trône de V. M. I., lorsque sa résolution énergique et généreuse donna essort à cette nouvelle lutte, dont les succès éternisent la gloire de son règne. Les armées marchèrent et l'Italie fût conquise. Par là, Sire, le but de la cour de Vienne est rempli; il ne lui reste que le soin d'en consolider les avantages. Ici se présente un autre

aspect. Je viens de narrer succintement le passé; je trouverai de même, Sire, l'état actuel des rapports de cette cour avec l'ensemble des évènements et leur résultat à venir.

„Partout on a dit, qu'il fallait s'unir contre le monstre de la révolution, qu'il fallait l'étouffer dans un commun accord, sans autre considération que celle de sauver l'Europe du danger dont elle était menacée. Cette vérité produite par la terreur du crime triomphant, a été proférée par toutes les bouches, mais n'a été véritablement sentie que dans le coeur généreux de V. M. I. Son élan sublime lui assure une vénération universelle et les bénédictions de la postérité. Mais cet élan pur et magnanime existe-t-il sur un autre trône que le votre, Sire, ou dans un autre cabinet? J'ose affirmer que non, V. M. I. pense de même, puisqu'elle daigne me marquer que sans avoir aucune vue d'intérêt ou d'acquisition, elle approuve les indemnités et les avantages des autres puissances belligérentes. Il me semble donc, Sire, n'avoir plus à vous présenter que le mode d'accorder ce principe avec les opinions, et l'assistance des alliés qui parait être: 1) que c'est aux grandes puissances seules à régler l'équilibre futur de l'Europe, en écartant de cette discussion les puissances secondaires, dont les intrigues et les intérêts particuliers précipiteraient les affaires dans un dédale inextricable de confusion au préjudice de l'intérêt général et au but des puissances majeures. 2) Que pour simplifier encore d'avantage ce principe, il ne doit appartenir qu'aux grandes puissances, qui ont concouru à la guerre d'en fixer les résultats. 3) Que ces mêmes puissances disposent de leurs conquêtes selon leurs convenances ou leur générosité. Fondé sur ces principes généraux, le baron de Thugut m'a paru attaché d'une manière invariable à l'idée, que la tranquillité future de la maison d'Autriche exige essentiellement quelque altération dans la distribution des états d'Italie. L'expérience a prouvé, que ce pays, entièrement ouvert aux Français, leur donne l'avantage d'y pénétrer et de le ravager à leur gré. Il importe donc à la cour de Vienne de s'en garantir en acquérant une barrière qui ne soit plus entre les mains d'une puissance intermédiaire comme la Sardaigne, dominée ou séduite tour à tour par la France, dans ses guerres contre la maison d'Autriche. Pour ce qui regarde les indemnités des pertes qu'elles a faites et d'un équilibre de puissance, il me serait plus difficile d'en tracer le plan; mais je crois pouvoir affirmer qu'elle n'a nullement en vue de déposséder aucun des souverains d'Italie. Je pense même qu'à l'égard de plusieurs, elle a l'intention de les maintenir dans toute leur intégrité, tels que le royaume de Naples, le duché de Parme, la Toscane et les états Piémontais, sauf à l'égard de ces derniers la barrière militaire. Quant à l'état ecclésiastique il est assez probable qu'elle veuille en diminuer le pa-

trimoine, soit pour arrondir ses propres acquisitions, soit pour compenser, à l'égard des autres, les arrangements qui pourraient être de sa convenance.

„A l'appui de ces mêmes principes ci-dessus mentionés, le baron de Thugut, dont la politique a toujours eu en vue de maintenir sa cour dans l'indépendance de tout engagement qui puisse la contrarier, allégue aujourd'hui que son maître, ne se trouvant lié vis-à-vis d'aucune puissance, ne saurait consentir à contracter gratuitement des obligations qui la priveraient de cette indépendance si avantageuse, dans la conjoncture actuelle. Il en excepte cependant la cour de Russie, mais il en cite les traités comme favorisant éventuellement et implicitement les acquisitions de la cour de Vienne sur l'Italie, en indémnité de la guerre contre la France. Mais ces traités reposant sur des stipulations secrètes entre les deux cours impériales, impliquent par leur nature l'impossibilité de les produire à la connaissance de tous les cabinets, sans que cette publicité entraine les conséquences les plus graves, et cette objection concourt à affermir le baron de Thugut dans son éloignement pour la tenue d'un congrès, auquel il lui semble peu vraisemblable que l'Angleterre, de son côté, consente à soumettre la discussion de ses droits sur les conquêtes qu'elle a faites, ou qu'elle pourra faire par la suite, soit en Europe, soit dans les deux Indes, tandis que les acquisitions dans ces dernières augmenteront infiniment son influence, en mettant, pour ainsi dire, à sa disposition le numéraire de toute l'Europe. Il s'en suit, Sire, que le baron de Thugut, opposé à l'idée d'un congrès, ne l'est nullement à un concert amical et confidentiel avec le ministère de V. M. I. J'ai tout lieu de présumer, que toujours d'après le principe, que c'est aux grandes puissances à régler le sort des puissances subalternes, principe qu'il regarde comme d'autant plus salutaire, que dans le désordre monstrueux d'opinions et de faits, occasionnés par la révolution, on n'en empêcherait le retour qu'en formant de grandes masses de puissances, pour tenir en respect et la France et ses sectaires; j'ai lieu de présumer, dis-je, Sire, que la cour de Vienne, empressée de rechercher les moyens de consolider ses liens avec V. M. I. souscrirait à tous les avantages particuliers en Italie même, ou en Allemagne, ou aux Pays-Bas, qui pourraient être de votre convenance, Sire, par rapport à des princes de votre auguste maison. Il me suffit d'indiquer cette idée, que j'ai puisée dans des entretiens généraux avec le baron de Thugut, et dont l'analyse demandera une discussion réfléchie et détaillée, soumise à la considération de V. M. I."

„D'après l'apperçu que j'ai l'honneur de présenter à V. M. I. elle daignera peser dans sa sagesse, si les vues de la cour de Vienne, dirigées vers une partie de l'Europe, hors de tout contact avec l'empire

de V. M., croisent ses intérêts et y portent quelque préjudice. Elle déterminera, par quels sacrifices elle jugera à propos de consolider la puissance de l'allié le plus intime de son trône et en accorder la politique avec l'intention généreuse qui vous anime, Sire, pour le repos des empires, le bonheur de l'humanité et la plus haute période de gloire, qui puisse illustrer le règne d'un monarque bienfaisant.

„Mon devoir me prescrit, Sire, d'ajouter, que la mesure de ces sacrifices garantira le dévouement le plus absolu de la cour de Vienne. Elle concourera à ce prix de toute sa puissance au but magnanime de V. M. I. contre la révolution; elle souscrira à tous les plans pour le rétablissement de l'ordre en France et ne posera les armes qu'après que ces plans auront atteint leur entière exécution. Mais si elle était contrariée dans les siens en Italie, j'ai tout lieu de croire, Sire, qu'on la verrait se ralentir et se borner dans ses efforts, peut-être même les suspendre totalement et se soustraire à la coalition. Je terminerai, Sire, en observant très respectueusement, que dans le rescrit auquel j'ai l'honneur de répondre, V. M. I. a daigné juger avec bonté et indulgence mes moyens de la servir. Pénétré du desir de justifier une opinion aussi précieuse par mon dévouement dans le futur développement des affaires, j'oserai représenter, que si des plus amples détails pouvaient paraître nécessaires de ma part, que V. M. I. daigne m'ordonner de les porter moi-même à ses pieds. Une absence de six semaines pendant la saison où les armées seront inactives, me mettront à même ensuite de remplir avec plus de précision les hautes volontés qu'elle jugera à propos de me dicter [1])“.

Одновременно съ донесеніемъ къ Государю, Разумовскій отъ 19 Августа написалъ собственноручное письмо къ графу Ростопчину, адресованное въ собственныя руки съ подписью très secret.

„S'il m'a été satisfaisant de trouver dans le rescrit de S. M. I.“, писалъ графъ Андрей Кириловичъ, „des expressions honorables et flatteuses de l'opinion de S. M. à l'égard de mes moyens de la servir, j'ai éprouvé en même temps une vraie douleur d'y apercevoir des impressions désavantageuses sur ma manière de représenter la conduite du cabinet autrichien. Dans la relation ci-jointe ma plume a été guidée par le désir profond de justifier l'estime de mon Souverain et d'effacer une prévention, que je ne crois pas avoir méritée. Cette dernière me semble, je l'avouerai, se rapporter plus encore à cette cour-ci qu'à ma personne, et cette considération m'alarme infiniment pour l'avenir. Elle tient à des causes compliquées et étendues, que les bornes d'une lettre ne peuvent ni expliquer, ni embrasser.

[1]) Депеша эта приведена in extenso у Милютина III. 469—473.

Pénétré de l'importance et de la nécessité que nos deux cours s'entendent, pour la suite et le succès des affaires actuelles qui exigent leur parfaite intelligence, convaincu, que pour cet effet il faut aplanir et déraciner les premiers germes qui pourraient s'y opposer, j'ai cru conforme à mon zèle et à mon profond dévouement pour le service de mon auguste Maître, intimement lié aujourd'hui au bien général de l'Europe, de représenter à la fin de mon rapport, que si S. M. jugeait à propos de m'appeler pour quelques jours près d'elle; je me trouverais peut-être plus à même ensuite d'exécuter ici ses ordres et coopérer à l'entreprise magnanime qu'elle se propose d'accomplir. Je soumets cette idée, monsieur le comte, au zèle éclairé qui vous guide. Si elle est approuvée, je pense que mon éloignement de mon poste pourrait se borner à six semaines, au plus deux mois, et voici la distribution du temps qui me paraîtrait suffire à mon voyage, qui aurait lieu dans la saison où les armées seront dans leurs quartiers d'hiver. 15 ou 18 jours pour aller à Pétersbourg, 10 à 12 pour y demeurer. Si S. M. daignait le permettre je dirigerai mon retour par l'Ukraine pour y passer quelques jours et y voir mon père que je chéris tendrement et dont l'âge et les infirmités renderaient ce moment précieux à ma sensibilité".

Между тѣмъ, новая жалоба Суворова успѣла долетѣть до Петербурга, и негодованіе Государя снова излилось въ грозномъ рескриптѣ на имя Разумовскаго отъ 7 Августа:

„Par la copie de la lettre ci-jointe du maréchal comte de Souvoroff, vous verrez que la jalousie des généraux autrichiens, les petitesses du baron et l'envie d'une armée qui ne veut pas devoir des succès à un étranger, vont servir la cause des Français, en suivant les mouvements d'une ambition aveugle et qui fera encore des pertes irréparables. Car après la conduite récente du cabinet de Vienne cela ne sera plus moi qui viendra à son secours".

„Vous demanderez une audience à l'empereur; vous lui ferez voir la copie de la lettre du maréchal comte de Souvoroff et vous direz de ma part à S. M. que j'ai donné ordre à ce maréchal, s'il trouve les mêmes difficultés à exécuter les entreprises, qui couvrent de gloire les armées autrichiennes, de la part du conseil de guerre, des généraux et des ministres, de se concerter avec mes forces sur un point qu'il jugera le plus convenable, et de poursuivre de là ses opérations indépendamment des armées autrichiennes, en communiquant avec le cabinet de S-t. James et celui de Naples, sur ce qu'il aura entrepris ou aura à entreprendre. Vous me ferez connaître le résultat de cette audience par un chasseur que vous expédierez..."

Разумовскій, въ первую минуту послѣ полученія этого рескрипта, совершенно растерялся. Сообщить слова Государя римскому императору значило вызвать внезапный разрывъ съ Австріею, который произвелъ бы поражающее впечатлѣніе на всю Европу. Уже и такъ расшатанное положеніе державъ было бы окончательно потрясено, а раздвоенныя силы союзниковъ въ Италіи могли бы легко, по мнѣнію посла, несмотря на геніальность Суворова и на храбрость ослабленныхъ кровавыми побѣдами русскихъ войскъ, подвергнуться пораженію. Изъ Франціи и Швейцаріи легко могла придти подмога республиканскимъ войскамъ. Кромѣ того, графъ Андрей Кириловичъ не получалъ еще отвѣта на отправленное имъ объяснительное донесеніе, а онъ не безъ причины, какъ мы увидимъ далѣе, полагалъ на него большія надежды. Въ такомъ затрудненіи Разумовскій, въ первую минуту, рѣшился не спѣшить исполненіемъ полученныхъ изъ Петербурга приказаній и не счелъ за благо увѣдомить о томъ фельдмаршала. „Брантъ-маіоръ Черевинъ", писалъ онъ, „отправленный къ в. с., прибылъ сегодняшній вечеръ и, не останавливаясь, продолжалъ свой путь. Черезъ него я получилъ при рескриптѣ копію съ реляціи в. с. отъ 25 Іюня, въ которой вы просите объ отзывѣ своемъ, ежели не перемѣнятся всѣ тѣ обстоятельства противъ здѣшняго двора, о коихъ приносите жалобу Государю. Е. И. В., вслѣдствіе сего, угодно было мнѣ указать испросить у римскаго императора аудіенцію, поднесть на оной копію вашей реляціи и объявить волю, чтобы вы, м. г., собравъ всѣ россійскія войска, гдѣ вамъ заблагоразсудится, дѣйствовали бы независимо отъ австрійской арміи, по сношенію единственно съ дворами англійскимъ и неаполитанскимъ. Таковое объясненіе непремѣнно должно произвести самыя важнѣйшія слѣдствія между императорскими дворами, коихъ союзъ и согласіе, мнѣ кажется, долженствуютъ быть предметомъ старанія и трудовъ нашихъ; итакъ, я надѣюсь, что в. с. удостоите меня похвалою, что приму я смѣлость не во всей точности исполнить возложенное на меня повелѣніе, наипаче по той причинѣ, что по новой диспозиціи, вамъ предписанной, вы найдетесь въ самомъ томъ положеніи, которымъ приказано мнѣ угрозить здѣшній дворъ, и чрезъ то минуются и избѣжены будутъ непріятныя слѣдствія между императорскими дворами". Суворовъ, выведенный изъ терпѣнія непозволительными выходками гофкригсрата, не хотѣлъ да и не могъ, подъ вліяніемъ извинительнаго раздраженія, внимать выводамъ Разумовскаго. „Не могу я скрыть своего удивленія", отвѣчалъ онъ послу, „что вы высочайшее Е. И. В. къ вамъ послѣдовавшее повелѣніе о представленіяхъ моихъ, основательныхъ на многія чинимыя ухищренія жалобъ, и о просьбѣ моей объ увольненіи, оставили безъ всякаго исполненія. Я долженъ здѣсь в. с. примѣтить, что

въ высочайшемъ Е. В. ко мнѣ рескриптѣ именно сказано, что вамъ сильнѣйшимъ образомъ предписано исполнить сію монаршую волю. Подобное порученіе сдѣлано и пребывающему въ С.-Петербургѣ римско-императорскому послу графу Кобенцелю. Слѣдовательно, соблюденная сія вами къ австрійскому министерству деликатность должна неминуемо дойти до высочайшаго нашего всемилостивѣйшаго Государя свѣдѣнія. Вообще, гдѣ нѣкоторымъ образомъ оскорбляется слава оружія Е. В., тамъ потребны твердость духа и большая настоятельность". Не ограничиваясь этими довольно колкими выраженіями, Суворовъ жаловался въ Петербургъ, и въ письмѣ къ Ростопчину заявилъ, что далѣе имѣть дѣла съ Разумовскимъ не намѣренъ. „Признаюсь, содержаніе письма меня очень удивило", писалъ онъ; „г. посолъ почелъ за нужное не представлять прошенія моего объ увольненіи отъ службы императору римскому, предусматривая отъ того непріятныя послѣдствія. Не входя въ изслѣдованіе причинъ, его къ тому побудившихъ, скажу токмо здѣсь в. с. въ откровенности, что деликатность его не очень кстати и что усиленнѣйшія его настоянія и большая твердость въ Вѣнѣ были бы для дѣлъ службы въ теченіе нынѣшней кампаніи гораздо полезнѣе. Я за нужное почитаю на будущее время относиться во всемъ къ т. с. Колычеву". „Ваши свѣдѣнія", писалъ нѣсколько позднѣе фельдмаршалъ къ послѣднему, „для меня весьма пріятны и полезны, потому что вы смотрите вашими глазами, а я изъ гофкригсрата получаю извѣстія подъ диктатурою писанныя" [1]).

Колебаніе Разумовскаго продолжалось, однако, не долго. Здраво размысливъ все дѣло, онъ нашелъ съ одной стороны, что шутить рескриптомъ было опасно, а съ другой, что, вслѣдствіе рѣшеннаго перемѣщенія русскихъ войскъ въ Швейцарію, одно изъ главныхъ затрудненій, имъ предвидѣнныхъ, падало само собою. Въ силу новаго распоряженія, помимо всякаго разрыва, Суворову приходилось дѣйствовать совершенно самостоятельно, тѣмъ болѣе, что графу Андрею Кириловичу было извѣстно намѣреніе вѣнскаго двора вывести войска свои изъ Швейцаріи, о чемъ онъ и намекалъ Государю въ приведенной выше депешѣ своей отъ 20-го Іюля. Касательно предполагаемаго похода фельдмаршала Суворова въ Швейцарію, посолъ, 10 Августа, доносилъ слѣдующее: „Le ministère d'ici, m'ayant prié de mander au maréchal, que telle était la volonté de V. M. I., et que j'avais été chargé de porter la parole ici, j'ai cru n'agir que conformément aux hautes intentions de V. M. en acquiesçant. Il est enjoint au maréchal de mettre sur le champ son corps en mouvement vers le Valais, afin d'y relever celui du général Hadick. C'est au moment où le maréchal quit-

[1]) Милютинъ III, 468.

tera le commandement de l'armée d'Italie que S. M. se propose de l'honorer de la grande croix de l'ordre militaire de Marie-Thérèse. On a l'intention très secrète d'offrir le même ordre à S. A. I. mgr. le Grand Duc Constantin, en chargeant le maréchal de la lui présenter. Le zèle infatigable et la bienveillante valeur de S. A. I. lui a donné des titres légitimes à cette distinction, et l'empereur saisira sans doute avec autant d'empressement que de satisfaction le moment de rendre une justice eclatante aux grandes qualités militaires de cet auguste Prince. On n'est pas sans quelque appréhension que les opérations du maréchal dans la rivière de Gênes n'occasionnent une perte considérable de monde, vû les difficultés que présente la localité. On aurait été d'avis de ne point forcer l'eηnemi à l'évacuer, vû que vraisemblablement il y serait forcé de lui-même. On prévoit aussi de grandes difficultés pour les approvisionnements. Néanmoins le maréchal ayant déjà entrepris son expédition, il est probable qu'il ne sera point contrarié dans sa poursuite".

Намекъ на орденъ Маріи-Терезіи служилъ отвѣтомъ на упреки въ неблагодарности, встрѣчаемые въ рескриптѣ Государя отъ 31 Іюля; что же касалось до опасеній вѣнскаго двора относительно кроваваго похода въ ривьеру Генуезскую, то онѣ были напрасны. Недостатокъ въ провіантѣ съ одной стороны и тревожныя извѣстія изъ Швейцаріи съ другой—заставили Суворова отказаться отъ наступательнаго плана и стянуть армію въ лагерѣ подъ Асти, ожидая со дня на день сдачи Тортонской цитадели.

Но возвратимся къ недоразумѣнію Разумовскаго касательно полученныхъ имъ изъ С.-Петербурга предписаній. Судя по числамъ, выставленнымъ на рескриптѣ Государя и отвѣтномъ донесеніи посла, недоразумѣніе это продолжалось весьма недолго. Въ то время курьеръ изъ Петербурга въ 15 дней, при быстрой ѣздѣ, могъ доѣхать до Вѣны, значитъ, рескриптъ, помѣченный отъ 7-го Августа, могъ уже 22 быть полученъ въ Вѣнѣ, а уже 25-го графъ Андрей Кириловичъ извѣщалъ Государя, что онъ исполнилъ въ точности всѣ его приказанія. Явно, что отправленное посломъ къ Суворову письмо, которое, къ сожалѣнію безъ числа, писано было подъ первымъ впечатлѣніемъ напугавшаго Разумовскаго рескрипта, и что сейчасъ-же вслѣдъ за этимъ онъ раскаялся въ своей поспѣшности. Онъ не рѣшился искажать правды, которая не могла, черезъ Кобенцеля, не всплыть со временемъ на воду; къ тому же, Тугутъ его, вѣроятно, окончательно успокоилъ, такъ какъ въ рѣзкихъ словахъ русскаго Государя хитрый министръ находилъ извиненіе удаленію эрцгерцога Карла, со всѣми австрійскими силами изъ Швейцаріи. 25-го Августа Разумовскій разомъ отправилъ къ Государю два донесенія. Въ первомъ онъ извѣщалъ Императора о побѣдѣ

при Нови. „Il y a apparence“, писалъ онъ, „d'après les derniers rapports du maréchal, qu'il ne tardera pas à effectuer la translation de ses troupes en Suisse, dès qu'il en aura reçu l'ordre de V. M. I. à l'appui de ceux que lui a prescrit l'empereur. Cette opération sera d'autant plus utile que les mouvements des Français en Suisse ont été suivis du passage du Rhin sous Manheim“...

Второе донесеніе графа Андрея Кириловича было отвѣтомъ на рескриптъ Государя: „En conséquence des ordres de V. M. I.“, писалъ онъ, „contenus dans son rescrit en dâte du 7 Aout, j'ai sollicité une audience chez l'empereur. J'ai présenté à ce prince une traduction littérale de la lettre du maréchal Souvoroff du 25 Juin, annexée au rescrit, et j'ai rendu mot-à-mot à S. M. ce que vos ordres, Sire, me prescrivaient. L'empereur m'a répondu qu'il éprouvait la plus vive sensibilité de ce que des impressions aussi facheuses parvenaient à V. M. I. S. M. m'a dit et répété maintes fois, que jamais le conseil de guerre n'avait donné des ordres au maréchal et que tous ceux qui lui ont été envoyés, venaient de l'empereur lui-même, et cela en conséquence d'un arrangement fait avec le maréchal pendant son séjour à Vienne, en témoignage de quoi S. M. en a appelé à moi-même, et il est vrai, Sire, qu'à cette époque tel fût le propos de S. M. L'empereur ajouta qu'infiniment peiné de ce que des rapports *si peu fondés* pouvaient influer un instant sur les dispositions invariables d'amitié et de confiance dans son intimité avec V. M. I., il serait lui-même dans le cas d'en transmettre ses plaintes à son auguste allié, si les services éminents rendus par le maréchal ne lui imposaient de s'en abstenir; qu'au surplus le nouveau plan mutuellement agréé, et en vertu duquel le maréchal allait passer en Suisse, mettrait fin à tout inconvénient de ce genre par la suite, et qu'enfin l'empereur se reservait d'écrire directement sur cet objet à V. M. I., ayant à répondre d'ailleurs à une lettre de votre part, Sire, reçue il y a quelque temps et qui contenait des griefs semblables de la part du maréchal [1]).

Въ то же самое время (отъ 8-го Сентября), Разумовскій отвѣтилъ на колкое письмо Суворова, извѣщая его, что предписанія Государя были въ точности исполнены. „Съ признательностью, свойственною почтенію и преданности моихъ къ вамъ, м. г., принялъ я содержаніе вашего письма, съ таковымъ же удовольствіемъ имѣю вамъ донести, что хотя я и писалъ къ в. с., что можетъ быть отмѣню нѣсколько точность исполненія данныхъ мнѣ повелѣній отъ Е. И. В., всемилостивѣйшаго нашего Государя, касательно представленій мнѣ предписанныхъ на аудіенціи у римскаго императора, въ томъ видѣ, что какъ уже

[1]) Милютинъ, III. 468—469.

тогда в. с. вознамѣрились предпринять маршъ въ Швейцарію, однако-жъ, разсудивъ, что долгъ служенія не дозволяетъ мнѣ принять на меня таковой поступокъ и просилъ я аудіенціи и исполнилъ въ точности волю Государя Императора. Вслѣдствіе сего и отправленъ былъ отъ здѣшняго двора нарочный въ С.-Петербургъ. Такимъ образомъ, надѣюсь, м. г., что в. с. удостовѣрены будете объ исправности исполненія мною наложеннаго на меня высочайшаго повелѣнія и что впредь удостоите меня справедливымъ вашимъ мнѣніемъ, что слава оружія Е. И. В. и глубочайшее почтеніе къ начальнику, имъ управляемому, (sic) будутъ всегда предметами старанія, ревности и силъ моихъ". Письмо это вполнѣ разъясняетъ недоумѣніе, выраженное графомъ Д. А. Милютинымъ въ извѣстномъ и замѣчательномъ трудѣ его о войнѣ 1799 года, и въ то же время извиняетъ Разумовскаго [1]). Едва успѣлъ графъ Андрей Кириловичъ исполнить данное ему порученіе, какъ три новыхъ рескрипта другъ за другомъ послѣдовали изъ Петербурга. Первый былъ слѣдующаго своеобразнаго содержанія:

„M-r le c. p. a. Comte de Rasoumovsky. En lisant vos dépêches envoyées par le chasseur Sokolovitch, j'y ai été choqué de la manière dont vous appelez mes aides-de-camp simplement officiers, quoique vous auriez pû sans déroger à votre morgue naturelle appeler ces messieurs par le grade et le titre que j'ai bien voulu leur accorder" [2]).

Во второмъ рескриптѣ отъ 25-го Августа Государь говорилъ объ отказѣ вѣнскаго двора принять участіе въ предлагаемомъ конгрессѣ, упоминая, что если вѣнскій дворъ имѣетъ поводы отказываться отъ общаго обсужденія судебъ Европы, то онъ, съ своей стороны, имѣетъ причины интересоваться будущностью своихъ союзниковъ и судьбою тѣхъ державъ, на счетъ которыхъ австрійскій домъ намѣренъ вознаградить себя за военныя издержки. „Такъ какъ баронъ Тугутъ", сказано было въ рескриптѣ этомъ, „выразилъ вамъ сильное желаніе доказать мнѣ честность и прямоту своихъ намѣреній, то потребуйте отъ него, въ доказательство этихъ чувствъ, подробнаго и яснаго изложенія притязаній вѣнскаго двора, а также и тѣхъ вознагражденій, на которыя онъ разсчитываетъ въ случаѣ мира. Изъ этого я заключу, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать: продолжать ли войну съ Франціею или же защи-

[1]) Графъ Милютинъ говоритъ: „Графъ Разумовскій, представивъ лично императору Францу переводъ съ донесенія Суворова, рѣшился умолчать объ угрозѣ Россійскаго монарха" (III, 247), а въ примѣчаніяхъ, приводя текстъ донесенія посла къ Государю, къ словамъ „j'ai rendu mot à mot à S. M. ce que vos ordres, Sire, me prescrivaient"—въ сноскѣ спрашиваетъ: „какъ согласить это съ письмомъ графа Разумовскаго къ Суворову?" (III. примѣчаніе 346, стр. 468—469). Здѣсь подразумѣвается первое письмо, о второмъ же авторъ не упоминаетъ вовсе.

[2]) Рескриптъ отъ 23 Августа. Изъ архива князя Разумовскаго.

щать Европу и самого себя отъ непомѣрныхъ притязаній австрійскаго дома и замысловъ усилиться на счетъ слабѣйшихъ державъ". Содержаніе третьяго рескрипта парализировало нѣсколько непріятное впечатлѣніе, произведенное двумя первыми на Разумовскаго „J'ai reçu par le chasseur Albrecht", писалъ отъ 7 Сентября Государь, „votre rapport très secret du 18 Août, et je suis parfaitement content de son contenu. Mais dans ce moment il est indispensable pour mon honneur, pour la gloire de mes armes et le bonheur de l'Europe entière, que je sois exactement informé de toutes les démarches de la cour de Vienne, afin que je puisse prendre mes mesures d'avance et me mettre dans l'attitude qui me convient. En proposant le congrès pour l'arrangement préalable, avant la paix, du sort des puissances intéressées dans la guerre actuelle, je n'avais en vue que le bien et l'accord général. Mais la cour de Vienne veut s'entendre sans congrès, j'y consens, pourvu que j'atteigne mon but [1]). M'étant déjà expliqué maintes fois sur mes vues désintéressées et en même temps sur l'admission des dédomagements à accorder aux puissances, qui soutiennent la lutte pénible contre la France, dans l'intention de la terrasser, il est juste que je désire savoir maintenant à quoi m'en tenir sur le compte de la maison d'Autriche, et qu'elle me fasse part d'une manière détaillée, claire et précise, des acquisitions qu'elle se propose de faire pour elle-même, et du mode d'indemnisation pour les autres puissances, en nommant les provinces et les villes qu'elle a en vue pour cet objet. Ce moyen tout simple et loyal ne peut que dissiper les soupçons, que de fréquentes répétitions des mots *acquisition* de *dédommagement* font naître dans mon esprit, entièrement tourné au rétablissement de l'ordre social et du repos en Europe. Je trouve que dans les circonstances présentes votre absence de Vienne pourrait être préjudiciable aux affaires, car c'est justement le moment où l'on ne saurait trop surveiller les moindres démarches de la cour de Vienne et en être instruit à temps. Réunissez-vous avec le prince Italisky et tâchez chacun de son côté, par votre zèle et vos lumières, contribuer à la réussite de la grande oeuvre méritoire, et en cas qu'il vienne à manquer par le manque d'ensemble, par la jalousie ou par la mauvaise foi, alors faites en sorte qu'au lieu d'avoir à me reprocher quelque négligence, je ne puisse avoir d'autre regret, que celui d'avoir eu affaire aux hommes ingrats et aux âmes guidées par l'intérêt".

Очевидно было изъ этого послѣдняго рескрипта, что акціи Разумовскаго нѣсколько поднялись въ Петербургѣ. Еще яснѣйшимъ къ тому доказательствомъ служитъ отвѣтное письмо недоброжелательнаго

[1]) Отсюда рескриптъ у Милютина, III. 474.

къ послу Ростопчина. „Etant indisposé“, писалъ отъ того же 7-го Сентября изъ Гатчины графъ Өедоръ Васильевичъ, „et ayant passé une nuit blanche en voiture, revenant de Pétersbourg, je ne pourrai écrire au long à v. ex., mais elle verra par le rescrit de l'Empereur, que l'explication a dissipé les soupçons que l'ont avait formés. Instruisez bien l'Empereur, personne ne le pourra mieux que vous et personne n'a plus de moyens de servir son Maître et son pays [1])“.

„Le rescrit en dâte du 7 Septembre“, собственноручно отвѣчалъ, отъ 28 Сентября, на эти утѣшительныя слова Разумовскій, „que S. M. a daigné m'adresser, m'impose de nouveaux soins rélativement au service de notre auguste Maître. J'y consacrerai avec ardeur tout ce que le zèle le plus profond et le devouement le plus vigilant peuvent me donner de moyens. Je m'efforcerai de mériter la confiance et l'approbation souveraines et c'est avec une satisfaction ainsi motivée que je sacrifie, à une tâche aussi importante, la sollicitude de mes affaires domestiques, que je me proposai de surveiller d'un coup d'oeil rapide, si j'avais eu le bonheur d'être appelé aux pieds de mon Maître, car elles en ont un grand besoin et depuis longtemps. Je conviens franchement, m-r le comte, qu'elles sont considérablement dérangées. J'ai pris la liberté de le représenter avec la même franchise à S. M. I., il y a environ 18 mois. Je me borne à le répéter. Quand on a le bonheur de vivre sous les lois d'un souverain comme le notre, on n'a rien à appréhender, quand on n'a rien à se reprocher“.

Неожиданное снисхожденіе Государя къ Разумовскому и вѣнскому двору было, однако, недолговременно. Новыя пререканія возникли между Вѣною и С.-Петербургомъ. Тугутъ, будто на зло Австріи и коалиціи, выводилъ изъ терпѣнія уже и такъ раздраженнаго Императора Павла. Несчастному Разумовскому съ каждымъ курьеромъ приходилось передавать непріятныя извѣстія двору своему, стараясь, по мѣрѣ силъ своихъ, придать приличный видъ уклончивымъ и не вполнѣ добросовѣстнымъ отвѣтамъ австрійскаго премьера. Такъ Государь пожелалъ присоединить къ войскамъ своимъ корпусъ шурина своего герцога Виртембергскаго. На это въ Вѣнѣ никакъ не хотѣли согласиться, и послѣ долгихъ споровъ дано было знать въ Петербургъ, что соединенію этому собственно австрійское правительство не противится, но только требуетъ, чтобъ войска виртембергскія не выступали бы за границы своего герцогства. Такое рѣшеніе равнялось отказу. Далѣе вѣнскій кабинетъ наотрѣзъ отказался приступить къ состоявшемуся между Россіею и Турціею союзу, заключенному во вредъ прямымъ

[1]) Письмо это въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ сохранилось въ копіи.

интересамъ Россіи и единственно на пользу коалиціи. Но самыя непріятныя столкновенія между двумя дворами возникли въ Швейцаріи. Австрійское правительство, задолго до прибытія Римскаго-Корсакова, рѣшило замѣнить здѣсь войска свои русскими силами. Съ этою цѣлью эрцгерцогъ просилъ русскаго генерала ускорить свой походъ. Корсаковъ быстро прошелъ черезъ Германію, гдѣ мѣстные владѣтели принимали русскія войска съ большими почестями. Едва переступилъ корпусъ этотъ за швейцарскую границу, какъ эрцгерцогъ объявилъ Корсакову о намѣреніи своемъ отступить черезъ Рейнъ со всѣми австрійскими силами, оставивъ защиту Гельветической республики на попеченіе русскихъ войскъ. Корсаковъ заявилъ, что подобный поступокъ противенъ общему соглашенію союзниковъ и считалъ невозможнымъ, съ малыми силами своими, нетолько дѣйствовать наступательно, но даже удержаться на занятыхъ австрійцами позиціяхъ. Но эрцгерцогъ настоялъ на своемъ, извиняясь необходимостью повиноваться полученнымъ имъ изъ Вѣны приказаніямъ. Переговоры между двумя полководцами только раздосадовали эрцгерцога, который объявилъ, что немедля выйдетъ изъ Швейцаріи, оставляя Корсакова на произволъ судьбы. Послѣдній укрѣпился въ окрестностяхъ Цюриха. „La position du général Korsakoff“, доносилъ Государю отъ 25 Августа обманутый Тугутомъ Разумовскій, „est réputée inexpugnable et lui donne l'avantage d'être dans la plus grande proximité de la jonction successive du restant de ses troupes. Par ce moyen le remplacement s'effectue déjà et de la manière la plus convenable, pour faire face à toute entreprise de l'ennemi“.

Въ то же время вѣнскій дворъ жаловался въ Петербургъ на упрямство русскаго генерала, и Императоръ Павелъ, полагаясь на увѣренія Тугута и Разумовскаго, предписалъ Римскому-Корсакову не противиться предположенной смѣнѣ войскъ въ Швейцаріи. Въ Россіи увѣрены были, что смѣна эта произойдетъ постепенно и въ равныхъ силахъ. Донесенія Корсакова и состоящаго при арміи эрцгерцога Карла, графа П. А. Толстаго, открыли глаза Государю. Онъ немедля подчинилъ Корсакова Суворову, которому предписалъ обратить свое исключительное вниманіе на Швейцарію. Въ то же время Императоръ потребовалъ объясненій какъ отъ Кобенцеля, такъ и прямо отъ вѣнскаго кабинета черезъ графа Андрея Кириловича [1]).

„Persuadé que l'intimité, une entière confiance et un concert unanime établis entre moi, S. M. l'empereur des romains et S. M. britannique, sont les seuls moyens qui peuvent nous faire parvenir au but désiré de sauver l'Europe, en détruisant le gouvernement actuel de la

[1]) Милютинъ, III, 251—252.

France, j'ai pris le parti de suivre dorénavant une marche vis-à-vis la cour de Vienne, qui, en me procurant des renseignements sur ses actions par l'organe de ses propres ministres, raffermira encore d'avantage les liens qui nous unissent, ou servira de règle à ma conduite ultérieure, qui sera toujours conforme à celle que l'on tiendra vis-à-vis de moi".

Вслѣдствіе этого, графу Андрею предписывалось немедля допросить Тугута, на какомъ основаніи эрцгерцогъ Карлъ спѣшитъ покинуть Швейцарію до сформированія, такъ-называемой, промежуточной арміи, о которой доносилъ Разумовскій въ депешѣ своей отъ 20 Іюля. Прежде, чѣмъ графу Андрею Кириловичу пришлось отвѣтить на запросъ этотъ, удаленіе эрцгерцога изъ Швейцаріи успѣло уже принесть горькіе плоды свои. Массена разгромилъ полчищами своими слабый корпусъ Корсакова, который, послѣ кровопролитнаго боя подъ Цюрихомъ, принужденъ былъ отступить за Рейнъ. Это произошло именно въ то время, когда Суворовъ велъ храбрыя войска свои черезъ Санъ-Готардъ.

„C'est avec une profonde consternation", доносилъ отъ 26 Сентября Разумовскій, „qu'on a appris ici il y a 4 jours le désastre éprouvé en Suisse par les corps du lieutenant-général Korsakoff et le lieutenant-général Hotze. Les premières nouvelles qui en sont parvenues portaient le caractère de la déroute et de la confusion, où les troupes se sont trouvées. . Successivement on a appris, que sans la malheureuse tournure qu'ont prise les affaires du côté de ces deux généraux, on aurait pu espérer un succès complet d'une attaque qui paraissait devoir être générale".

На другой день послѣ донесенія этого, Разумовскій снова писалъ къ Государю въ отвѣтъ на рескриптъ отъ 1-го Сентября. Онъ продолжалъ вѣрить объясненіямъ Тугута и старался успокоить Императора, утверждая, что эрцгерцогъ вынужденъ былъ идти въ Германію для спасенія Филипсбурга, оставивъ въ Швейцаріи столь значительныя силы, что едва хватало на нихъ продовольствія [1]). Въ Петербургѣ однако всѣ были въ негодованіи. „L'archiduc Charles avec ses alentours", писалъ отъ 23 Сентября къ графу Воронцову Ростопчинъ, „déplore maintenant le sort de la Suisse, qui va être livrée aux brigandages et rapines de nos troupes! Voilà le salaire de leur valeur héroique! Malheur à qui croira à la cour de Vienne. Le maréchal Souvoroff a envoyé les papiers qui prouvent que cet imbécile de Mélas, sans le consentement de son chef, avait renvoyé des prisonniers français en France et leur donnait des indices, pour ne pas tomber entre les mains des brigands russes. Voilà ses propres mots. Vous

[1]) Тамъ же, III, 254—483.

verrez qu'après le départ de nos troupes, ces malheureux autrichiens seront battus en Italie et tout le fruit de la plus belle campagne sera converti en sacrifices inutiles pour la bonne cause [1])". „Vous avez dû voir", писалъ далѣе Ростопчинъ отъ 15 Октября, „à quel point l'indignation de l'Empereur s'était accrue dans l'intervalle de quinze jours. Il reçut du comte Rasoumovsky une réponse aux questions qu'il avait été chargé de faire au baron de Thugut, qui a esquivé pour la seconde fois de s'expliquer... L'Empereur voyant que la cour de Vienne faisait la guerre pour ses projets et pas pour la bonne cause, et indigné de sa perfidie, se décida à la démarche dont vous serez instruit. Il y a deux arguments contre lesquels il n'y a rien à repliquer, c'est: que ne pouvant vaincre la France, à quoi bon agrandir l'Autriche? Deux gens de bien peuvent-ils avoir le même but qu'un gueux? Qui oserait après la conduite récente de la cour de Vienne prendre sur soi la responsabilité des évènements? [2])".

Всеобщее негодованіе, царившее въ то время въ Петербургѣ, излилось въ двухъ рескриптахъ на имя Разумовскаго. Оба были подписаны Государемъ въ Гатчинѣ 16 Сентября.

„Venant d'apprendre", гласилъ первый рескриптъ, „par les rapports du maréchal prince Italisky, que le général de cavalerie Mélas a osé écrire à des prisonniers de guerre français, relâchés sur parole à l'insu du maréchal, son chef direct, et leur conseiller de ne pas prendre, pour retourner chez eux, la route de Gênes, afin d'éviter la rapine des troupes russes et les avanies qu'elles pourraient leur faire— nous vous chargeons de demander au cabinet de Vienne raison de cette insolence du sieur Mélas et de son indiscipline [3])".

Второй рескриптъ былъ гораздо важнѣе. Это былъ первый шагъ къ окончательному разрыву съ Австріею.

„Après avoir demandé une audience à S. M. l'empereur des romains", писалъ Государь, „vous lui rapporterez de ma part, qu'ayant eu dans plusieurs occasions des preuves convaincantes du peu de fidélité dans l'exécution des plans arrêtés entre nous, des entrâves que l'on a mis dans les opérations de l'armée de S. A. I. l'archiduc Charles, sa retraite précipitée sur le Rhin, des vues de conquêtes étendues, qui se manifestaient à chaque nouvelle victoire et qui au lieu d'encourager les esprits, les remplissaient de nouvelles frayeurs, du sens des proclamations des généraux autrichiens absolument contraires à mes intentions et à celles de mon intime allié [4]), animé des mêmes

[1]) Архивъ князя Воронцова. VIII. 240—241.

[2]) Архивъ князя Воронцова, VIII. 252—256.

[3]) Милютинъ, III. 487.

[4]) Англія.

sentiments pour le bien-être général et le rétablissement de l'ordre en Europe, du manque d'égards pour mes troupes et surtout pour le vénérable héros qui les commande, sans cesse contrarié par des ministres-généraux et par des généraux-ministres, et dont la nouvelle gloire rejaillit sur les généraux autrichiens; toutes ces raisons, sans altérer le moins du monde mon zèle pour la bonne cause et le désir que j'ai de la voir triompher de son ennemi, n'ambitionnant pour tout salaire que le repos de l'Europe et la satisfaction d'avoir été utile à mes alliés, m'on fait prendre la résolution de faire agir mes armées, réunies en Suisse sous le prince maréchal Italisky, indépendamment de celles de S. M. l'empereur des romains, et de faire même de grands efforts pour réussir dans le noble projet que j'ai embrassé avec ardeur, dans la ferme persuasion que je serai soutenu et secondé par tous ceux qui sont intérressés à leur propre conservation. Que l'empereur des romains puisse triompher seul de ses ennemis ou qu'il revienne à l'idée si naturelle, et dont la vérité a été constatée par une expérience de huit ans, que pour exterminer l'ennemi qui a été aux portes de Vienne, il faut de l'unanimité, de la loyauté et surtout de la franchise avec ses alliés".

И Тугутъ, и Разумовскій нѣсколько растерялись по полученіи этого рескрипта. Явно было, что терпѣніе Императора Павла достигло до послѣднихъ границъ. Но Тугута не легко было озадачить, и онъ теперь всю надежду положилъ на путешествіе эрцгерцога палатина, котораго снаряжали съ большою торжественностію въ Петербургъ на бракъ съ Великою Княжною Александрою Павловною. Его провожала блестящая свита, въ которой первую роль игралъ родственникъ и пріятель Разумовскаго, а въ то же самое время одинъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Тугута—графъ Дитрихштейнъ. Графъ Андрей Кириловичъ, съ своей стороны, просилъ аудіенціи у римскаго императора и отъ 30 Сентября донесъ объ исходѣ ея Государю. „Je me suis acquitté, avant-hier dans une audience particulière des ordres que V. M. I. a jugé à propos de me prescrire en date du 16 Septembre de Gatchina. Il me serait impossible de rapporter ici dans toute son étendue l'entretien détaillé, dont le monarque a bien voulu m'honorer. Je croirai remplir ma tâche en exprimant la profonde sensibilité que S. M. m'a témoignée d'apercevoir du mécontentement dans son allié le plus intime et le plus cher, tandis qu'elle se sentait pénétrée d'admiration pour les nobles efforts de V. M. I. en faveur de la cause commune. S. M. m'a parue vraiment affectée de l'opinion qu'il pouvait y avoir des malintentionnés, qui cherchent à entraver la marche des affaires entre les deux plus grandes puissances de l'Europe, dont l'union ne saurait faillir d'amener à la plus heureuse fin les entreprises glorieuses qui oc-

cupent leur sollicitude. Elle m'a enjoint expressement de répresenter que des circonstances aussi douloureuses pour sa sensibilité n'altéreraient pas ses sentiments envers un allié, dont la loyauté et le caractère respectable seront les seuls guides de sa conduite envers V. M. I., et que ce monarque se plait dans la conjecture actuelle à en donner une preuve nouvelle en consacrant tous les moyens pour le redressement des affaires en Suisse et en persévérant a y prêter toute son assistance à la valeur inappréciable de vos armes et au génie qui en a la direction suprême. Je me suis empressé d'exécuter les ordres de V. M. I. auprès du ministère touchant ce que le général Mélas est accusé d'avoir écrit à des prisonniers de guerre français. L'explication qu'on m'a donnée à ce sujet porte, que le général Mélas a effectivement relâché des généraux français en échange du général autrichien Lusignan, mais on n'a aucune connaissance de la lettre, dont on reconnait que la teneur mériterait les plus sévères reprimendes. On souhaîterait même que S. M. l'empereur des romains pût en être convaincu, pour qu'il se voie autorisé à faire éprouver au général tout le poids de sa désaprobation".

Положеніе Разумовскаго съ Іюля мѣсяца 1799-го года значительно измѣнилось. Вся переписка по дѣламъ военнымъ перешла въ руки Колычева, который явно сталъ возставать противъ пассивной роли, налагаемой на него доселѣ Разумовскимъ. Главный благопріятель графа Андрея Кириловича — канцлеръ князь Безбородко умеръ. Графъ Кочубей, еще недавно защищавшій графа Андрея, измѣнилъ свое о немъ мнѣніе, а графъ Ростопчинъ, находившійся въ великой милости у Государя, не скрывалъ своего недоброжелательства къ русскому послу въ Вѣнѣ. Въ это время, какъ Ростопчинъ, такъ и Кочубей подчинялись вліянію графа С. Р. Воронцова, къ которому часто обращались за совѣтами, охотно повѣряя ему какъ тайные планы петербургскаго двора, такъ и задушевныя свои мысли. О планахъ русскаго двора, впрочемъ, едва-ли можно было сказать, что-либо положительное, при крайней раздражительности и воспріимчивости Государя. Все дѣлалось и рѣшалось подъ вліяніемъ даннаго впечатлѣнія, и никакой планъ не могъ устоять противъ неожиданнаго неудовольствія, точно также, какъ впопадъ сказанное слово или совершенно случайное благорасположеніе порождало въ безпокойной головѣ россійскаго вѣнценосца цѣлый циклъ новыхъ предпріятій. Графъ Воронцовъ, которому друзья его готовили свободное послѣ смерти князя Безбородки мѣсто государственнаго канцлера, но который уже слишкомъ свыкся съ Англіею, чтобы ее когда-либо покинуть, принадлежалъ къ числу самыхъ восторженныхъ поклонниковъ Суворова. Онъ негодовалъ на австрійцевъ, а также и на угодливаго къ нимъ Разумовскаго. Лестное нѣ-

когда мнѣніе графа Семена Романовича о вѣнскомъ своемъ собратѣ, уступило мѣсто самой строгой критикѣ, казнившей одновременно и то блестящее вѣнское общество, котораго графъ Андрей Кириловичъ служилъ какъ-бы прототипомъ. „Je ne désire pas que mon fils [1]) aille à Vienne“, писалъ отъ 19 Октября 1779 года графъ Воронцовъ къ брату своему Александру Романовичу, „parceque le ton de cette ville n'est pas ce qu'il était, et notre ambassadeur est un homme perdu de moeurs et sans principes. Michel n'a rien à apprendre à Vienne, où le souverain est un idiot qui se tient invisible, tandis que Thugut, aussi et même plus invisible que son maître, fait tout en dépit des grands, qui ne s'occupent qu'à bien manger. Les femmes à Vienne ont plus d'esprit que les hommes et sont fort galantes; mais le ton de toutes les conversations viennoises à présent est tout à fait futile. On ne parle que de petits théâtres de société et surtout de mangeaille. Chacun raconte le menu du diner où il s'est trouvé, en un mot, on dirait que Vienne n'est habitée que par des cuisiniers et des comédiens. C'est au moins ce que me disent ceux qui y ont été. D'ailleurs Michel ne pourrait être décemment à Vienne que sous les auspices de l'ambassadeur de son souverain, et malheureusement cet ambassadeur, avec de très grands talents, est l'homme le plus corrompu du monde. Marié avec une femme aimable et qui lui est attachée, il la rend malheureuse. Il est sans cesse occupé à séduire les femmes des autres (ce qui n'est pas difficile dans ce pays là), et il ne se donne toutes ces peines que pour s'en vanter après. Il est en outre endetté au delà de ce qu'il peut payer et continue malgré cela à vivre aux dépens de ses créanciers, dans un luxe et une profusion extravagante. En un mot il a toutes les moeurs des grands seigneurs français, qui étaient connus sous le nom d'aimables roués [2])“.

Нельзя не согласиться, что въ этомъ, нѣсколько строгомъ портретѣ, было большая доля правды. Мнѣніе свое о Разумовскомъ Воронцовъ не скрывалъ отъ своихъ петербургскихъ друзей и откровенно порицалъ его политическое поведеніе. „Vous avez raison de vous recrier sur le comte Rasoumovsky dans une de vos précédentes lettres“, писалъ отъ 10 Октября къ графу Семену Романовичу Кочубей. „Je n'ai jamais été content de sa manière de faire, et je ne doute pas que tôt ou tard il ne perde sa place [3])).

Хотя слова эти не вполнѣ согласуются съ письмами графа Виктора Павловича къ Разумовскому и даже съ тѣмъ, что онъ ранѣе сооб-

[1]) Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

[2]) Архивъ князя Воронцова, X. 62—63.

[3]) Тамъ же, XVIII. 224.

щилъ о послѣднемъ, тому-же Воронцову, однако, онѣ ясно выражаютъ неблагопріятное къ послу расположеніе, въ то время царствовавшее въ высшихъ петербургскихъ кругахъ.

Колычевъ въ письмахъ къ Ростопчину изливалъ накипѣвшую у него противъ Разумовскаго злобу. „Je suis en vérité très patient“, писалъ онъ отъ 27 Сентября. „M'étant voué au service de notre auguste Maître et, n'ayant aucun reproche à me faire, je fais fond sur la justice et la bonté de S. M. l'Empereur. Mais qu'il me soit permis de faire observer les intrigues du comte de Rasoumovsky. Ces intrigues existent. Il fait l'impossible pour remuer la cour et le ministère d'ici, presque malgré eux, pour rester seul, car dans bien des moments tous ses protecteurs sont làs de ses prières et sentent même tous les inconvénients qu'il y a de faire de nouvelles démarches en sa faveur. Mais, quoiqu'il en soit, l'archiduc [1]), et le prince Ferdinand [2]) surtout, sont chargés de les faire. Le baron de Thugut doit tâcher de conserver un homme qui lui est dévoué entièrement, qui ne peut plus se détacher, ne travaillant, presque, que sous sa dictée. Car s'il s'émancipe et qu'on le sache ici, il est perdu. Le baron essaie donc de faire une dernière tentative, tout en doutant du succès. D'après celà j'espère que v. ex. ne m'abandonnera pas, comme je l'ai été, lorsqu'on me rappela de Berlin...“

Въ Петербургѣ знали, съ какими надеждами эрцгерцогъ-палатинъ пріѣзжалъ въ Россію. „Эрцгерцога сопровождаютъ двѣ подпоры Тугута: герцогъ Фердинандъ Виртембергскій, имъ подкупленный, и графъ Дитрихштейнъ“, сообщалъ Воронцову Ростопчинъ. „Ce dernier est chargé de surveiller, de travailler, de souffler etc. Le baron trouve que Cobenzl mollit et manque d'énergie, et je ne serais pas surpris que Dietrichstein, pour avoir sa place, ne parvienne à la lui ôter... Ce qui me fait plaisir, c'est que le baron m'honore de sa haine et qu'il est question parmis les notes innocentes données au comte de Dietrichstein de m'éloigner [3])“. „L'archiduc est ici“, писалъ далѣе Ростопчинъ отъ 9 Октября, „ce superbe prince Ferdinand de Wurtemberg, pour 60,000 florins que le baron lui a donnés, est venu, chargé de ses iniquités. Le grand faiseur c'est Dietrichstein, polisson de première classe. Il dirige toute la machine. On est mécontent de Cobenzl, et Dietrichstein veut sa place. Les propositions sur lesquelles ils ont le plus compté, pour ramener notre empereur à la bonne opinion sur la cour de Vienne sont: 1) l'échange de la Bavière contre les Pays-Bas; 2) éri-

[1]) Палатинъ Венгерскій — Іосифъ.

[2]) Принцъ Виртембергскій.

[3]) Тамъ же, VIII. 242.

ger en souveraineté le Piémont pour l'archiduc Antoine, fils de l'empereur et demander pour lui en mariage la grande duchesse Anne, qui n'a que 4 ans; 3) ériger en principauté les 3 légations pour l'archiduc Joseph; 4) une alliance contre le roi de Prusse, et pour le contenir, mettre deux armées d'observation: l'une russe, sur nos frontières en Pologne, l'autre autrichienne—sur la frontière de Bohême; 5) démontrer l'impossibilité de pénétrer en France. Dietrichstein était chargé d'arranger le tout. Le prince Ferdinand devait disposer son auguste soeur [1]) à appuyer toutes les absurdités du baron, dont le but est de gagner le temps. Mais à l'arrivée de l'archiduc à Gatchina, Dietrichstein a appris qu'il n'y avait pas de logement pour lui, et fut obligé de retourner furieux à St-Pétersbourg, rejetant la faute sur Cobenzl [2])".

Принцъ Виртембергскій нашелъ себѣ сильную подпору въ Государынѣ. Императрица Марія Ѳеодоровна приходила въ отчаяніе отъ мысли, что коалиція могла расторгнуться и упрекала Ростопчина въ томъ, что онъ руководится совѣтами Воронцова и подкупленъ Англіею. По мнѣнію Государыни, графъ Семенъ Романовичъ самъ уже давно находился въ рукахъ у британскихъ министровъ [3]). Несмотря на все это, Дитрихштейнъ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха, и даже самъ Ростопчинъ опасался того, какъ-бы внезапный разрывъ съ Австріею не расторгнулъ брачный союзъ Великой Княжны Александры Павловны. Кобенцель и Дитрихштейнъ, которымъ еще неизвѣстно было тайное рѣшеніе Павла Петровича отказаться отъ дальнѣйшей солидарности съ Австріею, старались всячески отложить обрядъ бракосочетанія, надѣясь, что Государь, ради желанія пристроить хорошо дочь свою, согласится на уступки. „Jugez", писалъ къ Воронцову Ростопчинъ, „comme il serait malheureux pour la princesse à 16 ans, de se voir exposée pour la seconde fois à manquer [4])".

Бракосочетаніе было, однако, совершено, но Австрія ничего при этомъ не выиграла, и Павелъ I остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи отказаться отъ союза съ вѣнскимъ дворомъ. Какъ кажется, во всѣхъ этихъ интригахъ о Разумовскомъ забыли, по крайней мѣрѣ, Ростопчинъ, подробно извѣщавшій Воронцова о томъ, что дѣлалось въ Петербургѣ, о немъ вовсе не упоминаетъ.

Пока это все происходило на дальнемъ сѣверѣ, Колычевъ въ Вѣнѣ крайне безпокоился относительно своего оффиціальнаго положенія. Довѣрительныя грамоты его были не полны, а онъ уже зналъ, что Разумовскаго окончательно рѣшено было отозвать.

[1]) Императрицу Марію Ѳеодоровну.

[2]) Архивъ князя Воронцова, VIII. 247—248.

[3]) Тамъ же, VIII. 270—271.

[4]) Тамъ же. VIII, 252—256.

„J'ignore quelle difficulté les intrigants feront pour ma légitimation", писалъ онъ къ Ростопчину, „puisque mes lettres de créance n'existent pas... Car il faut en avoir une ici pour la chancellerie de l'empire, dont on remet une copie au prince Colloredo et une autre, dont la copie est remise au baron de Thugut; ainsi le dernier peut me contester l'irrégularité de ma légitimation. Enfin je verrai ce qui en sera. En attendant m. de Thugut, à ce qu'on prétend, dit qu'il ne savait pas le projet de Rasoumovsky, tandis que ce dernier cherche à me persuader qu'il avait effectivement désiré se rendre en Russie, mais qu'il ne savait pas quand il partirait. Selon toutes les apparences le baron et lui veulent encore tenter, et espèrent beaucoup de succès de la négociation de Dietrichstein et C-ie. Si elle va bien et le comte Rasoumovsky veut partir, alors il ira à Pétersbourg pour les renforcer". „Les difficultés que j'avais prévu", писалъ онъ далѣе отъ 14 Октября, „pour la reconnaissance formelle du titre d'ambassadeur, existent. On exige des lettres de créance. Les avis de tous les ministres du conseil de conférence et nommément du prince Colloredo (qui parait porté pour moi et qui surtout désire l'éloignement du comte Rasoumovsky), est qu'il fallait, par ménagement de notre cour, pour tout ce qu'on lui doit et pour tout ce qu'on lui devra encore, reconnaitre mon titre d'ambassadeur tout de suite et prier S. M. l'Empereur notre Maître de rectifier le manque de formes, en envoyant des lettres de créance. Mais le baron de Thugut dit qu'il fallait attendre, et ne me reconnaître dans cette qualité qu'après leur arrivée, selon l'usage. Il n'est pas difficile de prévoir la raison de cette décision; en me faisant tout plein de politesses il veut tenter encore à garder m. de Rasoumovsky. Il espère que Dietrichstein réuissira en cela, et que je serai rappelé d'ici. Voici la vérité. Car il parait que m. de Rasoumovsky, sous différents prétextes trainera son départ tant qu'il pourra, ses affaires domestiques, une maladie de commande etc. N'étant pas rappelé, il ne me rendra l'archive que le plus tard possible, ou ne me le rendra pas du tout, sans ordre positif. Pour ne pas compromettre la dignité de ma cour, je n'ai pas insisté d'avantage sur la reconnaissance, d'autant plus qu'en parlant strictement, c'est contre la règle. Pour ne pas faire d'esclandre, je tâcherai par de bonnes paroles à persuader peu à peu m. de Rasoumovsky de me rendre l'archive. Mais je doute de réussir, s'il n'a pas l'ordre positif et clair de me le remettre, parcequ'il veut trainer son départ dans l'espérance de ne pas le faire et d'en être dispensé. La famille Thun intrigue de son côté et il y a des estafettes et des courriers partis. Telle est la situation singulière et délicate dans laquelle je me trouve. Je supplie v. e. de lever toutes ces difficultés, tant pour moi que pour la dignité de notre auguste cour. La chose est déjà publique à

Vienne. D'ailleurs n'ayant aucune connaissance des ordres, que m. de Rasoumovsky a reçu depuis mon arrivée, et encore moins de ses rapports, il serait difficile à moi de bien suivre les affaires... Je saurai d'avantage par la suite du temps, quand le b. de Thugut et le ministère verront, que je suis seul chargé de la besogne et que m. de Rasoumovsky est hors d'activité".

Между тѣмъ, Разумовскій получилъ высочайшій рескриптъ отъ 25 Сентября, въ которомъ Государь, „удовлетворяя желанію его быть въ Россіи, увольнялъ его на 6 мѣсяцевъ отъ должности, которая, на время его отсутствія, препоручалась Колычеву". Извѣщая графа Ростопчина о полученіи этого вовсе не желаннаго, въ данную минуту, отпуска, графъ Андрей Кириловичъ увѣдомилъ его, что приготовленія къ отъѣзду потребуютъ нѣсколько недѣль. Письмо свое онъ заканчивалъ увѣреніемъ, что съ глубоко прочувствованнымъ удовольствіемъ надѣется въ Петербургѣ быть ближе извѣстнымъ Ростопчину и заслужить полное его уваженіе.

Несмотря на приближающійся отъѣздъ, Разумовскій по прежнему имѣлъ продолжительныя свиданія съ Тугутомъ, требовалъ аудіенцій у императора и даже отправлялъ донесенія къ Государю. „Je remplirai succintement le devoir que m'inspire ma position", писалъ онъ собственноручно отъ 16 Октября, „en présentant à V. M. les conjectures que je crois pouvoir former sur l'opinion actuelle du cabinet de Vienne, d'après le long usage que j'ai acquis d'en observer le principal, ou pour mieux dire l'unique mobile. La consternation est grande et profonde dans l'esprit du baron de Thugut, à la suite des évènements malheureux de la Suisse, quelque soin qu'il prenne de le cacher conformement à son caractère. Cette consternation m'est constatée par les propos qui lui ont échappé lorsque j'ai parlé du voyage, que V. M. I. m'a permis d'entreprendre. Il m'a dit alors, dans la plus intense confidence, qu'il me mettrait à même de développer aux yeux de V. M. I. ses vues et ses plans, et que la sanction, Sire, que vous daignerez y accorder fixerait d'une manière solide le concours unanime des grandes puissances pour la campagne prochaine. Sous ce même point de vue il s'est montré disposé à une plus grande franchise vis-à-vis de l'Angleterre, et sans doute qu'un concert intime des deux cours impériales serait l'unique moyen de faire triompher la cause sainte et juste, que la magnanimité de V. M. a entreprise. Cet apperçu, auquel je m'appliquerai de donner plus d'extension, m'a fait juger convenable de ne point presser mon départ, dont je calculerai néanmoins l'époque d'après les circonstances et les ordres, que dans l'intervalle pourraient me parvenir de V. M. I. Il est des personnes ici qui soupçonnent, qu'il

existe quelques ouvertures de la part des Français et mylord Minto [1]) me parait porté d'y ajouter foi. C'est par le canal de l'Espagne qu'on en forme la supposition, comme le plus naturel et celui dont le directoire a toujours fait usage pendant la dernière guerre et au moment du renouvellement de la guerre actuelle. Il est assez dans le caractère de m. de Thugut de prêter l'oreille à pareille ouverture, mais je crois pouvoir garantir à V. M. qu'il n'est point dans son plan de s'y abandonner sincèrement, et j'ose me référer à cet égard, a ce que j'ai eu l'honneur de lui soumettre dans mon rapport très secret du 25 Aout". „J'ai a plusieurs reprises représenté", доносилъ далѣе Императору Разумовскій отъ 20 Октября, „après le funeste évènement arrivé à l'armée du général Korsakoff, au ministère d'ici, qu'on ne saurait disconvenir que ce malheur tient à la retraite de l'archiduc Charles... On est convenu cependant que l'archiduc n'avait point exécuté les ordres donnés".

Колычевъ, съ своей стороны, продолжалъ жаловаться Ростопчину. „Хотя Разумовскій и увѣряетъ, что уѣзжаетъ черезъ нѣсколько дней", писалъ онъ, „и дѣйствительно занимается приготовленіями къ отъѣзду, однако, въ сущности, онъ все выжидаетъ извѣстій изъ Петербурга и не теряетъ надежды, что, черезъ предстательство эрцгерцога Іосифа и графа Дитрихштейна, ему удастся остаться на своемъ мѣстѣ. Весь дворъ вмѣстѣ съ Разумовскимъ ругаютъ Суворова напропалую". „On inculpe des fautes au prince-maréchal", писалъ отъ 19 Октября Колычевъ, „on cherche à le noircir, on dit qu'il a perdu l'esprit, qu'il est en démence, qu'il boit etc. etc.". Вслѣдствіе новыхъ приказаній, полученныхъ изъ Петербурга, Колычевъ сталъ еще настоятельнѣе требовать выдачи посольскаго архива. Разумовскій высокомѣрно ему отвѣчалъ и не безъ затрудненій исполнилъ его желаніе, давая при этомъ почувствовать, что роль Колычева начнется только со дня его отъѣзда, котораго, впрочемъ, онъ покуда еще не опредѣлялъ.

„Ces jours derniers", доносилъ Государю отъ 24 Октября графъ Андрей Кириловичъ, „m. le conseiller privé Kolytcheff m'ayant fait connaitre par un billet, qu'en conséquence d'ordres qu'il venait de recevoir en dâte du 7 Octobre, il avait besoin pour en effectuer l'exécution, que je lui communique ma correspondance et les renseignements qui pourraient lui être nécessaires. Quoique je n'eusse point, Sire, d'ordres analogues à cette demande et que les derniers que V. M. I. a daigné m'adresser en dâte du 25 Septembre, en m'accordant mon congé de 6 mois, ne suspendent mes fonctions qu'à l'époque de mon départ,

[1]) Гильбертъ Эліотъ, первый графъ Минто, р. 1751. Въ 1799 г. былъ англійскимъ посломъ въ Вѣнѣ, гдѣ занялъ мѣсто сэръ Мортонъ Идена. Былъ потомъ Бенгальскимъ ген.-губернаторомъ, † 1814.

je me suis empressé néanmoins d'acquiescer au desir de mon collegue, et me ferai un devoir rigoureux de mettre à sa portée toutes les notions qui pourraient être requises à l'avantage du service de V. M., jusqu'à l'époque de mon départ, retardé par des arrangements domestiques et des cirsonstances de famille, particulièrement par la grave maladie de ma belle-mère, dont les jours sont en grand danger... J'eprouve depuis quelque temps de la part du ministère une réserve marquée. Le mystère, dont il s'enveloppe cache de l'humeur et du mécontentement. Je ne saurais m'empêcher de présumer, qu'il n'est pas éloigné d'amener un armistice de longue durée, si toutefois l'ennemi souscrit à l'étendre sur toutes les parties du théâtre de la guerre et la prochaine arrivée de l'archiduc Charles, dont on parle en secret, en serait un présage assez plausible".

Одновременно съ пріѣздомъ эрцгерцога, ожидали въ Вѣну королеву Каролину неаполитанскую. Колычевъ, знавшій о близкихъ ея сношеніяхъ съ Разумовскимъ и слыхавшій о ея безпокойномъ нравѣ и страсти къ интригамъ, крайне боялся ея появленія и предвидѣлъ новыя и еще сильнѣйшія непріятности со стороны Разумовскаго и его друзей, когда ихъ поддерживать станетъ мать римской императрицы. Онъ настойчивѣе прежняго сталъ требовать немедленной высылки довѣрительныхъ грамотъ. „Il est inutile d'expliquer à v. e.", писалъ онъ отъ 24 Октября къ графу Ростопчину, „combien il serait nécessaire que j'eusse tout de suite mes lettres de créance en forme, et combien elles me seront utiles pour l'arrivée de la reine de Naples ici. Car dans le cas contraire ce serait donner gain de cause au baron de Thugut et à tous ces adhérents... J'ignore le parti que le comte de Rasoumovsky prendra. Le courrier autrichien qui a apporté les lettres du 7 Octobre et qui est arrivé hier, lui en a apporté plusieurs. Il a eu de longs pourparlers avec m. de Thugut, et il a été voir Dimanche l'empereur. Il attendait l'arrivée du courrier pour prendre une résolution. Mais à prèsent on dit qu'il en attend encore un autre..."

Между тѣмъ, изъ Петербурга вернулся графъ Дитрихштейнъ вмѣстѣ съ молодою женою. Австрійскій дипломатъ возвращался на родину крайне недовольный С.-Петербургскимъ правительствомъ. Извѣстія, имъ привезенныя, были для Разумовскаго неутѣшительны. „Le baron de Thugut et le comte de Rasoumovsky", писалъ отъ 1 Ноября Колычевъ, „sont complétement décontenancés, ils voient que toutes leurs intrigues et machinations échouent. Si Rasoumovsky part d'ici il suppléera tant qu'il pourra au manque de Dietrichstein, et s'il ose, il plaidera en Russie la cause du baron. Soyez en persuadé".

„Je suis très fâché en vérité de tout ce qui arrive au comte de

Rasoumovsky“, писалъ, потерявшій окончательно всякое терпѣніе, Колычевъ отъ 11 Ноября тому же Ростопчину. „Il a annoncé son départ pour Jeudi et à présent il dit qu'il ne partira que Dimanche. Il a cependant reçu de l'argent d'un banquier... Je déclare avec la plus grande franchise et ingénuité qu'il est essentiel de fixer le sort de m. de Rasoumovsky. Une indécision à son égard est aux dépens de la dignité de notre cour. Il faut finir les intrigues de cet homme; il faut lui ôter l'espoir, au moins pour quelques années, de revenir à Vienne, et à Thugut de le revoir de sitôt, sans cela le sort des affaires sera toujours précaire. M. de Thugut croit qu'il reviendra et jusque là ne changera pas. Le prince Czartoriski [1]) est entré dans ses intrigues, j'ignore ses moyens, mais il est positif qu'il a donné des conseils. C'est véritablement un tripôt, un commérage politique qu'on tente encore. C'est peut-être trop franc, trop ingénu de ma part d'oser vous le dire si crûment. Mais c'est la vérité. On espère, on intrigue encore... Il faut que je ne lutte que contre Thugut, et c'est assez, car sans cela tout sera atténué par m. de Rasoumovsky et même détérioré, s'il reste ou revient à Vienne, même sans caractère... Je n'oserai me fier de longtemps à Klüpfeld et à Magnitsky, et la chose est naturelle“.

Жалобы Колычева, наконецъ, достигли своей цѣли. Донесеніе Разумовскаго отъ 16 Октября крайне раздражило Государя. По высочайшему приказанію, Ростопчинъ отправилъ къ Разумовскому грозное письмо, которое, къ сожалѣнію, до насъ не дошло. Въ письмѣ этомъ предписывалось графу Андрею Кириловичу немедля покинуть Вѣну и ѣхать прямо къ старику графу Кирилѣ Григорьевичу въ Батуринъ, гдѣ и жить до дальнѣйшаго приказанія. Одновременно съ этимъ письмомъ, Разумовскій получилъ отъ графа Өедора Васильевича еще другое, касательно бриллiантовыхъ знаковъ ордена Св. Андрея, которые ему еще не были доставлены. Это второе письмо казалось послѣ перваго какъ-бы насмѣшкою. „J'attendrai avec tranquillité“, отвѣчалъ разомъ графъ Андрей на оба посланія отъ 29 Ноября, „que par vos soins cet objet soit en son temps mis en règle. Votre seconde lettre m'enjoignant au nom de S. M. *de quitter Vienne au plustôt et de me rendre chez mon père* [2]), je n'ai pas différé d'un instant les démarches nécessaires pour m'acquitter de mes devoirs envers cette cour-ci, et dès qu'il seront accomplis, je me mettrai en route, ainsi que j'en soumets le rapport aujourd'hui à notre

[1]) Князь Адамъ-Казиміръ Чарторижскій, р. 1733, † 1823; тотъ самый, который такъ униженно, какъ мы видѣли выше, вымогалъ себѣ, черезъ Разумовскаго, милости Екатерины. Послѣ раздѣла Польши онъ былъ австрійскимъ генералъ-фельдцейгмейстеромъ. Жена его княгиня Изабелла (матка отчизны) отъ князя Н. В. Репнина имѣла сына, извѣстнаго князя Адама Чарторижскаго.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

auguste Maitre. Je ne saurais cependant, m. le comte, refuser à ma sensibilité une observation sur un passage de cette même lettre, dont j'ai été profondément affecté [1]). Il y est dit: „votre rapport du 16 Octobre a excessivement indisposé l'Empereur contre vous, et il m'ordonne... etc." Je me suis empressé de revoir la minute de ce rapport et v. e. m'obligera particulièrement de me marquer en quoi son contenu peut m'avoir été aussi défavorable. Elle me marque plus bas, dans la même lettre: „S. M. l'Empereur attribue tous les revers de la campagne et les malheurs qui s'en suivront à la conduite de la cour de Vienne et vous reproche d'avoir fermé les yeux là-dessus!.." Mes yeux ont été ouverts, m. le comte, ils ont pleuré et mon coeur a saigné de tout ce qui s'est passé, mais ni moi, ni personne ne pouvait prévoir et encore moins empêcher des résultats, dont les causes m'ont été connues qu'après leurs funestes effets".

Послѣднее донесеніе Разумовскаго къ Павлу I было помѣчено 26 Ноября. При донесеніи этомъ онъ пересылалъ Государю предметы, находившіеся въ рукахъ послѣдняго Мальтійскаго гроссъ-мейстера барона Гомпеша. Это были архивъ ордена Мальтійскаго, три печати гроссъ-мейстера и наконецъ завѣтная святыня рыцарей: 1) частица животворящаго древа, взятая Герардомъ, основателемъ ордена въ Іерусалимѣ, во время перваго крестоваго похода; 2) чудотворный образъ Филермской богоматери, писанный Евангелистомъ Лукою [2]) и 3) рука святаго Іоанна Крестителя, покровителя Мальтійскихъ рыцарей, подаренная ордену султаномъ Баязетомъ во время гроссъ-мейстерства д'Обюссона.

„Rasoumovsky n'est point parti et ne m'a pas remis tous les papiers", доносилъ между тѣмъ отъ 1 Декабря Колычевъ, „il attendait le courrier autrichien. J'ignore s'il lui a apporté quelque chose. S'il peut il tâchera de rencontrer l'archiduc [3]) pour le prier de prendre intérêt pour lui. Je lui désire toute sorte de bien, mais je ne désire pas qu'il retourne à Vienne pour le bien des affaires, car s'il y est, tout s'embrouillera d'avantage, au moins tant que j'y resterai, ou tout autre qui sera chargé d'exécuter les ordres de S. M. l'Empereur. Il me parait que le baron et lui ne veulent pas que la cour de Vienne se rapproche de la notre. Ils sont outrés contre le généralissime et veulent à toute force l'éloigner de l'Allemagne". Въ видѣ приложенія къ письму своему, Колычевъ отправилъ въ Петербургъ собраніе всякихъ сплетенъ, ходившихъ въ то время по вѣнской министерской канцеляріи. Всѣ эти толки имѣли предметомъ

[1]) Письма графа Ростопчина въ архивѣ князя Разумовскаго не сохранились.

[2]) „Совершенно стертый", сказано въ депешѣ.

[3]) Іосифъ.

своимъ намѣреніе Разумовскаго дѣйствовать въ Петербургѣ, съ помощью Кобенцеля, на зло Колычеву и Суворову.

А тѣмъ временемъ престарѣлый герой орломъ успѣлъ перелетѣть черезъ Альпы и изъ Муттенталя, несмотря на отчаянное положеніе измученныхъ солдатъ, лишенныхъ продовольствія и одѣянія, достигъ до Глариса, отразивъ въ Клейнталѣ вдвое сильнѣйшаго непріятеля. Отсюда Суворовъ черезъ Куръ и Фельдкирхъ отступилъ къ Линдау. Война кончилась; войска спѣшили на зимнія квартиры. Шестнадцать дней продолжался этотъ геройскій походъ черезъ Швейцарію, стяжавшій князю Италійскому болѣе славы, чѣмъ самыя блистательныя его побѣды. Но на высотѣ Альповъ, въ виду погибели ввѣреннаго ему войска, надломились силы талантливаго полководца. Утомленная природа не могла долѣе выносить нравственныхъ и физическихъ страданій. Изъ Линдау генералиссимусъ отправилъ прощальный привѣтъ къ Разумовскому. „Будьте послушны мудрости вашего Монарха", писалъ онъ, „онъ хочетъ возвратить всякому свое. Чего благочестивѣе, справедливѣе и тверже? Изгибами вашими Тугуту вы ввергаете Европу и себя въ опасность. Вы вспомните вашу присягу великому вашему Монарху!" Солоно показалось такое посланіе графу Андрею Кириловичу, но еще непріятнѣе были вѣсти изъ С.-Петербурга. Извѣстіе о цюрихскомъ погромѣ побудило Государя къ окончательному разрыву съ Австріею. Онъ былъ убѣжденъ, что настоящимъ виновникомъ пораженія былъ вѣнскій дворъ. Въ рѣзкомъ письмѣ къ императору Францу, Павелъ Петровичъ объявилъ, что перестаетъ заботиться о его выгодахъ и не намѣренъ болѣе съ нимъ за-одно дѣйствовать, дабы не идти наперекоръ общему благу Европы. Разумовскаго считали въ Петербургѣ главнымъ виновникомъ безплодной войны, и со всѣхъ сторонъ на него сыпались упреки.

„L'empereur a pris son parti", увѣдомлялъ Воронцова Ростопчинъ, „il veut rentrer chez lui et voir la tournure que prendront les affaires. On l'a bien guéri de l'envie de jouer le rôle d'un preux et loyal chevalier... Il est fermement résolu de laisser les cabinets faire la guerre entre eux... Nous sommes dans les plus grandes angoisses. Aucune nouvelle du prince-maréchal... Comment pouvait-on engager l'empereur à donner sa confiance à Thugut et lui confier 60 mille hommes de ses troupes et l'honneur de ses armes?.. Rasoumovsky, n'étant pas instruit du mauvais succès de la mission de Dietrichstein, a voulu, malgré l'ordre qui lui enjoignait de remettre la gestion des affaires à Kolytcheff, rester à Vienne et prétendait qu'il ne profiterait de la permission de six mois qui lui était accordée, qu'après avoir arrangé toutes les affaires relatives aux explications avec le baron de Thugut. Vous pouvez bien penser comment l'empereur a pris ceci. On lui a envoyé des

lettres de rappel et l'intimation de se rendre chez le maréchal son père. Je suis bien faché de ce désagrement pour lui; mais entre nous jamais on n'a vu un homme d'esprit plus aveuglé et plus éconduit qu'André par ce coquin de Thugut [1])".

Полученное изъ С.-Петербурга приказаніе, о которомъ мы подробнѣе говорили выше, было страшнымъ ударомъ для Разумовскаго. Его, андреевскаго кавалера, гордаго посла, неприступнаго вельможу не только сгоняли съ мѣста, но еще отправляли въ ссылку. Въ Вѣнѣ на Андрея Кириловича смотрѣли теперь какъ на мученика, пострадавшаго за благое дѣло. Къ немедленному отъѣзду представлялась масса затрудненій. Во-первыхъ, въ деньгахъ ощущался, по обыкновенію, крайній недостатокъ, во-вторыхъ, изнѣженный дипломатъ опасался стужи дорогой, наконецъ тёща его графиня Тунъ была при смерти больна, и доктора подъ секретомъ объявили графу Андрею, что она едва ли проживетъ до весны. Все это возбуждало большое сочувствіе въ вѣнскомъ обществѣ. Разумовскій же, несмотря на рѣшительныя приказанія, продолжалъ жить въ Вѣнѣ, съ видимымъ удовольствіемъ принимая выраженіе общественнаго сочувствія и ожидая себѣ подмоги отъ слѣпого случая, не даромъ же былъ онъ въ такой тѣсной дружбѣ съ Тугутомъ. Между тѣмъ, Колычевъ получилъ свои довѣрительныя грамоты, представилъ ихъ императору и по старому дипломатическому обычаю повѣстилъ высшему обществу, что у него будетъ оффиціальный пріемъ, по случаю представленія этихъ грамотъ. По всей Вѣнѣ сталъ дымъ столбомъ. Вѣнская знать заголосила, на Разумовскаго она смотрѣла какъ на одного изъ своихъ, а на Колычева какъ на самозванца и въ первую минуту всѣ рѣшились протестовать и отсутствіемъ своимъ выразить свое несочувствіе къ незванному новому послу. Много было крика, и окончательно всѣ явились на зовъ Колычева. Только первый по богатству и положенію, австрійскій магнатъ князь Эстергази, да графъ Дитрихштейнъ, самые близкіе друзья Разумовскаго, не удостоили новаго посла своимъ посѣщеніемъ, чѣмъ послѣдній былъ крайне обиженъ.

9-го Декабря Разумовскій извѣстилъ графа Ростопчина, что черезъ день онъ покидаетъ Вѣну, послѣ аудіенціи у императора. „Accoutumé à n'écouter que mon zèle et ma soumission aux volontés de S. M. I.", писалъ въ заключеніе Разумовскій, „je n'ai point calculé le temps qui me serait nécessaire pour mettre ordre à mes affaires et particulièrement pour la consignation de mon archive. Cette tâche, qu'un dérangement de santé m'a contraint de suspendre pendant quelques jours, n'a

[1]) Архивъ князя Воронцова VIII, 258, 260, 262, письма отъ 23 и 26 Октября и 1 Ноября.

pû être accomplie que ce matin, et demain je me propose de quitter Vienne. J'ai cru, m. le comte, devoir entrer dans cette explication vis-à-vis de vous, pour qu'à tout évènement s. e. soit à même de justifier le délai motivé qu'a éprouvé mon départ. Le mauvais état de ma santé ne me permettera pas une très grande diligence dans mon voyage. J'espère cependant être en Ukraine dans trois semaines".

12-го Декабря Колычевъ доносилъ, что Разумовскій все еще не уѣхалъ и что у него, по вечерамъ въ 10 часовъ, ежедневно бываютъ долгія совѣщанія съ Тугутомъ. Но на этотъ разъ преемникъ графа Андрея Кириловича ошибался, и въ то время, какъ онъ строчилъ жалобу свою Ростопчину, бывшій посолъ выѣзжалъ изъ Вѣны. Все, что графъ Андрей Кириловичъ предпринималъ, облекалось всегда въ непроницаемую таинственность. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ дипломатомъ старой школы. Объ отъѣздѣ его уже давнымъ-давно говорила вся Вѣна, но въ посольскомъ домѣ никто не смѣлъ пикнуть о томъ слова. Приготовленія дѣлались въ глубочайшей тайнѣ. Когда карета была уже подана къ подъѣзду и сносили послѣднія пожитки, племянникъ графа, А. В. Васильчиковъ, состоявшій при посольствѣ, замѣтилъ довѣренному французу-камердинеру своего дяди: „eh bien, voilà l'ambassadeur qui part?" „Il parait que cela commence à se dessiner", таинственно отвѣчалъ французъ, хватаясь за ручку дверецъ.

Графъ Андрей Кириловичъ уѣзжалъ изъ Вѣны въ полной увѣренности, что его скоро вызовутъ въ Петербургъ. Онъ не вѣрилъ разрыву между Австріею и Россіею и полагалъ, что для улаженія встрѣтившихся затрудненій поневолѣ придется обратиться къ нему. Жену свою онъ оставилъ въ Вѣнѣ. Слабое ея здоровье не дозволяло ей пуститься позднею осенью въ такой дальній путь, къ тому же мать графини была при смерти, и дочь не могла ее оставить. Графъ Андрей зналъ, что съ тещею своею онъ разстается на вѣки и передъ отъѣздомъ написалъ женѣ краткую записку, которую поручилъ довѣренному лицу вручить ей въ случаѣ кончины матери. Разумовскій охотно оставлялъ жену въ Вѣнѣ, такъ какъ надѣялся, что грустное ея положеніе вдали отъ мужа, особенно же послѣ смерти матери, тронетъ Государя и сократитъ срокъ его ссылки. Въ оставленной имъ запискѣ попеченіе о женѣ и грусть при мысли о неизбѣжной смерти тещи странно сплетались съ заботою о скорѣйшемъ возвращеніи въ Вѣну. „Ne faites de grâce aucune démarche qui puisse contrarier celle, dont je vais m'occuper uniquement pour mon retour", гласила записка эта. „Ecrivez moi sur le champ pour m'annoncer votre malheur. Que votre lettre soit ostensible. Mandez moi la nécessité de mon retour pour les arrangements de famille, que mon absence suspend nécessairement à cause de la complication de nos

affaires avec les vôtres. Cette circonstance ne manquera point d'aplanir les difficultés, s'il en existe encore alors, pour que je revienne".

Съ женою графъ Андрей Кириловичъ условился переписываться симпатическими чернилами. Онъ разсчитывалъ тоже на ходатайство Неаполитанской королевы, которую со дня на день ожидали въ Вѣнѣ. При графинѣ остался племянникъ графа, Васильчиковъ, а съ эксъ-посломъ отправился довѣренный его чиновникъ Кудрявскій, малороссъ, уроженецъ изъ окрестностей Батурина, выведенный имъ въ люди. Безъ малаго мѣсяцъ на Краковъ, Лембергъ и Броды тащился графъ Андрей до Кіева. Въ Дубно онъ остановился дня на два для свиданія съ зятемъ своимъ графомъ Иваномъ Васильевичемъ Гудовичемъ. 7-го Января пріѣхалъ онъ въ Кіевъ и, потерявъ терпѣніе, бросилъ тамъ свои тяжелые экипажи. Въ кибиткѣ доскакалъ онъ до Батурина, сдѣлавъ въ 18 часовъ 220 верстъ.

Андрей Кириловичъ пріѣхалъ въ Батуринъ рано утромъ, когда всѣ еще въ домѣ спали. Ему отведены были тѣ комнаты, въ которыхъ, 24 года тому назадъ, онъ провелъ грустныхъ 6 мѣсяцевъ первой своей опалы. Сердце Разумовскаго сжалось при воспоминаніи объ этомъ ужасномъ для него времени [1]). Первое свиданіе съ старикомъ фельдмаршаломъ было самое трогательное. Сынъ бросился къ ногамъ отца, и оба долго не могли говорить отъ волненія. Радость свиданія и ласки старика разсѣяли на короткое время грустныя мысли вторично опальнаго дипломата, но жизнь въ захолустьѣ, вдали отъ столичнаго шума, въ непривычной ему средѣ вскорѣ взяла свое. Почтовые дни бывали рѣдки, газеты и письма доходили поздно и неаккуратно. Всѣ письма читались и нерѣдко пропадали на столахъ неразборчивыхъ перлюстраторовъ. Цѣлыя недѣли проходили безъ извѣстій, а извѣстія въ описываемое нами время имѣли животрепещущій интересъ особенно для Разумовскаго, игравшаго такъ долго и такъ еще недавно выдающуюся роль въ европейской политикѣ. Когда графъ Андрей покинулъ Вѣну, тамъ плохо вѣрили въ дѣйствительность угрозъ Государя. Даже послѣ того, какъ русскія войска получили повелѣніе возвратиться въ отечество, вѣнскій дворъ все еще не терялъ надежды снова привлечь на свою сторону Государя, и какъ императоръ Францъ, такъ и эрцгерцогъ Карлъ писали къ Суворову, прося повременить походомъ и стараясь подстрекнуть честолюбіе русскаго полководца. Но Суворовъ былъ слишкомъ горько проученъ австрійскимъ дворомъ, чтобы поддаться просьбамъ и лести Габсбургскаго дома. Русскія войска выступили въ Баварію, а въ Петербургѣ породилась мысль о сѣверномъ союзѣ, въ которомъ должны были принять

[1]) См. томъ I. 469.

участіе Англія, Пруссія, Швеція и Данія. Такой союзъ не входилъ, однако, въ разсчеты с.-джемскаго кабинета, и въ виду отклоненія подобнаго плана, лондонское правительство напрягло всѣ силы свои къ новому сближенію Австріи съ Россіею. Павелъ I, вслѣдствіе представленій и обѣщаній лорда Витворта, готовъ былъ все простить старому союзнику, однако, онъ полагалъ условіемъ sine qua non къ возобновленію дружескихъ отношеній—удаленіе Тугута отъ дѣлъ и возстановленіе прежняго политическаго разграниченія въ Италіи. На этомъ основаніи Воронцовъ и Колычевъ должны были въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ вести переговоры о будущей кампаніи. Англія обѣщала громадную субсидію и желала, чтобы главное начальство ввѣрено было Суворову. Австрія, по обыкновенію, не давала рѣшительнаго отвѣта. Но изъ-за ея звонкихъ фразъ и уклончивыхъ завѣреній ясно было, что она не намѣрена отказаться отъ корыстолюбивыхъ своихъ замысловъ. Тугутъ по прежнему руководилъ дѣлами и давалъ чувствовать какъ Колычеву, такъ и Суворову, расположившемуся на зимнія квартиры въ Прагѣ, что слишкомъ долгое пребываніе русской арміи въ цесарскихъ владѣніяхъ обременительно для имперіи. Оскорбленіе, нанесенное австрійскимъ генераломъ Фрёлихомъ русскому флоту въ Анконѣ, положило конецъ переговорамъ о походѣ. Милорадовичъ отправленъ былъ въ Вѣну съ требованіемъ объясненій по Анконскому дѣлу. Кобенцелю запрещено было являться ко двору. „La position vis-à-vis de Vienne est toujours la même“, извѣщалъ Воронцова Ростопчинъ, „sa lenteur accoutumée, ses plates intrigues et la répugnance assez naturelle d'avoir tort aux yeux de tout le monde, ne promettent pas une issue satisfaisante à tous les préparatifs qui se font à Vienne pour éclaircir l'affaire d'Ancône. Le landgrave de Fürstenberg, envoyé ici pour annoncer de la part de l'empereur des romains l'arrivée de la Grande Duchesse Alexandra à Vienne, n'aura son audience qu'après la satisfaction éxigée par notre Maître [1])“. Но однимъ разрывомъ съ Австріею дѣло не окончилось. Со времени несчастной голландской кампаніи довѣріе Императора Павла къ Англіи пошатнулось. „Je ne conçois pas“, писалъ послѣ похода этого Ростопчинъ, „que ces mêmes russes aient été en Hollande. Il faut à nos soldats des chefs russes. Il faut savoir leur parler et on les menera faire une campagne en enfer. C'est par l'oreille que passe la voix avant d'arriver au coeur, et un accent étranger porte au lieu d'intérêt le ridicule [2])“.

Вслѣдствіе Алькморской конвенціи, русскія войска перевезены были въ Англію. Генералъ Эссенъ, занявшій мѣсто смѣненнаго Германа,

[1]) Архивъ князя Воронцова, VIII, 274.
[2]) Тамъ же VIII, 262.

жаловался неоднократно Государю на то, что англійское правительство мало заботится о русскихъ войскахъ; а теперь онъ описывалъ необъяснимый пріемъ, сдѣланный въ Англіи эскадрѣ адмирала Бреера, на которой войска перевозились изъ Голландіи. Эскадру эту не допускали ни въ одинъ изъ англійскихъ портовъ и наконецъ ее обратили къ островамъ Джерсею и Гернзею, недоступныхъ для большихъ кораблей и гдѣ не было помѣщеній для войска. Донесенія Эссена были опровергаемы графомъ Воронцовымъ, который, послѣ долговременнаго пребыванія, до того сроднился съ Англіею, что смотрѣлъ на вещи не совсѣмъ безпристрастно [1]). Объ защищалъ лондонское правительство и всю вину складывалъ на русскихъ командировъ. Воронцову угрожала судьба Разумовскаго. Государь, разобравъ дѣло, вспылилъ противъ Англіи. Послу было сдѣлано внушеніе о томъ, что ему не возбраняется просить увольненія, и приказано было требовать у лондонскаго кабинета отзыва Витворта.

Всѣ эти важныя извѣстія доходили до Батурина отрывочно и притомъ весьма поздно. Переписка съ женою была однако единственнымъ утѣшеніемъ Разумовскаго. Понятно, что для чистосердечныхъ изліяній нужно было прибѣгать къ симпатическимъ чернидамъ или же выжидать вѣрныя и весьма рѣдкія въ Батуринѣ оказіи.

„Il se présente, ma bonne amie,“ писалъ графъ Андрей Кириловичь къ женѣ отъ 23 Января 1800 года, „une occasion imprévue et que je crois sûre, jugez si j'en profite avec empressement, pour que ma lettre parvienne intacte à la frontière et soit mise à la poste ensuite. C'est un officier que mon père envoit pour ses commissions et j'y joins un homme à moi, de manière que j'espère échapper à toutes les diableries qu'on invente pour tourmenter les gens en tous les sens et sous tous les rapports. Je ne vous dirai point tout ce qui m'en est revenu pour ma part, c'est inutile. Je me flatte que le plus fort est passé et j'aime mieux vous entretenir, et moi aussi, de l'espoir d'un avenir consolant que des peines et des angoisses du présent. Que je vous accuse avant tout, ma chère amie, vos lettres №№ 5 et 6, qui me sont parvenues à la fin ensemble avant'hier. De tout ce que vous m'avez écrit depuis mon départ, il me manque le № 3 et cela s'explique parfaitement, en confirmant les soupçons, devenus certitude, sur l'interception de ma correspondance, comme vous allez le voir. J'ai reçu le № 1 à Cracovie, la seconde m'a manquée à Landshutt, je l'ai reçu à Lemberg. Ce dernier bureau me sachant parti pour Batourine, aura fait suivre en droiture le № 3, qui lui sera parvenu et c'est celle qui me manque. Les autres adressées à Laschkévitch ont été dirigés par lui à une

[1]) Милютинъ, V. 194.

tierce personne, que je lui ai indiquée et me sont parvenus. Je verrai ce qui en sera à l'avenir, je ne puis vous donner d'autres moyens, maïs soyez extrêmement circonspecte, car rien n'échappe à l'espionnage et les employés même sont en défiance les uns contre les autres. Les chefs le sont à l'égard de leurs subalternes, c'est un cercle de terreur, d'inquisition et de tourments. Gardez tout ceci pour vous, afin que les officieux et les gens à l'ordre du jour, là ou vous êtes, n'en profitent pour achever de me perdre. Notre digne K. (oudriavsky), que j'appellerai votre homme par son sobriquet, m'a dit bien des choses curieuses en général et d'autres assez importantes pour mon particulier. J'ai lieu d'espérer que ces dernières n'ayant point eu d'effet jusqu'ici, je n'en ai plus à craindre de mauvaises conséquences. J'ai écrit à Rast (optchine) une lettre ostensible pour demander la permission d'aller sur mes terres [1]) et de là à la cour en apparition seulement, afin de dissiper des impressions défavorables, dont je n'avais que trop sujet de m'apercevoir. Par une lettre privée je lui ai expliqué que j'étais décidé à la retraite, aux soins de mes affaires, de ma santé et de mes parents. Je ne puis avoir une réponse que dans 15 jours et je vous la manderai par une occasion que j'aurai alors. Si on m'accorde ma demande, je travaillerai alors, pour toute grâce, à obtenir la permission de me rendre à Vienne, et vous aurez soin de m'ecrire de manière à rendre ce voyage pressant, par rapport aux circonstances de famille et de mes embarras domestiques. Je suis faché que vous ne puissiez ecrire sur ce ton à ma soeur qui est à la veille de quitter Pét(ersbourg) [2]). Mon frère P(ierre) viendra aussi incéssament. Il me tarde de le voir à cause de mes affaires, que mon intendant parait avoir fort gâtées. On attend ici aussi m. Zavadovsky et sa famille. Remettez vous, ma chère amie, et je vous en prie considérez avec sangfroid parfait une affaire que je juge aujourd'hui tout à fait comme vous. Je voudrais qu'elle n'eut jamais existée... Une circonstance assez particulière, c'est que j'habite précisément le même appartement et tel qu'il était l'année 1776, lors de mon éxil de la cour. Celà ne contribue pas à m'y faire trouver du repos et à me distraire des tristes pensées, qui se pressent sans relâche dans mon esprit. Aussi n'ai-je de ma vie moins dormi qu'à présent. Mes anciennes insomnies reviennent. Une autre cause qui contrarie mon sommeil, est d'un genre tout diffé-

[1]) Въ Псковской губерніи.

[2]) Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, только что женившійся на племянницѣ Разумовскаго, М. В. Васильчиковой, оставилъ вице-канцлерское мѣсто, послѣ смерти своего дяди, князя Безбородко, и спѣшилъ бѣжать не только изъ невозможнаго въ то время Петербурга, но и вообще изъ Россіи. Съ нимъ вмѣстѣ отправилась и Н. К. Загряжская, воспитавшая молодую жену его.

rent, c'est l'innombrable quantité de rats qui fourmillent dans le chateau. Dès qu'on est tranquille, on les entend galopper comme une meute de chiens. J'ai fais écrire à Moscou pour avoir des drogues qui les détruiront dit-on. Jusqu'ici je n'en ai pas trouvé sur mon chemin. Vous savez comme je les abhorre, et je me mets au lit avec la chair de poule tous les soirs. Pour m'assoupir je me fais lire ou plustôt épeler par mon Koud(riavsky) les romans de Christianne [1]). Celà réussit quelque fois, mais pas toujours... Ma santé au milieu de tout cela se soutient étonnement, et je n'ai eu qu'une légère migraine hier, qui s'est dissipée le soir. Depuis aujourd'hui, 15 jours que je suis ici, je n'ai pas mis le pied hors de la maison... Il a fait un temps épouvantable et je ne crois pas qu'il change de sitôt. Ce qui vous est arrivé au sujet de la nouvelle archiduchesse [2]) est piquant. Il me tarde d'apprendre que vous l'avez enfin vue et comment elle vous aura reçue. J'ai été touché de votre entrevue avec mon quotidien (?), et charmé que vous y ayez été. J'espère pourtant que vous parviendrez à vous mettre sur un bon pied, mais de la prudence et du flegme, ma bonne amie, contre tous les moyens qu'on employera pour les mettre en défaut. Vous avez fort bien fait de ne pas partager ma maison, mes effets et ma loge avec certain M-r [3]). Cela me fait souvenir d'un certain m. Vedel (?) quand il allait à Naples. Continuez de dire qu'on ne peut disposer de rien en mon absence. Cette pauvre baronne (?) a donc cessé de vivre. J'espère que m-me Hafton (?) a aussi terminé ses souffrances. Je n'aime pas ma chère amie les crampes de maman. Il me tarde de recevoir de ses nouvelles. Mettez moi à ses pieds, embrassez tendrement nos soeurs et rappelez moi à nos amis. Nos gens ont ils taillé leurs plumes, en ce cas donnez leur un peu d'encre rouge si vous voulez. Bien des choses à Matt (?). Je suis surpris qu'il ne m'envoie point le courant de la maison, comme nous en sommes convenus et du jardin. Faites presser Ros (?) pour le plan qu'il doit m'envoyer. Je voudrais savoir aussi des nouvelles de Mibeten (?). Voici une lettre de Koud(riavsky), que je vous prie d'envoyer à sa femme. Adieu, ma bonne Elisabeth, soyez tranquille et confiante dans la Providence, qui jusqu'ici ne m'a jamais abandonné".

Между тѣмъ, въ Батуринъ пріѣзжалъ подосланный отъ Государя соглядатый. Д. с. с. Николевъ явился туда подъ видомъ туриста съ тайнымъ приказаніемъ отъ генералъ-прокурора А. А. Беклешева: „взять мѣры и извѣститься" о разныхъ подозрительныхъ Государю лицахъ, между прочимъ, о графѣ Андреѣ Кириловичѣ Разумовскомъ въ Бату-

[1]) Княгини Лихновской.

[2]) Великая княгиня Александра Павловна.

[3]) Колычевъ.

ринѣ. Донесеніе Николева, поданное уже не Беклешеву, а Обольянинову, походило скорѣе на діагнозу медика, чѣмъ на розыскъ полицейскаго чиновника. „Графъ Андрей Кириловичъ“, доносилъ онъ, „здоровъ, но желтъ, худъ и задумчивъ. Упражненія сего послѣдняго: въ 12 часовъ приходитъ къ отцу, гдѣ и остается до 4-хъ часовъ, а съ сего времени до 7-ми часовъ безъисходно бываетъ у себя въ комнатѣ, читая, а больше, задумавшись, ходитъ по комнатѣ; а въ вечеру, какъ онъ такъ и всѣ живущіе собираются у графа (Кирилы Григорьевича) и разговариваютъ или играютъ въ карты. Сіи всѣхъ живущихъ у графа ежедневныя упражненія, а закону противныхъ разговоровъ не слыхать, да не предвидится, чтобъ были“ [1]). Таково было грустное и однообразное препровожденіе времени Андрея Кириловича. Вслѣдъ за посѣщеніемъ Николева, онъ написалъ женѣ письмо по почтѣ; письмо это относилось не столько къ графинѣ Разумовской, сколько къ тѣмъ, въ руки которыхъ, по убѣжденію Андрея Кириловича, оно должно было попасть до достиженія своего настоящаго назначенія.

„On vous mande, ma chère amie, de Prague“, писалъ Разумовскій, „que, d'après les discours du généralissime Souvoroff, il parait qu'on l'a trompé sur mon compte. Cet avis peut être très fondé, et il porte sur un objet qui m'intéresse trop, pour que je le laisse tomber dans notre correspondance. C'est une des bizarreries de cet homme extraordinaire (du moins en apparence), d'être le jouet des gens qui l'entourent, de se soumettre sans discernement à leurs insinuations dans tout ce que leur suggère le meprisable manége de la bassesse, tandis que certes il a bien prouvé pour les grandes choses de la sagacité, du jugement et de l'énergie! Qu'il soit tel par nature, ou par une longue habitude d'artifice, j'abandonne cette question à ceux qui le connaissent; mais j'en appelle à tous ceux qui, l'ayant approché, l'ont apprécié impartialement. Il n'en est pas un, qui ne prononce au désavantage de sa moralité. Sa prétendue candeur à avouer qu'il a été trompé, n'est qu'une réserve adroite, pour échapper au reproche, que tôt ou tard suscite la vérité outragée. Je le respecte trop, je lui ai toujours obéi avec trop de zèle et de droiture, pour ne pas dire tout haut ce que je pense, et mon unique voeu est d'en porter l'hommage devant celui, à qui je le dois par caractère et par serment, et dont l'âme élevée en est le sanctuaire. Sans doute que justice me sera rendue, et si je ne la désirerais que pour moi seul, je l'attendrais avec la confiance que m'inspirent les motifs de ma sécurité. Mais mon impatience a rapport à d'autres considérations, à celles que l'homme probe ne perd jamais de vue: le devoir et les obligations qu'il nous impose. Les

[1]) См. Т. I. 471—472.

miennes étaient importantes et étendues dans le poste que je viens de quitter. Je les ai remplies à l'acquit de ma conscience et de ma fidélité. C'est en m'appuyant sur cette dernière que je gémis des interprétations que la malveillance à répandues, sans égard aux considérations sacrées qui doivent toujours guider l'homme public. Ce n'est que sous ce point de vue que je considère le généralissime, et ce n'est qu'ainsi qu'il devait me considérer. Mes principes, mon dévouement, mes relations lui étaient connus. Il savait, que consacré entièrement à l'accomplissement de mes devoirs, non seulement je ne m'en écarterais jamais, mais encore que tous mes soins seraient employés à concilier pour lui même les moyens d'atteindre à un but qui devait nous être commun. Je pensais de même—quand à lui! Je vous laisse à juger qui de nous deux a été trompé sur le compte de l'autre? Il est pénible de ne pouvoir placer à côté de l'admiration, que nous commandent les actions éclatantes, celle plus profonde de la vénération qu'inspirent les principes. Souv(oroff) sera un grand homme dans l'histoire,— il ne m'appartient pas de juger sa place parmi ses contemporains.

Je vous écris ceci, ma chère amie, le Vendredi de ma semaine de dévotions. Vous savez que c'est le jour où nous allons à confesse. Je suis bien aise que celle-ci est eu lieu à une époque aussi solennelle, et ce soir j'approcherai le saint évangile avec le coeur plein du sentiment qui l'a dicté. J'ai prié avec ferveur tous ces jours-ci, ma chère amie, pour notre bonne maman. Son état m'affecte chaque jour d'avantage, et malgré que vous y apperceviez parfois des motifs de consolation, vous ne me rassurez point. Je voudrais vous en parler à tout moment et je me retiens, j'en ai le coeur si navré, si abattu, que je me reproche même de vous en trop dire. Ma bonne Elisabeth, sa mémoire sera toujours consacrée dans votre coeur par le souvenir de ses vertus et la pratique des votres. J'embrasse vos soeurs. Quand vous reverrai-je mes chères et bonnes amies? Je vous suis nécessaire, vous me l'êtes bien aussi et votre bonheur est inséparable du mien.

Je ne sais pas du tout ce que vous voulez dire au sujet du petit chevalier [1]). Tout ce que j'en conclue c'est qu'il est question d'un déplacement pour lui, mais je n'en ai pas la moindre notion. Je suis faché que vous le perdiez et surtout qu'il vous perde, car jamais aucun de ses proches ne pouvait lui être plus utile dans son développement. A son âge tout dépend des personnes qui le guideront. Je regrette

[1]) Александръ Ивановичъ (впослѣдствіи оберъ-камергеръ и графъ) Рибопьеръ состоялъ, какъ мы видѣли выше, при вѣнскомъ посольствѣ и извѣстенъ былъ тамъ подъ названіемъ chevalier le petit или же le petit chevalier.

infiniment que mon neveu [1]) ne soit pas employé par l'ambassadeur [2]). Il aurait je crois tiré parti de sa bonne volonté et de la douceur de son caractère, qui bien dirigées peuvent également en faire un sujet utile. Je ne puis rien vous dire de ma seur Zagriajsky. Elle devrait être partie et à tout moment j'apprends par bricole (?) qu'elle ne l'est pas. Car je n'ai pas un mot de sa part, ce qui m'a toujours fait croire qu'elle allait arriver, et ce qui m'a confirmé dans cette opinion c'est que le comte Zavadovsky, qui a fait grande diligence et qui a passé 24 heures ici, nous a dit qu'elle allait se mettre en route... Les prières m'appellent. Adieu ma chère et bonne Elisabeth. Pardonnez moi mes fautes, elles sont involontaires, mon coeur ne peut vous avoir offensé autrement... En repassant ma lettre, je m'apperçois que j'ai omis l'articte principal, celui qui m'engage à la diriger par Pét(ersbourg) pour en assurer l'exacte remise. Je vois que je me suis trop laissé emporter par le sujet qui remplissait mon coeur ulcéré. Mon bon père a eu la complaisance de me fournir 50,000 roubles qui vont être remis à Vienne par le même banquier auquel j'adresse cette lettre. C'est un petit commencement des grands payements que j'ai à faire. Mais c'en est un; les autres suiveront, dès que je serai un peu plus au clair de mes propres affaires, et je ne manquerai pas de vous en prévenir. En attendant dites ceci à votre bonne maman, celà la tranquillisera sur les comptes que j'ai avec votre famille, dont l'arrangement la tourmente si fort, et dont mon soin le plus empressé sera de m'acquitter dès que j'aurai les moyens en mains".

...„Votre courage", писалъ далѣе Разумовскій отъ 10 Марта, „est apprécié par vos amis et il constate ce qu'ils vous doivent depuis longtemps et à tant de titres d'estime et de vénération. Je suis bien aise que vous me désignez enfin le Gortchakoff, dont vous êtes contente, c'est le Condé [3]). J'en suis d'autant plus aise que ce nom avait besoin d'être relevé dans mon opinion. Parlez m'en plus en détail en quoi est ce que vous admirez si fort sa mémoire et, s'il se peut, dites moi le pari que vous avez fait. Mais prenez toujours garde qu'on ne vous mystifie. Je suis bien aise que vous me disiez enfin la destination de votre petit chevalier [4]), mais fâché pour lui qu'il vous quitte. Le

[1]) Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ состоялъ, какъ мы видѣли выше, при дядѣ своемъ и послѣ отъѣзда его оставался при посольствѣ. Въ отличіе отъ Рибопьера его прозвали въ Вѣнѣ, такъ какъ онъ былъ высокъ ростомъ: m. le grand.

[2]) Колычевъ.

[3]) То-есть состоявшій при корпусѣ принца Конде.

[4]) А. И. Рибопьеръ отозванъ былъ въ Петербургъ по случаю кончины его бабушки Анастасіи Семеновны Бибиковой, рожденной кн. Козловской, вдовы знаменитаго Александра Ильича. Въ Петербургѣ онъ занимался при архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

plan de cette éducation politique est très sage, et je suis sûr que notre jeune homme y répondra; son fond est excellent, son âme est noble et son jugement fait pour murir bientôt, pourvu qu'il ne tombe point en mauvaise compagnie; ce n'est pas qu'il s'y perdra, je suis persuadé qu'il s'apercevra qu'elle ne lui convient pas, mais il regrettera d'y avoir perdu son temps et sa santé avec humiliation. J'aurais désiré que mon neveu [1]) eût été du nombre de ces garçons ministres. A propos de neveu, je ne vous ai pas dit que nous avons eu ici pendant quelques jours le fils ainé de ma soeur Goud(ovitch) [2]), colonel et à la veille d'être général. Vous vous souvenez comme ils étaient de plomb, eh bien, c'est devenu un assez joli garçon fort leste à la danse, mais aussi je crois que c'est là tout son mérite... Dites à Matt que n'ayant pas le temps de lui écrire, je le remercie pour sa lettre. Je l'exhorte instamment à m'envoyer une notice hebdomadaire de ce qui se fait dans mon jardin. Il faudrait pour cela que m. Rosenthal (?) m'envoie le plan, qui devait être prêt 15 jours après mon départ. Il est un peu paresseux sur cet article et point scrupuleux à sa parole, il faut le pousser. Outre que celà m'est necéssaire pour moi-même, je le désire pour mon père à qui j'en parle souvent, et que je voudrais informer plus particulièrement de mon site et de mes travaux".

„Dieu soit loué", писалъ еще отъ 9 Апрѣля графъ Андрей Кириловичъ, „que la santé de notre maman se conserve. Je n'ose pas trop me livrer cependant à l'espoir que vous en conceviez, et à l'opinion que ses maux ne proviennent que du foie. Si cela pouvait se constater, quelle serait ma joie, elle nous serait rendue alors, cette bonne maman, car on guérit de cette maladie, ou du moins on est soulagé pour longtemps et Carlsbad pourrait lui être d'un grand secours. Nous y ferions un séjour tous ensemble. J'en ai plus besoin que jamais, ma chère amie; ma santé s'est fort dérangée, le chagrin qui m'oppresse chaque jour d'avantage, m'a miné totalement et mes incommodités, qui me donnaient quelque relâche autrefois, sont devenues plus accablantes et continuelles. Elles m'ont contraint de soumettre directement à S. M. l'Empereur mon état déplorable. J'ai pris la liberté de le lui exposer par la poste d'aujourd'hui. Si je ne puis espérer d'avoir le bonheur de me présenter à lui, d'effacer l'impression douloureuse qu'il a conçue à mon égard, je sollicite qu'il me permette de retourner auprès de vous autres, dont la situation ne peut manquer d'intéresser son coeur. On dit que l'Empereur se rendra à Moscou au commencement de Mai v. st. et

[1]) Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ.

[2]) Графъ Кирилъ Ивановичъ Гудовичъ—генералъ-маіоръ, умеръ въ отставкѣ въ 50-хъ годахъ.

que de là il ira à Kieff, au quel cas, Batourine est sur son chemin. Si mon sort n'est pas décidé jusque-là, j'aurai le bonheur de le voir, et s'il m'accorde une demie-heure d'audience, c'est tout ce que je demande. Cela me suffira pour le convaincre de la pureté de ma conscience, de mon zèle dans mon emploi, et de mon invariable dévouement pour sa personne. S'il me rendra sa bienveillance, je n'en réclamerai les effets que pour me procurer le repos et la tranquillité, dont ma santé, mes affaires et mes amis me font une loi... Je suis souffrant de malaises continuels—et je le serai tous les jours, jusqu'à ce que je puisse changer d'air, employer (sic) les eaux minérales et retrouver le calme et le contentement que je n'ai point à espérer ici".

Въ Маѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Батуринъ изъ Вѣны племянникъ графа Андрея Кириловича Васильчиковъ, съ извѣстіемъ о кончинѣ графини Тунъ. Онъ въ 11 дней доѣхалъ до Батурина, что въ тѣ времена казалось почти невѣроятнымъ. Разумовскій былъ смертью тещи сильно огорченъ, хотя давно ее уже предвидѣлъ. Однообразность батуринской жизни была въ то время нѣсколько оживлена пребываніемъ умной и подвижной Наталіи Кириловны Загряжской, пріѣхавшей изъ Петербурга для свиданія съ любимымъ братомъ и съ тѣмъ, чтобы, вмѣстѣ съ своею племянницею М. В. Кочубей, ѣхать за границу. Графъ Викторъ Павловичъ уже давно помышлялъ о томъ, какъ бы удалиться отъ двора и выбраться изъ Петербурга, пребываніе въ которомъ стало въ послѣднее время совершенно невозможнымъ. „Не могу выразить", писалъ графу С. Р. Воронцову отъ 19 Апрѣля 1799 года Кочубей, „до какой степени покойный дядюшка [1]) грустилъ при видѣ теперешняго прискорбнаго хода дѣлъ. Они теперь рѣшительно дошли до отчаяннаго положенія. Страхъ, въ которомъ мы здѣсь живемъ, нельзя описать. Всѣ дрожатъ. Крѣпости переполнены жертвами. Мрачное отчаяніе всѣми обуяло. Объ удовольствіяхъ успѣли забыть. Оплакивать родного, это—преступленіе. Посѣтить несчастнаго, это—равносильно опалѣ... Внутреннее управленіе въ самомъ плачевномъ состояніи. Полнѣйшій эгоизмъ охватилъ всю Россію. Всякій думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе наживиться. Вступаешь на новое мѣсто съ тѣмъ убѣжденіемъ, что дня черезъ три или четыре тебя прогонятъ—и каждый думаетъ: завтра же буду просить о пожалованіи крѣпостными. Изъ службы выгоняютъ съ крѣпостными, потомъ опять назначаютъ на новую должность и снова ими жалуютъ. Это дѣлается сплошь да рядомъ. Военный губернаторъ Паленъ поддерживаетъ подозрительность и жестокость... Не знаю, чѣмъ это все кончится. Пытка невыносимая... Совершенно неожиданныя передвиженія войскъ разсоряютъ казначейство. Нѣтъ ни малѣйшей бережливости, да и быть

[1]) Князь Безбородко.

ея не можетъ. Никто не смѣетъ войти съ представленіями. Великій Князь [1]) слабъ и лѣнивъ, ничѣмъ не занимается и засѣдаетъ въ разныхъ департаментахъ только для виду. Государь меня ненавидитъ. Подобно многимъ, не исключая даже Ростопчина, у меня на дворѣ стоитъ всегда готовая карета, въ которую могу сѣсть по первому знаку... Такова горькая картина дѣйствительности. Плачьте, но не старайтесь вблизи увидать ее, а главное, не воображайте, что я преувеличиваю. Увѣряю васъ, что дѣйствительность еще ужаснѣе; я съ умысломъ не упомянулъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, которыя вамъ бы показались слишкомъ невѣроятными. Судите послѣ этого—можно ли оставаться спокойнымъ. Мнѣ кажется, что я умру, если дольше здѣсь останусь" [2]). И въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ же послѣ свадьбы своей въ Ноябрѣ 1799 года Кочубей, получившій уже до этого отставку, отправился въ Малороссію и, за нѣсколько дней до пріѣзда графа Андрея Кириловича, посѣтилъ въ Батуринѣ дѣда молодой жены своей. Онъ поселился въ воспѣтой Пушкинымъ Диканькѣ и оттуда лѣтомъ собирался ѣхать за границу. Къ нему на встрѣчу выѣхала, какъ мы уже упоминали, Н. К. Загряжская. Вмѣстѣ съ нею обдумывалъ теперь Разумовскій, какъ бы выбраться изъ Батурина и поправить свои служебныя дѣла. За него въ Петербургѣ хлопоталъ зять его Николай Александровичъ Загряжской. „Par la poste de Russie", писалъ къ женѣ отъ 28 Іюня графъ Андрей Кириловичъ, „ma soeur a recu une lettre de son mari. Il la charge de m'assurer qu'il aura à coeur ma commission, mais que jusqu'ici il n'a pû encore s'en acquitter et me recommande la patience. Il y a beau temps que je suis à ce régime-là, et quoiqu'il ne me prospère point il faudra bien y persévérer. Ma commission par mon beau-frère, je n'ai pas pû vous la mander par la poste. Pour vous en informer aujourd'hui il faut reprendre les choses d'un peu plus haut. Vous savez que d'abord après mon arrivée j'ai écrit à Rastoptchine, en lui envoyant une lettre pour l'Empereur qu'il n'a pas jugé à propos de présenter. Il m'a répondu par ma soeur, me recommandant *patience*. Bientôt après, même démarche de ma part, mais différement motivée et de manière qu'il me paraissait impossible qu'il se dispensât de la présenter, puisque j'en prenais tous les risques sur moi et voici comment. Je sais bien et tout le monde sait, que j'ai été victime de l'humeur contre la cour de Vienne, mais quant à mon absence elle n'a pas d'autre forme apparente qu'un congé de 6 mois. L'expiration de ce terme approchait au commencement d'Avril, je me mettais par conséquent en règle, ne pouvant approcher l'Empereur, en

[1]) Александръ Павловичъ.
[2]) Архивъ князя Воронцова, XVIII, 202—205.

lui demandant par écrit ses ordres, à quoi j'ajoutai que dans le cas où mes services ne puissent plus lui convenir, je le suppliais de m'accorder la permission de retourner auprès de mes parents vâquer à mes affaires et aux soins de ma santé. Il se passa beaucoup de temps sans que je reçusse de nouvelles de Rast(optchine), qui dans tout ceci ne devait être que purement passif, comme le canal officiel par qui on pourrait s'adresser à l'Emp(ereur). Mon beau-frère étant sur le point de partir, je le consultais et ma soeur aussi sur ce qu'il y aurait à faire pour parvenir à mon bût. Ils me dirent qu'il n'y avait pas d'autre moyen plus sûr que la princesse [1]) et Koutaïzeff. C'étaient les sources des grâces et des bons moments. Mais peut-être, ajoutèrent-ils, ne voudriez vous pas vous adresser à eux? et pourquoi pas? Est modus in rebus. On peut tout faire sans se dégrader. J'ai écrit à l'un et à l'autre sous cachet volant. Zagriajsky et ma soeur ont lû mes lettres, elles étaient comme elles devaient l'être, et nous sommes convenus qu'il les montrerait à Rastop(tchine), qu'il ne fallait pas choquer, en ayant l'air de chercher sous main une autre voie. Voilà la commission de mon beau-frère. Je conçois qu'il n'a pû s'en acquitter, et même, qu'avec la meilleure volonté de la part de ceux qui en dirigeront l'exécution, ils ne peuvent rien dans ce moment de surcroit d'humeur contre Vienne, puisque c'est là nomemment que je sollicite d'aller. Je serais même bien aise qu'ils eussent différé toute démarche, jusqu'à l'arrivée de Wassiltchikoff. Par celui-ci j'ai écrit à Rast(optchine), que je renonçais à aller à Vienne, tant que cela pouvait déplaire à l'Empereur et que je ne demandais que de pouvoir me rendre à Carlsbad. Tout cela fait, un beau jour je reçois un gros paquet par la poste de Rast(optchine). Il me renvoie ma lettre officielle à l'Empereur, me disant qu'il n'a pas voulu la présenter, parceque celà m'aurait pû nuire d'avantage. S'il a bien fait ou non, je n'en sais rien, mais certes il est dur de ne pouvoir faire parvenir la moindre chose au souverain, et il résulte de là que depuis que je suis en Russie, l'Empereur n'a pas entendu parler de moi et peut fort bien croire que je prends cavalièrement ce qui m'arrive, et n'en passe pas plus mal mon temps dans le loisir, qu'il m'a gracieusement accordé! Voilà, ma chère amie, où nous en sommes. Je n'ai à Pétersbourg ni parent, ni ami qui puisse suivre mon but et l'obtenir. Mon frère Pierre, qui est bon et obligeant, n'a aucune rélation à la cour, Zagr(iajsky) aucune activite et Rastoptchine me hait cordialement. Mais tant mieux, direz vous, c'est une raison pour s'en aller. Sans doute, mais tant que je suis

[1]) Княгиня Анна Петровна Гагарина, рожденная княжна Лопухина (р. 1777, † 1805), только-что вышедшая въ то время замужъ и игравшая важную роль при дворѣ.

relégué au fond de l'Ukraine, que lui importe? En résumant tout ce que j'ai fait et tout ce qui s'en est suivi il faut que j'attende du temps et d'un changement de disposition en général, ce qu'aucune démarche particulière ne peut me faire espérer d'obtenir. Si du moins je n'étais pas cloué ici; si je pouvais employer cette intervalle à l'arrangement de mes affaires, aller à Moscou, dans mes terres, en connaitre l'état, m'aboucher avec les gens qui peuvent concourir à mes projets! Mais je ne puis traiter que par écrit sur des objets infiniment compliqués, même pour ceux qui en ont l'habitude, et mille fois d'avantage pour moi... Ma soeur part demain après la messe".

Между тѣмъ, въ Вѣну пріѣхала Королева неаполитанская. На нее сталъ полагать теперь всю надежду свою Разумовскій. Онъ предписывалъ женѣ съ нею видѣться и подсказывалъ ей то, что она должна была говорить королевѣ.

„Je profite d'une occasion sûre pour vous écrire plus librement, ce que je désirais depuis longtemps... La poste arrive dans ce moment et m'apporte votre № 84. Je vais donc faire d'une pierre deux coups. J'attendais cette poste, non seulement avec impatience, mais aves agitation, dans l'espoir que vous me mandiez quelque chose de plus concluant et satisfaisant pour l'avenir. Hélas, j'ai oublié que les événements heureux pour nous découlent goutte à goutte et les funestes se précipitent comme un torrent. Ce que vous me dites est tout le contraire de ce que j'espérais. Vous me paraissiez moins disposée à croire au rapprochement et à ses heureuses suites. Un voile couvre l'avenir. Dieu veuille qu'il ne soit point déchiré par quelque mouvement violent. Cette incertitude nous laisse le loisir de concerter, comment nous pourrions tirer parti de l'avenir, s'il devient favorable. A quelque chose malheur peut devenir bon, et ce sera le thême de ma lettre. La votre, ma chère amie, me parle de cette adorable reine, que vous deviez voir le lendemain et qui semble vous témoigner autant d'intérêt qu'elle vous en inspire. C'est là dessus que je fonde mon espoir. Je vous l'ai fait pressentir une fois, je ne sais si vous l'aviez compris. C'est pour vous en parler plus clairement aujourd'hui que je profite de cette occasion. Soyez donc mon avocat et le votre, celui du malheur, de la justice, de la bienfaisance, auprès de son âme céleste. Je compte sur sa bonté, sur sa bienveillance, avec une confiance inébranlable. Il me semble qu'aucune cour n'est mieux avec mon auguste cour, que celle de Naples [1]). J'ai vu dernièrement un long article dans la gazette russe touchant le prince Belmonte, ses audiences pompeuses et les

[1]) Королева Каролина собиралась ѣхать въ то время въ Петербургъ.

décorations distribuées de part et d'autre, ce qui, dans l'ignorance et la retraite où je vis, me donne la conviction de cette conjecture. Cette intimité pourrait nous être avantageuse et certainement l'adorable reine sera disposée à nous accorder sa protection. Parlez lui en librement, en mon nom, si vous voulez. Je connais et je révère trop ses qualités, pour douter un instant de la manière dont elle accueillera votre supplique. Je vous ai fait entendre, l'autre jour, que vous pourriez écrire vous-même à l'Empereur. Je pense que celà ferait bon effet, mais il serait question seulement de bien choisir le moment. Voici, quant à moi, l'état des choses, par rapport aux démarches que j'ai faites. J'ai écrit à l'Empereur en arrivant par le comte Rastoptchine. Ma lettre n'a point été présentée. J'ai écrit une seconde fois par le même, lorsque le terme de mon congé, qui était de six mois, était prêt à expirer, afin de me mettre en règle. Celle-ci, m. Rastoptchine me l'a renvoyée. Vous savez tout celà par la lettre que mon frère Jvan a posté à la frontière. Je ne le récapitule que succinctement, mais ce qu'il faut vous dire plus en détail, c'est ce que je viens d'écrire avant-hier au Grand Duc Constantin, son écuyer ayant heureusement passé par ici et s'étant offert de porter ma lettre. Je lui expose ma position, mes malheurs, mon innocence, mon chagrin d'avoir déplu à l'Empereur et celui de n'avoir pas pû le désabuser par les lettres que j'ai pris la liberté de lui adresser et qui ne sont point parvenues. Ma lettre est ostensible; elle doit produire un bon effet, s'il sait en faire un bon usage. Mais peut-on y compter? Je vous le demande. Quant à la protection de la reine, elle sera d'autant plus efficace, que dans le temps des calamités du royaume de Naples et des dangers affreux auxquels la famille royale était exposée, des méchants ont mis à profit cette circonstance pour donner des impressions désavantageuses contre moi. Parceque le baron de Thugut était inflexible,—j'étais coupable! N'a-t-on pas dit à l'Empereur mon maître, que c'était moi qui étais cause de cette inflexibilité; que je pouvais tout sur lui; que ce pauvre petit Thugut était une cire molle que je maniais à ma volonté, et les impressions sont aussi faciles que profondes dans l'esprit de l'Empereur, jusqu'à ce qu'il soit detrompé. A cet égard, comme à bien d'autres peut-être, relativement aux affaires de la cour de Vienne, personne ne peut mieux effacer les préventions que la reine, en attestant mon attachement et à la famille royale et aux intérêts du roi son époux. Le mode de cette oeuvre de bienfaisance, j'ose ajouter de justice, il ne m'appartient pas de l'indiquer. Il appartient à sa sagesse, à sa bonté, à toutes les qualités nobles et augustes qui la caractérisent. J'y compte, je dois y compter, et c'est avec ce sentiment profond comme le devoue-

ment, que je lui ai consacré pour toute ma vie, que je vous prie de me mettre à ses pieds.

Comme les occasions pareilles à celle-ci sont infiniment rares, je vous écrirai de temps en temps d'une manière qui-échappera à la surveillance de la poste. Je ne vous en dis pas davantage. La première lettre que vous receverez de moi par la prochaine poste, approchez la d'un feu de charbons ardents et passez là-dessus jusqu'à ce que quelque chose paraisse. Faites cette opération vous même, sans l'aide de vos femmes, ni de qui que ce soit. Je vous en donnerai de plus amples directions par la suite, mais au nom de Dieu, pas la plus légère confidence à personne, sans quoi vous feriez tort non seulement à notre correspondence, mais vous m'en feriez d'une manière incalculable dans ses conséquences".

Слѣдующее письмо, одно изъ послѣднихъ писанныхъ Андреемъ Кириловичемъ изъ Батурина, было самаго обыденнаго содержанія: графъ сообщалъ женѣ разныя подробности о батуринской жизни, о племянникахъ, о мѣстныхъ новостяхъ; о политикѣ не упоминалось вовсе, о самомъ Разумовскомъ говорилось только въ общихъ словахъ, но между строчками таилось другое письмо, писанное симпатическими чернилами. Вотъ что оно гласитъ: „J'ai bien relu, ma chère amie, votre fameux № 90 [1]) et voici ma réponse, d'abord pour ce qui concerne cette adorable reine. Baisez lui les mains de ma part; elle doit apprécier mieux que je ne sais le dire, combien je lui suis reconnaissant et avec quel transport je la retrouve toujours telle, qu'elle a été. Je lui demande la permission de n'être point de son avis sur la lettre qu'elle veut que j'adresse par ses mains à l'Empereur. Certainement celà pourrait faire effet, mais cela ne convient pas. Mais lui devoir mon bonheur serait acquérir ce bonheur au double, au centuple. Voici comment je crois que sa bienfaisante magie devrait l'opérer. Dire qu'elle vous a connu particulièrement, peindre votre situation, vos peines et le remède—qui est mon retour; ajouter à mon égard ce que sa bonté lui dictera. Je ne suis pas de votre avis, ma chère amie, qu'il y ai de l'inconvénient à ce qu'elle loue mon zèle pour le service et l'utilité de me rendre mon poste, mais voici comment. Dire que depuis qu'elle est à Vienne, elle s'est appliquée à rechercher les causes et les mobiles de bien des choses passées et qu'à son grand étonnement elle a trouvé qu'on devait m'attribuer d'avoir empéché beaucoup plus de mal qu'il n'en est arrivé, ce qui par parenthèse serait très facile à prouver de ma part, s'il le fallait. A l'appui de celà, qu'elle

[1]) Писемъ графини Елизаветы Осиповны отъ этого времени въ архивѣ князя Разумовскаго не сохранилось.

veuille bien me citer pour Naples, où certainement il n'a pas tenu à moi qu'on se conduisit différemment. Encore une parenthèse, ma chère amie, je suis charmé que dans une de vos conversations avec la reine, vous l'ayez interrogée sur cette affaire de Naples à mon égard, et encore plus charmé de la réponse qu'elle vous a donnée, très juste, mais pas complête. De là est venu l'embarras que vous lui avez vû et que je vais vous expliquer. Cet embarras était une réticence; il voulait dire qu'elle ne doutait pas de mon dévouement, mais que j'adhérais un peu trop aux sentiments de Thugut. Cette opinion est générale, parceque je ne suis pas fort soucieux de ce qu'on dit, mais mon opinion est à moi et j'en ai une mieux fondée que personne sur le baron. Je supplie la reine de se rappeler ce que je lui ai écrit, ou de le relire si celà existe et de me rendre la justice, que si on avait suivi ce que je l'avais sollicité avec instance de faire, les choses auraient tourné différemment. Peut être ma lettre est arrivée trop tard, je l'ai craint alors. Voilà, ma chère amie, ce que je vous charge de lui représenter mot pour mot, et de lui rendre tout ce dont mon coeur est plein pour ses bonnes intentions à notre égard, et que nul autre que le votre ne peut interpréter fidèlement. A vous maintenant, ma chère Elisabeth. Comment avez vous pu me martyriser comme vous l'avez fait sur huit pages, au sujet de votre voyage ici? Je ne vous répondrai point des phrases, je les hais autant que vous, mais je voudrais en trouver qui puissent vous exprimer la peine que vous m'avez faite. Vous me connaissez, ma chère amie, du moins vous devriez me connaitre mieux que personne. Vous savez si j'ai une âme capable de sentir. Vous devez aussi connaitre ma présente situation,—mais non, je me retracte, elle est bien loin de vous être connue,—je ne suis pas verbeux par caractère, et au surplus notre correspondance a été extrémement génée. Je vais tâcher de vous esquisser cette situation le plus brièvement possible. *Tout m'éloigne de mon pays, rien ne peut jamais m'y attacher.* Ce principe tient beaucoup plus encore à mon opinion, qu'aux circonstances, mais j'y suis arrêté par une volonté suprême; j'en gémis, rien ne m'a distrait un moment de ma douleur. Doutez vous qu'il ne me fût consolant audessus de toute expression de vous avoir auprès de moi; vous, qui seule pourriez m'entendre et me soulager. Mais, mon amie, il n'est point de jour que je ne me lêve et ne me couche avec l'espoir que le lendemain adoucira la rigueur de mon sort, sans celà j'aurais succombé. Toutes les démarches que j'ai faites ont eu pour base ma santé, la votre qui ne vous permet pas de me joindre, et mes affaires. Parmi ces trois motifs j'ai toujours le plus appuyé sur le second, comme le plus propre à émouvoir. Il faut être conséquent. Celà ne peut pas durer. De manière ou d'autre je m'en tirerai, calmez vous

donc au nom de Dieu, ma chère amie, et prenez encore patience. Si vous veniez ici! Vous ne vous figurez pas ce que c'est aujourd'hui que mon père, ses entours et la vie qu'on y mêne. Vous n'y tiendriez point. De ma vie je n'ai fait d'épreuve pareille. Voilà ce que mon coeur a à vous dire. Je n'ai pas de volonté à vous prescrire, vous le savez, mais je parle à votre raison, à votre intérêt réél pour moi, qui a tant d'empire, ma chère, ma bonne amie, je le dis franchement, sur vos actions. Je ne parle plus du motif qui a échappé à votre plume—fi!—Au nom de Dieu, dites-moi qu'il n'est pas dans votre coeur! Pourquoi a-t-il de la méfiance? Imaginez le plus beau diamant du monde, mais avec une petite tache, quel dommage! Car c'est le plus beau possible, et malgré cette tache, il n'y en a pas à lui comparer. Je suis fort inquiet du sort de mon frère Léon. Vous sentez bien qu'on l'a fait partir de Pét(ersbourg), puisqu'il y venait pour affaires et devait y rester au moins six semaines [1]). Nul homme dans le monde ne semblait devoir être moins en but à chose pareille, mais aujourd'hui on ne sait jamais ce qui arrivera du jour au lendemain. Il aurait pû m'être utile là-bas et je lui en avais indiqué les moyens. Je suis habitué aux contrariétés, ce n'en est qu'une de plus, mais lui ne l'est pas aux revers. Je ne serai pas tranquille jusqu'à ce que j'en aie des nouvelles [2])".

Цѣлый годъ продолжалась опала Разумовскаго. Черепашьимъ ходомъ тянулись для него дни и мѣсяцы скучной, однообразной, батуринской жизни. Пошлая среда, въ которой медленно угасалъ его отецъ, была ему ненавистна, тѣмъ болѣе, что она мало-по-малу втягивала его въ свои мелкія сплетни, разсчеты и дрязги. Указомъ 10-го Декабря 1800 года графъ Андрей Кириловичъ назначенъ былъ сенаторомъ. Не знаемъ, письмо ли къ Цесаревичу Константину Павловичу, просьбы ли королевы неаполитанской или же всемогущее предстательство княгини Анны Петровны Гагариной подѣйствовало на Государя, но опала съ Разумовскаго была снята. Правда, новое назначеніе не согласовалось съ его надеждами и желаніями, но оно открывало ему двери батуринской тюрьмы, а это было уже почти нежданнымъ счастіемъ. Онъ живо собрался, поскакалъ въ Петербургъ и прибылъ туда въ началѣ Января 1801 года.

Въ столицѣ подтвердились полученныя въ Батуринѣ извѣстія, но здѣсь узналъ еще графъ Андрей Кириловичъ много новаго. Суворова не стало. Послѣ кровавыхъ обидъ австрійскаго правительства его полумертваго ожидала еще въ Петербургѣ царская немилость, подъ бременемъ которой онъ угасъ 6-го Мая 1800 года. Весь прежній, дорогой

[1]) О ссылкѣ графа Льва Кириловича см. т. II, стр. 153.

[2]) Письма графа А. К. къ женѣ списаны изъ его архива.

Разумовскому, строй дипломатическихъ отношеній рухнулъ, и огорченнымъ взорамъ бывшаго посла представилось полное расторженіе того союза, надъ укрѣпленіемъ котораго графъ Андрей трудился съ такою любовью и ревеніемъ. Принципы, которыхъ стойко держался нѣкогда петербургскій кабинетъ и которые составляли самую суть политическихъ убѣжденій Разумовскаго, были теперь отвергнуты и забыты. На развалинахъ излюбленной имъ коалиціи готовился союзъ съ ненавистною ему французскою республикою. Съ вѣнскимъ дворомъ разрывъ былъ окончательный. Кобенцеля выслали изъ Петербурга, и при русскомъ дворѣ не дозволено было оставаться даже повѣренному въ дѣлахъ. Колычеву предписано было ѣхать на воды. Дѣлами русскаго посольства въ Вѣнѣ завѣдывалъ Клюпфельдъ. Въ то же время Павелъ Петровичъ сильно разгнѣвался на Англію, тѣсная связь съ которою, по мнѣнію Разумовскаго, была почти столь же необходима для Россіи, сколько и дружба съ Австріею. Мысль о союзѣ сѣверныхъ державъ снова выступила на первый планъ въ Петербургѣ, а рядомъ съ нею, на зло Англіи, рѣшено было возстановить вооруженный нейтралитетъ. Король шведскій явился въ Петербургъ на зовъ русскаго Императора, и между Россіею, Швеціею и Даніею заключена была конвенція, въ силу которой всѣ три державы обязывались защищать права нейтральныхъ государствъ, даже вооруженною силою. Взятіе Мальты англичанами и отказъ британскаго кабинета уступить ее Россіи, довели дѣло до открытаго разрыва. Воронцовъ былъ исключенъ изъ службы и на имѣніе его наложено запрещеніе. Всѣ англійскія суда въ русскихъ гаваняхъ были задержаны, и рѣшенъ былъ походъ на Индію, черезъ Хиву и Бухару. Англійскій флотъ явился въ Балтійскомъ морѣ. Слѣпая ненависть къ французской республикѣ уступила мѣсто, въ перемѣнчивомъ сердцѣ русскаго Государя, восторженному чувству къ Бонапарту. Въ Берлинѣ у графа фонъ-Гаугвица познакомился русскій посланникъ баронъ Крюднеръ съ представителемъ Франціи де-Бернонвилемъ и началъ съ нимъ переговоры о мирѣ. Ловкою и тонкою лестью, безвыкупнымъ возвращеніемъ русскихъ военноплѣнныхъ, обмундированныхъ за-ново на французскія деньги, и наконецъ уступкою, еще не взятой въ то время англичанами Мальты, съумѣлъ первый консулъ окончательно завладѣть сердцемъ впечатлительнаго русскаго Монарха. Генералъ Шпренгпортенъ отправленъ былъ въ Парижъ и принятъ тамъ съ отмѣнными почестями. Барону Крюднеру высланы были полномочія для переговоровъ о мирномъ союзѣ съ Франціею. Пруссія, не менѣе Франціи ненавистная Разумовскому, разыгрывала роль наперсницы Россіи. И Россія и Пруссія охотно уступали Франціи лѣвый берегъ Рейна, требуя только вознагражденій для тѣхъ германскихъ владѣтелей, земли которыхъ должны были отойти къ республикѣ. Вознагражденіе это легко

добывалось черезъ секуляризацію духовныхъ владѣній въ Германіи. Противъ этого протестовала одна только Австрія. Обѣщано было возстановленіе Голландіи, Швейцаріи, Піемонта и Неаполя. Павелъ Петровичъ заботился только о тѣхъ союзникахъ, которые остались ему вѣрными и желалъ сближенія съ Бонапартомъ на погибель сдѣлавшейся ему ненавистной Англіи, обѣщая не подписывать мира, пока островъ Мальта не возвращенъ будетъ ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго. Изъ Берлина переговоры переведены были въ Парижъ, куда приказано было спѣшить Колычеву съ собственноручнымъ письмомъ Павла Петровича къ Бонапарту.

А Австрія, между тѣмъ, разбитая при Маренго и уничтоженная подъ Гогенлинденомъ, униженно молила въ Люневилѣ о мирѣ. Тугутъ, другъ Разумовскаго, былъ отставленъ и сосланъ въ Пресбургъ. Кобенцель, по мѣрѣ силъ своихъ, защищалъ интересы своего несчастнаго отечества. 9 Февраля н. с., нѣсколько дней послѣ пріѣзда графа Андрея Кириловича въ Петербургъ, подписанъ былъ въ Люневилѣ миръ между Франціею и Австріею. Въ Петербургѣ на разгромъ Австріи смотрѣли какъ на справедливую кару за неблагодарность къ Суворову. „Malgré les injustices, la calomnie et la basse envie portée au généralissime“, писалъ къ опальному Воронцову Ростопчинъ, „la bataille de Marengo est le plus beau monument érigé à sa gloire. Sans la politique infernale de Thugut, le grand homme aurait vécu et scéllé l'oeuvre de la coalition [1])“.

На письменномъ столѣ Павла I, послѣ кончины его, найдена была бумага, на которой набросаны были мысли его относительно вознагражденій въ Германіи. Изъ нея мы видимъ, какая тѣсная связь существовала въ то время между Берлиномъ и Петербургомъ. Бумага эта дошла до насъ въ видѣ экстракта, составленнаго Разумовскимъ. Вотъ что гласитъ она [2]). „Sur le 1-er article, que le dernier rescrit à Krudener et la communication à Lusi [3]) ont déjà prévenu les intentions du roi de Prusse, et que c'est à lui que l'empereur a remis le soin d'arranger les indemnités à accorder aux princes lésés en Allemagne, d'après la constitution du saint empire. 2) Que le dédomagement du grand duc de Toscane, l'empereur en abandonnait entièrement le soin et l'arrangement à la Prusse, comme à la puis-

[1]) Архивъ князя Воронцова. VIII. 285.

[2]) Изъ архива князя Разумовскаго. Сверху помѣчено его рукою: „Cette note très curieuse a été redigée dans le cabinet de l'Empereur, sous sa dictée, peu de jours avant son décès, sous le titre de son plan définitif ou ultimatum, pour l'arrangement des affaires générales. Il l'a signée et fait contresigner par le comte de Pahlen, le prince Kourakine et plus bas Engel“.

[3]) Графъ Лузи, прусскій посланникъ въ Петербургѣ.

sance qui y est le plus intéressée. 3) Que S. M. I. trouve les acquisitions de la Erance sur la rive gauche du Rhin et les établissements faits en Italie parfaitement justes. 4) Que l'Empereur propose au roi de Prusse de se dédommager sur le Hanovre de ses cessions au de là du Rhin et réserve au Danemarck la ville de Hambourg. Qu'il était juste de ne pas oublier en vertu de tout ce qui avait été promis au duc de Wurtemberg, de lui donner l'évêché de Munster, Paderborn, Osnabrück et Hildesheim. Qu'il était non moins juste de donner également à l'élécteur palatin: Salzbourg, Bamberg, Würzbourg et Berchtolsgaden. Que les points ci-dessus énoncés sont l'opinion et l'ultimatum de S. M. I. Que S. M. se réserve l'île de Malte et n'a rien à objecter à l'établissement de la maison d'Orange. (Ajouté à la marge). Que quant aux capitaux anglais trouvés à Hambourg, ils seront partagés en quatre parties égales, entre les cours alliées, pour soutenir les principes de la neutralité armée".

Разумовскій былъ какъ растерянный среди всей этой новизны, которую онъ не понималъ и которая противорѣчила всѣмъ кореннымъ его убѣжденіямъ. Не знаемъ, какъ протекли для него послѣдніе дни царствованія Павла I. При открытомъ разрывѣ съ Австріею, рѣчи не могло быть ни о возвращеніи въ Вѣну даже частнымъ лицамъ, ни объ объясненіяхъ касательно прошлаго. Несомнѣнно однако, что графъ Андрей Кириловичъ не принималъ участія въ подпольныхъ интригахъ, въ которыя втянута была большая часть высшаго общества и гвардейскихъ офицеровъ. Ни въ однѣхъ запискахъ, ни въ одномъ изъ документовъ, относящихся до этой эпохи, не встрѣчаемъ мы имени Разумовскаго. Быть можетъ, онъ подозрѣвалъ то, что готовилось, но даже и это одно только предположеніе. 11 Марта 1801 года скончался Императоръ Павелъ Петровичъ. Внезапное событіе это произвело благопріятный переворотъ въ судьбѣ Разумовскаго.

ГЛАВА XVII.

Новое царствованіе. — Мирная политика. — Назначеніе Разумовскаго въ Вѣну. — Вопросъ о секуляризаціяхъ. — Конвенція съ Франціею. — Д'Антрегъ. — Столкновеніе съ Шампаньи. — Свиданіе въ Мемелѣ. — Дуэль Зубова.

Въ Петербургѣ воцареніе новаго Императора принято было съ восторгомъ. Прохожіе, по свидѣтельству современниковъ, обнимались на улицахъ какъ въ свѣтлый праздникъ. Государь обѣщалъ управлять по законамъ и сердцу великой Екатерины, „коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ“. Ссыльные и опальные толпами возвращались въ Петербургъ. У всѣхъ отлегло отъ сердца. Послѣ желѣзнаго и безтолковаго гнета, всѣ вздохнули свободнѣе.

„Les actions de notre nouveau maître sont frappées au coin de la sagesse, de la modération et d'une mesure étonnante pour son âge...“, писалъ къ Воронцову, поспѣшившій изъ Дрездена въ Петербургъ, при извѣстіи о воцареніи новаго Императора, графъ Кочубей. „Ses vues sont excellentes. Les mots d'utilité publique, du bien de la patrie sont sans cesse dans sa bouche, parcequ'ils sont depuis longtemps empreints dans son coeur... Rien n'a pris éncore une assiette solide... L'on voit par-ci par-là des gens qui s'imaginent, je crois que ce n'est pas par ordre de succession que l'Empereur est parvenu au trône, mais parceque l'on l'a bien voulu. Il me semble qu'il faudra en venir à un peu plus d'énergie... Au désespoir a succédé l'ivresse de la joie, du bonheur. Tout celà est un état violent et il faut bien de la mesure dans toute la marche du gouvernement... [1]). „Enfin notre patrie délivrée du joung insupportable sous lequel elle gémissait depuis quatre ans“, сообщалъ на другой же день послѣ воцаренія Александра Павловича, тому же Воронцову, двоюродный его племянникъ Дмитрій Павловичъ Татищевъ, „recouvre un Souverain qui s'annonce avec clémence... Nous avons tous l'air de renaître à une vie nouvelle. Les affreuses idées de cachots, de tortures, de proscriptions se sont dissipées, comme des fantômes effrayants, qu'un vain songe aurait enfanté. Elles ont fait place à l'espérance de la prospérité nationale et de la sûreté particulière, bonheur auquel il n'était plus permis de penser, pendant l'époque désastreuse qui a couvert notre pays de deuil et à miné ses ressources [2])“.

[1]) Архивъ князя Воронцова, XVIII. 238—241.

[2]) Тамъ же, XVIII. 351.

Въ Петербургѣ преобладало мирное настроеніе; всѣ опасались дальнѣйшаго вмѣшательства въ дѣла Европы, за которое Россія уже довольно дорого поплатилась. По мнѣнію совѣтниковъ новаго царя, необходимъ былъ долговременный покой для обновленія государственнаго строя. Юные наперсники Александра I намѣрены были обратить дѣятельность свою на внутреннія реформы. Они мечтали иностранными лекарствами залечить язвы родины и говорили, что считаютъ самыми опасными врагами Россіи тѣхъ, которые изъ честолюбія или же вслѣдствіе преданности къ разъ принятой системѣ, желали вовлечь отчизну въ новую войну [1]).

Сейчасъ же послѣ своего воцаренія, Александръ Павловичъ, въ письмѣ къ королю англійскому, выразилъ желаніе прекратить несогласія съ великобританскимъ дворомъ. О миролюбивомъ настроеніи Императора дано было знать командовавшему англійскимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ адмиралу Гайдъ-Паркеру. Захваченные въ русскихъ портахъ англійскіе корабли были освобождены, и графу Семену Романовичу Воронцову поручено было войдти въ соглашеніе съ с.-джемскимъ кабинетомъ касательно возобновленія дипломатическихъ сношеній. Относительно Франціи русское правительство рѣшило, даже въ томъ случаѣ, еслибы первый консулъ продолжалъ войну, держаться строгаго нейтралитета, спокойно выжидая того, что скажетъ будущее. Къ консульскому правительству относились нѣсколько недовѣрчиво. Государю казалось, что Бонапартъ заискивалъ у Россіи только въ видахъ союза противъ Англіи. Отъ дружескихъ сношеній съ республикою, однако, не отказывались и новый Императоръ готовъ былъ протянуть руку Бонапарту, если онъ на дѣлѣ доказалъ бы, что намѣренъ залечить раны Франціи и ввести твердый порядокъ въ ея внутреннемъ строѣ, не затрогивая при этомъ сосѣдей. На мѣсто недалекаго Колычева, который самъ просилъ объ отзывѣ, отправленъ былъ въ Парижъ старый другъ Разумовскаго, блестящій дипломатъ екатерининскаго времени, графъ А. И. Морковъ, изгнанный изъ службы Павломъ I. Ему поручено было заявить первому консулу, что въ возобновленіи дружественныхъ отношеній съ Англіею и Австріею не кроется ничего враждебнаго для Франціи, и въ то же время зорко слѣдить за тѣмъ, что будетъ происходить при новомъ консульскомъ дворѣ.

Дружескія сношенія съ Вѣною возобновились сейчасъ же послѣ восшествія на престолъ Александра I. Въ Вѣну отправленъ былъ нарочный курьеръ съ письмомъ отъ графа Палена къ австрійскому оберъ-гофмейстеру графу (впослѣдствіи князю) Траутмансдорфу, занявшему на время мѣсто отправленнаго въ Люневиль для мирныхъ

[1]) Тамъ же, XVIII, 241.

переговоровъ, графа Лудовика Кобенцеля. Въ письмѣ своемъ Паленъ выражалъ желаніе новаго Государя предать все прошлое забвенію и снова протянуть руку старому союзнику. Не ожидая болѣе оффиціальныхъ извѣщеній, императоръ Францъ написалъ Александру Павловичу дружеское собственноручное письмо. Вслѣдъ за этимъ отправленъ былъ въ Петербургъ—чрезвычайнымъ посломъ—князь Шварценбергъ, миролюбивыя объясненія котораго загладили память о прежнихъ неудовольствіяхъ. Въ Вѣну поѣхалъ изъ Петербурга, съ экстренною миссіею, посланникъ въ Гамбургѣ т. с. Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ. Ему поручено было возобновить между императорскими дворами дипломатическія сношенія и подготовить путь къ улаженію германскихъ дѣлъ. Несмотря на миролюбивое настроеніе, въ Петербургѣ опасались интригъ вѣнскаго двора. Изъ частныхъ писемъ было извѣстно—и это подтвердилъ Муравьевъ послѣ пріѣзда своего въ Вѣну—что партія Тугута была еще сильна, что онъ руководилъ изъ Пресбурга старымъ любимцемъ императора Коллоредо, и съ успѣхомъ боролся противъ враждебныхъ ему кружковъ, во главѣ которыхъ стояли императрица и эрцгерцогъ Карлъ. Предполагаемому вліянію Тугута на политику вѣнскаго кабинета слѣдуетъ приписать то, что на первыхъ порахъ не рѣшились возвратить Разумовскому прежняго его мѣста. Тѣмъ не менѣе, Андрей Кириловичъ былъ потребованъ ко двору для совѣщаній по политическимъ дѣламъ и онъ игралъ въ то время въ Петербургѣ видную роль. Пользовавшійся большимъ вліяніемъ на Императора, графъ Никита Петровичъ Панинъ подозрѣвалъ даже, что Разумовскій противъ него интриговалъ за-одно съ графомъ Кочубеемъ. Послѣдній, однако, отрекался отъ всякаго сообщничества съ бывшимъ посломъ [1]). Самъ Разумовскій нѣсколько испортилъ дѣла свои, представивъ Государю, семь дней послѣ восшествія его на престолъ, записку о политическомъ положеніи Европы и о той роли, которую, по мнѣнію его, должна была играть Россія. Записка эта по духу своему далеко не подходила подъ царствовавшее въ то время мирное вѣяніе и нѣтъ сомнѣнія, что она много способствовала къ удержанію Разумовскаго въ Петербургѣ въ то время, какъ онъ самъ только думалъ о томъ, какъ-бы скорѣе попасть въ Вѣну. Записка Разумовскаго, найденная нами въ его архивѣ, была слѣдующаго содержанія:

„S'il fallait présenter à S. M. l'Empereur un tableau de la politique de l'Empereur son père, cette tâche serait aussi pénible à remplir qu'elle deviendrait inutile dans son résultat. Pour la peindre en peu de mots, il suffit de dire, qu'elle a été marquée constamment par l'incohérance dans les combinaisons, une instabilité atrabilaire dans les me-

[1]) Тамъ же, XVIII, 250.

sures et une brusque alternative envers les cours étrangères, tantôt de bienveillance outrée ou de dédains humiliants, qui ont détruit la confiance et le respect que nous nous étions acquis à juste titre dans toute l'Europe. En considérant donc cette époque funeste comme une lacune déplorable dans les annales de notre politique, et afin d'en lier le système futur avec celui du règne glorieux de la grande Catherine, conformément au voeu que vient de manifester notre auguste Maître, il faut, ce me semble, fixer le principe qui doit servir de guide à notre cabinet dans ses relations avec les puissances européennes, et assurer par cela même le développement des avantages particuliers, qu'un grand empire comme le notre ne saurait perdre de vue, par rapport à ses propres intérêts, dans le but de maintenir la supériorité de dignité et d'influence à laquelle nos vastes ressources et notre position topographique nous donnent le droit de prétendre. C'est sous ce double point de vue que nous appartient le soin d'assigner entre les états de l'Europe ce contrepoids de forces et de moyens, qu'on appelle *la balance politique* [1]).

La révolution française, les guerres qu'elle a occasionnées, le peu d'accord entre les coalisés, enfin les revers qu'ont essuyés en dernier lieu les debris de cette coalition désorganisée, ont anéanti l'équilibre de cette balance politique. La France a doublé sa puissance et indépendemment des énormes acquisitions dont elle a accru son empire, elle s'est assujetie, par des formes nouvelles de gouvernement, en Italie et vers l'Allemagne les états intermédiaires, qui lui serviront de boulevard contre les grandes puissances, et mettront à sa dévotion celles du second rang. Pour rétablir l'équilibre, pour balancer la redoutable puissance des Français et donner à l'Europe un système solide de puissance et de tranquillité, il ne saurait plus être question de satisfaire toutes les prétentions subalternes, ni de morceler l'Europe en petites souverainetés. Il faut opposer de grandes masses à la monstrueuse masse de la France, et pour cet effet aucun système ne peut être plus salutaire que la triple alliance conclue dans les derniers temps du règne de l'Impératrice, entre les deux cours impériales et la Grande Bretagne, avec quelques modifications peut-être, que les circonstances postérieures à son origine auront pu rendre nécessaires. Nous nous verrions alors en mesure de dicter la loi à l'Europe et de restreindre l'ambition de la France, qui vraisemblablement ne le serait pas de nous contrarier, en recommençant une lutte que ses succès les plus brillants en dernier lieu faisaient supporter avec impatience à ses peuples épuisés. Nous serions également

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

à même de veiller, sur une autre puissance, satellite aveugle de la révolution française, et dont il importe que la politique dangereuse soit comprimée dans ses accroissements, afin d'en faire servir les progrès à l'équilibre général et non pas à l'égoisme de son ambition et de son implacable haine contre la maison d'Autriche, motifs qui la portent sans cesse et directement à affaiblir les liens de l'union germanique, tandis qu'indirectement, par la même raison elle tend à ébranler les bases du système de balance générale en Europe. Enfin, pour conclure l'énumération des avantages que nous aurions à nous promettre de cette triple alliance, je dirai qu'elle nous ramènerait sur les traces glorieuses de l'immortelle Catherine, par rapport au plân, dont la conception a étonné l'Europe et dont deux années de règne de plus eussent couronné les succès, en procurant à une branche de son auguste famille un des plus beaux trônes de l'univers, le plus ancien de la chrétienté, qu'il appartient à notre sceptre de rétablir et dont la conquête sublime, projetée et préparée par les travaux de l'Impératrice, deviendrait le trophée le plus brillant du règne de ses augustes petits fils.

Tel est l'apperçu très succint de la marche la plus simple, qu'il me semblerait convenable d'adopter pour sortir du labyrinthe politique dans lequel nous nous trouvons égarés. Les détails de ce système et de son éxécution, sous des rapports plus étendus, ne peuvent être appréciés et discutés que dans les médiations des ministres, auxquels S. M. I. daignera confier la direction de son cabinet et qui seront à même de combiner avec le passé les conjonctures actuelles et les unes et les autres avec les avantages les plus conformes aux intérêts et à la gloire de notre auguste Maître. St-Pétersbourg, le Mardi 19 Mars 1801".

Эта апологія Австріи, указывавшая на необходимость новой коалиціи, составлена была съ видимымъ стараньемъ поддѣлаться подъ духъ времени. Либеральныя мысли Александра Павловича и его сотрудниковъ не были тайною для Разумовскаго, и онъ тщательно избѣгалъ въ своей запискѣ обычныхъ ему выраженій: революціонная гидра, ужасы свободы и тому подобное. Тѣмъ не менѣе, пристрастіе къ Австріи и ненависть къ республиканской Франціи взяли верхъ надъ другими соображеніями и несомнѣнно повредили бывшему послу. На зло Разумовскому даже въ самой Вѣнѣ образовалась враждебная ему партія, которая взирала на него какъ на друга Тугута и старалась помѣшать его возвращенію. Органомъ партіи этой былъ нѣкто графъ д'Антрегъ, эмигрантъ, поступившій на русскую службу и состоявшій нѣкогда секретаремъ при посланникѣ въ Венеціи Мордвиновѣ. У австрійскаго правительства, во время министерства Тугута, д'Антрегъ былъ на весьма плохомъ счету. Его даже разъ задержали

въ Тріестѣ, и онъ, послѣ многихъ мытарствъ, съ трудомъ могъ добраться до Вѣны, благодаря выданному ему отъ Мордвинова паспорту. Донося объ этомъ случаѣ [1]) Императору Павлу Петровичу, Разумовскій въ депешѣ своей описывалъ д'Антрега какъ опаснаго и безпокойнаго интригана, вѣчно занятаго несбыточными проектами и способнаго лишь на то, чтобы перессорить дружественные дворы и некстати усложнять дѣла. Самъ Мордвиновъ, по свидѣтельству графа Андрея Кириловича, отрекся отъ бывшаго своего секретаря и считалъ его за негодяя. Таково не было, однако, общее о д'Антрегѣ мнѣніе. Въ Петербургѣ у него были сильные покровители и послѣ ссылки Разумовскаго, онъ разыгрывалъ въ Вѣнѣ довольно важную роль, отправлялъ депеши въ С.-Петербургъ, писалъ донесенія на высочайшее имя, напугивалъ с.-петербургскій кабинетъ извѣстіями о вліяніи Тугута и вообще бывалъ употребляемъ по разнымъ дипломатическимъ порученіямъ. И. М. Муравьевъ-Апостолъ былъ высокаго о немъ мнѣнія и. въ донесеніяхъ своихъ къ Государю [2]) упоминалъ о д'Антрегѣ, какъ о честномъ и достойномъ человѣкѣ, котораго слѣдовало-бы цѣнить и поощрять. Все это, несомнѣнно, дѣйствовало на Государя. Вѣроятно однако, что императоръ германскій настоятельно потребовалъ присылки Разумовскаго, такъ какъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя для послѣдняго вліянія, онъ все-таки снова назначенъ былъ 10 Мая 1801 года посломъ въ Вѣну. Въ Петербургъ отправленъ былъ на мѣсто Кобенцеля, занявшаго должность вице-канцлера, графъ Францъ-Іосифъ фонъ-Сорау [3]).

Графа Андрея Кириловича продержали однако въ Петербургѣ до осени и отпустили только тогда, когда весь дворъ отправился на коронацію въ Москву. Разумовскій при торжествахъ вѣнчанія на царство не присутствовалъ, онъ дорогой заѣхалъ въ Батуринъ, гдѣ въ послѣдній разъ свидѣлся съ отцомъ и черезъ Броды, 19 Сентября, достигъ Вѣны. Передъ отъѣздомъ своимъ Андрей Кириловичъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему жалованья за все время пребыванія своего въ Батуринѣ и Петербургѣ. Онъ объяснялъ свою просьбу тѣмъ, что своихъ отзывныхъ грамотъ германскому императору не представлялъ, что числился все время въ отпуску и что Колычевъ былъ назначенъ посломъ только ad interim. Вслѣдствіе этого, домъ Разумовскаго въ Вѣнѣ оставался на прежней ногѣ, прислуга не распускалась и издержки ложились на посла тяжелымъ бременемъ. Въ отвѣтъ на ходатайство Андрея Кириловича воспослѣдовало высочайшее повелѣніе: „въ вознагражденіе понесенныхъ убытковъ при отдаленіи отъ миссіи въ 1799 г.,

[1]) Донесеніе отъ 3 Октября 1797.

[2]) Донесеніе отъ 24 Іюля 1801 г.

[3]) Графъ Сорау (Saurau) впослѣдствіи государственный канцлеръ и министръ внутреннихъ дѣлъ р. 1760, † 1832.

пожаловать графу Разумовскому, по старому штату, посольское годовое жалованье съ добавленіемъ вексельнаго курса [1]).

Несмотря на враждебную ему партію, Разумовскій былъ принятъ въ Вѣнѣ съ восторгомъ. Его нетерпѣливо ожидала жена, многочисленные ея родственники и приверженцы Тугута. Къ нимъ примкнула вся вѣнская знать, соскучившаяся по гостепріимномъ дипломатѣ и успѣвшая уже забыть недавнія свои ругательства противъ павшаго министра и его сторонниковъ. Теперь въ Андреѣ Кириловичѣ видѣли только хлѣбосола, въ роскошныхъ палатахъ котораго можно будетъ хорошо пообѣдать и повеселиться. Муравьевъ-Апостолъ поспѣшилъ сдать дѣла и уѣхать изъ Вѣны, а Разумовскій немедля просилъ аудіенціи у императора. „Conformement à l'étiquette d'usage à cette cour", доносилъ онъ отъ 2 Октября Государю, „m'étant fait annoncer chez le vice-chancelier d'empire, prince de Colloredo et le vice-chancelier de cour et d'état comte de Cobenzl, les visites réciproques avec ces deux ministres, pour leur remettre les copies de mes lettres de créance, ont eu lieu Dimanche dernier, d'après le cérémonial établi. S. M. l'empereur habitant encore Laxenbourg, j'y ai envoyé sur le champ mon maître de cérémonie pour annoncer au grand chambellan comte Colloredo mon arrivée, et solliciter d'être admis à l'audience de son souverain. Quoique S. M. n'en donne d'ordinaire que les mercredi, il m'a été répondu, que, par une distinction particulière, les miennes auraient lieu hier mardi à son appartement ici en ville. J'y fus introduit par le grand chambellan, comme il est de coutume à l'égard des ambassadeurs, et lorsque j'eus l'honneur de présenter la lettre de V. M. I., j'accompagnai cette première fonction du poste, dont vous avez daigné m'honorer, Sire, en exprimant à ce monarque, ainsi que V. M. I. me l'a ordonné, la vive satisfaction qu'elle ressentait de voir l'ancienne intimité rétablie entre les deux cours, la confiance qu'elle mettait dans l'élévation des sentiments de son allié et le soin qu'elle apporterait à saisir chaque occasion de la convaincre des siens. L'empereur a reçu ces assurances avec une sensibilité d'autant plus vive, qu'il les considérait comme le retour le plus flatteur et le plus précieux des sentiments qu'il a voués a V. M. I. En me chargeant d'en transmettre le témoignage à V. M. I., il m'a ajouté, que pénétré d'attachement pour son auguste personne, il saisirait avec autant d'empressement que de satisfaction tout ce qui pourrait concourir à resserrer les liens qui unissent son coeur et ses intérêts à ceux de V. M. I. [2])".

[1]) Государственный архивъ. Сношенія съ Вѣною 1801, № 13.

[2]) Государственный архивъ. Сношенія съ Вѣною 1801. Такъ какъ всѣ послѣдующія донесенія и депеши Разумовскаго заимствованы нами изъ того же источника, то дальнѣйшія сноски безполезны.

Состоянiемъ политическихъ дѣлъ Разумовскiй остался, по прiѣздѣ своемъ, недоволенъ. Составъ министерства былъ новый. Тугутъ былъ въ изгнанiи, а безъ него послу казалось, что все идетъ вкривь и вкось. Не смотря на это, графъ Андрей Кириловичъ воздерживался отъ всякаго сношенiя съ бывшимъ своимъ прiятелемъ. Ему извѣстно было царствовавшее въ Петербургѣ противъ Тугута предубѣжденiе. Падшiй министръ жилъ въ опалѣ въ Пресбургѣ, продолжая, какъ увѣряли многiе, руководить дѣйствiями преданнаго ему князя Коллоредо. Разумовскiй тщательно избѣгалъ сношенiй даже съ тѣми лицами, которыя ѣздили навѣщать Тугута. Понятно, что все это было ему не легко. Къ тому же, общее настроенiе высшаго вѣнскаго общества сильно измѣнилось. Прежнее озлобленiе противъ Францiи исчезло. Пожизненное консульство Бонапарта возбудило къ нему общее сочувствiе. Въ столицѣ германской имперiи забыли о ранахъ, нанесенныхъ Австрiи полководцемъ, котораго отовсюду привѣтствовали теперь, какъ мудраго и твердаго правителя, съумѣвшаго возстановить спокойствiе во Францiи и сокрушить ужасавшiй Европу призракъ революцiи. Все это возмущало графа Андрея Кириловича. Онъ на обновителя Францiи продолжалъ смотрѣть какъ на счастливаго выскочку, и не мало желчи накипало у него на сердцѣ при видѣ, какъ передъ этимъ новымъ любимцемъ счастья преклонялись и какъ у него заискивали земные владыки. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на появленiе въ Вѣнѣ республиканскаго посла и съ ужасомъ думалъ о томъ, что со дня на день состоится мирный договоръ между Россiею и Францiею. Извѣстiй изъ Петербурга онъ не получалъ, а это также не мало его безпокоило и разстроивало. Чувствъ своихъ Разумовскiй не рѣшался прямо выражать, но онѣ сквозили въ депешахъ, отправляемыхъ имъ въ Петербургъ.

„Je ne saurais m'empêcher“, писалъ онъ шифромъ, отъ 9 Октября, къ графу Никитѣ Петровичу Панину, „de faire à v. e. l'apologie de mes dépêches. J'ai trouvé ici une organisation toute nouvelle dans le ministère, une marche bien lente dans les affaires, un caractère de timidité et d'irrésolution, qui tient à des causes que le temps ne m'a point encore permis d'approfondir suffisamment, pour en présenter avec quelque assurance le tableau à notre auguste Maître“.

Извѣстiе о мирномъ трактатѣ, подписанномъ въ Парижѣ между Россiею и Францiею, вслѣдъ за которымъ была заключена обоими правительствами секретная конвенцiя и инструкцiи, отправленныя Государемъ къ послу, не могли разсѣять его внутренняго недовольства. Инструкцiи эти, подписанныя въ Москвѣ, во время празднествъ коронацiи, отзывались либеральными тенденцiями, которыя ему были непонятны и несочувственны. Къ тому же онѣ выражали недовѣрiе къ

Разумовскому и боязнь, какъ бы онъ не подпалъ подъ вліяніе Тугута. Содержаніе этихъ инструкцій было слѣдующее:

„M. l'ambassadeur comte de Rasoumovsky", гласилъ высочайшій рескриптъ. „La confiance que vous avez su inspirer à la cour de Vienne pendant votre première ambassade, me persuade qu'en vous rétablissant à ce poste, j'éloignerai tout ce qui pourrait apporter quelque entrave à l'union qui doit régner entre les deux cours impériales, autant pour leur intérêt réciproque, que pour le bien public et la sûreté de l'Europe. C'est à ce but que tendent tous mes efforts; vous appeler à y concourir, c'est offrir à votre émulation le prix le plus flatteur; mais avant de vous tracer ce que j'attends de votre zèle et de votre dévouement au service de l'état, il importe de vous faire connaître les principes, sur lesquels se fonde mon système politique. Une grande puissance, quand elle est éclairée par la justice, peut agir ouvertement et abandonner la ruse, qui est le masque de la faiblesse, à ceux qui ne peuvent compter sur leurs propres moyens. Chargés des intérêts d'un grand empire, mes ministres agiront donc avec fermeté et loyauté; mais ils ne doivent point perdre de vue que leur Souverain ne voudra jamais abuser de sa puissance, qu'il respecte les droits des gouvernements et la dépendance des nations, autant qu'il veillera à faire respecter ceux de son empire, et que son voeu le plus cher est pour le rétablissement d'une paix aussi solide, que peut l'être l'ouvrage des hommes. Eloigné autant par mes principes que par mon penchant naturel à tout projet de conquête et d'agrandissement, persuadé que cette ambition doit être étrangère au souverain d'un vaste empire, comblé des plus grands bienfaits de la nature, qui renferme dans son propre sein toutes les sources de la félicité publique, avec tous les éléments de la force et de la puissance, si je fais usage des armes qu'elle me donne, ce ne sera que pour repousser une injuste agréssion et protéger mes peuples. Je ne prendrai jamais part aux dissensions intestines qui agiteraient d'autres états, et quelle que soit la forme du gouvernement que les nations se donnent par le voeu public, elles peuvent maintenir une parfaite intelligence avec mon empire, pourvu que le même esprit d'équité les dirige à mon égard.

En montant sur le trône, je me suis trouvé lié par des engagements politiques, dont plusieurs étaient en opposition manifeste avec les intérêts de l'état et quelques-uns incompatibles avec la position géographique et les convenances réciproques des parties contractantes. Voulant néanmoins donner l'exemple, trop rare, du respect à la foi publique, je me suis imposé la charge onéreuse de remplir ces engagements, autant qu'il est en mon pouvoir, ou que la loi imprescriptible et sacrée du bien de mes peuples m'en laissait la faculté. C'est ainsi que l'Eu-

rope m'a vu prêt à soutenir mes alliés par la voie des armes, dans une cause étrangère à mon empire, mais qui lui été devenue commune avant mon règne. Quand le Ciel a beni mes efforts pour terminer ces différends à l'amiable, les intérêts de ces mêmes puissances ont été ménagés dans les négociations de mon cabinet... Si je pense que la véritable grandeur, qui doit faire l'apanage du trône, se fonde sur la justice et la bonne foi, je suis également convaincu que la fermeté doit l'accompagner et, par une suite de la maxime exposée ci-dessus, toute atteinte aux droits de mes peuples et de ma couronne, toute infraction aux engagements contractés avec l'empire que la Providence m'a confié, mettra un terme au système de modération que je me suis tracé. On ne saurait prétendre que cette manière de penser soit connue dans les premiers mois de mon règne des puissances étrângères, c'est pourquoi j'ai jugé à propos de la developper dans ces instructions... [1])".

...L'impératrice [2]), Thugut et l'archiduc Charles—c'est entre eux que se partage l'état. L'ex-ministre [3]), quoique absent, fait mouvoir Colloredo et par lui influence toutes les délibérations du cabinet. Vous avez été témoin des désastres, dans lesquels il a entrainé la monarchie autrichienne par son obstination, sa politique astucieuse et l'absurde prétention de vouloir gouverner exclusivement dans toutes les parties de l'administration publique. Son caractère violent, et la passion qui le domine dans toutes les affaires, éloigneraient d'ailleurs toute confiance, quand même il ne serait pas la première cause de l'épuisement où l'Autriche est réduite. A moins que le baron de Thugut ne réussisse à rentrer dans le ministère, et tant qu'il ne participera à ses délibérations que par son ascendant sur le comte de Colloredo, toute communication avec lui serait contraire à mes intentions, et j'exige que vous mettiez le soin le plus assidu à écarter son influence dans les affaires qui se traiteront entre les deux cours impériales. Comme leur succès dépendra essentiellement de l'issue des intrigues qui agitent tous les esprits à Vienne, il faudra m'instruire dans le plus grand détail de ce qui peut y avoir rapport, et particulièrement à la lutte entre l'archiduc Charles et le comte de Colloredo... [4]). On peut attendre des ré-

[1]) Далѣе слѣдуетъ изложеніе политическихъ отношеній Россіи къ главнымъ европейскимъ державамъ, по которому составленъ нами выше очеркъ первыхъ мѣсяцевъ царствованія Александра I.

[2]) Отъ изложенія внѣшней политики Государь переходитъ къ описанію внутренняго состоянія Австріи, гдѣ придворныя интриги, по мнѣнію его, могли помѣшать сближенію съ Россіею.

[3]) Тугутъ.

[4]) За симъ слѣдуетъ бѣглый очеркъ отношеній между Россіею и Пруссіею.

sultats satisfaisants pour la tranquillité future de l'empire germanique, si la cour de Vienne persiste dans la sage détermination d'imposer silence à cette funeste jalousie [1]), qui a empêché jusqu'ici une conciliation si désirable et si utile... Mes soins pour le rétablissement de la tranquillité générale ne pourront être que faiblement secondés et le négociateur chargé de mes intérêts en France, devra se borner à observer le tapis, jusqu'à ce que des circonstances plus propices permettent l'usage de moyens plus efficaces.

...Mon con. pr. act. le comte de Markoff, vient de se rendre à Paris, pour y activer les négociations. Il y remplacera m. de Kolytsheff, qui a désiré son rappel... Celui qui va être chargé des négociations avec la France, a ordre d'entretenir une correspondance suivie avec vous. Le bien de mon service exige que vous lui fournissiez toutes les lumières qui peuvent lui être utiles. La longue expérience qu'il a acquise, permet de confier à sa discrétion tout ce que vous jugez digne d'être incéré dans vos rapport en cour... Une des bases de mon système politique est de concourir de tous mes moyens à la conservation d'un état, dont la faiblesse et la mauvaise administration sont des gages précieux de sécurité [2]). Il résulte du tableau que je viens d'esquisser que c'est avec les cours de Vienne, de Londres et de Berlin que l'intérêt général, aussi bien que ceux de mon empire me porte à désirer une solide union".

„Les explications étendues que je vous ai données dans la présente, sur l'etat actuel de mes relations avec les différentes cours de l'Europe, vous donneront toutes les facilités que vous pourriez désirer pour votre début à la cour de Vienne, et l'usage que vous en ferez pour le bien de mon service, me fournira sans doute des lumières très utiles pour les opérations ultérieures de mon cabinet. Lorsque vous serez admis à l'audience de l'empereur, pour lui présenter la lettre de créance ci-incluse, vous lui exprimerez dans les termes les plus affectueux la vive satisfaction que je ressens, de voir l'ancienne intimité rétablie entre les deux empires... Il ne me reste qu'à faire des voeux, pour que l'humanité souffrante retire tout le fruit, qu'elle a droit d'attendre de cette heureuse union et que le nouveau système politique, qui doit être le résultat de la pacification générale, garantisse la sûreté et l'indépendance des états ebranlés. En concourant à cette oeuvre salutaire par le succès de la mission importante qui vous est confiée, vous aurez acquis les plus grands titres à la réconnaissance publique, et il me

[1]) Къ Пруссіи.
[2]) Турція.

sera très agréable d'unir ce sentiment à celui de la sincère estime que je vous porte".

Понятныя опасенія Государя за живое кольнули уже и такъ разстроеннаго Разумовскаго. Напоминанія, касательно Тугута, тѣмъ болѣе его обидѣли, что онъ, какъ мы видѣли выше, тщательно избѣгалъ всякаго сношенія съ бывшимъ своимъ пріятелемъ.

„Je supplie V. M. I.", писалъ онъ отъ 16-го Ноября въ отвѣтъ на рескриптъ, въ концѣ длиннаго донесенія, начало котораго приводимъ ниже, „de permettre que je dépose à ses pieds l'expression des sentiments qui m'ont constamment guidé dans la longue carrière, de zèle et de dévouement que jai eu le bonheur de consacrer au service de mes maîtres. Jaloux de justifier la confiance, dont L. L. M. M. daignaient m'honorer dans les affaires, je l'étais également de mériter leur auguste suffrage, dans tout ce qui avait rapport à la considération et à la dignité du poste distingué dont je suis revêtu. Il était conforme sans doute à ce principe, de captiver la confiance et de rechercher l'intimité des personnes chargées ici de la direction des affaires. Ja l'ai suivi, Sire, ce principe et avec succès, lorsque le baron de Thugut était à la tête du ministère et l'organe unique des volontés de son souverain. Aujourd'hui mon devoir me dicte une autre conduite; l'adoptant avec le même zèle, j'y obéis si scrupuleusement que je me suis abstenu même de la plus légère mention de politesse à l'égard du baron de Thugut par les personnes, qui vont et viennent fréquemment entre ici et Presbourg. Cependant mes relations avec lui ont été représentées à S. M. l'Empereur defunt comme partiales. Il m'aurait été aisé de démontrer le contraire, si S. M. avait eu la bonté de le permettre, et il me serait infiniment plus douloureux aujourd'hui, Sire, si une impression aussi injuste pouvait avoir laissé quelques traces dans l'esprit de V. M. C'est à ce titre que je la supplie de pardonner l'explication dans laquelle j'ai pris la liberté d'entrer. Quant à l'influence actuelle du b. de Thugut, quelque peine que je me suis donnée pour la constater, il m'est impossible de prononcer ni pour, ni contre. MM. de Colloredo et Cobenzl m'ont juré et protesté qu'il n'en avait aucune. Je sais que l'empereur l'a assuré de même dans sa famille; si elle a lieu—c'est fort en secret et vraisemblablement dans les circonstances embarassantes seulement, et non pour le courant des affaires. Au surplus si elle existe, le mystère qui l'accompagne est une nouvelle preuve qu'elle est condamnée désormais pour toujours, à se dérober à l'éclat et à l'évidence. Le b. de Thugut joint à de grandes qualités, à des talents supérieurs, a un caractère énergique, des défauts éminents, qui ont été cause de grands désastres et lui ont attiré une inimitié sans exemple, peut-être, dans ce pays-ci. Cette disposition générale l'exclût à jamais du ministère, et je

regarde comme impossible qu'il y rentre. Depuis la nouvelle organisation, dont l'établissement a précédé de quelques jours mon arrivée, les affaires ont une marche assez régulière, qui semble avoir amorti les intrigues et les cabales. L'Archiduc jouit toujours de l'attachement et de la confiance que lui porte le public, et il participe à toutes les branches de l'administration dans leur rapport à la conférence qui se tient chez l'empereur, mais il s'occupe plus particulièrement de la partie militaire. Il y prépare de grands changements, et on croit généralement qu'à cet égard les pertes et les malheurs occasionnés par la guerre, seront sagement et bientôt réparés. Mais il n'en est pas ainsi pour ce qui regarde les finances. Le prix de l'argent baisse journellement, le numéraire diminue, la cherté des denrées augmente et on n'entend parler d'aucune mesure qui y remédie....“

Разумовскій былъ, очевидно, обиженъ и недоволенъ. Къ тому же положеніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ внушало ему серьёзное опасеніе. Надъ Германіею висѣлъ темный и запутанный вопросъ о вознагражденіяхъ и секуляризаціяхъ, угрожавшій Австріи новыми несчастіями. Графъ Андрей Кириловичъ чувствовалъ, что гегемонія Франціи надъ Европою—несомнѣнный фактъ и съ озлобленіемъ слѣдилъ за дѣйствіями берлинскаго кабинета, который ловко пользовался обстоятельствами для собственныхъ выгодъ. На горе послу, въ этой-то именно ловкости теперь, какъ и прежде, ощущался сильный недостатокъ среди министровъ ослабленной и униженной Австріи.

Вопросъ о секуляризаціяхъ возникъ впервые во время вестфальскаго мира. Онъ снова попалъ на очередь въ послѣдніе мѣсяцы жизни Екатерины. Въ Базелѣ, во время мирныхъ переговоровъ между Пруссіею и Франціею, тайно постановлено было приступить къ секуляризаціи нѣкоторыхъ германскихъ духовныхъ княжествъ съ цѣлью вознаградить Пруссію за отходившія отъ нея владѣнія. Во время переговоровъ въ Леобенѣ и позднѣе, при заключеніи кампоформійскаго мира, опять заговорили о секуляризаціяхъ, и онѣ стали предметомъ безплодныхъ негосіацій въ Раштатѣ. Оставленный, послѣ расторженія раштатскаго конгресса, вопросъ этотъ снова всплылъ въ Люневилѣ. Вслѣдствіе послѣдняго трактата, заключеннаго между Австріею и Франціею, весь лѣвый берегъ Рейна, отъ Базеля и до Голландіи, отходилъ къ республикѣ со всѣми княжествами, герцогствами, графствами и прочаго именованія имперскими ленами. Почти всѣ германскіе владѣтели теряли большія территоріи. Всѣ были недовольны, всѣ требовали вознагражденія. Три духовныхъ курфюрста: архіепископы майнцскій, трирскій и кёльнскій лишались почти всѣхъ своихъ владѣній. Рѣшено было вознагражденій искать среди духовныхъ имуществъ, которыми изобиловалъ весь юго-западъ Германіи. Принятое въ Люне-

вилѣ рѣшеніе подтверждено было и въ Аміенѣ, во время заключенія мира между Англіею и Франціею. Надежда легкой наживы возбудила алчность нѣмецкихъ владѣтелей, особенно когда къ землямъ, находившимся подъ управленіемъ духовныхъ особъ, рѣшено было присоединить 49 богатыхъ имперскихъ вольныхъ городовъ. Каждый изъ германскихъ властителей выступалъ впередъ съ непомѣрными требованіями. Но дѣло усложнялось тѣмъ, что первыми кандидатами на вознагражденія являлись, съ одной стороны, духовные же владѣтели, а съ другой—лица не имѣвшія до сихъ поръ никакихъ правъ на германскую территорію. То были: во-первыхъ, обездоленные въ Италіи австрійскіе эрцгерцоги, которыхъ поддерживалъ вѣнскій дворъ, а во-вторыхъ — бывшій штатгальтеръ голландскій, принцъ Оранскій, который нашелъ себѣ подпору въ родственномъ домѣ Гогенцоллерновъ.

Такимъ образомъ, приходилось съ одной стороны удовлетворять притязаніямъ тѣхъ лицъ, юридическое существованіе которыхъ полагалось упразднить, а съ другой выкраивать новыя государства изъ земель, на которыя разомъ заявляли свои притязанія почти всѣ царствовавшіе германскіе дома. Несмотря на то, что много духовныхъ владѣній было секуляризовано во время вестфальскаго мира, они все еще, въ началѣ настоящаго столѣтія, составляли почти шестую часть всей германской имперіи. Ежегоднаго дохода насчитывали съ нихъ до пятидесяти милліоновъ флориновъ. Рядомъ съ курфюрстами-архіепископами, насчитывались еще сотни епископовъ, прелатовъ и аббатовъ, владѣвшихъ богатыми ленами и подчинявшихся одному только императору германскому. Эти духовныя владѣнія играли важную роль въ Германіи и входили въ самую суть ея государственнаго строя. Кромѣ запутаннаго финансоваго вопроса, упраздненіе духовныхъ владѣній представлялось еще для систематичныхъ консерваторовъ-нѣмцевъ почти неразрѣшимою нравственною задачею. Существованіе этихъ владѣній придавало всему государственному строю Германіи чисто-католическій оттѣнокъ. Изъ восьми курфюрстовъ, избиравшихъ германскаго императора, шестеро были католиками. Во-первыхъ, три мірскихъ курфюрста: самъ императоръ какъ представитель Богеміи, курфюрстъ пфальцскій — какъ представитель Баваріи и Пфальца—и курфюрстъ саксонскій. Во-вторыхъ, три курфюрста духовныхъ: князья-архіепископы майнцскій, кёльнскій и трирскій, изъ которыхъ первый былъ канцлеромъ имперіи и предсѣдательствовалъ на сеймѣ. Такимъ образомъ, въ курфюрстской коллегіи большинство было чисто-католическое. То же самое было и во второй княжеской коллегіи, благодаря множеству засѣдавшихъ въ ней католическихъ епископовъ и аббатовъ. Всѣ эти духовные владѣтели находились въ тѣсной связи, съ такъ-называемымъ независимымъ или вѣрнѣе непосредственнымъ (reichsunmittelbar) дворян-

ствомъ, признававшимъ государемъ одного только римскаго императора и пользовавшимся съ-поконъ вѣка правомъ избирать изъ среды своей духовныхъ владѣтелей. Этимъ, вѣками освященнымъ строемъ держалась германская имперія и на немъ зиждились сила и величіе Габсбургскаго дома. Домъ этотъ былъ природнымъ представителемъ католическаго большинства, которое постоянно избирало въ императоры римскіе наслѣдственнаго короля Богеміи и Венгріи. Съ уничтоженіемъ духовныхъ владѣній, разомъ разрушался внутренній строй имперіи, и отъ католической Австріи большинство переходило въ руки ненавистной протестантской соперницы. Вся выгода была на сторонѣ Пруссіи. Въ Вѣнѣ, однако-же, не вполнѣ сознавали важность данной минуты. Австрійское правительство, по обыкновенію, отуманено было страстью къ пріобрѣтеніямъ. Оно требовало богатыхъ вознагражденій для своихъ эрцгерцоговъ и неудовлетворенное тѣмъ что ему уступали, желало еще поживиться на счетъ Баваріи. Изъ Вѣны требовали сохраненія прежнихъ духовныхъ курфюршествъ, братъ императора даже разомъ принялъ два избранія на опустѣвшіе кёльнскій и мюнстерскій троны-каѳедры, а въ то же время австрійскіе министры и слышать не хотѣли объ уступкѣ земли изъ будущей добычи въ пользу обездоленныхъ духовныхъ владѣтелей. Съ своей стороны Пруссія, Виртембергъ, Ганноверъ и другія сѣверныя германскія государства, стремившіяся нетолько къ обильной наживѣ, но еще къ окончательному преобладанію въ строѣ имперіи протестантскаго элемента, не соглашались на новыя уступки въ пользу Австріи и требовали безусловнаго уничтоженія духовныхъ курфюрстовъ. Регенсбургскій сеймъ очевидно не въ состояніи былъ рѣшить трудной задачи. Въ то время, какъ тамъ разглагольствовали нѣмецкіе риторы, германскіе князья, министры, представители вольныхъ городовъ, делегаты отъ германскихъ военныхъ орденовъ и выборные отъ непосредственнаго дворянства, толпились въ парижскихъ переднихъ, изгибаясь передъ первымъ консуломъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ Талейраномъ. Всѣ они заранѣе предугадывали, что отъ перваго консула зависѣть будетъ окончательное рѣшеніе запутаннаго вопроса. Графъ Филиппъ Кобенцель, австрійскій посолъ въ Парижѣ, не отставалъ отъ другихъ. Но въ то же время вѣнскій дворъ усердно ухаживалъ и за Россіею. Слухи о мирномъ трактатѣ, подписанномъ въ Парижѣ 8-го Октября новаго стиля, успѣлъ дойти до Вѣны еще ранѣе оффиціальной о томъ депеши, полученной Разумовскимъ и въ столицѣ Австріи не безъ основанія опасались, какъ бы рядомъ съ обнародованнымъ документомъ не существовало секретной конвенціи относительно устройства германскихъ дѣлъ.

„Guidée par une confiance sans reserves envers le plus respectable

de ses alliés“, доносилъ Государю, отъ 12 Октября, Разумовскій, „en lui soumettant ses délibérations .et ses démarches, c'est sur sa sagesse que l'Autriche fonde l'espoir de ramener la tranquillité générale à la suite des malheurs d'une guerre, qui laisse tous les états dans l'agitation et l'inquiétude, à l'égard du sort qui les attend. Tel est, Sire, le principe, dont le cabinet de Vienne n'a cessé de m'entretenir depuis que je suis ici, et qu'il adopte pour base invariable de son système politique. Sans m'étendre ici sur les participations que le comte de Saurau a ordre de faire à St.-Pétersbourg, et dont je n'ai eu connaissance que verbalement de la part du vice-chancelier c-te de Cobenzl, j'observerai, Sire, que la sensation produite ici par la double signature des préliminaires avec l'Angleterre [1]) et du traité avec V. M. I. n'a pû être que très profonde. On ignore jusqu'ici, comme j'ai eu l'honneur de le dire précédemment, toute stipulation relative au dernier de ces actes, et quand au premier, on a tout lieu de conjecturer qu'il en existe d'autres, que celles qui ont été publiées. L'attention, l'intérêt, les appréhensions mêmes de cette cour-ci, se portent principalement sur la destinée future des états de l'empire germanique et de l'Italie. Toutes les notions directes et indirectes concourent à constater le dessein du premier consul de réunir le Piémont à la France. Il est trop jaloux de dominer en Italie, il y trouve trop de facilités pour ne pas en profiter, et à l'appui de cette conjecture on apprend qu'il est à la veille de prendre possession en Suisse du pays de Vaud et d'autres districts qui peuvent être à sa convenance pour assurer les communications avec l'Italie. Dans les principes révolutionnaires l'état de paix et de négociation a toujours été pour la France une époque d'agrandissement, et il est fort à présumer que malgré les formes monarchiques qu'affecte le consul, il n'a pas changé de système. Celui que les évènements assigneront au corps germanique est le second objet de sollicitude de cette cour-ci. Les principes qui la dirigent ont déjà été exposés au ministère de V. M. I. En adoptant pour base fondamentale de conserver, autant que possible, la constitution, elle en dérive le maintien des 3 électeurs ecclésiastiques. Dans les dédommagements qu'elle aurait à proposer pour les pertes qu'ils ont essuyé de l'autre côté du Rhin, elle croit s'être restreinte aux termes de la modération la plus équitable. Elle pense qu'on pourrait assigner à l'électeur de Mayence le pays de Fulde, à celui de Cologne l'évêché de Munster. Mais dans le cas où V. M. I. jugerait dans sa sagesse que les deux électeurs susmentionnés dussent se borner aux possessions purement et simplement qui leur restent sur la rive droite, cette cour-ci acquiescerait sans balancer à un pareil arran-

[1]) Аміенскій миръ

gement. Quant à l'électeur de Trêves, la localité de ses possessions étant comprises sur la rive gauche, on croit ici indispensable qu'il en soit indemnisé et l'évêché de Würzbourg, du moins en partie, paraiterait convenir à cet objet. Le pays de Bamberg serait destiné à compenser quelques unes des pertes de la maison palatine. A l'égard des négociations particulières avec cette dernière, le c-te de Saurau sera également mis à même d'en rendre compte.

...Il me reste à ajouter, Sire, par rapport à la double élection qui a eu lieu en faveur de l'archiduc Antoine à l'électorat de Cologne et à l'évêché de Munster, que le ministère ici m'a répété maintes fois la protestation, que S. M. l'empereur ne l'avait nullement recherchée et n'y attachait aucune importance, qu'il était prêt à y renoncer même, si cela devenait nécessaire et que dans cette vue l'archiduc différait de l'accepter, pourvu que les électeurs ecclésiastiques soient maintenus conformement au principe énoncé ci-dessus. Le c. de Cobenzl m'a fait part de l'avis qui lui était parvenu de Berlin, que les ministres du roi répandaient, que cette cour-ci avait travaillé à obtenir la dignité électorale pour l'archiduc afin de lui assurer lors des sécularisations un dédommagement pécuniaire...

Не даромъ въ Вѣнѣ безпокоились. Три дня послѣ заключенія мирнаго трактата, 11-го Октября н. ст. 1801 года, графомъ Морковымъ подписана была тайная конвенція, въ силу которой Франція и Россія рѣшили сообща (d'un parfait accord) распредѣлить вознагражденія между германскими владѣтелями, устроить дѣла итальянскія, употребить зависящія отъ нихъ средства къ водворенію общаго мира на условленныхъ основаніяхъ, возстановить равновѣсіе въ различныхъ частяхъ свѣта, обезпечить свободу мореплаванія, обѣщая дѣйствовать за-одно убѣжденіемъ и силою для блага человѣчества, общаго спокойствія и независимости державъ [1]). Конвенція была составлена въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, которыя доставили Бонапарту полную возможность дѣйствовать почти независимо. Родственные Россіи дворы баденскій и виртембергскій должны были получить, въ силу конвенціи, значительныя прирѣзки. Съ Пруссіею консулъ покончилъ дѣло еще до заключенія мирнаго трактата съ Россіею. Хитрый маркизъ Луккезини не покидалъ передней Талейрана и ловко интриговалъ въ пользу Пруссіи. Изъ Петербурга предписано было Разумовскому, которому не сообщили однако о заключеніи тайной конвенціи, всѣми силами стараться о сближеніи между Берлиномъ и Вѣною. Дѣло было трудное, и послу оно было не по сердцу, такъ какъ онъ питалъ къ Пруссіи самыя недружелюбныя чувства.

[1]) Богдановичъ. Исторія царствованія Императора Александра I. I, 312—313.

„Lorsque les ordres de V. M.", доносилъ онъ въ депешѣ, начало которой мы привели выше, „me mirent à même d'expliquer en développant les maximes qui l'ont guidée et les combinaisons d'intérêts qu'elle jugeait à propos de faire servir à l'établissement d'un nouveau système politique en Allemagne, on me témoigna la consternation la plus profonde touchant l'extension qu'acquérait la puissance de la Prusse. Les arguments que je puisais dans les ordres de V. M. I. me fournirent les moyens de constater d'un côté sa rigoureuse impartialité et de l'autre sa ferme intention de maintenir un juste équilibre de force entre les souverainetés de l'Allemagne, surtout dans leurs rapports vis-à-vis de la France. Nos discussions ont été vives. Je crois superflu d'en retracer ici la suite, puisqu'elles se trouvent consignées dans les communications dont est chargé le c-te de Saurau, à qui on a fait part également de ce qui s'est passé en dernier lieu entre cette cour-ci et celle de Berlin, qu'on a soupçonnée de s'être jetée entièrement entre les bras de la France. Qu'il me soit permis, Sire, de placer ici une reflexion relative à cette fatale jalousie qui divise les cabinets de Vienne et de Berlin, dont il est fait mention dans le rescrit de V. M. I. et qu'il vous est si pénible, Sire, de voir exister entre ces deux cours vos alliées, dont l'union et la concorde sont nécessaires à cette tranquillité générale, le voeu le plus cher à la sagesse de V. M. I. Cette funeste jalousie n'est que trop réelle, et tandis que les motifs imposants de raison et d'un intérêt commun devraient la détruire, des passions fortes la feront subsister dans l'aveuglement, ou l'oubli de l'une et de l'autre. L'Autriche épuisée par ses efforts dans une guerre malheureuse, humiliée par ses défaites et la paix qui en a résultée, attribue les chances les plus désastreuses au commencement de cette lutte sanguinaire, à la mauvaise foi et aux calculs intéressés de sa rivale coalisée. Celle-ci, après avoir receuilli de grands avantages d'une coopération momentanée, a joui dans le repos de la satisfaction de voir abaisser la grandeur et dissiper les ressources de la puissance qu'elle jalouse. D'un côté des souvenirs amers, des ressentiments profonds; de l'autre une ambition ardente de s'élever; ce n'est point avec des éléments pareils qu'on doit s'attendre à un rapprochement. Si cette vérité déplorable est constatée par les faits, il en est une autre essentielle à observer, et dont l'application est importante pour les résultats de la politique générale. J'ose la soumettre à V. M. I., parceque c'est entre ses mains surtout que le sceptre de la Russie doit être le régulateur de la balance de l'Europe. Cette vérité, Sire, est dans la différence des principes qui dirigent l'un et l'autre cabinet. Celui de Berlin a toujours eu pour but de s'agrandir, de rivaliser avec la maison d'Autriche, profitant pour l'atteindre de toutes les circonstances, ne se

laissant détourner par aucune considération, sacrifiant a cet intérêt personnel tout ce qui pouvait le lier aux intérêts d'autrui, et ce système sera poursuivi plus que jamais, à la faveur de l'abaissement où se trouve aujourd'hui la cour de Vienne. Celle-ci au contraire ne doit songer qu'à maintenir son rang et sa prépondérance en Europe. Elle ne le peut que par ses alliances. Un principe invariable, qu'elle considère comme garant de sa puissance et de sa sécurité, c'est l'union la plus intime avec la Russie. Pour en consolider le lien, sa politique doit être franche et cordiale, sa conduite soumise à l'équité et à la modération. Ce ne sont point les vertus du cabinet de Vienne que je dépeins en assignant les motifs à son système, non, Sire, je ne le suppose que sensé et eclairé, et dans ce cas ce seront les vertus qui caractèrisent V. M. I. qui lui serviront de boussole. Une puissance qui désire sincèrement votre amitié, Sire, ne s'égarera point dans les sentiers tortueux du machiavelisme; elle aura besoin de votre estime et de votre confiance; il n'y a que le chemin le plus droit qui y mêne. V. M. I. daignera me pardonner cette disgression; elle m'a paru nécessaire pour lui représenter, que c'est en vain qu'on tenterait un rapprochement sincère entre cette cour-ci et la Prusse. Je suis persuadé néanmoins que la bienveillante sollicitude de V. M. I. envers l'une et l'autre, les fera souscrire aux arrangements que lui dictent sa sagesse et son impartialité. Tout mon zèle sera dirigé, Sire, a remplir les ordres que vous avez daigné me donner sur cet objet, et j'oserai en garantir l'accomplissement, si V. M. I. daigne avoir quelque égard aux représentations de celle de Vienne, touchant le maintien des électeurs ecclésiastiques et une modification dans les indemnités de la Prusse...“ „Dans les changements“, доносилъ далѣе, отъ 9 Ноября, Разумовскій, „que doivent opérer en Allemagne les indemnités, la cour de Vienne s'est toujours flattée, qu'on adopterait rigoureusement pour base, le maintien de la constitution. Elle en considérait la conservation comme liée intimement à celle des électeurs ecclésiastiques... C'est purement et simplement leur existence qui lui tient à coeur, comme membres du collège électoral et sous le rapport de l'équilibre du parti catholique et protestant“.

Въ Петербургѣ вѣнскимъ дворомъ были недовольны. Онъ не соглашался ни на какія уступки, продолжалъ, несмотря на неоднократныя предостереженія отъ Государя, враждовать съ Пруссіею и надоѣдалъ безпрестанными просьбами о защитѣ и непомѣрными требованіями. Къ тому же австрійскій посолъ графъ Сорау велъ себя безтактно и, по выраженію графа Кочубея, дѣйствовалъ не какъ дипломатъ, а какъ торгашъ.

„Vous devez travailler“, писалъ къ Разумовскому отъ 7 Декабря

1801 года графъ Кочубей, „à rendre la cour de Vienne plus coulante sur les demandes prussiennes. Nous tacherons de notre côté à modérer celle de Berlin, et de cette manière il y aura peut être moyen de s'entendre... Vous devez être assuré que nous metterons toute l'impartialité possible dans notre conduite... L'empereur est personellement fort bien disposé pour le roi de Prusse. Il le croit honnête homme, et cette simplicité dans sa manière d'être, est trop dans le gout de l'Empereur, pour qu'elle ne lui plaise pas beaucoup, mais d'ailleurs l'impartialité la plus rigoureuse parait être la règle de la conduite, que l'Empereur s'est préscrite. Vous aurez été étonné des progrès qu'il a fait depuis votre départ. Il a acquis beaucoup d'expérience, et ses ministres, excepté nous, se plaignent de ne plus avoir toute sa confiance, c. à d., en d'autres termes, de ne plus pouvoir faire ce que bon leur semble [1])".

Такого рода извѣстія не могли успокоить Разумовскаго. Явно было, что берлинскіе интересы принимались въ Петербургѣ если не ближе къ сердцу, то, по малой мѣрѣ, одинаково съ интересами вѣнскаго двора и что на сильную защиту Государя Австріи разсчитывать было невозможно. Къ тому же выгоды Пруссіи защищалъ, между прочимъ, передъ петербургскимъ дворомъ—личный врагъ посла—французъ д'Антрегъ [2]), продолжавшій жить въ Вѣнѣ, по прежнему занимаясь интригами и отправляя длинныя донесенія къ Государю, въ которыхъ политическія сплетни пересыпаны были апологіями прусской политикѣ. Разумовскій неоднократно жаловался на непрошеннаго соперника, который ложными извѣстіями только путалъ дѣла. Въ послѣднее время д'Антрегъ втерся въ довѣренность королевы неаполитанской и почти разсорилъ

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[2]) Графъ Эммануилъ-Людовикъ-Генрихъ д'Антрегъ р. 1755 г. Онъ былъ племянникъ графа де-Сенъ-При, французскаго посланника въ Цареградѣ, а потомъ министра Людовика XVI и андреевскаго кавалера. Д'Антрегъ былъ сперва крайнимъ либераломъ. Въ 1789 году убѣжденія его измѣнились, онъ сталъ роялистомъ и въ 1790 году эмигрировалъ. Онъ неутомимо интриговалъ въ пользу Бурбоновъ, получалъ денежныя награды отъ разныхъ правительствъ, неоднократно бывалъ въ Россіи и въ 1797 году поступилъ на русскую службу. Взятый въ плѣнъ французами въ Венеціи, благодаря находчивости жены своей, онъ бѣжалъ въ Россію, гдѣ принялъ православіе. Онъ долго жилъ въ Вѣнѣ, интригуя противъ Разумовскаго. Потомъ назначенъ былъ совѣтникомъ русской миссіи въ Дрезденѣ. Изгнанный саксонскимъ правительствомъ, вслѣдствіе требованія Наполеона, д'Антрегъ переѣхалъ въ Лондонъ и тамъ продалъ правительству тайныя статьи Тильзитскаго мира. Д'Антрега окружали въ Англіи французскіе шпіоны. Въ 1812 году онъ былъ зарѣзанъ вмѣстѣ съ женою итальянцемъ-камердинеромъ, который потомъ самъ застрѣлился. Д'Антрегъ получалъ отъ англійскаго правительства значительную пенсію. Подробности его смерти остались неразслѣдованными. Иные приписывали насильственную смерть эту агентамъ Наполеона, другіе же англійскому правительству, начинавшему не довѣрять д'Антрегу и захватившему послѣ смерти всѣ его бумаги.

съ нею графа Андрея Кириловича. Въ Петербургѣ его сильно поддерживалъ товарищъ Кочубея, вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, сторонникъ союза съ Франціею и большой другъ Пруссіи. Съ Куракинымъ д'Антрегъ велъ самую дѣятельную переписку.

„Je ferai usage“, сообщалъ Разумовскому Кочубей“, des mystifications de d'Antraigues avec la reine de Naples. J'ai vérifié un fait— c'est cette lettre chiffrée de Mordvinoff. Il ne lui en a jamais écrit; il doit avoir reçu deux lettres de lui, et simplement des lettres de politesse. Je ne doute pas un instant que d'Antraigues ne soit un très mauvais sujet. Je suis fâché que l'on se soit servi de lui. Les petits moyens ne sont bons à rien, mais je ne puis en vérité vous servir dans cette occasion, comme je l'aurais voulu, vu mes rapports avec vous et cette guerre ouverte que vous lui avez déclarée. Il a écrit une lettre à l'Empereur, par le moyen du prince de Kourakine. Celui-ci m'a envoyé comme de raison son paquet. J'ai prié l'Empereur de permettre que je sois absolument à l'écart de cette correspondance. J'ai obtenu même une gratification à un secrétaire qui copiait les rapports de d'Antraigues. Je crois cependant qu'il ne sera pas impossible de le faire quitter Vienne, d'ici au printemps, d'autant plus qu'il a demandé lui-même à s'en aller. Mais expliquez moi au nom de Dieu, qu'est ce que c'est que cette reine de Naples? Je ne la conçois pas! Comment peut-on se compromettre avec un intriguant pareil? [1])“.

Объясненія Кочубея Разумовскаго не удовлетворили; видя, что д'Антрега изъ Вѣны не вызываютъ, посолъ сталъ поговаривать объ отставкѣ. Онъ даже сообщилъ намѣреніе свое въ конфиденціальномъ письмѣ къ вице-канцлеру князю Куракину.

„Le prince de Kourakine m'ayant fait lire la lettre qu'il vous écrit“, писалъ къ нему отъ 25 Декабря Кочубей, „et qui a principalement d'Antraigues pour bût, a voulu que je vous écrive également à ce sujet. Vous savez que j'ai pris, dès le commencement, le parti de me mettre de côté dans cette affaire. Mes relations avec vous m'ont fait penser, que c'est le seul parti qui me convenait. Je ne doute pas que d'Antraigues ne soit renvoyé de Vienne, mais en attendant que cela arrive, je vous exhorte de ne pas faire de démarches précipitées. Cela gâterait absolument tout, et si vous pouviez patienter un peu, c'est ce que vous pourriez faire de mieux. Je ne vous conseillerais pas de demander votre rappel, pour ne pas vous mettre dans l'embarras. Une démarche de cette espèce forcerait l'Empereur de vous l'accorder, et je répète encore une fois—un peu de patience et les choses pourront

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

changer. Je n'avais pas besoin de preuves sur l'art particulier de d'Antraigues dans l'intrigue. Je crois que personne ne le possède au même dégré. Je plains bien la pauvre reine de Naples qui sera dupée par lui et compromise". „Je ne vous cacherai pas", писалъ далѣе отъ 6 Февраля 1802 года Кочубей, „et pour vous seul, que quelques impressions, suites de la première impulsion ne soient restées et vous devinerez d'après cela, qu'elles doivent être favorables à la cour de Berlin... Ces mêmes impressions sont causes de l'espèce de faveur particulière que l'on accorde à d'Antraigues. J'ai montré toutes les communications que vous m'avez faites et il est échappé à l'Empereur de convenir qu'il avait toutes les allures d'un aventurier, mais quand j'ai voulu pousser la question plus loin et décider qu'on lui accorde la permission, qu'il sollicite lui-même, de se rendre à Dresde ou à Weimar, j'ai rencontré des difficultés insurmontables. J'espère cependant que l'on prendra le parti de lui accorder la permission de quitter Vienne. Priklonsky en est enthousiasmé. D'Antraigues est selon lui un homme supérieur; il sait et prévoit tout. Ses informations, ses cancans sont uniques. Tel est le language de Priklonsky, qui s'étant une fois dévoué pour le c-te de Panine, croit qu'il faut encore un dévouement et selon lui, en parlant ainsi de d'Antraigues, il ne fait que rendre hommage à la vérité. Ce d'Antraigues écrit toutes sortes de sottises; il a en outre donné une alerte au vice-chancelier, en lui marquant, que l'on parlait à Vienne de sa retraite du ministère... Cette reine de Naples est pour moi une énigme indéchiffrable. Vous ne pourrez être assez sur vos gardes avec elle. Elle entasse inconséquence sur inconséquence; l'intrigue l'intéresse et ce drôle d'Antraigues l'a je crois tellement empaumée qu'elle ne saura pas s'en dépêtrer".

Ненавистный Разумовскому д'Антрегъ былъ такъ силенъ въ Петербургѣ, что Кочубею стоило не мало труда удалить его изъ Вѣны, откуда онъ, впрочемъ, самъ просился. „Je profite du départ du comte Mocenigo", писалъ отъ 3 Марта къ графу Андрею Кочубей, „pour vous annoncer une bonne nouvelle qui vous fera sans doute plaisir. D'Antraigues quittera à la fin Vienne et le prince de Kourakine doit lui annoncer aujourd'hui qu'il peut se transporter à Dresde et y continuer sa correspondance avec le vice-chancelier. Cet arrangement n'a pas laissé que de couter beaucoup de peine, et je vous supplie de n'en pas parler à qui que ce soit, même à la reine de Naples. Il serait homme à écrire ici Dieu sait quel conte et à gâter toute l'affaire. Je suis bien de votre avis que l'on n'a jamais poussé plus loin les mystifications. Quiconque connait un peu les choses et les personnes, ne pourrait guère s'arrêter pour décider, que le langage que d'Antraigues fait

tenir à Thugut est de son crû. Mon brave collègue donnait et donne encore en plein dans tout cela [1])“.

Не успѣлъ Разумовскій покончить съ д'Антрегомъ, какъ нечаянное столкновеніе съ французскимъ посломъ Шампаньи надѣлало ему новыхъ хлопотъ и чуть не разстроило только-что установившіяся добрыя отношенія между Россіею и Франціею. Іоаннъ-Баптистъ Номперъ де Шампаньи (Nompère de Champagny), впослѣдствіи герцогъ Кадорскій, принадлежалъ къ старому дворянскому роду и отправленъ былъ первымъ консуломъ въ Вѣну, послѣ заключенія Люневильскаго мира. Бонапартъ съ умысломъ избралъ умнаго и тонкаго Шампаньи, сохранившаго всю изысканную утонченность прежнихъ французскихъ царедворцевъ, на такое мѣсто, гдѣ, несмотря на страхъ вселяемый Франціею, потомки древнихъ имперскихъ родовъ готовились свысока смотрѣть на представителя новыхъ идей, незнакомаго, по ихъ мнѣнію, съ обычаями и законами высшаго свѣта. На дѣлѣ вышло совершенно не то. Шампаньи вполнѣ обладалъ всѣми преданіями стараго режима и въ первыхъ вѣнскихъ гостиныхъ держалъ себя также естественно и непринужденно, какъ и любой германскій князь. Онъ предписалъ своей свитѣ вести себя осторожно и запретилъ ей выражать въ обществѣ республиканскія мысли. Въ Вѣнѣ онъ себя очень хорошо поставилъ. Одно только, новаго покроя простое платье и ненапудренная голова, среди густо напудренныхъ и обшитыхъ въ шелкъ и бархатъ австрійскихъ магнатовъ, вселяли нѣкоторое недоразумѣніе въ представителяхъ стараго поколѣнія, которые не могли привыкнуть къ мысли, что республика признана римскимъ императоромъ. Къ числу такихъ принадлежалъ и графъ Андрей Кириловичъ, въ которомъ нерасположеніе къ Франціи и личная ненависть къ Бонапарту обратились въ коренное убѣжденіе. Однако и онъ принужденъ былъ отдать должную справедливость такту и безукоризненнымъ манерамъ республиканскаго посла. Графъ Андрей Кириловичъ былъ крайне гордъ или скорѣе торжественъ въ обществѣ, такъ какъ надменная осанка его всегда соединялась съ утонченною учтивостью. Въ Вѣнѣ, вслѣдствіе этой важности, его въ шутку прозвали: „der Erzherzog Andreas“. Соблюденіе тонкостей придворнаго и дипломатическаго этикета было немаловажнымъ пунктомъ въ нравственномъ его кодексѣ. Онъ вездѣ и всегда „представлялъ“ и даже въ тѣсномъ семейномъ кругу не допускалъ опущеній въ этикетѣ. Если онъ у себя принималъ, то самымъ торжественнымъ образомъ. Онъ любилъ одни пышные пріемы, когда домъ его блисталъ огнями, золотомъ и серебромъ. На такіе пріемы онъ былъ тароватъ. Другихъ онъ не допускалъ вовсе. Торжествен-

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

ные обѣды, балы и рауты утомляли, иногда, болѣзненную, но тѣмъ не менѣе веселую, графиню Елизавету Осиповну. Она любила иногда запросто принимать у себя друзей и поболтать съ ними за неприхотливымъ ужиномъ. Такого рода угощенія, по мнѣнію графа Андрея Кириловича, безчестили посольскій дворецъ и поэтому графиня тайкомъ зазывала къ себѣ гостей и подчивала ихъ остатками предъидущихъ роскошныхъ банкетовъ. Угощенія эти извѣстны были всей Вѣнѣ подъ названіемъ: ужиновъ изъ четырехъ куриныхъ ножекъ—„les soupers des quatre cuisses". Всѣ вѣнскіе модники и модницы добивались чести быть допущенными на эти оригинальные вечера. Одинъ только посолъ оставался на счетъ ихъ въ полномъ невѣдѣніи. Кого-нибудь изъ домашнихъ, обыкновенно Рибопьера [1]) или Васильчикова, ставили на сторожѣ. Блюда подавались на столъ, покрытый большимъ ковромъ. Коль скоро юноша, стоявшій на аванпостѣ, давалъ знать о приходѣ посла, блюда и приборы разомъ скрывались подъ коверъ и графъ Андрей Кириловичъ увѣренъ былъ, что къ женѣ случайно съѣхались гости и что о какомъ-либо, недостойномъ его высокаго сана, мѣщанскомъ угощеніи не было рѣчи. Внезапное появленіе посла давало ужинамъ этимъ особенную пикантность. Понятно, что при такой важности, соблюдаемой даже въ домашнемъ кругу, Разумовскій зорко слѣдилъ за посломъ ненавистной ему Франціи, опасаясь какъ бы не уронить передъ нимъ своего достоинства, и именно съ посломъ этимъ произошла у него совершенно неожиданная стычка, надѣлавшая въ Вѣнѣ много шуму и подавшая поводъ довольно оживленной дипломатической перепискѣ между С.-Петербургомъ и Парижемъ. Вотъ какими словами доносилъ объ этомъ Государю самъ графъ Андрей Кириловичъ отъ 20 Декабря (1 Января) 1802 года.

„C'est en sortant de la cour, où l'étiquette appelle le jour de l'an toutes les classes présentées et surtout les réprésentants des puissances étrangères, pour offrir les félicitations d'usage à la famille impériale, que je dois avoir l'honneur de vous rendre compte, Sire, d'un évènement, auquel j'ai été bien éloigné de pouvoir m'attendre et qui a eu lieu entre l'ambassadeur de la république française et moi. Une règle ancienne établie à cette cour, et pratiquée principalement depuis que la Russie a commencé à y envoyer ses ambassadeurs, porte, que quand il y en a de différents souverains, celui qui arrive le premier à la cour entre également le premier chez l'empereur. Cet usage, reconnu par les ambassadeurs des cours les plus pointilleuses sur le chapitre du pas et de la préséance, et même par ceux de la famille, a toujours été

[1]) Графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ, впослѣдствіи д. т. с. и оберъ-камергеръ, состоялъ тогда вмѣстѣ съ А. В. Васильчиковымъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ.

observé sans opposition, parcequ'effectivement il parait à toutes les querelles que le cérémonial entraine si souvent, et c'est lui par conséquent qui devait régler aujourd'hui entre l'ambassadeur de France et moi l'ordre de notre introduction. Arrivé le premier, le tour était à moi, et il ne peut point y avoir de doute sur le fait, puisque en ouvrant les portes de la salle pour annoncer l'audience aux ambassadeurs, l'huissier de la chambre me nomma à haute et intelligible voix, en se servant des expressions: „à m. l'ambassadeur de Russie". Dans ce moment même l'ambassadeur de France prend le pas. „Je suis arrivé le premier", dit-il, „et c'est à moi d'entrer". „Non, monsieur", lui répliquai-je, „c'est moi, tout le monde l'a vu et la preuve en est que j'ai été appelé le premier". Pendant cette discussion les deux battants de la salle d'audience étaient toujours ouverts et cette scène qui se passait à quatre pas de la famille impériale, commençait à prendre des formes, que l'obstination de m. Champagny et le ton qu'il y a mis ne pouvaient que rendre indignes et du lieu, et de mon caractère, et des personnes augustes devant qui elle se passait. J'ai cédé. Mais au moment qu'il sortit de l'audience, ayant repris son assertion, qu'il était arrivé avant moi, je lui répétai à haute voix, que cela n'était pas vrai et qu'il avait manqué à l'empereur. Je ne me permetterai, Sire, aucune reflexion sur une scène que j'ai retracé à V. M. I. avec la vérité la plus scrupuleuse. L'effet qu'elle a produit n'a pu être que très marquant. L'ambassadeur de France a quitté aussitôt les appartements, quant à moi j'y suis resté et ayant joint le vice-chancelier c-te de Cobenzl, je lui ai parlé de l'évènement désagréable qui avait eu lieu. Etonné comme toutes les personnes qui ont été témoins et qui connaissaient l'étiquette reçue, il m'a promis de s'en expliquer avec l'ambassadeur de France et dès que j'aurai appris le résultat de sa démarche je m'empresserai d'en transmettre à la connaissance de V. M. I. afin qu'elle puisse servir de détermination aux ordres qu'elle jugera à propos de me prescrire à cet égard".

О столкновеніи между послами разомъ заговорили и въ Петербургѣ и въ Парижѣ. Графу Моркову отправлены были по этому случаю депеши; самое же дѣло весьма скоро уладилось. Вице-канцлеръ, графъ Кобенцель, поспѣшилъ переговорить съ французскимъ посломъ и объяснить ему, что право было за Разумовскимъ и что столкновеніе это сильно огорчило императора. Шампаньи добродушно отвѣчалъ, что если въ самомъ дѣлѣ Разумовскій пріѣхалъ первый ко двору, ему остается только извиниться, такъ какъ онъ и по нраву, и по убѣжденіямъ равно ненавидитъ такого рода пререканія. Кобенцель просилъ посла въ такомъ случаѣ извиниться передъ графомъ Андреемъ Кириловичемъ въ его присутствіи, и на слѣдующемъ вице-канцлерскомъ

пріемѣ, въ виду всей Вѣны, произошло примиреніе. Кобенцель отвелъ пословъ въ сосѣднюю комнату, и здѣсь Шампаньи передъ Разумовскимъ извинился. Оба посла вернулись въ парадные покои, гдѣ ихъ не безъ волненія ожидало все высшее вѣнское общество, дружески другъ съ другомъ разговаривая [1]).

Впечатлѣніе, произведенное этимъ происшествіемъ въ Петербургѣ, было невыгодно для Разумовскаго. Люди, неблаговолившіе Андрею Кириловичу, а между ними вѣроятно князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, сообщили Государю много разныхъ неблагопріятныхъ для посла подробностей. Государь, ненавидѣвшій придворный этикетъ и церемоніи, не понималъ, какъ изъ-за подобныхъ пустяковъ можно было поднимать исторіи и притомъ въ такое серьёзное для Европы время. Недовольство Императора выразилось въ двухъ рескриптахъ на имя Разумовскаго. Рескрипты эти составлены были на томъ вольномъ переложеніи французскаго языка на отечественное нарѣчіе, которымъ отличались всѣ, писанныя по русски, дѣловыя бумаги первыхъ годовъ царствованія Александра I-го.

„Недоразумѣнія между васъ и посла французскаго“, значилось въ первомъ рескриптѣ отъ 31-го Января 1802, „въ новый годъ происшедшее, было поводомъ многихъ разглашеній и между прочимъ, будто, требуя быть прежде васъ на аудіенцію допущеннымъ, изъяснился онъ, что чинитъ сіе по повелѣнію своего правительства. Донесенія ваши испровергли всѣ толки сіи, и я съ удовольствіемъ увѣдомился, что дѣло сіе окончено приличнымъ образомъ. Увѣренъ будучи, что тутъ дѣйствовали скорость или неосмотрительность личная г. Шампаньи, и что правительство его столько же мало занимается, какъ и я мелочами подобными этикету, не сомнѣваюсь я, чтобъ вы не обратили вниманія вашего къ избѣжанію приличнымъ образомъ всего того, что можетъ послужить къ возобновленію столь непріятныхъ раздробленій, но предохраняя однакожъ, на основаніи предписаній блаженной памяти Императрицы Екатерины II, права мои, буде бы кто на оныя пожелалъ посягнуть“.

„Независимо предписаній данныхъ вамъ касательно случившагося недоразумѣнія между васъ и французскаго посла въ новый годъ“, сказано было во второмъ, писанномъ исключительно по поводу этого случая, рескриптѣ отъ 6 Февраля, „нахожу я нужнымъ особенно присоединить здѣсь, чтобъ вы уклонялись, сколько можно, подобныхъ споровъ объ этикетѣ, слѣдуя тѣмъ правиламъ осторожности и предусмотрѣнія, кои вы сами и предмѣстники ваши наблюдали и вообще распоряжая обращеніе ваше съ посольствомъ французскимъ на одина-

[1]) Донесеніе Разумовскаго къ Государю отъ 21 Января 1802 года.

кихъ правилахъ учтивства образу вашему (sic) мыслей и благовоспитанія свойственныхъ“.

Кромѣ того, Александръ Павловичъ поручилъ графу Кочубею отъ себя написать Разумовскому письмо, въ которомъ объяснялось, съ одной стороны, до какой степени ненавистны были Государю подобныя пустыя пререканія, а съ другой отъ него требовалось, чтобы онъ въ будущее время ихъ всячески избѣгалъ. Кочубей счелъ долгомъ защитить Разумовскаго и почтительнѣйше представить Государю, что нельзя измѣнять обычаевъ чужого двора и что возможны такіе случаи, гдѣ достоинство Россіи могло бы требовать соблюденія даже мелкихъ подробностей этикета. Онъ однако сообщилъ обо всемъ этомъ Разумовскому, который оборотомъ дѣла былъ раздраженъ и обиженъ. Понятно, что гордому послу, славившемуся по всей Европѣ своимъ знаніемъ придворнаго и дипломатическаго этикета, больно было, именно по поводу его, получать, хотя и мягкіе, но все же выговоры. Къ тому-же явное презрѣніе молодого Государю къ этикету, важное значеніе котораго, какъ мы видѣли, составляло одно изъ коренныхъ убѣжденій Разумовскаго, послѣдній приписывалъ ни чему другому, какъ къ знаменіямъ времени. Въ почтительномъ отвѣтѣ графа Андрея Кириловича слышалось уязвленное самолюбіе дипломата, съ достоинствомъ умѣвшаго поддержать за границею великое имя Екатерины, и нѣкоторая доля ироніи относительно только-что полученнаго имъ изъ Петербурга урока въ учтивости и благовоспитанности.

„V. M. I.“, доносилъ онъ отъ 26 Февраля, „a jugé dans sa sagesse convenable de me prescrire d'éviter toute contestation sur l'étiquette, en me conformant aux règles de prudence et de circonspection pratiquées antérieurement, tant par moi-même que par mes prédécesseurs et d'accorder en général ma conduite avec ce que dicte la politesse et la bonne éducation. Empressé, Sire, de porter aux pieds de V. M. I. l'hommage de ma profonde soumission à ses ordres et mon vif désir de mériter constamment, Sire, votre approbation, j'ose me flatter que 25 années de ma vie, consumées sans relâche dans la carrière où j'ai le bonheur de servir mes Maîtres, m'autorisent à espérer que V. M. I. daignera mettre quelque confiance dans les soins vigilants que j'apporterai à consilier la dignité du caractère dont je suis revêtu, et la mesure d'une conduite qui aura toujours pour but d'écarter tout ce qui pourrait n'être pas d'accord avec la sagesse des principes de mon auguste Maître“.

Австрійское правительство сильно жаловалось на пристрастіе петербургскаго кабинета къ Пруссіи. Слова и доводы Разумовскаго плохо дѣйствовали на императора, Колоредо и Кобенцеля, да и самъ посолъ мало вѣрилъ тому въ чемъ старался убѣдить другихъ. Изъ писемъ Кочубея и

прочихъ своихъ петербургскихъ корреспондентовъ онъ зналъ, что Императоръ чувствовалъ сильное влеченіе къ королю прусскому. Влеченіе это не могло не отозваться на великомъ вопросѣ о вознагражденіяхъ. Изъ Петербурга предлагали назначить Берлинъ мѣстомъ для переговоровъ, но объ этомъ и слышать не хотѣли въ Вѣнѣ. Окончательно положено было рѣшеніе вопроса перенести въ Парижъ и такимъ образомъ вполнѣ передать его въ руки перваго консула.

„Je me suis appliqué", доносилъ Государю Разумовскій отъ 4 Января 1802 года, „à mettre en évidence, Sire, votre parfaite impartialité. En récapitulant tout ce que V. M. I. a manifesté depuis son avènement au trône, j'ai mis en avant son désir constant de rétablir sur des bases solides la paix générale, et, puisque les malheurs de la guerre ont rendu nécessaires des sacrifices, de les combiner de manière que la sûreté commune se trouve assurée par ceux, que chacune des puissances concourerait à apporter à la tranquillité de l'Europe. J'ai ajouté qu'il n'y en avait point parmi elles, qui dût être plus empressée de parvenir au but salutaire que l'Autriche, à la suite des pertes et de l'épuisement qu'elle avait éprouvés, et que la sagesse des intentions de V. M. I. était un témoignage nouveau de l'intérêt qu'elle prenait à la conservation et au bien-être de cette monarchie. Qu'il n'était point question ici de mesurer rigoureusement le lot de telle ou telle cour, particulièrement de celle de Berlin dont les rapports à tant d'égards devaient être pris en considération et nécessitaient des condescendances, auxquelles il était prudent de souscrire de bonne grâce, plustôt que de se les voir arrachées avec répugnance; que la contestation du plus ou du moins de revenu du pays de Münster devenait plustôt une matière de chicane que de discussion politique; enfin que rien n'était plus injuste que la supposition que V. M. I. n'attachait point d'intérêt au maintien de la constitution germanique, puisqu'elle prouvait le contraire en acquiesçant au point qu'on regardait ici comme le plus essentiel, celui de la conservation des trois électeurs ecclésiastiques, si toutefois, ce qui l'était encore d'avantage, les dédommagements à stipuler laissaient de quoi former un apanage convenable à ces princes. J'ai répété ces mêmes arguments à S. M. l'empereur, dans l'audience que j'ai obtenue pour présenter la lettre autographe de V. M., et je n'ai pas hésité de faire entendre, que V. M. I. appellée par l'un et l'autre de ses alliés à prononcer sur le sort de l'Allemagne, s'en était occupée avec la même sollicitude pour tous deux, mais que si la difficulté de conciliation et d'accord entre eux rendait vos soins inutiles, regrettant de n'avoir point atteint le but salutaire que vous vous proposiez, Sire, V. M. se verrait à regret contrainte d'abandonner à leur propre délibération l'arrangement final de cet objet important. Dans les

réponses qui m'ont été faites, je dois attester que le souverain, ainsi que ses ministres loin d'appuyer d'avantage sur l'impartialité du plan de V. M., ont rendu justice dans des termes non équivoques à la sage bienveillance qui l'a dirigé. Mais je dois dire en même temps, Sire, qu'on est revenu sans cesse à me faire sentir comme si V. M. I., guidée par son voeu pour le bien général, en appliquait le principe avec une indulgence marquée à l'égard de la Prusse; que les conséquences de son agrandissement n'étaient point suffisamment pesées, que leur danger devait préjudicier directement à l'intérêt de la Russie, et qu'un arrangement plus conforme à un juste équilibre, par rapport à la cour de Berlin, pourrait s'effectuer aisément par le ton seul que V. M. I. daignerait adopter a son égard. On m'a objecté que la contestation sur l'évéché de Münster n'était nullement un objet de chicane et de calcul; qu'on ne s'arrétait point a deux ou trois cent mille florins de revenu de plus; que s'il n'était question d'autre chose, on y donnerait les mains de bon coeur; mais que l'on considérait toujours l'agrandissement territorial, que l'on estimait déjà au triple de la perte, et qui deviendrait encore plus important, lorsque ce pays, jusqu'ici sous la domination d'un prince ecclésiastique électif, usufruitier, respectant par état la foule de bénéficiers subalternes qui composent sa souveraineté, passerait sous les loix d'une puissance héréditaire dont le système économique en tirerait un parti incalculable. Tel est, Sire, le précis succint de ce qui m'a été dit, dans chaque conférence, sur ce objet et de ce que j'ai repliqué constamment, et tel sera, je pense, le fond des ordres qu'on prescrira au c-te de Saurau, qu'on se propose de munir de nouvelles démonstrations statistiques, pour prouver par des autorités multipliées, l'énormité des acquisitions prussiennes, dont l'épouvante et la consternation surpassent tout ce que je pourrais avoir l'honneur de dire à V. M. I. Lorsque je mis en avant l'opinion de V. M. et celle de la cour de Berlin sur le choix d'un lieu où s'établira la négociation, le refus de cette dernière de consentir qu'elle soit à Vienne, les motifs de préférence pour Berlin et que j'ai fait connaitre ceux, qui ont engagé V. M. I. à tomber d'accord sur cet objet avec le roi de Prusse, on m'a témoigné en être vivement affecté, et, malgré les représentations les plus réitérées de ma part, je n'ai jamais pu déterminer le ministère à y accéder. On m'a répondu que la dignité de l'empereur se trouverait offensée qu'une discussion qui concernait la constitution et le sort des états de l'Allemagne fût ailleurs qu'auprès du chef de l'empire germanique, et qu'en outre, si on la portait à Berlin, ce serait se soumettre d'avance aux déterminations de cette cour, contre laquelle précisément on avait le plus à reclamer. On n'a pas moins été affecté, Sire, lorsque j'ai fait connaître que V. M. I., approuvant

l'avis de la cour de Berlin de communiquer le plan d'indemnités à la France, avait donné ses ordres en conséquence au c-te de Morkoff, tandis que dans un des articles de ce plan il avait été dit qu'on ne lui en ferait part, qu'après que les deux cours impériales et celle de Prusse en auraient été d'accord entre elles. On s'est plaint que cette communication si prompte, laissait à cette cour-ci seule l'apparence de la réserve vis-à-vis des français et n'était point propre à lui rendre le gouvernement favorable; que puisque telle avait été l'opinion actuelle de V. M. I., on se serait flatté du moins que la démarche auprès du 1-er consul ne se serait effectuée que de concert avec la cour de Vienne. J'ai pris sur moi, Sire, de répondre que dans la supposition que le c-te de Morkoff aurait déjà reçu vos ordres, il n'en ferait usage qu'après en avoir informé l'ambassadeur autrichien, et que celui-ci serait à même de se joindre à lui, en devançant à cet égard les instructions qu'il aurait à recevoir. On s'est occupé effectivement de les lui transmettre sans délai. Elles lui ont été envoyées par courrier il y a quelques jours, et cette expédition a suspendue mes conférences. Lorsque je les ai reprises, le vice-chancelier m'a parlé de manière à me faire sentir qu'il considérait toute cette négociation comme devant se concentrer à Paris, ne doutant pas que Bonaparte ne mette autant d'empressement que d'adresse à s'en emparer, et au ton dont il s'exprimait j'ai pu juger qu'on ne serait pas fâché ici qu'elle prit cette tournure, comme la seule qui pouvait éviter qu'elle se traitât à Berlin. Ce ministre m'a répété mainte fois, que lors de son séjour à Paris, le 1-er consul avait cherché par les propositions les plus séduisantes à captiver sa cour, qu'il avait offert à l'empereur tous les pays destinés aujourd'hui au grand duc son frère, en y ajoutant une partie de la Bavière jusqu'à l'Iser et plaçant le grand-duc dans la partie supérieure de l'Italie entre le Tagliamento et l'Adige, en ne supprimant des trois électeurs que celui de Trêves, donnant à celui de Mayence l'évêché de Würzbourg, enfin ne destinant à la Prusse qu'une stricte compensation de sa perte, mais que, par un principe rigoureux d'équité sur les affaires d'Allemagne et surtout dans l'intention de ne rien stipuler que d'accord avec V. M. I., au moment où elle venait de faire présenter ici par m. de Mouravieff un mémoire qui manifestait des vues entièrement analogues à celles du cabinet autrichien, on s'était refusé à toute proposition, et c'est ce qui avait déterminé le consul à se montrer plus favorable à la Prusse. Je ne rapporte tout ceci, que pour ne rien omettre de ce qui s'est dit entre le vice-chancelier et moi sur cette matière. V. M. I. jugera dans sa sagesse de la marche que suivra cette importante affaire dans les résultats ultérieurs et du concours qu'elle croira convenable d'y accorder. J'ose espérer qu'elle daignera appré-

cier le zèle qui m'a guidé dans l'exécution de ses ordres en même temps que le regret profond que j'éprouve de n'avoir pas obtenu un plus grand succès".

Министры Александра Павловича вполнѣ сознавали, что запутанное дѣло о вознагражденіяхъ было имъ весьма мало понятно. Чтобы вполнѣ вникнуть въ суть этого сложнаго вопроса, обусловленнаго безконечнымъ числомъ историческихъ, бытовыхъ, финансовыхъ и всякихъ другихъ соображеній, необходима была долгая научная подготовка, за которую никто изъ сотрудниковъ Государя не желалъ приняться. Вопросы внутренняго преобразованія всецѣло занимали совѣтниковъ царскихъ. Безконечная переписка по дѣламъ германскимъ всѣхъ утомляла. Государь лично благоволилъ къ прусскому королю, который подобно ему избѣгалъ пышности царской обстановки, мечталъ о мирѣ и, въ кругу тихой семейной жизни, трудился надъ внутреннимъ строемъ Пруссіи. Петербургскій кабинетъ сознавалъ однако, что берлинское правительство готово захватить все, что ему попадется подъ руку. Вслѣдствіе этого русскому посланнику Крюднеру предписано было твердить объ умѣренности въ Берлинѣ. Но съ другой стороны и Австрію упрекали въ неблагоразумныхъ требованіяхъ. Графъ Сорау надоѣдалъ и Государю и его министрамъ непрестанными, безтактными, чисто вздорными жалобами и просьбами. Въ Петербургѣ находили, что вѣнскій дворъ не умѣетъ во-время подчиниться обстоятельствамъ и слишкомъ настойчиво отказываетъ берлинскому кабинету даже въ мелочахъ. Внѣшняя политика не была въ то время для русскаго двора жизненнымъ вопросомъ, наоборотъ, на нее смотрѣли какъ на докучливую помѣху. На Францію полагали большія надежды. Въ виду недавняго съ нею соглашенія, никто въ Петербургѣ не сомнѣвался, что первый консулъ будетъ заискивать дружбу русскаго двора и стараться сдѣлать ему угодное. „Si nous nous rencontrons avec la France", писалъ по этому случаю къ графу С. Р. Воронцову Кочубей, „les choses iront bien; si nous différons d'opinions, il n'y aura rien à faire, et il ne nous restera que le regret de nous être mêlés d'une chose, dont peut-être nous n'aurions jamais dû nous embarrasser, et à laquelle nous n'entendons rien. Nous avons maintenant l'air de tenir un lit de justice. Les princes d'Allemagne s'adressent à nous et c'est à qui nous enverra le plus de cartes bien enluminées, de tableaux statistiques et de documents sur les péages, les droits de suzeraineté etc. Dans les cabinets où ces affaires sont plus familières, vous savez que souvent l'on n'y comprend rien, mais chez nous, où la chancellerie c'est moi, je vbue à Pluton les savants allemands, la constitution et les princes".

Разумовскому предписывалось доказывать вѣнскому двору необходимость благоразумныхъ уступокъ. Кромѣ того онъ долженъ былъ со-

вѣтовать австрійскимъ министрамъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ Парижѣ и стараться тамъ, убѣдительными представленіями первому консулу и Талейрану, отклонять французское правительство отъ поддержки Пруссіи въ неумѣренныхъ ея требованіяхъ. Но слова и депеши имѣли мало вліянія. Ноты, мемуары и всякаго другого наименованія дипломатическія бумаги продолжали сыпаться на Петербургъ. Это видимо надоѣдало всѣмъ, начиная съ Государя и кончая послѣднимъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ то время, какъ Австрія упрекала Россію въ пристрастіи къ Пруссіи и пожалуй отчасти не ошибалась, Пруссія, съ несравненно меньшимъ правомъ, жаловалась на покровительство, оказываемое Габсбургскому дому. Самъже Государь твердо вѣрилъ, что стоитъ на строго нейтральной почвѣ и въ виду представленій Пруссіи, еще неблагосклоннѣе сталъ относиться къ жалобамъ Австріи.

„Тщетно было бы возобновлять разсужденія“, писалъ Александръ Павловичъ въ рескриптѣ отъ 31 Января 1802 года на имя Разумовскаго, „по поводу-ли мнимаго пристрастія моего къ Пруссіи или другихъ жалобъ вѣнскаго двора. Матерія сія была уже истощена въ прежнихъ предписаніяхъ, вамъ данныхъ и въ сношеніяхъ министерства моего съ посломъ австрійскимъ. Довольно будетъ доставить вамъ послѣднія донесенія министра моего въ Берлинѣ и сообщенія, учиненныя здѣсь графомъ Лузи, въ коихъ найдете вы, что дворъ берлинскій упрекаетъ меня также пристрастіемъ къ сопернику своему... Уполномоченный мой въ Парижѣ, графъ Морковъ, дѣйствительно получитъ повелѣніе, руководствуясь чертою моего безпристрастія, поддерживать всѣ умѣренныя представленія двора австрійскаго, стараясь всемѣрно о приведеніи дѣлъ сихъ къ благому концу. Въ невозможности согласить дворы вѣнскій и берлинскій, лучше подлинно быть можетъ, чтобъ запутанное соображеніе сіе въ Парижѣ развязано было, лишь бы первый консулъ обстоятельствомъ раздоровъ сихъ между двухъ главныхъ державъ не воспользовался, для продолженія настоящаго нерѣшительнаго положенія дѣлъ, столь видимо ему полезнаго. Что же касается до желанія, вѣнскимъ дворомъ паки изъявляемаго, чтобъ въ Берлинѣ взятъ былъ мною языкъ твердости, къ тому, по тѣмъ-же уваженіямъ, кои и прежде дѣйствовали, что кабинетъ прусскій не далъ на таковое съ моей стороны поведеніе никакого поводу, не могу я приступить и предоставляю рѣшимость свою по сему случаю изъявить, если бы Пруссія, въ приписуемыхъ ей намѣреніяхъ расширенія, предуспѣла такъ, чтобъ потрясено могло бы уже быть въ Германіи всякое равновѣсіе. Вѣроятно, если впрочемъ полагаться можно на послѣднія сюда дошедшія изъ Парижа извѣстія, что французское правительство до-

вольно безпристрастно руководствоваться можетъ въ разсужденiи Австрiи и Пруссiи...“

„Je me suis empressé de faire part au vice-chancelier c-te de Cobenzl“, отвѣчалъ, на вышеприведенный рескриптъ отъ 26 Февраля, Разумовскій, „des ordres qu'il a plu à V. M. I. de faire donner à Paris, sur les instances du c-te de Saurau auprès de votre ministère, Sire, afin que le c-te de Morkoff appuie toutes les démarches que l'ambassadeur de cette cour-ci serait dans le cas de faire, relativement à l'affaire des indemnités. Le vice-chancelier, en me témoignant la reconnaissance avec laquelle l'empereur, son maître, recevait cette communication, étendit la conversation sur l'objet en général. Il récapitula les déplorables contrariétés qui caractérisèrent cette affaire dès son début, et qui s'opposèrent à ce que, d'accord entre les 3 cours, on en eût posé les bases salutaires pour l'empire germanique et discuté entre elles les détails, sans y faire intervenir un tiers, dont le concours dangereux n'était que trop dans le cas de faire appréhender une suprématie d'opinion préjudiciable à la dignité comme à l'intérêt des grandes puissances. Il observa que ce furent les combinaisons fallacieuses et illusoires de la cour de Berlin, dans ces calculs d'agrandissement, qui y firent naître l'idée de transporter la négociation à Paris, et que cette cour-ci se vit forcément dans la nécessité d'y consentir. Dès les premières ouvertures qui en furent faites au premier consul, on le vit effectivement annoncer des vues et des conceptions entièrement différentes des plans dont nous nous étions occupés, et aujourd'hui nous sommes dans l'attente de celles que le génie sans frein de Bonaparte imposera à l'Allemagne d'accord avec l'ensemble du système général, que la hardiesse de sa pensée et de son caractère médite en secret pour toute l'Europe. En retraçant les dernières circonstances qui ont amené la destinée future de l'Allemagne dans la chance épineuse où elle se trouve aujourd'hui, il serait superflu de peindre l'inquiétude et les agitations qui en résultent dans tous les cabinets. Elles se conçoivent et elles suffisent pour donner la mesure de la supériorité qu'exercera Bonaparte, en tirant parti d'une situation qui met à sa merci les passions, les intérêts et la faiblesse des états qui composent l'empire germanique“.

Мысль о перенесенiи переговоровъ въ Парижъ пугала Разумовскаго. Онъ не раздѣлялъ относительно Францiи оптимизма совѣтниковъ Государя. Онъ заранѣе предчувствовалъ, что Бонапартъ все это захватитъ въ свои руки и что, въ концѣ-концовъ, одна лишь Францiя останется въ выигрышѣ. „Hardie dans ces conceptions“, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ донесенiй [1]), „comme dans ses en-

[1]) Донесенiе отъ 29 Января.

treprises, insatiable et sans frein dans son ambition, elle n'annonce ses plans qu'au moment de leur exécution et l'Europe frappée d'étonnement contemple d'un oeil passif et découragé les progrès allarmants d'une puissance qui s'agrandit en pleine paix plus encore, qu'à la faveur des chances heureuses qu'elles a dues à la fortune de ses armes". Посолъ обращалъ вниманіе Государя на Швейцарію, предсказывая, что большая часть ея подпадетъ подъ владычество Франціи, и стращалъ сближеніемъ консульскаго правительства съ Портою Оттоманскою во вредъ Россіи. „La ligue entre la Prusse et la France moderne, avec tous ses états dévoués, doit trouver un contrepoids dans le système général et c'est l'influence de V. M. sur la Turquie qui peut l'assurer. Cette vérité est mathématique [1])".

Игра Австріи была по обыкновенію нѣсколько двусмысленна. Она униженно заискивала въ тюльерійскомъ дворцѣ, но въ то же время громко заявляла о своей преданности петербургскому двору, и не смотря на неоднократные отказы, продолжала взывать о помощи и заступничествѣ. Вѣнскій кабинетъ открыто ухаживалъ за первымъ консуломъ, втайнѣ мечталъ о тѣсномъ союзѣ съ Россіею и Англіею, которымъ можно бы было положить предѣлъ чрезмѣрному честолюбію Бонапарта. Императоръ Александръ не противился подобному союзу, но требовалъ, чтобы къ нему примкнула Пруссія. На это въ Вѣнѣ никакъ не соглашались. Сближеніе между русскимъ Императоромъ и королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III не было уже тайною для Европы. Хотя, по мнѣнію обоихъ государей, сближеніе это имѣло чисто личный характеръ, однако, никто этому не придавалъ вѣры. Въ виду установившейся пріязни, Разумовскій, продолжая поддерживать всѣми силами своей стилистики мольбы Австріи, сталъ избѣгать въ донесеніяхъ своихъ слишкомъ сильныхъ выраженій противъ Пруссіи, на которыя дотолѣ онъ былъ весьма тароватъ.

„La dépêche, adressée au c-te de Saurau", писалъ графъ Андрей Кириловичъ отъ 26 Апрѣля, „motivée par la situation relative des grandes puissances de l'Europe présente le tableau des dangers auxquels l'expose et la prépondérance menaçante de la France et les vues toujours croissantes de l'ambition du chef de son gouvernement. A la suite des succès, qui, en pleine paix ont accrû son pouvoir et étendu son influence, on doit s'attendre à des entreprises nouvelles d'un génie que rien n'arrête dans ses conceptions, et si le système fédératif entre les états qui pourraient y mettre opposition n'est point assez lié pour le moment actuel, c'est dans l'avenir que cette cour-ci envisage la nécessité d'en consolider les éléments. Ce plan dicté par une politique sage

[1]) Донесеніе отъ 10 Марта.

et réfléchie ne peut avoir d'autre base à ses yeux que l'intimité des deux cours impériales, et c'est sous l'égide protectrice de cette union, qu'elle se flatte de revenir de l'état de faiblesse, qui la contraint aujourd'hui à rester passivement spectatrice des évènements, qui détruisent de plus en plus la balance et la sureté de l'Europe. C'est un voeu digne de votre sagesse, Sire, que celui de réunir, sous le même point de vue, l'accord et l'intelligence des cours principales: et le c-te de Saurau en a fait part ici, en rendant compte de ses entretiens avec vos ministres et des invitations qu'il a reçues pour un rapprochement d'intérêt et d'action avec celle de Berlin. Le vice-chancelier en me témoignant la reconnaissance de son maître à cet égard et son désir sincère de prêter à l'accomplissement d'un pareil système, ne m'a point dissimulé qu'il le considerait comme impraticable, d'après la conviction fondée qu'on avait ici d'une marche directement opposée de la part du cabinet prussien, qui dans ses combinaisons intéressées ne calculait ses avantages qu'en mesure de son aveugle dévouement à la France. La position topographique de la monarchie autrichienne est telle, Sire, que nulle guerre continentale ne saurait avoir lieu, sans qu'elle soit la première en jeu. Placée pour ainsi dire en avant-poste des autres états, c'est donc à se garantir des chances critiques d'une pareille situation, qu'elle doit porter ses efforts. Pour y parvenir, elle a besoin de récupérer ses forces et de reprendre l'attitude d'une puissance redoutable. Ce n'est, je le répète, que sous les auspices des liens qui l'unissent à la Russie qu'elle croit en espérer la possibilité".

Представленія Разумовскаго не имѣли успѣха. Бонапарту надоѣли нескончаемые переговоры. Онъ успѣлъ тайкомъ условиться съ Пруссіею, Баваріею и второстепенными владѣтелями германскими. Заручившись ихъ согласіемъ, первый консулъ, на основаніи тайной конвенціи, заключенной въ Парижѣ, обратился къ Императору Александру, предлагая ему разомъ покончить неразрѣшимый вопросъ о вознагражденіяхъ. Всѣ пункты соглашенія были уже заранѣе рѣшены въ Парижѣ, но Бонапартъ для того, чтобы навязать свои сдѣлки Регенсбургскому сейму, рѣшилъ изъ нихъ составить общій сводъ и предложить его отъ имени Франціи и Россіи германскому ареопагу. Такимъ образомъ, два изъ первенствующихъ въ Европѣ, и повидимому наименѣе заинтересованныхъ въ вопросѣ этомъ, государства становились медіаторами въ дѣлѣ, затрогивающемъ самую суть государственнаго строя Германіи. Такое сугубое посредничество спасало достоинство имперіи, хотя за Россіею скрывалось почти полное диктаторство Франціи. Роль, предлагаемая молодому Императору, не могла, однако, не показаться ему лестною, особенно на первыхъ порахъ, когда онъ не успѣлъ еще вникнуть въ суть дѣла. Предложеніе, сдѣ-

ланное Бонапартомъ, было дружелюбно принято въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что главныя германскія державы не могли согласиться относительно мѣста для переговоровъ въ нѣдрахъ имперіи и сами указывали на Парижъ. Отъ одной Австріи Бонапартъ до времени скрывалъ свои планы, рѣшившись ей во всемъ открыться только послѣ распредѣленія вознагражденій и заручившись согласіемъ Россіи, Пруссіи и другихъ германскихъ державъ. Положено было представить Регенсбургскому сейму общую ноту, подписанную представителями Франціи и Россіи, въ которой предлагалось медіаторство. Графъ Морковъ долго не соглашался на тѣ сдѣлки, которыя французскимъ правительствомъ были уже утверждены и которыя поэтому должны были войти in extenso въ составляемую конвенцію. Русскому послу казалось, и не безъ нѣкотораго основанія, что сдѣлки эти были заключены въ ущербъ Австріи. Начались долгіе споры, которые, однако, кончились ничѣмъ, и Морковъ, убѣдившись, что, въ случаѣ дальнѣйшаго съ его стороны сопротивленія, первый консулъ обойдется безъ согласія Россіи, рѣшился наконецъ, 4 Іюня 1802 года, подписать предложенную парижскимъ кабинетомъ ноту. Въ силу этого акта, епископства Гильдесгеймское, Падерборнское и часть Мюнстерскаго вмѣстѣ съ Эрфуртомъ и многими другими имперскими городами и независимыми аббатствами отходили къ Пруссіи. Принцъ Оранскій получалъ Фульду и Корвè. Баваріи уступали епископства Фрейзингенское, Аугсбургское, Эйхштедтское, Вюрцбургское и Бамбергское, графство Верденфельское, городъ Пассау безъ епископства и разные города и аббатства. Это отдавалось ей взамѣнъ Гейдельберга, Мангейма и Рейнскаго пфальцграфства, которое вмѣстѣ съ Шпееромъ, епископствомъ Констанскимъ и другими землями отходило къ Бадену. Виртембергъ получалъ много богатыхъ аббатствъ. Что же касается до Австріи, то на часть эрцгерцога тосканскаго доставались епископства Тріентское и Бриксенское, на которыя вѣнскій дворъ взиралъ какъ на ленныя свои владѣнія, а также епископства Зальцбургское, Пассауское (безъ города) и пробство Берхтольсгаденское; герцогу же моденскому уступался Бризгау. Несчастная Австрія, такъ давно и такъ напрасно выжидавшая себѣ добычи, оставалась снова не причемъ, въ то время, какъ ненавистная ей соперница получила 170 квадратныхъ миль съ 400,000 жителей. Рядомъ съ этими надѣлами два духовныхъ курфюршества упразднялись, и одновременно учреждались три новыхъ свѣтскихъ протестантскихъ курфюрста: маркграфъ Баденскій, герцогъ Виртембергскій и ландграфъ Гессенскій. Такимъ образомъ, Австрія не только была обездолена, но еще скипетръ Германіи выпадалъ изъ ея рукъ. Древній строй римской имперіи былъ сокрушенъ, и большинство въ обѣихъ коллегіяхъ переходило къ протестантамъ. Не даромъ долго не давалъ на такое распредѣленіе своего

согласія графъ Морковъ. Но даже въ послѣднюю минуту посолъ русскаго Императора подписался подъ актомъ только условно, съ тѣмъ, чтобы подлинная бумага представлена была Государю на окончательное утвержденіе. Курьеръ, поскакавшій за утвержденіемъ этимъ въ Петербургъ, засталъ Александра Павловича въ дорогѣ. Уже давно зародилось въ головѣ молодого Монарха мысль лично познакомиться съ королемъ прусскимъ. Мысль эта, передъ самымъ ея осуществленіемъ, сообщена была подъ секретомъ нѣкоторымъ изъ приближенныхъ. Въ то время, какъ Государь считалъ свое рѣшеніе глубокою тайною, о немъ не только разглашали по стогнамъ столицы, но даже затрубили всѣ европейскія газеты. Графъ Сорау былъ въ страшномъ испугѣ; въ Вѣнѣ извѣстіе это произвело поражающее впечатлѣніе. Графъ Кочубей старался успокоить австрійскаго посла и въ то же время извѣстилъ объ этомъ Разумовскаго письмомъ отъ 16 Мая. „C'est moi", писалъ онъ, „qui suis principalement chargé de tous les arrangements du voyage, et j'en suis aussi fâché que du voyage lui-même. Il n'a pas dépendu de moi de l'empêcher. C'est un parti pris il y a un an. Le c-te de Panine en a eu connaissance, et ensuite les deux souverains se sont écrit eux mêmes par l'entremise du prince héréditaire de Mecklembourg. Ils se sont convenus eux-mêmes de se voir, ils ont fixé le lieu de l'entrevue, ils ont déterminé le nombre de personnes qui devaient composer leur suite et c'est quand tout cela a été fait et que l'Empereur ait reçu la dernière lettre de Prusse, qu'il me fit part de ses intentions. Je n'ai pas besoin de vous dire que la chose me deplait assez. Je ne vois aucune utilité et beaucoup d'inconvénients à cette équipée, en ce qu'elle fera parler tout le monde et que l'on cherchera à y voir des monstres, tandis qu'au fond cela ne sera absolument rien. L'Empereur est décidé de n'avoir aucune discussion politique avec le roi. Il a exigé que celui-ci ne fut point accompagné de ministres, et je ne le suis qu'en ma qualité d'ancien habitué. Je crois que l'Empereur tiendra à ses projets, que j'aurai toutefois bien soin de lui rappeler souvent. J'ai fait tout ce que j'ai pu pour tranquilliser Saurau. Faites en de même avec Cobenzl, auquel vous pouvez donner les assurances les plus positives, et en vous servant même de mon nom, qu'il ne sera nullement question de politique à Mémel, que les deux souverains verront des troupes, se parleront de choses indifférentes, que l'Empereur fera peut-être la cour à la reine, si, comme on le dit, elle est si belle et qu'on s'en ira chacun de son côté. Mais en donnant toutes les assurances, mettez moi de grâce à l'abri de l'impression. J'en ai peur depuis que lord Hawkesbury m'a fait dire et redire à lord S-t Helens, dans le № 74 de la gazette de Hambourg

des choses que je n'ai jamais dites et que lord S-t Helens n'a jamais écrites".

Курьеръ Моркова засталъ, какъ мы уже сказали выше, Государя на дорогѣ въ Мемель. Морковъ пересылалъ на утвержденіе Императора актъ о вознагражденіяхъ, подписанный имъ и Талейраномъ. При первомъ чтеніи Александръ Павловичъ одобрилъ-было рѣшеніе Бонапарта въ виду той пользы, которую принесетъ Европѣ замиреніе Германіи и тѣхъ выгодъ, которыя представлялись родственнымъ россійскому дому владѣтелямъ. Но Кочубей представилъ Государю, что присланный Морковымъ планъ вовсе не согласовался съ предложеніями, которыя незадолго передъ тѣмъ были сдѣланы французскому правительству, что Пруссія безмѣрно усиливалась и что нужно было все дѣло посерьёзнѣе обдумать. Вслѣдствіе этого, онъ предложилъ отложить окончательный отвѣтъ до возвращенія въ Петербургъ, не смотря на краткій срокъ, назначенный первымъ консуломъ. Императоръ съ этимъ согласился. Свиданіе въ Мемелѣ состоялось. Оба монарха остались другъ другомъ вполнѣ довольны и разстались увѣренные, что полюбили другъ друга, какъ простые смертные. Передъ самымъ отъѣздомъ Императора Александра, король прусскій получилъ письмо отъ перваго консула, извѣщавшее его, что рѣшеніе великаго вопроса о вознагражденіяхъ зависитъ нынѣ отъ согласія русскаго Государя. Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы переговорить съ гостемъ о нѣмецкихъ дѣлахъ, но послѣдній, вѣрный своему обѣщанію, ловко отклонилъ разговоръ, сказавъ, что изъ Петербурга сообщитъ свое рѣшеніе. По возвращеніи въ Петербургъ, Кочубей занялся изученіемъ полученнаго изъ Парижа проекта и не могъ не сознать, что предложенія были тягостны для Австріи. Онъ составилъ краткій концептъ всего дѣла и предложилъ Государю для обсужденія его собрать совѣтъ. Александръ Павловичъ обратился однако только къ нѣсколькимъ избраннымъ лицамъ. Подъ вліяніемъ утопій о внутреннихъ реформахъ единогласно рѣшили, что вопросъ пора покончить, что Россіи невозможно противиться рѣшенію перваго консула и что отказомъ своимъ Государь причинитъ ущербъ родственнымъ ему дворамъ. Кочубей старался, однако, протянуть дѣло, убѣждая французскаго посла Гедувиля увеличить часть, назначенную великому герцогу тосканскому. Но Гедувиль получилъ изъ Парижа самыя положительныя приказанія и представилъ даже весьма рѣзкую ноту. Кочубей замѣтилъ французскому послу, что представленіе подобной бумаги можетъ испортить все дѣло, и рѣшился болѣе не противиться утвержденію акта. „Après ce qui s'est passé entre la Prusse et nous, depuis l'avénement au trône de l'Empereur", писалъ онъ отъ 10 Іюля къ Разумовскому, „après son voyage à Mémel, après cette espèce d'inti-

mité, qui sans que je sache pourquoi et comment, s'est établie entre les deux souverains, l'Empereur pouvait-il lui refuser une chose qui était amenée insensiblement par tant de ressorts cachés. Mais quoiqu'il en soit, le sort en est jeté, et c'est à vous, mon cher ami, à dorer autant que vous pourrez la pillule à la cour de Vienne... Vous pourrez peut-être ajouter encore quelques raisons à celles qui sont enumérées dans le rescrit. Il y a une raison que l'on pourrait sans doute mettre en avant dans la conversation, c'est la question: la cour de Vienne aurait-elle voulu faire la guerre avec nous, si, comme il n'y a aucun doute, la France avait poussé son obstination jusqu'au dernier excès? La réponse sera certainement négative. Le c-te de Saurau nous a toujours articulé, que sa cour ne voulait pas de guerre, qu'elle ne pouvait pas la faire. Le comte Philippe avouait à Paris, que si Bonaparte demandait la moitié de la monarchie autrichienne, il faudrait bien la lui céder. Ne pouvant donc pas opposer une attitude vigoureuse, quand même nous l'aurions voulu, et le c-te de Morkoff n'ayant rien négligé pour tirer le meilleur parti possible pour la cour de Vienne de l'animosité du premier consul pour elle, que peut prétendre de nous le ministère autrichien?“

Еще до полученія извѣстія о томъ, что все кончено, Разумовскій въ длинномъ донесеніи отъ 24 Іюня излагалъ всю ultima ratio обезумѣвшаго вѣнскаго двора. „Retraçant toute la suite de la conduite de cette cour-ci“, сказано было въ концѣ донесенія, „depuis le premier instant qu'il a été question d'indemnités, l'on s'attache dans l'office que le c-te de Saurau est chargé de transmettre, à rallier tous les points qui peuvent servir de preuve à l'abandon entier, à la confiance extrême, à l'espoir exclusif que S. M. l'empereur et roi a mis dans les sentiments particuliers de V. M. I., dans son intervention et dans son influence dans une affaire, qui d'après ses éléments nouveaux, doit changer forcément tous les rapports anciens et menacer le système entier de l'Europe. L'on y rappelle tout ce que le gouvernement français a employé d'artifices pour détacher cette cour-ci de l'alliance de V. M. I. et l'unir exclusivement à celle de la république. L'on y retrace les propositions qui ont été faites directement au vice-chancelier c-te de Cobenzl pendant son séjour en France et depuis à l'ambassadeur du même nom, et l'on en conclût qu'en suivant ces errements, la maison d'Autriche aurait probablement été mise dans la situation avantagée où la Prusse l'a remplacée depuis. Cependant fidèle à ses principes, cette cour-ci n'a jamais écouté aucune proposition de ce genre et forte de sa confiance dans l'amitié de V. M. elle a voulu, Sire, qu'en adoptant un rôle digne de l'élévation de vos sentiments, du désintéressement de vos principes, vous fussiez en même temps son arbitre, le régulateur du

système de l'Allemagne et le sauveur de sa constitution. Votre médiation acceptée généralement, elle pensait arriver au but auquel elle se croyait en droit de prétendre. Bientôt le système de V. M. lui fut annoncé. Elle n'opposa ni remarques, ni obstacles aux lots, que dans sa justice V. M. avait assignés à la maison éléctorale de Bavière, à celles de Bade et de Wurtemberg. Ses remontrances tombèrent exclusivement sur celui de la Prusse. Les explications qui s'en suivirent aménérent un nouvel ordre de choses et remirent l'arbitrage sur les indemnités entre les mains du chef de la république française. Malgré ce changement, le ministère demeura fidèle à son système premier. Il répéte n'avoir jamais tenté un pas quelconque sans qu'il fût connu de V. M., et défie tous les cabinets de l'Europe de lui prouver une arrière conduite, une démarche vis-à-vis du gouvernement français dans l'affaire des dédommagements, dont il n'ait aussitôt rendu compte à celui de V. M. I. Cependant le moment de la crise n'est plus éloigné, tout annonce une répartition, qui, en donnant en population et en richesses territoriales un accroissement illimité à la Prusse, lui assure une prépondérance imminente en Allemagne, romp toute espèce d'équilibre et laisse à des maisons entièrement dépossédées quelques debris inconsistants, aussi disproportionnés à leurs pertes qu'aux stipulations du strict équivalent, que le traité de Lunéville avait adopté pour base. Le doute seul laisse encore une lueur d'espérance à cette cour-ci; mais son ministère l'envisage déjà comme illusoire, puisqu'il est trop clair, d'après tout ce qui se publie, que le roi de Prusse se dispose à occuper militairement les provinces qui lui sont adjugées... Cependant toutes ces répartitions n'ont pas encore été annoncées officiellement et l'on veut mettre à profit tout ce que la justice, la sûreté et l'équilibre du système de l'Europe pourront inspirer à V. M. I. d'intérêt envers son plus fidèle allié, envers une puissance qui, après toutes les pertes qu'elle a essuyées, après avoir vu déposséder toutes les branches de sa maison, se trouverait lésée d'une manière évidente dans la répartition générale, dans ses droits les plus naturels. Si j'ai conservé à ces détails la chaleur que leur à imprimée le vice-chancelier, en me les retraçant, ... c'est que redacteur fidèle, j'ai cru les exposer tels, qu'ils m'ont été transmis, sans en atténuer le sentiment et l'expression... Il parût étrange au vice-chancelier qu'une puissance qui a détaché, pour les réunir à ses domaines, les plus belles provinces du système germanique et qui par là est devenue partie principale intéressée dans les arrangements nouveaux, parlât de son impartialité. Il répéta que cette vertu appartenait exclusivement à V. M. I., que sa cour pénétrée de cette vérité, malgré les nouvelles, qui la tenaient dans l'abattement et les alarmes, espérait encore, de l'intervention de V. M. et de sa justice, les modifications qu'elle a droit d'attendre

et pour elle et pour la branche de sa maison la plus intéressée dans la répartition définitive des indemnités".

„Я, имѣя избрать", отвѣчалъ на донесеніе это, отъ 10 Іюля, Императоръ Александръ Павловичъ, „между двухъ альтернативовъ: или взять участіе въ дѣлѣ семъ, или сдѣлать оное совсѣмъ для меня чуждымъ, рѣшился на первое по убѣжденіямъ, зрѣло уваженнымъ, что препятствія съ моей стороны послужили бы только къ умноженію замѣшательства, правительству французскому не противнаго, тогда какъ вся Германія жаждетъ за возстановленіемъ въ ней покою... И при предъявленіи со стороны моей сопротивленія, не меньше Франція привела бы въ дѣйство планы свои, развѣ бы дѣло довести до послѣдней крайности и именно до войны, которой быть теперь не можетъ и въ коей, для пользы Россіи, участія я имѣть не могу и что, наконецъ, домы германскіе, въ коихъ особенно я интересовался, лишились бы тѣхъ выгодъ, кои имъ доставляются; но по послѣднему, однако-жъ, обстоятельству сему нужно вамъ примѣтить, что отнюдь не имѣлъ я намѣренія имъ столь благопріятствовать, до тѣхъ поръ, пока ласкался я, что можетъ настоять возможность окончить дѣла сіи по самой строгой справедливости и что выгоды, имъ доставленныя, предложены мнѣ правительствомъ французскимъ. Преподавая вамъ всѣ свѣдѣнія сіи, я желаю, чтобъ вы составили изъ нихъ предметъ изъясненій, коими сопроводить можете сообщеніе министерству австрійскому копіи съ деклараціи, которая подана будетъ на сеймѣ регенсбургскомъ отъ имени моего, тогда какъ таковая же декларація представлена будетъ правительствомъ французскимъ. Вы не оставите пополнить сообщенія всѣми тѣми уваженіями, кои наилучше убѣдить могутъ е. в. императора римскаго въ томъ, что дѣйствительно не существуетъ средствъ принять другія мѣры и что искренно сожалѣю я, если вѣнскій дворъ не получаетъ при случаѣ семъ всѣхъ выгодъ, противу пріобрѣтенія коихъ не встрѣтилъ бы, конечно, онъ никогда никакихъ со стороны моей сопротивленій... Остается здѣсь упомянуть о жалобахъ графа Сорау, что министръ мой въ Парижѣ производилъ негоціацію сію скрытно отъ посла римско-императорскаго, но донесенія графа Моркова покажутъ вамъ, что не отъ него зависѣло, если правительство французское не приступило на предложеніе его, чтобъ графъ Кобенцель [1]) и маркизъ Луккезини допущены были къ общему трактованію, и если, по настоянію Талейрана, и не могъ онъ сообщать всего графу Кобенцелю, коего поведеніе довольно странно въ случаѣ семъ было, то не меньше защищалъ онъ вездѣ интересы Австріи и довелъ сіе до того даже, что принесены были на него жалобы отъ

[1]) Филиппъ.

министерства прусскаго и генераломъ Гедувилемъ отъ имени перваго консула въ пристрастномъ поведеніи его къ двору вѣнскому".

Рескриптъ этотъ произвелъ подавляющее впечатлѣніе въ Вѣнѣ. Графъ Лудовикъ Кобенцель не хотѣлъ, однако, вѣрить безповоротности рѣшенія Россіи и еще разъ обратился въ Петербургъ съ отчаянными мольбами.

„J'ai accompagné mes ouvertures", доносилъ отъ 9 Августа Разумовскій, „vis-à-vis du ministère de tous les motifs que j'ai puisé dans les ordres mêmes de V. M. I. et de tous les moyens particuliers qu'elle a daigné laisser à ma disposition, pour montrer dans leur véritable jour et les principes qui ont dirigé V. M., et l'impossibilité relative où elle s'est trouvée de procurer à la maison d'Autriche des dédommagements plus analogues à ses pertes; en un mot pour lui prouver que le terme obtenu était le terme extrême que les négociations de vos ministres avaient pu effectuer en sa faveur. Malgré les raisons entrainantes que j'ai pu mettre en évidence et quoique, d'après vos ordres suprêmes, j'eusse insinué au c-te de Cobenzl combien une résistance ultérieure dans des circonstances aussi prononcées serait superflue, je n'ai pas pu le détourner de la résolution d'essayer de nouvelles démarches auprès de V. M. I. „Nous avons été bien éloignés", m'a-t-il dit, „de nous attendre aux résultats que nous annoncent les communications que vous venez de nous faire, et S. M. l'empereur, après la confiance entière et illimitée qu'il a mise dans son plus respectable allié, espérait sans doute un autre lot pour la branche de sa maison, qui se trouve lésée dans la répartition des indemnités; mais son système envers la cour de Russie n'en demeurera pas moins inébranlablement le même. C'est fort de cette détermination, qui ne saurait manquer de rencontrer de la part de S. M. l'Empereur de toutes les Russies un retour analogue, que nous essayerons encore tout ce que la justice de nos droits nous donne de titres à une répartition moins disproportionnée à nos pertes. Nous l'attendons avec d'autant plus de confiance que nous ne demandons que ce que, d'après les premiers plans proposés par la Russie, a été adjugé au grand duc de Toscane, et si les négociations, pour avoir changé de foyer, peuvent avoir changé de formes, leur premières bases doivent être immuables. C'est celles que nous réclamons avec toute la force que donne la dignité même de la cour qui les a mises en évidence".

„Rempli des motifs qui ont décidé V. M. dans son accession à la convention du 3 Juin", писалъ далѣе отъ 17 Августа графъ Андрей Кириловичъ, „j'en ai formé le cadre de mes raisonnements vis-à-vis le c-te de Cobenzl. Je me suis appliqué à le convaincre de l'impossibilité absolue de prendre un parti différent dans les circonstances et les rap-

ports imminents de la France avec une puissance toujours jalouse, aujourd'hui rivale de la maison d'Autriche. J'ai allégué toutes les considérations si mûrement pesées et dont les résultats ont convaincu V. M. I. que l'intérêt même de son auguste allié entrainait la nécessité de souscrire au plan proposé par la France pour ne pas exposer, par une résistance d'ailleurs infructueuse, la branche de sa maison, qui doit être dédommagée, à voir diminuer encore son lôt, ou peut-être même à être frustrée d'une indemnité quelconque dans les rapports de malveillance où était à son égard le premier consul. A toutes ces reflexions, joignant l'assurance des regrets profonds que V. M. I. avait éprouvés dans sa démarche, j'en puisai des arguments nouveaux pour prouver au ministère de S. M. l'empereur et roi, qu'il a fallu que les circonstances fussent aussi extrêmes, pour que V. M. I. se décidat à accéder aux propositions du premier consul; qu'il ne restait donc d'autre parti, que de s'y soumettre et que ce serait vainement que l'on chercherait à en retarder la conclusion par l'espoir de se la rendre plus favorable. La persuasion est difficile, quand il s'agit d'intérêts fondés sur des droits réels. Le vice-chancelier les fit valoir avec chaleur. Il me répéta que sa cour en se fiant entièrement à votre haute médiation, Sire, en s'abandonnant sans réserve à la confiance que lui donnaient les principes d'impartialité et de justice, que V. M. I. a manifestés dans toutes les occasions, forte des stipulations du traité de Lunéville, avait vu sans inquiétude les délais du cabinet de Paris. Que l'inactivité même, que l'on pourrait reprocher à son ambassadeur, avait été produite par la conviction que ses intérêts feraient l'objet de la sollicitude du ministre de son plus intime allié. Qu'elle ne pouvait effectivement pas se dissimuler la malveillance du premier consul à son égard; mais que cette disposition même était le fruit de sa persévérance dans son attachement pour votre auguste cour. Que cette malveillance ne s'est prononcée qu'après que le premier consul se fût convaincu, que résistant à ses offres, insensible à l'appât qu'on lui présentait, la cour de Vienne était à l'épreuve de toute espèce de séduction, quand il s'agissait de la détacher de son système opiniatrement invariable, de ses liens et de sa confiance absolue dans V. M. I. Dans cet état de choses (continua le c-te de Cobenzl) dont nous nous sommes fait un devoir scrupuleux de présenter un tableau fidèle à votre ministère, quand nous lui avons fait part de la moindre de nos démarches, devions nous, pouvions nous nous attendre à la tournure subite qui a été adoptée dans le dénouement des indemnités? C'est en vain que vous nous alléguez l'impossibilité relative et directe où vous étiez de vous y opposer. Jamais S. M. l'empereur et roi ne pouvait se persuader que l'on y souscrirait implicitement, sans du moins lui avoir fait part du projet, sans l'avoir con-

sulté sur ses intentions, sans lui avoir laissé le choix d'une alternative quelconque. Celle, extrême, du retour de la guerre était le moins à craindre; jamais les choses n'en seraient venues à ce point et le premier consul voyant qu'on opposait, avec accord et énergie, des objections justes à son plan, se serait sans doute prêté à des accommodements. Enfin, ajouta le c-te de Cobenzl, votre appréhension pour nous sous ce dernier point de vue, a été poussée bien plus loin qu'elle n'existe ici et soyez convaincu que ce ne sera pas point en vertu des ménagements sans réserve que l'on prodigue au consul, qu'il s'abstiendra de recommencer la guerre. Soyez-le également qu'il ne la renouvellera pas pour tel on tel arrangement de domination en Allemagne, mais il la fera quand son intérêt, les agitations intérieures et le maintien de son autorité l'y guideront et alors tous les sacrifices, toutes les humiliations ne laisseront après eux que le regret de s'y être dévoué, sans espoir de les porter en ligne de compte dans les chances nouvelles qui se developperont... J'ai du citer ces raisonnements, parcequ'on les a fait valoir. Je ne m'y arrêterai pas plus que je ne l'ai fait dans les conférences. En cherchant à écarter de vaines récriminations, j'ai tâché de préférence ramener particulièrement les explications sur la nécessité d'acquiéscer aujourd'hui à une mesure convenue définitivement. V. M. I. sait déjà combien mes efforts ont été infructueux. On a tenté de nouvelles démarches vis-à-vis d'elle. L'on en a essayé vis-à-vis du premier consul".

Между тѣмъ, представителямъ Россіи и Франціи при мюнхенскомъ дворѣ, барону Бюлеру и Лафорè, поручено было представить общую ноту регенсбургскому сейму. Въ нотѣ этой было сказано, что такъ какъ государства, составлявшія германскую имперію, не могли до сихъ поръ согласиться относительно исполненія условій люневильскаго трактата, чѣмъ нарушалось спокойствіе Европы, Россія и Франція, какъ дружественныя и безпристрастныя въ вопросѣ семъ державы предлагали сейму свою медіацію, передавали ему подробный планъ вознагражденій и объявляли, что интересы Германіи, утвержденіе мира и общее благо Европы требовали, чтобы все касающееся до вопроса о вознагражденіяхъ рѣшено было не позже какъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ. Въ то же время французскій посолъ въ Вѣнѣ Шампаньи сообщилъ графу Кобенцелю проектъ медіаціи, объявляя, что онъ не имѣетъ права входить въ препирательство и что всѣ переговоры должны быть ведены въ Регенсбургѣ. Впрочемъ, при этомъ дано было почувствовать вѣнскому кабинету, что можно будетъ еще сговориться касательно кое-какихъ статей, напримѣръ, относительно Баваріи и ордена тевтонскихъ рыцарей, но что снисхожденіе перваго консула въ дѣлахъ этихъ будетъ зависѣть отъ немедленнаго согласія римскаго

императора. Пренія начались въ Регенсбургѣ, а Пруссія, Виртембергъ и Баварія поспѣшили, съ согласія Франціи, занять войсками предназначаемыя имъ владѣнія. Австрійское правительство жаловалось всѣмъ и каждому: Франціи на Россію, Россіи на Францію и той, и другой вмѣстѣ на Пруссію и на германскихъ владѣтелей, заключавшихъ союзы съ иностранными державами на гибель римской имперіи. Не желая отстать отъ Пруссіи, Австрія въ свою очередь заняла Зальцбургъ и самовольно захватила городъ Пассау, подъ тѣмъ предлогомъ, что ее молилъ о помощи тамошній епископъ. Отвѣтомъ на этотъ шагъ была конвенція, заключенная первымъ консуломъ и представителями Пруссіи и Баваріи, въ силу которой соединенныя войска трехъ сговорившихся державъ должны были выступить противъ австрійцевъ, если въ шестидесятидневный срокъ городъ Пассау не былъ бы ими очищенъ. Конвенція эта была сообщена графу Моркову.

Отчаянныя просьбы посыпались изъ Вѣны въ Петербургъ. Но Государь рѣшилъ, что всякій новый шагъ будетъ имѣть только цѣлью проволочку, уже и такъ утомительной неизвѣстности. „Je n'ai eu nul autre but ni motif", сказано было въ рескриптѣ на имя Разумовскаго отъ 3 Октября, „en me mêlant des affaires d'Allemagne que d'aider à ce qu'elles soient terminées au plustôt et par là d'assurer la tranquillité générale de l'Europe. C'est dans ce but que je fis présenter aux cours intéressées mes premières idées sur un plan équitable d'indemnités, qui ne fût agréé par aucune d'elles. C'est dans ce même but que je me suis enfin décidé à présenter un nouveau plan de concert avec la France, lequel ayant actuellement l'assentiment de la majorité de l'empire m'impose le devoir... d'éviter tout ce qui pourrait en retarder l'exécution... Ne voulant pas me départir des principes qui m'ont conduit jusqu'à présent, et croyant ne pouvoir donner à la cour de Vienne une marque plus réelle de mon intérêt sincère, je vous charge de lui exprimer en mon nom le conseil amical de céder à la force des circonstances et à ce que l'intérêt du bien général exige d'elle, et de se désister pour le présent de nouvelles propositions... Vous employerez aussi tous les moyens de la persuasion la plus préssante pour engager S. M. l'empereur d'Allemagne de ne plus refuser sa sanction au plan d'indemnités tel qu'il a été présenté à Ratisbonne et de concourir ainsi de concert avec les autres puissances à terminer enfin une oeuvre à laquelle des sacrifices même doivent être faits sans regrets, puisqu'il s'agit de rien moins que de préserver la paix dans toute l'Europe. Je m'en remets à vos talents et à votre zèle accoutumé tant pour faire les démarches que je vous prescris, que pour présenter sous leur véritable jour les motifs réels qui m'y ont porté." „Quant à moi", писалъ еще отъ 3 Ноября Государь, „je ne pourrais dans tous les cas

qu'agir en conformité avec mes démarches antérieures à Ratisbonne et suivre mon devoir le plus sacré qui est celui de m'attacher avant tout à remplir ce qu'exigera le bien-être de mon empire“.

Австрія не посмѣла долѣе противиться, Франція согласилась тогда на нѣкоторыя уступки въ ея пользу. Тріентъ и Бриксенъ поступали въ полное владѣніе вѣнскаго двора. Эрцгерцогу Фердинанду, бывшему великому герцогу тосканскому, кромѣ Зальцбурга и Бергтольсгадена, назначалось еще епископство эйхштетское, и онъ возводился въ санъ курфюрста, что нѣсколько, хотя далеко не вполнѣ, уравнивало партіи въ высшей коллегіи имперіи.

„Comprimé par le poids des circonstances“, доносилъ отъ 24 Декабря Разумовскій, сообщая о переговорахъ между Парижемъ и Вѣною, „le c-te de Cobenzl n'a ajouté aucune discussion directe. Il a voulu uniquement soumettre les évènements à la connaissance de V. M. I., à sa politique bienfaisante et abandonner à sa sagesse à juger elle-même des resultats que peuvent promettre des négociations où le ton arrogant, impérieux, tranchant et comminatoire du cabinet consulaire prescrit comme loi, sans égards quelconques, les impulsions de sa volonté, toujours calculées sur ses ressentiments ou son ambition“.

Переговоры окончились только въ Январѣ 1803 года. Между Франціею и Австріею заключена была конвенція, къ которой приступила и Россія. „Поздравляю в. с. съ окончаніемъ германскихъ скучныхъ дѣлъ“, писалъ къ Разумовскому, замѣнившій Кочубея въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, великій канцлеръ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, отправляя къ послу ратификацію на приступленіе Россіи къ только-что заключенному акту, „въ теченіе которыхъ почти для грядочки земли присылаемы были сюда курьеры и цѣлыя стопы бумаги исписывались. Вѣнскій дворъ, будучи удовлетворенъ въ своихъ требованіяхъ, надѣюсь, признаетъ, сколько пособія наши были ему полезны. Теперь остается вамъ старанія ваши употреблять съ тою довѣренностію, которою вы въ Вѣнѣ пользуетесь, чтобы римскій императорскій дворъ, принятыя имъ обязательства конвенціею, заключенною въ Парижѣ, выполнилъ безъ новыхъ какихъ-либо требованій и чтобы санкція главы имперіи безъ отлагательства дана была на все то, что въ Регенсбургѣ объ индемнизаціяхъ постановлено“.

Несмотря, однако, на конвенцію и на надежды с.-петербургскаго кабинета, много еще пришлось спорить, много исписать бумаги до окончательнаго истощенія запутаннаго вопроса о вознагражденіяхъ.

Въ то время, какъ графъ Андрей Кириловичъ трудился надъ удовлетвореніемъ германскихъ владѣтелей и не мало попортилъ себѣ крови при видѣ, какъ несправедливо отнеслись въ дѣлѣ семъ къ Австріи, Вѣну другъ за другомъ посѣтили два именитыхъ гостя. Пер-

вымъ явился туда, при довольно романтической обстановкѣ, человѣкъ, передъ которымъ въ дни былые Разумовскій воскурилъ не мало ѳиміама, малѣйшія коммиссіи котораго онъ считалъ себя счастливымъ исполнять и для котораго, еще сравнительно недавно, онъ вымаливалъ титулы у вѣнскаго двора. То былъ послѣдній любимецъ Екатерины, Платонъ Александровичъ Зубовъ, ходатайствомъ Разумовскаго, римской имперіи графъ и свѣтлѣйшій князь. Онъ явился въ Вѣну съ тѣмъ, чтобы смыть кровавую обиду, и путешествіе его возбудило вниманіе не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Во время случая Зубова, въ Россію пріѣхалъ нѣкто шевалье де-Саксъ (chevalier de Saxe), незаконный сынъ герцога Максимиліана Саксонскаго, человѣкъ умный и образованный, но надменный и неуживчивый. Екатерина, дорожившая умными людьми, отмѣнно приняла де-Сакса, который умѣлъ, при случаѣ, быть весьма любезнымъ, былъ начитанъ и отлично разговаривалъ. Съ нимъ обращались при дворѣ почти какъ съ принцемъ крови; онъ былъ допущенъ въ число приближенныхъ, принятъ въ эрмитажныя собранія, и ему была даже назначена ежегодная пенсія въ 2,000 рублей, которая, по закону Петра Великаго, выдавалась принцамъ римской имперіи, поступавшимъ на русскую службу. Зубовъ былъ съ нимъ сначала очень любезенъ, но впослѣдствіи стали ходить по городу слухи, будто любимецъ ревнуетъ отличаемаго Императрицею иностранца. Де-Саксъ былъ дружески принятъ въ нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ гостинныхъ, гдѣ умѣли цѣнить его острый умъ, но вообще его въ городѣ не любили. Разъ на екатерингофскомъ гуляніи къ шевалье де-Саксу фамильярно подошелъ князь Н. Г. Щербатовъ, весьма юный и плохо воспитанный унтеръ-офицеръ гвардіи, едва съ нимъ знакомый. Молодой человѣкъ, не смотря на разницу лѣтъ, на полковничій чинъ шевалье, и на то, что послѣдній не обращалъ на него вниманія, развязно спросилъ его: „comment vous portez vous?“ Де-Саксъ, ѣхавшій верхомъ и раздраженный тономъ юноши, отвѣчалъ: „sur mon cheval“. Не слѣдуетъ забывать, что въ тѣ времена фамильярность между юношами и людьми старшими въ обществѣ не допускалась. Щербатовъ разсказалъ о случившемся своимъ полковымъ товарищамъ. Шевалье между военными, въ среду которыхъ онъ попалъ полковникомъ, очень не долюбливали. Товарищи рѣшили, что Щербатову слѣдовало требовать сатисфакціи. На вызовъ мальчика де-Саксъ отвѣчалъ дерзкимъ отказомъ. Въ иное время это никого бы не удивило, но такъ какъ у шевалье было много недоброжелателей, между которыми молва указывала и на Зубова, въ Петербургѣ о дѣлѣ этомъ стали много говорить, осуждая шевалье и находя, что Щербатову невозможно было оставить дерзкій поступокъ надменнаго иностранца безъ послѣдствій. При выходѣ изъ французскаго театра, Щербатовъ остано-

вилъ шевалье и снова потребовалъ у него удовлетворенія. Настойчивость мальчика разсердила вспыльчиваго де-Сакса, и онъ забылся до того, что далъ противнику пощечину. Взбѣшенный Щербатовъ ударилъ его въ отвѣтъ палкою по головѣ. Дѣло произошло въ публичномъ мѣстѣ, полиція вмѣшалась, и шевалье, не смотря на блестящій пріемъ при дворѣ, отведенъ былъ на съѣзжую. Его, однако, вскорѣ выпустили. Внѣ себя отъ гнѣва, онъ написалъ дерзкое письмо къ Зубову, требуя объясненія. Вмѣсто отвѣта повелѣно было Императрицею выслать его за границу. Легко себѣ представить негодованіе де-Сакса. Свою высылку изъ Россіи и вообще поступокъ Щербатова онъ приписывалъ единственно наущенію и интригамъ князя Зубова. Едва переступилъ онъ русскую границу, какъ отправилъ къ князю вызовъ. Отвѣта не воспослѣдовало, тогда шевалье де-Саксъ напечаталъ въ различныхъ газетахъ подъ своею подписью самыя оскорбительныя для Зубова статьи. Находясь въ то время на высотѣ могущества, всесильный фаворитъ не обратилъ на нихъ вниманія. Слѣдуетъ, впрочемъ, въ извиненіе его замѣтить, что Екатерина ненавидѣла поединки и особенно строго къ нимъ относилась. Что же касается до Щербатова, то онъ былъ, по приказанію Императрицы, отправленъ въ дальнюю деревню подъ присмотръ родителей. Екатерина скончалась. Въ Петербургѣ стали неблагосклонно отзываться о долготерпѣніи Зубова, но при Павлѣ I не легко было добиться разрѣшенія ѣхать за границу. Послѣ вступленія на престолъ Александра Павловича, строгости были отмѣнены, и ничто уже не мѣшало Зубову лично отвѣтить на неоднократные вызовы шевалье де-Сакса, о которыхъ продолжали много говорить и притомъ съ нелестной для князя стороны. Лѣтомъ 1802 г. онъ рѣшился ѣхать въ Вѣну. По дорогѣ, въ Варшавѣ, онъ подвергся оскорбленіямъ со стороны нѣсколькихъ поляковъ-фанатиковъ, помнившихъ, что Зубовъ принималъ дѣятельное участіе въ послѣднемъ раздѣлѣ Польши. „Je passerai rapidement“, доносилъ Государю отъ 11 Іюня Разумовскій, „sur les scènes auxquelles le prince de Zouboff fût exposé à Varsovie de la part de la tourbe tumultueuse, chez qui fermente encore le feu mal éteint du désordre et de la licence. V. M. I. en a été informée, elle a jugé dans sa sagesse profonde, combien ce serait blesser le droit individuel que de souffrir que le ministre ou l'homme d'état fut responsable envers des particuliers des mesures du gouvernement qui les ont atteint... Malgré l'évidence de ce principe, que tout homme d'honneur soutiendra avec énergie, mais que l'effervescence des têtes exaltées ne calcule point, le p. de Zouboff se vit dans le cas d'ajourner (sic) un rendez-vous à un homme taré pour ses principes de jacobinisme à un Gielgutt, connu par ses motions sanguinaires pendant la révolution de Pologne. Arrivé à Vienne et précédé

du bruit de ce qui s'était passé à Varsovie, car là il n'existe ni bravoure, ni bravade sans déclamations publiques, à la première conversation du p. de Zouboff avec le vice-chancelier c-te de Cobenzl ce dernier observa avec force, combien il serait contraire au repos des états, que des provocations de ce genre fussent tolérées par les gouvernements et qu'on allait prendre les précautions les plus étendues pour empêcher Gielgutt ou ses émissaires de pénétrer dans les états autrichiens. A la suite de cet entretien le vice-chancelier me renouvela séparément les observations qu'il m'avait faites à différentes reprises et me les répéta avec plus de conviction que jamais. Il me fit envisager ces circonstances comme une preuve irréfragable, que la prudence exigeait que l'on eût toujours un oeil attentif sur les polonais..."

У графа Андрея Кириловича Зубовъ, разумѣется, былъ принятъ какъ свой человѣкъ; роли однако совершенно измѣнились: бывшій фаворитъ заискивалъ теперь у посла и не только постоянно являлся на его пріемы, но даже смиренно посѣщалъ секретарей посольства, между прочими Рибопьера, котораго знавалъ дитятею у покойной Государыни. Въ Вѣнѣ, гдѣ поселился шевалье де-Саксъ, послѣ высылки своей изъ Россіи, пріѣздъ Зубова возбудилъ всеобщее вниманіе. Всѣ еще живо помнили величіе бывшаго временщика и всѣхъ интересовало знать, чѣмъ кончится дѣло съ де-Саксомъ, занимавшимъ видное мѣсто въ высшемъ обществѣ. На другой же день послѣ пріѣзда Зубова, шевалье потребовалъ у него свиданія. Свиданіе это назначено было въ домѣ князя де-Линя, который, помня благоволеніе великой Екатерины, оказывалъ дружескія услуги послѣднему изъ ея любимцевъ. Князь вызвался быть секундантомъ Зубова, что же касается до шевалье, то онъ явился на свиданіе въ сопровожденіи французскаго эмигранта графа д'Отёля (d'Auteuil), служившаго нѣкогда въ Италіи подъ начальствомъ князя Суворова. Между противниками произошли объясненія. Шевалье продолжалъ упрекать Зубова въ подсылкѣ Щербатова и своемъ изгнаніи изъ Россіи. Зубовъ объяснилъ, что къ дѣлу Щербатова онъ непричастенъ и что мѣры противъ де-Сакса были приняты помимо его, такъ какъ покойная Государыня, ненавидѣвшая поединки, всѣмъ распорядилась, съ нимъ не посовѣтовавшись. Не смотря однако на это положительное заявленіе, де-Саксъ продолжалъ настоятельно требовать удовлетворенія. Положено было, что противники встрѣтятся близъ Тёплица, на границахъ Саксоніи, черезъ 15 дней. Благодаря вліянію князя де-Линя, отношенія между де-Саксомъ и Зубовымъ нѣсколько утратили свой прежній острый характеръ. Между тѣмъ, не смотря на принятыя австрійскимъ правительствомъ мѣры, изъ Варшавы успѣлъ пробраться безъ паспорта въ Вѣну Гильгутъ и сталъ осаждать Зубова. Его, разумѣется,

не допускали къ князю. Вице-канцлера, графа Кобенцеля, въ Вѣнѣ не было. Онъ находился при императорѣ въ Пресбургѣ, куда послѣднiй отправился для открытiя венгерскаго сейма. Разумовскiй тоже собрался ѣхать за дворомъ въ Пресбургъ, но ему отказали въ особенномъ видѣ, а ѣхать съ обыкновеннымъ паспортомъ, какъ простой смертный, гордый представитель Россiи не соглашался. За отсутствiемъ вице-канцлера, графъ Разумовскiй обратился къ полицiи. „Pour éviter toute esclandre“, доносилъ онъ Государю, „à laquelle il paraissait que l'on cherchait à donner lieu, je crus nécessaire de faire prévenir la police et elle prit des mesures qui détournèrent toute espèce de scène publique et d'action, mais qui ne pût empêcher que la chose ne fût ébruitée“.

Съ своей стороны, князь Щербатовъ, узнавъ, что Зубовъ поѣхалъ въ Вѣну съ тѣмъ, чтобы объясниться съ шевалье де-Саксомъ, предпринялъ огромное путешествiе изъ отцовскаго имѣнiя, чтобы самому вызвать шевалье де-Сакса на дуэль. Вслѣдствiе этого графъ Андрей Кириловичъ сталъ искать свиданiя съ де-Саксомъ, надѣясь отговорить его отъ намѣренiя драться съ Зубовымъ, въ виду неминуемой дуэли съ Щербатовымъ. Доводы его не убѣдили шевалье, который первый отправился въ Тёплицъ. За нимъ послѣдовалъ князь Зубовъ въ сопровожденiи князя де-Линя, усердно хлопотавшаго по этому дѣлу. Послѣднимъ поскакалъ туда запоздавшiй Щербатовъ. Графъ Рибопьеръ въ запискахъ своихъ разсказываетъ, что Зубовъ отправлялся на поединокъ, какъ слабая женщина, приговоренная къ мучительной операцiи. По его словамъ Зубовъ дрался смѣшно, прежде, чѣмъ взяться за шпагу, сталъ на колѣни, долго молился; потомъ, наступая на шевалье, наткнулся на его оружiе и, чувствуя, что получилъ царапину, объявилъ, что долѣе не можетъ драться. Шевалье, говоритъ далѣе Рибопьеръ, нанося Зубову ударъ, воскликнулъ: вы мнѣ надоѣли [1]). Князь де-Линь, наоборотъ, увѣдомившiй Разумовскаго объ исходѣ поединка, свидѣтельствуетъ, что Зубовъ весело шелъ на дуэль и что, несмотря на сильную боль отъ глубокой, хотя и не опасной раны, онъ продолжалъ быть бодрымъ и веселымъ. Графъ Андрей Кириловичъ описалъ всѣ подробности этого дѣла въ длинномъ донесенiи къ Государю. Въ то время, какъ онъ его составлялъ, князь Щербатовъ, вызвавшiй въ свою очередь де-Сакса, на-повалъ убилъ послѣдняго изъ пистолета.

Когда окончилось это драматическое дѣло, причинившее послу нашему не мало хлопотъ, онъ отправился на воды въ Карльсбадъ, куда лѣтомъ собирался весь цвѣтъ вѣнскаго общества. Разумовскiй уже

[1]) Русскiй Архивъ, 1877. I. 199.

давно помышлялъ о леченіи въ Карльсбадѣ, но обстоятельства его постоянно отъ этого отвлекали. И на этотъ разъ онъ не могъ исполнить своего давнишняго намѣренія. Едва онъ пріѣхалъ, какъ на него посыпались письма отъ Кочубея и высочайшіе рескрипты. Государю было угодно, чтобы онъ лично принималъ участіе въ переговорахъ о вознагражденіяхъ, такъ что волею-неволею пришлось покинуть Карльсбадъ и вернуться въ опустѣвшую Вѣну.

Осенью 1802 года въ Вѣну прибылъ братъ Государя, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. „Vous vous rappellerez, sans doute", писалъ по случаю отъѣзда Великаго Князя изъ Петербурга, къ Разумовскому Кочубей, „que nous avons souvent causé pendant votre séjour ici de la fougue du caractère du Grand Duc, de toutes les affaires désagréables qu'il a eues ici, et du bien que lui ferait peut-être un voyage, si pendant les résidences qu'il ferait dans les grandes villes, il était bien conseillé. Le hasard a voulu que ce rêve se réalisât et que vous soyez justement l'homme qui se trouverait dans le cas de s'occuper de lui. Je dis le hazard, car voici le fait. Le Grand Duc partit d'ici sans avoir la moindre intention de passer la frontière, autrement que pour voir à Lemberg quelques généraux et officiers, anciens camarades de guerre. Une lettre de l'empereur François et l'apparition de la princesse Esterhazy le décident à demander la permission de faire une tournée à Vienne. Il expédie en toute hâte un courrier ici et écrit à l'Empereur la lettre la plus pressante. L'Empereur répugnait d'abord à ce voyage par l'idée que l'on pouvait l'interprêter comme une suite des soupçons qui pouvaient lui être restés sur le compte de son frère, dans la fable forgée par un certain Шубинъ, qui, pour se faire un mérite, avait prétendu que deux aides de camp du Grand Duc étaient entrés dans un complot, où il n'était question de rien moins que d'attenter aux jours de S. M. L'on représenta à l'Empereur, que l'affaire éclaircie, et son amitié pour le Grand Duc étant connue généralement, ce soupçon ne viendrait jamais en tête à personne, et l'Empereur pour ne pas donner de refus au Grand Duc consentit à ce qu'il se rendit à Vienne. Voilà, mon cher comte, l'origine et l'histoire de ce voyage. Je reviens maintenant à l'utilité dont vous pourriez être au Grand Duc. Il a paru avoir de la confiance en vous et si, profitant de cette position vis-à-vis de lui, vous lui glissiez quelques conseils, qui eussent trait à la bonne réputation qu'il peut se faire en fréquentant la bonne compagnie, en mettant une extrême réserve dans sa conduite, peut-être se rendrait-il à des avis aussi salutaires. Il a de l'esprit et certes il n'est pas mauvais. Le reproche qu'on peut lui faire c'est peut-être d'avoir une mauvaise tête et surtout d'avoir contracté de mauvaises habitudes dans les camps. Vous nous rendriez véritablement un service

essentiel d'employer tous les moyens dont la Providence vous a si généreusement favorisé pour tourner au bien le séjour du Grand Duc à Vienne. Il ne faudrait pas que l'on se jette trop à son cou et je crains que la cour n'outre la réception qu'elle lui fera. Il a des droits comme frère de l'Empereur à être bien reçu, mais il y a mesure à tout et Cobenzl ne parait pas être l'homme de la mesure noble. Je n'ai pas besoin de vous dire, mon cher comte, combien vous vous recommanderez auprès de l'Empereur en vous occupant beaucoup du Grand Duc. Vous savez qu'il aime tendrement son frère, et le compte qu'il rendra de tout ce que vous avez fait pour lui ne pourra que vous être avantageux... Je vous aurais beaucoup d'obligation, si vous aviez l'amitié de me donner quelques nouvelles du Grand Duc. Je les metterai sous les yeux de l'Empereur, qui m'a chargé de vous parler de son frère, mais sans m'autoriser à vous donner aucun ordre de sa part, aussi en m'écrivant ostensiblement, ne vous servez d'aucune tournure officielle".

Вслѣдствіе этихъ негласныхъ предписаній, Разумовскій учредилъ Цесаревичу пріемъ на славу. Онъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ принцомъ Фердинандомъ Виртембергскимъ на станцію Волькенсдорфъ, гдѣ Великаго Князя роскошно угощалъ князь Эстергази. Вѣнское народонаселеніе съ криками „виватъ“ высыпало на встрѣчу къ августѣйшему путешественнику, которому приготовлено было помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ. Въ первый же день своего пріѣзда, послѣ торжественнаго представленія въ театрѣ, онъ ужиналъ у посла. Въ честь брата Государя бывали ежедневные парады, обѣды и даже выходъ при дворѣ, несмотря на беременность императрицы. Выходъ этотъ былъ до того многочисленъ, что напомнилъ жителямъ Вѣны времена Іосифа II. Разумовскій далъ блестящій балъ, на который собралось все высшее общество. Андрею Кириловичу предписано было слѣдить за разговорами Великаго Князя, и онъ, передавая въ донесеніи своемъ отъ 13 Октября подробности о пребываніи Цесаревича въ Вѣнѣ, шифромъ добавлялъ, что до политическихъ вопросовъ, въ сношеніяхъ своихъ съ членами императорской фамиліи, Константинъ Павловичъ не касался.

Австрійскимъ представителемъ въ С.-Петербургѣ, графомъ Сорау, Государь былъ недоволенъ. Мы уже замѣтили, что онъ велъ себя безтактно. Онъ перессорился съ княземъ Куракинымъ, требовалъ аудіенцій, въ то время, когда посламъ объявлено было, что Государь не желаетъ болѣе вести личныхъ переговоровъ съ дипломатами, и наконецъ въ неприличныхъ выраженіяхъ говорилъ о томъ, что Россія не хотѣла помочь Австріи и что послѣдняя была жертвою своей преданности къ петербургскому двору. Графу Андрею

Кириловичу предписано было ловкимъ образомъ намекнуть въ Вѣнѣ, что отзывъ Сорау былъ бы пріятенъ Государю. „Après la réception des ordres de S. M. I.“, отвѣчалъ Разумовскій князю Куракину, „je me suis empressé de faire auprès du ministère des démarches qui en devaient être la suite. Je les ai accompagnées de tous les ménagements que S. M. a voulu que j'y misse, et dont la prescription caractèrise si bien l'élévation de ses sentiments et la bonté qu'elle porte dans toutes ses actions. J'ai trouvé le ministère tout préparé à des explications qu'il avait prévu ne pouvoir pas être éloignées. Il savait que le c-te de Saurau n'avait pas eu l'honneur de plaire à une cour, avec laquelle on cherche à entretenir, avec une persévérance suivie, tous les rapports d'intimité, en prévenant, ou écartant tous les objets qui pourraient porter la moindre atteinte à un système, que l'on m'a toujours annoncé comme exclusif de la part de l'empereur et roi... Le c-te de Cobenzl fût autorisé à m'annoncer qu'un courrier porterait au c-te de Saurau les injonctions d'annoncer un congé, que pour les premiers moments m. Oudélitz resterait chargé des affaires, que bientôt remplacé par un homme de mise et de nom pour être ambassadeur, celui-ci ne déployerait cependant ce caractère qu'après qu'on aurait acquis la conviction que le choix qu'on aura fait a été agréable“.

Графъ Сорау выѣхалъ изъ Петербурга, но ему долго не могли подыскать преемника. „Plus on a mis d'empressement à hâter le retour du c-te de Saurau, pour donner à notre cour des preuves réelles d'une condescendance entière, plus on apporte aujourd'hui de précaution à la nomination nouvelle. On cherche un homme, qui agréable dans le commerce des affaires et de la société sache mettre dans toute son évidence le désir toujours actif de la part de S. M. l'empereur et roi de plaire en toute occasion à son plus intime allié et d'entretenir avec lui tous les rapports de prévenance, d'harmonie et de bon accord auxquels il attâche un prix aussi marqué, et dont il fait l'objet de ses soins et de son système“.

Преемникомъ графа Сорау назначался посланникъ въ Берлинѣ графъ Стадіонъ, а мѣсто послѣдняго занялъ знаменитый впослѣдствіи князь (тогда еще графъ) Метернихъ. Выборомъ этимъ, однако, въ Петербургѣ были не вполнѣ довольны, и графъ А. Р. Воронцовъ намекалъ Разумовскому, что Государю особенно былъ бы угоденъ кто-нибудь изъ военныхъ, которые лучше другихъ умѣютъ сочетать прямодушіе и чистосердечіе съ необходимыми для дипломата качествами. Несмотря на то, что въ депешѣ Воронцова прямо указанъ былъ генералъ графъ Мерфельдъ, какъ угодный Государю кандидатъ, назначеніе это не состоялось, и мѣсто графа Сорау въ Петербургѣ занялъ графъ Стадіонъ.

ГЛАВА XVIII.

Новое столкновеніе съ Шампаньи.—Смерть графа Кирилы Григорьевича. — Путешествіе въ Россію. — Перемѣна политики. — Постройка дома. — Жизнь въ Вѣнѣ. — Общество. — Музыка. — Квартетъ Разумовскаго.—Гайденъ, Моцартъ, Бетховенъ.—Антифранцузская партія.—Генцъ.—Поццо ди-Борго.—Начало новой коалиціи. — Переговоры. — Миссіи Новосильцова въ Лондонѣ и Парижѣ.

Новый 1803 годъ не радостно начался для Разумовскаго. Живо помня прошлогоднее столкновеніе съ Шампаньи, графъ Андрей Кириловичъ заранѣе обдумывалъ какъ бы на этотъ разъ избѣгнуть всякой подобной сцены. Съ этою цѣлью онъ въ день новаго года собрался съ поздравленіемъ во дворецъ гораздо ранѣе назначеннаго времени. Такимъ образомъ, онъ увѣренъ былъ быть первымъ на пріемѣ и, въ то же время, не встрѣтиться съ французскимъ посломъ и не имѣть съ нимъ обидныхъ и неприличныхъ объясненій. Предположеніе свое Разумовскій привелъ въ исполненіе, но дѣло приняло вовсе неожиданный для него поворотъ.

„Parmi les communications que le c-te de Cobenzl vient de me donner des affaires courantes de son cabinet,“, писалъ Разумовскій къ гр. А. Р. Воронцову отъ 27 Декабря, „il se trouve une note dont l'objet m'a paru si étrange que j'ai cru devoir l'annoncer à v. e. Il s'agit de nouveau d'une contestation de pas, et c'est encore la cérémonie du nouvel an qui y a donné lieu. Quelque fastidieuse qu'une parielle question soit de fait et de détails, les circonstances m'obligent cependant, m. le comte, de vous en retracer le motif. Le principe établi à cette cour-ci, principe adopté pour couper court a des réclamations sans cesse rennaissantes de préséance et de pas, — veut que dans les solennités publiques, mais où il s'agit cependant d'audience à huit clos, celui qui arrive le premier à la cour soit indroduit le premier chez l'empereur. M. Champagny avait fait l'année passée lui-même l'éloge de cette mesure, destinée à concilier les prétentions des cours et à l'approche du nouvel an lorsqu'on lui en rappela la règle il en parla dans le même sens. Quant à moi elle me fût intimée de la même manière qu'à lui, mais arrivé avant lui, j'eus le premier l'audience d'étiquette. Je quittai même déjà la cour, quand l'ambassadeur de France arriva et tout s'était passé aux heures et dans la forme prescrite, reçue et approuvée par m. Champagny même. Cependant il y a deux jours, qu'il a remis au c-te de Cobenzl une note, dont les termes sont

si etranges, le bases si ridicules, les suppositions si hasardées, le ton si extraordinaire, que je crus devoir en demander une copie confidentielle au vice-chancelier. Il me l'a promis et si le temps ne lui a pas permis de la faire expédier pour moi, je dois croire cependant qu'elle aura été communiquée à notre auguste cour. J'ai voulu l'annoncer directement a s. e. plustôt, pour disculper le caractère personnel de m. de Champagny, que par un autre motif quelconque. Ses moeurs sont trop douces, son caractère trop paisible pour qu'il ait conçu de son propre mouvement des plaintes de ce genre, et tout doit porter à croire qu'il avait des ordres directes de son gouvernement d'agir ainsi. L'harmonie n'a cependant point cessé d'exister entre nous. Je dinai chez lui le jeudi qui a suivi le jour de l'an; il dinera chez moi jeudi prochain et de cette manière c'est le cabinet autrichien seul qui porte le fond du ressentiment pour l'avantage, que les circonstances ont donné, sans sa participation et bien naturellement, à l'ambassadeur de Russie".

Дѣло было въ томъ, что самъ Шампаньи собрался на этотъ разъ какъ можно ранѣе во дворецъ и пріѣхалъ туда за четверть часа до назначеннаго въ дворцовыхъ повѣсткахъ времени. Къ крайнему своему удивленію, онъ встрѣтилъ по дорогѣ Разумовскаго, возвращающагося уже домой въ парадномъ своемъ экипажѣ. Узнавъ во дворцѣ, что русскій посолъ, несмотря на раннюю пору, успѣлъ поздравить Императора, Шампаньи въ тотъ же день отправилъ ноту къ графу Кобенцелю, въ которой спрашивалъ: всѣмъ ли посламъ назначенъ былъ одинаковый часъ для представленія поздравленій. Началась новая исторія, которая не на шутку раздражила Государя; пошли дипломатическія ноты и депеши. На этотъ разъ Императоръ не соблаговолилъ писать именныхъ рескриптовъ и приказалъ великому канцлеру взмылить голову неугомонному послу.

„Не могу не замѣтить в. с.", писалъ по сему случаю къ Разумовскому графъ А. Р. Воронцовъ, „по точной волѣ Государя Императора, что этикетъ, вѣнскимъ дворомъ установленный, по которому посолъ первый во дворецъ прибывшій, первый и къ императору римскому допускается, самъ собою уничтожаетъ легкій о предсѣдательствѣ споръ и вы, м. г. мой, рановременнымъ пріѣздомъ вашимъ во дворецъ всей непріятной сей огласки самопроизвольно причину подали и, не сообразуясь со временемъ, къ пріѣзду пословъ назначеннымъ, о чемъ васъ увѣдомили повѣсткою отъ двора, могли еще навлещи на себя непріятное замѣчаніе и самаго вѣнскаго министерства, котораго избѣжали вы чрезъ уваженіе къ высочайшему двору нашему, а можетъ быть и въ оказательство личной къ вамъ благосклонности". Въ примѣръ Разумовскому графъ Александръ Романовичъ ставилъ брата своего Семена Романовича, „списавшагося съ графомъ Морко-

вымъ и предложившаго средства, упреждающія всякіе по предмету сему споры. Когда бы в. с. поведеніе свое на подобномъ разсужденіи основали, то конечно бы отвратили неприличныя притязанія г. Шампаньи". Дѣло снова, однако, окончилось миромъ, благодаря графу Кобенцелю, которому удалось успокоить щекотливое французское правительство, но Разумовскій долго не могъ забыть строгаго выговора, который, какъ ему сообщалъ впослѣдствіи въ собственноручномъ письмѣ Воронцовъ, былъ продиктованъ самимъ Государемъ. Этотъ вторичный урокъ, данный изъ-за ненавистныхъ республиканцевъ да притомъ еще по дѣлу объ этикетѣ, въ которомъ русскій посолъ считалъ себя непогрѣшимымъ судьею, еще сильнѣе развили въ сердцѣ Разумовскаго давнюю ненависть къ Франціи и Бонапарту.

Передъ возвращеніемъ своимъ въ Вѣну въ 1802 году, графъ Андрей Кириловичъ, какъ мы упомянули выше, посѣтилъ Батуринъ. Онъ засталъ отца въ жалкомъ состояніи. Немочи его съ каждымъ днемъ усиливались. Послу удалось уговорить фельдмаршала предпринять путешествіе за границу. Андрей Кириловичъ надѣялся, что Карлсбадскія воды, леченіе знаменитаго въ то время по Европѣ вѣнскаго доктора Франка, а также перемѣна обстановки, среди которой такъ грустно угасала жизнь графа Кирилы Григорьевича, благотворно подѣйствуютъ на состояніе больного. Заказана была въ Лондонѣ дорожная карета, и Разумовскій цѣлый годъ поджидалъ отцовскаго пріѣзда. Но силы фельдмаршала быстро угасали, а съ ними и нравственная его энергія. Не хватало рѣшимости подняться съ мѣста, тѣмъ болѣе, что люди, окружавшіе старика, сильно возставали противъ путешествія. Стоившая страшно дорого лондонская карета, по прибытіи въ Батуринъ, оказалась негодною къ употребленію. О путешествіи перестали даже говорить; состояніе больного ухудшалось съ каждымъ днемъ, и 3 Января 1803 года графъ Кирила Григорьевичъ скончался.

„La nouvelle atterránte de la mort de mon père", писалъ къ Воронцову отъ 23 Января Разумовскій, „m'étant parvenue dans le moment où le c-te de Cobenzl s'occupait de l'expédition de son courrier, ma situation après une perte, dont l'impression ne saurait s'effacer de mon esprit, ne me permit point de voir le vice-chancelier avant le départ de ses dépéches. Il eût l'attention de se rendre chez moi".

Великій канцлеръ въ теплыхъ словахъ выразилъ свое сочувствіе графу Андрею Кириловичу. „Оканчивая сегодняшнее бесѣдованіе", писалъ онъ отъ 21 Января, „не могу скрыть соболѣзнованія моего о кончинѣ графа Кирилы Григорьевича. Не сомнѣваюсь о томъ чувствительномъ прискорбіи, какое печальное сіе извѣстіе должно причинить вамъ. Привыкнувъ самъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ почи-

тать родителя вашего, горестную сію потерю въ полной мѣрѣ раздѣляю“.

„J'ai été vivement touché“, отвѣчалъ Разумовскій, „de la part que vous me témoignez prendre à mon malheur. Inconsolable sur la mort du meilleur des pères, je n'éprouve de soulagement qu'en la voyant partagée à ceux qu'il distinguait lui-même, par le respect et la considération dues à leurs qualités“.

Графъ Андрей Кириловичъ просилъ шестимѣсячный отпускъ, съ тѣмъ, чтобы окончить прерванное въ прошедшемъ году леченіе въ Карльсбадѣ, и кромѣ того, съѣздить въ Россію для свиданія съ братьями и для раздѣла отцовскаго наслѣдства. Для всего этого онъ хотѣлъ воспользоваться лѣтними мѣсяцами, а до тѣхъ поръ заняться неразрѣшенными еще подробностями вопроса о вознагражденіяхъ. Несмотря на то, что главныя основы этого дѣла были давно всѣми приняты, явилась масса второстепенныхъ задачъ, которыя порождали новые споры и пререканія. „Je n'ai pu voir qu'avec peine“, доносилъ Государю отъ 26 Марта Разумовскій, „le langage presqu'amer qui accompagne toutes les discussions de ce genre. Ce ressentiment réciproque ne saurait être le fruit des évènements. Ceux-ci sembleraient au contraire devoir commander harmonie, rapprochement et bonne intelligence. V. M. I. a jugé de même; elle m'a imposé la tâche intéressante d'une conciliation aussi nécessaire. Les éléments cependant n'y sont guère préparés... Je n'ai toutefois négligé aucune occasion de faire sentir au ministère autrichien, combien V. M. mettait de désir à un rapprochement de ce genre...“ Особенно обострились сношенія между Австріею и Баваріею. Курфюрстъ баварскій жаловался въ Петербургъ на пристрастіе Разумовскаго къ австрійскому двору, и великій канцлеръ ему за это выговаривалъ. „Dans une des dépêches que v. e. m'a adressées“, отвѣчалъ на выговоръ этотъ графъ Андрей Кириловичъ, „elle me félicite que nous ayons mis fin à la fastidieuse besogne des indemnités. J'apprécie bien, m. le comte, la conclusion de cette ennuyeuse affaire, et en vous offrant les mêmes félicitations du fond de mon coeur, je me ferais une loi de ne plus en parler, si une observation de votre part ne m'imposait celle d'une explication. V. e. me marque que la cour de Bavière a fait retentir quelque mécontentement à mon égard. J'en suis fâché, mais toujours conséquent et impartial dans ma conduite, ces plaintes me toucheraient peu, si je ne l'étais infiniment de l'impression injuste qui peut en résulter sur l'esprit de mon Souverain, ou de son ministère, et c'est sur ce point de vue que je prends à tâche d'éclairer sur la source des rapports qui pourront l'avoir fait naître. L'électeur a pour ministre un petit monsieur, dont le caractère est généralement connu pour sa turbulence et sa méchan-

ceté. Cette disposition naturelle s'est développée sous la tutelle du fameux d'Antraigues, le plus mauvais sujet qui existe sur le globe". Такимъ образомъ уже покинувшій Вѣну д'Антрегъ былъ причиною, по мнѣнію Разумовскаго, приносимыхъ на него со стороны Баваріи жалобъ. Однако, въ Петербургѣ мнѣніе о пристрастіи Андрея Кириловича къ австрійскому двору основывали на болѣе вѣскихъ доказательствахъ, чѣмъ доносы и интриги д'Антрега. Раза два, на депешахъ Разумовскаго къ Воронцову, самъ Государь помѣтилъ карандашемъ свое неодобреніе, и канцлеръ въ оффиціальномъ отношеніи выговаривалъ послу, отъ имени Императора, за то, что онъ разсудилъ принять, безъ всякаго возраженія, какъ словесныя, такъ и письменныя изъясненія бывшаго великаго герцога тосканскаго. Графъ Андрей Кириловичъ отвѣчалъ цѣлымъ рядомъ депешъ, доказывая, что онъ постоянно дѣйствовалъ согласно съ интересами Россіи и что слова его никогда и ни въ чемъ не могли компрометтировать образа дѣйствій, принятаго с.-петербургскимъ кабинетомъ. Послѣднія затрудненія, касательно вознагражденій, были, однакоже, наконецъ, устранены, и 13 Апрѣля Разумовскій доносилъ Государю, что римскій императоръ даровалъ свою санкцію заключительнымъ рѣшеніямъ регенсбургскаго сейма и тѣмъ положилъ конецъ вопросу, занимавшему такъ долго и еще такъ недавно всѣ умы въ Европѣ. Но въ данную минуту мало кто безпокоился о вознагражденіяхъ, назначаемыхъ германскимъ владѣтелямъ. Новое усложненіе угрожало теперь общему покою. Утвержденный слабымъ министерствомъ Аддингтона, невыгодный для Англіи амьенскій миръ возбуждалъ всеобщій ропотъ въ Великобританіи. Исполненіе мирныхъ условій отлагалось подъ разными предлогами со дня на день. Умы стали волноваться и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ; пресса раздувала пламя; дипломатическая переписка приняла крайне острый характеръ. Странная выходка Бонапарта противъ англійскаго посла лорда Витворта, на вечерѣ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, доказала Европѣ, что разрывъ между Англіею и Франціею неминуемъ. Лордъ Витвортъ представилъ ультиматумъ с.-джемскаго двора и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, выѣхалъ изъ Парижа. „Les nouvelles qui circulent ici sur l'évènement qui tient tous les esprits en suspens", доносилъ Государю Разумовскій, „celui d'une levée de boucliers entre la France et l'Angleterre, sont encore si vagues, leur mobilité si grande, que si j'eu l'honneur d'en soumettre quelques détails à V. M. I. c'est moins pour leur rapport avec l'objet même, que pour la situation où se trouvent à cet égard et la cour impériale et, vis-à-vis d'elle, les ministres des puissances principalement intéressées".

Въ Петербургѣ оборотомъ дѣлъ были очень озабочены, и Воронцовъ просилъ Разумовскаго „въ дружеской откровенности сообщить

ему, какъ на кризисъ дѣлъ взираютъ при вѣнскомъ дворѣ, особливо на случай, еслибы военное пламя могло распространиться на Германію, Италію и Востокъ, какъ того опасаться можно“ [1]).

„Deux considérations“, отвѣчалъ на запросъ этотъ, отъ 6 Мая, Разумовскій, „doivent ce me semble servir de boussole dans le moment présent, aussi bien qu'à l'égard des premiers développements de l'explosion, si elle a lieu. 1-o. L'incertitude de l'issue des négociations de Paris. Les chances varient d'un jour à l'autre, les pourparlers se prolongent et les délais autorisent la conjecture qu'on épuisera tous les moyens de conciliation avant d'en venir à un parti extrême. 2-o. La position où se trouve aujourd'hui le cabinet de Vienne, par un concours de circonstances qui le mettent hors d'état de prendre une part active et énergique aux combinaisons de la politique. Si la guerre éclate, les premiers coups se porteront sur mer et les opérations qui la favoriseront sur le continent, devant avoir vraisemblablement l'Italie pour objet, n'éprouveront aucune résistance dans l'état d'asservissement où le sceptre consulaire a mis cette contrée en pleine paix. N'ayant pas d'obstacles à redouter de la maison d'Autriche, pourquoi la France rechercherait-elle son alliance? Pourquoi ferait-elle des sacrifices pour se procurer un secours inutile, tant qu'elle est en force, et précaire, si les hazards de la guerre tournent contre elle? V. e. observera sans doute que ces reflexions, si elles ont quelque justesse, exigeraient le développement, dont elles sont susceptibles, mais elle appréciera en même temps les motifs qui m'empêchent de m'y livrer. Ses propres combinaisons y suppléeront. Je me bornerai à ajouter que dans toutes celles qui pourront amener en Europe les intérêts ou les calculs des puissances, la cour de Vienne a jusqu'ici pour principe invariable de ne point s'écarter de l'union et de l'intimité qui la lient à la notre, et de se conformer, pour ainsi dire, entièrement au mouvement que ce système lui imprimera...“

Графъ Андрей Кириловичъ менѣе загадочно выразился въ собственноручномъ и притомъ секретномъ письмѣ къ Воронцову отъ 9-го Іюня. „Par le dernier courrier qu'on a reçu de Londres, le comte de Starhemberg mande, que le ministère britannique n'était point sans espoir, que dans la crise où se trouvaient les affaires et au cas que la guerre s'en suive, notre cour déclare aux puissances belligérantes sa ferme résolution de maintenir la paix sur le continent, de se prononcer contre tout acte hostile et de ne pas souffrir que la plus stricte neutralité soit enfreinte directement où indirectement. Permettez m. le comte, que, m'arrêtant un instant dans ma narration, je me livre à l'impression que

[1]) Письмо Воронцова къ Разумовскому отъ 4 Апрѣля.

m'a fait cette nouvelle, avec la franchise d'expression à laquelle vous avez bien voulu m'autoriser dans une correspondance familière, que vous accueillez avec bonté et indulgence. Neutraliser le continent au moment où une guerre maritime va éclater, c'est une grande et sublime idée, digne d'une puissance comme la Russie et du génie qui dirige ses destinées. Rallier les grandes puissances, protéger les faibles, consolider l'existence de toutes, sont les avantages saillants d'un système aussi sage que salutaire, dont les bénédictions éternelles des peuples seront la meilleure apologie; d'un système enfin, le seul propre à prévenir les maux incalculables que présage à l'Europe l'ambition, les moyens et l'audace du gouvernement consulaire. Il ne m'appartient point d'entrer dans le développement d'un plan aussi vaste; me réservant à ce qui concerne la place et les relations qui me sont confiées, je me bornerai à ajouter quelques lignes que j'ai eu l'honneur de vous mander par le dernier courrier autrichien. La certitude que j'ai, que le c-te de Cobenzl ne laisse aucune de mes dépêches sans en prendre lecture, ne m'a pas permis alors de parler librement. V. e. peut être persuadée, je le répéte, que cette cour a pour principe l'union et l'intimité avec la notre, mais il n'en est pas moins vrai qu'elle a pour mobile une faiblesse extrême et une profonde timidité. Cette dernière circonstance la rendra toujours dépendante, tant qu'elle sera gouvernée par le ministère actuel, et si les armes de la France font la loi au continent, je ne doute pas que la cour de Vienne ne se soumette à celles que lui dictera la puissance du consul".

Холодная и дождливая погода задержала Разумовскаго въ Вѣнѣ гораздо долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Кромѣ обыкновенныхъ дипломатическихъ дѣлъ онъ занятъ былъ отдѣлкою новой посольской церкви, освященіе которой совершилось 6 Іюня 1803 года. „Je consacre une dépêche séparée", оффиціально писалъ по этому случаю посолъ къ великому канцлеру, „à un objet qui tient à l'opinion que des individus nombreux ont vouée aux vertus du Maître auguste, que nous servons dont l'importance est dans notre propre attachement à la religion sainte que nous professons et qui sous ces rapports sera doublement appréciée par v. e. La pluspart des grecs domiciliés à Vienne et plus encore les illyriens, dont la langue a tant de ressemblance avec la notre, fréquentent la chapelle de l'ambassade de préférence à leur église. La consécration qui a été faite de notre nouvelle chapelle, la décence du lieu, ses ornements, son style, la dignité avec laquelle on y célèbre nos saints mystères, y ont attiré depuis une affluence plus nombreuse encore. Mais non contents de témoigner leur zèle pour la foi par leur empressement religieux, les illyriens m'ont envoyé une députation pour me remercier des moyens que cette église fournit à leur dévotion, et,

pour me dire combien leurs coeurs, frappés d'admiration, doivent de gratitude à la munificence d'Alexandre I".

Кромѣ отдѣлки церкви, графъ Андрей Кириловичъ занятъ былъ осуществленіемъ давно уже имъ лелѣяннаго плана о постройкѣ дворца, среди роскошныхъ садовъ своихъ на Ландштрассе. Страсть къ постройкамъ была, какъ мы уже не разъ замѣчали, наслѣдственною въ семействѣ Разумовскихъ. Только-что полученныя послѣ отца имѣнія, какъ казалось послу, вполнѣ дозволяли ему теперь приступить къ закладкѣ палатъ, соотвѣтствующихъ блестящему положенію его въ Вѣнѣ. Рѣшено было сломать до основанія всѣ зданія, мало-по-малу скупленныя у разныхъ владѣльцевъ на Ландштрассе и Эрдбергѣ, не исключая красиваго павильона, въ которомъ посолъ обыкновенно проводилъ весну и который особенно любила жена его. Передъ домомъ положено было разбить приличную площадь и расширить ведущую къ нему улицу, которая, равно какъ и площадь, до сихъ поръ носятъ имя Разумовскаго. Архитекторомъ избранъ былъ нѣкто Монтуоэ (Montoyer), которымъ графиня Елизавета Осиповна не вполнѣ была довольна. Онъ составилъ планъ, и графъ Андрей Кириловичъ поручилъ ему немедля приступить къ закладкѣ новыхъ палатъ, коль скоро выбранное имъ для того мѣсто очистится отъ обломковъ.

Въ концѣ Іюня Разумовскій, наконецъ, тронулся съ мѣста, оставивъ въ Вѣнѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ статскаго совѣтника Ивана Осиповича Анстета. Этотъ Анстетъ, родомъ изъ Страсбурга, былъ человѣкъ рѣдкаго, хотя нѣсколько циническаго, ума. Онъ поступилъ въ 1789 году на русскую службу офицеромъ и назначенъ былъ въ гребную флотилію принца Нассау-Зигенъ. Принявъ участіе въ войнѣ со шведами, онъ въ 1791 году перешелъ на статскую службу и перемѣщенъ былъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ оставленіемъ при принцѣ Нассау. Анстету поручаемы были секретныя негоціаціи въ Берлинѣ и въ Польшѣ. Въ 1801 году онъ назначенъ былъ совѣтникомъ посольства въ Вѣну. Разумовскій высоко цѣнилъ его блестящія способности. Въ Вѣнѣ Анстетъ съумѣлъ сблизиться со всѣми замѣчательными людьми того времени. Онъ подружился съ Поццо-ди-Борго и Генцемъ и несомнѣнно много способствовалъ къ сближенію посла съ этими метеорами тогдашней политики. Острыя слова Анстета ходили по городу. Анстетъ принадлежалъ къ числу тѣхъ космополитовъ-дипломатовъ, которыхъ не мало существовало въ то время въ Европѣ и которыхъ съ распростертыми объятіями принимала къ себѣ на службу благодушная Россія. Несомнѣнно, однако, что Анстетъ, благодаря своему уму и глубокому образованію, рѣзко отличался отъ общей массы тѣхъ искателей приключеній, которымъ,

съ свойственною нашей родинѣ беззаботностью, повѣрялись подъ часъ самыя важныя дипломатическія тайны.

Разумовскій отправился сперва въ Карльсбадъ, куда за нимъ послѣдовала жена его, здоровье которой, видимо, ослабѣвало. Изъ Карльсбада Разумовскіе переѣхали въ Тёплицъ. Здѣсь они разстались; графъ Андрей Кириловичъ, несмотря на просьбы графини, не рѣшался, въ виду болѣзненнаго ея состоянія, подвергать ее тягостямъ нескончаемаго путешествія. Изъ Тёплица онъ поѣхалъ прямо въ Батуринъ въ сопровожденіи вѣрнаго своего Кудрявскаго. Здѣсь надѣялся онъ встрѣтиться съ братьями, но послѣдніе неохотно двигались съ мѣста и, въ свою очередь, звали графа Андрея Кириловича въ Москву. Въ Батуринѣ посолъ нашелъ много безпорядковъ. Какъ ни ослабѣлъ въ послѣдніе годы графъ Кирилъ Григорьевичъ, однако, все еще его побаивались, и одно его присутствіе всѣхъ содержало въ порядкѣ. Со смерти фельдмаршала прошло около пяти мѣсяцевъ. Приближенные на первыхъ же порахъ распорядились наличнымъ имуществомъ. Графъ Андрей Кириловичъ прямо подозрѣвалъ графиню Апраксину и жившаго при ней въ Батуринѣ графа М. В. Гудовича въ неблаговидныхъ поступкахъ. Отсутствіе хозяйскаго глаза сильно отозвалось на всей батуринской экономіи. Разумовскій сталъ все по-своему приводить въ устройство. Не трудно себѣ представить, какого рода порядки могъ завести въ имѣніи своемъ блестящій дипломатъ, не имѣвшій никакихъ понятій о внутреннемъ строѣ русской жизни и никогда неумѣвшій свести счета своимъ рублямъ.

„Je suis occupé ici sans relâche“, писалъ Разумовскій къ Воронцову изъ Батурина, въ началѣ Сентября, „du soin de mes affaires domestiques, pour lesquelles notre auguste Maître a daigné m'accorder la permission de m'absenter de mon poste. J'espère dans une quinzaine de jours être à même d'entreprendre le voyage de Moscou, pour y trouver mes frères et terminer le plus promptement possible les intérêts de famille qui nécessitent notre réunion, après quoi je ne perdrai pas un instant pour me rendre à St.-Pétersbourg“.

Въ Москвѣ графъ Андрей Кириловичъ былъ задержанъ гораздо долѣе, чѣмъ ожидалъ. Туда съѣхались графы Алексѣй, Петръ и Левъ Кириловичи. Григорія Кириловича тамъ не было, онъ въ то время прервалъ всякое сношеніе съ семействомъ, жилъ за границею, и никто не зналъ въ какихъ краяхъ его искать. Это затрудняло раздѣлъ, такъ какъ одного наслѣдника не оказывалось на лицо. Кромѣ того, графъ Алексѣй Кириловичъ, всегда недовѣрчивый и мнительный, болѣе чѣмъ когда-либо, страдалъ въ настоящую минуту припадками сплина. Онъ ни на какія сдѣлки не соглашался, и хотя на его долю доставалась несравненно бо́льшая, чѣмъ остальнымъ братьямъ, часть,

считалъ себя обиженнымъ и мѣшалъ полюбовному раздѣлу. Подъ сильнымъ вліяніемъ старшаго брата находился Петръ Кириловичъ и точно также тормазилъ дѣло своею нерѣшительностью и непомѣрными требованіями. Графъ Андрей Кириловичъ не зналъ, правда, счета деньгамъ и безразсудно ими сорилъ, но онъ былъ на деньги щедръ, когда они имѣлись на лицо и вообще въ разсчетахъ, коль скоро дѣло не касалось до уплаты долговъ, былъ сговорчивъ и деликатенъ. Съ братомъ Львомъ, крайне совѣстливымъ и благороднымъ, посолъ поладилъ съ первой минуты и, помня опасенія отца, касательно споровъ, которые могли бы возникнуть между сыновьями послѣ его смерти относительно наслѣдства, рѣшился уступить старшимъ братьямъ въ не вполнѣ законныхъ ихъ требованіяхъ, чтобы полюбовно и скорѣе покончить дѣло. Хотя сдѣлка была не вполнѣ выгодная, все же на долю графа Андрея Кириловича достались, кромѣ значительнаго куша денегъ, богатыя маетности какъ въ Малороссіи, такъ и въ великорусскихъ губерніяхъ, именно: Батуринъ съ фабрикою, Ропскъ, село Троицкое подъ Москвою, съ коннымъ заводомъ и 649 душами, 510 душъ въ Петербургской губерніи и пр., не считая 5,000 душъ въ Псковской губерніи, полученныхъ имъ еще при жизни отца. Покончивъ дѣла въ Москвѣ, Разумовскій поспѣшилъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ нашелъ большую перемѣну. Государь успѣлъ потерять всякую вѣру къ своимъ сотрудникамъ. Всѣ смѣялись надъ пресловутомъ „comité du salut public“, и многіе изъ придворныхъ не стѣсняясь говорили, что подкупленный Бонапартомъ Лагарпъ съумѣлъ внушить Государю неслыханныя дотолѣ идеи, которыя грозили Россіи погибелью [1]). Въ самомъ дѣлѣ оказалось много звонкихъ фразъ и весьма мало практическихъ выводовъ. Государь отъ внутреннихъ реформъ, противъ которыхъ явно возставало общество, обратился теперь къ внѣшней политикѣ. Отношенія между Россіею и Франціею съ самаго начала царствованія не отличались особенною откровенностію. Отъ послѣдней въ Петербургѣ ожидали заискиванія и предупредительности; на дѣлѣ оказалось, что она только ловко воспользовалась именемъ Россіи для собственныхъ выгодъ. Въ послѣдніе мѣсяцы на сердцѣ юнаго Царя накипѣло не мало горечи противъ Бонапарта, обращавшаго мало вниманія на представленія с.-петербургскаго кабинета и, подъ личиною совмѣстнаго съ Россіею протектората надъ Германіею, самовластно распоряжавшагося судьбами Европы, часто наперекоръ ясно выражаемой волѣ Государя. Старые дипломаты екатерининскаго времени громко осуждали принятую петербургскимъ кабинетомъ систему дѣйствовать

[1]) Таково было мнѣніе графовъ С. Р. Воронцова и А. И. Моркова. См. Архивъ князя Воронцова, XX. 99, 110, 146.

одними убѣжденіями, не давая чувствовать, кому слѣдуетъ, что въ извѣстную минуту русское правительство можетъ прибѣгнуть къ другому ratio ad hominem [1]). Подъ вліяніемъ недовольства, порождаемаго въ Россіи общимъ направленіемъ консульской политики, невольно порождался вопросъ: когда же, наконецъ, наступитъ предѣлъ честолюбію Бонапарта и можетъ ли Россія долѣе оставаться безучастною свидѣтельницею непомѣрнаго усиленія Франціи.

Въ то время, какъ графъ Андрей Кириловичъ странствовалъ между Карльсбадомъ, Батуриномъ, Москвою и Петербургомъ, кратковременный амьенскій миръ былъ окончательно расторгнутъ. Англія и Франція готовились къ войнѣ, и спокойствію Европы, едва только установившемуся, грозила новая, еще бо̀льшая, опасность. Бонапартъ, безъ сомнѣнія, догадывался, что Императоръ Александръ былъ имъ недоволенъ. Въ виду разрыва съ Англіею ему необходимо было выиграть время и сохранить хотя бы на время добрыя сношенія съ Россіею. Онъ рѣшился быть любезнѣе и старался завести новые переговоры съ с.-петербургскимъ дворомъ. Съ этою цѣлью обратился онъ къ графу А. И. Моркову, котораго ненавидѣлъ за его независимую и гордую осанку въ Парижѣ и, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, сталъ доказывать русскому послу, что Александру Павловичу слѣдовало взять на себя благородную роль медіатора между Франціею и Англіею. Подозрительный и хитрый Морковъ, платившій первому консулу съ лихвою за его непріязнь, поддался, однако, искреннему, какъ ему казалось, тону рѣчей Бонапарта [2]). Русскому Императору представлялась блестящая дѣятельность, которая могла упрочить за Европою миръ. Предложеніе перваго консула было охотно принято въ Петербургѣ. Графу С. Р. Воронцову повелѣно было немедля начать переговоры о медіаторствѣ съ англійскимъ министерствомъ и заявить ему, что требованія его были непомѣрны и притязанія на островъ Мальту не имѣли законнаго основанія. Въ то же время графъ А. И. Морковъ объяснялъ въ Парижѣ, что необходимо исполнить, наконецъ, данныя королю сардинскому обѣщанія и строго наблюдать нейтралитетъ государствъ, находившихся въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею. Началась дипломатическая переписка. Англія неохотно внимала представленіямъ русскаго правительства. Франція общими мѣстами отвѣчала на заявленія Моркова. Не безъ труда выработаны были условія, которымъ, по мнѣнію Александра Павловича, должны были подчиниться лондонскій и парижскій кабинеты. Но пока британскіе министры спорили объ условіяхъ этихъ, а въ Парижѣ отдѣлывались однѣми фразами, Бона-

[1]) Архивъ князя Воронцова, XX. 107—108.

[2]) Тамъ же, 160.

партъ успѣлъ стянуть войска свои къ берегамъ Ламанша. Во времени онъ уже болѣе не нуждался, и сухо поблагодаривъ императора Александра за предложенную услугу, объявилъ, что онъ никогда не просилъ медіаціи русскаго двора, а желалъ только личнаго третейскаго суда Государя, безъ участія его министровъ [1]), прибавивъ, что въ настоящее время онъ съумѣетъ самъ, силою оружія, добыть себѣ выгодный миръ. Эта вторая обида оказалась еще горше первой; она болѣзненно отозвалась въ Петербургѣ. Отношенія между Россіею и Франціею обострились. Первый консулъ, еще недавно столь благосклонный къ петербургскому кабинету, дѣйствовалъ теперь, какъ казалось, съ цѣлью окончательно вывести изъ терпѣнія уже и такъ глубоко оскорбленнаго Александра Павловича. Королю сардинскому отказано было въ вознагражденіи; декретомъ обнародовано было присоединеніе Піемонта къ Франціи; на сѣверѣ Гамбургъ, а на югѣ Отрантъ и Бриндизи заняты были французскими войсками. Два иностранца, находившіеся на русской дипломатической службѣ — эмигрантъ графъ де-Вернегъ (de Vernègnes) и швейцарецъ Кристинъ [2]) захвачены были, первый въ Римѣ, а второй въ Бернѣ французскими солдатами, и заключены въ темницу. Наконецъ, первый консулъ, на публичной аудіенціи и въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ упрекалъ Моркова за то, что старый врагъ Разумовскаго, эмигрантъ д'Антрегъ, извѣстный своимъ недоброжелательствомъ къ установившемуся во Франціи порядку вещей, находился на русской службѣ. Хотя графъ Аркадій Ивановичъ весьма хладнокровно выслушалъ филиппику Бонапарта, хотя онъ сталъ держать себя при тюльерійскомъ дворѣ еще съ бо̀льшею про-

[1]) Архивъ князя Воронцова, 177.

[2]) Кристинъ, родомъ изъ Ивердёна, былъ однимъ изъ швейцарскихъ тѣлохранителей Лудовика XVI, храбро защищавшихъ несчастнаго короля во время погромовъ Версальскаго и Тюльерійскаго дворцовъ. Вмѣстѣ съ братьями короля бѣжалъ онъ за границу, въ Кобленцѣ занималъ должность ихъ секретаря, потомъ состоялъ при бывшемъ министрѣ Калоннѣ. Онъ исполнялъ разныя дипломатическія порученія бурбонскихъ принцевъ и, вмѣстѣ съ принцемъ Нассау-Зигеномъ, прибылъ въ Петербургъ. Впослѣдствіи онъ поступилъ на русскую службу и состоялъ при миссіи въ Бернѣ, гдѣ онъ и былъ арестованъ по приказанію перваго консула. Послѣдніе годы своей жизни Кристинъ провелъ въ Москвѣ. Онъ жилъ въ домѣ графини Анны Петровны де-Бролье (de Broglie), рожденной Левашевой, по первому мужу княгинѣ Трубецкой, вдовѣ французскаго эмигранта. Кристинъ былъ на короткой ногѣ съ первыми въ то время московскими домами. Онъ былъ очень друженъ съ княжною Варварою Ильинишнею Туркистановою, фрейлиною Императрицы Елизаветы Алексѣевны, очень умною и любезною женщиною (р. 1777, † 1819). Съ нею Кристинъ долгіе годы велъ дѣятельную переписку. Многотомная переписка эта, представляющая живую картину тогдашняго двора и общества, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, хранится у графа А. А. Бобринскаго. Кристинъ умеръ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

тивъ прежняго надменностію, выказывая полное равнодушіе къ недовольству перваго консула и Талейрана, и ѣдко отвѣчая на грубыя ихъ выходки, однако, все это еще глубже, еще больше растравляло накопившіяся на сердцѣ русскаго Императора раны. Графа Моркова рѣшено было отозвать изъ Парижа, но въ то же время, въ знакъ высочайшаго благоволенія, ему была прислана Андреевская лента. Наградою этою, на зло Бонапарту, графъ Аркадій Ивановичъ не мало хвастался. Повѣреннымъ въ дѣлахъ оставался при первомъ консулѣ малозначущій чиновникъ, коллежскій совѣтникъ Убри. Французскій посланникъ, генералъ Гедувиль, однако, до времени оставался въ Петербургѣ. Государь былъ съ нимъ по-прежнему любезенъ, при случаѣ публично ему намекая, что въ Россіи съ представителями иностранныхъ державъ умѣютъ обходиться учтиво. Тѣмъ не менѣе дѣла видимо запутывались. О мирномъ соглашеніи не было уже рѣчи. Государь все болѣе и болѣе поддавался интересу международныхъ усложненій. Войны перестали опасаться, ее, напротивъ, стали какъ будто желать, а между тѣмъ грозныя боевыя тучи со всѣхъ сторонъ застилали небосклонъ.

Разумовскій попалъ въ Петербургъ именно въ то время, когда всеобщее негодованіе противъ Бонапарта достигло своего зенита и когда мирное настроеніе, до сихъ поръ безгранично царствовавшее въ совѣтахъ Государя, стало уступать мѣсто воинственнымъ побужденіямъ. Оскорбленіе, нанесенное Государю, глубоко отозвалось въ обѣихъ столицахъ. Но особенно сильно было всеобщее раздраженіе въ Петербургѣ. Понятно, что при подобномъ настроеніи, графъ Андрей Кириловичъ, враждебныя чувства котораго къ французской республикѣ вообще, и къ первому консулу въ особенности, были всѣмъ давно извѣстны, являлся въ полномъ смыслѣ, какъ persona grata и при дворѣ, и въ высшемъ обществѣ. Послу сдѣланъ былъ самый милостивый пріемъ. Государь охотно съ нимъ бесѣдовалъ и совѣтовался касательно политическихъ дѣлъ.

Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ готовилась перемѣна. Здоровье великаго канцлера графа Александра Романовича Воронцова съ каждымъ годомъ ослабѣвало, частые припадки злого недуга заставляли его удаляться на отдыхъ въ Москву. На дѣла уже онъ не имѣлъ прежняго вліянія. Любимецъ Императора, князь Адамъ Чарторижскій докладывалъ по дипломатической части. Старые екатерининскіе орлы съ безпокойствомъ слѣдили за усиливающимся вліяніемъ честолюбиваго поляка. „Князь Чарторижскій“, писалъ отъ 16 Февраля 1802 года къ графу С. Р. Воронцову Морковъ, „сильно входитъ въ дѣла. Всѣ важнѣйшія бумаги какъ къ вамъ, такъ и въ другія мѣста пишутся имъ и приходятъ въ департаментъ уже апробованныя. Пар-

тія сія всѣ способы имѣетъ къ достиженію своей цѣли. У ней есть и знанія, коими удивляетъ кого надобно. У ней есть и красавица, которая будетъ умѣть привязать [1])". Вліяніе Чарторижскаго было несомнѣнно пагубно для Россіи. Сидя за русскимъ министерскимъ столомъ, честолюбивый ляхъ думалъ только о возрожденіи Польши. Любимая „ойчизна" представлялась ему то снова сплоченная волею русскаго царя, то воздвигающаяся на развалинахъ Россіи. Онъ льстилъ обманываемому имъ Государю, ожидая отъ него льготъ для Польши, но рука его не дрогнула бы нанести ударъ Россіи, еслибы того потребовали обстоятельства. Въ откровенныхъ разговорахъ съ одноплеменникомъ своимъ Сѣраковскимъ, Чарторижскій прямо заявлялъ, что каждый полякъ, имѣющій мужество и сердце, долженъ, подобно Самсону, стараться расшатать столбы филистимлянскаго храма и жертвовать жизнію для спасенія отечества [2]). Жизнію своею, однако, вполнѣ наслаждался вкрадчивый князь Адамъ при петербургскомъ дворѣ и, не краснѣя, обманывалъ Государя, считавшаго его самымъ вѣрнымъ своимъ другомъ. Разумѣется, опасность, угрожавшую Россіи со стороны Чарторижскаго, умѣли разгадать только тѣ, которымъ близко была знакома Россія и которые въ извилинахъ европейской политики старались отыскать для нея стезю, согласовавшуюся съ потребностями и историческимъ призваніемъ родины. Такихъ лицъ на Руси, а тѣмъ паче въ Петербургѣ, было весьма и весьма немного. Огромное большинство восторгалось умомъ и скрытностью Чарторижскаго, въ немъ видѣли тонкаго и глубокомысленнаго дипломата и безъ сожалѣнія разсуждали о близкой отставкѣ устарѣвшаго канцлера. Разумовскій, уже давно знакомый по Вѣнѣ съ Чарторижскимъ, сошелся съ нимъ теперь еще ближе. Въ тайныхъ совѣтахъ Государя, въ которыхъ принималъ участіе и графъ Андрей Кириловичъ, положено было всѣми силами противиться дальнѣйшимъ замысламъ Франціи и исподволь готовить противъ нея сильную коалицію. Намѣренія русскаго Царя были вполнѣ безкорыстныя, но именно вслѣдствіе этого они должны были тяжкимъ бременемъ лечь на Россію, которую готовили къ борьбѣ съ грозными силами французской республики, безъ малѣйшей мысли о какомъ-либо вознагражденіи. Одному только Чарторижскому втайнѣ представлялось, среди новыхъ разгромовъ, возможность возстановленія Польши, хотя бы на первыхъ порахъ подъ скипетромъ россійскаго Императора. Въ настоящую минуту о прекрасныхъ фразахъ блага народнаго, такъ недавно еще изливавшихся изъ-подъ пера Императора, не было болѣе рѣчи. Государь забывалъ объ

[1]) Архивъ князя Воронцова, XX. 111—112.

[2]) Тамъ же, 153.

ужасной будущности, готовившейся для его народа, о русской крови, которую придется проливать ради чуждыхъ Россіи интересовъ, о трудовой копѣйкѣ, которая будетъ брошена на возстановленіе враждебныхъ родинѣ династій. Идеальному воображенію Александра Павловича представлялась исключительно общечеловѣческая задача замиренія; онъ рѣшился добыть Европѣ миръ даже силою оружія, тѣмъ болѣе, что врагъ общаго спокойствія въ глазахъ цѣлаго міра его лично обидѣлъ. Въ юныхъ своихъ пріятеляхъ, въ рядахъ представителей нашихъ за границею, забывшихъ по большей части, среди дипломатическаго крючкотворства, объ истинныхъ потребностяхъ родины, Александръ Павловичъ находилъ полное одобреніе. Послѣднимъ аккордомъ въ этомъ общемъ строѣ единодушія были слова и совѣты Разумовскаго, съ радостью взиравшаго на тѣ новыя вѣянія, подъ вліяніемъ которыхъ находился Государь и окружавшая его среда.

Въ предполагаемой коалиціи должны были принимать участіе, кромѣ Россіи, Англія, Австрія и Пруссія. Въ содѣйствіи первой сомнѣваться было нечего; она только-что разорвала едва подписанный миръ свой съ Франціею. Но на помощь двухъ послѣднихъ труднѣе было разсчитывать: Австрія еще дрожала отъ страха, а Пруссія видимо сближалась съ консульскимъ правительствомъ. Къ тому же Европа не могла понять безкорыстія Россіи. Иностранные дипломаты, первые министры, даже самые монархи, на спасеніе которыхъ вооружался русскій Императоръ, недоумѣвали при видѣ такого забвенія собственныхъ выгодъ и старались разгадать его скрытные поводы и побужденія. Ихъ искали всюду, но особенно на Востокѣ. Государственнымъ мужамъ Запада казалось невозможнымъ, чтобы Россія не преслѣдовала по этому направленію историческихъ своихъ цѣлей; они были увѣрены, что разрѣшеніемъ восточнаго вопроса придется, рано или поздно, и притомъ весьма дорого, искупить такъ настойчиво и безкорыстно предлагаемыя услуги противъ Франціи. Самые дружественные дворы съ безпокойствомъ слѣдили за занятіемъ Іоническихъ острововъ, за сношеніями между Россіею и Черногоріемъ и вездѣ старались разгадать скрытыя козни. А Россія между тѣмъ вполнѣ отреклась отъ всякой солидарности съ христіанскимъ Востокомъ, и самъ Государь, забывъ завѣтъ и преданія безсмертной своей бабки, благодушно вѣрилъ, что существованіе Оттоманской Порты составляло условіе sine qua non европейскаго равновѣсія.

Разумовскій оставался въ Петербургѣ до первой половины Января 1804 года. Передъ отъѣздомъ ему предписано было употребить всѣ способы къ привлеченію вѣнскаго двора въ предполагаемую противъ Франціи коалицію. „Посылаю къ в. с. паспортъ а подписаніемъ Государя Императора, для отъѣзда вашего“, пи-

салъ къ нему отъ 11 Января великій канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ, „а равно и копію съ указа о жалованіи вашемъ на время отлучки изъ Вѣны. Опытность ваша въ дѣлахъ и давнее ваше пребываніе въ Вѣнѣ дѣлаютъ совсѣмъ излишнимъ, чтобы я вступилъ, по случаю отъѣзда в. с., въ какія-либо поясненія по дѣламъ, вамъ порученнымъ. Все, что происходило въ отсутствіе ваше, усмотрите изъ самой переписки повѣреннаго въ дѣлахъ Анстета; о важныхъ же откровеніяхъ, которыя состояли между обоими императорскими дворами, вы были извѣщены мною во время бытности вашей здѣсь. Не сомнѣваюсь я, чтобы онѣ не послужили предметомъ вашего въ Вѣнѣ служенія, будучи сверхъ того удостовѣренъ, что возвращеніе ваше къ посту вашему послужитъ новымъ способомъ къ дальнѣйшимъ откровеніямъ по сей матеріи. Я считаю излишнимъ распространиться здѣсь сколь нужно, чтобъ вѣнскій дворъ, упреждая всякія недоразумѣнія, съ такою же чистосердечностію объяснился съ нами, какую мы употребили въ сихъ откровеніяхъ...“

„Pendant votre séjour ici“, писалъ, съ своей стороны къ послу, Чарторижскій, „vous avez été à même de juger mieux que personne des intentions pûres et décidées de S. M. I., et du système que d'après ces sentiments son ministère a adopté invariablement—de ne point permettre les empiétements injustes et désordonnés du gouvernement français, dont la conduite en tout point ne peut que mettre à bout la patience, et s'attirer l'opposition de tout état jaloux de son honneur et de sa propre sûreté, et intéressé au bien général de l'Europe“.

Цѣлый мѣсяцъ, благодаря разливу рѣкъ и дурнымъ дорогамъ, тащился Разумовскій до Вѣны. На дорогѣ, въ Краковѣ, узналъ онъ, что въ его отсутствіе черезъ Вѣну проѣхалъ возвращавшійся изъ Парижа, старый благопріятель его графъ Морковъ.

„J'ai trouvé à Cracovie“, писалъ къ послѣднему уже изъ Вѣны графъ Андрей Кириловичъ, „votre lettre par laquelle vous exprimez votre regret de nous être si malheureusement croisé dans un pays, où il m'aurait été sous tous les rapports si intéressant de vous rencontrer. Je suis désolé d'avoir manqué l'occasion que je désirais ardemment, de consacrer quelques instants aux témoignages d'un sentiment aussi ancien, qu'inaltérable. Cette occasion ne se retrouvera peut être plus. J'en ai fait la douloureuse refléxion; elle se reproduit tous les jours, car d'année en année nous deviendrons plus sédentaires; nos situations, nos habitudes, nos carrières ne présagent point de rapprochement. Cependant y renoncer péremptoirement serait trop pénible. J'aime à en conserver l'espoir, et si la perspective n'en est point probable, ni prochaine, je la remplirai de voeux les plus sincères pour votre bonheur et votre bien-être. J'espère que l'un et l'autre vous auront accueilli à votre

retour en Russie et qu'ils y accompagneront votre existence. Parlez moi, mon cher et bon ami, comme à quelqu'un qui a besoin de vous savoir content, pour l'être. Je ne vous demande point comment vous vous êtes trouvé ici. Mes anciens errements, quelques notions sur votre séjour, et ce que j'ai apperçu à mon arrivée, fixent mon opinion à cet égard, en me persuadant qu'exercé comme vous l'êtes à juger des hommes et des choses, la votre n'a pas tardé à se prononcer d'après les relations où vous vous êtes trouvé. Vous avez vu des gens timides, tournant dans un petit cercle d'idées, tremblant pour leur existence et n'osant point envisager les ressources qu'ils ont entre les mains pour la sauver, tandis que chez nous, j'ai vu notre sphère s'agrandir, par le sentiment de notre force, et l'intention de l'employer avec sagesse et dignité. Comment accorder ces éléments opposés, quand il serait urgent de les concilier? Cette question vous a sans doute occupée, mon ami, et peut-être aurez vous saisi l'expédient pour la résoudre. Je sais que vous avez causé avec des gens qui pensaient comme vous. Vous avez parcouru et même emporté un écrit dont vous avez été satisfait [1])... Enfin, mon cher ami, vos méditations sur la conjoncture très grâve, très importante dans laquelle nous sommes, la nécessité d'en sortir, les bonnes dispositions que vous avez apperçues chez nous, auront donné à votre âme et à votre esprit tout l'essor dont l'une et l'autre sont capables. Confiez en les résultats à votre ancien ami et collègue. J'étais habitué autrefois à me guider d'après vos indications; j'y reviendrai avec la même satisfaction et le même empressement. Vous aurez expliqué par votre séjour et vos observations ici, pourquoi l'on nous fait tant languir par les réponses que nous attendons. Ne faites pas de même pour celle que je me ferai un plaisir de vous adresser, pour peu que vous en trouviez à les lire".

Съ веселымъ сердцемъ увидалъ Разумовскій дорогую ему Вѣну. Ему приходилось снова трудиться надъ сочувственнымъ дѣломъ. Едва пріѣхавъ, онъ поспѣшилъ съ визитомъ къ вице-канцлеру, графу Лудовику Кобенцелю. „J'aurais demain", доносилъ онъ Государю отъ 17 Февраля, „mes audiences chez LL. MM., et consacrant ces premiers moments à l'examen de tout ce qui s'est passé pendant mon absence, de ce qui est en train pour le moment, j'espère, Sire, par le courrier prochain pouvoir mettre aux pieds de V. M. I. un rapport détaillé sur la situation des affaires". Не успѣлъ еще графъ Андрей Кириловичъ осмотрѣться въ Вѣнѣ, какъ пришло къ нему ожидаемое извѣщеніе объ отставкѣ графа Александра Романовича Воронцова. Престарѣлый канцлеръ удалился на покой въ Владимірскую свою вот-

[1]) Это была записка Генца.

чину, село Матренино, а на мѣсто его, во главѣ министерства, но безъ титула канцлера, какъ и ожидалъ Разумовскій, назначенъ былъ князь Адамъ Чарторижскій. „Permettez moi", поспѣшилъ собственноручно привѣтствовать новаго своего начальника посолъ въ постскриптумѣ къ первой депешѣ, адрессованной на его имя, „que je joigne un mot particulier pour vous témoigner mon empressement de concourir par mon zèle à celui qui vous anime pour le service de notre auguste Maître. Ma disposition fervente à cet égard vous servira de gage, mon prince, du sentiment qui me fait désirer de votre part une confiance, que je chercherai à justifier sous tous les rapports".

„J'ai été infiniment sensible", отвѣчалъ на эти строки Чарторижскій, „aux lignes que vous avez bien voulu ajouter, m. le comte, de votre propre main au premier rapport d'office que j'ai eu l'honneur de recevoir de votre part. Veuillez être bien persuadé que je me ferais un devoir et un plaisir de me mettre, dans les rélations que je suis appelé d'avoir avec vous, une entière confiance, et de répondre toujours avec un vif empressement à celle que vous voudrez bien me témoigner. Cette conduite, m. le comte, me sera inspirée autant par la conviction que le bien du service de notre auguste Maître l'exige, comme aussi par les sentiments de ma haute considération".

Бодро принялся посолъ нашъ за данное ему порученіе. Роль его въ Вѣнѣ снова становилась первенствующею. Въ императорѣ Францѣ и его министрахъ онъ нашелъ, однако, на первыхъ порахъ, недоумѣніе, нерѣшительность и робость. Они, видимо, не вполнѣ понимали Разумовскаго и не довѣряли его заявленіямъ. Это, однако, Андрея Кириловича не смутило. Онъ рѣшился разомъ дѣйствовать и на дворъ, и на министерство, и на общественное мнѣніе.

Какъ намъ уже извѣстно, домъ старухи графини Тунъ славился въ Вѣнѣ своимъ гостепріимствомъ. Не то что тамъ давались блестящіе балы и роскошные банкеты,—принимали тамъ за-просто, хотя и съ строгимъ наблюденіемъ этикета, но нигдѣ такъ пріятно не бесѣдовали, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, за исключеніемъ развѣ дома старика князя Кауница, нельзя было встрѣтить такое разнообразное, и въ то же время, занимательное общество. Гостиная графини Тунъ, по французскому выраженію, была первая изъ вѣнскихъ гостиныхъ. Со смертію старухи Тунъ, дочери ея унаслѣдовали гостепріимство и преданія ея дома. Особенно любили собираться старинные завсегдатели дома Туновъ вокругъ милой и любезной графини Елизаветы Осиповны Разумовской. Здѣсь блескъ многочисленныхъ и роскошныхъ пріемовъ соединялся съ радушнымъ гостепріимствомъ. Величавость посольскихъ праздниковъ и строгій этикетъ посольскаго дома не мѣшалъ оживленной бесѣдѣ. Къ тому же, какъ мы видѣли выше, графиня изрѣдка принимала у себя го-

стей тайкомъ, и вся Вѣна добивалась чести быть приглашенною на ея интимные вечера. Русская посольша была всеобщею любимицею. Строгій этикетъ въ тѣ уже давно прошедшія времена никого не удивлялъ. Тогда въ гостиныхъ не курили и иначе, какъ въ полномъ туалетѣ со шпагою у бедра, на вечерніе пріемы не являлись. Въ домѣ Разумовскаго была еще особенность. Пудра въ началѣ нынѣшняго столѣтія начинала исчезать. Молодые модники стали являться въ большомъ свѣтѣ безъ пудры, пуклей и кошельковъ. Сначала на это смотрѣли какъ на неслыханное новшество, введенное якобинцемъ Шампаньи и его свитою. Но мода очень скоро взяла свое, и надъ пудрою въ щегольскихъ вѣнскихъ гостиныхъ стали посмѣиваться. Однако, при дворѣ и въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ строго еще держались старыхъ правилъ, безъ пудры никто не смѣлъ являться. Во главѣ такихъ домовъ считался домъ Разумовскаго. Предстать туда простоволосымъ было немыслимо. Молодые щеголи, а въ числѣ ихъ и состоявшіе при русскомъ посольствѣ кавалеры, принуждены были, послѣ пріемовъ посла, когда имъ хотѣлось побывать еще у кого въ городѣ, наскоро бѣжать домой, чтобы омыть себѣ голову и предстать въ салоны, какъ того требовала новѣйшая мода. Но даже пудра не отпугивала пріятныхъ собесѣдниковъ отъ дверей графа Андрея Кириловича. Въ посольскомъ домѣ, несмотря на большую роскошь, вполнѣ сохранились всѣ преданія Туновъ. На блестящемъ ли балѣ или на тайномъ *куриномъ* ужинѣ, графиня Елизавета Осиповна была все та же милая, любезная, привѣтливая хозяйка. У Разумовскаго собирался весь цвѣтъ вѣнскаго общества, тамъ любили говорить записные умники, туда являлись съ поклономъ всѣ знатные иностранцы, туда же стали стекаться теперь заклятые враги Франціи и Наполеона Бонапарта.

Въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго и въ первые годы настоящаго столѣтія Вѣна унаслѣдовала популярность Парижа, отъ котораго отгонялъ иностранцевъ царствовавшій тамъ терроръ. Вѣна сдѣлалась мало-по-малу самымъ веселымъ, самымъ оживленнымъ городомъ Европы, и праздные туристы стали искать на берегахъ Дуная тѣ удовольствія и тѣ развлеченія, которыми еще недавно славились окровавленные теперь берега Сены. Въ Вѣнѣ собраны были остатки французскаго монархическаго величія, начиная съ дочери несчастнаго Лудовика XVI и кончая знаменитымъ Леонаромъ [1]), парикмахеромъ коро-

[1]) Этотъ Леонаръ былъ великимъ мастеромъ своего дѣла. Онъ сочинялъ тѣ высокія разнообразныя прически, въ которыхъ щеголяли дамы временъ Лудовика XVI. Революція вмѣстѣ съ тронами снесла и высокіе головные уборы. Леонаръ послѣ республиканскаго разгрома бѣжалъ въ Вѣну. Пудра, голубиныя крылья (ailes de pigeon) и громадныя дамскія куафюры были еще здѣсь въ полномъ ходу. Вѣнскія щего-

левы Маріи-Антуанеты. Сюда стеклись всѣ представители французской аристократіи, убоявшіеся долгаго пути въ Россію. Рядомъ съ французскимъ умѣстился и элементъ польскій. Знаменитыя варшавскія красавицы переселились въ Вѣну и много способствовали той легкости нравовъ, въ которой, не безъ нѣкоторой доли правды, строгіе критики упрекали столицу Австріи. Мы видѣли выше, какъ строго обрисовалъ, изъ пуританскаго своего убѣжища въ Ричмондѣ, вѣнское общество графъ С. Р. Воронцовъ. Тамошняя аристократія представлялась суровому дипломату въ видѣ сборища поваровъ и скомороховъ, влачившихъ праздные дни свои въ мотовствѣ и безнравственности. Даже самые горячіе поклонники тогдашней Вѣны принуждены признаться, что на незаконныя связи смотрѣли снисходительно и что ихъ негласно признавали, но за то, съ другой стороны, они оставили намъ самую блестящую картину столицы Габсбурговъ. „Вѣна въ тѣ времена", повѣствуетъ графъ Рибопьеръ, „была аристократическимъ городомъ роскоши и веселья, столицею вкуса и утонченности. Жизнь протекала тамъ какъ упоительный сонъ. Императорскій дворъ имѣлъ мало вліянія на общество. Пріемовъ тамъ не бывало; туда ѣздили только съ поклонами на новый годъ. Императоръ Францъ жилъ за-просто въ семейномъ кругу; вторая жена его, императрица Марія-Терезія, дочь неаполитанской королевы Каролины, окружила мужа камарильею, которая составляла обыкновенное его общество. Объ этомъ никто не тужилъ. При искренней преданности къ престолу, вѣнская аристократія отличалась, однако, полною независимостью... Такого общества, каково было въ тѣ времена вѣнское, теперь уже не найдешь. Жена русскаго посла блистала тонкимъ умомъ, живымъ разговоромъ, любезнымъ и всегда ровнымъ нравомъ. Сестры ея, княгиня Лихновская и лэди Кланвильямъ, на неё походили. Гдѣ искать теперь такихъ красавицъ, какова была несравненная Софья Замойская, рожденная Чарторижская [1]), или сестра ея принцесса Виртембергская [2]). Какъ не помя-

лихи набросились на знаменитаго парикмахера. Ему едва хватало времени на заказы. Онъ сталъ причесывать и графиню Елизавету Осиповну Разумовскую. Однажды графиня спѣшила на балъ и хотѣла блеснуть новою прическою, но для этого ничего подъ рукою не было. Цвѣты, перья, брилліанты,—все это уже было знакомо вѣнскому свѣту. Приходитъ Леонаръ. Графиня сообщаетъ ему свое горе. Парикмахеръ ходитъ по комнатамъ, ожидая вдохновенія. Вдругъ, въ уборной графа, видитъ онъ короткіе штаны изъ краснаго бархата. Онъ ихъ хватаетъ, разрѣзаетъ ножницами, собираетъ огромнымъ пуфомъ и устраиваетъ графинѣ оригинальный, дотолѣ невиданный, головной уборъ, имѣвшій громадный успѣхъ. Въ Вѣнѣ нѣсколько дней сряду только и разговоровъ было про красивую прическу графини и громадный талантъ Леонара. (Изъ разсказовъ А. В. Васильчикова).

[1]) Сестра князя Адама Чарторижскаго. Мужъ ея графъ Станиславъ Андреевичъ былъ членомъ государственнаго совѣта и андреевскимъ кавалеромъ.

[2]) Принцесса Марія, жена принца Лудовика-Фридриха. Она изъ-за ненависти къ Россіи развелась съ мужемъ и разсорилась съ сыномъ.

нуть и другую Замойскую, двоюродную сестру первой, и еще быть можетъ красивѣйшую [1])? А три дочери князя де-Линя: княгиня Клара, графиня Фефе Пальфи и Флора, вышедшая впослѣдствіи за барона Шпигеля? А другая, Флора—графиня Врбна—истая богиня цвѣтовъ? А княгиня Лихтенштейнъ, а Ланскоронская, а Красинская и столько другихъ, вѣчно живыхъ въ памяти моей [2])?". Все это общество графъ Рибопьеръ ежедневно встрѣчалъ въ посольскомъ домѣ, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ племянникомъ посла, Васильчиковымъ, и гдѣ на него смотрѣли какъ на родного. Вокругъ этихъ красавицъ увивались государственные мужи, сановные дипломаты, остроумные публицисты, которыхъ привлекала въ Вѣну ненависть къ Бонапарту. „Всѣ дни въ недѣлѣ", продолжаетъ графъ Рибопьеръ, „были разобраны. Послы и представители первыхъ имперскихъ родовъ безпрестанно давали пышные обѣды, за которыми слѣдовали вечерніе пріемы. За обѣдами было много непринужденности, но старинные обычаи и этикетъ строго соблюдались. Явиться иначе, какъ во фракѣ и при шпагѣ, было немыслимо. Отобѣдавъ въ знатномъ домѣ, необходимо было, черезъ недѣлю, явиться туда на вечерній пріемъ, чтобы отблагодарить за сдѣланную честь. Честь эта обходилась довольно дорого, такъ какъ на другой же день, послѣ перваго обѣда въ любомъ изъ вѣнскихъ домовъ, оттуда съ поздравленіемъ являлись швейцаръ и скороходъ, что каждый разъ стоило три дуката. Такимъ же налогомъ обложены были гости и на новый годъ. Тогда являлись носильщики [3]) и лакеи изъ всѣхъ тѣхъ домовъ, откуда въ теченіе года воспослѣдовало приглашеніе на обѣдъ. Право занимать мѣсто на среднемъ диванѣ, въ парадной гостиной, по правую руку отъ хозяйки дома, было преимуществомъ самой высоко-титулованной дамы въ собраніи, и преимущество это строго наблюдалось. Такъ, жена графа или посланника уступала мѣсто это первой явившейся въ гостиную княгинѣ; послѣдняя вставала, коль скоро входила княгиня старѣйшая по времени пожалованія титула. Княгини уступали мѣсто оберъ-гофмейстеринѣ и женамъ пословъ. Послѣднія уже между собою не считались, и та, которая пріѣзжала ранѣе, оставалась уже около хозяйки на весь вечеръ, причемъ, однако, какъ оберъ-гофмейстерины такъ и другія посольши уже не садились вовсе, не желая подать вида, что онѣ кому-либо уступили шагъ. Часто приходилось имъ терпѣливо выстаивать цѣлый вечеръ [4])". Таковы были обычаи вѣнскаго общества. У Разумовскаго,

[1]) Тоже рожденная княжна Чарторижская.

[2]) Русскій Архивъ, 1877. I. 488—489.

[3]) Въ то время портантины (chaises à porteurs) были во всеобщемъ употребленіи, особенно въ Вѣнѣ и въ Дрезденѣ, гдѣ они сохранились до 1848 года.

[4]) Русскій Архивъ, 1877. I. 488—489.

однако, пріемы рѣдко ограничивались однимъ угощеніемъ и разговорами. Графъ Андрей Кириловичъ былъ страстнымъ меломаномъ. Любовь къ музыкѣ онъ унаслѣдовалъ отъ отца и дяди. Вѣна уже давно считалась самымъ музыкальнымъ изъ нѣмецкихъ городовъ; въ концѣ же прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія развитіе музыки въ столицѣ Австріи достигло своего апогея. Три величайшихъ музыкальныхъ генія Германіи: Гайденъ, Моцартъ и Бетховенъ, другъ за другомъ услаждали тонкій слухъ восторженныхъ вѣнскихъ меломановъ. Въ семействѣ Тунъ страсть къ музыкѣ была наслѣдственною. Леопольдъ Моцартъ, отецъ знаменитаго Вольфганга, служилъ домашнимъ капельмейстеромъ у ихъ дѣда. Самъ Вольфгангъ родился и возросъ въ ихъ семьѣ. Теща Разумовскаго ранѣе всѣхъ въ Вѣнѣ съумѣла понять и оцѣнить геній Гайдена, только-что набросавшаго первыя музыкальныя свои сочиненія. Она познакомила молодого музыканта съ высшимъ вѣнскимъ обществомъ и пристроила его капельмейстеромъ къ пріятелю своему, богатѣйшему князю Эстергази [1]). Всѣ родственники и близкіе семейства Тунъ: Эстергази, Лобковичи, Дитрихштейны, Лихновскіе и проч., и проч., были записными меломанами. Самъ графъ Андрей Кириловичъ отлично игралъ на скрипкѣ, и страсть къ музыкѣ была однимъ изъ первыхъ поводовъ къ сближенію его съ Тунами. Когда, послѣ неаполитанской своей миссіи, Разумовскій вторично посѣтилъ Вѣну, то подросшія уже молодыя графини Тунъ (contessinen, какъ ихъ называли въ Вѣнѣ въ отличіе отъ матери, которая титуловалась: Frau Gräfin) часто аккомпанировали на клавесинѣ любимаго ими виртуоза. Вторая Тунъ, Христіанна, вышедшая за князя Лихновскаго, славилась въ Вѣнѣ своею игрою. Самъ Лихновскій былъ ученикомъ и другомъ Моцарта. У вѣнской родни своей сблизился Разумовскій съ Моцартомъ, котораго, какъ мы видѣли выше, намѣревался отправить подъ Очаковъ, къ князю Потемкину. Въ первыя пребыванія свои въ Вѣнѣ, у Туновъ, познакомился графъ Андрей Кириловичъ и съ Гайденомъ, котораго цѣнилъ гораздо выше Моцарта. Русскій посолъ имѣлъ особенное влеченіе къ квартетной игрѣ, творцомъ которой, по всей справедливости, считался знаменитый Гайденъ [2]). Разумовскій любилъ играть въ квартетахъ. Между нѣмецкимъ маэстро и молодымъ дипломатомъ установились самыя близкія, чисто музыкальныя отношенія. Геніальнаго композитора поразило въ русскомъ меломанѣ тонкое музыкальное чутье, благодаря которому въ сочиненіяхъ Гайдена онъ угадывалъ самыя сокровенныя побужденія, остававшіяся для большинства публики недоступными. Та-

[1]) Haydn's Biographie, nach mündlichen Erzählungen desselben, entworfen von A. C. Diis. Wien. 1810.

[2]) Ludvig Nohl-Beethovens Leben. Leipzig. 1867. II, 18.

кая музыкальная организація привлекала нѣмецкаго художника, который проводилъ долгіе вечера съ Разумовскимъ, поясняя ему сокровенныя мысли своихъ квартетовъ, сонатъ и симфоній. Всѣ эти разговоры графъ Андрей Кириловичъ передалъ позднѣе Бетховену и черезъ это имѣлъ громадное вліяніе на музыкальное его развитие [1]).

Графъ Андрей Кириловичъ оказалъ вообще много услугъ Вѣнѣ въ музыкальномъ отношеніи. Онъ очень любилъ такъ-называемую камерную музыку (kammer-musik). Вмѣстѣ съ свякомъ своимъ, княземъ Лихновскимъ, рѣшился онъ составить квартетъ на славу. Созваны были первые по Германіи виртуозы. Игнатій Шупанцигъ [2]) игралъ на первой скрипкѣ, Іоганъ Сина—на второй, Францъ Вейсъ—на брачьо, а Линке—на віолончелѣ. Вскорѣ квартетъ этотъ, знаменитый въ лѣтописяхъ музыки, подъ именемъ квартета Разумовскаго, перешелъ на полное содержаніе русскаго посла. Рѣдкій вечеръ не услаждалъ онъ слухъ вѣнскихъ жителей. Сначала самъ графъ игрывалъ на скрипкѣ, но вскорѣ онъ пожертвовалъ своимъ дилеттантизмомъ въ пользу искусства, и Шупанцигъ занялъ окончательно его мѣсто въ квартетѣ. Высшее значеніе свое получилъ квартетъ Разумовскаго послѣ пріѣзда въ Вѣну Бетховена. Послѣдній въ графѣ Андреѣ Кириловичѣ нашелъ вдохновеннаго покровителя и друга [3]). Домъ русскаго посла имѣлъ большое вліяніе на Бетховена и во всю жизнь его сохранилъ особенное для него значеніе. Съ Разумовскимъ Бетховенъ сошелся черезъ Лихновскихъ. Молодой музыкантъ пришелся по сердцу послу и вскорѣ онъ сталъ въ палатахъ гордаго дипломата своимъ человѣкомъ. Разговоры Разумовскаго, разсказы его о Гайденѣ и о всемъ томъ, что онъ ему повѣрялъ, произвели глубокое впечатлѣніе на Бетховена и отозвались на тогдашнихъ его твореніяхъ. Все, что Бетховенъ набрасывалъ на бумагу, было немедленно разыгрываемо, подъ его же руководствомъ, квартетомъ Разумовскаго. Малѣйшее замѣчаніе Бетховена было закономъ для квартета. Благодаря глубокому пониманію самыхъ сокровенныхъ мыслей композитора и полнѣйшему усвоенію внутреннихъ его стремленій, квартетъ Разумовскаго достигъ почти всемірной извѣстности. Никогда и нигдѣ не бывали съ тѣхъ поръ такъ передаваемы сочиненія Бетховена. Весь тогдашній міръ искусствъ говорилъ о квартетѣ съ восторгомъ [4]). Одинъ изъ трехъ квартетовъ, входящихъ въ opus 59 (Streichquartette) [5]), посвященный Разу-

[1]) Schindler. Biographie v. Ludwig van Beethoven. I. 39.

[2]) Ignaz Schuppanzigh, извѣстный скрипачъ и композиторъ, р. 1770, † 1830.

[3]) Biographisches Lexicon des Kaiserthums Oesterreich v. Constantin v. Wurzbach. XXV. 6—9.

[4]) Nohl-Beethovens Leben. II, 99.

[5]) Opus № 59 состоитъ изъ 3 квартетовъ, для двухъ скрипокъ, альта и віолон-

мовскому, былъ разыгранъ на музыкальномъ вечерѣ у посла въ 1807 г. Меланхолическая струя, сквозящая во многихъ изъ музыкальныхъ фразъ этого произведенія, ясно указываетъ на то, что въ основу его легли малороссійскія мелодіи, сообщенныя Бетховену графомъ Андреемъ Кириловичемъ. Долгое время колебался Бетховенъ при посвященіи знаменитой своей пасторальной симфоніи. Онъ не рѣшался, имя котораго изъ лучшихъ друзей своихъ, Разумовскаго или Лихновскаго поставить во главѣ ея. Наконецъ онъ рѣшилъ одну часть посвятить первому, а другую второму [1]).

Среди веселой Вѣны, окруженный блестящею аристократіею и сонмомъ красавицъ, за которыми онъ все еще продолжалъ ухаживать, графъ Андрей Кириловичъ, вполнѣ сознавая вліятельное свое положеніе, чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. Къ тому же онъ былъ теперь при деньгахъ, чего уже весьма давно съ нимъ не случалось. Объ уплатѣ долговъ онъ особенно не заботился, онъ покончилъ только съ самыми срочными, за то постройка дворца быстро подвигалась впередъ. Оказалось, что ѣздить кататься въ Пратеръ, любимое вѣнское гульбище, было далеко, такъ какъ Дунай отдѣлялъ гулянье это отъ садовъ Разумовскаго. Приходилось дѣлать огромный объѣздъ, ибо по близости не было моста. Не долго думая, графъ Андрей Кириловичъ, на свой счетъ, велѣлъ перекинуть черезъ рѣку каменный мостъ, который долгое время носилъ его имя [2]).

Выше упомянуто было, что домъ Разумовскаго сталъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ заклятыхъ враговъ Бонапарта. Въ описываемое нами время ненависть къ первому консулу стала своего рода ремесломъ. Толпа безродныхъ искателей приключеній, подъ предлогомъ вражды къ французскому правительству, старалась пробиться въ высшія правительственныя сферы, играть роль въ свѣтѣ и ловить рыбу въ мутной водѣ. Всякіе Антреги, Верпеги и другіе разорившіеся эмигранты толпились въ переднихъ у дипломатовъ, представляя массу несбыточныхъ проектовъ и сообщая всякія политическія сплетни. Разумовскій съумѣлъ въ пестрой толпѣ этой избрать талантливыхъ дѣятелей. Между послѣдними особенно рѣзко выступали двѣ личности. То были пруссакъ фонъ-Генцъ и корсиканецъ Поццо-ди-Борго.

Ученикъ Канта, нѣкогда горячій поклонникъ навѣянныхъ на Ев-

чели, fa majeur, mi mineur и ut majeur съ фугою. Всѣ они посвящены Разумовскому. „Ces 3 quatuors seraient mieux nommés 3 miracles. Rien ne peut être comparé dans ce style“. (Beethoven et ses trois styles, par W. de Lenz. p. 137).

[1]) Тамъ же, II. 495—496.

[2]) Нынѣ Sophienbrücke. Послѣднее названіе дано было мосту при перестройкѣ въ честь эрцгерцогини Софіи, матери нынѣ царствующаго императора.

ропу французскою революціею вольнолюбивыхъ стремленій, Фридрихъ фонъ-Генцъ успѣлъ давно уже отречься отъ юношескихъ своихъ заблужденій, и борзое перо его, ѣдко нападавшее на Францію и весь строй республиканскихъ идей, было уже въ тѣ времена извѣстно всей Европѣ. Разумовскій вошелъ съ нимъ въ близкія сношенія, заказывалъ ему разныя записки политическаго содержанія и статьи, направленныя противъ Франціи. Первыя, русскій посолъ препровождалъ въ Петербургъ, вторыя помѣщалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ съ цѣлью повліять на общественное мнѣніе. При безднѣ познаній, при неимовѣрно легкой воспріимчивости и увлекательномъ краснорѣчіи, фонъ-Генцъ отмѣнно обладалъ новыми языками и съ равною легкостью изъяснялся и писалъ по-французски и по-нѣмецки. Онъ былъ эпикурейцемъ въ душѣ, страстнымъ поклонникомъ прекраснаго пола, игрокомъ и мотомъ. Безъ роскоши онъ не могъ жить и поэтому вѣчно нуждался въ деньгахъ. Перо свое онъ предлагалъ самому высокому плательщику, съ непремѣннымъ, однако, условіемъ писать противъ Франціи и вводимаго ею новаго строя идей. Съ Разумовскимъ Генцъ сблизился сейчасъ же послѣ переселенія своего въ Вѣну, куда онъ поступилъ съ прусской службы, получая при этомъ значительное денежное пособіе отъ Англіи. Онъ представилъ послу на первыхъ порахъ записку о финансахъ Франціи.

„Je n'ai encore communiqué à personne", писалъ онъ при этомъ, „ce petit travail, auquel j'aurais bien voulu donner plus de perfection, si je n'avais pas été aussi dénué de matériaux et aussi abandonné à mes propres moyens que je le suis. Cependant je suis enchanté que v. e. soit la première personne qui le lira. L'étendue de vos lumières, m. l'ambassadeur, la justesse de votre coup-d'oeil, la force et la pûreté de vos principes politiques et, si vous me permettez de l'ajouter, la noblesse de votre caractère, cette réunion de qualités, si rares dans ces temps de faiblesse et de dégradation, m'ont inspiré pour v. e. l'admiration la plus illimitée, et les bontés particulières et soutenues qu'elle a eu pour moi depuis le moment de mon arrivée à Vienne, bontés, dont certainement je connais le prix, ont ajouté à ce sentiment d'admiration, celui d'une profonde reconnaissance et d'un bien sincère attachement. Je saisis avec reconnaissance la première occasion que je rencontre pour faire hommage à v. e. de ces sentiments, que rien désormais ne pourra effacer dans mon âme, et je vous prie, m. le comte, d'être bien persuadé que dans ma position actuelle, comme dans toutes celles que je puis imaginer, il n'y aura jamais pour moi d'avantage plus grand et plus intéressant, que celui de pouvoir compter sur la continuation de vos bonnes grâces.

V. e. reçoit aussi ci-joint quelques feuilles de Cobbet [1]), que je supplie de vouloir bien me rendre aussitôt qu'elle les aura parcourues; car ces feuilles forment une partie essentielle de mon *manuel*, ou plustôt de mon *évangile* politique. C'est assez vous dire, m. le comte, que je ne partage pas l'opinion désavantageuse que m. Paget [2]) a énoncé hier, en parlant de cet écrivain. Je suis certainement le dernier à approuver les exagérations dans lesquelles Cobbet a le malheur de tomber souvent, la dûreté et l'injustice dont il se rend quelquefois coupable, et surtout l'indécence des expressions et le „coarse language" qui lui échappe plus d'une fois, lorsque la passion l'entraine. Je les désapprouve si fort, que j'ai eu cent fois, pendant mon séjour à Londres, les plus rudes disputes à cet égard avec ses adorateurs aveugles, et même quelques explications assez franches avec l'auteur en personne. Mais tout cela n'empêche pas que Cobbet soit un écrivain d'un mérite très supérieur, d'une grande force d'esprit, de vues très étendues et d'une pureté de principes qui ferait pardonner des défauts plus grands s'il est possible que les siens. V. e. s'appercevera bientôt que tout ce qu'on peut lui reprocher tient à l'exagération du *bien*, à la trop grande vigueur de son indomptable caractère et à sa conviction intime de la fausseté du système adopté par les auteurs du *traité d'Amiens*. On peut se fâcher contre lui, mais il n'est pas possible de lui refuser l'estime et très souvent l'admiration, et quand on peut ajouter à cela que des hommes tels que lord Granville, m. Thomas Granville, m. Windham etc. etc. ne parlent de lui qu'avec les plus grands égards, qu'ils sont même soupçonnés (peut-être avec quelque raison) de lui fournir des matériaux, je crois qu'on peut bien avoir le courage de le défendre contre un mouvement de mauvaise humeur de la part de ceux qui au fond ne peuvent pas s'empêcher de lui accorder des éloges" [3]).

„Поццо ди-Борго", говоритъ въ своихъ запискахъ Генцъ, „былъ членомъ дамскаго кружка, собиравшагося у графини Разумовской и составлявшаго сливки высшаго общества. Въ этой компаніи Армфельдъ, Поццо и я составляли какъ-бы одно политическое цѣлое (eine Art von politischen Kleeblatt bildeten) [4])". Разумовскихъ посѣщалъ Генцъ ежедневно и имѣлъ несомнѣнное вліяніе на посла. Люди, близко къ графу стоявшіе, не одобряли довѣрія его къ Генцу и явно выражали презрѣніе свое къ продажному его перу. Къ числу такихъ принадлежалъ состоявшій при русскомъ посольствѣ кавалеръ Малліа, о

[1]) Виліамъ Коббетъ, извѣстный англійскій писатель, р. 1762, † 1835, тогда еще ультраторій, а впослѣдствіи крайній радикалъ.

[2]) Англійскій посланникъ въ Вѣнѣ.

[3]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[4]) Tagebücher 67.

которомъ мы уже упоминали въ одной изъ предъидущихъ главъ и о которомъ придется намъ говорить далѣе. Въ секретномъ отношеніи къ князю Чарторижскому, Малліа пишетъ: „L'opinion que notre ministère sera changé, s'est tellement répandue, qu'un de ces écrivains, qui vendent leur plume à toutes les opinions et à tous les cabinets, se vante à Vienne d'avoir adressé un long mémoire au chef des affaires étrangères en Angleterre, sur la nécessité de remplacer à Pétersbourg le ministre actuel, par tel autre ministre qu'il connait et qu'il indique. Cet écrivain croit tenir toute la politique de l'Europe dans sa main. S'il la ferme—il n'y a que ténèbres, et s'il l'ouvre, il croit répandre des flots de lumière. Selon lui il ne faudrait plus compter sur la Russie; on doit agir comme si elle n'existait pas, songer à d'autres alliances et unir l'Autriche à la Prusse. Hier il aurait regardé cette union comme un conseil perfide, suggéré par la France, pour que l'Angleterre reste abandonnée à ses propres forces. Aujourd'hui qu'on lui demande des mémoires sur cette alliance et qu'il a besoin de sophismes pour la soutenir, il nous raie de sa politique d'un trait de plume, pour montrer qu'il faut recourir à de nouveaux plans. Le presse-t-on sur la variation de ses principes et sur les dangers de son nouveau système, il croit se justifier par de prétendues arrière-pensées qu'il n'a point, que la mauvaise foi lui suggère, ou qui ne pourraient se réaliser que dans son imagination exaltée. Qu'espérer en effet de l'alliance de Vienne avec Berlin, si ce n'est que le sommeil du roi de Prusse en deviendrait plus profond, que la neutralité, qui paralyse le côté droit de l'Allemagne, s'étendrait au côté gauche et qu'au lieu de s'unir pour l'indépendance et pour la guerre, on s'unirait pour l'inaction et pour la paix, pour dormir tranquillement ensemble côte à côte, ou pour résister en commun à toute négociation étrangère. Mais il faut que je m'arrête, car Gentz, sa lettre au cabinet anglais et son insidieux traité, exigeraient bien d'autres détails".

Не одинъ Малліа, какъ видно, жаловался на Генца. На талантливаго публициста долетали до Петербурга обвиненія и съ другихъ сторонъ. Молва эта стала тревожить нашъ кабинетъ, и Чарторижскій счелъ долгомъ секретно обратиться къ Разумовскому съ запросомъ касательно степени благонадежности Генца. Разумовскій спѣшилъ успокоить его слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ отъ 4 Сентября 1804 года.

„Une de vos lettres secrètes me prévient de quelques doutes qu'on a pu concevoir sur la pûreté de la conduite et des principes de m. Gentz. Ils s'étendent jusqu'à le croire entaché de relations secrètes avec Champagny. Ce soupçon m'a causé une grande surprise. La manière d'être de Gentz dans la société, son intimité avec le ministre

d'Angleterre, ses rapports en général dans ce pays-ci, me paraissent l'en garantir, ainsi que la profession publique de ses opinions dans ses écrits qui lui ont valu de la réputation en Europe, un traitement considérable en Angleterre et un sort honorable à Vienne. Cependant je ne suis pas assez lié avec lui pour que mon jugement serve à repousser péremptoirement un tel avis. Je me suis occupé à en rechercher les fondements et il m'a été impossible de rien découvrir qui puisse en justifier la plus légère apparence. Il me parait vraisemblable que c'est de Berlin que vient l'inculpation. Gentz y a infiniment d'ennemis, qui ne se font pas scrupule de le calomnier".

Гораздо выше въ нравственномъ отношеніи стоялъ другой ненавистникъ Бонапарта—корсиканецъ Поццо ди-Борго, ежедневно тоже посѣщавшій домъ Разумовскаго и имѣвшій несравненно болѣе вліянія на графа, чѣмъ Генцъ. Не эпикурейство и не страсть къ роскоши и деньгамъ заставили его искать убѣжища на чужбинѣ и предлагать услуги блестящаго своего ума европейскимъ правительствамъ. Его изъ родины изгнала драматическая судьба; въ ненависти же къ Наполеону онъ былъ руководимъ не разсчетами честолюбія, а неукротимостью полуденной природы. Дѣтство Поццо протекло въ близкомъ единеніи съ Бонапартами; политическое разномысліе положило начало той розни, которая со временемъ, среди необычайныхъ событій, ознаменовавшихъ начало XIX вѣка, обратилась въ своего рода единоборство между первымъ изъ наполеонидовъ и искуснымъ корсиканскимъ дипломатомъ. Пера своего Поццо ди-Борго не продавалъ. Свои вольнолюбивыя мечты онъ промѣнялъ на строгій консерватизмъ только тогда, когда убѣдился, что мечты эти отрицаютъ монархическій принципъ, которому онъ всегда оставался вѣренъ. Изгнанный изъ Корсики вмѣстѣ съ другомъ своимъ Паоли, включенный въ списки эмигрантовъ и лишенный всего своего имущества, Поццо принужденъ былъ силою обстоятельствъ бѣжать въ Англію. Онъ покидалъ отчизну съ отчаяніемъ въ душѣ и глубокою, чисто-корсиканскою вендеттою въ сердцѣ. Наполеону Бонапарту приписывалъ онъ несчастіе родины и свое изгнаніе. Блестящій умъ, глубокія познанія, полуденная сила и картинность въ выраженіяхъ обратили на Поццо вниманіе британскихъ министровъ. Ему предложили мѣсто тайнаго дипломатическаго агента и въ 1798 онъ былъ отправленъ въ Вѣну вмѣстѣ съ лордомъ Минто. Здѣсь онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Къ его острымъ, своеобразнымъ рѣчамъ охотно прислушивались. Въ немъ враги Бонапарта чуяли могучаго союзника. Поццо открыты были первые вѣнскіе дома, куда вообще иностранцевъ допускали съ большимъ разборомъ. Здѣсь познакомился онъ съ Чарторижскимъ, здѣсь же сблизился съ Разумовскимъ. Ненависть къ Бонапарту ихъ подружила.

Послѣ заключенія аміенскаго мира, Поццо, какъ самъ выражался, потерялъ всякое мужество. Постоянныя неудачи стали дѣйствовать на нервную его систему. Онъ покинулъ Англію и поселился въ Вѣнѣ. Здѣсь жилъ онъ безъ занятій, пользуясь удовольствіями, которыя находилъ въ обществѣ и дружбѣ почтенныхъ личностей [1]). Онъ былъ тогда въ цвѣтѣ лѣтъ. Пламенная душа его, болѣзненно отзывавшаяся ко всему тому, что происходило въ Европѣ, страдала отъ праздности и лихорадочно жаждала дѣятельности. Отъ одной Россіи ожидалъ онъ отпора ненавистному Бонапарту, гнетъ котораго становился Европѣ съ каждымъ днемъ несноснѣе. Мысль о поступленіи на русскую службу стала любимою его мечтою. Разумовскій мысль эту поощрялъ. Онъ доставлялъ Поццо занятія, отправлялъ замѣчательныя записки его въ Петербургъ и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о немъ отзывался. Когда аміенскій миръ былъ разорванъ, Поццо былъ уже слишкомъ связанъ съ русскимъ правительствомъ, чтобы думать о возвращеніи въ Англію. Хотя письма графа Андрея Кириловича о Генцѣ и Поццо относятся къ нѣсколько позднѣйшему времени, однако, для полноты разсказа мы ихъ здѣсь помѣщаемъ.

„Lorsque Bonaparte“, писалъ отъ 14 Іюня 1804 года къ Чарторижскому Разумовскій, „s'est élevé au rang suprême des dignités terrestres, que couronnant avec témérité toutes ses entreprises par le titre le plus éclatant qui ait jamais illustré le trône, son insatiable ambition menace l'Europe d'évènements encore plus extraordinaires et prépare les esprits à une subversion plus complète de tous les rapports qui ont existé jusqu'ici, pour les asservir à des combinaisons nouvelles et à un système de domination puissant par le fait et qui le deviendrait également par l'opinion, il n'est pas étonnant que tous les hommes doués d'une sensibilité active cherchent à exprimer l'indignation, dont ils sont frappés dans le moment présent et les dangers que leur présente l'aspect de l'avenir. C'est sous ce point de vue, mon prince, qu'ont été rédigées les deux mémoires que j'ai l'honneur de transmettre ci-joint. Celui qui se trouve désigné par la lettre A, est de m. Gentz, littérateur distingné dans la langue allemande et dont la plume, s'étant exercée souvent en français, est capable de quelque énergie dans cette langue. Le second sub litt. B., est de m. Pozzo di Borgo. Ce dernier est de nation corse, il a rempli dans sa patrie des postes importants, lors des troubles qui l'ont agitée. Empreint du caractère nerveux qui distingue les hommes de son pays, il a de tout temps professé une haine profonde à la France, et après en avoir fait la base de sa con-

[1]) Сборникъ императорскаго историческаго общества, II. 162. „Собственноручная записка Поццо ди-Борго о немъ самомъ“, представленная имъ графу А. К. Разумовскому въ Вѣнѣ 1 Іюня 1804 года.

duite, tant que sa patrie a lutté contre le despotisme du gouvernement français, il s'est soumis à celui de l'Angleterre et depuis que celle-ci a jugé à propos, durant la dernière guerre, de mettre au nombre de ses fausses mesures celle d'abandonner la Corse à la rapacité de ses ennemis, Pozzo, obligé de s'expatrier, devenu pensionnaire du gouvernement anglais, végète dans une inactivité qui pèse à son caractère et qui fait regretter que ses moyens et ses talents ne soient pas mis à profit. Autrefois, compagnon de Bonaparte, revolté de ses crimes et de ses succès, sa verve insulaire et montagnarde ne cesse de s'exhaler contre l'aventurier heureux qui fait trembler l'Europe et qui aspire à placer la couronne qu'il a osé mettre sur sa tête au premier rang de celles qui jusqu'ici ont gouverné le monde. Ces deux hommes fréquentent habituellement ma maison et, m'ayant communiqué l'un et l'autre les mémoires que la conjoncture actuelle leur a dictés, j'ai crû qu'il serait intéressant de vous les faire parvenir, afin que vous jugiez s'ils sont dignes d'être mis sous les yeux de S. M. l'Empereur. M. de Gentz avait accompagné le sien d'une lettre à notre auguste Maître. J'ai refusé de l'accepter, en lui disant que je n'étais nullement autorisé à me charger d'aucune transmission de ce genre, et que je ne recevais son mémoire que pour moi-même et à titre d'une communication amicale, conforme au pied des relations sur lequel il vivait dans ma maison".

„Au moment de la première explosion de la dignité impériale, dont s'est revêtu Bonaparte", писалъ по тому же случаю отъ 5 Іюля графъ Андрей Кириловичъ, „j'ai eu l'honneur de vous envoyer, mon prince, deux mémoires sur ce mémorable évènement, l'un était de Gentz, l'autre de Pozzo di Borgo. J'ignorais alors que ce dernier avait l'avantage de vous être connu personnellement et d'avoir vécu habituellement dans votre société, durant votre séjour à Vienne. Il ne me l'a appris en me parlant de sa situation, en me disant combien il lui pesait de vivre dans l'oisiveté, tandis qu'il se sentait quelques moyens d'être utile. Il ajouta, que par suite de principes et de circonstances devant renoncer à sa patrie et désirant se vouer à une grande puissance, c'est à la Russie qu'il préférait consacrer ses services. N'osant vous importuner directement, il m'a remis un écrit que je joins ici. Vous y trouverez la notice historique de sa vie, des emplois dont il a été revêtu dans son pays, et enfin de ceux qu'il se croyait en état de remplir, si conformément à ses voeux il était agréé dans le notre. Je n'ai pu me refuser à vous transmettre cet écrit, d'après l'estime que méritent le caractère et les talents de m. Pozzo di Borgo".

При письмѣ этомъ приложена была собственноручная автобіографія, помѣщенная покойнымъ К. К. Злобинымъ во второмъ томѣ сбор-

ника императорскаго историческаго общества. Съ своей стороны Поццо ди-Борго обратился прямо къ князю Чарторижскому съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „La bonté et j'ose dire l'amitié même avec laquelle vous m'avez traité lorsque j'eus le bonheur d'etre connu de vous pour la première fois, m'ont souvent fait désirer une circonstance favorable, qui aurait pu me rapprocher de votre personne dans la situation éminente où vous êtes placé. Toutes les vicissitudes de ma vie, mes études, mes dispositions naturelles m'ont porté à m'appliquer aux affaires publiques et à y prendre part, quand j'ai trouvé une occasion de le faire hònorablement. Depuis des années, les évènements m'ont fermé l'arène, où j'espérais employer mes faibles talents, et je me vois condamné au terrible fardeau de ne rien faire, à une époque où mes facultés pourraient encore aider le zèle des personnages qui se trouvent dans l'heureuse possibilité de faire le bien. Séparé par des causes irrésistibles de la sphère de mes devoirs et de mon activité, j'ai souvent jeté les yeux sur la carte du globe pour chercher un pays et un monarque où j'aurais desiré d'être admis au nombre de ceux qui ont l'honneur de servir l'un et l'autre, et j'avoue, qu'aucun ne m'a plus exalté que la Russie. C'est le seul empire qui est grand, sans avoir encore développé toutes ses ressources, situation heureuse, qui lui permet de chercher le secret de ses forces sans crainte d'être arreté, ou troublé par des circonstances qui ne dépendraient pas de lui. Les hautes qualité du Souverain, son amour pour le bien, sont, de même, de grands encouragements pour quiconque aspire à servir avec quelque distinction, et voici, mon prince, les motifs qui m'ont principalement déterminé à vous adresser mes voeux à cet égard.

Dans l'état actuel des choses, je sens que ma proposition est trop vague pourqu'il fut possible d'obtenir une réponse décisive, mais si mes offres n'était pas tout à fait réjetées, et si vous daigniez me donner un conseil, j'entreprendrais volontiers le voyage de Pétersbourg, où vous pourriez disposer de moi, de la manière qui serait jugé la plus convenable. Je vous supplie de prendre en bonne part cette démarche, j'ai laissé de côté toutes recommandations, étant bien sur que vous aurez la bonté de me faire connaître tout de même vos intentions avec la bienveillance que je vous ai connue pour moi".

Благодаря добрымъ отзывамъ Разумовскаго, отвѣтъ Чарторижскаго не долго заставилъ себя ждать. Поццо приглашали въ Петербургъ и какъ можно скорѣе. Ему заранѣе не предлагали мѣста. „Нужно", писалъ къ нему Чарторижскій, „чтобы вы сперва здѣсь осмотрѣлись, а потомъ уже будетъ время подумать, на что вамъ можно будетъ рѣшиться". Чарторижскій просилъ Поццо содержать цѣль своей поѣздки въ секретѣ и говорить, что онъ ѣдетъ въ Россію какъ путешествен-

никъ изъ простого любопытства. Не теряя, времени Поццо пустился въ путь. Онъ былъ немедля принятъ на русскую службу полковникомъ и вскорѣ отправленъ съ дипломатическою миссіею въ Неаполь.

Дѣятельность Разумовскаго была въ описываемое нами время самая разнообразная. Нельзя не отдать графу Андрею Кириловичу справедливости въ томъ, что онъ умѣлъ заниматься дѣломъ, что онъ ловко велъ переговоры, ясно понималъ въ данную минуту политическое положеніе и умѣлъ окружить себя даровитыми личностями. Одного только недоставало ему, это—яснаго сознанія нуждъ и выгодъ Россіи. Разумовскій былъ отличный дипломатъ въ общемъ нарицательномъ смыслѣ этого слова, но онъ всегда былъ и до конца жизни оставался плохимъ *русскимъ* посломъ. Въ настоящую пору онъ былъ заваленъ дѣломъ, и, трудясь надъ осуществленіемъ любимой своей мечты, несмотря на утомленіе, вполнѣ наслаждался своею дѣятельностію, не сознавая того, что именно дѣятельность эта должна была поставить Россію на край гибели. Кромѣ безпрестанныхъ депешъ, отправляемыхъ въ Петербургъ, переговоровъ съ вице-канцлеромъ, аудіенцій у императора и сношеній съ извѣстнѣйшими въ то время публицистами, онъ еще добывалъ для своего правительства свѣдѣнія, иногда весьма секретныя, о состояніи Австріи, о ея военныхъ силахъ и финансахъ. Свѣдѣнія эти онъ пересылалъ съ самыми вѣрными оказіями въ Петербургъ къ князю Чарторижскому. Благодаря выдаваемымъ посломъ крупнымъ суммамъ и ловкимъ его агентамъ, въ руки Чарторижскаго попадали важныя выписки изъ секретнѣйшихъ австрійскихъ дипломатическихъ корреспонденцій. Правою рукою въ дѣлѣ этомъ былъ у Разумовскаго уже извѣстный намъ кавалеръ Малліа [1]), который, несмотря на жалобы свои относительно скудости получаемыхъ имъ вознагражденій, продолжалъ неутомимо разбирать тайныя нити европейской политики. Онъ былъ на короткой ногѣ со всѣми второстепенными, но тѣмъ не менѣе вліятельными дѣятелями австрійскихъ министерствъ, изъ которыхъ многіе были у него на откупу. Службою Малліа Разумовскій не могъ довольно нахвалиться и въ секретной, собственноручной перепискѣ съ Чарторижскимъ безпрестанно указывалъ на дѣйствія своего ловкаго, смышленаго и неутомимаго помощника. Въ письмахъ своихъ графъ Андрей Кириловичъ постоянно выставлялъ его безкорыстность, и Малліа, судя по отзывамъ своего начальника, представляется намъ какимъ-то дилеттантомъ въ дѣлѣ подпольныхъ дипломатическихъ розысковъ. Дѣятельность его не ограничивалась одною Вѣною. Его часто отправляли въ Петербургъ, и онъ

[1]) Малліа состоялъ въ военной службѣ до ясскаго мира, послѣ котораго онъ сталъ дипломатическимъ агентомъ.

исполнялъ неоднократно тайныя порученія въ Берлинѣ и Лондонѣ. Во время долговременныхъ пребыванiй своихъ въ Россіи, Малліа сталъ извѣстенъ лицамъ, руководившимъ другъ за другомъ коллегіею иностранныхъ дѣлъ и завелъ съ ними дѣятельную непосредственную переписку. Онъ писалъ и къ князю Безбородко, и къ графу Ростопчину, и къ графу Кочубею. Но ни съ кѣмъ изъ министровъ не былъ онъ на такой короткой ногѣ, какъ съ Чарторижскимъ. Къ послѣднему отправлялъ онъ длиннѣйшія донесенія, какъ изъ Вѣны, такъ особенно изъ Берлина. Онъ свободно критиковалъ близкихъ Разумовскому дѣятелей, не стѣсняясь излагалъ свое мнѣніе о русскихъ послахъ и министрахъ и не останавливался даже передъ намеками на то, какъ бы слѣдовало въ томъ или другомъ случаѣ поступать Петербургскому двору. Онъ охотно разглагольствовалъ о предметахъ высшей политики и, надо признаться, часто говорилъ складно и умно. Малліа обладалъ несомнѣнно блестящими способностями. Будучи въ Мартѣ 1804 года въ Лондонѣ, онъ, первый въ Европѣ, понялъ и оцѣнилъ Лудовика-Филиппа, тогда еще мало извѣстнаго, изгнаннаго принца, равно избѣгаемаго роялистами и революціонерами. „On juge en le voyant“, писалъ отъ 17 Марта 1804 г. къ Чарторижскому Малліа, „qu'il a une carrière inconnue à parcourir, et l'on conjecture lorsqu'on l'entend que cette carrière pourra être brillante“. Тогдашній герцогъ орлеанскій, котораго немногіе его англійскіе друзья прочили въ короли отлагавшейся въ то время отъ Испаніи Мексики, очень радушно принялъ тайнаго русскаго агента и прямо ему заявилъ, что желаетъ посѣтить Россію и имѣть честь носить русскій мундиръ. Для поѣздки своей онъ ожидалъ разрѣшенія изъ С.-Петербурга, но этого разрѣшенія не воспослѣдовало.

Малліа сразу понялъ Чарторижскаго и чуть ли не одинъ разгадалъ тайныя мысли и стремленія честолюбиваго поляка. Хитрый мальтіецъ ловко въ донесеніяхъ своихъ игралъ на этой близкой къ сердцу Чарторижскаго струнѣ. Возстановленіе Польши въ политическихъ планахъ Малліа играло весьма важную роль, и благодаря этому, донесенія его, несмотря на рѣзкія сужденія о высокопоставленныхъ лицахъ, бывали всегда благосклонно читаемы въ Петербургѣ. „On n'a pas de confiance en nous“, писалъ Малліа изъ Берлина, куда его отправили съ тайнымъ порученіемъ сломать шею любимцу короля прусскаго, Ломбарду, открыто стоявшему за тѣсный союзъ съ Франціею, „parcequ'on a des doutes sur la stabilité de notre ministère et sur celle de notre système politique. L'incertitude sur ces deux points serait facile à lever. Le Maître n'a qu'à parler, ou plustôt qu'a vouloir et d'un regard il changera l'intrigue en obéissance... Un mot du Monarque suffirait pour donner le ton à ceux qui l'environnent, pour leur apprendre que l'Em-

pereur veut que les russes soient russes, et chacun saurait que les désirs frivoles et corrompus des sybarites d'une cour ne l'emporteront jamais sur la politique de l'étàt. Un mot encore apprendrait aux français-russes, aux frondeurs de Pétersbourg que l'Empereur ne fait et ne veut souffrir aucune différence entre ses anciens et ses nouveaux sujets, qu'il faut oublier jusqu'au mot de conquête, ne voir dans les provinces, dont l'empire s'est agrandi, que les nouveaux rameaux du grand arbre de la Russie, et cesser de flétrir par le nom d'étranger les enfants du même souverain, les soldats de la même patrie. Quand même la justice et la raison n'indiqueraient pas ces maximes, la politique conseillerait de les suivre. Voudrait-on retomber dans cette même erreur des romains, qui, en conquérant l'univers, n'admettaient pour citoyens que les habitants orgueilleux de Rome et d'un coin de l'Italie?.. Si les polonais ne sont pas aujourd'hui des russes, à quelle époque remontera-t-on pour trouver, ou caractériser les véritables sujets de l'empire?.. Depuis quand les ainés d'une famille repoussent-ils leurs frères puinés? N'a-t-on pas, en incorporant le territoire, réuni les coeurs, les intérêts, les droits? Et n'en est il pas avec des peuples conquis, comme des ruisseaux, dont la réunion forme un grand fleuve; dès l'instant que leurs eaux se sont mélées, quel oeil inquiet et jaloux irait s'occuper de les distinguer? J'insiste, mon prince, sur ce point important, car il forme encore un des obstacles que notre politique rencontre. Quel est le ministre, dit-on, qui est à la tête des affaires étrangères?.. Il n'est pas russe, il n'est que polonais, les russes eux-mêmes l'appelent un étranger et la faveur qui le soutient ne peut être que momentanée"...

Далѣе Маллiа требуетъ немедленнаго, открытаго и окончательнаго разрыва съ Францiею.

„Chacuc le sait", говоритъ Маллiа въ заключенiе, „c'est en vain que la Pologne a été partagée; on a divisé le territoire, mais l'invincible esprit polonais n'a pu l'être et ne le sera jamais. Ce grand peuple ne veut former qu'un seul peuple, et rien de ce qui est allemand ne pouvant s'amalgamer avec lui, il ne veut, il ne peut être que russe. Je ne propose point dans ce moment cette grande réunion, qui rendrait la Russie aussi invincible en Europe qu'elle l'est en Asie. Je ne désire même pas que l'on s'empare aujourd'hui du Niéman. Plus tard Königsberg nous appartiendra et nous donnera une précieuse frontière; Danzig sera libre; la Vistule indépendante ne refusera plus ses eaux au transport de nos productions, et l'on replacera dans les traités de partage quelques lignes oubliées qu'on est étonné de ne pas y trouver, puisque la victoire avait le droit de les dicter à ceux qu'elle associait si gratuitement à ses conquêtes. Je me borne à indiquer que le moment est venu de préparer ces grands évènements,... un oukase de quelques

lignes remplirait ce but, et c'est ici la seconde partie que je propose. Que notre auguste Maître daigne seulement déclarer, qu'au lieu des titres qu'il a jusqu'ici, il prend désormais celui de czar de toutes les Russies et roi de Pologne. Cette mesure devrait sortir des bureaux de l'Empereur comme l'éclair sort subitement d'un nuage impénétrable. On ne demandérait la reconnaissance d'aucune cour, ou l'on se ferait même une loi de ne donner aucune explication... L'immense famille polonaise électrisée et ivre de joie et d'amour, lirait d'avance dans ce nouveau titre ses futures et heureuses destinées... On ne sait pas assez à Pétersbourg ce qu'est la Russie; on ignore tout ce qu'elle est devenue par son agrandissement en Pologne... Quel territoire et quelle population, quelles moissons et quels soldats! Je voudrais que l'on fût bien convaincu à Pétersbourg que les provinces de nos voisins nous appartiennent autant que les notres; qu'il y aura là dans tous les temps 500,000 soldats prêts à former l'avant-garde russe et qu'un Alexandre, Czar des Russies devenu roi de cette ancienne et brave nation polonaise serait le plus puissant monarque de l'univers... C'est de Berlin que doit partir le projet de reconciliation entre la Russie et la France... Mais sommes nous bien servis à Berlin? C'est m. Alopéus qui y est ministre russe... Il est infiniment agréable à la Prusse, il est avec les ministres sur le pieds de la plus grande intimité, il voit journellement Hardenberg... La Prusse l'a choisi, l'a demandé, l'a obtenu... Mais n'est-il pas prussien autant que russe? N'a-t-il pas acquis et placé toute sa fortune à Berlin? N'inspire-t-il pas au ministres étrangers une méfiance continuelle et contraire à nos intérêts?.. N'écarte-t-il pas des avis précieux, des confidences utiles par la difficulté de distinguer en lui le ministre russe, de l'ami des ministres prussiens? Je pose ces questions, mais je me garde bien de les décider... Qu'il soit jaloux, ombrageux et brutal, chacun le sait, mais cela ne porte que sur son caractère. Qu'il fut impossible avec lui, et de son consentement de tenter quelque intrigue secrète à Berlin, d'y essayer une corruption ou d'en venir à une brouillerie apparente, par le ton qu'on lui ordonnerait de prendre envers ses bons ami les Prussiens, il est probable qu'il préférerait de quitter sa place... Tout cela est encore explicable. Ce qui ne l'est pas ce sont ses liaisons. Qui est à Berlin, son ami, son affidé, son confident? C'est le chevalier de Bray... l'espion et l'agent du gouvernement français, qui jouait ce rôle odieux même dans les temps revolutionnaires... Voir tous les jours cet homme et se communiquer avec lui, c'est se communiquer à Laforêt, à Talleyrand, à Bonaparte lui-même, personne n'en peut douter, aussi le corps diplomatique à Berlin, cherchant les motifs de cette étrange liaison, n'en trouve jamais qu'une seul de probable. Il s'agit dit-on de quelque rapproche-

ment secret entre la France et la Russie. La Prusse en a fourni l'idée, de Bray en est l'agent et Alopéus recherche d'en être l'intermédiaire... V. e. peut juger.., combien cette supposition continuelle, quoique fausse sans doute, embarrasse et recule notre politique... J'ai voulu seulement que l'on sût à Pétersbourg... qu'aucun prussien ne s'ouvrirait à m. d'Alopéus sur les affaires de la Prusse, parcequ'il ne serait pas sûr de sa discrétion. J'ai voulu dire encore que tout négotiateur secret et subalterne que l'on enverrait à Berlin, serait déjoué par lui, à moins que les ordres les plus positifs de l'Empereur n'obligeassent ce ministre à étouffer dans son coeur son affection pour la Prusse... J'avais pensé qu'Oubrit pourrait être envoyé à Berlin pour des négociations secrètes... Mais comment arranger cette mission secrète avec les appréhensions et les finesses d. m. Alopéus?.. Un choix non moins utile, quoique dans un autre genre serait celui du général Meyendorff [1]). Pourquoi n'irait il pas passer l'hiver à Berlin? Il dinerait comme autrefois avec le roi, se trouverait lié avec lui et le secourerait par ces anecdotes licencieuses qu'il sait si bien raconter, et que le roi, pour toute autre conversation, aime tant à entendre. Il trouverait peut-être quelques heures de réveil et quelque occasion de parler raison... En écrivant cette longue lettre à tout autre, elle me ferait passer probablement pour l'homme le plus imprudent de l'univers, mais comme elle est destinée à v. e. dont la gloire et le succès me sont plus chers que toute autre considération, j'espère que cette imprudence même lui paraitra une preuve irrécusable de ma profonde confiance et de mon devouement sans bornes".

Мы привели намѣренно все длинное донесеніе это, которое, наглядно представляя отношенія Чарторижскаго къ Малліа, раскрываетъ въ то же время тайные замыслы русскаго министра и подпольныя интриги, скрывающіяся для изслѣдователя за крупными событіями, столь быстро смѣнявшимися въ описываемое нами время.

Таковы были сподвижники, съ которыми приходилось теперь работать Разумовскому, чтобы вовлечь утомленную и отуманенную страхомъ Австрію въ новую коалицію противъ французскаго правительства.

[1]) Баронъ Казиміръ Ивановичъ Мейендорфъ, р. 1749, † 1823 г., генер. отъ инфант. и Алекс. кавалеръ.

ГЛАВА XIX.

Переписка съ Петербургомъ. — Убіеніе герцога Энгіенскаго. — Разрывъ съ Франціею. — Переговоры съ Вѣною и Берлиномъ.

Разумовскій нашелъ въ Вѣнѣ почти такую же перемѣну какъ и въ Петербургѣ, только въ обратной пропорціи. Недавнія мольбы о помощи и защитѣ были забыты. Вѣнскій дворъ въ какіе-нибудь три мѣсяца свыкся совершенно съ своимъ положеніемъ и униженно безмолвствовалъ. Послѣднія дѣйствія перваго консула, присоединившаго къ Франціи Піемонтъ и занявшаго Гамбургъ и югъ Италіи, произвели на министровъ Франца II такое поражающее впечатлѣніе, что они не допускали даже мысли о протестѣ. Министры эти, такъ долго докучавшіе Разумовскому и русскому двору описаніями горестнаго своего положенія, съ ужасомъ теперь внимали словамъ графа Андрея Кириловича, предлагавшаго имъ союзъ Россіи ради освобожденія Австріи и всей Европы отъ постыднаго французскаго ига. Они точно не понимали словъ русскаго посла и въ безкорыстныхъ предложеніяхъ Государя искали какихъ-то тайныхъ побужденій. По Вѣнѣ ходили даже слухи о тѣсномъ союзѣ съ Франціею.

„J'ai suivi", доносилъ Разумовскій отъ 27 Февраля, „dans la recherche de ce qui a pu donner lieu au bruit qui s'est propagé avec tant de rapidité d'une alliance instante entre cette cour-ci et le gouvernement français, la marche que j'ai toujours observée, lorsque les bruits publics, ou des correspondances particulières se trouvaient en contradiction avec les ouvertures et le système que le ministère de l'empereur mettait en évidence vis-à-vis de moi. J'abordai directement le vice-chancelier sur le projet qu'on attribue à sa cour. Il en saisit l'objet avec véhémence et me donna sa parole d'honneur que non seulement on n'y avait pas songé, mais que depuis la signature de la convention du 26 Décembre aucune question digne de quelque attention particulière n'avait été agitée entre le cabinet impérial et celui des Tuilleries".

Состояніе вѣнскаго двора вселяло въ послѣ и скорбь и недоумѣніе. Поневолѣ приходилось ему поминать Тугута. Бывшій министръ былъ человѣкъ сварливый, съ узкимъ кругозоромъ, не вполнѣ честный, любившій мелкія интриги, но онъ былъ несомнѣнно хитеръ, ловокъ и уменъ. Новые совѣтники римскаго императора не обладали даже этими преимуществами. Любимецъ Франца II, старикъ Коллоредо, былъ олицетвореннoю бездарностью. Помощникъ его, вице-канцлеръ графъ Кобенцель, умѣлъ блистать только въ гостиныхъ; этимъ за-

служилъ онъ себѣ въ Петербургѣ славу большого и остраго ума; но въ уединеніи кабинета, въ разговорахъ глазъ на глазъ съ дипломатами, внѣшній блескъ звонкихъ въ обществѣ фразъ внезапно его покидалъ, онъ являлся нерѣшительнымъ и растеряннымъ во всемъ убожествѣ своей внутренней пустоты. Воспитанный и возросшій во Франціи, къ которой онъ былъ привязанъ лучшими воспоминаніями отрочества и юности, Кобенцель годенъ былъ только на то, чтобы блистать въ парижскихъ салонахъ. Лишенный всякой личной инціативы, онъ постоянно находился подъ вліяніемъ тѣхъ крупныхъ личностей, которыя силою своего генія направляли судьбами Европы. Такъ въ Петербургѣ онъ послушно подчинялся указаніямъ великой Екатерины и тѣмъ оказался весьма угоденъ русскому двору. Въ настоящее время онъ трепеталъ передъ однимъ именемъ Бонапарта. Разумовскій понялъ, послѣ первыхъ совѣщаній съ австрійскими министрами, что задача, ему порученная, была далеко не такъ легка, какъ онъ себѣ сначала воображалъ. Вотъ какъ, въ донесеніи отъ 10 Марта къ Государю, графъ Андрей Кириловичъ описывалъ тогдашнее положеніе вѣнскаго двора: „En rentrant dans mes relations tant à la cour que vis-à-vis des ministres, j'ai trouvé partout une profonde impression de crainte et d'inquiétude qu'une nouvelle guerre trop prochaine ne soit la suite des nouvelles ouvertures. Cette appréhension commune à tous les individus qui concourrent aux délibérations, occasionnée par des mobiles divers sur l'esprit de chacun, a pour base uniforme entre eux la faiblesse et le défaut d'énergie. L'archiduc Charles dont le rang, la situation et l'influence seraient de nature à entrainer les avis du conseil, et à guider l'autorité du souverain, semble pencher le plus en faveur d'un système pacifique. Les rechutes fréquentes de sa cruelle maladie, la noire tristesse qui en remplit les intervalles et qui le livre aux sous-ordres, qui abusent de sa position et de sa confiance, et plus que tout cela peut-être, le souvenir de ses succès, la jouissance d'une réputation, qu'il croirait compromettre en la soumettant à des chances nouvelles, en sont vraisemblablement les causes. Je ne dirai rien du comte de Colloredo. La mesure de sa capacité et de son caractère est connue depuis longtemps. Elle se renferme dans le cercle aussi respectable que borné d'un entier dévouement à l'auguste personne de son souverain. Le comte de Cobenzl a fait un trop long séjour en Russie, pour n'y avoir pas été parfaitement apprécié, et les époques de ses négociations sont trop récentes, pour que je ne croie superflu d'y chercher l'application des qualités qui lui sont propres. En se les retraçant V. M. I. rendra justice à quelque talent, à beaucoup d'activité, de souplesse, une très grande complaisance et un empressement de tout concilier au jour le jour,

sans étendue, sans profondeur dans ses vues, et surtont sans nul courage d'âme et d'esprit. A ces éléments peu favorables aux grandes choses, il faut ajouter que presque né français, élevé à Paris dès sa plus tendre enfance, il a conservé l'attachement le plus vif à cette nation, ses moeurs, ses usages, et jusqu'à ses vues. Ses préventions n'ont point été détruites par son dernier séjour à Paris, et quelque révoltant que soit le commerce des gens qui y gouvernent aujourd'hui, il a peine à déguiser l'attrait qu'il a su y trouver. Le nom seul de Bonaparte glace de frayeur, et son représentant, uniquement parcequ'il est revêtu de ce titre, semble paralyser les esprits... Après avoir esquissé les traits de quelques personnages dans le tableau politique de cette cour, je ne dois point négliger, Sire, d'en exposer le fond. Il porte bien décidemment le caractère d'une union intime et invariable avec la nôtre. C'est l'opinion de tous en général et de chacun en particulier. C'est l'ancre d'espérance de l'état, mais on est encore trop près du souvenir du naufrage, pour oser concevoir d'appareiller. Des doutes, des craintes, des incertitudes enchainent la pensée. Elle retrouvera son essor dans la confiance que doivent lui inspirer les vertus, les intentions et la puissance de V. M. I. J'ai eu l'honneur de vous dire, Sire, lorsque vous avez daigné m'interroger, je le répète encore avec assurance, V. M. peut compter sur l'attachement de la cour de Vienne et son désir de coopérer à ses vues, mais cette cour a besoin d'une forte impulsion au defaut d'énergie dans les personnes qui la gouvernent. A toutes les questions que j'ai faites au comte de Cobenzl, touchant la réponse qu'ils vont nous donner, je n'en ai obtenu aucune. Il m'a toujours dit que c'était un travail confié exclusivement à l'archiduc et dont il n'avait point encore connaissance, mais il ne manquait jamais à la suite de cette replique de s'étendre sur les dangers de leur position, répétant sans cesse: „Vous voyez que nous sommes à la bouche du canon et que nous serons anéantis avant que vous puissiez nous secourir". Avant de terminer ce rapport, je crois devoir dire encore un mot touchant le bruit qui a couru d'un renouvellement d'alliance avec la France. J'ai déjà eu l'honneur de mander à V. M. I. par la poste et en clair, les assurances formelles et sur parole sacrée, que le comte de Cobenzl m'a données à cet égard. Sans m'arrêter à ce qu'il parait y avoir de décidemment calomnieux dans cette nouvelle, je placerai ici une conjecture très secrète sur ce qui a pu faire prendre le change ici-même, surtout parmis le corps diplomatique. J'ai lieu de croire que le comte de Stahremberg [1]) a donné avis de Londres au ministère de la conspiration qui se tramait contre Bonaparte [2]). Dans

[1]) Австрійскій посолъ въ Лондонѣ.

[2]) Заговоръ Жоржа Кадудаля.

les entreprises les plus graves, jamais les français n'ont été exempts de légèrté et d'indiscrétion. Il y en avait peut-être de la part du comte Stahremberg, si le fait est vrai. Tant il y a, qu'il parait que le vice-chancelier, par je ne sais quel mouvement, en aurait prévenu ici l'ambassadeur de France, ce qui avait amené avec lui de fréquents pourparlers, très longs et très intimes, à la suite desquels le dernier a fait partir pour Paris un de ses sécretaires intimes".

Въ Петербургѣ не нуждались въ завѣреніяхъ вѣнскаго кабинета, чтобы полагаться на его искренность. Правда, что вѣсти о сближеніи между Парижемъ и Вѣною стали доходить и до русскаго двора, о частыхъ свиданіяхъ между графомъ Филиппомъ Кобенцелемъ и Талейраномъ сообщали и изъ Берлина, и изъ самаго Парижа, но подобныя извѣстія не въ состояніи были возбудить въ Петербургѣ серьёзнаго опасенія. Что гораздо болѣе тревожило и Государя, и его министровъ—это было замедленіе въ отвѣтѣ. Чарторижскій опасался какъ бы преувеличенная осторожность не отклонила Австрію, вопреки ея интересамъ, отъ тѣснаго наступательнаго союза съ Россіею. „Il faudra qu'elle en vienne là une fois", писалъ онъ къ Разумовскому, „et en traînant et remettant d'obvier efficacémment aux dangers qui la menacent, ainsi que toute l'Europe, ce sera les rendre encore plus inévitables, sans diminuer les embarras du moment, qui proviennent de la dislocation des troupes, et de l'état peu satisfaisant des finances de l'Autriche. Ces embarras appartiennent à l'exécution, mais n'invalident en rien les raisons évidentes qui prouvent la nécessité de s'entendre au plustôt, pour s'opposer à l'ambition audacieuse de Bonaparte. Bien au contraire ces embarras doivent renforcer le sentiment de cette nécessité, puisqu'en ne prenant pas une bonne fois la résolution d'en sortir, il faudra donc se résoudre à toute éternité de recevoir la loi du dictateur de la France".

Добрыя отношенія, которыя установились между Пруссіею и французскимъ правительствомъ, безпокоили С.-Петербургскій кабинетъ, и Чарторижскій предписывалъ Разумовскому строго слѣдить за политикою вѣнскаго двора.

„La démarche par laquelle le premier consul vient si vivement d'interpeller la cour de Vienne d'interrompre ses armements", писалъ Чарторижскій отъ 23 Марта, et en général le ton qu'il a adopté depuis quelque temps dans ses relations avec elle, prouvent certainement que d'un côté les vues qu'il suppose à l'Autriche lui ont donné de l'ombrage, de l'autre que, si un accord intime entre la France et la Prusse n'existe pas encore, il pourrait ne pas tarder à s'effectuer. Sans vouloir expliquer les motifs de l'impassibilité dans laquelle l'Autriche est restée jusqu'à présent à la vue de ces réactions politiques, nous

avons de la peine à admettre qu'il soit de son intérêt de rester plus longtemps tranquille spectatrice des efforts qu'on voit faire à la France, pour s'assurer entièrement de la Prusse et de ne pas chercher de son côté à s'étayer d'un appui quelconque pour tous les évènements que la crise actuelle semble devoir amener. Pour peu que le cabinet de Vienne en ait senti la nécèssité, il doit avoir reconnu aussi, que dans le choix d'un appui, la puissance, qui pourrait lui fournir la garantie la plus sûre, serait certainement la Russie, puisque n'ayant pas directement à craindre pour elle-même des orages qui se préparent, elle ne peut y avoir non plus en vue que la sûreté de l'Europe en général, et celle de l'Autriche en particulier. D'ailleurs ses moyens étant connus et sa volonté bien prononcée, une fois qu'on la verrait d'accord avec la cour impériale et royale, la masse imposante qu'offriraient leurs forces réunies, suffirait peut-être pour arrêter les projets d'un nouveau bouleversement et pour réunir autour d'elles d'autres états, qui n'osent pas ou croient de leur intérêt de ne pas se prononcer, tandis qu'alors ils craindraient au contraire de rester plus longtemps indécis et de ne pas coopérer à des mesures concertées entre la Russie et l'Autriche. L'intérêt que S. M. a toujours pris au bien-être de l'Autriche était si vif, et sa confiance si grande que sans attendre que son appui lui fût demandé, elle l'offrit de son propre mouvement et pouvait donc espérer que ses ouvertures seraient accueillies par la cour de Vienne avec un empressement égal à celui qu'elle a mis à la lui faire. Il répugne à S. M. I. de croire que le cabinet de Vienne, ayant été invité à un concert de mesures communes, que les circonstances présentes reclament impérieusement, cherche à s'assurer avant que de se déclarer, qu'il ne lui reste aucun autre moyen pour mettre à couvert ses intérêts contre les projets ambitieux de la France. Je ne puis cependant vous cacher, m. le comte, que le silence absolu que la cour où vous êtes garde jusqu'à present à cet objet, autoriserait à présumer qu'un tel soupçon pourrait être fondé, et qu'elle ne s'est réservée d'acquiescer à nos propositions que dans le cas du pis-aller. L'Empereur, ayant pris à coeur de terminer une incertitude, qui ne peut être que très préjudiciable au succès des mesures, que la tournure que prennent les affaires rend de plus en plus urgentes, attend du zèle de v. e. pour son service qu'elle mettra en usage, et ses connaissances locales et sa dextérité accoutumée dans les affaires pour engager le ministère impérial et royal à ne pas nous laisser ignorer plus longtemps sa détermination relativement à nos ouvertures. L'incertitude de notre cour sur ce qu'elle doit penser de celle de Vienne, augmente aussi à mesure que chaque poste qui arrive ne nous apporte rien de la part de v. e.; ce qui nous fait croire qu'il y a en route quelque courrier chargé de nouvelles

décisives sur ce sujet important. V. e. voudra bien s'attacher en tout cas à pénétrer le secret des dispositions du cabinet autrichien et S. M., comptant sur votre zèle pour le bien de son service, dans un moment aussi important pour l'Europe et pour la Russie même, s'attend à être informée à temps du parti que le ministère viennois compte prendre, afin qu'on puisse aviser aux moyens de faire face aux évènements qui pourraient survenir. Au reste si l'Autriche se trouvera mal un jour par les retards qu'elle a apporté à la conclusion d'un concert aussi nécessaire, ou par une décision fausse dans les circonstances actuelles, c'est bien à elle même qu'elle devra s'en prendre".

Въ то время какъ Чарторижскій писалъ эти строки, вся Европа поражена была арестомъ герцога Энгіенскаго, захваченнаго французскими солдатами на германской территоріи, въ мирное время. Разумовскій былъ внѣ себя отъ подобнаго поступка.

Je me hâte, Sire", доносилъ посолъ Государю отъ 12 Марта, „de porter à votre connaissance un fait, dont la nouvelle est parvenue hier de Ratisbonne. Douze cents hommes de la garnison de Strasbourg ont passé le Rhin, se sont portés sur Ettenheim, petite ville appartenante autrefois à l'archevêque de Strasbourg, aujourd'hui faisant partie à titre d'indemnité de la domination de l'électeur de Bade. Le duc d'Enghien y faisait sa résidence. C'est pour l'enlever avec toutes les personnes qui lui appartenaient que cette expédition a eu lieu. Violation à main armée du territoire d'un prince souverain indépendant. Violation du territoire de l'empire germanique. Sous ces rapports, le droit des gens serait lésé fût-il question d'un scélérat, et c'est un prince d'une famille royale, apparenté aux premiers trônes de l'Europe, qui est l'objet d'une pareille infraction de tout principe, de toute convenance. Avant d'hasarder une conclusion sur ces divers faits, il en est un qu'il importe, Sire, de soumettre à votre considération. Notre négociation avec la cour de Vienne, qu'il était si essentiel de couvrir du voile le plus impénétrable, pour en faciliter les bons effets, n'est plus à bien des égards aussi secrète qu'elle aurait du l'être. Votre ministère, Sire, s'en est appeçu et le comte de Cobenzl m'a dit hier qu'il en acquérait la preuve de toute part. Il n'a pas voulu s'expliquer d'avantage, et lorsque je l'ai poussé de questions, il s'est borné à me répondre: qu'un jour nous en causerions à fond. J'ignore quelle a été son arrière-pensée, mais il ne m'a pas été difficile de concevoir que l'indiscrétion, de quelque part qu'elle provienne, a donné l'éveil au gouvernement français. Dans cette supposition qui équivaut à une certitude, n'est-il point à présumer que ce gouvernement audacieux, enivré de ses usurpations et de sa puissance, évitera d'être prévenu, et fidèle à sa tactique, accablera de sa puissance, de son ascendent et de sa témérité les états

rampants et dégradés, qui ne connaissent d'autres combinaisons que la peur, ni d'autres mesures qu'une implicite soumission".

Вице-канцлеръ графъ Кобенцель и весь австрійскій дворъ казались пораженными неслыханнымъ дѣяніемъ. Разумовскій поспѣшилъ заявить о томъ въ Петербургъ. Но негодованіе вѣнскаго кабинета выразилось однимъ гробовымъ молчаніемъ.

„Tout ce que j'ai rapporté en clair", доносилъ шифромъ отъ 16 Марта Разумовскій, „des ouvertures, qui m'ont été faites de la part du comte de Cobenzl sur la fermeté et le ton prononcé avec lequel le comte Philipe doit avoir répondu à la seconde note de Talleyrand, ne repose que sur des assurances verbales... Je n'ai vu aucune des pièces qui doit renfermer la preuve d'une contenance aussi noble que déterminée. Toutes mes observations particulières ne pouvaient d'ailleurs que me laisser à ce sujet dans un doute assez juste. Je saisis d'autant plus vivement cette occasion pour dire au vice-chancelier que j'ignorais encore quelles seraient les déterminations de sa cour relativement aux entreprises de la France, qui deviennent toujours plus imminentes et qui ont fourni récemment dans l'enlèvement du duc d'Enghien un trait qui porte avec lui une insulte publique à la dignité du chef de l'empire, une injure particulière à un prince indépendant auquel toutes les têtes couronnées ne pouvaient s'intéresser que vivement, une infraction à la paix, une violation du droit des gens et de toutes les institutions civiles; que je pouvais assurer le vice-chancelier, et que je le tenais de V. M. I., que mon auguste Maître ne souffrirait plus de la part de la France aucun de ces actes arbitraires et révoltants pour les autres puissances et ne tendant qu'à renverser l'équilibre des états et à détruire le repos de l'Europe. Cette déclaration dérangea visiblement la contenance du comte de Cobenzl. Il chercha à la recomposer par les supterfuges si souvent employés: „Nous sommes à la bouche du canon, notre situation éxige des précautions etc.". „Nous connaissons votre position", repliquai-je, „et nous savons ce que vous pouvez, je n'ai donc à ajouter à ce que je viens d'avoir l'honneur de vous dire que l'assurance que vous devez compter sur nos secours, notre amitié, un appui efficace et des efforts combinés pour réprimer une puissance sans frein, comme sans respect pour les autres gouvernements". A la suite de cet entretien j'abandonnai le vice-chancelier qui me parût avoir retenu une impression profonde de ce que je venais de lui déclarer".

Глубокое впечатлѣніе, произведенное словами Разумовскаго на вице-канцлера, было, однако, непродолжительно. На другой же день, послѣ разговора этого, при дворѣ былъ пріемъ. Въ отсутствіи Разумовскаго, императоръ Францъ снова ввелъ въ обычай придворные выходы, которые, со временъ Іосифа II, вовсе прекратились. Дипломати-

ческій корпусъ былъ въ полномъ сборѣ. Императоръ остановился сперва передъ Разумовскимъ и особенно долго и любезно съ нимъ говорилъ. Для всѣхъ стало ясно, что Францъ II желалъ обратить общее вниманіе на свое обращеніе съ русскимъ посломъ. Отъ Разумовскаго императоръ прямо подошелъ къ Шампаньи и тоже долго съ нимъ бесѣдовалъ. Графъ Андрей Кириловичъ стоялъ слишкомъ далеко, чтобы разобрать, о чемъ шла рѣчь, но стоявшіе вблизи иностранные министры поспѣшили сообщить собрату, что императоръ поздравилъ французскаго посла съ спасеніемъ перваго консула отъ рукъ заговорщиковъ. „Cette félicitation inconcevable fût entendue par un des membres du corps diplomatique qui était à côté de l'ambassadeur. Elle est presque généralement connue. C'est avec un sentiment pénible que l'on fait de semblables découvertes, surtout quand l'expérience a démontré qu'il ne faudrait qu'une impulsion différente pour tourner dans le maître en force contraire cette faiblesse qui est devenue la force de son cabinet“.

Но негодованію Разумовскаго не было предѣловъ, когда, вслѣдъ за слухомъ объ арестѣ герцога Энгіенскаго, пришло въ Вѣну извѣстіе о трагической его смерти во рву Венсенскаго замка. Русскій посолъ, не смотря на свою обыкновенную дипломатическую сдержанность, не могъ скрывать внутренняго волненія. Онъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ какого-либо рѣшительнаго шага со стороны вѣнскаго двора. Однако въ то время, когда представитель Россіи разсчитывалъ на протесты, сильныя ноты и знаки негодованія, Коллоредо и Кобенцель безмолвствовали, подъ вліяніемъ страха, который съумѣлъ навесть на австрійское правительство побѣдитель подъ Маренго и Гогенлинденомъ. Мало того, тёзка вице-канцлера гласно заявилъ, въ присутствіи перваго консула, „что бываютъ обстоятельства, когда правительство поставлено въ необходимость принимать для своей безопасности мѣры, неподлежащія вмѣшательству другихъ державъ“.

„Dans la situation où se trouvent à l'égard de la France“, собственноручно доносилъ Государю, отъ 8 Апрѣля, взволнованный графъ Андрей Кириловичъ, „les cours, les cabinets et les peuples de l'Europe, il me parait essentiel de suivre l'impression, que produit sur les cours et sur les cabinets l'iniquité d'un gouvernement usurpateur dont l'audace a partout amorti le sentiment de l'honneur, l'élan de la pensée et l'énergie de la puissance. Cette tâche est particulièrement celle de vos ministres, Sire, parcequ'ils ont le bonheur de servir un souverain pénétré de sa dignité, le seul, par conséquent, à qui il appartienne de la rétablir partout, où dégradée et avilie elle a plié sous le joug d'une soummission pusillanime. V. M. I. pressentira à ce préambule ce que j'ai a lui dire de ce pays-ci. Je la supplie de se rappeler ce que j'ai

eu l'honneur de lui tracer dans ma dépêche du 10 Mars. Mon jugement a été confirmé par ce qui s'est passé depuis, et mon opinion sur l'avenir me semble ne pouvoir être révoquée en doute. Elle s'appuie, dans mes relations avec le ministère sur la réaction que j'observe en lui des évènements dont la gravité occupe tous les esprits, dont les conséquences doivent être l'objet de toutes les combinaisons. Je le vois toujours disposé à atténuer l'horreur des crimes consulaires par l'agitation des suites, que pourrait entrainer un ressentiment généreux. Qu'il frémisse de se compromettre trop précipitament avec une puissance dont la masse colossale l'épouvante et dont l'ascendant politique l'accable,—cette appréhension se conçoit; elle est à bien des égards motivée par les circonstances déplorables de cette monarchie, dont le tableau a été mis sous vos yeux, Sire, mais, dans les entretiens particuliers de confiance et d'intimité, que je cherche sans cesse à ramener sur cette matière, la même timidité, la même crainte se produisent constamment. J'en conclus que le ministère d'ici a pour principe de prolonger autant qu'il le pourra ce système de résignation qui favorise sa faiblesse et son apathie, en lui offrant l'illusion d'une tranquillité, qui ne subsistera qu'autant que l'intérêt ou le caprice du consul le trouveront convenable. V. M. I. se formera une idée d'après cela de l'impression qu'a fait le meurtre du duc d'Enghien. Lorsque j'en ai retracé l'horreur aux yeux du comte de Cobenzl, que je lui ai fait sentir que cette atrocité aussi révoltante sous les rapports des considérations les plus sacrées, qu'inutile sous ceux de la politique, même la plus immorale, devait nécessairement exciter au dedans comme au dehors de la France un mouvement d'indignation propre à faire concevoir non l'espoir, mais la presque certitude que la fortune, jusqu'ici trops propice au consul, abandonnerait ses drapeaux, pour guider ceux d'une juste et imposante coalition commandée par l'honneur, autant que par l'intérêt des puissances et que les vastes ressources de cette monarchie et les méditations de ses ministres devaient avoir pour objet de saisir le moment et d'aviser aux moyens d'accomplir la vengeance que réclame la justice, l'humanité et la politique. Enfin lorsqu'à la suite de ces refléxions j'ai interrogé le vice-chancelier au sujet des plans d'opération, dont on a promis par le dernier courrier de s'occuper incessament, ses réponses ont été vagues et évasives et sa contenance aussi bien que son langage désignaient évidemment la crainte et l'inquiétude dont il était pénétré. Tout me porte à croire, Sire, qu'on veut gagner du temps, qu'on redoute de voir des mesures d'activité remplacer le système passif auquel on s'est voué. La guerre est l'épouvantail de la cour et du cabinet, parceque l'une et l'autre sont faibles, indolents, pusillanimes. Elle l'est du public, parceque (il faut trancher

le mot) il n'a ni confiance, ni estime envers ceux qui gouvernent. Mon devoir me prescrit, Sire, de vous présenter la vérité dans toute sa force. Ce devoir est d'autant plus rigoureux, qu'ayant été à portée de voir par moi-même les dispositions magnanimes de V. M. I., il importe qu'elle connaisse exactement jusqu'où elle peut compter sur l'assistance et la coopération de ses alliés. La cour de Vienne consternée apprécie peut-être son humiliation, mais elle n'aura jamais le courage, du moins sous le ministère actuel, de faire un pas pour s'en affranchir, parcequ'elle sera toujours en proie à la terreur d'être accablée par la puissance de la France qu'elle considère comme irrésistible, et ce n'est que sous l'égide de la votre, Sire, lorsque vos armées seront mises en mesure de la rassurer et de la secourir contre une première impulsion, qu'elle se livrera avec confiance aux sentiments qu'elle professe sincèrement envers la personne de V. M. I. et par rapport au système d'intimité qui doit, pour le bien général, unir les deux premières couronnes de l'Europe".

Убійство герцога Энгіенскаго произвело въ Петербургѣ потрясающее впечатлѣніе. Въ тотъ день, когда вѣсть эта достигла столицы, у оберъ-шенка князя А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго былъ вечерній пріемъ. На пріемъ этотъ по обыкновенію своему явилась и г-жа Гедувиль, жена французскаго посла, вмѣстѣ съ проживавшею у нея родственницею. Дамы эти, привыкшія къ любезному гостепріимству стараго дипломата-хозяина, проведшаго большую часть своей жизни за границею, нежданно встрѣтили самый ледяной пріемъ. Все общество отъ нихъ отшатнулось. Посольша съ родственницею очутились однѣ въ гостиной. Знакомые кавалеры и дамы, избѣгая съ ними разговора, спѣшили перейти въ другую комнату. Растерявшіяся француженки громко замѣтили, что съ ними обходятся какъ съ зачумленными, и поспѣшили уѣхать домой. Во всѣхъ домахъ только и было разговора про убійство. Впечатлѣніе при дворѣ было столь же сильно. Государь былъ болѣзненно пораженъ извѣстіемъ. Немедля созванъ былъ государственный совѣтъ, и Императоръ поставилъ вопросъ касательно того, какъ слѣдовало дѣйствовать. Большинство членовъ высказалось за самыя энергическія мѣры, первою изъ которыхъ было наложеніе траура. Графъ Н. П. Румянцевъ позволилъ себѣ замѣтить, что увлекаться въ войну опасно и что въ государственныхъ вопросахъ чувства должны оставаться въ сторонѣ. Онъ совѣтовалъ ограничиться однимъ трауромъ. Мнѣніе это поддержалъ одинъ только Чарторижскій. Государь рѣшилъ съ большинствомъ. На другое утро послѣ совѣта былъ воскресный пріемъ при дворѣ, куда, по сохранившемуся еще отъ временъ Екатерины обычаю, съѣзжались всѣ присутствующіе въ Петербургѣ дипломаты. Къ удивленію ихъ, весь дворъ былъ облеченъ въ глубочай-

шій трауръ. Гедувиль окончательно растерялся, тѣмъ болѣе, что царедворцы видимо его избѣгали, а Государь передъ нимъ прошелъ не обращая на него ни малѣйшаго вниманія. Французскій посолъ покинулъ Петербургъ, оставивъ повѣреннымъ въ дѣлахъ секретаря своего Рейневаля.

Полученное изъ Парижа извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе и въ Берлинѣ. Нерѣшительный король Фридрихъ-Вильгельмъ увлеченъ былъ общимъ настроеніемъ своей столицы. Съ русскимъ дворомъ завелись тайные переговоры, окончившіеся заключеніемъ съ Россіею секретной конвенціи, въ силу которой обѣ державы обязались содѣйствовать одна другой въ случаѣ дальнѣйшихъ покушеній Франціи на неприкосновенность германскихъ владѣній. Второстепенныя нѣмецкія державы, подобно Австріи, безмолвствовали. Русскому резиденту въ Регенсбургѣ Клюпфелю, бывшему секретарю Разумовскаго, отправлена была изъ Петербурга сильная нота, которую онъ представилъ сейму. Въ ней германскія державы приглашались къ протесту, по поводу нарушенія ихъ территоріи, и къ принятію требуемыхъ оскорбленнымъ достоинствомъ имперіи мѣръ, для обезпеченія ея будущей безопасности. Въ то же время повѣренный въ дѣлахъ Убри вручилъ консульскому двору другую ноту; въ ней Государь выражалъ увѣренность, что первый консулъ немедля приметъ дѣятельныя мѣры къ успокоенію германскихъ державъ и положитъ конецъ состоянію дѣлъ, угрожавшему ихъ безопасности и независимости. Нота русскаго Императора была спокойна и умѣренна. Отвѣтъ на нее, сочиненный самимъ Бонапартомъ, былъ дерзокъ и безтактенъ. Въ немъ припоминались старыя жалобы на д'Антрега и Вернега, Россія прямо обвинялась въ составленіи новой коалиціи противъ Франціи, и, наконецъ, самымъ возмутительнымъ образомъ, въ лицо Государя бросался ложный и незаслуженный упрекъ относительно 11 Марта 1801 года [1]. Убри отозванъ былъ изъ Парижа. Война становилась неизбѣжною.

„La nouvelle de l'attentât que le gouvernement français vient de commettre sur la personne du duc d'Enghien a pénétré l'Empereur de la plus vive douleur", сообщалъ отъ 7 Апрѣля Разумовскому Чарторижскій. „Aux justes régrets que la fin tragique de ce prince fait éprouver à S. M., vient se joindre la plus forte indignation, lorsqu'on considère que, pour y parvenir, le 1-er consul n'a pas hésité de fouler aux pieds le droit des nations et d'insulter en même temps à l'Europe entière, en violant, d'une manière aussi manifeste, l'intégrité d'un ter-

[1]) Богдановичъ—Исторія царствованія Александра I. I, 341. Соловьевъ—Императоръ Александръ I. Политика—дипломатія. 54.

ritoire étranger. Pour donner à la désapprobation de S. M. I. le caractère d'évidence, que la nature du fait exige, notre chargé d'affaires à Paris a l'ordre de faire parvenir une note, et en même temps notre résident à Ratisbonne est chargé de présenter une autre note à la diète de l'empire. L'Empereur, en sa qualité de médiateur dans les derniers arrangements en Allemagne, faisant ainsi connaitre à l'association germanique ainsi qu'à son chef le déplaisir qu'il éprouve de la violation du territoire de l'empire, que le gouvernement français vient de se permettre, et, les invitant à se joindre à lui pour en demander réparation, croit en même temps devoir appeler l'attention de la cour de Vienne sur les suites fâcheuses qui résulteraient pour tout le corps germanique, au cas qu'on voulût passer sous silence une pareille infraction de la loi, des traités et de la morale publique. Quel serait en effet le garant de la sûreté de l'Allemagne si un gouvernement, qui s'est engagé avec nous à la face de l'Europe entière à la préserver de toute atteinte, se croira autorisé à enfreindre ses obligations aussi souvent qu'il verra la possibilité de le faire impunément? Où s'arrêtera le cours des violences du gouvernement français, s'il s'accoutume à les excuser par la raison du plus fort et l'impuissance de ses voisins d'en demander raison? Des considérations aussi importantes pour le bien général de l'humanité auront sans doute été pleinement senties par la cour de Vienne. Dans sa sagesse accoutumée elle reconnaitra pareillement, nous n'en doutons pas, que la gravité du cas, qu'il s'agit de relever, n'admet dans l'exemple, que le chef de l'empire doit donner de sa sollicitude pour le bien-être de l'Allemagne, ni vascillations, ni demi-mesures. S. M. I. s'attend par conséquent que l'empereur et roi, partageant ses justes appréhensions sur les conséquences du dernier acte de violence exersé par le 1-er consul dans l'électorat de Bade, s'empressera d'acquiescer à la démarche que le résident Klupfel a eu ordre de faire à la diète de l'empire et qu'il réunira ses efforts aux siens pour obtenir une réparation à sa dignité lésée et surtout une sécurité nécessaire qu'à l'avenir une semblable infraction ne se renouvellera pas".

„Le silence obstiné", писалъ два дня позднѣе Чарторижскій, „que la cour de Vienne garde depuis si longtemps sur les propositions que nous lui avons faites, relativement à un concert de mesures communes propres à mettre frein au débordement toujours croissant de l'ambition du gouvernement français, commence à surprendre singulièrement l'Empereur. S. M. en cherche inutilement l'explication dans les conseils de cette prudence qui pourrait être de saison lorsqu'on espérait encore ramener le premier consul à des sentiments plus modérés par la complaisance et la douceur, mais qui ne trouve plus de place après l'extension effrayante qu'on lui voit donner tous les jours à ses projets

subversifs de tout ordre et tranquillité en Europe... L'Empereur avait tout le droit de présumer qu'une ouverture, qui portait l'empreinte d'une confiance illimitée de sa part, et qui dans ses applications touchait de si près aux intérêts majeurs de la cour de Vienne, y serait accueillie, il le faut articuler, avec gratitude et qu'elle jugerait bon d'y répondre avec plus d'empressement. Quoi qu'il en soit de plus longues vacillations sont devenues inutiles: il est temps de s'expliquer péremptoirement sur le parti que le cabinet de Vienne croit nécessaire de prendre relativement à nos propositions confidentielles. L'évènement d'Ettenheim et l'atrocité, qui en fut la suite, doivent faire voir clairement à l'Allemagne entière ce qu'elle a à attendre d'un gouvernement qui se joue si manifestement et du droit des gens et des principes de justice universellement reconnus... L'empereur enjoint à v. e. de réitérer ses instances auprès du ministère autrichien de la manière la plus forte et la plus formelle"...

Депеши эти привезъ въ Вѣну племянникъ Разумовскаго, только-что пожалованный въ камергеры. Одновременно съ депешами онъ вручилъ послу собственноручное письмо Государя къ римскому императору. Едва уѣхалъ Васильчиковъ, какъ Стадіонъ представилъ Чарторижскому отвѣтъ вѣнскаго двора на многократные запросы изъ Петербурга. Отвѣтъ этотъ былъ по обыкновенію нерѣшителенъ и туманенъ. Австрійскіе министры предлагали вообще возобновить прежніе трактаты, не входя въ другія подробности. Но въ Петербургѣ находили, что прежнія условія уже устарѣли и не соотвѣтствовали настоящему политическому положенію Европы. Къ тому же, по мнѣнію Чарторижскаго, въ силу этихъ прежнихъ договоровъ, на Россію ложилось тяжкое бремя, взамѣнъ котораго ей не предоставлялось никакихъ положительныхъ выгодъ. Государь полагалъ, что настоящее состояніе дѣлъ требовало рѣшительныхъ мѣръ, не допускавшихъ всесторонняго, а поэтому долговременнаго, обсужденія новаго договора. „Dans un concert momentané et qui est nécessité par des circonstances accidentelles", писалъ къ Разумовскому Чарторижскій, „S. M. I. croit pouvoir passer outre sur diverses considérations, qui n'auraient rapport qu'aux intérêts directs de la Russie, et devoir envisager uniquement le bien général de l'Europe et celui de ses alliés. Mais quand il s'agit de contracter des obligations réciproques pour longtemps, la cour de Vienne est trop juste pour ne pas avouer que cela ne peut se faire qu'avec une mure réflexion et de manière que dans l'acte rédigé les intérêts des deux puissances se trouvent dûment pesés et balancés... En attendant, vû l'urgence, il fallait aviser au plus pressé et sans perte de temps procéder à un concert analogue au danger qui menace l'Europe... L'Empereur, en relevant un fait qui, par son atrocité, nous

donne la juste mesure de ce qu'on a à s'attendre de celui qui a commandé une violation aussi manifeste du droit des gens et d'un territoire neutre, a cru devoir le premier se prononcer hautement sur une opinion que toute l'Europe, sans l'oser déclarer, partage et donner à d'autres états l'exemple d'une conduite que le sentiment de leur propre dignité et le cri de l'humanité outragée leur commande à suivre... Malheureusement des motifs aussi nobles que fondés semblent depuis quelque temps avoir été étouffés en Europe par la crainte générale qu'a su inspirer un gouvernement dont la force principale consiste dans le parti qu'on parait avoir pris partout d'endurer ses violences... Il se pourrait que Bonaparte, exaspéré par la juste énergie, que notre cour a deployée et qu'elle est très décidée à soutenir, voulût dans sa fureur s'en prendre aussi à la cour de Vienne, car, sans pénétrer même nos relations actuelles, il sait combien cette cour sera toujours intéressée à faire cause commune avec la Russie. Cette considération a ajouté à l'empressement que S. M. I. a mis d'offrir dès à présent des secours à l'empereur d'Allemagne... Lorsqu'il sera nécessaire à Bonaparte d'attaquer la maison d'Autriche, il le fera quelque soin qu'on ait pris de ne lui en pas fournir le prétexte".

Графъ Андрей Кириловичъ поспѣшилъ передать вице-канцлеру полученную имъ депешу. Графъ Кобенцель былъ взволнованъ сообщеніемъ посла. Онъ находилъ, что выраженія Чарторижскаго были слишкомъ сильны, а самъ отвѣчалъ одними только недомолвками, плохо соглашавшимися съ довѣріемъ и откровенностію петербургскаго двора. Припѣвомъ къ его разглагольствованію было крайне опасное положеніе Австріи. Кобенцелю казалось, что благоразуміе требовало не спѣша обдумывать будущіе шаги и въ тайнѣ принимать мѣры, которыя могли бы способствовать къ установленію всѣми въ Вѣнѣ желаемаго соглашенія. Разумовскій при первомъ совѣщаніи своемъ съ вице-канцлеромъ старался самымъ нагляднымъ образомъ изобразить то положеніе относительно Европы, въ которое рѣшился стать Императоръ Александръ. Онъ съ силою изобразилъ австрійскому министру всю выгоду для двора его, пользоваться благопріятнымъ расположеніемъ русскаго Государя, выказывая ту дѣятельность, которая одна только можетъ окончательно установить взаимное довѣріе между державами, призванными возстановить порядокъ, миръ и безопасность въ Европѣ. Посолъ съ грустью заявлялъ въ депешахъ своихъ, что онъ плохо вѣрилъ успѣху своихъ убѣжденій. Всѣ доходящія до него тайныя свѣдѣнія его въ этомъ убѣждали, тѣмъ не менѣе, Разумовскій твердо рѣшился идти впередъ и всѣ силы употребить къ достиженію своей цѣли. Племянникъ посла, Васильчиковъ, кромѣ письма отъ Государя къ римскому императору, привезъ

еще другое собственноручное же посланіе къ эрцгерцогу Карлу. Письма эти должны были, по мнѣнію петербургскаго кабинета, сильно подвинуть дѣло впередъ. Графъ Андрей Кириловичъ былъ совершенно противоположнаго убѣжденія. На эрцгерцога онъ вовсе не разсчитывалъ, и такъ какъ послѣдній страдалъ въ то время отъ сильнаго недуга, который, по мнѣнію посла, неизлѣчимъ, онъ послѣднее письмо вовсе не передалъ по назначенію. Ему казалось гораздо раціональнѣе уговорить вѣнскій дворъ къ отправкѣ въ Петербургъ угоднаго Государю графа Меерфельдта, только-что возвратившагося изъ Берлина, куда онъ ѣздилъ по частнымъ дѣламъ, но гдѣ успѣлъ, однако, повидаться съ вліятельными личностями. Послу казалось, что Меерфельдтъ, которому близко было знакомо военное дѣло въ Австріи, могъ лучше всякаго другого, безъ затрудненій и проволочекъ, свойственныхъ австрійскимъ министрамъ, покончить дѣло соглашенія. Собственноручное письмо Государя къ римскому императору, Разумовскій передалъ на частной аудіенціи, объ исходѣ которой, равно какъ о послѣдующихъ совѣщаніяхъ съ Коллоредо и Кобенцелемъ онъ въ слѣдующихъ словахъ сообщилъ Чарторижскому:

„S. M. a écouté avec beaucoup d'attention tout ce que je lui ai dit pour accompagner la lettre que j'ai eu l'honneur de lui présenter. J'ai taché de lui peindre des couleurs les plus vives la position politique dans laquelle il se trouve, pour l'engager à saisir les moyens propres à l'améliorer en profitant des sentiments généreux et des dispositions énergiques de notre auguste Maître. S. M. en appréciant les dernières, s'est attaché à me retracer tout ce que sa position particulière vis-à-vis de la France exigeait de ménagements et de circonspection pour ne pas l'exposer aux premières atteintes du ressentiment d'une puissance dont la masse et les moyens étaient si disproportionnés avec ceux qu'il pouvait leur opposer. S. M. m'a répété à plusieurs reprises, et cette assurance paraissait être son argument favori, qu'elle avait mis toute la franchise possible dans les dernières explications vis-à-vis de notre cour et qu'elle attendait avec impatience d'apprendre comment elles avaient été accueillies en me témoignant sa surprise et ses regrets sur le retard du courrier qui en avait été porteur. Dans mon entretien avec le comte de Colloredo, faisant usage du même raisonnement, auquel il repliqua dans les mêmes termes que son maître, j'ai cru cependant devoir insister plus particulièrement sur une réponse cathégorique, touchant les intentions de cette cour-ci en conformité de celles qu'annonce la nôtre. Je lui observai, que si leurs dernières explications étaient franches et detaillées, quant aux moyens, on ne pouvait disconvenir qu'elles ne fussent vagues et indéterminées sur l'époque où ces moyens pourraient être joints à ceux que nous leur offrons, et que

je ne pouvais ni de devais dissimuler, ue l'Empereur mon Maître, plein de confiance dans les sentiments et l loyauté de son allié, avait à coeur de connaître l'époque où ce dernier se croirait à même d'en donner des preuves analogues aux vues et aux intentions de l'Empereur pour le bien général de l'Europe. Le comte de Colloredo pressé par mes instances me dit et m'autorisa d'en rendre compte à ma cour que dès qu'on recevrait ici des réponses à cet éternel courrier qui n'arrive jamais, on m'en donnerait de plus positives sur l'objet de ma demande. Ce ministre prenant ensuite avec moi un ton tout à fait amical et confidentiel, à titre d'ancienne connaissance, me dit: „Convenez que vous nous soupçonnez d'une grande timidité et de manque d'énergie?" La question était étrange, je n'en fus point faché et je n'hésitais pas sur l'affirmative. Il m'en sût gré et repliqua: Eh bien, soyez persuadé que vous n'aurez point à nous faire ce reproche, mais il faut nous donner le temps de prendre nos mesures et les bien concerter avec vous, en dérobant à la connaissance des Français tout ce que nous jugerons convenable de déterminer. Sans m'étendre ici sur tout ce que m'a dit le comte de Cobenzl, qui ne serait qu'une répétition de ce que je viens de dire, je remarquerai qu'il m'a fait la même interrogation que son collégue sur la timidité et le manque d'énergie, que j'y ai répondu de même et en ai reçu les mêmes assurances pour l'avenir. Il est une circonstance plus essentielle de mon entretien avec ce dernier, dont je ne dois point omettre de vous informer. En repassant dans la conversation tout ce qui pourrait serrer et affermir les liens d'une nouvelle coalition, il me dit d'un ton d'hésitation: „J'ai eu une idée, je ne sais pas si vous l'approuverez. Ne pourrait-on pas engager la Prusse à se joindre à nous? Toutes les rivalités doivent être mises de côté. Il n'est plus question pour nous de courir après la Silésie, un plus grand objet doit nous occuper, nous serions de bonne foi dans la réunion des efforts qu'il exige, mais il faudrait se garantir de la perfidie et de la duplicité du cabinet de Berlin, et c'est à votre Souverain qu'appartient cette tâche, ce serait également à lui que nous voudrions déférer le soin de porter la parole vis-à-vis de la Prusse et de la lier de manière à n'avoir rien à redouter de sa politique fallacieuse dont nous avons fait si souvent la funeste expérience". Après l'avoir écouté attentivement, je lui répliquai: qu'en mon particulier j'étais bien loin de désapprouver son idée et que je pensai que, susceptible de développement, il pourrait convenir qu'elle fût portée à la connaissance de l'Empereur mon Maître et le comte de Cobenzl, accueillant mon opinion, me dit qu'il en ferait l'objet d'une ouverture. Il m'a fait lecture d'une note, adressée à tous les ministres de cette cour-ci à Ratisbonne pour les autoriser à se joindre à l'office que la nôtre a prescrit au

résident Klüpfel. Le comte de Cobenzl après l'avoir lue prévint la réflexion que j'allais faire en me disant: „Vous la trouvez douce et modérée, mais nous l'avons faite ainsi pour nous assurer la pluralité des voix, que nous aurions craint de ne pas réunir si elle avait été plus forte et plus positive". Mon silence lui témoigna suffisamment que je n'étais point de son avis et qu'il me paraissait inutile de discuter un motif qui se rapportait d'avantage à un système général qu'à cette circonstance particulière".

Длинный рядъ депешъ и донесеній, отправленныхъ Разумовскимъ 27 Апрѣля, заканчивался слѣдующими словами:

„Je ne puis m'empêcher de conjecturer que le courrier autrichien expédié le 1 Avril n. style, n'étant pas arrivé le $^{10}/_{22}$, date de l'expédition de Wassiltchikoff, il ait à dessein voyagé avec cet inconcevable flegme. Les lenteurs, qu'on met si évidemment à toutes les communications qu'on nous fait, semblent autoriser cette conjecture. Mes lettres particulières, ainsi que mon neveu m'ont appris que le deuil avait eu lieu à Pétersbourg pour le duc d'Enghien. J'ai cru convenable de me conformer à cette expression de douleur consacrée par l'usage et qui dans cette circonstance marque si honorablement celle de notre auguste Maître à l'égard du genre de mort dont a péri un prince du sang royal de France. Le deuil des russes a contrasté avec la conduite de cette cour-ci qui, en s'interdisant tout espèce de témoignage a semblé renier jusqu'aux liens de parenté qui l'unissaient avec la victime de l'atrocité du gouvernement français. La sensation en a été générale dans le public, on éprouvait une sorte de soulagement de pouvoir un instant se livrer au sentiment, que le silence de la cour avait comprimé".

Между тѣмъ давно поджидаемый курьеръ съ отвѣтомъ вѣнскаго двора наконецъ дотащился до Петербурга. Онъ явился туда въ то время, какъ Васильчиковъ выѣзжалъ изъ столицы. Отвѣтъ австрійскаго правительства былъ равенъ нулю.

„M. de Wassiltschikoff votre neveu", писалъ отъ 25 Апрѣля князь Чарторижскій, „se mettait en voiture pour partir d'ici, presqu'au même moment où le courrier autrichien, porteur des réponses de la cour de Vienne aux dernières ouvertures qui lui ont été faites de notre part, arrivait à St.-Pétersbourg. Ces réponses il faut l'avouer n'ont pas répondu à l'espoir de l'Empereur surtout après une si longue attente et tant de retard. Cela n'empêche pas que S. M. I. n'ait eu du regret que l'arrivée du courrier et les communications qui en ont été la suite n'ayent pas eu lieu avant le départ de m. de Wassiltchikoff. Il a été porteur d'une lettre autographe et particulière à l'empereur et roi dans laquelle S. M. I. exprimait sa douleur sur le peu d'empressement que sem-

blait lui témoigner son auguste ami et allié de s'entendre et s'unir avec elle pour sauver l'Europe d'une ruine inévitable. Dans cette expression de douleur et de regret S. M. I. et R. ne verra qu'une effusion de sensibilité et de franchise et de plus la meilleure preuve possible du prix que notre auguste Maître attache à son intime amitié. L'Empereur réitère ses instances et représentations pressantes... Il est plus qu'évident qu'il n'entre ni dans le caractère, ni dans la politique et les vues de Bonaparte de penser à raffermir son gouvernement par une administration sage et modérée, au contraire, on le voit prendre décidément la marche opposée et, pour se soutenir, se porter à tous les excès et à toutes les violences qui ont eût lieu pendant le règne de la terreur. S'attendre donc à un changement de conduite dans Bonaparte, c'est compter sur un évènement qui n'arrivera jamais. Il y aurait tout autant de danger de se reposer sur les chances que pourrait fournir l'exaspération des esprits dans l'intérieur de la France contre le 1-er consul et l'issue de la descente en Angleterre. Ces chances sont plustôt de nature à jeter Bonaparte dans des mesures extrêmes au lieu de le rendre plus modéré. On ne saurait être plus convaincu que nous ne le sommes, qu'une union des deux cours impériales est ce qui peut le mieux arrêter Bonaparte et préserver l'Europe de son ambition. Mais pour que cette union produise l'effet désiré, il faut qu'elle donne lieu de leur part à un langage ferme et énergique au cabinet des Tuileries, qui lui prouve qu'on est déterminé à le soutenir et à ne pas souffrir ses violences et ses empiètements ultérieurs. Une union tacite des deux cours impériales aura beau exister, elle ne produira aucun effet et si elle est pénétrée par l'ennemi, elle n'en attirera pas moins sur l'Autriche les inconvénients que sa position fait craindre... Ceux d'une rupture avec la France sont inévitables, si toutefois l'Autriche veut contribuer au salut de l'Europe et ne pas prendre le chemin d'une entière soumission aux vues de Bonaparte... Il ne s'agit pas de détruire ces inconvénients, mais de les diminuer autant que possible et de voir, s'il n'y aura pas des occasions où l'intérêt même et la sûreté de la monarchie ne commanderont pas de les affronter... S. M. I., considérant les maux et les dangers qui sont prêts à fondre sur une grande partie du globe, n'a point attendu que les puissances qui en ont le plus à craindre viennent lui demander ses secours, mais s'est empressé de les offrir et de déclarer son désir de concourrir à toute mesure qui aurait pour but de réduire l'ambition de Bonaparte et d'en arrêter les effets. Que si pourtant il arrivait contre tous les calculs de l'intérêt personnel que ces mêmes puissances ne voulussent pas s'opposer efficacément aux entreprises funestes qui les regardent de plus près et contribuer à sauver l'Europe de l'abime ouvert pour l'engloutir, l'Empereur alors

les verra avec douleur courir à leur perte et, libre de tous reproche vis-à-vis d'elles, ne sera pas embarassé d'aviser aux mesures que lui dicteront la surêté et l'avantage de ses propres états, en les séparant entièrement des intérêts de ses voisins, qu'il perdra l'espoir, si cher à son coeur, de pouvoir assister avec succès".

Вслѣдъ за этою депешею графъ Андрей Кириловичъ получилъ отъ Государя высочайшій рескриптъ изъ С.-Петербурга отъ 27 Апрѣля. Рескриптъ этотъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Malgré que par la position de mes états j'aie pu à redouter de la part des Français, j'ai cru néanmoins ne pouvoir rester indifférent aux dangers dont ils menacent d'autres états de l'Europe, et, dès que j'ai vu que la force seule pouvait arrêter leurs vues ambitieuses, je me suis empressé d'offrir ma coopération et mes secours à la cour de Vienne, comme la plus intéressée au maintien de l'équilibre en Europe, dans lequel uniquement elle peut trouver sa propre sûreté. Cependant la Russie, libre dans ce moment de tout intérêt direct, ne peut en avoir dans les concerts qu'elle serait dans le cas de former, qu'autant que le bien général de l'Europe pouvait s'y trouver immédiatement compris et que mes alliés et les pays, dont la conservation tient également à coeur aux deux cours impériales, en retireraient de la sûreté et de l'avantage. Or dans l'union proposée cet objet principal paraît n'être qu'accessoire et l'on ne saurait disconvenir, considérant la manière dont sont conçues les stipulations de cet arrangement, qu'après sa conclusion le reste de l'Europe resterait tout aussi peu en sûreté qu'il l'est actuellement. Le renouvellement de l'alliance de 1792 et des autres actes qui l'ont suivis, que me propose la cour de Vienne, me paraît être un objet qui, si on le mêlait à celui qui nous démontre aujourd'hui l'urgence de réunir nos forces mutuelles, nécessiterait une discussion qui pourrait retarder une décision à laquelle il est instant d'en venir. Quoique pour mon compte je sois d'avis que les alliances les plus sûres sont les liens que les intérêts mutuels de deux états rendent inaltérables entre eux et que la conduite présente de la Russie envers l'Autriche est une nouvelle preuve de cette vérité, je suis cependant très éloigné de me refuser d'en contracter une de durée avec la cour de Vienne, qui de tous les états est celui avec lequel je serais le plus empressé de souscrire à de tels engagements. Mais je ne saurais être d'opinion qu'une alliance de ce genre puisse garantir l'Europe des maux qui sont prêts à fondre sur elle et pour le redressement desquels il faut des remèdes plus violents, que ne l'est en politique un simple traité défensif, qui tout au plus peut préserver un équilibre existant, mais non le rétablir quand il est aussi complètement détruit... J'ai cru ne pouvoir mieux faire que de tâcher de réduire pour le mo-

ment nos offres réciproques à l'objet qui me parait le plus pressant et le plus imminent... Je suis fort éloigné de désirer la guerre; je souhaite même de la retarder autant que possible, et, dans tous les cas, je ne voudrais la commencer que quand j'y serais absolument forcé par une agression des Français ou bien en les voyant étendre leur empiètement sur des pays dont l'existence ne peut qu'intéresser plus ou moins la Russie... Je ne prétends gêner en rien la conduite que la cour de Vienne croira nécessaire de suivre, afin de ne pas se compromettre avant le temps avec le 1-er consul, mais, si la guerre se trouvait une fois commencée entre la Russie et la France, ne dois-je pas m'assurer que l'Autriche n'en sera pas spectatrice passive?.. Je me fie en conséquence sur la loyauté de mon allié que, quoiqu'il arrive, il ne me laissera pas combattre seul contre l'ennemi commun, mais agira aussi de son côté conformément au concert établi et au plan qui va se regler... Il m'a paru nécessaire de fixer un terme quelconque au bout duquel la coopération de l'Autriche devrait commencer et, je me crois obligé avec autant plus de raison d'insister sur cet article, que c'est d'après sa teneur et en général d'après le succès qu'auront mes démarches présentes que je serai dans le cas de me décider sur la part plus ou moins active qu'il me conviendra de prendre aux affaires de l'Europe souffrante qui pourraient bien devenir désespérées au point qu'on serait forcé de ne plus s'en mêler... Je m'en repose du reste sur votre zèle pour mon service et sur votre habileté que cette négociation importante aura l'effet désiré qui me tient fort à coeur moins pour la Russie que plustôt pour l'Europe entière et particulièrement pour la maison d'Autriche [1]) elle-même. La réussite de mes voeux désintéressés, qui sera due en grande partie à vos soins, vous donnera de nouveaux titres à ma bienveillance et à ma satisfaction que je serai très aise en toute occasion de reconnaitre".

Первыя извѣстія, полученныя изъ Вѣны послѣ ареста герцога Энгіенскаго, произвели въ Петербургѣ отрадное впечатлѣніе. Разумовскому поручено было передать римскому императору, до какой степени Государь былъ тронутъ твердымъ и достойнымъ образомъ дѣйствій своего союзника, и въ то же время предписано всѣми силами поддерживать подобное настроеніе [2]). Но оказалось, что русскій дворъ слишкомъ поспѣшно предался благимъ надеждамъ. Депеши графа Андрея Кириловича и устныя сообщенія графа Стадіона весьма скоро представили дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Увлеченіе австрійскаго двора

[1]) Слова отъ: „moins pour" вписаны въ черновую рескрипта рукою Александра Павловича.

[2]) Депеша Чарторижскаго отъ 22 Іюля.

было минутное; онъ испугался своей рѣшимости и сильнѣе прежняго закоснѣлъ въ страхѣ и малодушіи. Вмѣстѣ съ этимъ до Петербурга дошли слухи о знаменитой фразѣ графа Филиппа Кобенцеля и о томъ, что онъ болѣе прежняго унижался передъ первымъ консуломъ, извиняясь въ той слабой поддержкѣ, которую его правительство рѣшилось-было оказать нотѣ, представленной на обсужденіе германскаго сейма русскимъ министромъ-резидентомъ Клюпфелемъ. Самый сеймъ поспѣшилъ разойтись до срока. Ему представлено было отъ курфюрста Баденскаго, ближе другихъ заинтересованнаго въ эттенгеймскомъ дѣлѣ, примирительное заявленіе. Въ актѣ этомъ выражалась съ одной стороны глубокая благодарность Императору всероссійскому за благія его попеченія о неприкосновенности имперской территоріи, а съ другой полное довѣріе къ консульскому правительству и къ его дружественнымъ чувствамъ относительно Германіи. Въ заключеніи курфюрстъ просилъ сеймъ не давать дѣлу этому дальнѣйшаго хода. Представитель Пруссіи поддержалъ сдѣланное курфюрстомъ баденскимъ предложеніе. Въ то время берлинскій кабинетъ, не смотря на подписанную имъ съ Россіею конвенцію, сильно искалъ сближенія съ Франціею. Австрійскій министръ не протестовалъ, а сеймъ, обрадовавшись нежданной развязкѣ дѣла, единогласно принялъ баденское предложеніе и поспѣшилъ разъѣхаться до срока, опасаясь дальнѣйшихъ усложненій. Такимъ образомъ русская нота, на дѣйствіе которой въ Петербургѣ сильно разсчитывали, прошла безслѣдно. Александръ Павловичъ былъ недоволенъ. Вокругъ его стали поговаривать, что на Вѣну разсчитывать невозможно, покуда дѣлами будутъ тамъ заправлять Коллоредо и Кобенцель. Государь былъ утомленъ долгимъ ожиданіемъ. Ему казалось, что времени терять болѣе невозможно, что Бонапартъ захватомъ герцога Энгіенскаго на территоріи союзной державы, среди полнаго мира, дошелъ до послѣдняго предѣла дерзости. Противъ такого неслыханнаго поступка необходимо было неотложное и быстрое дѣйствіе. До сихъ поръ между Россіею и Австріею не существовало обоюднаго обязательства въ случаѣ нападенія со стороны Франціи; такое обязательство было необходимо въ настоящее время. О войнѣ Александръ Павловичъ еще не думалъ. Вся задача въ данную минуту состояла въ нравственномъ давленіи на Францію. Государь рѣшился положить предѣлъ дерзкимъ ея захватамъ. Но чтобы слова были дѣйствительны, необходимо было говорить отъ имени главныхъ державъ Европы. Кромѣ того слова эти слѣдовало подкрѣпить угрозою. Опытъ доказалъ, что одними дипломатическими представленіями не многое добудешь отъ перваго консула. До настоящаго времени усиленная переписка петербургскаго кабинета съ Вѣною, Берлиномъ и Лондономъ ни къ чему не приводила. Въ виду новаго, не-

слыханнаго нарушенія Бонапартомъ международнаго права, Императору Александру пришла мысль, не теряя времени на безполезные переговоры, разомъ заключить съ Австріею и Пруссіею оборонительный союзъ, въ упрощенной только формѣ. Съ этою цѣлью составленъ былъ въ Петербургѣ проектъ письма, которое оба императора и король прусскій должны были собственноручно списать. Обмѣну этихъ автографовъ предполагалось дать всю силу формально заключеннаго договора. Въ проектѣ общими чертами изложены были условія секретнаго оборонительнаго союза противъ Франціи. Такимъ образомъ сберегалось драгоцѣнное время и все дѣло оставалось въ глубочайшей тайнѣ, что при тогдашнихъ политическихъ усложненіяхъ, особенно для Австріи, было весьма важно. Обстоятельства, которыя должны были, въ крайнемъ случаѣ, вызвать общее ополченіе союзныхъ державъ, были подробно изложены въ инструкціяхъ, отправленныхъ къ Алопеусу въ Берлинъ и къ Разумовскому въ Вѣну. Обоимъ представителямъ Россіи повелѣно было требовать, въ замѣнъ предполагаемаго къ присылкѣ собственноручнаго письма русскаго Императора, высылку подобныхъ же документовъ, писанныхъ рукою короля и римскаго императора. Въ Петербургѣ не мало гордились изобрѣтеніемъ этого простого способа заключить тайный союзъ. Графу Андрею Кириловичу поручалось пустить въ дѣло извѣстную его находчивость и таланты. Государь въ проектѣ изложилъ всѣ необходимыя условія союза. Измѣненій онъ не допускалъ.

Получивъ важное это порученіе, Разумовскій немедля приступилъ къ дѣлу. Онъ просилъ аудіенцію у императора Франца, которому имѣлъ передать письмо отъ своего Государя, и вступилъ въ дѣятельные переговоры съ Кобенцелемъ.

„Dès le lendemain de la réception de mes ordres“, писалъ къ Чарторижскому отъ 12 Мая графъ Андрей Кириловичъ, „je suis entré en conférence avec le comte de Cobenzl et la première communication que je lui ai faite comme la plus essentielle a été la copie de l'acte, en forme de lettre autographe, que je suis chargé d'échanger contre un acte semblable de l'empereur des Romains. J'ai retenu par devers moi, comme de raison, l'acte original jusqu'à ce que, d'accord sur son contenu et assûré de la réciprocité, par une communication officielle que j'aurais à recevoir, je me voie par là autorisé à le présenter. Telle est la marche dont je suis convenu avec le comte de Cobenzl, que j'ai vu presque journellement depuis, et à qui j'ai fait part successivement de vos dépêches, qui m'ont paru les plus propres, par les arguments qu'elles renferment à appuyer ceux dont j'avais à faire usage. J'ai présenté entre temps à une audience particulière auprès de l'empereur la lettre autographe en réponse à la sienne du 1-r Avril. J'ai sollicité avec instance tant auprès du souverain que de son ministre une prompte

détermination. Elle m'a été promise, mais en m'observant que son importance exigeait un délibération approfondie. Quelque soit le succès de ma négociation,—complet ou partiel, v. e. peut être persuadée que j'y mettrai tout le zèle, la méditation et l'activité que reclame un tel sujet; sujet caractérisé par tout ce qu'une transaction politique peut présenter de plus grave et de plus imposant. J'ai à coeur de justifier l'opinion que l'Empereur daigne avoir de mes moyens et ils seront employés sans relâche pour parvenir à ce but. Je crois dès aujourd'hui devoir vous indiquer mes premiers apperçus des dispositions de cette cour... Rien n'était plus propre, sans doute, à réveiller l'apathie et à dissiper la puisillanime timidité, qui déshonorent aux yeux de l'Europe la cour de Vienne, que l'élan magnanime de la nôtre, mais l'étincelle électrique frappe en vain sur un corps sans vie, et, c'est en avoir perdu le sentiment pour un état, que d'être insensible à sa propre dignité. Il est douloureux, mon prince, d'appliquer cette vérité aux personnes, dont les mains tremblantes tiennent ici les rênes du gouvernement, mais la déguiser ce serait la trahir et me rendre indigne de la confiance d'ont m'honore mon Souverain. Je ne ferai pas mention dans cette dépêche de ce que m'a dit l'empereur aux deux audiences où j'ai remis les lettres dont j'ai été chargé. Je me bornerai à vous rendre compte de mes conversations avec le vice-chancelier, ce qui a servi à fixer mon opinion. J'ai tâché de mon mieux de développer à ses yeux les avantages, qui résultaient pour la monarchie autrichienne, des sentiments généreux que manifestait mon Souverain. Je lui représentai que l'Empereur, ayant conçu dans son coeur la pensée noble et désintéressée d'affranchir l'Europe du joug de la France, de lui rendre le repos et d'y rétablir l'ordre et l'équilibre, S. M. y avait associé son allié le plus intime, dont elle chérissait la personne, les intérêts et la gloire, que, fermement résolue à poursuivre ce dessein, rien ne pouvait l'en détourner. J'ai cru ne pouvoir trop lui répéter ce dernier argument et que c'était là le motif qui avait déterminé une nouvelle rédaction de l'acte autographe dont la teneur devait avoir directement ce but, tandis que S. M. I. serait disposée à renouveller par un autre traité toutes les anciennes stipulations destinées à consolider les liens et les engagements des deux cours. Le comte de Cobenzl m'a balbutié des phrases de reconnaissance et de dévouement, cherchant à louvoyer entre une apparence d'adhésion à notre plan et la terreur de la puissance du consul. Il n'a pu me dissimuler à quel point il en était agité. En abondant à cet égard dans son sens, d'accord avec lui que rien au monde ne garantirait l'Autriche de cette foudre, qui, d'un moment à l'autre, et sans rime ni raison, menaçait d'éclater sur sa tête; ne vaudrait-il pas mieux, ajoutai-je, prendre de bonnes mesures avec vos alliés, plutôt que de vous rési-

gner en tremblant d'être écrasé? Enfin lorsque je le pressai sur les réponses que j'avais à obtenir, il voulut éviter d'entrer en discussion, prétextant qu'il croyait préférable de me montrer dans son ensemble le travail dont on s'occupait, défaite, qui n'avait évidemment pour but que de gagner du temps par des allées et venues de courriers et d'amuser ainsi le tapis, en éloignant la conclusion. Je crus devoir lui déclarer assez positivement que l'Empereur mon Maître n'entendait pas qu'il fut question de modifications dans l'acte susmentionné, qu'il avait crû y avoir pourvu à tous ce qu'il y avait de plus essentiel, et que la conjoncture ne permettait pas de plus longs délais. Le comte de Cobenzl objecta qu'il y avait des points sur lequels on ne s'était pas assez expliqué et d'autres qui étaient trop désavantageux à sa cour. Je l'invitai à les énoncer et il les réduisit aux deux suivants: il prétend t que nous ne leur promettions pas un nombre suffisant de troupes. Je lui répliquai les raisonnements, que je puisai sur cet articte dans vos dépêches, j'y ajoutai ensuite confidentiellement et sur un ton amical que c'était bien à tort qu'il s'attachait à une altercation pareille, que des propositions semblables aux nôtres, émanant d'un Souverain comme le nôtre, devaient inspirer une confiance illimitée et que les motifs qui les avaient dictées ne devaient pas laisser en doute sur l'étendue des secours qu'on pourrait s'en promettre si la circonstance l'exigeait. Sur quoi le comte de Cobenzl me repliqua sur le champ: „voulez vous nous donner cela par ecrit?“ J'avoue, que considérant ce propos comme une subtilité tendante à entraver la négociation, je fus tenté de le prendre au mot. Sans y répondre péremptoirement, je me bornai à lui dire que je verrais d'après leurs demandes ce que j'aurai à faire. Le second article concernait les alliances que l'Empereur se réservait de contracter. Il prétendit que ce point était vague et demandait une explication plus précise. Il ne me fut pas difficile d'y répondre en lui disant, que, puisqu'il était question d'un but commun, il était impossible de se méprendre sur celui qui guiderait l'Empereur dans ses négociations, et que le principe qui servait de base à celle-ci, aussi bien que le caractère de loyauté qu'on lui connaissait, devenaient de sûrs garants de la marche qu'il suivra dans toutes ses entreprises. J'ajoutai à cela qu'en bon serviteur de mon Maître et comme bien dévoué aux intérêts du sien, je lui conseillais de signer pûrement et simplement l'acte en question, sauf à renvoyer à des explications ultérieures les éclaircissements ou les amplifications qui paraitraient nécessaires et sur lesquelles on ne saurait mettre en doute que nous nous entendions avec toute la franchise et la bonne volonté propres à cimenter les liens de deux grandes puissances et de deux monarques, si respectables par leurs qualités personnelles, animés des mêmes sentiments, ayant en vue le

même but. Après vous avoir rendu compte de l'état de ma négociation, je crois devoir vous exposer l'opinion que je me forme sur l'issue qu'elle nous présage. Quelque peine que je me suis donné pour rassurer sur les conséquences de nos engagements, je ne suis pas parvenu à dissiper la terreur qui paralyse le consentement de cette cour-ci aux propositions de la nôtre. C'est littéralement la tête de Méduse qui pétrifie ses mouvements, dès qu'elle jette un regard sur le formidable consul et il sera bien difficile, sinon impossible, de la déterminer sans l'entrainer à un parti énergique. Nous ne la verrons se joindre à nous dans la circonstance très probable d'une guerre, que lorsque nous en aurons soutenu le premier choc. Le comte de Cobenzl en est convenu en me répétant combien il serait à désirer que nous puissions faire agir la Prusse. Il n'est pas douteux que rien ne saurait être plus favorable à notre plan, que si cette dernière voulait y coopérer de bonne foi; mais ses relations avec la France, son système de politique avide et intéressée, l'y feront-elles consentir autrement qu'à bonnes enseignes? Le comte de Meerveldt, avec qui je me suis entretenu sur ce chapitre, m'a cité le duc de Brunswick, le maréchal Mölendorff, le comte de Haugwitz comme étant d'avis, que pour établir un concert réel, susceptible de toute l'énergie nécessaire et dégagé des entraves que presente sans cesse la funeste rivalité des cours de Vienne et de Berlin, il ne faudrait pas moins qu'une grande mesure générale, qui, suprimant les intérêts particuliers de l'Allemagne, asservisse tout l'empire à ces deux puissances en tirant une ligne qui sépare le nord en faveur de la Prusse, le midi pour l'Autriche. Je vous laisse à penser, mon prince, si ce projet gigantesque, quand même il remplirait le but d'une masse imposante contre la France, conviendrait à l'intérêt de la Russie".

Разумовскій не рѣшился въ депешѣ, нами приведенной и списанной въ его канцеляріи, передать Чарторижскому то, что онъ услыхалъ отъ самого императора. Слова эти онъ написалъ самъ, въ собственноручномъ прибавленіи (apostille) къ своей депешѣ:

„En parlant de mon audience chez l'empereur, j'ai glissé légèrement sur ce que S. M. m'a dit lorsque j'ai cherché à fixer son attention, à émouvoir son âme par la peinture des calamités qui menacent l'Europe et plus particulièrement sa monarchie, en lui exposant le dessein généreux de l'Empereur notre Maître pour le bien général et l'intérêt que prenait S. M. à son intime allié. L'Empereur qui ne se livre jamais à la discussion, me répéta sans cesse les mêmes propos: combien il comptait sur les bons sentiments de S. M. et sur la justice qu'elle rendrait à la sincérité des siens. Un peu fatigué peut-être de mes arguments il ajouta cette phrase remarquable: „Au reste les Fran-

çais ne m'ont rien fait et je suis fort content d'eux!" Comment qualifier, mon prince, ce manque d'élévation dans l'âme du monarque débonnaire? Nous l'avons vu cependant acquérir une sorte de considération par sa persévérance à poursuivre une guerre malheureuse. Il était alors subjugué par un ministre, dont l'énergie suppléait à la sienne. Ce ministre avec un grand caractère a fait à la vérité de grandes fautes. Ses erreurs et son obstination ont accumulé des revers, mais ceux qui lui ont succédé épouvantés du passé, sans génie et sans ressources pour l'avenir, s'abandonnent au cours des évènements et se résignent à toutes les humiliations. Jamais les ministres actuels ne relevront la monarchie anéantie sous le joug de la France et cependant si forte en moyens pour le secouer. Leur incapacité est tellement constatée dans le public, la soumission du comte de Cobenzl aux volontés de Bonaparte si connue, qu'on ne se gêne pas sur les propos qu'on en tient et chacun improvise à son gré sur la nécessité de remplacer les ministres présents par des hommes plus habiles et plus dignes de la confiance du souverain".

Эти слова Разумовскаго подтверждали вполнѣ то, что уже давно думали сотрудники Александра Павловича и на что они уже не разъ обращали его вниманіе. Отъ Коллоредо и Кобенцеля ждать было нечего. Надлежало такъ или иначе удалить ихъ отъ дѣлъ и на ихъ мѣсто выставить кандидатами людей энергичныхъ и способныхъ, а главное готовыхъ поднять Австрію на борьбу съ Бонапартомъ. Объ этомъ между Петербургомъ и Вѣною завязалась переписка. Къ сожалѣнію, секретныя письма Чарторижскаго къ Разумовскому до насъ не дошли, но за то у насъ подъ рукою собственноручные отвѣты посла, изъ которыхъ ясно, что съ нимъ совѣтывались о томъ, какъ бы ловкимъ образомъ отдѣлаться отъ безхарактерныхъ и неспособныхъ министровъ. Графъ Андрей Кириловичъ не взялся за это трудное дѣло, которое могло въ случаѣ огласки сильно повредить добрымъ отношеніямъ между императорскими дворами; къ тому же, по мнѣнію посла, не было возможности подъискать въ Вѣнѣ сколько-нибудь достойныхъ кандидатовъ на желаемую вакансію. Несостоятельность австрійскихъ администраторовъ не ограничивалась однимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, во всѣхъ отрасляхъ управленія царствовала въ то время та же бездарность, нерадѣніе и распущенность.

„Je veux dire", отвѣчалъ собственноручно и секретно Разумовскій на намекъ Чарторижскаго относительно смѣны канцлеровъ, „l'opinion générale sur le ministère actuel. On peut dire affirmativement et sans crainte d'être contredit, qu'il n'en a jamais existé qui eût moins de considération dans le public. Cette opinion peut s'étendre sur tous les chefs de département, je la restreins ici à celui des affai-

res étrangères. Il est entre les mains des comtes Colloredo et Cobenzl. Sans en tracer ici les traits qui caractèrisent l'un et l'autre, il me suffira de dire que l'incapacité du premier est tellement reconnue, qu'elle est pour ainsi dire proverbiale. Le second en a d'avantage, mais sans élan, sans vigueur d'âme; il met à profit une longue routine des affaires pour conserver sa place, par les moyens qu'il a pratiqués durant son ambassade, en encensant celui qui peut l'y maintenir. Son idole est aujourd'hui le comte de Colloredo. Il n'a de crédit et d'existence que par lui. Il est entièrement soumis à sa volonté. Il faut ajouter par rapport à ce dernier que, s'il a peu de tact et de moyens pour les affaires, il en a infiniment pour surveiller tout ce qui pourrait nuire à sa position et attirer la confiance du maître, conquise pour ainsi dire dès le berceau et qui ne l'abandonnera qu'à sa tombe. Cet état de choses rendrait difficile toute entreprise de déplacer les deux ministres, mais supposant qu'on peut y parvenir qui leur substituer? La question n'est pas facile à résoudre. Partout on rencontrerait des inconvénients qui font appréhender le regret de ne pas changer en mieux. Je sens et j'apprécie d'ailleurs parfaitement, mon prince, les considérations dont vous faites mention et qui accompagneraient une semblable entreprise et combien elle exige de ménagement et de dextérité. Mais est-ce le moment de s'en occuper? Si nous pouvons faire agir les ministres présents dans notre sens actuel pour l'essentiel, il se présentera par la suite des circonstances et des développements qu'on pourra mettre à profit. J'aurai soin de les saisir et de vous en rendre compte...“

Дѣлать было нечего, поневолѣ приходилось ждать.

Но въ то время, какъ графъ Андрей Кириловичъ тратилъ логику и краснорѣчіе на убѣжденіе несговорчиваго Кобенцеля, Наполеонъ Бонапартъ смѣло завершалъ задуманное имъ преобразованіе Франціи. Онъ выхватилъ ее изъ рукъ жалкихъ и неспособныхъ демагоговъ и въ десять лѣтъ возвелъ на высшую степень славы и благоденствія. Финансовое положеніе быстро улучшалось, порядокъ и спокойствіе утвердились внутри страны. Побѣдоносною стопою шагнулъ Бонапартъ черезъ Рейнъ и Альпы; Савоя, Ницца, берега Рейна, часть Швейцаріи, Бельгія слились съ французскою республикою; Италія ей раболѣпно повиновалась; вся Европа передъ нею трепетала, а Англія съ ужасомъ взирала на сплоченныя у береговъ пролива военныя силы ненавистной сосѣдки. Войска уже давно привѣтствовали Бонапарта какъ своего верховнаго владыку, теперь его провозгласили императоромъ сенатъ и трибунатъ, и онъ не дрогнувъ ухватился за вѣнецъ Карла Великаго.

Понятно, какое впечатлѣніе событіе это произвело во всей Европѣ, а особенно въ Вѣнѣ. Римскій императоръ считалъ себя прямымъ

наслѣдникомъ Карловинговъ и съ смущеніемъ взиралъ на возникновеніе новаго императорскаго титула на западѣ.

„Les dernières communications de Paris", доносилъ Государю Разумовскій, „renferment l'introduction à un évènement qui occupe tous les esprits, que des orateurs, républicains hier, aujourd'hui fervents apôtres du gouvernement d'un seul, préparent dans les tribunes, pour lequel ils épuisent tout ce que l'art oratoire leur fournit de forces et la philosophie de leur politique d'arguments. Ce serait, Sire, abuser de votre patience que de rapporter ici les discussions du tribunat, calquées toutes sur un principe uniforme — celui de la volonté du despote. Je ne devais m'attacher qu'à connaitre la détermination que cette usurpation instante et nouvelle ferait prendre ici. C'est sous ce rapport que je dois avoir l'honneur de transmettre à V. M. I. l'assurance qui m'a été donnée par le comte de Cobenzl que relativement à la dignité dont Bonaparte allait indubitablement être revêtu, la cour de l'empereur et roi ne se déciderait pour sa conduite, qu'après s'être concertée entièrement à cet égard avec le ministère de V. M. I. Cette ouverture fixera votre attention, Sire. C'est le point qui a motivé mon rapport".

Этимъ увѣреніемъ и ограничился Кобенцель. Касательно же проекта письма онъ избѣгалъ дальнѣйшихъ разговоровъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что окончательный отвѣтъ требуетъ долгаго и многосторонняго обсужденія. Напрасно являлся къ нему Разумовскій съ прежними представленіями и новыми доводами, которые ему внушало провозглашеніе Бонапарта императоромъ. Вице-канцлеръ постоянно подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ отклонялъ разговоръ, повторяя, что отвѣтъ еще не вполнѣ обдуманъ. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, графъ Андрей Кириловичъ получилъ записку отъ Кобенцеля съ назначеніемъ дня для окончательнаго совѣщанія. Посолъ поспѣшилъ на зовъ и вице-канцлеръ сообщилъ ему тѣ пункты соглашенія, которые австрійское правительство желало измѣнить. Не дождавшись отвѣта Разумовскаго, вице-канцлеръ спросилъ: можетъ ли онъ подписать актъ, въ который войдутъ всѣ требуемыя вѣнскимъ дворомъ перемѣны. Актъ этотъ, скрѣпленный подписью обоихъ императоровъ, могъ, по мнѣнію Кобенцеля, вполнѣ замѣнить предложенную русскимъ дворомъ, для взаимнаго обязательства, форму письма. Не ожидавшій подобнаго предложенія, Разумовскій требовалъ времени для размышленія и просилъ вице-канцлера сообщить ему на домъ перечень требуемыхъ измѣненій. Доставкою этого документа вѣнское министерство не спѣшило, однако, въ концѣ-концовъ, оно было сообщено Разумовскому. Обдумавъ суть австрійскихъ требованій, графъ Андрей Кириловичъ нашелъ, что изъ девяти предъявленныхъ пунктовъ собственно только два заслуживали серьёзнаго обсужденія, остальные же семь

могли быть рѣшены безъ всякихъ особыхъ переговоровъ, такъ какъ въ добросовѣстности и прямодушіи обоихъ императорскихъ дворовъ не могли сомнѣваться ни въ Вѣнѣ, ни въ Петербургѣ. Съ этимъ Кобенцель согласился. Что же касалось до первыхъ двухъ пунктовъ, то по мнѣнію Разумовскаго, тотъ, который касался до замѣны предложенныхъ собственноручныхъ писемъ министерскими декларацiями, прямо противорѣчилъ полученнымъ имъ изъ Петербурга приказаніямъ. Сообщая объ этомъ Чарторижскому, Разумовскій еще разъ выразилъ свое убѣжденіе, что вѣнскій дворъ выставилъ это требованіе только съ цѣлью отложить все дѣло въ долгій ящикъ. Второй пунктъ относился до числа обѣщаемыхъ Россіею на подмогу Австріи войскъ. Объ этомъ уже упоминалъ Разумовскій въ приведенной нами выше депешѣ. Имперскіе министры находили выставленную въ проектѣ письма цифру недостаточною. Вице-канцлеръ напиралъ на громадныя силы, которыми могъ располагать Наполеонъ. Не входя въ споры съ Кобенцелемъ касательно численности французскихъ войскъ, которая, по убѣжденію Разумовскаго, была очевидно преувеличена, послѣдній согласился въ принципѣ съ необходимостью уравнять силы союзниковъ съ силами врага; онъ даже ручался за то, что таково было убѣжденіе русскаго императора и что въ этомъ вѣнскій дворъ можетъ убѣдиться при первыхъ переговорахъ относительно плана кампаніи. Не слѣдуетъ, говорилъ посолъ Кобенцелю, прицѣпляться къ каждому отдѣльному слову предлагаемаго вамъ проекта. Надо понять общій смыслъ его и положиться на данныя вамъ обѣщанія съ тѣмъ полнымъ довѣріемъ, которое заслуживаютъ великодушіе и энергія моего Государя. Императоръ Александръ вполнѣ сознаетъ опасность угрожающую Австріи. Онъ понимаетъ, что затруднительное ея положеніе относительно Франціи требуетъ крайней осторожности. Предложеніемъ своимъ вступиться за римскаго императора въ случаѣ нежданнаго нападенія со стороны Бонапарта, Государь вовсе не намѣренъ положить предѣлъ своимъ дружественнымъ и великодушнымъ намѣреніямъ. Предложеніе это Государь дѣлалъ самъ отъ себя, добровольно, не требуя взаимныхъ обязательствъ. Россія первая должна была выдержать натискъ непріятеля, въ случаѣ если загорится война. Участіе Австріи, въ силу предлагаемаго проекта, требовалось только три мѣсяца послѣ открытія военныхъ дѣйствій. Понятно, что при такихъ условіяхъ Государь не могъ раздроблять своихъ силъ. Долгія свои убѣжденія Разумовскій заключилъ повтореніемъ предложенія прямо приступить къ принятію и обмѣну писемъ, съ тѣмъ чтобы изложить въ отдѣльной нотѣ сомнѣнія вѣнскаго двора. Ноту эту русскій посолъ обязывался тутъ же подписать. Чѣмъ настойчивѣе говорилъ графъ Андрей Кириловичъ, тѣмъ виднѣе становилось смущеніе

Кобенцеля. Онъ не въ силахъ былъ уже отвѣчать на доводы посла и наконецъ объявилъ, что хотя вѣнскій дворъ умѣетъ цѣнить благорасположеніе русскаго императора, однако, торжественные договоры требуютъ полной ясности и точности, и такъ какъ у посла нѣтъ достаточнаго полномочія для соглашенія на требуемыя Австріею уступки, то дальнѣйшія пренія по этому дѣлу становятся излишними и слѣдуетъ дождаться отвѣта изъ Петербурга, куда необходимо немедля отправить курьера [1]). Разумовскому было крайне досадно. Въ Петербургѣ до сихъ поръ образомъ его дѣйствій были довольны. Еще недавно выразилъ ему Чарторижскій, по порученію Государя, высочайшее благоволеніе и благодарность. Послѣ такого одобренія совѣстно было признаться въ неудачѣ. Къ тому же посолъ опасался какъ бы, въ виду настойчивой нерѣшительности вѣнскаго кабинета, Александръ Павловичъ не измѣнилъ великодушныхъ своихъ намѣреній. Сообщая Государю о неудавшихся своихъ переговорахъ съ Кобенцелемъ, графъ Андрей Кириловичъ молилъ Царя не покидать несчастной габсбургской монархіи, которая подъ вліяніемъ слѣпого страха не вѣдала что творила.

„Le rescrit de V. M. I...", доносилъ Разумовскій отъ 21 Мая, „m'a guidé dans les communications que j'ai faites au ministère autrichien... Ce n'est qu'hier que mes conférences ont atteint leur dernier terme... Le contre-projet de lettre autographe que j'ai eu à discuter avec le comte de Cobenzl, conservant de celle de l'empereur d'Allemagne tout ce qui pouvait se concilier avec le but des nouveaux liens entre les deux cours impériales, n'en différait que sous le rapport des mesures instantes et directes que reclame l'Europe en général, et l'Autriche en particulier, dans leur situation relative avec la France. Nul obstacle n'aurait du retarder le plein acquiescement de la cour de Vienne aux vues généreuses et bienfaisantes de V. M. I., et si cette cour croyait nécessaire de donner aux stipulations de l'acte susmentionné plus d'étendue ou de détails, la loyauté qui en fait la base devait lui être garant que des explications ultérieures seraient toujours analogues à ce principe qui vous caractèrise, Sire, et qui vous a fait concevoir cette grande entreprise, si digne de la reconnaissance éternelle de toute l'Europe. Fort de ma propre conviction à cet égard, j'ai offert d'en signer l'assurance à la suite d'un échange pur et simple de la lettre autographe de V. M. I. J'ai vu la crainte et le découragement se manifester à mesure que je mettais de la chaleur dans mon empressement à conclure. V. M. I. s'en persuadera, en se faisant rendre compte de ce que j'ai l'honneur de mander à son ministère. De toutes

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 22 Мая.

les objections qu'on m'a faites et qui se réduisent à des mots, la seule, pour ainsi dire, qu'il m'était impossible de trancher, était celle relativement à la dénomination du secours. J'ai eu beau faire valoir les considérations qui l'ont motivée et celles qui, résultant du développement des circonstances, améneraient d'elles mêmes les accroissements de forces, qui seraient nécessaires conformément aux plans dont on conviendrait et aux moyens qu'on aurait à opposer à l'ennemi, puisqu'il était tout simple, que pour parvenir au but qu'on se proposait, il fallait au moins être à égalité de nombre dans la lutte où on allait s'engager, il m'a été impossible de vaincre la résistance du vice-chancelier, dont la replique a été constamment: qu'un traité devait être clair et précis et que les calculs qu'on avait fait ici des forces à opposer à l'ennemi rendaient indispensables de notre part les 150,000 hommes qu'on nous avait demandé. Ce serait faire tort à l'esprit du comte de Cobenzl que de croire qu'il n'ait pas senti la justesse de mon raisonnement, mais ce serait faire un à la vérité si je n'ajoutais que ce ministre ne s'est attaché à la difficulté de céder sur ce point, que pour gagner du temps et différer de conclure. La terreur qui le domine, paralyse toutes ses conceptions. La position de la cour de Vienne est très délicate, sans doute, elle exige bien des ménagements. V. M. I. l'a appréciée et je n'ai cessé de répéter combien elle y aurait égard. Mais, pour se tirer de cette position critique, il faut du courage, il faut de la résolution; ces ressorts n'existent point dans l'ame des ministres actuels de cette cour. V. M. a été touchée des malheurs de l'Europe. Elle a formé le dessein noble et généreux de prévenir de plus grandes calamités, de rétablir l'ordre, l'équilibre, la paix. J'ose me persuader qu'elle considérera avec indulgence la disposition timorée de son allié au début de l'imposante coalition qu'elle lui propose. Elle l'entrainera des bords de l'abime, en persévérant dans son intention magnanime et la reconnaissance de cet allié sera aussi éternelle que les bénédictions de l'Europe prête à crouler sous le sceptre d'un avantarier corse.

Daignez me permettre, Sire, de porter à vos pieds l'hommage du sentiment dont j'ai été pénétré en lisant les témoignages de confiance dont V. M. m'a honoré, se reposant sur mes soins du succès de la négociation dont elle m'a chargé. Si ce succès n'a pas complètement répondu à votre attente, Sire, j'ose me flatter que V. M. daignera croire dans sa justice, qu'il n'a tenu ni à mon zèle, ni à aucun des moyens que me dicte l'inépuisable dévouement que j'ai consacré pour toute ma vie au service de V. M. I".

Вѣнскій дворъ по обыкновенію не задавался далекими задачами. Злоба дня довлѣла ему. Онъ думалъ только о немедленной выгодѣ

и не понималъ настойчивости русскаго правительства, продолжавшаго навязывать свою непрошенную помощь. Онъ въ принципѣ рѣшилъ уже признать за Наполеономъ принятое имъ императорское достоинство, ибо отказъ со стороны Австріи равнялся объявленію войны, а этого въ Вѣнѣ пуще всего боялись. Не даромъ графъ Стадіонъ, которому, при каждомъ удобномъ случаѣ, предписывалось поддерживать самыя дружественныя сношенія съ Россіею, лишь бы до войны съ Франціею не доходило, на всѣ тоны повторялъ теперь въ Петербургѣ, что въ борьбу не слѣдуетъ вступать слишкомъ рано и что преждевременный разрывъ, до заготовленія равныхъ съ непріятелемъ силъ, подготовитъ только новое торжество для Бонапарта. Партія эрцгерцога Карла продолжала всѣми силами противиться войнѣ. Съ Россіею ссориться не желали, но въ то же время Франціи боялись пуще огня, оскорблять ее не смѣли, а къ тому же представлялся случай ей угодить и притомъ на выгодныхъ для Австріи условіяхъ. Вѣнскій дворъ прибѣгнулъ къ вѣчной своей системѣ выжиданія. Положено было, не спѣша, предложить новому императору признаніе за самую высокую цѣну, а русскому правительству объяснить, что въ Вѣнѣ рѣшились молчаніемъ выразить Наполеону свое неодобреніе. Мы уже упомянули выше, какой огромный переворотъ произвела въ Германіи введенная Наполеономъ система секуляризацій и вознагражденій. Большинство какъ на имперскомъ сеймѣ, такъ и въ коллегіяхъ, окончательно перешло на сторону протестантовъ. Роль католической Австріи въ германской имперіи оканчивалась безвозвратно и не трудно было предвидѣть, что при слѣдующемъ избраніи римскаго цесаря, габсбургскій домъ лишится своего вѣковаго императорскаго достоинства. Мысль эта сильно тревожила и императора Франца и многочисленныхъ австрійскихъ эрцгерцоговъ. Помочь бѣдѣ этой можно было только признаніемъ императорскаго достоинства лично за габсбургскимъ домомъ, въ силу наслѣдственныхъ его владѣній, тогда глава этой старинной династіи оставался императоромъ, даже и въ томъ случаѣ, когда бы не на немъ остановился выборъ германскихъ курфюрстовъ. Объ этомъ черезъ Шампаньи и графа Филиппа Кобенцеля намекнули тюилерійскому кабинету, давая понять, что коль скоро послѣдуетъ подобное признаніе со стороны Наполеона, Австрія готова будетъ воздать должный почетъ новому владыкѣ Франціи. Между тѣмъ папа, король прусскій, короли испанскій и неаполитанскій, Голландія, Данія, Швейцарія и всѣ германскіе владѣтели поспѣшили поздравить новаго императора. Наполеонъ былъ въ восторгѣ отъ такой предупредительности. Онъ дружески благодарилъ короля Фридриха-Вильгельма и поспѣшилъ заявить Австріи, что охотно исполнитъ ея желанія, только съ тѣмъ, чтобы гласно объ этомъ до времени не заявлять, дабы соб-

ственное его признаніе не показалось цѣною согласія на требованія вѣнскаго кабинета. Наполеонъ предлагалъ заключить съ Австріею секретный договоръ, въ силу котораго наслѣдникъ Франца II-го заранѣе признавался императоромъ австрійскимъ, даже въ томъ случаѣ, если бы не его избрали германскимъ императоромъ.

Разумовскій, благодаря связямъ своимъ въ высшемъ обществѣ, а главное ловкости неутомимаго Малліа, скоро разгадалъ всю тайну этихъ переговоровъ. Впрочемъ, самъ вице-канцлеръ, который зналъ, что русскому послу извѣстны были многія тайны вѣнскаго кабинета, не стѣсняясь исчислялъ тѣ выгоды, которыя Австрія могла извлечь изъ признанія Бонапарта императоромъ. Графъ Андрей Кириловичъ былъ внѣ себя отъ негодованія. Онъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ отзывался о нѣмецкихъ владѣтеляхъ, вымогавшихъ себѣ разныя милости у *корсиканца-императора* въ награду за его признаніе. Особенно выводилъ его изъ терпѣнія одинъ изъ курфюрстовъ, требовавшій себѣ титула *высочества* (Hoheit), что при новомъ французскомъ дворѣ, еще мало знакомымъ съ тонкостями нѣмецкаго этикета, переведено было словомъ *hautesse* [1]). Въ депешахъ своихъ къ Чарторижскому посолъ давалъ полный ходъ своему недовольству и горько жаловался на слабодушіе австрійскаго кабинета.

„S. M. l'empereur-roi", писалъ онъ въ депешѣ отъ 16 Мая, „me fit part dans ma dernière audience de l'intention qu'il avait de s'expliquer à Paris sur la nouvelle dignité dont le consul va se revêtir. Je n'ai pu qu'applaudir respectueusement aux motifs que S. M. m'allégua; elle les puisa dans l'opinion qu'il valait mieux provoquer cette explication qu'attendre d'être requis par le consul de sanctionner son projet. L'empereur ne m'en dit pas d'avantage. Il m'importait cependant de connaitre avec plus de précision, quels seraient les ordres donnés à Paris et pour y parvenir, je me servis auprès du vice-chancelier de la communication que S. M. venait de me faire. V. e. ne s'attend pas sans doute à l'étrange point de vue sous lequel le c-te de Cobenzl considéra cette nouvelle conjoncture, si marquante pour le système politique de l'Europe. Il ne parût point indigné de l'élévation de Bonaparte, il n'en considéra point les rapports avec sa puissance, il ne s'attacha point à peser l'extension d'autorité et d'influence que ce nouveau titre pouvait ajouter à sa domination sur l'Europe, il ne fût point occupé des moyens de le lui contester. Uniquement frappé d'un chétif avantage de réciprocité, il me dit que la dignité impériale n'ayant été jusqu'ici qu'élective en Allemagne et devenant héréditaire en France, il serait juste que la même hérédité fût fixée dans la famille de son

[1]) Депеша къ Чарторижскому отъ 23 Мая.

souverain!.. Un corse d'une main hardie va poser sur sa tête la couronne de Charlemagne et son audace deviendra légitime, s'il daigne assurer une autre couronne sur la tête d'un prince, dont l'illustre maison depuis une suite de siècles a occupé le premier trône de l'Europe. Je m'arrete, mon prince, dans mon récit, comme je suis resté court dans ma conversation avec le vice-chancelier. Ce fait n'admet ni refléxion, ni commentaire".

„Rapporter ce que les évènements peuvent présenter ici, dans le moment actuel de remarquable", писалъ далѣе Разумовскій отъ 31 Мая, „c'est se borner à un seul qui remplit tous les esprits, alimente toutes les conjectures, excite tous les efforts des agents diplomatiques,— celui de pénétrer cette cour-ci sur le parti qu'elle prendra à l'égard de la reconnaissance de Bonaparte en qualité d'empereur des Français. D'après ce qui se dit et ce que l'on se communique, tout annonce qu'on ne s'y refusera pas. On prétend qu'il ne s'agit plus que d'en tirer les meilleures conditions possibles. Celle que l'on cite publiquement comme fondamentale est l'hérédité de la dignité impériale dans la maison d'Autriche, des autres doivent à ce qu'on dit généralement consister dans quelques arrondissements du côté de la Dalmatie et des provinces ex-vénitiennes. Je crois, mon prince, qu'il est des circonstances où la dignité de la cour que l'on représente, peut-être même le bien de son service, exigent que l'on se mette dans la même mesure que le cabinet avec lequel on traite. Après avoir essayé tout ce qui aurait pu déterminer un ministère moins obstiné dans ses principes, mystérieux alors seulement qu'il en médite et qu'il veut faire envisager comme arrachés aux circonstances, et comme n'ayant pas été le maitre de leur donner une autre direction; après avoir vainement comblé tous mes efforts pour connaitre la détermination qui serait prise dans la question instante de la proclamation de Bonaparte, je me suis circonscrit à cet égard dans un silence reglé sur celui du comte de Cobenzl et cette attitude semble l'embarasser assez pour qu'il se rabatte sur toutes les circonstances secondaires et qu'il saisisse toutes celles, où il peut se répendre dans ses intarissables assurances de sa confiance et de son devouement à notre cour. Je les ai entendues à différentes reprises... Un asservissement trop démontré lie le ministère autrichien aux volontés de la France. La faiblesse de son système s'applique, en obéissant à la France, à ne pas encourir le ressentiment de la Russie. C'est cette conviction qui m'oblige de rapporter les nouvelles populaires, quoique démenties par les assurances officielles du vice-chancelier. Parmi les premières est aujourd'hui celle du renouvellement de l'alliance de 1756 que l'on dit en pleine négociation. Après les explications sacramentales que j'ai reçues sur les questions semblables, il se-

rait indécent que je reprisse des démarches à cet égard. Tant d'impudeur et de fausseté ne peuvent caractériser aucun autre cabinet que celui des Tuileries. Mais aucun bruit même vague ne devait dans les circonstances actuelles vous demeurer inconnus. Toutefois les conférences de m. Champagny (et cela est naturel) sont fréquentes et longues. Il était beau d'ailleurs de voir au cercle de la cour, lors du baptême de l'archiduchesse, cet ambassadeur suspendu à qui l'empereur cependant n'a parlé qu'après moi, entouré constamment du comte de Cobenzl et des ministres de toutes les cours qui attendent leur prospérité de la France. Tant il est vrai que dans les passions des états comme dans celles des particuliers l'intérêt personnel où la crainte se soumettent à toutes les humiliations utiles et la dignité devient un mot aussi vide de sens que d'application. Cette refléxion est bien ancienne sans doute, mais elle met dans son véritable jour la conduite du Maître que nous servons, que dirigent des principes plus nobles, une élévation sublime et je n'ai point résisté à l'attrait de la transcrire".

Въ Петербургѣ находили, что провозглашеніе новаго императорскаго титула во Франціи представляло самый удобный случай положить предѣлъ дальнѣйшимъ замысламъ Бонапарта. Министры Александра Павловича были увѣрены, что если европейскія державы единодушно рѣшатся воспользоваться настоящимъ обстоятельствомъ, чтобы наложить на тщеславіе новаго французскаго монарха извѣстныя условія, дѣло общаго замиренія могло осуществиться безъ всякихъ крайнихъ мѣръ. Признавая новый титулъ Бонапарта, слѣдовало только непремѣнно требовать отъ Франціи необходимыхъ для общаго спокойствія уступокъ и громко заявить, что безъ этого признанія не воспослѣдуетъ. Такимъ образомъ европейскія державы оградили бы свое достоинство и значительно подвинули впередъ вопросъ о европейскомъ равновѣсіи, сильно занимавшій въ то время русскій дворъ. Согласно этимъ соображеніямъ, Императоръ Александръ далъ знать Бонапарту, черезъ повѣреннаго своего въ Парижѣ, что признàетъ его императоромъ только подъ непремѣнными условіями: немедленнаго очищенія неаполитанскаго королевства и территоріи германской имперіи отъ французскихъ войскъ, а также назначенія приличнаго вознагражденія королю сардинскому за отнятый у него Піемонтъ [1]).

Дѣятельностью Разумовскаго продолжали въ Петербургѣ быть очень довольны. Депешами и донесеніями его не могли нахвалиться. Государь прочитывалъ ихъ отъ доски до доски съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, неоднократно изъявляя полное свое одобреніе. По мнѣнію Александра Павловича, графъ Андрей Кириловичъ вполнѣ понялъ роль

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 1 Іюня.

свою и всѣ поступки его совершенно согласовались съ предположеніями Государя и его доброжелательными чувствами относительно Австріи. Императора сильно тревожило отсутствіе единодушія между державами. Онъ съ горестью усматривалъ, что соперничество между Пруссіею и Австріею нисколько не уменьшалось и что каждая изъ нихъ старалась извинить свои поступки примѣромъ другой. Въ Берлинѣ со стороны Россіи сдѣланы были самыя настоятельныя представленія. Императоръ надѣялся, что вліяніе, таланты и рвеніе Разумовскаго благотворно подѣйствуютъ на рѣшенія вѣнскаго двора. Въ Петербургѣ все еще не теряли надежды, что Австрія станетъ требовать, цѣною своего признанія, выгодныя для блага германской имперіи условія. Графу Андрею Кириловичу предписано было постоянно побуждать вѣнское министерство къ единодушному дѣйствію съ Россіею и всячески удерживать его отъ рѣшительнаго отвѣта до окончанія переговоровъ, которые въ то время велъ въ Парижѣ Убри, на основаніи отправленныхъ къ нему изъ Россіи приказаній [1]). Сообщенное одновременно и Разумовскимъ и графомъ Стадіономъ извѣстіе о томъ, что Австрія хлопотала о полученіи новаго титула, произвело самое невыгодное и тягостное впечатлѣніе на русскій дворъ. Государь находилъ подобное исканіе несогласнымъ съ достоинствомъ германскаго императора; къ тому же согласіе одной Франціи, безъ участія другихъ европейскихъ государствъ, не имѣло, по мнѣнію русскаго Царя, политическаго значенія. Графу Андрею Кириловичу приказывалось объяснить вѣнскому двору, что Государь находилъ образъ его дѣйствій далеко не соотвѣтствующимъ тому, чего требовали обстоятельства. Не было никакой причины спѣшить признаніемъ. Секретныя извѣстія изъ Парижа давали поводъ предполагать, что во Франціи было много недовольныхъ и вслѣдъ за объявленіемъ имперіи, Наполеону придется поневолѣ льстить, въ ущербъ сосѣдямъ, тщеславію своихъ подданныхъ. Посолъ долженъ былъ увѣрить Кобенцеля, что русскимъ дворомъ руководили не личные разсчеты, а безопасность и выгоды Австріи. Чарторижскій не понималъ какъ вѣнскій кабинетъ, въ виду важныхъ и критическихъ обстоятельствъ того времени, могъ заниматься пустыми разсчетами тщеславія; онъ не хотѣлъ вѣрить, что габсбургскій домъ, забывъ вѣковую свою славу и природную честь, подобострастно унижался передъ Бонапартомъ. По мнѣнію русскаго министра, ничто не могло произвести болѣе пагубнаго впечатлѣнія на Европу, какъ примѣръ римскаго императора, старавшагося, съ помощью Франціи, пошатнуть внутренній строй Германіи, котораго призванъ быть первою опорою [2]).

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 3 Іюня.

[2]) Депеши Чарторижскаго отъ 7, 13 и 24 Іюня.

„Le comte de Cobenzl a différé jusqu'au dernier moment de me faire communication des objets de son expédition au comte de Stadion", доносилъ отъ 12 Іюня Разумовскій. „Il s'était jusque là renfermé dans le plus grand silence à mon égard, toutes les fois que j'avais tenté d'obtenir quelques informations de sa part. C'était donc remplir pûrement une formalité qui a été d'un usage réciproque entre nos cours, en évitant toute discussion sur les pièces dont il m'a fait lecture. En effet cette simple lecture rapide s'est prolongée fort avant dans la soirée et s'est terminée en m'annonçant que le courrier serait expédié le lendemain avant midi. Je n'entrependrai donc point, mon prince, de récapituler tout ce dont le vice-chancelier m'a fait part, il serait impossible que ma mémoire y suffise, d'ailleurs à quoi servirait cette analyse si non à constater plus positivement encore ce que j'ai déjà eu l'honneur de vous mander sur le caractère, les principes et la conduite politique de ce ministre. C'est sur cette dernière en général que je me suis permis de lui faire des observations, et j'avouerai que je n'ai pû m'empêcher de les articuler avec quelque chaleur. Je lui ai fait sentir que tout l'ensemble des raisonnements qu'on prescrivait au comte de Stadion, n'offrait en dernier résultat qu'une crainte exagérée de la France, une appréhension outrée de se compromettre avec elle et que par là même, en lui donnant de plus en plus la mesure de la faiblesse de cette cour-ci, on s'asservissait à son joug et on l'invitait pour ainsi dire à l'appesantir d'avantage, en se permettant de déployer sans réserves ses vues ambitieuses sur toute l'Europe. Le comte de Cobenzl s'est borné à me répondre par les mêmes lieux communs qui lui servent d'arguments: la détresse des finances, la mauvaise dislocation des troupes et l'assiette vicieuse d'une frontière, qui expose à tout instant les états autrichiens au danger le plus imminent de la part des Français. Je convins avec lui que ce danger était réel, mais puisque telle est, ajoutais-je, la profonde impression que vous en éprouvez, je ne vois pas quelle circonstance pourrait mettre un terme au système passif de déférence que vous avez adopté et si la France par une progression de ses entreprises et de son audace, exigeait de vous de réduire votre armée au point de lui ôter toute inquiétude, il me semble que le même motif vous forcerait encore de souscrire à ses volontés. Le comte de Cobenzl s'est toujours retranché dans la nécessité de temporiser, pour remonter les finances et se remettre en état de faire tête à la puissance française sans risquer d'être écrasé. Dans l'acte que le comte de Stadion est chargé de présenter, on a rejetté la forme de lettre autographe pour y substituer celle d'une déclaration ministerielle. Les deux points marquants par où cet acte diffère du projet que j'étais chargé de négocier sont d'abord une rédaction différente de l'ar-

ticle qui a rapport aux alliances que les deux cours se réservent de contracter et ensuite: la stipulation du nombre de troupes qu'on nous demande pour coopérer proportionellement avec celles de l'empereur-roi. Je ne m'étendrai pas sur la proposition accessoire et séparée qu'on nous fait relativement à l'Italie. C'est objet tout neuf, dont on ne m'avait jamais parlé demande à être médité... Sur ce point comme sur tous les autres le cabinet de Vienne ne cherche qu'à gagner du temps... Quant à la négociation entamée au sujet du titre de Bonaparte, sans parler de l'alternative à laquelle on en soumet la reconnaisance, quelque en soit le résultat, quand même Bonaparte ne daignerait point acquiescer à la demande mise en avant par cette cour-ci, il n'en sera pas moins reconnu dans la dignité éminente qu'il a osé s'arroger et un mot de sa part consommera cette nouvelle humiliation de la maison d'Autriche au scandale éternel de sa gloire et de sa dignité".

„Les ouvertures de ce cabinet-ci", писалъ далѣе отъ 14 Іюня графъ Андрей Кириловичъ, „portaient sur l'importance de donner un assentiment formel à un acte qui déterminait dans la famille de Bonaparte l'hérédité d'une dignité qui, étant élective dans l'empire germanique, n'était que précaire dans la maison d'Autriche. Elles annonçaient que la détermination, à laquelle on pourrait se rendre, devait être compensée par des avantages proportionnés, parmi lesquels la fixation de l'hérédité de la couronne dans la maison d'Autriche prenait la première place. Cette condition, qui a servi aux explications, n'éprouve pas de contradiction. Les instances de Champagny ont été pressantes et continuelles et il s'offrit de souscrire aux conditions proposées par cette cour-ci, pourvu qu'elle se hatât de conclure. Dans cet état de choses la reconnaissance eût été déjà émise, si deux incidents n'avaient rendu au ministère timoré une espèce d'énergie dans son opposition et de courage pour l'avenir. Le premier est dans la forme de la promesse du gouvernement français qui n'est qu'éventuelle, ne stipule pas pour un acte instantané, mais dit qu'au cas où la couronne sortit de la dynastie autrichienne, la France travaillerait à l'y faire rentrer. L'autre est le commencement des agitations qui se sont manifestées à Paris. Vous ne doutez pas, mon prince, que j'ai saisi vivement l'occasion que me fournissait l'entretien et les communications du comte de Cobenzl pour peindre de nouveau avec les couleurs les plus fortes l'humiliation dont se couvrirait son maître, en reconnaissant pour son égal un aventurier, qui a osé s'asseoir parmi les souverains du premier rang, et pour exciter cette première étincelle de courage".

„Le comte de Cobenzl [1]) me dit avec l'abondance qui ne le quitte

[1]) Депеша отъ 18 Іюня.

jamais dans des situations semblables... que l'empereur se chargeait de réclamer près du gouvernement français la satisfaction due à l'empire pour la violation de son territoire. Vous reconnaitrez, mon prince, dans cette détermination des éléments qu'il est essentiel de ne pas laisser refroidir pour les façonner à ce que les circonstances peuvent exiger, en partant du principe de tirer d'évènements prépondérants tout le parti qu'ils peuvent comporter. De ce premier point sur lequel v. e. voit que je n'ai obtenu que des réponses cathégoriques et satisfaisantes, je passai à celui de la reconnaissance de Bonaparte en qualité d'empereur. Je présentai cette question sous les points de vue dont elle a été envisagée à St.-Pétersbourg. J'observai au vice-chancelier, en continuant à m'astreindre aux principes de notre cour, que les conditions auxquelles les puissances de premier ordre pourraient y consentir devaient être justifiées par celles du bien commun de l'Europe en bornant l'ambition démesurée du chef du gouvernement français, en la fixant dans des limites moins pernicieuses à l'equilibre général pour prix du sacrifice inoui qui lui serait fait de la part des dynasties impériales. Je traçais alors au comte de Cobenzl les trois conditions principales auxquelles notre auguste Maître consentirait à reconnaitre Bonaparte. Le vice-chancelier les coucha par écrit pour les communiquer à l'empereur. Mais c'est en vain que j'essayai de connaitre son opinion sur celles que déterminerait sa cour. Il se retrancha dans sa formule de situation qu'il ne pouvait à cet égard me donner aucune réponse sans avoir préliminairement pris les ordres de l'empereur. Mais pour m'avoir refusé un aveu déterminé, il n'en fût que plus empressé dans les assurances secondaires".

„J'ai poussé [1]) autant qu'il a été dans mon pouvoir, le cabinet autrichien de trainer en longueur l'affaire de la reconnaissance de Bonaparte... Aucun entretien, par la nature même de la question, ne pouvait me fournir une occasion plus opportune de rappeler encore une fois au vice-chancelier tout ce que je lui avais exposé à différentes reprises de la nécessité d'agir de concert dans une situation aussi importante. Je lui confiai que notre chargé d'affaires à Paris allait s'expliquer sur les conditions auxquelles mon Maître pourrait consentir à reconnaitre l'empereur des français, que m. Oubril serait dans le cas peut-être de demander les conseils de l'ambassadeur [2]) et qu'il me paraissait bien essentiel que ce dernier reçut à cet égard des ordres et des instructions. Mes remontrances pressantes demeurèrent sans effet. Le comte de Cobenzl me répondit: que le cas était trop grave,

[1]) Депеша отъ 23 Іюня.

[2]) Графъ Ф. Кобенцель.

qu'il fallait qu'il fût médité... Je lui objectai qu'il m'avait promis dès l'origine que sa cour n'agirait qu'après avoir connu les intentions de la mienne, que je les lui avais confiées et qu'il était juste qu'à son tour il me fit pressentir du moins leurs conditions. Il me repliqua que la chose n'était pas en son pouvoir parceque l'empereur n'avait pas encore fixé son opinion... J'ai continué jusqu'au dégout peut-être des détails qui partent et reviennent toujours au même point. Mais ils étaient nécessaires pour prouver, à la fois, l'attaque suivie dont j'ai entouré le vice-chancelier et le silence opiniâtre derrière lequel il est demeuré retranché! Cette conduite, combinée avec le désir violent de Bonaparte d'obtenir l'acte de sa reconnaissance, me semble ne laisser d'autre perspective que celle de l'assentiment de cette cour-ci beaucoup plus prochain qu'il n'aurait du l'être... Lorsque les évènements les plus inouis menacent la liberté de l'Europe, la politique minutieuse de la maison d'Autriche combine paisiblement des petits intérêts domestiques, sans que l'on parvienne à lui inspirer l'élan de dignité et la fermeté nécessaire dans les circonstances aussi décisives".

„Je ne crois pas pouvoir douter [1]) que la condition de la réciprocité de la dignité impériale dans la maison d'Autriche sera la seule à laquelle on s'attachera en dernière analyse. Ceci exige cependant quelques remarques séparées sur la détermination même de cette condition. Les ouvertures faites par Champagny et le vague des expressions, qui constituent cette close, sembleraient indiquer qu'il fût question pûrement et simplement d'attribuer et de garantir la dignité impériale d'Allemagne dans la maison d'Autriche. Il s'agit au contraire de déclarer et de reconnaitre la dignité impériale comme inhérante à la maison d'Autriche du titre même de ses possessions et de voir revêtu pour toujours de ses prérogatives et de ses attributs le chef de cette maison. Un des motifs principaux qui a déterminé le cabinet impérial dans cette demande, est celui de parité de rang qui en doit résulter entre la maison archiducale et la nouvelle maison (puisqu'enfin il faut se servir de l'expression dans une donnée hypothétique) de France. La condition de la dignité impériale en Allemagne serait toujours précaire, parcequ'elle serait toujours contestable, dépendant à chaque renouvellement du trône d'un nouveau caprice de la France, tandis qu'un caractère propre affecté à la souche ne pourrait jamais l'exposer à tomber hors de la ligne de considération relative, qu'elle veut conserver à l'égard de la France. La maison d'Autriche est si convaincue dans ce moment-ci de la nécessité d'assimiler en rang les autres monarques à Bonaparte, qu'elle verrait avec plaisir que l'Espagne, l'An-

[1]) Депеша отъ 3 Іюля.

gleterre et tous les autres états, qui ont une représentation et une masse de puissance suffisante, en fassent autant. Il est de fait que ce serait déjouer la préséance à laquelle il songe depuis longtemps dans le silence de son insatiable ambition. Mais le cabinet qui met une ressource de ce genre à la place du langage et de l'action qui lui conviendraient, n'a-t-il pas donné toute la mesure de sa faiblesse? Cependant il aura peut être opéré une fois par l'excés de sa crainte ce que tout autre moyen n'eût point arraché aux circonstances actuelles. Effectivement, que Bonaparte devine l'arrière projet de la proposition de cette cour-ci, et certainement elle n'aurait pas pû mettre en avant un palliatif mieux fait pour trainer en longueur l'affaire de la reconnaissance. L'état même de la question présente d'ailleurs toutes les ressources qui pourraient en résulter pour le bien public. Cette raison m'a décidé à moins combattre le principe d'une seule condition, quoique je dusse porter le cabinet impérial à multiplier autant que possible celles exigibles pour le sacrifice à faire à l'usurpateur. Elle promet du moins un espoir, alors que la terreur lie toutes les volontés, paralyse les remontrances, rend sourd à la voix de la vérité. Car il semblerait, à chaque proposition que l'on fait à la cour impériale sur ce que son rang et sa dignité exigeraient d'elle, qu'elle voit déjà les bataillons français sur son territoire venger par le fer et le sang la pensée la plus reculée d'un refus aux volontés de Bonaparte, ou d'une attitude de fermeté. C'est en suivant la chaine incommensurable de complaisances que cette conduite appesentira sur son maître, que je demandai au comte de Cobenzl quel était le point où elle se terminerait? Nous en étions alors aux observations générales sur la situation de l'Italie et il m'avait dit que jamais ils ne pourraient consentir à la domination en Italie concentrée dans la personne de l'empereur et réunie à l'empire des français. Je crus saisir enfin le cercle où s'attacherait un aveu, une promesse, une assurance de la part du ministre. Je le fixai sur ce point, je lui demandai si ce serait là le motif final qui pourrait les décider à s'armer pour repousser tant de violences et d'usurpations. Mais ici encore une fois toute la légion des faux fuyants se présenta avec ses tergiversations. Je ne fus que plus exact à observer et je hazarde enfin, et pour la première fois, une conjecture probable c'est que la réunion de l'Italie à l'empire français révolterait assez pour tirer de son humiliante apathie un corps dont on s'exagère la faiblesse, parceque les calculs en ont été faits par des esprits subjugés qui ont perdu leur ressort comme leur activité. Ce n'est point que le comte de Cobenzl ne parle lui-même du danger auquel ce système tout subordonné qu'il est, les expose à chaque minute. Il m'a répété encore qu'il était sûr que les coups

de la France tomberaient sur eux au moment où ils s'y attendraient le moins; qu'il etait donc essentiel de tirer parti des circonstances. Il croit qu'elles seraient favorables à une pacification générale qui donnerait le temps aux états de travailler à leur régénération intérieure et à l'affermissement de leurs moyens ce qui seul établirait pour l'avenir une ligne puissante contre la France. Je rapporte ces observations du vice-chancelier et ce qu'il y a ajouté sur le rôle élevé dont s'est chargé la Russie, de ses voeux pour que l'Europe en retire les fruits salutaires, comme des hors-d'oeuvres qui noyent le temps et qui dans dix conférences laissent à peine un intervalle pour une réalité ou deux. Mais ces hors-d'oeuvres peignent l'homme en place qui doit traiter des grands évènements de l'Europe et dès lors ils appartiennent nécessairement à mes relations".

Между тѣмъ Убри повелѣно было выѣхать изъ Парижа, коль скоро онъ удостовѣрится въ томъ, что французское правительство не намѣрено исполнять требуемыхъ русскимъ дворомъ условій. Положеніе Россіи дозволяло петербургскому кабинету прекратить дипломатическія сношенія съ Франціею, не опасаясь немедленнаго начатія войны. Государь, исполнивъ то, чего требовало его достоинство, не желалъ предпринимать дальнѣйшихъ шаговъ, до тѣхъ поръ, пока французское правительство его къ этому не принудитъ. Убри просилъ паспортовъ у французскаго министерства, но Талейранъ, не вполнѣ довѣрявшій воинственному настроенію Россіи и не терявшій надежды на мирный исходъ дѣла, уговорилъ русскаго повѣреннаго не спѣшить отъѣздомъ.

Отвѣтъ вѣнскаго двора сильно взволновалъ русское правительство. Но неблагопріятное впечатлѣніе положено было скрыть и заявленіе графа Стадіона о томъ, что императору Францу невозможно, несмотря на все его желаніе, согласиться на обмѣнъ собственноручныхъ писемъ, принято было съ убійственною холодностію. Въ то же время Разумовскому предписано было выказать полное равнодушіе къ рѣшенію австрійскаго кабинета, такъ какъ не Россіи, великодушно предлагавшей пособіе, было молить о томъ, чтобы вѣнскій дворъ его не отвергнулъ [1]). На самомъ же дѣлѣ петербургское правительство было сильно озабочено. Оно слишкомъ далеко пошло впередъ. Останавливаться было уже невозможно. Дѣятельные переговоры велись и въ Лондонѣ и въ Берлинѣ. Рядомъ съ видимымъ равнодушіемъ повелѣно было графу Андрею незамѣтно выставлять впередъ тѣ доводы, которые могли всего сильнѣе воздѣйствовать на Австрію. Между прочими отговорками вѣнскій дворъ не разъ намекалъ, черезъ графа Стадіона,

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 3 Іюля.

что онъ не прочь бы былъ дѣйствовать рѣшительнѣе, но что его останавливаютъ опасенія относительно Пруссіи. Разумовскій долженъ былъ намекнуть Кобенцелю о томъ, что на основаніи самыхъ положительныхъ данныхъ стало извѣстно, что при всякомъ оборотѣ европейскихъ дѣлъ, можно было по малой мѣрѣ разсчитывать на нейтралитетъ берлинскаго двора и что имѣлись вѣрныя свѣдѣнія о рѣшимости послѣдняго противиться всякому новому посягательству Франціи на сѣверъ Германіи. Кромѣ того вѣнскій кабинетъ прямо указывалъ, какъ на одну изъ главныхъ помѣхъ къ заключенію договора, отказъ Россіи увеличить число предлагаемаго ею на подмогу войска. Графу Андрею Кириловичу предписано было объяснить, что Государь вполнѣ сознавалъ необходимость выставить ровное съ непріятелемъ число войскъ, но что предлагаемыя имъ средства вполнѣ достаточны для успѣшной борьбы съ Бонапартомъ. Изъ Петербурга указывали, что война съ Англіею отвлекала много силъ у Франціи и что кромѣ того войска ея требовались для поддержанія внутренняго порядка, далеко, какъ сообщали сами австрійскіе министры, еще не установившагося. Послу указывалось еще на то, что Россія вооружалась не только на сушѣ, но и на морѣ и что въ то время, какъ она готовила 100,000-ное войско для освобожденія Германіи и Италіи отъ французскаго ига, флотъ ея долженъ былъ выступить въ Балтійское море, для защищенія тамошняго прибрежья и крейсированія въ нѣмецкихъ водахъ. Все это въ Вѣнѣ забывали, а это, однако, доказывало какъ близко русскій Императоръ принимаетъ къ сердцу выгоды Европы. Послѣ этихъ обѣщаній можно ли было сомнѣваться въ томъ, что, въ случаѣ нужды, Россія остановится передъ новыми жертвами? Благодаря дѣятельности русскаго двора, Швеція уже заявила свою готовность принять участіе въ предполагаемой коалиціи, а съ англійскимъ дворомъ велись переговоры о субсидіяхъ. На подмогу къ графу С. Р. Воронцову отправленъ былъ въ Лондонъ любимецъ Государя Н. Н. Новосильцовъ. Уже теперь, когда переговоры съ С.-Джемскимъ дворомъ едва начались, петербургскій кабинетъ могъ ручаться за то, что британское правительство согласно ссудить Австріи два милліона фунтовъ стерлинговъ ежегодно на военные расходы, съ тѣмъ только, чтобы она не теряла времени на ненужные переговоры. Этимъ устранялось одно изъ главнѣйшихъ извиненій вѣнскаго двора въ бездѣйствіи, такъ какъ каждое сообщеніе графа Стадіона и каждая депеша вице-канцлера Кобенцеля заканчивались горькими жалобами на недостатокъ въ деньгахъ. Кромѣ этого имѣлась еще въ виду надежда получить отъ Англіи для военныхъ приготовленій, сверхъ вышеозначеннаго ежегоднаго пособія, значительную ссуду впередъ до формальнаго заключенія трактата о субсидіяхъ. Такимъ

образомъ Австрія могла до времени содержать свои планы въ глубочайшей тайнѣ и исподоволь незамѣтно готовиться къ войнѣ [1]). Всѣ эти сообщенія, которыя Разумовскій, мало-по-малу, ловко передавалъ вице-канцлеру, давая понимать, что удобное время къ совмѣстному дѣйствію уже пришло, возбуждали сильное недоумѣніе въ душѣ графа Кобенцеля. Онъ охотно прислушивался къ рѣчамъ русскаго посла, который между тѣмъ, какъ-бы ненарокомъ, упоминалъ о томъ, что Австрія могла бы поживиться не малыми пріобрѣтеніями въ случаѣ счастливаго окончанія войны и съ умысломъ неоднократно наводилъ разговоръ на Италію. Въ настоящую пору югъ Италіи обращалъ на себя особенное вниманіе русскаго двора. Графу Андрею Кириловичу сообщали изъ Петербурга, что такъ какъ Государю стоило не малаго труда добыть отъ Англіи денегъ для Австріи, то онъ, въ случаѣ если послу удастся подвинуть вѣнскій дворъ къ рѣшительному шагу, желалъ, чтобы послѣдній включилъ въ casus foederis тотъ случай, если Бонапартъ займетъ остальную часть неаполитанскаго королевства и принудитъ Россію отразить натискъ его силою оружія. Въ то время Іоническіе острова заняты были русскими войсками и тамъ готовился отрядъ, который въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій долженъ былъ высадиться на неаполитанскій берегъ и спѣшить на помощь королю обѣихъ Сицилій. Отважному нападенію на югъ Италіи, въ то время, когда на сѣверѣ ея должны были сосредоточиться весьма значительныя австрійскія силы, плохо вѣрили въ Петербургѣ, но отъ предпріимчивости Бонапарта всего можно было ожидать, и Государь желалъ оградить отъ всякихъ случайностей заброшенный на югѣ, вдали отъ Россіи, незначительный отрядъ. Къ тому же, буде французы рѣшились на подобное нападеніе, то такое новое нарушеніе международнаго права представляло Австріи вполнѣ законный поводъ къ разрыву съ французскою имперіею [2]).

Разумовскій не щадилъ ни усилій, ни хитрости. Ему помогали и Генцъ и Малліа. Вице-канцлеръ часто совѣщался съ посломъ и, какъ казалось, мало-по-малу поддавался его вліянію. Изъ Петербурга напряженно слѣдили за переговорами, происходившими въ Вѣнѣ и рукоплескали успѣхамъ посла.

„C'est avec un plaisir bien sincère", писалъ къ Разумовскому Чарторижскій, „qu'étant témoin de la justice que S. M. I. rend à votre zèle et à votre habileté, je me vois chargé de vous transmettre l'assurance de ses sentiments bienveillants à votre égard".

„Il est un objet dans vos dépêches", отвѣчалъ на слова эти графъ

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 31 Іюля.

[2]) Тамъ же.

Андрей Кириловичъ, „à l'égard duquel je ne saurais mettre trop d'empressement à exprimer la profonde émotion dont j'ai été pénétré. S. M. I. a daigné approuver ma conduite, elle vous a chargé, mon prince, de me le témoigner dans des termes aussi honorables que flatteurs. Veuillez être l'interprète de ma respectueuse et profonde reconnaissance. Portez aux pieds de notre excellent Maître l'hommage de ces sentiments. Joignez y celui de mon inaltérable dévouement et du bonheur que j'éprouverai, tant qu'il sera en mon pouvoir, de lui consacrer ma vie et mes faibles moyens et de me rendre digne de son approbation et de son inappréciable bienveillance. J'éprouve une double satisfaction, mon prince, et de consigner ici l'épanchement de mon coeur et de ce que vous en soyez l'organe auprès de S. M. I."

Убѣжденія Разумовскаго, наконецъ, возъимѣли дѣйствіе на вѣнскій дворъ. Послу графу Стадіону отправлено было предписаніе войти въ соглашеніе съ петербургскимъ кабинетомъ относительно совмѣстныхъ дѣйствій противъ Франціи. Въ Петербургѣ были въ восторгѣ. Но это была не болѣе какъ одна изъ тѣхъ лживыхъ надеждъ, столь часто подаваемыхъ Австріею и столь же часто превращавшихся въ горькое разочарованіе.

Австрійскій посолъ графъ Стадіонъ случайно узналъ объ условіяхъ, отправленныхъ къ Убри въ Парижъ и вслѣдствіе этого наотрѣзъ отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что самый фактъ отправленія этого документа совершенно измѣнялъ политическое положеніе Европы. Австрія соглашалась вести переговоры въ глубокой тайнѣ, теперь же, послѣ открытаго вызова, брошеннаго Россіею Бонапарту, всякое сообщеніе между Вѣною и Петербургомъ должно было обратить на себя подозрительное вниманіе владыки Франціи. Съ трудомъ сооружаемое зданіе оборонительнаго союза внезапно рушилось въ то мгновеніе, когда, наконецъ, послѣ столькихъ трудовъ, удалось заручиться согласіемъ вѣнскаго кабинета. Напрасно старался уговорить Стадіона Чарторижскій, онъ принужденъ былъ обращаться съ нотами къ вѣнскому двору и черезъ Разумовскаго хлопотать объ обузданіи строптиваго дипломата. Не мало пришлось снова потрудиться графу Андрею Кириловичу. Кобенцель видимо раскаявался въ поспѣшно данномъ обѣщаніи и хотя Стадіону сдѣлано было должное внушеніе, однако, несомнѣнно на него въ Вѣнѣ не негодовали и за переговоры принялись какъ-то вяло и нерѣшительно. Разумовскому не удалось даже удержать Франца II отъ признанія Бонапарта императоромъ. Все это болѣзненно отзывалось на душѣ русскаго посла. Какъ ни легко казалось съ перваго взгляда сохранить дружественныя отношенія между императорскими дворами въ то время, когда Россія съ такою настойчивостью и такимъ безкоры-

стіемъ навязывала Австріи вооруженный союзъ, однако, на повѣркѣ дѣло это оказывалось весьма мудренымъ. На каждомъ шагу встрѣчались нежданныя затрудненія. Малодушіе и нерѣшительность вѣнскаго двора не разъ возмущали петербургскій кабинетъ; Государь бывалъ сильно возстановленъ противъ своего союзника, а всякимъ охлажденіемъ между Россіею и Австріею могло легко воспользоваться французское правительство. Разумовскій съ замѣчательною осторожностію и ловкостью велъ свое дѣло. Умѣстнымъ намекомъ, кстати написаннымъ донесеніемъ умѣлъ онъ разгонять гнѣвъ своего Государя, а Чарторижскаго завѣрить, что нужно только терпѣніе, что рано или поздно Австрія убѣдится въ необходимости войны. Голосъ русскаго посла съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ болѣе вѣсу въ Вѣнѣ. Императоръ Францъ охотно внималъ умнымъ и пріятнымъ рѣчамъ, и хотя не всегда слѣдовалъ совѣтамъ графа Андрея Кириловича, однако, питалъ глубокое уваженіе къ его умственнымъ и дипломатическимъ способностямъ. Слабохарактерный Кобенцель, на оборотъ, избѣгалъ въ затруднительныя минуты Разумовскаго, ибо боялся его рѣзкихъ замѣчаній и строго-логичныхъ выводовъ. На счастіе графа Андрея Кириловича, при русскомъ дворѣ находился въ то время военнымъ агентомъ австрійскій полковникъ Штутергеймъ, къ которому Императоръ Александръ былъ очень благорасположенъ и съ которымъ онъ охотнѣе и откровеннѣе говорилъ чѣмъ съ Стадіономъ. Штутергеймъ умѣлъ объясняться съ Государемъ и часто въ неоффиціальной бесѣдѣ исправлялъ промахи посла. Ловкость и тактъ Штутергейма въ Петербургѣ облегчали Разумовскому задачу въ Вѣнѣ. Депеши посла за послѣднее время стали объемистѣе и высылались чаще. Онъ сообщалъ подробно и правдиво все то, что происходило въ Вѣнѣ, ничего не скрывая и ничего не прибавляя.

„J'ai communiqué au ministère la note française du 25 Floréal", доносилъ онъ Чарторижскому отъ 20 Іюля, „en réponse à celle du sieur Oubril sur l'affaire d'Ettenheim et le projet de contre-note expédié à ce dernier en date du 22 Juin. Elles ont été reçues ici avec des témoignages non équivoques de reconnaissance et d'interêt. S. M. les a lues avec les sentiments divers que doivent inspirer l'une et l'autre. Je ne parlerai pas de sa profonde indignation du contenu de la note française, j'ai plus à coeur, mon prince, de vous exprimer l'impression qu'a produite celle de notre cabinet et S. M. a chargé le vice-chancelier d'en etre l'interprète. L'empereur en a apprécié la force, l'élévation et la justesse. Il a regretté que sa situation particulière et celles de ses états, ne lui permit point d'adopter un langage qu'il partage au fond de son coeur, mais que contiennent trop de circonstances imminentes. A ces assurances le vice-chancelier joignit ses remarques particu-

lières. Il me dit qu'il serait bien à désirer pour l'esprit de l'Europe, que ces deux notes, livrées à l'impression fussent destinées à une publicité qui releverait encore la vérité des faits, la pureté, la loyauté de nos principes et les éléments si fort contrastants de la conduite des français. Ces explications tenaient de trop près à l'affaire de la reconnaissance, pour qu'il n'en fût pas question et m. de Cobenzl se vit forcé de m'avouer que le dernier courrier de Paris avait apporté l'ultimatum de Bonaparte. Il adhère à la proposition de cette cour-ci d'affecter l'hérédité impériale à la maison royale et archiducale d'Autriche, d'établir et de reconnaitre par là le rang qui en dérive par la parité demandée, mais il adhère à cette condition avec l'instance d'un homme pressé de terminer et de jouir. Champagny est autorisé à signer l'acte constitutif de cette reconnaissance réciproque, cependant si, immédiatement après ses ouvertures à cet égard, on ne procède pas à sa rédaction, il a l'ordre de quitter Vienne et de déclarer que l'ambassadeur comte de Cobenzl ne pourrait point séjourner plus longtemps à Paris. Cette conduite décidera donc cette cour-ci et c'est en vain que j'ai renouvellé mes remontrances sur la nécessité de temporiser encore et de voir venir les choses pour en tirer un meillèur parti. L'objection indestructible du ministère autrichien est, que Bonaparte, maitre de jetter en très peu de temps une masse imposante sur le territoire de l'Autriche, on en aurait éprouvé les atteintes funestes, avant d'avoir eû le temps de se recueillir, trop heureux un jour de reconquérir ce qui aura été envahi; que notre attitude présente, par rapport à la France, rendait leur situation plus difficile encore, et que les premières suites de l'effet, que produirait notre dernier office sur l'esprit de Bonaparte, seraient indubitablement de faire tomber ses coups sur ceux des amis de la Russie qui lui auraient refusé à ce qu'il exigeait d'eux au moment où il se couvrait du bandeau impérial. Il va donc être consommé cet acte de reconnaissance, dont je me suis appliqué à retarder du moins la conclusion... J'ai cru devoir me borner à en indiquer la substance, j'ai exposé de même l'impossibilité de suspendre d'avantage une démarche commandée, comme on l'est convaincu ici, par des circonstances qui n'admettent ni supterfuge, ni alternative".

„C'est en sortant d'une conférence que m'avait été assignée par le vice-chancelier", писалъ далѣе отъ 29 Іюля графъ Андрей Кириловичъ, „que je me hâte de rédiger ce rapport sommaire. Le comte de Cobenzl avait destiné l'entrevue à la lecture de ses dépêches déjà prêtes à être expédiées et par principe et par système je n'ai pas voulu retarder son exprès. L'expédition d'aujourd'hui est destinée à montrer au comte de Stadion jusqu'à quel point son maître désaprouve la conduite, si peu conforme à ses instructions, qu'il a osé adopter, lors qu'il

eût connaissance de notre office du 22 Juin vis-à-vis du cabinet français, connaissance qui a retenu et empêché de procéder à la discussion des ordres formels, qui lui avaient été transmis sur les engagements à arrêter et à signer entre les deux cours... Un point des injonctions, ou plustôt des instructions renouvellées à l'ambassadeur impérial, m'a paru fait pour être rapporté plus particulièrement. C'est celui où on lui marque: que si la situation relative de sa cour à l'égard de la France, celle de l'intérieur et des circonstances exigent les plus grands ménagements avec cette puissance inquiète, altière et vindicative, ces ménagements ne peuvent et ne doivent jamais porter atteinte au système d'amitié, d'union, de déférence et d'attachement qui unit la Russie à l'Autriche et qui servira toujours de règle à cette dernière. D'après ce que j'ai entendu et d'après ce que je viens d'exposer, je dois croire que le comte de Stadion reprendra incessament une discussion qu'il a abandonnée par une timidité, dont je ne l'aurais jamais soupçonné et à laquelle il donnerait en vain le nom de prudence, puisqu'il était en possession d'ordres positifs et contraires à cette conduite".

„Chaque page de mes rapports [1]) vous a fourni la preuve, que depuis l'instant que la question de cette reconnaissance de l'hérédité de la dignité impériale dans la famille de Bonaparte s'est trouvée sur le tapis, j'ai employé tous mes soins à en suspendre la décision. Vous avez vû mes remontrances, mes démarches instantes, mais inutiles à cet égard, cependant, dès mes premières relations, v. e. aura pû juger que lorsque la France l'exigerait, la transaction serait arrêtée. Cette triste vérité s'est réalisée et elle l'est sans retour. Cela ne m'a point empêché de communiquer à l'instant même votre dépêche du 13 Juillet au vice-chancelier. Je lui en donnai même une copie littérale, parceque les vérités qu'elle renferme devraient être gravées en caractères indélibiles dans tous les cabinets de l'Europe. J'y joignis mes remarques particulières, et la gravité du sujet et les circonstances m'en fournissaient d'abondance. Je vais rapporter succinctement la réponse de m. de Cobenzl à cet égard. Elle consiste dans la reproduction des raisonnements si souvent employés, de la situation relative des états de l'empereur, que leur contiguité avec la France, les congés illimités accordés dans l'armée, sa dislocation, le dérangement dans les finances exposent à chaque heure à un danger imminent et inévitable. Mais que cette situation ne les empêchait pas de faire des voeux pour la conduite sublime de notre Maître, qu'elle avait exité ici l'enthousiasme de l'admiration et que l'on était forcé de se borner à ce sentiment tacite...

[1]) Депеша отъ 3 Августа.

Le pas est fait et songer à un mouvement rétrograde, ce serait s'abuser inutilement. On s'est persuadé pour le moment, qu'on est trop faible pour refuser à Bonaparte les petits sacrifices de rang et d'étiquette qu'il exige. Il est douteux cependant, qu'il eût osé les révendiquer à main armée. Mais quand l'axiome démontré par l'histoire de tous les temps: „qu'une nation combât toujours avec utilité quand elle combât avec gloire, parcequ'elle donne le temps de rallier à elle les puissances qui ont le même intérêt à défendre" n'est pas la base d'un système, il est difficile de retènir le tribut excessif que le fort impose à celui qui s'est déclaré le faible".

„Je me suis acquitté sur le changement [1]) que pourraient faire subir à l'Italie les vues ambitieuses de la France, des ordres qu'il a plu à S. M. de me faire parvenir. Le comte de Cobenzl a reçu cette partie des communications, que j'avais à lui faire, avec un intérêt et une satisfaction toutes particulières. Parmi les considérations politiques, qui peuvent occuper la vigilance des cabinets dans la crise actuelle, il n'en est point de plus importantes pour celui de Vienne, que le sort de l'Italie et c'est le seul point sur lequel, d'après ce que m'a dit m. de Cobenzl, cette cour-ci, malgré ses ménagements et sa circonspection vis-à-vis de la France, s'est permis de faire articuler par son ambassadeur à Paris, quelques espérances que le gouvernement français respecterait l'indépendance de cette partie de l'Europe. Il est assez singulier de qualifier ainsi la position actuelle des états de l'Italie, gardée de tous côtés par des soldats français, exposée à tout instant à l'invasion d'une puissance qui ne redoute aucune entrave à tout ce qu'elle voudrait entreprendre. Le comte de Cobenzl m'a répété encore que si cette soit-disante indépendance était enfreinte et que l'Italie devint d'une manière ou d'autre plus directement soumise à la domination de Bonaparte, la cour de Vienne ne verrait point avec indifférence un tel évènement et s'opposerait avec toute l'activité de ses moyens à en empêcher l'accomplissement. Voila donc, mon prince, quel peut être le terme de la conduite passive et de la résignation de la cour de Vienne vis-à-vis de la France. On ne saurait douter que Bonaparte ne porte ses vues sur l'Italie et que cette superbe contrée ne lui tienne fort à coeur, dans les grands résultats que medite son ambition. Sera-t-il contenu par l'ombrage qu'il donne à la cour de Vienne? Ou bien cette dernière sera-t-elle intimidée par la hardiesse et l'audace qu'il mettra dans ses projets et dans leur exécution? C'est ce que le temps nous apprendra à connaitre".

Между тѣмъ императоръ Францъ, въ засѣданіи чрезвычайнаго со-

[1]) Депеша отъ 12 Августа.

вѣта, на которомъ присутствовали эрцгерцоги Карлъ и палатинъ венгерскій, всѣ министры, оберъ-гофмейстеръ австрійскаго двора и три венгерскихъ барона, провозгласилъ себя наслѣдственнымъ императоромъ австрійскимъ. Два дня позднѣе рѣшеніе было объявлено всенародно. Въ Вѣнѣ оно не произвело особеннаго впечатлѣнія. Австрійскіе эрцгерцоги были недовольны и протестовали. Титулъ императорскаго высочества признанъ былъ только за прямою линіею императора Франца. Его братья и дядя оставались королевскими высочествами и такимъ образомъ уступали шагъ семейству Бонапартовъ, всѣ члены котораго признаны были императорскими принцами. Австрійскій дворъ старался успокоить эрцгерцоговъ, объяснивъ имъ, что подобное ограниченіе сдѣлано было въ виду чрезмѣрныхъ требованій курфюрстовъ, которые всѣ хотѣли заручиться правами коронованныхъ особъ. Общество и народъ отнеслись къ дѣлу равнодушно, однако по Вѣнѣ ходили толки о томъ, что нечего было добиваться новыхъ титуловъ, когда ощущался общій недостатокъ въ деньгахъ и государственныя бумаги пали на 30%. Графу Стадіону предписано было добиваться у русскаго двора признанія новаго австрійскаго титула. Въ инструкціяхъ, къ нему отправленныхъ по этому случаю, намекалось на то, что недовольство во Франціи усиливается и что даже въ рядахъ арміи слышится ропотъ. Такимъ благопріятнымъ настроеніемъ, по мнѣнію австрійскаго вице-канцлера, не слѣдовало пренебрегать, но необходимо было дать этимъ зародышамъ разростись и до тѣхъ поръ не возбуждать подозрительности Бонапарта. Такой ни къ чему не обязывавшій намекъ, послѣ даннаго Австріею слова приступить къ соглашенію, сильно возбудилъ умы въ Петербургѣ. О признаніи Наполеона императоромъ узнали тамъ съ грустью и негодованіемъ. Такая поспѣшность, по мнѣнію русскаго двора, могла имѣть самыя гибельныя послѣдствія для праваго дѣла и прямо противорѣчила сдѣланнымъ Россіею представленіямъ. Государь, не разъ выражавшій свое мнѣніе касательно императорскаго титула Бонапарта, не могъ теперь ради Австріи измѣнить своего образа мыслей, а такъ какъ свое собственное признаніе она неразрывно связала съ признаніемъ Бонапарта, то русскій дворъ рѣшилъ до времени не изъявлять на это своего согласія. Императорскій кабинетъ не думалъ ставить императора Франца на одну доску съ Наполеономъ, но признать перваго, отказавъ послѣднему, было бы крайне непослѣдовательно. Подобный отказъ могъ, къ тому же, быть объясненъ личною враждою Александра Павловича къ Бонапарту, чего всячески желали избѣгнуть въ Петербургѣ. Вслѣдствіе вышеприведенныхъ соображеній Стадіону объявленъ былъ формальный отказъ, но при этомъ ему сообщили, что дружественное расположеніе русскаго Императора къ Австріи, вслѣдствіе этого рѣ-

шенія не измѣнится. Государь, объяснялъ австрійскому послу Чарторижскій, продолжаетъ твердо вѣрить, что его римское величество вскорѣ дастъ волю тѣмъ благороднымъ чувствамъ, которыя онъ скрываетъ въ сердцѣ своемъ и рѣшится торжественно заявить о дружбѣ и единствѣ видовъ, соединяющихъ оба императорскихъ двора. При этомъ русскій министръ подчеркнулъ, что подкрѣпленіе добрыхъ и безкорыстныхъ чувствъ Россіи зависитъ теперь единственно отъ вѣнскаго кабинета. Разумовскому предписывалось строго держаться полученныхъ имъ предписаній. Затрудненій касательно придворнаго этикета не предвидѣлось. Посолъ долженъ былъ держать себя при дворѣ австрійскомъ, какъ держалъ себя до сего времени, не признавая совершившихся перемѣнъ. Касательно французскаго посла, объ отношеніяхъ къ которому графъ Андрей Кириловичъ требовалъ указаній изъ Петербурга, ему отвѣчено было, что такъ какъ Ренваль покинулъ Петербургъ, а Убри, наконецъ, выѣхалъ изъ Парижа, то о сношеніяхъ съ французскимъ посломъ не могло быть уже рѣчи. Разумовскому при этомъ приказано было отклонять вѣнскій дворъ отъ мысли высылать графу Стадіону новыя довѣрительныя грамоты или же принимать другой какой оффиціальный шагъ, по случаю новаго титула, такъ какъ всякое подобнаго рода дѣйствіе заставитъ русское правительство публично и формально отказать Австріи въ признаніи. Этого Государь желалъ избѣгнуть; но въ то же время онъ обѣщался не влiять на рѣшеніе другихъ союзныхъ дворовъ, которымъ въ случаѣ запроса будетъ отвѣчено, что Россія, не признавъ происшедшей во Франціи перемѣны, считаетъ приличнымъ точно также воздержаться относительно Австріи [1]. „L'empereur", писалъ при этомъ шифромъ Чарторижскій Разумовскому", „a été très satisfait de ce que v. e. a relevé dans sa conférence avec le comte de Cobenzl l'inconvenance du passage dans le manifeste de la cour d'Autriche, où Pierre le Grand est cité avec Bonaparte comme exemple de ce qui vient de se passer à Vienne. Je ne vous cacherai pas que cette manière de mettre en parallèle un souverain légitime avec un usurpateur a dû être sensible à S. M. I. et n'a pu que contribuer à lui faire suivre la règle de conduite qu'elle s'est prescrite dans cette affaire".

Отказъ Россіи произвелъ весьма сильное впечатлѣніе на вѣнскій дворъ. „Je n'ai pas dans mon entretien avec m. de Cobenzl", шифромъ доносилъ въ Петербургъ отъ 17 Сентября Разумовскій, „donné à ce ministre le conseil de ne point envoyer de nouvelles créances au comte de Stadion, par ce que j'ai la certitude qu'il n'y pensait pas. Il est trop consterné du refus fait à leur ambassadeur d'accepter les lettres

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 24 Августа.

de notification de la pragmatique relative à la nouvelle dignité impériale héréditaire dans la branche régnante d'Autriche, pour songer à donner une suite aussi aventurée à ses premières démarches. Il a d'ailleurs déjà fait parvenir des instructions à ce sujet au comte de Stadion, d'après lesquelles les lettres de notification mêmes doivent rester en dépôt jusqu'à ce que des circonstances différentes leur promettent un accueil assuré".

Вице-канцлеръ былъ видимо смущенъ твердымъ тономъ петербургскаго кабинета. Къ тому же Разумовскій безпрестанно намекалъ на опасность, которая грозила Австріи съ юга. Посолъ не забывалъ словъ Кобенцеля на счетъ того, что вѣнскій дворъ никогда не допуститъ покушенія на независимость Италіи. Этимъ признаніемъ графъ Андрей Кириловичъ ловко теперь пользовался и всѣ политическіе разговоры свои сводилъ на Апеннинскій полуостровъ, который по крайнему его убѣжденію и, притомъ весьма скоро, долженъ былъ сдѣлаться добычею Франціи. Этимъ Разумовскій затрогивалъ самую живую струну вѣнскаго кабинета. Коль скоро ставился на очередь итальянскій вопросъ, точно электрическая струя протекала по окоченѣлымъ членамъ Австріи. Чего не могли сдѣлать частыя, настойчивыя убѣжденія, то совершили мѣтко дѣлаемые посломъ намеки и опасеніе лишиться на вѣки богатыхъ областей. Разумовскій наглядно доказалъ Кобенцелю, что императоръ французовъ не можетъ быть покровителемъ итальянской республики. Одна перемѣна роковымъ образомъ влекла за собою другую. Въ недалекомъ будущемъ слѣдовало ожидать окончательнаго присоединенія Италіи къ французской имперіи. Миланомъ и Тосканою Бонапартъ не удовлетворится. Ему будутъ надобны хорошія гавани, онъ захватитъ Геную и Венецію. Несмотря на заискиванія въ Парижѣ и лесть, расточаемую передъ Бонапартомъ, вѣнскій дворъ ненавидѣлъ Францію всею силою давно уже накипѣвшей злобы. Глубоко уязвленное неудачами послѣднихъ десяти лѣтъ, честолюбіе австрійскаго кабинета молчало только подъ страхомъ побѣдоносныхъ полчищъ Наполеона. Въ тайнѣ же оно мечтало о мести. Но финансы были разстроены, кредита не существовало, генералы въ послѣднія войны выказали свою полную несостоятельность, къ тому же военное дѣло было въ жалкомъ состояніи. Часть эта требовала радикальныхъ реформъ и эрцгерцогъ Карлъ, въ рукахъ котораго было сосредоточено командованіе войсками и который пользовался большою популярностью въ Вѣнѣ, открыто заявлялъ, что ранѣе двухъ лѣтъ нельзя и думать о войнѣ. Воспоминаніе о прежнихъ погромахъ наводило панику на австрійское министерство. Оно чувствовало до какой степени страна не подготовлена къ отпору и дрожало при мысли, что Наполеонъ можетъ узнать о ея тайныхъ

сношеніяхъ съ Россіею и нежданно нагрянуть на Вѣну. А между тѣмъ не хотѣлось упускать и Италіи. Намеки русскаго посла безпрестанно подтверждались несомнѣнными фактами. Отвѣтъ французскаго правительства на подобострастный запросъ графа Филиппа Кобенцеля относительно Италіи былъ насмѣшливъ и загадоченъ. Изъ него можно было вывесть, однако, положительное заключеніе, что у французскаго правительства имѣются въ виду какія-то радикальныя реформы, но какія именно, нельзя было разгадать. Австрійскій кабинетъ изнывалъ подъ бременемъ томящей неизвѣстности. А между тѣмъ русскій посолъ продолжалъ предлагать услуги своего двора и пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Государя, военный агентъ Штутергеймъ сообщалъ своему правительству, что съ Берлиномъ идутъ дѣятельные переговоры и что отправленный въ Лондонъ Новосильцовъ успѣлъ сговориться съ Питтомъ, который обѣщаетъ союзникамъ громадныя субсидіи. Все это было крайне заманчиво. Кобенцель пересталъ избѣгать Разумовскаго, наоборотъ, онъ теперь жадно прислушивался къ рѣчамъ его. Опять заговорили о данномъ обѣщаніи относительно союза. Австріи, очевидно, хотѣлось дѣйствовать, но страхъ бралъ свое. Горькій опытъ предъидущихъ войнъ представлялся на каждомъ шагу, какъ грозное привидѣніе. Всѣ дѣйствія вѣнскаго двора облеклись въ усугубленную таинственность. Никому не довѣряли— всѣхъ опасались. Даже отъ самаго Разумовскаго, несмотря на его полномочія, многое скрывали и вице-канцлеръ, помимо посла, обращался съ тайными запросами къ русскому двору.

„Le ministère autrichien“, писалъ къ графу Андрею Кириловичу Чарторижскій, „a mis plusieurs nuances et différents degrés de mystère dans ses dernières communications... Je présume qu'il en a fait aussi mystère à v. e. et j'en suis d'autant plus au regret que S. M. aurait été bien aise d'apprendre votre façon d'envisager les dernières propositions de l'Autriche et le jugement que vous en auriez porté, d'après les circonstances locales que vous êtes à même d'apprécier, ce qui n'aurait pas manqué de contribuer à diriger la décision de S. M. Au reste nous ne sommes pas sensés nous appercevoir de ces réticences du ministère autrichien vis-à-vis de v. e. d'autant, qu'en ayant touché un mot au comte Stadion, il m'assura que vous ne pouviez jamais être dans le nombre des personnes pour lesquelles la cour de Vienne aurait voulu mettre des bornes à sa confiance. S. M. a bon espoir sur le succès de la négociation que vous êtes appelé à terminer et le fonde principalement sur vos talents et le poids que vous avez sû vous acquérir à cette cour. Au reste il serait difficile que l'Empereur se prêta à de nouvelles modifications dans les propositions qu'il s'est décidé d'adresser à la cour de Vienne... J'ai peine à croire qu'elle se refuse à un con-

cert, du quel sa sûreté et peut-être son existence dépend. L'Empereur vous recommande que vous pressiez la réponse de cette cour autant que possible".

Прежде всего Кобенцель поспѣшилъ сдѣлать заявленіе петербургскому кабинету относительно тѣхъ вознагражденій, на которыя Австрія разсчитывала, въ случаѣ счастливаго окончанія войны. Вѣнскій дворъ оставался вѣренъ самому себѣ и еще задолго, не только до начала войны, но даже до серьёзнаго и всесторонняго обсужденія условій союза, на первой очереди ставилъ вопросъ о добычѣ. Открытіе это было, однако, радостно принято въ Петербургѣ, какъ несомнѣнный признакъ рѣшенія вѣнскаго двора покончить съ прежнею своею политикою застоя и апатіи. „Outre que la confiance qu'a témoignée dans cette occasion l'empereur Français à notre auguste Maître", писалъ по этому случаю Чарторижскій, „a reveillé toute sa sensibilité, les vues développées par le ministère de S. M. I. et R. sont marquées au coin de la sagesse et de la modération et l'on ne saurait assez applaudir tant aux bornes qu'a voulu se prescrire la cour de Vienne, en traçant son non plus ultra des demandes, qu'elle voudrait faire dans les suppositions les plus favorables, qu'à la nécessité qu'elle reconnait de modifier les différents arrangements qui s'en suiveront d'après les évènements que le sort des armes peut amener... S. M. I. vous charge de remercier le cabinet de Vienne pour la manière franche dont il s'est expliqué avec nous et lui exprimer le sensible plaisir que S. M. a éprouvé en voyant... que dans le concert projeté aucun sujet de mécontentement ne pourra plus survenir entre les deux cours impériales, ni aucun différence d'opinion semblable à celle qui l'année 1799 eût des résultats si fâcheux. Il y a bien sans doute à se féliciter que toute possibilité de désunion est detruite par ce moyen et c'est un motif de plus pour que rien ne retarde d'avantage le concert désiré".

„A en juger par le ton du vice-chancelier", доносилъ съ своей стороны Разумовскій отъ 19 Августа, „j'ai la satisfaction de pouvoir vous annoncer que nous finirons par tomber d'accord sur tout ce qui a pû retarder jusqu'ici la conclusion finale des engagements auxquels nous voulons amener la cour de Vienne. Le point qui semblait le plus difficile à régler c'est la différence du contingent de 100,000 à 150,000 hommes. J'ai fermement déclaré que notre auguste Maître ne se départirait jamais de la résolution qu'il avait prise de ne stipuler que 100,000 hommes pour coopérer avec l'armée autrichienne, j'ai fait valoir la certitude que nous avions, que le roi de Suède mettrait à notre disposition un corps de troupes que les dépêches du comte de Stadion fixent à 20,000 hommes. Ce dernier parle ensuite des troupes d'autres puissances que nous pourrions joindre aux nôtres. Je me suis

fort étendu sur l'espoir que nous avions de déterminer la cour de Berlin à entrer dans nos vues. Je me suis servi de tous les arguments les plus propres à faire partager cet espoir, mais on est dans une telle défiance contre cette cour, on a tant de raisons à la vérité d'apprécier son manége et sa duplicité, qu'il m'a été facile de m'appercevoir que tout ce que je pouvais dire en sa faveur ne faisait pas une grande impression, mais ce qui en a produit beaucoup c'est l'usage que j'ai fait d'un article de la dépêche de v. e. où elle me dit que l'Empereur ne balancerait point d'aller au delà de ses engagements si les circonstances l'exigent, conformément aux principes que nous avions en commun avec cette cour-ci, qu'il ne fallait se commettre avec la France qu'à égalité de forces tout au moins. J'ai tout lieu de croire qu'on y aura égard et que cet article sera rédigé ainsi que notre Maître le désire. Le comte de Cobenzl est cependant revenu plusieurs fois à la charge pour me faire sentir la très grande différence de calcul qu'il y aurait à faire si l'on pouvait réellement compter sur les engagements sincères de la Prusse. Il a fini par me demander si j'étais autorisé à signer quelque chose tant sur cet objet que sur ceux que je viens de mentionner. Je répondis négativement en ajoutant que c'était probablement à Pétersbourg que les signatures auraient lieu. Sur les premiers apperçus que me fournit la conférence d'hier, je crois également pouvoir me promettre du succès dans l'article de ma négociation qui concerne le royaume de Naples. Les seules objections que m'a faites le comte de Cobenzl roulaient sur l'indiscrétion du caractère de la reine et le danger qu'il y aurait de compromettre le secret des stipulations..."

„J'ai témoigné au vice-chancelier [1]) que je désirerais infiniment par le courrier que j'allais expédier, pouvoir annoncer à ma cour que nous étions d'accord sur les objets dont je lui avais fait part en dernier lieu. J'ajoutais que je ne croyais pas m'abuser en me flattant de l'avoir convaincu des intentions loyales et généreuses de notre auguste Maître, fondées sur le double motif de l'intérêt inaltérable qu'il prenait à la gloire et à l'avantage de son intime allié et celui qu'il avait voué au salut de l'Europe et qu'il poursuiverait invariablement pour y rétablir l'ordre et l'équilibre. Je lui répétai que sur de pareilles bases on devait avoir toute confiance dans les stipulations que nous proposions et que je ne pouvais douter d'une adhésion complète aux deux points dans lesquels se renfermaient à peu près mes derniers ordres, savoir: le contingent de 100,000 hommes de notre part et la reconnaissance du casus foederis de la leur, dans le cas d'une invasion des

[1]) Депеша отъ 24 Августа.

Français dans le royaume de Naples. Quant au premier point m. de Cobenzl sans s'y refuser et, appréciant dans toute son étendue la confiance qui était dûe aux sentiments magnanimes de notre Maître, m'objecta: qu'il serait à désirer néanmoins qu'on voulut stipuler clairement le secours et qu'il ne voyait pas pourquoi on réduisait les troupes à 100,000, lorsque j'étais autorisé de promettre qu'en cas de besoin le nombre serait porté au delà. Pour combattre ce raisonnement j'ai cru pouvoir me servir d'une conjecture, qui, je l'espère, ne sera point désaprouvée. Je lui observai: que nos engagements devant être communiqués à l'Angleterre, lorsqu'elle verrait que nous fournissons un secours de 150,000 hommes à la cour de Vienne, cette puissance, qui ne sait point séparer de ses combinaisons politiques un certain calcul mercantile, se croirait fondée de diminuer le sacrifice pécunier qu'elle serait disposée à faire en faveur des puissances qu'elle aurait à subsidier. Le vice-chancelier repliqua, mais faiblement, qu'on pourrait ne stipuler que 100,000 hommes dans le traité qui serait communiqué aux Anglais, tandis qu'on signerait un acte secret entre les deux cours impériales, pour les 50,000 hommes en sûs. Je laissai tomber cette petite distinction de traité patent et secret comme ne méritant pas d'être relevée... Je termine mon récit en répétant mon espoir que cet article sera définitivement réglé. J'ai lieu de croire qu'il en sera de même pour celui qui concerne le royaume de Naples".

„Le ministre d'Angleterre [1]) m'a fait part d'une note confidentielle de sa cour. Il lui est enjoint de ne la communiquer à personne, mais d'en combiner les notions avec celle qu'il pourrait se procurer de ma part sur l'état actuel de nos négociations avec la cour de Vienne. M. Paget est d'un caractère franc et loyal, il joint, à la haine innée d'un anglais, une animosité personnelle contre le gouvernement français et son chef; ardent et impétueux par caractère, il est quelquefois léger et inconsidéré, mais toujours docile à la voix de ceux pour qui il a conçu de l'amitié. C'est à ce dernier titre que son premier mouvement a été de me laisser lire sa dépêche et c'est par le même motif qu'il ne m'a pas été difficile de le détourner de l'idée de communiquer au ministère ici ce que sa cour serait disposée de faire en faveur de celle de Vienne au cas qu'elle voulut agir contre la France. Il m'a paru prudent d'exiger de lui cette réserve, en la motivant sur ce que les premières bases d'une nouvelle coalition devant être posées par l'Angleterre et la Russie, il fallait ajourner toute ouverture vis-à-vis de la cour de Vienne, jusqu'à ce que la nôtre fut plus avancée dans ses négociations. Me trouvant dans le cas par là de satisfaire à sa demande,

[1]) Паджетъ. Депеша отъ 12 Августа.

je ne pûs m'empêcher de lui dire qu'il y en avait une sur le tapis. Ce n'était que lui répéter ce qui déjà, depuis plusieurs mois, a percé de nos rapports actuels avec la cour de Vienne, „mais“, ajoutais-je, „vous voyez combien peu on est disposé ici à prendre une part active dans les affaires, j'espère qu'on parviendra avec le temps à leur inspirer plus de confiance et de résolution et si cela nous mène à quelque chose de positif, je vous promets de vous en faire part“. Je vous prie de demander les ordres de S. M. sur la mesure que j'aurais à garder vis-à-vis de m. Paget dans l'espèce d'engagement que la circonstance m'a fait contracter avec lui“.

„Jusqu'ici [1]), la manière dont on vit à Vienne pendant la belle saison, m'a mis à même d'éviter Champagny sans affectation et si même il présentait encore les nouvelles lettres de créance de Bonaparte-empereur, cela ne m'obligerait à rien d'après les règles de l'antique étiquette. Un nouvel ambassadeur arrivant, la chose change et ce serait à moi de lui faire la première visite, après qu'il m'aurait fait prévenir de ses audiences. Cette visite est une cérémonie d'éclat, parceque l'on y emploit toute la représentation du caractère d'ambassadeur. Chancellerie, cavaliers d'ambassade, maitre des cérémonies, tout est en parade. L'entrevue même a lieu au dessous des marches du dais où se trouve le portrait du souverain. Celui de Bonaparte serait sans doute exposé et j'ignore si un acte de ce genre, qui occupe toujours beaucoup les curieux, convient dans les termes où nous sommes avec le corse“.

„Un courrier a remis à Champagny [2]) les marques de l'ordre de la légion d'honneur. Il s'en est revêtu aussitôt et a paru à l'assemblée du comte de Cobenzl, où le corps diplomatique s'est humblement empressé de faire ses félicitations au nouveau décoré. Je ne l'ai point vue, mais l'honorable étoile de la légion, en qui réside l'honneur de la France est, d'après la description qui m'en a été faite, radiée à cinq pointes, et porte sur le champ principal l'effigie de Bonaparte, tandis que lui, sur la sienne a celle de Charlemagne. De Napoléon aux légionnaires l'application n'est point mystique, mais de Charlemagne au corse la gradation est si extraordinaire, qu'on ne peut envisager la médaille qu'il s'est donnée que comme un talisman préservateur, et ses voyages en Egypte lui auront probablement inspiré le gout de ces hochets de la superstition“.

„J'aurais à regretter [3]) de m'être trop fié aux espérances que m'a données le comte de Cobenzl, si nous n'avions été à même de constater pendant tout le cours de la négociation qui nous occupe, cette

[1]) Отъ 27 Августа.

[2]) Отъ 17 Сентября.

[3]) Отъ того же числа.

circonspection timide qui caractèrise la cour de Vienne et dont l'influence se développe à mesure qu'il croit appercevoir dans les évènements des motifs d'alarme et d'inquiétude. Comprimée dans sa politique, entre la puissance de la France qui l'épouvante et celle de la Russie, dont les vues magnanimes lui font entrevoir un avenir d'espoir et de consolation, ce cabinet redoute le courroux de l'une, tandis qu'il ménage les dispositions bienfaisantes de l'autre. De là naissent ces alternatives, tantôt d'abandon et de confiance, de désir et d'empressement de s'unir à un allié dont il sent le besoin et désire l'appui, tantôt ces réticences, ces petits artifices qui éloignent le terme de ses engagements et semblent reculer à ses yeux l'époque d'une activité qui effraie sa faiblesse. Lorsque j'exécutai les derniers ordres qui m'étaient parvenus, l'on venait d'apprendre ici la réserve du comte de Stadion à la suite de ce que l'Empereur notre Maître fit prescrire à son chargé d'affaires à Paris. On appréhenda que notre cour n'en fut indisposée. On se flatta de quelques adoucissements aux résultats de la démarche enjointe au sieur Oubril. On se montra facile et presque d'accord sur les objets que je mis en avant, mais, dès l'instant que le dernier courrier de Paris apporta la nouvelle du départ d'Oubril, on prit un ton différent, et, m'étant trouvé chez le comte de Cobenzl, peu de moments après qu'il eu parcouru ses dépêches, il lui echappa de me dire, que cette circonstance changeait beaucoup l'état des choses, et qu'apprenant que l'on renonçait presque positivement en France à l'invasion de l'Angleterre, le danger pour le continent devenait beaucoup plus pressant. Dans une conférence, avant-hier, je lui témoignai que j'espérai bien que le comte de Stadion serait chargé de terminer conformément à ce que nous avions discuté, il me repliqua, à mon grand étonnement, qu'il serait impossible de se départir de la stipulation de 150,000 hommes, indispensablement nécessaires pour balancer les forces qu'on aurait à combattre. Il ajouta qu'il était fort à désirer que nous pussions entrainer la cour de Berlin; que si nous avions la certitude d'une coopération sincère de sa part, on souscrirait à notre proposition et que 100,000 hommes seraient alors plus que suffisants. Tout ce que je pus opposer à son raisonnement fut inutile... Ces résultats paraissent devoir nous convaincre que cette cour est loin encore d'avoir épuisé les supterfuges qui lui serviront à retarder les engagements que nous voulons lui faire prendre... En terminant je ne puis m'empêcher de consigner le voeu que je forme pour que la puissance et l'énergie de notre magnanime Souverain triomphe bientôt de la faiblesse et de la pusillanimité de ses alliés".

„Je mets a profit le départ de m. Pozzo di-Borgo pour transmettre à v. e. mon expédition d'aujourd'hui. Il m'offre le double avantage de

la sûreté et de la promptitude. Empressé d'arriver à St.-Pétersbourg, m. Pozzo l'est surtout, mon prince, de vous présenter ses hommages. Je ne saurais assez le recommander à votre bonté et à votre bienveillance, s'il ne vous en avait déjà paru digne, lorsque vous avez eu occasion de le voir à Vienne. En appréciant plus particulièrement, mon prince, son mérite et ses qualités estimables je ne doute pas que v. e. ne lui accorde la protection qu'il se flatte d'obtenir d'elle pendant son séjour à St.-Pétersbourg".

„Des personnes [1]) ordinairement bien instruites se confiaient que Champagny a reçu des ordres formels d'exiger une explication catégorique sur la conduite que se proposait de tenir cette cour-ci, en cas que la crise entre la Russie et la France en vint aux armes. Je suivais ces bruits pendant plusieurs jours et hier un des membres du corps diplomatique, m'ayant dit qu'il en était sûr, je n'hésitai plus d'aborder directement le comte de Cobenzl. Il serait difficile que je retrace l'énergie avec laquelle il m'assura que c'était faux. Il me donna sa parole d'honneur et la répéta à plusieurs reprises que jamais il n'en avait été question. Il me demanda avec instance que j'en rendisse compte en cour et me témoigna dans les termes les plus expressifs combien il croyait me devoir de reconnaissance de m'être expliqué directement avec lui sur la prétendue démarche de Champagny".

Завѣреніямъ Кобенцеля Разумовскій, однако, плохо вѣрилъ. Онъ имѣлъ несомнѣнныя доказательства того, что вице-канцлеръ, несмотря на постоянныя изъявленія дружбы, не разъ его обманывалъ и многое отъ него скрывалъ. Кобенцель пересталъ сообщать ему приказанія, отправляемыя къ графу Стадіону. Русскаго посла стало разбирать уныніе, въ будущемъ онъ предвидѣлъ много недобраго [2]). Къ тому же домашнія обстоятельства графа Андрея Кириловича усложнились въ послѣднее время; здоровье графини Елизаветы Осиповны, всегда шаткое, стало теперь видимо слабѣть. Доктора единогласно предписали ей теплый климатъ. При тогдашнемъ состояніи политическихъ обстоятельствъ, Разумовскому невозможно было просить отпуска. Присутствіе его было необходимо въ Вѣнѣ; депеши его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидались въ Петербургѣ, на немъ въ данную минуту сосредоточивалась вся внѣшняя политика Россіи, и зиждились надежды русскаго двора. Поневолѣ пришлось отказаться отъ путешествія. Графиня уѣхала одна на зиму въ Неаполь; посолъ проводилъ ее за нѣсколько станцій отъ Вѣны и поручилъ ее своей старой пріятельницѣ—королевѣ неаполитанской Каролинѣ.

[1]) Отъ 24 Сентября.

[2]) Письмо Разумовскаго къ Чарторижскому отъ 27 Сентября.

Тѣмъ временемъ графъ Стадіонъ подписалъ, наконецъ, въ Петербургѣ конвенцію относительно союза противъ Франціи. И государь, и министры его были довольны. Отъ Разумовскаго съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія объ окончательномъ утвержденіи состоявшагося договора. На его ревность и умѣніе по обыкновенію слѣпо разсчитывали. „S. M.“ писалъ Чарторижскій, „s'en fie à votre zèle pour son service qui dans cette circonstance vous fera user de tous les moyens que vous indiquera votre expérience consommée dans les affaires“. Но депеши посла были неутѣшительны. Русское правительство вѣрить не хотѣло, чтобы могли встрѣтиться какія-нибудь новыя затрудненія. Во всякомъ случаѣ оно требовало скораго и категорическаго отвѣта, чтобы знать какъ стоитъ дѣло. Каково бы ни было рѣшеніе вѣнскаго двора, сообщалъ Разумовскому Чарторижскій, все же отвѣтъ его яркимъ свѣтомъ озаритъ окружающій русскій кабинетъ сумракъ и выведетъ Государя изъ утомительной неизвѣстности. Въ случаѣ если Австрія послѣ всѣхъ данныхъ обѣщаній, въ послѣднюю минуту, безразсуднымъ отказомъ, подписала бы свою собственную погибель, Императоръ Александръ рѣшилъ ей уже не навязывать своихъ услугъ и, взирая на положеніе вѣнскаго двора, какъ на отчаянное, заняться исключительно только тѣмъ, что могло бы способствовать выгодамъ и благу Россіи [1]). Еслибы наоборотъ, въ чемъ петербургскій кабинетъ не сомнѣвался, воспослѣдовало полное согласіе со стороны Австріи, Россія обязывалась признать за нею новое императорское достоинство. Уполномочія на то высланы были Разумовскому, но съ тѣмъ, чтобы предъявить ихъ вѣнскому двору только послѣ окончательнаго утвержденія заключаемой конвенціи. Что же касалось до запроса, сдѣланнаго Разумовскимъ относительно степени довѣрія, которую онъ могъ оказывать англійскому министру въ Вѣнѣ—Паджету, то изъ Петербурга ему совѣтовали быть очень осторожнымъ. Вѣнскій дворъ опасался огласки переговоровъ. Только тайна, въ которую съумѣло облечь ихъ русское правительство, могла придать немного бодрости австрійскимъ министрамъ. Вслѣдствіе этого, особенно же на первыхъ порахъ, необходимо было хранить безмолвіе. Въ Петербургѣ полагали, что всегда будетъ время открыть правду лондонскому кабинету и что вѣтренность Паджета, на которую неоднократно жаловался самъ Разумовскій, соединенная съ слѣпою его ненавистью къ французскому правительству, можетъ побудить этого, весьма, впрочемъ, честнаго человѣка, къ какому-нибудь неосмотрительному шагу, который разомъ могъ бы испортить съ такимъ трудомъ и терпѣніемъ предпринимаемое дѣло. Разумов-

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 27 Октября.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

скому разрѣшали объявить Паджету только о тѣхъ условіяхъ, которыя Австрія ставила въ основу союза своего съ Россіею. Въ прямыхъ сношеніяхъ своихъ съ Англіею петербургскій кабинетъ избѣгалъ даже намека на то, что между императорскими дворами готовится формальный договоръ. Упоминалось только о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ вѣнскій дворъ согласенъ былъ принять участіе въ общей борьбѣ [1]).

Не безъ труда и не безъ долгихъ споровъ удалось, наконецъ, Разумовскому вырвать у нерѣшительнаго вице-канцлера утвержденіе того договора, который уже 25 Октября подписалъ въ Петербургѣ графъ Стадіонъ.

„Lorsque je me suis assuré", писалъ отъ 20 Ноября графъ Андрей Кириловичъ, „qu'aucune difficulté ne serait mise en avant pour la ratification complète des engagements pris à St.-Pétersbourg entre les plénipotentiaires des deux cours impériales, j'ai communiqué au comte de Cobenzl la dépêche de v. e. qui a pour objet les termes de notre reconnaissance du titre impérial héréditaire de la maison d'Autriche. Ce ministre désire que j'en transformasse la communication dans une note officielle munie de ma signature. Je n'y fis aucune objection et nous convînmes que la note aurait lieu de ma part. Mais le lendemain m. de Cobenzl m'en fit une qui me mit dans la nécessité de me refuser à adopter cette forme. Il voulût que j'ajoutasse, que dans le cas où Bonaparte n'existerait plus, qu'une autre forme de gouvernement remplacerait celle qui existe aujourd'hui en France, en un mot, que si le titre d'empereur, que s'est arrogé l'usurpateur, disparût du trône de France, je promisse que l'Empereur mon Maître n'en reconnaiterait pas moins le nouveau titre que son allié a joint à ceux de sa maison. J'ai répondu que persuadé des sentiments d'amitié et d'attachement de mon Maître pour ie sien, je ne doutais pas de la bonne volonté de S. M. de s'entendre sur ce point conformément au désir de son intime allié, mais que cette considération toute nouvelle n'ayant point été présenté par le comte de Stadion à St.-Pétersbourg, je ne pouvait pas prendre sur moi de l'admettre ici, tandis que mes ordres ne m'enjoignaient que la communication officielle du contenu de la dépêche de v. e. qui a été rédigée presque littéralement sur la demande de l'ambassadeur de cette cour. Le comte de Cobenzl a été satisfait et s'est borné à demander une copie de la dépêche, signée par moi avec la formule: pour copie conforme. J'y ai consenti".

Конецъ третьяго тома.

[1]) Тамъ же.

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Дуэль Зубова 430
Кривичъ 445
Цар пиръ 452
Лекарь шарлатанъ 452

Lor
B... erei
... chen

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Vasilʹčikov, Aleksandr Alekseevič

Semejstvo Razumovskich A. A. Vasilʹčikova

Bd.: 3

S.-Peterburg 1882

Geneal. 208 k-3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11606963-3